

84(2.Рос-Ред)6
К 65

Николай Коняев

*Моя
нежная Родина*

8110100-1907
K65

Николай Коняев

МОЯ НЕЧАЯННАЯ РОДИНА

Личн от авт.
914
147313/1

УДК 392.311

ББК 84-4

К64

*Издано при финансовой поддержке
Департамента информационной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.*

К64 Коняев Н.И.

Моя нечаянная Родина: Художественно-документальное и историко-публицистическое повествование. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 532 с.

Новая книга писателя из Ханты-Мансийска Николая Коняева посвящена исследованию переселенческого движения в Сибирь, истории и быту исчезнувших сёл и деревень на территории нынешнего Ханты-Мансийского района, с которым связано начало жизненного пути писателя. Подробно рассказывается о нелёгкой жизни на берегах Оби, таёжных речек и притоков, в многочисленных рыболовецких колхозах и лесоучастках «провинившегося перед советской властью русского крестьянства» – спецпереселенцев и других репрессированных в XX столетии народов.

Печатается в авторской редакции.

Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037883
Центральная городская библиотека
Отдел комплектования
и механической обработки документов
г. Тюмень, ул. Карская, л. 36-7

© Департамент информационной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, издание, 2008

© Коняев Н.И., 2008

© Оформление. ОАО «Полиграфист», 2008

ISBN 978-5-89846-753-1

Светлой памяти родителей –
Коняевых Ивана Ефимовича
и Василисы Егоровны

Удивительно и невыразимо чувство родины...

Какую светлую радость и какую сладчайшую тоску дарит оно, навещая нас то ли в часы разлуки, то ли в счастливый час проникновенности и отзвука! И человек, который в обычной жизни слышит мало и видит недалеко, волшебным образом получает в этот час предельные слух и зрение, позволяющие ему опускаться в самые запovedные дали, в глухие глубины истории родной земли.

И не стоять человеку твёрдо, не жить ему уверенно без этого чувства, без близости деяниям и судьбам предков, без внутреннего постижения своей ответственности за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, что он есть.

Валентин Распутин. Сибирь, Сибирь

Часть первая

*Извлечение
корней*

*Когда в историях других государств
рассмотрим изобретение, взятие и наполнение
народом чужих неизвестных земель,
и с тем в сравнение приведём то, что со стороны
Российской в Сибири учинено: то примечается
здесь пред всеми прочими государствами
столько особливаго и чудеснаго,
что не скоро найдётся сему подобных примеров...*

Г.Ф. Миллер. Описание Сибирского царства

1. «Коняйщина»

Фамилии – своего рода живая история.

В.А. Никонов. География фамилий

Однажды на уроке литературы было дано задание прочитать рассказ Чехова «Лошадиная фамилия»...

– Какой, какой рассказ? – с затаённой озорной мыслью переспросил кто-то из моих одноклассников.

– «Лошадиная фамилия»! – простодушно повторила не подозревавшая подвоха учительница.

Класс залился смехом, уставился на меня, до ушей покрасневшего от смущения.

– Ну вот, – обескуражено развела руками наша словесница, – всё бы вам хиханьки да хаханьки. По поводу и без. Юмористы! Оценим ваш юмор завтра. – При этом и она с мягкой улыбкой взглянула на меня, но по причине прощенного для начинающей учительницы недостатка эрудиции не опровергла коллективного заблуждения класса.

С тех пор я долго всерьёз полагал, что моя фамилия «лошадиная». Теперь-то благодаря многочисленным словарям-справочникам знаю, что к «лошадиному роду» никакого отношения не имею. Родословное древо носителей моей древней фамилии, как, впрочем, фамилий Кононов, Коннов, Конкин, Коньгин, Коняшин, Коняхин и т.д., взросло от распространённого в старину имени Конон (греч. – трудящийся, трудолюбивый). Причём от «Конона» образова-

лась фамилия Кононов, а все остальные – от производных форм этого имени.

Фамилия не такая уж и редкая, но и не особо распространённая. И точно не северная, даже и не сибирская.

Был наслышан о полном тёзке – заведующем кафедрой гражданского права и процесса Куйбышевского государственного университета, докторе юридических наук, профессоре Коняеве – уроженце города Мценска Орловской области. Известный учёный в области хозяйственного и гражданского права (1931–1989), Николай Иванович по поручению Секции по правовым проблемам народного хозяйства научного Совета АН СССР осуществлял координацию проводимых в стране научных исследований по правовым проблемам хозяйственного расчёта.

В Таллинском драмкружке начинал карьеру будущий выпускник театрального училища им. М.С. Щепкина, народный артист России Виталий Анатольевич Коняев, «на заре туманной юности» блистательно исполнивший главную роль в фильме «Песнь о Кольцове», а в двадцать семь получивший всесоюзное признание благодаря роли Вохминцева в картине В. Басова «Тишина» по роману Ю. Бондарева.

Недавно открыл для себя интересного режиссёра Игоря Григорьевича Коняева. Петербургский театр «Балтийский дом» показал его спектакль «Жизнь Ильи Ильича» (пьеса М. Угарова по мотивам романа И. Гончарова «Обломов»), режиссёрская концепция которого такова: «Весь мир – больница, а люди в ней – пациенты». Ученик и соавтор Льва Додина по работе над прошумевшим «Московским хором» (по Л. Петрушевской), завоевавшим «Золотую маску», удивил в МДТ (Театре Европы) взыскательную публику «Блажью» малоизвестного Петра Невежина и классика Александра Островского, превращённой режиссёрским замыслом в «своеобразный эпос о сохранении рода», по определению М. Большаковой. Ныне же лауреат «Золотой маски» ставит спектакль «Изображая жертву» по пьесе уральских драматургов Олега и Владимира Пресняковых. Это его первая работа, переполненная реалиями современ-

ной жизни, в которой, считает мой однофамилец, без мата не обойтись...

Дружу с уроженцем посёлка Вознесенье Ленинградской области, известным писателем из Санкт-Петербурга Николаем Михайловичем Коняевым. Как-то во время одной из наших встреч в Москве он вспомнил ещё об одном тезке – двоюродном брате академика Д.С. Лихачёва Николае Семёновиче Коняеве, погибшем на Соловках в 1935-м.

Любопытно было узнать, что первой женой выдающегося русского скульптора действительно с «лошадиной» фамилией Сергея Тимофеевича Конёнкова была Татьяна Коняева.

Ещё в конце 1980-х в Москве с афиши о гастролях в первопрестольную выхватил взглядом фамилию заслуженного артиста Абхазской АССР Гарри Коняева. Заинтересовался. Уж больно любопытным показался факт «прописки» нашей фамилии на родине Фазиля Искандера. Выяснилось: Гарри учился в Тбилисской государственной консерватории по классу фортепиано и орган, в аспирантуре Московской консерватории в классе профессора Л.И. Ройзмана, а после успешного выступления в 1980 году на Международном конкурсе имени И.-С. Баха в Лейпциге получил приглашение на работу в Пицундском храме, за что и был впоследствии удостоен почётного звания. Работал и штатным органистом в Свердловской филармонии, но в годы «перестроечной» разрухи и развала государству стало не до забот о высоком искусстве. Сегодня мой однофамилец работает в Хехштадтской церкви в Германии...

А вот Иркутская книга памяти жертв политических репрессий поставила меня в тупик. В списке расстрелянных – семеро Коняевых: Владимир Александрович и Мария Александровна (брат с сестрой), Болот Холбоевич и Борис Болотович (отец с сыном), Егор Хонгодорович и Емельян Егорович (отец с сыном), а также их брат и дядя Макар Хонгодорович. На последнего нашёл сведения: Коняев Макар Хонгодорович (1885 – 1938), уроженец улуса Хохорск Боханского аймака Иркутской области, колхозник колхоза

«Улан-Цырек», б/п., бурят. Арестован 12.12.37, расстрелян по постановлению местной «тройки» в Иркутске...

Если фамилия Коняев произошла от производной формы имени Конон, то каким образом носителем её мог стать бурят? Подсказку нашёл в «Словаре русских фамилий» (Нижневартговск, 2001): «Некоторые из них (фамилии – Н.К.) могут быть от производных форм других канонических мужских личных имён... Под 1568 годом в Казани отмечен Кононов Первуша-толмач (переводчик)..., что свидетельствует о хорошем знании им казанско-татарского языка. В таком случае не исключён и его выход из казанско-татарской среды и тюркское происхождение его фамилии – от тюркского *кон* – «красота», «день». Придётся допустить, что и моя фамилия имеет свои национальные особенности...

Не обошлось без Коняевых и в литературе. «Знаком» с известным персонажем повести Сергеева-Ценского «Капитан Коняев». С несчастным отставным капитаном 2-го ранга, раненным и контуженым в голову в русско-японскую войну, «во время июльского боя, данного адмиралом Витгефтом под Порт-Артуром, когда он старшим лейтенантом был на «Ретвизане», и принявшим смерть в Севастополе в 1918 году от рук о-очень серьёзных революционных матросов из-за клятвенной приверженности царским погонам...

А уже в нынешние, тоже о-очень революционные перестроечные времена воображением весьма остроумного литератора Владимира Бровкина в «Золотой звезде над степью» создан современный город Коняев, жители которого долгое время даже и не подозревали, что «название их города от лошадиной фамилии произведено». (Мы-то уже знаем, что не от лошадиной!) Город получил название по фамилии хлебопашца-первопоселенца Коняева, жившего в здешних местах в середине девятнадцатого столетия. Смутились коняевцы открытием «лошадиной фамилии» своего города. Коняев-то Коняев, а что он был за человек, этот хлебопашец? А вдруг он был варнак, каких свет ни видывал. Ничего-то о нём не известно! От греха подальше в духе времени решились на переименование. Да не простое

это дело, оказывается! Какое бы новое название ни придумывали, а оно уже где-то «забито». Измучились реформаторы. А тут коняевский земляк Иван Лошадяев совершил полёт в космос! Значит, быть городу Коняеву городом Лошадяевым! Правда, впоследствии один учёный из Новосибирского Академгородка, работая над докторской диссертацией по истории кочевых племён, некогда обитавших на территории Веселовской области, выдвинул версию: слово Коняев происходит от аксуйского «кон-яыф», что в переводе означает – «Золотая звезда над степью». Очень красивая версия. Да ведь не переименовывать же обратно Лошадяев в Коняев!

Еще один «удивительный, феноменальный» Коняев создан воображением (а скорее всего, списан с натуры) известным красноярским писателем Николаем Волокитиным. Его герой из рассказа «Волк» (Сибирские огни. – 2001, № 4) – «дородный, под два метра ростом, смуглолицый Коняев со стаканом медовухи в руке», философски провозгласивший, что «ничё нет ужаснее на позиции, как идти в рукопашную», попал, признаюсь, в коллекцию моих однофамильцев не за былые боевые заслуги, а за действительно феноменальную способность «напиваться до чёртиков... но при виде новой бутылки вдруг р-раз – и трезветь... чтобы начать пьянеть по новой».

А за боевые заслуги вписались: уроженец Нового Оскола Белгородской области, командир подводной лодки «Щ-324», кавалер Золотой Звезды Коняев Анатолий Михайлович; Герои Советского Союза – уроженец города Серова Свердловской области, лётчик 32 истребительного авиаполка, подполковник Коняев Аркадий Николаевич и выходец из села Поплевино Ряжского района, лётчик 482 истребительного авиаполка майор Коняев Пётр Михайлович. В послужном списке подполковника – 247 боевых вылетов на «яках» и 65 воздушных боёв, а у майора – 165 вылетов на Ла-5 и 35 боёв.

И даже в Голливуде засветился свой Коняев!

Российским телеманам наверняка запомнился лихой наёмник ЦРУ – «наш парень Борн» (по одному из паспор-

тов – Фома Коняев) из глупейшего, откровенно говоря, шпионского триллера «Идентификация Борна», а затем и «Превосходство Борна», поставленного по трилогии Роберта Ладлэма. Борн – Фома Коняев в исполнении Мэтта Дэймона, в оценке Ларисы Малюковой «лучший из агентов, как и положено настоящему спайн-мэну, непобедимый и неуловимый», но из сонма прочих «неуловимых и непобедимых» всё же выделяется: «...кажется, что паренёк со слегка расплещенным лицом в самом деле только что прибыл из Житомира» (Новая газета. – 2004, 6 сентября)...

Но не будем убивать время в поисках корней Коняевых в Голливуде. Заглянем-ка в Тверь. В 1879 году у липовой рощи на берегу Волги было начато строительство паровой мельницы. Руководил строительством Алексей Андреевич Коняев – представитель Торгового дома братьев Коняевых, тверской 1-ой гильдии купец, потомственный почётный гражданин города Твери. Он направил прошение на имя государя императора Александра II, и царь незамедлительно утвердил проект. Три поколения Коняевых работали на этой мельнице. Предприятие получило пять золотых медалей, причём четыре – на международных ярмарках. К 120-летию на мельнице создан музей истории, собравший личные вещи и документы именитых братьев. В 2002 году городская Дума утвердила наименование «Коняевская» одной из тверских улиц в промышленной зоне Лазурная, а железнодорожная ветка вдоль набережной реки Лазури безо всяких согласований и официальных утверждений в народе давно именуется Коняевской...

«Андрей Николаевич Коняев. Тверской подвижник образования» – так называется книжка Б.Н. Ротермеля (Тверь, 2002) об известном в Твери инженер-механике, преподавателе и общественном деятеле, с чьим именем неразрывно связана история создания и становления государственного индустриально-экономического колледжа.

Есть Коняево в Щёлковском районе Московской области. В жалованной грамоте императрицы Елизаветы Петровны Троице-Сергиевой Лавре на «все приписные монастыри и отчины» от 11 июня 1752 года «для недвижимого

впредь владения, в подтверждение прежних жалованных грамот, имянных указов, крепостей, выписей и протчих документов», в Доблинском стану Вохонской волости значится село Павлово, а «к нему присёлки и деревни Домосытово, Медведково, Дмитрово» и т.д. (всего – 74), в их числе – Коняево, прежние жалованные грамоты на которые датированы 7063-7188 годами.

Есть своё Коняево в Кирилловском районе Вологодской области. Есть и в Рязанской. Кстати, на выезде из Рязани по направлению к известному Константиново через Рыбновск по правую руку остаётся улица Коняева, а в районном городке Пронске сотрудники краеведческого музея подвели меня к бюсту Героя России Коняева – молодого сотрудника милиции, погибшего в наши дни на криминальном фронте...

Любопытна Новгородская область. Вот как описан переход Тимофея Язя в родную деревню в известном историческом романе Дмитрия Балашова «Марфа-посадница»: «Уже остались позади Боровичи и волость Берёзовец, родовое владение Борецкой. На рассвете дождливого субботнего дня лодья подошла к Дмитровскому... Радостный, Тимофей живо сбегал за Опросиной укладкой, торопливо поел и, сердечно распротяться с нею и с лодейными мужиками, зашагал по знакомой дороге на Перевожу, откуда до родного Коняева было всего четыре версты... Поднялся на угол, спустился в низинку и уже почти бежал, когда показалась поскотина и начались коняевские сенокосные пожни. Втягивая ноздрями близкий запах дыма, он предвкушал баню»...

В энциклопедии Е.А. Грушко и Ю.М. Медведева «Фамилии» (Москва, 1998) сообщается, что крестьянин Андрей Коняев по документам значился в городе Владимире ещё в 1490 году. Принимаю эту дату за год первого упоминания в летописях Руси «коняйщины», как говаривал, бывало, во хмелю мой дядя по отцу Егор Ефимович...

Дальше – больше. Оказывается, рядом с Владимиром расположен посёлок Коняево. А в Судогодском районе, в тридцати километрах к юго-востоку от Владимира, в лесу

у большого пруда доживает свой век деревенька Коняево Ильинской администрации, что в пяти километрах. Уж не упомянутым ли Андреем основанная? Или сыновьями, внуками? Не знаю, остались ли в Коняево коренные коняевцы, но с недавних пор туда из крупных городов России съехались люди, одержимые идеей создания экологически чистого поселения. Ныне экодеревня «Родное» в деревне Коняево имеет в собственности 81 гектар земли и ещё 31 арендует с правом выкупа. И, подозреваю, не простое это «Родное», поскольку зачастил туда известный автор книг о лесной жительнице Анастасии Владимир Мегре (Пузаков). Человек, как известно, далекий от христианства.

И опять-таки «родные» топонимы: Коняевская («лысая») гора в окрестностях Владимира, Коняевский электромеханический завод... В главе «По Мещере пешком» книги «Зори глухариные» (Владимир, 2000) местного литератора-путешественника Геннадия Леснова даётся такое определение понятию Мещеры: «Точнее всего, это название большой низменной территории... На севере условным краем Мещеры можно считать высоты Коняевского водораздела. С него ручьи и речки стекают в разные стороны: с северных склонов – в р. Клязьму, с южных – в огромную водно-болотистую низину... На северо-западе Коняевские высоты продолжают, понижаясь в направлении ст. Головино и далее вдоль Тумской железной дороги до г. Гусь-Хрустальный, и на юго-восток – в направлении г. Меленки и до реки Оки»...

Так вот, владимирский Андрей Коняев из пятнадцатого века, посёлок и деревенька Коняево, Коняевские горы и высоты дают серьёзные основания считать именно владимирскую землю «первоматерью» рода русских Коняевых. «Оттуда», полагаю, «есть пошла» «коняйщина» по всей Руси великой. Соединим на карте Центрального района России прямыми линиями упомянутые точки – города Тверь – Рязань – Владимир. В основание образовавшегося треугольника впишется Егорьевский район Московской области с бывшей деревенькой Коняевской, именуемой ныне в результате искажений многочисленных писцов и перепис-

чиков Таяневской, пограничной с Рязанской областью... А из «треугольничка» со временем нити фамилии Коняевых протянулись до Вологды и Новгорода, Орла и Мценска, а затем (об этом будет сказано особо) – до Курска и – неисповедимы судьбы повороты! – до Колымы (речка Коняева в районе так называемых Частых островов).

Мелькнёт иной раз наша фамилия и в местной, югорской, прессе, мелькнёт да и исчезнет, не оставив следа даже в городском телефонном справочнике... Не приживаются, видать, в Югории пришлые Коняевы.

А вот в сибирском граде Омске Коняевых, как и по материнской линии Курниковых, и поныне – слава Богу! И уверен, каждый второй-третий Коняев и Курников-омич – мой близкий или дальний родственник, выходец или потомок выходцев из старинного русского сибирского селения Камышино-Курское (Кам-Курск) Большереченского (ныне – Муромцевского) района Омской области. Там – родовые ветви генеалогических деревьев фамилий Коняевых и Курниковых ещё в 60-70-е годы минувшего столетия были густо переплетены. Там – родина моих дедов по материнской линии, родина моих родителей...

2. Тарский период

*«...Итти города ставить в верхъ
Иртыша на Тару реку где бы
Государю было впредь прибыльняе, чтобы
пашню завести, и Кучума Царя истеснить,
и соль устроить...»*

**Из наказа Фёдора Иоановича
воеводе Андрею Елецкому**

На территории Тарского Прииртышья (Притарья) – нынешних Большереченского и Муромцевского районов Омской области в XVI – XVII веках жили в основном татары...

Но если вкратце «от Адама», то первые «омичи» в Среднем Прииртышье появились более 14 тысяч лет назад. В IV тысячелетии до н.э. они жили в основном рыбалкой и охотой, в III – начинается «эпоха скотоводов». Наиболее значительным археологическим памятником этих периодов в Муромцевском районе является группа захоронений Татарского увала возле знаменитой ныне в среде бабаджитов (членов религиозной общины «Омкар Шива Дхам») деревни Окунёво, на месте которой, по их представлениям, стоял храм Ханумана, бывший в предыдущем Золотом веке ни много ни мало мировым духовным центром. Поисками следов этой древней цивилизации, погибшей якобы в результате космического катаклизма, более полутора десятилетий занят уроженец посёлка Муромцева, мой старый знакомый литератор Михаил Речкин...

В исторические же времена район Среднего Прииртышья стал ареной многочисленных миграций. С территорией Омской области связаны исторические судьбы многих народов, в том числе финно-угорских, монгольских, тюркских. Коренное древнеугорское население (считающееся предками современных венгров) в IV–V веках н.э. было вовлечено гуннами на запад (в «великое переселение»), а поскольку в средние века территория юга Западной Сибири входила в состав различных кочевых империй – от Западно-

Тюркского каганата до Сибирского ханства, то постепенно в регионе сложился этнос сибирских татар... По мнению авторитетнейшего историка А.В. Головнёва, сибирские татары произошли от сибиров – народа, сложившегося в результате смешения местного угро-самодийского населения с пришлыми в IV веке н.э. гуннами. Некоторые старинные татарские селения (деревни Инцисс, Киргап, Усть-Тарская, Бергамак, Черталы – в Муромцевском и Берняжка, Карасук, Чеплярово – в Большереченском) сохранились до наших дней. Здесь ещё видны следы былых улусов, а в Черталах цела деревянная соборная мечеть, возведённая в 50-х годах XIX века. Из 350 тысяч татар, проживавших на территории Западной Сибири в 1992 году, к коренным сибирским татарам относилось не менее 200 тысяч. Не случайно в этих местах прижилась ироническая поговорка: поскреби любого русского – выскребешь татарина. Но и татарин татарину – рознь...

В 1993-1995 годах большая группа омских историков, этнографов, культурологов совершила три экспедиции по селениям Большереченского и Муромцевского районов (с численностью населения, по данным на 1 января 2000 года, – 36,3 и 30,0 тысяч человек). В ходе анализа родословных исследователи пришли к выводу: «В настоящее время здесь живут сибирские татары и потомки пришлых поволжско-приуральских (в большинстве своём казанских) татар. В деревне Инцисс... сибирских и казанских татар практически поровну. В Чеплярово доля сибирских татар в общей массе населения выше. Несколько особняком предстаёт население Берняжки, где в конце XVIII – XIX вв., судя по архивным материалам, проживало значительное количество бухарцев. В памяти людей остались воспоминания о бухарцах, но сейчас себя, как правило, бухарцами никто не осознаёт» (Вестник Омского университета. – Вып. 1. – Омск, 1997).

Историк М.А. Корусенко уточняет, что данный регион затронут значительными миграционными потоками лишь начиная с середины XIX века: «...Переписи XVII – XIX вв. свидетельствуют, что первые переселенцы (поволжско-

приуральские татары и выходцы из Средней Азии, обобщённо именуемые бухарцами (сартами), появились в этом районе между... 1858 и 1897 годами. Изучаемая этническая общность в составе тарских татар входит... в состав тоболо-иртышских – наиболее многочисленного массива сибирских татар...» (Вестник Омского университета. – Там же).

Одна группа исследователей исходит из южно-хантыйского происхождения «тарских» татар, а другая, в частности, В.А. Могильников, считает, что «тюрки начали проникать в Тарское Прииртышье с IX – X вв., и речь следует вести не столько о вытеснении автохтонного населения, сколько о наложении на местный угорский субстрат тюркского суперстрата... А масштабной тюркизации регион подвергся лишь после XIII века, что привело к сложению в XVII – XVIII веках общности, именуемой тарскими татарами» (Вестник Омского университета. – Там же).

Вспомним: после объединения в 1495 году Маметом из династии Тайбугинов татарских улусов по Тоболу и Среднему Иртышу и провозглашения им ставкой древнего Югорского города Сибири (Кашлыка, Искера) данное образование стало называться Сибирским ханством. К середине XVI века оно охватывало территорию значительной части лесостепи Западной Сибири от бассейна реки Тура на западе до реки Барабы на востоке. В 1555 году это ханство было включено в число зависимых от царского правительства территорий, но последовавшие вскоре попытки установить взаимоотношения Кучума с Москвой окончились провалом. Руси понадобился Ермак.

Ермак Тимофеевич широко распахнул русским ворота в Сибирь. Об этом торжественно сообщалось в доставленной весной 1853 года атаманом Саввой Болдырей (у Миллера – Иваном Кольцо) царю всея России Ивану Васильевичу грамоте: «Ермак со своими товарищами Царство Сибирское взяли, Хана Кучума победили и в бегство обратили, многих татар, остяков и вогуличей покорили... и к шерти (сиречь, к присяге) их привели, чтобы быть им под Его Царскую высокою рукою до веку...» (Г.Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нём дел от

начала, а особенно от покорения его Российской державе по сии времена. Книга первая. – Москва, 1998. – С. 113. – Репринтное издание).

Как бы сложно, а порой и трагично для казаков-завоевателей ни разворачивались последующие события (гибель атаманов Ивана Кольцо, Якова Михайлова, самого Ермака Тимофеевича в начале августа 1584-го, вынужденная зимовка 1585–1586 годов у Белых гор близ нынешнего Ханты-Мансийска сибирского воеводы Ивана Мансурова), а «около этого же (1586-го – Н.К.) года Сибирь, по свидетельству Н. Карамзина, уже доставляла в казну 200000 соболей, 10000 лисиц чёрных и 500000 белок, кроме бобров и горностаев» (И.В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири: 1032-1882. – Сургут, 1993. – С. 44).

Девятнадцатипудовый угличский медный колокол с «вырванным языком и отсечённым ухом», отправленный почти на три столетия по этапу в Тобольск, и более 200 угличан, высланных в Пелым за участие в майском 1591 года восстании, вспыхнувшем в связи с загадочной смертью царевича Димитрия, положили начало сибирской ссылке. Проторённой дорогой пошли ссыльные крестьяне для пополнения в сибирских просторах рядов служащих «по прибору». По указу от 1729-го побрели понурые бродяги и беглые крестьяне, а менее чем через четверть века потянулись в кандалах разбойники и воры, коим смертная казнь была милостиво заменена отсечением левой руки «по персту», затем преступники и смутьяны, помилованные ссылкой вместо отсечения рук-ног... Потянулись, понятно, в целях воплощения замыслов правительства о необходимости скорейшего обживания сказочно богатых пространств. Именно с этой благой целью в декабре 1760-го и был императрицей Елизаветой Петровной подписан исторический указ «О приёме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, монастырских, купеческих и государевых крестьян с зачётом их за рекруты», открывший череду подуказов о приёме в Сибирь в счёт рекрутского набора.

Интересны прочувствованные заметки о Сибири одного из участников назначенной в начале XIX века императором Александром I секретной, а потому и донныне практически неизвестной административно-инспекторской экспедиции под руководством генерала Е.М. Спренгпюртена с целью «осмотра Азиатской и Европейской России» – флигель-адъютанта, в будущем – заведующего Третьим тайным жандармским управлением и «опекуна» А.С. Пушкина Александра Христофоровича Бенкендорфа в публикации заведующей Ялutorовским историко-мемориальным музеем Альбины Болотовой:

«Нас приучили смотреть на этот край как на гибельную тюрьму и могилу позора... Я вдруг осознал, что очутился на земле, орошённой морем слёз, местопребывании стольких преступников! Но и стольких же невинных жертв. Я оказался в крае, который щедро одаривает Россию богатствами и который получает взамен от неё только отбросы людей, чьи преступления должны караться смертью, или известных интриганов, сосланных другими интриганам!» (Тайная миссия генерала Спренгпюртена. Тюменская правда. – 2006, 8 декабря).

Да и сосланный по ложному обвинению в 1808 году первый сибирский историк Пётр Андреевич Словцов в «Прогулках вокруг Тобольска в 1830 году» «просил» современников не забывать, что «русские, или сибиряки-старожилы, не все суть потомки тех удальцов, которые в конце XVI века перешли через Урал из Устюга и сопредельных сему городу мест в надежде на торг и промыслы. Главнейшее переселение надобно относить к смутным временам Москвы, когда настояла крайность искать убежище сперва от голода при Борисе Годунове, потом от безнадёжности при всеобщей беде, наконец, от укрепления на землях, подтверждённого при Василии Шуйском. Вторичное переселение в Сибирь относится к гонению за крестное сложение перстов и к удалению стрельцов, навлекавших на себя подозрение опасной связью с злоумышленниками» (Письма из Сибири. – Тюмень, 1999. – С. 79)...

Пётр Никитьевич Буцинский справедливо утверждал ещё 115 лет тому назад: «Легко было завоевать Сибирь, но

гораздо труднее удержать завоёванное» (Сочинения в двух томах: Т.1. Заселение Сибири и быт первых её насельников. – Тюмень, 1999. – С. 16). Действительно, не прошло и года со дня гибели Ермака, как иные из многочисленных инородцев вышли из оцепенения. По мере укрепления Тобольска Кучум пятился, огрызаясь, к верховьям Иртыша, время от времени вымещая бессильную злобу на отдалённых от центра уезда татарских волостях, понуждая ограбленных жителей к дани. С таким положением дел Москва не могла смириться. Необходимо было окончательно добить Кучума или оградить от его влияния своих подданных. Давно пора было также прикрыть от кочевников с юга основанный годом позже Тюмени укреплённый город Тобольск (1587), расположенный «в 12 днях пути от Тары». В конце концов в 1594 году князю Андрею Васильевичу Елецкому было велено строить новый город выше по Иртышу в Ялынской волости (самой северной волости Тобольского уезда). «С этим воеводой отправилось 147 московских стрельцов и двадцать человек плотников из Перми, да в Тобольске должны были с ними соединиться казанские стрельцы – 50 человек, лаишевские и тетюшские пленники – 50 человек, польские казаки, казанские и свияжские татары и башкирцы – 400 человек, посланные туда из Казани и Уфы по зем, сухопутной дорогой. Это войско должно было ещё усилиться разными сибирскими служилыми людьми и татарами. Таким образом, для постройки нового русского города в Сибири и военных операций над Кучумом назначалось довольно значительное войско, простиравшееся до 1540 человек» (П.Н. Буцинский. Сочинения в двух томах. Т. 1. – Там же. – С. 145).

Однако по многим причинам воевода в походе припозднился. До реки Тары он не дошёл и вместе с письменными головами Борисом Доможировым и Григорием Елизаровым заложил новый город в устье речки Ангарки, причём гораздо меньших размеров, чем предполагалось. В течение зимы 1594–1595 годов Елецкий покорил ялынских татар, бывших под Кучумом, разорил и сжёг Кучумов городок Чёрный остров, а весной 1595-го покорил ещё несколь-

ко татарских волостей. Сменивший Андрея Фёдор Елецкий в 1596-м настиг Кучума в городе Тунусе, разбил его войско, Кучум же спасся бегством. В 1597-м Фёдора Елецкого сменил воевода Степан Кузмин. Товарищ последнего Андрей Воейков в августе 1598-го вновь завоевал несколько переходивших из рук в руки татарских волостей, а 20 августа настиг Кучума «на Оби-реке, выше Чат три днища, на дугу на Ормени» и захватил в плен почти всю его семью: 5 царевичей, 8 цариц жён, 8 дочерей, жену, сына и дочь царевича Алея, жену другого царевича Каная... Убиты были, по донесению самого Воейкова, тесть, три царевича, брат Кучума и 150 его служилых людей. Царевич Алей и сам «гордый сын степей» опять спаслись бегством, но больше в своих бывших владениях не появлялись...

Ещё в наказе Государя Андрею Елецкому предписывалось «завести в Таре пашню и соль устроить». Тарским воеводам удалось добраться до солёного Ямыш-озера (примерно в сорока километрах от нынешнего Павлодара – Н.К.) и организовать вывозку соли. В первый же год основания города Тары к нему из Тобольска было отнесено 8 татарских волостей, а к 1620 году Тарский уезд состоял уже из 8 «нижних» (вниз по Иртышу) и 6 «верхних» (вверх по Иртышу и его притокам) татарских волостей с населяющими их 642 ясачными людьми. Для защиты же Тары от потомков Кучума и калмыков в 1628–1632 годы в уезде были построены Каурдатский (на правом берегу Иртыша), Тебенденский (около Уватского озера) и Ишимский (на левом берегу Иртыша) острожки. Таким образом Тара на два столетия стала воеводским и уездным центром края, форпостом колонизации русскими Западной Сибири, а первыми его жителями были служилые военные люди.

Но если «соль устроили» быстро и без особых проблем, то «пашню завести» тарчанам удалось не сразу. В грамоте царя Бориса ещё от 7108 года (1600), апр. 15 д. из Москвы в публикации Буцинского сообщается, что в Тару «воеводе Якову И. Старкову да головам П.В. Павлову и Ф.П. Рябилину» послано три человека латышей («Васька Петров, Ивашка Якубов, лазунчик Индрик Матцуев») и два

семейства беглых крестьян («Семионовы беглые крестьяне Шарапко с женою и детьми, Офонкина жена Будликовскаго Марфица с сыном Кирсанком»), которым «пашню велети пахати». Из грамоты от 1603 года известно, что в том же, 1600-м, «отправлено в Тару 25 семейств пашенных крестьян из тетюшских и лаишевских переведенцев да ссыльных латышей, стрельцов, боярских детей и кушалинских мужиков 38 человек, и всех их велено устроить в пашенные крестьяне» (П.Н. Буцинский. Сочинения в двух томах. Т. 1. – Там же. – С. 151). Однако упомянутые 25 семейств в 1603-м по царскому указу были привезены из Тары в Туринский острог, так как они «пашут землю худо, хлеба на себя не напахивают, и их кормят из царских житниц» (П.Н. Буцинский. Сочинения в двух томах. Т. 1. – Там же. – С. 151). И если в 1624 году в Таре «всех дворов было 263, а жителей 400 человек, кроме монахов, монахинь, женщин и детей, то посадских людей не было совсем» (это и объяснимо – отдалённость Тары от других сибирских городов и торговых путей не благоприятствовала развитию торговли – торговлей занимались служилые люди и бухарцы, жившие в юртах неподалёку от города).

Бухарцы так же, как в Тюмени и Тобольске, быстро освоились в Таре. Буцинский недоумевал, почему царское правительство покровительствовало бухарским купцам, наделяя их особыми привилегиями. «...С товаров русских людей взималась десятая пошлина, а с бухарцев – только пять процентов. Между тем бухарцы, поселившиеся в Тобольске, Таре и Тюмени, завладели в этих городах всею торговлей, от них русские люди в делах торговых столько же терпели, сколько теперь во многих русских городах от евреев. Мало того, русские люди, хотя и победители, испытывают всякие насильства и притеснения от этих бухарцев» (Сочинения в двух томах. Т. 1. – Там же. – С. 311). Опубликовано в 1889-м! Хотя ещё в 1830-м «любезный страдалец», по выражению М.М. Сперанского, Словцов негодовал: «...Если бы рассуждать о предпочтении инородцев по пользам, бухарцы, без сомнения, нашлись бы бесполезнее всех прочих для государства...

Живучи в достаточной праздности, с исключительными правами на всякий торг, но без возмездия за покровительство законов, бухарцы, как дорогие гости, не только даром присвояют выгоды купечествования, важную цену приобретаемые, но ещё совместничеством как бы шарханным мешают правильному производству мещанских и купеческих дел» (П. Словцов. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году. – Там же. – С. 82).

Но пашенных крестьян, разрабатывавших государственную землю за право возделывания собственных участков, было очень мало. И это несмотря на то, что вокруг простирались плодородные земли. Понятно, пока гулял по воле неистовый Кучум, служилым было не до земледелия, но почему же присланные специально для этой цели люди от пашни отворачивались? Буцинский видел причину в том, что они были почти поголовно из ссыльных, из тех, кто и раньше-то, на родине, земледелием никогда не занимался. Так это или не так, но к 1624 году в Таре было только семь крестьянских дворов с десятью крестьянами. Правда, все или почти все служилые люди занимались хлебопашеством, а некоторые из них на своих пашнях основали 29 деревень с числом дворов от 1 до 6. В 1625-м Тарскому воеводе Исленёву из Москвы писали, чтобы он всё же озаботился развитием хлебопашества. Какие-то меры к тому были приняты: в 1645 году пашенных крестьян в Таре было 29 человек. Позже появились и «гулящие ярыжные люди», но их было не так много, как, к примеру, в Тюмени и Тобольске. В 1642 году по указу Алексея Михайловича их было велено «переписать и посадить на государеву пашню», но они, прослышав об этом, разбежались...

В 1634 году для укрепления Тарского гарнизона было прислано 340 семей из Вологды и Нижнего. Их фамилии и по сей день распространены в Муромцевском районе. В 1637-м с Вологды, Тотьмы, Устюга было отправлено ещё 300 семей. Примерно в то же время по распоряжению правительства для женитьбы казаков было выслано 150 девиц. (Воеводы и служилые из-за недостатка женщин нередко жили с инородками, отнимая или покупая их у ясачных

людей, обрекая последних на холостяцкую жизнь. В 1641 году из 147 умерших ясачных людей в 8 волостях Тарского уезда только у пятерых остались жёны и дети. Чем не тема для мыльных опер по образцу и подобию любимых массовым советским зрителем индийских кинофильмов или нынешних мексиканских телесериалов?)

С прибытием пополнения 1634 года близ Тары стало быстро расти число деревень. В 1667-м (по другим сведениям – в 1668-м) был основан первый острог, ставший центром Бергамакской слободы (ныне – деревня Бергамак). Существует версия, что после пожара 1669 года, практически уничтожившего город, тарчане были расселены по деревням и погостам на реках Оша и Иртыш.

В 1682 году крестьянин Ирбитской слободы Дмитрий Шипицын (его потомки и поныне живут в Большереченском районе) основал южнее Тары Такмыкскую слободу, ставшую важным военным опорным пунктом. В ней так же, как и в Бергамакской слободе, стоявшей на границе с воинственными «барабинскими татарами», возвели острог, селение обнесли земляным валом и рвом с надолбами. (В деревне Кам-Курск во времена моего детства окраинная часть старинной улицы, где по стечению обстоятельств компактно проживали семьи с особо драчливыми, отчаянными мальчуганами, так и называлась: «Бараба».)

Всего по переписной книге 1701 года в Тарском уезде было учтено: «3 слободы, 2 погоста, 43 русских и 47 татарских деревень. Русское мужское население Тары и уезда составило 3038 душ, в том числе 310 конных казаков, 213 пеших казаков и стрельцов, 213 невёрстанных детей служилых людей и отставных, 132 беломестных казака, 135 пашенных крестьян, 8 монастырских, 26 бобылей и 7 человек посадских» (Прииртышье моё // Сост. И.Ф. Петров. – Омск, 1988). Большинство служилых людей хлебного жалования не получали, а служили с пашни, вели обычное крестьянское хозяйство. Они в дальнейшем и стали переселенцами в лесостепные и степные районы области, в частности, Большереченский. Основание Иваном Бухолцем в 1716 году Омской крепости дало этому толчок. Впрочем,

об основании будущей «столицы» Сибири следует сказать особо...

В 1714-м с одобрения Петра I сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин снарядил экспедицию вызванного из Санкт-Петербурга подполковника Ивана Дмитриевича Бухолца в «город калмытской Еркеть (город Яркенд на Северо-Западе нынешнего Китая – Н.К.), под которым на реке Дарье промышляют песошное золото, в расстоянии от Тоболска по скаске Еркетских жителей, что доходят от Еркетья до Тары в полтретья месяца нескурою ездою. А от Тары до Тоболска в пять дней» (Павел Брычков. Полуденный зной. Отпор: Исторические романы. – Москва, 1999).

Целью экспедиции была разведка («проведывание») водного пути к Китаю, захват одного Еркетья с его «песошным золотом», так необходимым для пополнения государственной казны, истощённой продолжительной войной на Севере с непокорным «Карлой», и строительство вверх по Иртышу русских крепостей для укрепления полуденных границ с «чёрными калмыками, теленгутами, кайсаками»... Гагарин предвидел, что джунгары будут чинить препятствия продвижению Бухолца и советовал подполковнику в первую очередь ставить промежуточную – Ямышевскую – крепость близ Ямыш-озера, там перезимовать, укрепить тыл, а весной отправиться дальше. Из Тобольска Бухолц смог выйти только летом 1715-го и в октябре дошёл до малого форпоста в устье реки Преснухи, что в пяти верстах от Ямыш-озера, солью из которого в то время (да и вплоть до конца XIX века) пользовалась чуть ли не вся Сибирь. Однако, обеспокоенный продвижением Бухолцева войска, правитель (контайша) Джунгарии Цеван-Рабдан повелел своему особо ненавидевшему русских воину Церен-Дондобу (русские называли его Черен Дондук) остановить войско, вероломно «идушее войной» в его земли (формально Цеван-Рабдан имел с Петром соглашение о мире). Коварный Дондук с десятьютысячным войском осадил Ямышевскую крепость и предпринял несколько безуспешных штурмов. Всю зиму воины Бухолца в надежде на подкрепление

из Тобольска провели в осаде. Курьеры, отправляемые Бухолцем в Тобольск, один за другим пленялись джунгарами. К исходу зимы надежды на помощь иссякли. К тому же в крепость, не имевшую даже походной аптеки, пришла страшная болезнь – моровая язва. В конце концов Бухолц принял решение об уходе. Потеряв в боях и болезнях три четверти своих солдат, он с остатком в семьсот человек 28 апреля 1716 года под ликование джунгаров оставил крепость и на 18 дощаниках отплыл по течению в Тобольск. Через неделю был в устье Оми. Именно на этом месте тоболяк Семён Ремезов и тарский подполковник Немчинов советовали ему перед походом ставить крепость, если в том будет необходимость. Вскоре осведомлённый о незавидном положении Бухолца Гагарин прислал подкрепление в 1300 человек. К Ильину дню того же года во многом благодаря стараниям и сметке пленного шведа-инженера, поручика Каландера на пустынном левом берегу Оми у самого устья было возведено основание крепости. От предложения Гагарина повторить попытку продвижения по прерванному маршруту в Еркеть Бухолц однако же категорически отказался, подозревая, что слухи о тамошнем золоте если и не ложны, то слишком преувеличены – достоверных свидетельств тому и надёжных проводников («ведомцев») он не сыскал ни в Тобольске, ни в Таре. Прибывший с подкреплением подполковник Федор Матигоров вскоре восстановил разрушенную Ямышевскую крепость, а затем, по согласованному Гагариным с Петром I приказу («надобно и в Сибири регулярному войску стоять!»), отправился дальше ставить крепости у Железинки и у Семи Палат вверх по Иртышу...

В 1719-м тюменские переселенцы основали Чернолуцкую слободу и несколько деревень. Примерно в то же время для установления связи Омской крепости с Тарой по восточному берегу Иртыша севернее слободы Такмыкской основаны были на Карташовом Яру село Карташово, в устье реки Сеткуловки – Сеткуловка, Артын и по левому берегу Иртыша в двухстах километрах от Омска – Больше-

речье, деревни Качесово и Пустынное (в 1720-м), а по Оше и Таре – уже упоминавшиеся Окунёво, Муромцево (основано в 1717 году сыновьями прибывшего из Москвы в Тару крепостного крестьянина боярина Салтыкова – «Афанасия Иванова сына Муромцева»), Кокшенёво, Танатово, Бражниково...

На протяжении всего XVII и первой половины XVIII века молодые русские и старые татарские селения ещё подвергались опустошительным набегам кочевых калмыков (джунгаров). В 1635-м ими была осаждена Тара, но жители смогли отстоять город. Кстати, тарчане в историю Сибири да и всея Руси вошли не только как героические защитники осаждённого города, но и как зачинщики так называемого Тарского бунта 1722 года.

Во второй половине XVII века слово «раскол» надолго разделило православную Россию на два непримиримых лагеря – никониан и старообрядцев («раскольников»). В романе «Отпор» омского писателя Павла Брычкова о нарастании эсхатологических настроений у зачинщиков бунта сказано: «После собора 1667 года стали гнать за веру истинную, по измышлению Никонову правили старопечатные книги, сверяя их по неправым латинской печати книгам, антихристову печать – троеперстие ввели, службу на пяти заместо семи просвир вести стали, печатая их не осьмиконечным крестом, а латинским крыжём о четырёх концах, и ещё много непотребств, от коих душа Сергия была в смятении. Душа не принимала новшества. А тут ещё дошли до Устюга проповеди Авакумовы, и утвердился Сергей в вере истинной. Где тайно, где явно стал он править службы по-старому, несмотря на тесноту, а порой и битё...» (П. Брычков. Полуденный зной. Отпор. – Там же).

Это об отце Сергии. А вот другой будущий бунтарь Яков Чередов, успокаивая себя и народ, «вспомнил, как отказались напрочь они брить бороды в 1705 году, и отступился от них сибирский губернатор, что-де коли и ныне так же стоять, то будет от государя милостивый указ...» (П. Брычков. Полуденный зной. Отпор. – Там же).

Казнь в Пустозёрске в 1681-м непокорного Аввакума не означала полной и безоговорочной победы официальной церкви. Напротив, чем дальше, тем чётче обозначалась линия раскола по всему русскому обществу. Давно пробежала трещина между верхними этажами правящей элиты и отдалёнными вследствие беспросветной нужды и нищеты от европейской «цивилизации» низами, одетыми в привычные русские зипуны и сарафаны, сохранившими свои вековые обычаи и традиции, ни в какую не желавшими их утраты. Раскол в церкви и обществе объективно отражал разброд в сознании русских людей, вызванный последовавшими в конце XVII – начале XVIII века событиями. Азовские походы, более чем двадцатилетняя Северная война, ускоренное строительство Санкт-Петербурга, создание регулярной армии и Правительствующего Сената с его многочисленными учреждениями, губернская реформа, и, наконец, война с Турцией, Прутский и Персидский походы Петра, невиданный ранее штат политического сыска и т.д. и т.п. – всё это требовало огромных денег, а главным источником государственного дохода по-прежнему оставались налоги и повинности с народа...

Народ роптал, но всё же терпел и местоблюстителя патриаршьяго престола Стефана Яворского, назначенного взамен умершего осенью Андриана; терпел выходца из польской шляхты архиепископа Новгородского и настоятеля Александро-Невского монастыря Феодосия, ставшего к 1708 году ближайшим сподвижником Петра, благословившего его на казнь собственного сына (за что Господь по заслугам «вознаградил» сподвижника – в 1725 году при Екатерине I Феодосий будет замурован в монастыре под Архангельском); стерпел навязанный Феодосием в 1721-м «Духовный регламент», утверждавший полное верховенство светской власти над церковью...

Первым тревожным звонком для Петра стало вспыхнувшее в верхнем течении Дона в 1707-м восстание казаков Кондратия Булавина, во многом, конечно же, спровоцированное неоправданно жестокими действиями князя Юрия Долгорукого при поимке беглых крестьян в «зоне свобо-

ды»... Но чашу терпения переполнил «Устав о наследии престола» от 1722 года, по которому Пётр имел право назначить в наследники любого из подданных. И это при том, что никто ещё не забыл страшную весть о двадцатишестилетнем наследнике царевиче Алексее, обманным путём вывезенного из Австрии, пытанного родным отцом, Верховным судом приговорённого к смертной казни и за сутки до исполнения приговора – 26 июня 1718 года «умершего» в Петропавловской крепости. Народ не забыл и загадочную смерть весной следующего года четырехлётнего Петруши – законного наследника Петра. Поневоле в сознание людей закрадывались подозрения и страхи о грядущем Антихристе. А тут и указ о престолонаследии! «Как же за безымянного наследника Евангелие целовать, а ежели он чёртом будет?..» (П. Брычков. Полуденный зной. Отпор. – Там же). И так же, как искру булавинского восстания вызвало возмущение местных казаков тем, что Государь покусился на последний клочок донской земли, являвшийся своеобразным «островом свободы» притесняемых и угнетаемых непосильными поборами крестьян, так и тарчане в 1722-м вдруг ясно осознали, что теряют относительную свободу от непредсказуемого «центра» с его «антихристианскими» указами. Особенно больно восприняли указ тарские старообрядцы, не пожелавшие «опоганить истинную христианскую веру». В мае 1722-го они отказались от присяги.

Бунт был жестоко подавлен отрядами Московского и Санкт-Петербургского полков Тобольского гарнизона под командованием полковника Ивана Батасова... «Начались ещё невиданные по масштабам репрессии против старообрядцев. К розыскам и кровавым пыткам были привлечены тысячи людей, началась ловля старообрядцев как диких зверей по всей Западной Сибири. Оказалось, что Сибирь-матушка, дававшая на своих просторах пристанище всем обижаемым и гонимым, уже не может спасти свободного человека от жестокой власти грубого солдата и подьячего... Сведения о массовых казнях подтверждаются документами. Известно, что за три-четыре года Тарского сыска повешено, колесовано, четвертовано, посажено на кол не

меньше тысячи тарских жителей и округи – простых крестьян, казаков, посадских... Вот тогда и запылали страшные гари – самосожжения старообрядцев, видевших спасение только в огне...» (История современной России. 1682-1861: Экспериментальное учебное пособие для средних школ. – Москва, 1996. – С. 152).

Память о Тарском бунте до сих пор жива в сознании земляков. Разные люди: отец Сергей, дворяне Яков, Иван и Василий Чередовы, казачий полковник Иван Немчинов, казаки Иван Падуша, Иван Казачихин, Пётр Байгачев, Василий Исецкий, Фёдор Терехов, Дмитрий Вихарев, Михаил Енбаков, пятидесятники Иван Белобородов и Иван Жаденов, сотники Борис Седельников и Яков Петрашевский – они и сотни других «отпорщиков» предпочли саможжение «во имя очищения» или виселицы, дыбы и плахи, но не изменили «истинной» христианской вере...

Несколько образованных в конце XVIII – начале XIX века русских сёл и деревень в Большереченском, Муромцевском, Седельниковском районах и некоторых районах нынешней Тюменской области получили свои названия от фамилий потомков уцелевших тарских бунтарей-старообрядцев и их усмирителей: Седельниково (сотник Борис Седельников), Евгашино (казак Василий Евгаштин), Красноярка (казачий сын Дмитрий Краснояров), Бурнашово (пеший казак Софрон Бурнашов), Шадринка («расколочитель» Семён Шадрин), Копьёво (управитель Чаусского острога Копьёв), Карташово (казак Карташёв), Ситниково (казак Петр Ситников)...

Но вернёмся к нашим кочевникам. Чашу терпения военной коллегии Российской империи переполнил 1741 год. Вскоре после того, как отряды кочевников разграбили деревни Зудиловку и Чаусскую, были построены форпосты Зудиловский на Аевском волоке, Юйский на Оше и Большереченский на Иртыше, а затем и Кутурлинский – западнее Тары и южней – Нюхаловский (современная деревня Форпост Большереченского района). В ноябре того же года вышло распоряжение военной коллегии о создании

форпостов по Иртышу в деревнях Бетеинской и в Пустынной, а Чернолуцкой слободе предписывалось «умножить команду».

Указом же от 18 ноября 1741 года впервые была выдвинута идея о переносе укреплений на западный берег Иртыша. Через три-четыре года там возникли форпосты Инберинский, Бетеинский, Боровский и целый ряд других. Таким образом была создана цепь укреплений (так называемая Староишимская линия) по Иртышу, Оше и на запад до Абацкой слободы на Ишиме. Однако наиболее благоприятные для земледелия лесостепи по-прежнему оставались не освоенными из-за опасности набегов... Это немаловажное обстоятельство и явилось главной причиной начала строительства в 1752-м новой линии укреплений, состоящей из Тобольской, Ишимской и Тарской дистанций в 100-300 верстах южнее старой. Строительство новых укреплений в основном велось казаками и местными крестьянами, каждый десятый из них был зачислен в выписные казаки. В новые укрепления переводились казаки из старых форпостов, а туда переселялись крестьяне. В 1755–1757 годы Кутурлинский, Нюхаловский, Кушайлинский и другие форпосты перешли в разряд крестьянских селений...

3. По тракту...

*Обгоняем две кибитки и толпу мужиков
и баб. Это переселенцы.*

– Из какой губернии?

– Из Курской.

А.П. Чехов. Из Сибири

Огромную роль в истории заселения Сибири сыграл главный Московско-Сибирский почтовый тракт, сооружённый по распоряжению Сената в 1733-1765 годы через населённые пункты современной Омской области Форпост – Становка – Рыбинское (Большие Уки) – Фирстово – Чаунино – Завьялово – Аевская слобода – Знаменский погост – Бутаково – Тара – Секменёво – Мешково – Такмык – Артын – Копьёво. Тот самый тракт, о котором у Чехова сказано: «Сибирский тракт – самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всём свете» (Сочинения. Т. 14-15. – Москва, 1987. – С. 28). От Тобольска через Тару этот «самый безобразный во всём свете» тракт сильно отклонялся на восток, поэтому с началом строительства Новой оборонительной линии в 1759 году он был выпрямлен и проведён в обход Тары через Абацкое, Тюкалу и селения Большереченского района Старый Карасук, Ингалы, Могильно-Старожильческое. В ноябре того же года сибирский губернатор Ф.И. Соймонов приказал в Тобольском и Ишимском дистриктах, в городах Тюмени, Туринске, Верхотурье и Ялуторовске «во всенародное известие публиковать указ» и объявить по сёлам и деревням, «не пожелает ли кто на Абацкой степи и около проложенной новой дороги поселитца» (Прииртышье моё. – Там же).

Первыми подали прошение крестьяне Такмыкской слободы, вскоре появились поселенцы и на речках Тюкалке и Крутой. К лету 1761 года по Абацкой степи уже числилось 224 мужских души. Массовые же переезды начались в 1765–1768 годах. Южнее «Большерецкого» форпоста возникли деревни Ингалинская, Карасукская, Хохлова. Они и стали первыми русскими деревнями в лесостепной зоне

нынешнего Большереченского района, своего рода опорными пунктами, вокруг которых потом возникли новые селения как выселки из старых. Однако заселить в кратчайшие сроки ставшие безопасными с вводом Новой линии земли лишь добровольцами из сибирских уездов было невозможно, а потому правительство прибегло к испытанным ранее насильственным методам – ссылке. И начало с «ссылных в счёт рекрут», отправляемых «за предерзостное поведение». «...В 1775–1779 годы возникли ссылные поселения на Аевском тракте в Аевской подставе, Становой, Решетинной, восточнее Иртыша в Кошьёвой и Резиной, а также в Богдановой и Могильной... Иногда селения сибирских переселенцев и ссылных возникали одновременно и получали одинаковые названия... Такие названия носили деревни возле озера Могильного... Если в 1701 году на территории современной Омской области было 43 русских населённых пункта, то... в 1816-м их было уже 359... Русское население достигло 70 тысяч человек» (Прииртышье моё. – Там же).

Вслед за ссылными из России потянулись вольнолюбивые и рисковые люди – помещичьи беглые крестьяне, бунтари и староверы... Известно, что в деревне Бергамак (ранее – слобода Бергамакская) Муромцевского и деревне Шуево Большереченского районов вплоть до конца XIX – начала XX века проживали поголовно старообрядцы... Старожилы – русские дореформенные переселенцы в отличие от «рассейских» пореформенных сложились в более или менее однородную группу, но долгое время хранили обычаи и соблюдали обряды своих «исторических родин», хотя уже их внуки подчёркивали, что они, русские, в отличие от «рассейских» живут «туточки спокон веку». Жители первых расположенных по тракту селений оказывались в выгодном положении. Они, как правило, содержали постоянные дворы, занимались извозом и различными кустарными промыслами...

Начиная от Могильно-Старожильческого, выпрямленный тракт шёл солонцами, около мелких озёр, через многочисленные речушки и подходил к переправе через Иртыш у села Пустынное. От Пустынного – на Кошьёво

через будущий Кам-Курск. Кам-Курск так же, как, полагаю, и соседние Моховой Привал, Моисеевка, Суворовка, был основан переведенцами из Тары и Притарья в 1841-м в рамках правительственного проекта министра государственных имуществ П.Д. Киселёва, осуществлявшего реформу государственной деревни. Киселёв, как свидетельствуют историки, став министром в 1837 году, искренне желал приблизить положение государственных крестьян к положению «свободных сельских обывателей». При нём увеличились земельные наделы, подушная подать приобрела характер земельно-промыслового налога, строились больницы и школы, крестьянин получил право на кредит. Однако и Киселёв «переборщил» с принудительным внедрением картофеля. Крестьян заставляли на лучших землях сажать картофель, а урожай изымали и распределяли по своему усмотрению. «Общественная запашка» в целях создания страхового фонда для крестьян же в случае неурожая вызвала в 1840-1844 годы так называемые «картофельные бунты». Легенды о них в Кам-Курске передавались из поколения в поколение и дошли до наших дней. В числе первопоселенцев был мой прапрадед по материнской линии Фёдор Курников.

Жители Пустынного и Копьёва провожали сочувствующими взглядами тарантас коллежского советника Радищева, дерзкого автора «Путешествия из Петербурга в Москву» – сочинения, «наполненного вредными умствованиями, оскорбительными и неистовыми выражениями против сана и власти Царской», и за то следовавшего в августе 1791-го в Илимскую ссылку и возвращавшегося оттуда в 1797-м. Благодарные артыңцы установят в советское время памятный знак, а копьёвцы в июне 1955-го на центральной усадьбе своего совхоза – мемориальную доску на пятиметровом четырёхгранном обелиске в память о проезде «великого писателя-революционера»...

В 1826-м прошли по тракту декабристы. Позднее прошли и петрашевцы (Ф.М. Достоевский, С.Ф. Дуров), и польские повстанцы (И.Д. Чарский, А.Н. Чекановский)...

Любопытный факт из личной биографии, всерьёз осмысленный только в ходе работы над данной рукописью. Свой дебютный рассказ «Находка» я написал в Кам-Курске в 1969 году ещё будучи учеником девятого класса. А рассказ был о «поляке Жане, неизвестно как и зачем попавшем в тайгу» и его охотничьей собаке по кличке Находка, которую он когда-то подобрал больным щенком и выходил. Случай реальный. Так вот, мой первый литературный наставник – омский прозаик Михаил Малиновский, помню, прочёл рассказ и, щурясь от близорукости, поинтересовался:

– А почему именно поляк? Да ещё и Жан? Каким образом и когда он на самом деле попал в тайгу?

Я пожал плечами.

– В нашем селе жил на отшибе старик. Нелюдимый. Взрослые между собой называли его не иначе как поляк Жан. И лайка у него была. Всё остальное я придумал...

Рассказ Михаил Петрович напечатал в омской областной газете «Молодой Сибиряк». Откуда я, шестнадцатилетний подросток, мог знать тогда, что прототипом главного персонажа моего дебютного рассказа стал действительно один из правнуков или даже праправнуков ссыльного польского повстанца 1863 года? Это мне сегодня известно, что к 1866 году численность их в Сибири превышала 18000 душ. Что в мае 1883-го они были помилованы Высочайшим манифестом, и многие вернулись на родину, но какая-то часть всё ж таки пустила корни в Сибири. В том числе, и в Большереченском районе...

И, что не менее важно, разве мог я задуматься тогда, в силу каких обстоятельств мой литературный наставник – человек с польской фамилией Малиновский – в 30-х годах прошлого века ребёнком оказался в Сибири? Это уже в постперестроечные времена, после того, как в томике его прозы «Старые вещи» (Омск, 1982) прочту написанную им ещё в 70-х короткую, но ёмкую по содержанию повесть «До поры до времени», пойму, какая горькая правда заложена в этих строках: «Что она такое, моя улица Северная? Почти все её жители вышли из деревни: что мы, Завальские, что Колышкины и Мельники, что Разумневичи. Петерсы жили

до войны в деревне под Саратовом. Даже Ивасик. Он попал в детский дом шестилетним деревенским хлопчиком... Люди оторвались от деревни силой вынужденных обстоятельств и не пристали к городу, основав промежуточный этап – улицу Северную»...

В 1870 году на одном из участков тракта была проведена телеграфная линия, прослужившая до 1896 года. А в мае 1890-го пустынский ямщик Фома Иванович Соломенников (по другим сведениям – Суминский) провёз Антона Павловича Чехова из Пустынного на Копьёво через Кам-Курск по новому тракту, проходившему чуть южнее. Кстати, на подъезде к Пустынному 12 мая 1890 года уставший, промокший и продрогший Чехов записал: «Иртыш широк. Если Ермак переплывал его во время разлива, то он утонул бы и без кольчуги. Тот берег высок, крут и совершенно пустынен. Видна лощина; в этой лощине, как говорит Фёдор Павлович (ямщик, перевозивший писателя – Н.К.), идёт дорога на гору, в село Пустынное, куда мне нужно ехать. Этот же берег отлогий, на аршин выше уровня; он гол, изгрызен и склизок на вид; мутные валы с белыми гребнями со злобой хлещут по нём и тотчас же отскакивают назад, точно им гадко прикасаться к этому неуклюжему, осклизлому берегу, на котором, судя по всему, могут жить одни только жабы и души больших грешников» (Сочинения. Т. 14-15. – Там же).

По пути на Копьёво от Вавиловки в начале 1950-х годов ещё видны были возвышения бывшего полотна дороги, а на местах бывших кюветов стояли 34 истлевших ивы, посаженные строителями тракта. До середины 1960-х на участке Пустынное – Кам-Курск обнаруживались сохранённые кюветы...

Массовой политической ссылкой в Сибирь стала после революции 1905-1907 годов. Как утверждают составители омской Книги Памяти (Омск, 2000), «...самодержавный режим за пять лет побил рекорд трёх предшествующих столетий династии Романовых по числу незаконно казнённых, отправленных на каторгу и в ссылку, брошенных в тюрьмы. Репрессиям подверглись тысячи ни в чём не повинных

граждан России... Однако ни один провидец не мог предсказать, что вскоре после очередной революции 1917 года в ходе строительства нового коммунистического общества жертвы репрессий будут исчисляться не тысячами и десятками тысяч, а миллионами...».

Эпохой поистине великого переселения «рассейского» народа в Сибирь стало бурное тридцатилетие на стыке XIX – XX веков. О невиданном в истории России добровольном притоке вчерашних арендаторов и наёмных работников в матушку-Сибирь в мечтах о лучшей доле – собственном участке земли, обретении самостоятельности и независимости рассказано в десятках научных и документальных книг со всевозможными статистическими выкладками, сочинена солидная библиотека повестей и романов, поставлено немало художественных и документальных фильмов. Уж больно впечатляет громадина народного потока через Большой Камень! Если, по данным историков, в конце XVII века во всей России население составляло всего лишь 5,6 млн. человек, а в Сибири в 1719-м было 323 тысячи русских да 482 тысячи жителей разных национальностей, то в период с 1883 по 1914 годы в Сибирь и на Дальний Восток из европейской России переселилось более трёх с половиной миллионов человек. Пётр Аркадьевич Столыпин стал первым и, к сожалению, последним по сей день российским премьером, кто, хоть и несколько запоздало, но понял свой народ и нашёл ответ на извечный русский вопрос: «Что делать?». Он пришёл к выводу, что страну от революционных бурь и катаклизмов уберегут не половинчатые меры – разного рода мелкие экономические уступки, поправки и поправки правительства. Государство способно уберечь создание революционных по сути условий для превращения бесправного во все времена и во всех отношениях (даже после «раскрепощения» царём-реформатором Александром II) крестьянина-общинника в свободного крестьянина-собственника. Нужно было обладать твёрдой верой и немалым мужеством, чтобы решиться на свою историческую аграрную реформу, несмотря на отстранение не понявших его друзей и происки врагов...

Но не забудем и о десятках или даже сотнях тысячах погибших от голода и болезней в нелёгком пути самоходов! По оценкам медиков, приведённым доктором исторических наук, профессором Новосибирского педагогического университета В.А. Зверевым, «в 1883 – начале 1890-х годов в переселенческих партиях серьёзно болел каждый четвёртый или пятый, каждый десятый зарегистрированный больной умирал в пути. «Если вообразить себе какую-либо местность с подобною заболеваемостью и смертностью в поселениях, то нужно признать, что ей грозит очень быстрое вымирание», – отмечал общественный деятель и публицист Н.М. Ядринцев. Некоторые семьи и даже целые партии в пути «ополовинивались», а то и полностью вымирали. В конце XIX – начале XX века передвижение на восток облегчилось в связи с постройкой Сибирской железной дороги, устройством врачебно-питательных пунктов и оказанием материальной помощи мигрантам. Тем не менее смертность в пути оставалась непомерно высокой даже в годы Столыпинской аграрной реформы» (Самоходы из Расеи. Югра. – 2004, № 6). А сколько в пути было брошено больных, а то и здоровых младенцев, так называемых «божьих детей», в надежде, что их кто-нибудь подберёт и выкормит!

Наибольшее количество населённых пунктов – 56, по сведениям ныне покойного большевиченского краеведа В.С. Аношина (Там, где шумит Артынский бор. – Омск, 1968), на территории Большевиченского района возникло в период с 1826 по 1912-й, но основная масса переселенцев прибыла в 1890 – 1912 годы из 29 российских, в основном центральных и южных губерний. Эти же годы в связи со строительством Транссибирской железной дороги были периодом наиболее интенсивного заселения южных районов Омского Прииртышья выходцами из Украины. По имеющимся в Омском историко-краеведческом музее сведениям, семьям переселенцев из Украины, а также Бессарабии и густонаселённых губерний чернозёмной полосы России иногда предоставляли даже по отдельному вагону для перевозки скота и сельскохозяйственного инвентаря. По дан-

ным переписи 1989 года, украинское население в Омской области занимало третье место по численности после русского и немецкого и насчитывало 89774 человека, а после массового отъезда омских немцев в Германию в последнее десятилетие занимает второе. В отдельных случаях украинским переселенцам в конце XIX – начале XX века отводились участки и в Муромцевском районе. Доподлинно известно, что основателями деревни Ново-Рождественка были 37 семей – выходцев из Киевской губернии, потомки которых ныне в большинстве своём могут разговаривать лишь на «суржаке» – смеси русского и украинского.

Пореформенные – «рассейские» переселенцы, как узаконенные, так и самоходы, в отличие от «русских» дореформенных селились в старожильческих селениях наособицу, нередко отдельными улицами и даже околотками. Их дети, внуки и правнуки, как правило, помнят, «с каких краёв вышли». Жители деревень Алексеевка, Игоревка, Поречье Муромцевского района и сегодня, не задумываясь, ответят, что «из белорусов»; в Кирсановке времён 1950-х, когда она была ещё жилой деревней, а не летней, как ныне, заимкой совхоза «Копьёвский», тоже знали, что их деды и прадеды «пришли из Кобяков Кирсановской волости Тамбовской губернии», а уж обитателям сёл Вятки и Резаны и вовсе мудрено забыть, «откуда быть пошли»...

В примечаниях М.Л. Семановой к 14-15 томам полного собрания чеховских сочинений (Москва, 1987) по поводу слов, вынесенных в эпиграф к настоящей главке, сказано: «В местных газетах писали, что «с наступлением лета через Омск (второй после Оренбурга пункт переселенческого движения) стали проходить партии переселенцев, направляющиеся (...) в Томскую губернию и дальше (Акмолинские областные ведомости. – 1890, 26 июня), что большинство переселенцев идут из Курской и Тамбовской губерний (Иркутские губернские ведомости. – 1890, 28 марта)». И что незадолго до чеховских очерков в «Русских ведомостях» публиковались «Письма с дороги» Гл. Успенского (1888)», в которых автор отмечал, что «курские переселенцы (ввиду «невероятного расстройств Курской губер-

нии») составляют самую многочисленную группу переселяющихся (...). Причины же переселенческого движения Успенский видел (в соответствии со своими взглядами) не только в «расстройстве» деревни, в малоземелье (надельный фонд был очень ограничен, аренда помещичьей земли часто вгоняла мужика в кабалу – Н.К.), но и в желании сохранить нравственные семейные связи, устои в сознании крестьян, желающих жить свободно, «трудами рук своих».

Не случайно деревня, разделённая озером на две неравные части, по утверждению многих краеведов, со дня основания носила имя Камышино, а во времена «великого переселения» обзавелась двумя псевдонимами – большая часть взяла довесок «Курское», меньшая – «Воронежское». Деды и прадеды близких по отцовской линии родичей Гололобовых переехали в конце 1880-х именно из Курской губернии. Путь в общей сложности занял три месяца. К тому времени в Омске по примеру первого в Сибири Тюменского (1883) был создан переселенческий комитет, который и направил переселенцев в одно из селений вдоль Сибирского тракта. Гололобовы, обустроившись на новом месте, вызвали и Коняевых. Не уверен, что Коняевым удалось незамедлительно двинуться вслед за родичами, ибо толпам отъезжавших из Курской губернии старательно вставляло палки в колёса местное начальство. В путевых записках «От Урала до Томска» известного в конце XIX века исследователя переселенческого движения А.А. Исаева по этому поводу сказано: «Многих в течение нескольких лет не пускало местное начальство, начиная от волостного старшины. Помимо бесконечных проволочек, с которыми связано было получение разрешительных свидетельств, местные власти и частные землевладельцы прибегали к различным хитростям. Так, нередко уговаривали ходоков, посланных крестьянами в Сибирь для осмотра земли, скрывать истину от односельчан: жаловаться на бесплодную почву в Сибири, на недостаток леса, на полное отсутствие воды, на чрезвычайное изобилие диких зверей и на разные другие невыгодные условия сибирского сельского хозяйства... Некоторых ходоков соблазняла взятка в сотню-другую рублей, и они

скрывали истину от своих земляков» («Дай нам такое при-
волье...». Альманах «Тобольск и вся Сибирь: Югра». – То-
больск, 2006. – С. 206-207).

Одновременно с семьёй моего прадеда Василия Афино-
геновича в Кам-Курск прибыли и двое его холостых брать-
ев. И не просто так «за компанию». Убедительное объяс-
нение даёт всё тот же Зверев: «Поскольку администрация
часто не разрешала переселение «малодушных» семей,
последние иногда «сообщались» по две-три. Соединялись
в реальные договорные или же фиктивные семьи обычно
братья или другие близкие родственники, жившие перед
переселением в разделе» (Самоходы из Расеи. – Там же).
Потому что именно мужчины («земельные души») полу-
чали участки из переселенческого фонда...

4. Прадед Аким Фёдорович и прабабушка Елена Федосеевна

*Не забывайте рода своего, прошлого своего,
изучайте своих дедов и прадедов.*

П.А. Флоренский. Завещание моим детям

Изю всех своих бабушек и прабабушек помню только прабабушку по материнской линии Елену Федосеевну Савину (Курникову) – бабу Елечку, прожившую 109, а по другим сведениям – 113 лет. Допуская, что всё-таки не 113, а 109, и точно зная год её смерти – 1963, вычисляю дату рождения – 1854-й. Она была, по-видимому, из первых волн переселенцев, до замужества проживала с родителями в соседнем селе Моховой Привал. Оттуда и взял её в жёны кам-курский крестьянин Аким Фёдорович Курников (1858 – ?).

В характер моего прадеда с рождения был заложен ген авантюризма. Пожив какое-то время в Кам-Курске, Аким Фёдорович вдруг сорвал молодуху в таёжную глухомань, куда-то в верховье Алдана, на золотые прииски и, по бытовавшей в родственных кругах в 1960–1970-е годы легенде, привезли они оттуда немало золотишка. Только вот куда оно девалось, на какие цели было употреблено, этого никто сказать не мог. Да и было ли оно, это золотишко?

Елена Федосеевна с Акимом Фёдоровичем родили четверых детей: Егора (1892 – 1961 – моего деда), Анастасию (1893 – 1974), Петра (1895 – 1972). Был и третий, младший сын. Незадолго до семнадцатого года Елена Федосеевна отдала его в работники в богатый дом в Моховом Привале. И надо же было такому случиться: юноша влюбился в замужнюю хозяйку. Завязался роман. О близких отношениях молодого работника с хозяйкой дома молва распространилась до Кам-Курска. Елена Федосеевна от греха подальше отозвала сына домой. Влюбленный пылкий юноша с горя застрелился. Его простреленную рубаху мать долго хранила в своём сундуке...

Об Акиме Фёдоровиче почти никаких сведений добыть не удалось. С большой долей вероятности предполагаю, что

в молодости он занимался извозом, но постоялого двора не содержал. Когда же в семье один за другим появилось четверо детей, кормилец вдруг пропал. Внезапное, необъяснимое исчезновение моего прадеда – самая таинственная загадка в истории рода Курниковых. Возможно, принял смерть от рук лихого человека всё на том же тракте, поскольку по нему прошли и те, «кто не в ладах был с законом, чтобы скрыться в зауральских глубинах от наказания... Рядом с авантюристом шагал праведник, рядом с тружеником – пустожил и пройдоха» (В. Распутин. Сибирь, Сибирь... Собрание сочинений. Т. 3. – Москва, 1994). Но не исключено, что позорно бежал, бросив на произвол судьбы детей, от своенравной, властной, неуступчивой Елены Федосеевны проторённой в молодости тропой на далёкий Алдан и сгинул в тамошних дебрях с алчной мечтой о золотой жиле... А надо знать характер моей прабабушки Елены Федосеевны, чтобы допустить и такую «тяжёлую» для Акима Фёдоровича версию...

Какое-то время Елене Федосеевне приходилось очень нелегко. Затем в её жизни появился другой Курников – Лаврентий Фёдорович (Лавруха) – родной старший брат Акима, участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Награждён орденом Св. Георгия. Жил бобылём. Он-то и взвалил на свои надёжные «георгиевские» плечи заботу о большой семье бесследно исчезнувшего брата. Жил он с Еленой Федосеевной душа в душу до самой своей кончины...

«Летом 1918 года Омск был взят колчаковцами...» (В. Аношин. Срыв мобилизации. – Знамя труда. – 1989, 10 августа).

Я бы уточнил: 7 июня 1918 года Омск был взят не колчаковцами, а алмазовцами. Колчак с января по апрель (если не по май) 1918 года находился в Шанхае, затем в Сингапуре, Пекине и Японии. Во Владивосток из Японии он прибыл не для взятия Омска, а с целью переезда к семье на юг России, и только 6 ноября 1918-го после серьёзного поражения белых на Волге ему было предложено занять пост Морского, а затем и Военного Министра Сибирского правительства. Кавалер же Георгиевского креста, орденов Св. Анны и Св.

Станислава II и III степени, бывший подполковник Русской армии Алексей Николаевич Гришин с весны 1918 года под псевдонимом Алмазов возглавил военный штаб при подпольном Западно-Сибирском комиссариате Временного правительства автономной Сибири, с 28 мая принял командование войсками Западно-Сибирского военного округа, 13 июня был назначен командующим созданной Западно-Сибирской армией. После перехода власти к Временному Сибирскому правительству он стал управляющим Военным министерством, совмещавшим командование армией, с 27 июля переименованной в Сибирскую. Это он совместно с чехословаками летом 1918-го развернул успешное наступление по всем направлениям...

23 августа командующий Сибирской армией генерал-майор Гришин-Алмазов объявил о мобилизации 19-20-летних новобранцев, рассчитывая пополнить потрёпанную в боях армию на 200-230 тысяч штыков. Но если в начале военных действий сибирская крестьянская молодёжь шла в Белую армию добровольно, то к осени разочаровалась в своих надеждах на сильную власть и порядок. Установление диктатуры Колчака в ноябре 1918-го не добавило крестьянину, по крайней мере, омскому, уверенности в правоте и надёжности белого движения. Переход от добровольческого комплектования к принудительному набору двух призывных возрастов преимущественно из крестьянской молодёжи не принёс ожидаемых результатов.

Жёсткие действия алмазовцев вызвали протест у сибиряков, привели к массовому дезертирству из действующей армии. В лесах на территории нынешних Омской и Тюменской областей действовали десятки крестьянских партизанских отрядов.

Кам-Курские большевики Михаил Дёмин и Иван Пожидаев на общем собрании призвали земляков к бойкоту мобилизации. Было решено: «Возбудить ходатайство перед Пустыньским волостным управлением о созыве общего волостного собрания с повесткой дня: не давать солдат колчаковскому правительству» (В. Аношин. Срыв мобилизации. – Там же).

Жители деревни Нагорно-Бесстрашиково поддержали кам-курчан. Братья Егор и Пётр Курниковы по настоянию матери скрылись в лесах. Гражданская война ни на стороне белых, ни на стороне красных не вписывалась в их жизненные планы...

Колчаковцы не бездействовали. По велению «Железной рукавицы» (а именно так переводится с тюркского фамилия «Колчак») для борьбы с большевиками и уклоняющимися от призыва повсеместно создавались карательные отряды, устраивались облавы. На видных местах был вывешен приказ за подписью Гришина-Алмазова: «За подстрекательство и агитацию против мобилизации виновные будут расстреляны на месте».

Летом 1919-го в лесах были пойманы кам-воронежцы Кирилл Чудинов, Тимофей Захаров, Кузьма Киселёв, Григорий Шаталов, Гавриил Захаров и другие. Избитых, их бросили в Тарскую тюрьму и военно-полевым судом приговорили к расстрелу. К счастью, приговор не был приведён в исполнение: после перевода в Омскую тюрьму все они были освобождены Красной Армией, взявшей в ноябре 1919-го колчаковскую столицу. В деревнях и сёлах допрашивались, избивали плетьюми и нагайками родственники «дезертиров». Всего в Кам-Курске и Кам-Воронеже было избито более двадцати человек.

Здесь будет уместно отметить одну существенную неточность, допущенную краеведом В. Аношиным. В статье «В борьбе за Советскую власть» (Знамя труда. – 1989, 5 августа) он пишет: «Курниковы Егор и Пётр, Шаповалова Евдокия (мать большевика Григория Дёмина – Н.К.) после жестокого избиения вскоре умерли». Уважаемый Василий Семёнович дал маху. Ни Пётр, ни Егор Курниковы не были задержаны колчаковцами. И уж, конечно, не умерли – они только начинали жить. Избиению подверглась их мать Елена Федосеевна, даже и под плётками не указавшая местонахождения сыновей и, вполне возможно, тем спасшая их от гибели в гражданской войне... И не умерла – ей предстояла долгая жизнь...

Елена Федосеевна к старости снискала славу знаменитой на всю округу повивальной бабки. Знала травы и корни,

рецепты изготовления каких-то особых настоек и снадобий, надёжно хранила в своей неистощимой памяти даты и числа всех престольных праздников, заговоры и наговоры, поверья и приметы, сказки и пословицы. Для односельчан она была своего рода «живой народной энциклопедией». Многие милые моему сердцу подробности из жизни близких людей частью в неизменном, частью в изменённом виде по крупицам вошли в мои произведения. В значительной мере Елена Федосеевна явилась прообразом одной из героинь повести «До поры до времени» – тётки Спиридонихи: «...Она не в пример мужу была женщиной практичной. Умела снять зубную боль, остановить кровотечение, лечила детей от испуга и заикания. Знала заговоры, травы и коренья... В войну со смертью дряхлой повивальной бабки неожиданно для многих стала повитушничать, да весьма успешно, как теперь сказали бы: её услуги пользовались спросом. И, надо полагать, одаривались щедро – одних платков и шалей запас не иссякал... В детстве Веремеев пробуждался иногда от дребезжания стёкол в двойных рамах, кашля, шарканья шагов, вслушивался с печи в придушённый шёпот вошедших незнакомых мужиков в подпоясанных тулупах, с заиндевшими ресницами, бровями и усами. Лёлька зажигала керосиновую лампу и раздувала самовар. Приезжие сбрасывали на пол шапки и тулупы, пили чай, сопя и отдуваясь. После чаепития лёлька надевала привозной тулуп, повязывала шаль... Уезжала в ночь. В соседнее село. К очередной роженице...»

Долгое время на ней держался дом. Она безраздельно властвовала в нём. Свекровка ни в чём не смела ей перечить. Да и сын Егор Акимович до старости не мог послушаться её даже в мелочах.

5. Дед Ефим Васильевич и бабушка Алёна Афиногеновна

Русский человек без родни не живёт.

В.И. Даль. Пословицы русского народа

Дед по отцовской линии Ефим Васильевич Коняев родился в 1878 году в семье обедневших курских крестьян. В Кам-Курск он был привезён родителями предположительно в 8-10-летнем возрасте.

В молодости Ефим Васильевич уезжал на заработки куда-то на Кузбасс, где, вероятно, довелось порубить в шахтах уголёк, поэтому для односельчан навсегда остался «шахтёром». Он был росту невеликого, суров, широк в кости и силён неизменно. Смугл, черноволос. Эта неславянская какая-то смуглость деда унаследована всеми его сыновьями и внуками.

Вернувшись с Кузбасса, женился на крестьянке Алёне Афиногеновне Гололобовой (1880–1936), также из распространённой в районе фамильной династии переселенцев из Курской губернии. Алёна Афиногеновна родила своему «шахтёру» дочь Елену (1905–1933) и двух сыновей – Егора (1917–1988) и Ивана (1921–1965 – моего отца). С созданием семьи Ефим Васильевич вновь крестьянствовал, но без особого успеха да и желания. Сдаётся мне, к земле у него душа не лежала. Бывшему шахтёру милее запаха весенней пашни были запахи дыма и раскалённого в кузнечном горне железа, а вкус угольной пыли – желанней пыли обмолоченного урожая...

До революции Ефим Васильевич с семьёй жил в землянке с крохотными, почти не пропускавшими солнечного света окнами. С приходом большевиков выстроил избу, и был за то весьма признателен советской власти:

– Кабы не совецка власть, так и помер бы в землянке!

Но и в советские времена хозяйством не обзавёлся. Не держал даже коровы. Были куры да поросёнок. Работал в колхозе.

Бабушка Алёна Афиногеновна была женщиной кроткой, молча сносила незаслуженные обиды, а то и побои крутонра-

вого мужа. В молодости она была здоровой, по-своему красивой, работающей женщиной, но к тридцати пяти – сорока годам сторбатилась. Кое-кто из моих родственников склонен был считать, что из-за побоев мужа. Горбатая, в колхозе работать, естественно, не могла. Управлялась по дому. Помогали дочь и сыновья. Затем Елена вышла замуж, отделилась, Егор пошёл в колхоз учётчиком. Обязанности первого материного помощника легли на плечи младшего – Ивана...

Зимой 1932-го в семье дочери стряслась беда: раскулачили свёкра со свекровью. Согнали со двора скотину, конфисковали дом, а семью вместе со старшим, женатым сыном Алексеем выслали. Мужу Елены Никифору Александровичу кто-то из сочувствующих «шепнул», что его, как сына «кулака», тоже включили в список для выселения. Не дожидаясь решения своей участи в принудительном порядке, Елена тайно свезла отцу сундук с вещами и через день-другой с двумя малолетними дочками Машенькой и Тонюшкой, мужем и бабушкой Химой – Евфимией Алексеевной бежали в Хабаровск, где в то время жил брат главы семейства.

В Хабаровске пришлось хлебнуть лиха. В двухкомнатной квартире двухэтажного казённого дома теснились семьи хозяев из четырёх человек и «беженцев» – из пяти. Все работали на стройках. Девочки оставались под присмотром Евфимии Алексеевны. В 1933 году людей буквально косил голод. Даже картошки досыта не ели. Однажды Елена Ефимовна пришла с работы усталая, прилегла отдохнуть и... больше не встала. В больнице признали брюшной тиф. Она умерла 14 мая 1933-го.

Остался Никифор Александрович с двумя дочками – семилетней Машенькой и четырёхгодовалой Тонюшкой. После похорон Елены старая Евфимия Алексеевна заявила вдовцу:

– Ты, Никиша, как хочешь, а я забираю девчонок и еду домой (дом в Кам-Курске не был продан). Там хоть картошка своя да и дед Ефим с бабкой Алёной не бросят...

В июне привезла внучек в Кам-Курск. Узнав о смерти Елены, в избу к старикам набежали соседи и родственники, поднялся переполох, плач, причитания... Дед вдруг встал,

вышел из избы и направился под сарай. Прибежавшие следом соседи чудом успели вынуть его из петли...

В 1936-м умерла Алёна Афиногеновна. Егор к тому времени был женат. Как драгоценная реликвия, хранится у меня единственная уцелевшая фотография семьи Ефима Васильевича, датированная 1933 годом. На фотографии дед, его сын Иван (мой отец) и сироты-внучки Машенька с Тюнюшкой...

Какое-то время Ефим Васильевич жил вдовцом. Надо воздать ему должное: не бросил, не запустил младшего сына. И, что немаловажно, дал ему, как и старшему Егору, солидное по тем временам образование: Егор окончил восемь, а Иван – семь классов.

Поначалу помогала невестка. Но когда Егор отделился, Ефим Васильевич женился другой раз. Будучи уже в солидных летах вдруг продал избы и со второй женой, как в юности, махнул куда-то на Кузбасс. Как и чем они там жили восемь лет, теперь уже останется загадкой.

В мае 1946-го к старшему брату Егору в Омск приехал призванный в июле 1940-го в Красную Армию Иван. Годом раньше с Кузбасса в село Петропавловку соседнего с Большереченским – Муромцевского района вернулись отец с махочой. Но уже в 1951-м Ефим Васильевич слёг...

5 марта 2002 года на имя моей 78-летней матери в Ханты-Мансийск из Хабаровска пришло неожиданное письмо от 75-летней пенсионерки Верхотуровой Марии Никифоровны (Машеньки Гололобовой), моей старшей двоюродной сестры, о существовании которой я до того времени и не подозревал:

«Здравствуйте, Василиса (отчества, извините, не знаю)! С сердечным приветом к Вам Мария – племянница Ивана Ефимовича Коняева. Всё по порядку: моя девичья фамилия Гололобова. До 14 лет жила в Кам-Курске, наш дом был напротив Ковыршиных, а рядом жили Пожидаевы. Прошло много лет, и я решила разыскать Вас... Василиса, милая, я помню Вас девушкой и люблю, потому что Иван любил вас. У меня к Вам огромная просьба: если Вы живы-здоровы, напишите подробно о себе. У Вас, я знаю от своих родственников, приезжавших в Хабаровск, две доченьки (дочь и сын –

Н.К.), они мне сёстры двоюродные (моя мама и Иван – брат и сестра), а я даже не знаю их имён... Сестрички, откликнитесь! Буду ждать с нетерпением!»

Завязалась переписка. Я попросил её прислать свои воспоминания об отце-матери, деде Ефиме и бабушке Алёне.

«Дорогой Николай! – пишет она 21 августа 2004 года. – Ну и задал ты мне задачку! Вот, опять думаю: наш дед Ефим был рад новой власти. Раньше и я считала новую власть за благо. А теперь не считаю. Ведь это надо же было раскулачить деда (Александра Гололобова – Н.К.)! Всё хозяйство согнали со двора. У моего отца была лошадь, так и её забрали. Помню, как баба Хима плакала, увидев свою лошадь с потёртой хомутом шеей. И я помню эту лошадь. Её звали Белоножка – на ногах были «белые носочки». Дед всё наживал своим трудом. Пахал и сеял, убирал и молотил – всё своими руками. Дети и родственники помогали. А детей у него было семеро – три сына и четыре дочери. Два сына и две дочери имели свои семьи, и всем хватало места в пятистенном доме. В одно мгновение всё рухнуло: одних сослали, другие разбежались, кто куда... Если б не было её, этой новой власти, не нужно было бы никому никуда бежать. Жили бы все одним домом, и были счастливы...»

Что я мог ответить пожилой сестре? Что близка она к главному: самая большая, невосполнимая утрата русского крестьянства времен коллективизации – утрата своего дома. Ни скотины, ни земли, ни прочего хозяйства и богатства – как бы то ни было, а всё это при желании дело наживное. А именно Дома. Как места родовой ауры, хранилища векового опыта, лада и гармонии народной жизни. Которого, увы, уже не обрести!..

Из переписки же с Марией Никифоровной стало известно о печальной участи её родной, а моей двоюродной сестры Антонины Никифоровны (Тонюшки). Красавица Тонюшка в середине 1950-х вышла замуж по любви в Хабаровске, но вскоре, со слов Марии Никифоровны, «открылась вероломная измена мужа». Впечатлительная, легко ранимая, романтическая натура не нашла иного выхода, как добровольно уйти из жизни.

6. Дед Егор Акимович и бабушка Марфа Ивановна

Будешь во времени – и нас вспомяни.

В.И. Даль. Пословицы русского народа

Если изо всех своих бабушек и прабабушек смутно помню только прабабушку Елену Федосеевну, то из дедов и прадедов – деда Егора.

Егор Акимович Курников, как и его отец в своё время, привёз жену из Мохового Привала.

Бабушка Марфа Ивановна Петрищева (1897–1940) была младшей из двух дочерей зажиточной семьи Ивана и Елизаветы Петрищевых, имевших единственный в деревне двухэтажный деревянный дом. После революции 17-го года дом конфисковали, в нём разместилась семилетняя школа, сгоревшая в 1950-х. О том, как сложились судьбы Петрищевых в дальнейшем, доподлинно не известно, следы их пребывания в Моховом Привале теряются в середине 30-х.

Даже после вынужденного переселения в землянку у Петрищевых осталось кое-что из бывшего «добра», как говорили иные кам-курчане ещё в 1960-х, помнившие, что Марфа Ивановна переехала к «елечкиным» с приданным «на пятнадцати подводах». Это немаловажное, но в большей степени мифическое обстоятельство какое-то время питало недобрые домыслы о том, что «Егор женился не на Марфе, а на её богатстве»...

Мои дед с бабушкой прожили достойно очень непростые жизни, богатые на события, неожиданные, подчас трагические повороты и развязки, вызванные перипетиями непредсказуемой эпохи. Родили семерых детей, пятерых вырастили и поставили на ноги: Анну (1920–1957), Василису (1924 – 2008, мою маму), Федору (1927–1953), Нину (1929), Виктора (1933–1972). В 1922 году был рождён первый мальчик, но он умер в грудном возрасте, а последняя в семье – девочка Маняша (1935) умерла четырёх лет от роду...

В 1920-е Егор Акимович с женой и малолетними дочками проживали в пятистенном доме на «родовом поместье».

С рождением первых внушек Елена Федосеевна с Лаврентием Фёдоровичем перешли в избу. Но жили одним домом, как и заведено было испокон веков на Руси. Хозяйствовали умело и рачительно. К началу 1930-го держали 9 дойных коров, нетель, три лошади, овец, свиней, кур... В хозяйстве имелись конные сенокосилка, грабли, жатка, веялка. Работать приходилось в четыре пары рук от зари до зари. Девочки подрастали, им требовались внимание, уход, и Егор Акимович нанял домработницу – няню. Марфа Ивановна на протяжении всей своей короткой жизни собственноручно перешивала дочкам старые наряды из своего «приданого». На одной с ними улице также успешно вели хозяйства большие семьи Архипа Прокопьевича Бобрышева и Ивана Михайловича Чеглакова. Но тучи над крепкими семейным гнездами сгущались. Со стороны красноезвёздного Кремля на крестьянскую Россию неотвратимо надвигался чёрный «год великого перелома», поставивший крест на столыпинской реформе и положивший начало второму – после исторического Октября – этапу массовой перековке живого человеческого материала.

Ещё в 1920-х кое-где в районе стали создаваться кооперативные сельскохозяйственные объединения. Коммунам передавались изъятые у крестьян постройки, племенные лошади, сельскохозяйственные машины. В 1928-м в селе Копьёво в товарищество по совместной обработке земли «Красная Зорька» согнали 18 крестьянских хозяйств, а к началу 1930-го объявили коммуны «Новая жизнь», объединившую всех поголовно крестьян со всем их небогатым скарбом и скотом. Однако после сталинской статьи «Головокружение от успехов» в апреле 1930-го все мужики из коммуны разбежались...

Сталинский курс перехода «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества» к политике «ликвидации кулачества как класса», одобренный марксистами-аграрниками в декабре 1929-го, нуждался в специальной репрессивной программе. Такая программа не заставила себя долго ждать. 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило «Мероприятия по ликвидации кулацких хо-

зяйств в районах сплошной коллективизации», положившие начало массовой ссылке. По Сибкраю был установлен план по раскулачиванию в 50 тысяч хозяйств, раскулачили же к лету 1930-го – 60 тысяч. В Омской области к апрелю 1930-го подлежало раскулачиванию 11,2 тысячи хозяйств.

К районам сплошной коллективизации были отнесены Большереченский и Муромцевский. Постановление Большереченского райисполкома и райкома партии обязывало к началу весеннего сева объединить 92% крестьянских хозяйств. А так как в районе преобладало животноводческое направление, то и в Кам-Курске решили организовать крупный животноводческий колхоз. В соответствии с программой на столы комитетчиков к весне 1930-го легли списки наиболее зажиточных, авторитетных земляков, «рассортированных» по трём категориям: а) «контрреволюционный кулацкий актив», подлежащий немедленному аресту, а их семьи – выселению; б) «кулацкие авторитеты» (они подлежали выселению в отдалённые северные районы СССР) и в) «лояльные по отношению к советской власти» (после раскулачивания их предполагалось расселить в пределах своего района на специально отведённых землях)...

Местные большевики хорошо понимали: успех мероприятия во многом будет зависеть от поведения середняка. А середняк пойдёт в колхоз, когда увидит, что пошёл зажиточный. Пошёл крепкий хозяин, значит, дело стоящее, можно положиться на его чутьё и опыт. Не пошёл, и ты не торопись. Поэтому Егору Акимовичу, как и Архипу Бобрышеву, и Ивану Чеглакову, было предложено вступить похорошему и непременно в первую очередь, дабы показать пример середняку. Но и намёк большевиков был прозрачен: или в колхоз – или в Нарым.

Почесав затылки, Бобрышев с Чеглаковым выбросили над своими хозяйствами «белые флаги», но Егор Акимович оказался мужиком упёртым и сказал как отрезал: «Нет!». Организаторы колхоза не смирились с непредвиденным упрямством, но и сразу не тронули. Дали срок на размышление. Вероятно, поначалу связывало руки то пикантное обстоятельство, что в их сплочённых, негнибаемых рядах

состоял родной брат Егора – Пётр Курников. Да и сам Егор Акимович со многими из них в восемнадцатом году прятался в лесах от колчаковской мобилизации. Можно сказать, свой, сочувствующий мужик, а вот поди ж ты!..

Дед, полагаю, потому и открещивался от колхоза, как от чумы, что хорошо знал печально известную историю создания Большереченского совхоза... В феврале всё того же, 1930-го, на территории района в спешном порядке создавались Большереченский (переименованный вскоре в Красноярский) и Козинский совхозы. Почти всё трудоспособное население в зоне Красноярского совхоза стало его рабочими. Комплектование стада происходило во второй половине 1930-го частично за счёт госпоставок, но в основном за счёт контрактации скота в крестьянских хозяйствах и конфискации у кулаков. К концу года одних только лошадей было «мобилизовано» 700 голов. А так как в заботах за «досрочное выполнение» важного государственного задания по формированию совхозного стада о необходимых кормах и утеплённых помещениях большевики «вспомнили» «неожиданно нагрянувшей» зимой, то начался невиданный ранее массовый падёж награбленного у населения скота. Остаток стада спасли, разместив на зиму в крестьянских дворах. Середняк видел всё это разгильдяйство и, что называется, мотал на ус...

Какое-то время Егору Акимовичу многое сходило с рук. Его предупредили, пригрозили, подвели под «твёрдое задание». Дед отныне должен был сдавать колхозу ежегодно энное количество молока и мяса. Но и от подписи такого обязательства он категорически отказался. Согласился лишь на обязательную сдачу молока маслозаводу при условии обмена излишков на сливочное масло.

И у комитетчиков лопнуло терпение. Из стола в конце концов была извлечена бумага со списком лиц «второй категории»...

В один из летних поздних вечеров 1931-го сосед, имевший «свое ухо» в сельсовете, постучал в окно:

– Худая весть, Егор Акимыч! Принято решение о высылке. Плохо, вишь ли, выполняешь твёрдое задание, про-

тивисься советской власти. А ещё и за сплутацию... Домработницу держал!

– Когда? – только и спросил мой дед.

– Может, завтра, может, послезавтра...

– А Пётр? Братка что там говорит?

– А что твой братка? Братка в рот воды набрал, глаз не подымает. Так что, не дреми!

Егор Акимович предчувствовал беду.

Настал его черёд не из-за домработницы. Заглянем в Солженицына:

«Кулаком» называется по-русски прижимистый бесчестный сельский переторговщик, который богатеет не своим трудом, а чужим, через ростовщичество и посредничество в торговле. Таких в каждой местности и до революции-то были единицы, а революция вовсе лишила их почвы для деятельности. Затем, уже после 17-го года, по переносу значения «кулаками» стали называть (в официальной и агитационной литературе, отсюда вошло и в устный обиход) тех, кто вообще использует труд наёмных рабочих, хотя бы по временным недостаткам своей семьи. Но не упустим из виду, что после революции за всякий такой труд невозможно было не уплатить густо – на страже батраков стояли комбед и сельсовет, попробовал бы кто-нибудь обидеть батрака!» А, подозреваю, потому, что «надо было освободить деревню также и от тех крестьян, кто просто проявлял неохоту идти в колхоз, несклонность к коллективной жизни, которой они не видели в глаза и о которой подозревали (мы теперь знаем, как основательно), что это будет руководство бездельников, принудиловка и голодаловка...» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. Части 1-2. – Москва, 1991).

В ночь на «послезавтра», забрав жену, двух дочек – двухлетнюю Нину и четырёхлетнюю Фешу, дед тайком бежал на лошади сначала в Большеречье, оттуда – в Омск, из Омска поездом – куда-то на Байкал, оставив на попечении пожилой матери внучек – семилетнюю Василису и одиннадцатилетнюю Анну...

Через день-другой после внезапного бегства половины большого семейства явились комитетчик Марк Прилепин с активистами – рябым невзрачным мужичонкой по имени Артюшечка (вот ведь как судьба играет с человеком – ни фамилии, ни отчества не осталось в памяти – только это имечко с уменьшительно-презрительным оттенком!) и Петром Акимовичем – родным Егоровым братом. Предъявили казённые бумаги и вывели со двора всех до единой коров, двух оставшихся лошадей, выгнали овец, свиней, описали инвентарь...

У Елены Федосеевны ноги подкосились, заголосила, уцепилась за рукав старшего сына.

– Что ж ты, антихрист, делаешь? Они-то хоть чужие, – кивнула на Артюшечку с верховодившим разором Марком Прилепиным, – им не жаль добра чужого – своего не наживали! Им не впервой, как татам, грабить-разорять, а ты-то, сукин сын, зачем пришёл?

– Я не под собой... – потупясь, буркнул с утра нетрезвый сын.

– Ты зачем пришёл, я спрашиваю? Кого зорить явился? Мать родную? Брата? Я для того тебя, поганца, произвела на свет?

– Я не под собой... Должен был прийти... Есть распоряжение!

– А подотрись своим распоряжением! – распаялась мать. – Что я без коровы буду делать с девками? По миру пустить?

Прилепин отталкивал плачущую Елену Федосеевну от растерявшегося сына. К бабке жались перепуганные, зарёванные внучки Анна с Василисой...

– Егор тоже хорош... – бормотал Пётр Акимович. – Думал, шуточки ему... Если б о семье заботился, был бы рядом с братом!

– Не приведи, Господь! – накинулась на сына Елена Федосеевна. – Вон с родительского двора!

В один вечер активисты очистили большой крестьянский двор. Лишь переполошенные куры жались по углам к плетню.

Но и на том не завершилось.

– Сказывай, где сын?

– Откудова я знаю? Он мне не доложил.

– Бабка, не шути. Это не игрушки!

– На покосе он.

– Ты за кого нас принимаешь?!

– А кабы знала, не сказала.

– Потребуется, скажешь.

– Или будете пытаться, как в восемнадцатом колчаки? – нервно рассмеялась Елена Федосеевна и, задрвав подол, повернулась задом. – А ну давай! Мне не впервой! Сдюжила от белых, сдюжу и от красных!

Плюнули. Свезли на колхозный двор косилку, грабли, веялку и жатку...

– Дом тоже конфискован! – объявил Прилепин. – Отныне он принадлежит колхозу. Веди девчонок в избу. Потом решим, что с вами делать!

– Куда мы в избу впятером? Пусть девки в доме поживут!

– Кулацким детям не положено!

Прабабушку с внучками Анной и Василисой буквально вытолкали из дому. На дверь навесили замок. Через неделю вселили квартирантов – трёх прибывших на маслозавод специалистов из Омска. Городские женщины сдружились с девочками, но к бойкой, острой на язык Елене Федосеевне подходить не смели и к себе не допускали.

К осени дедов дом раскатали, перевезли на улицу Задовку, собрали там впритык к маслозаводу. Для удобства квартирантов.

И поныне стоит на высоком фундаменте дедов дом на Задовке. Потемнел, забронзовел от времени. Долго ещё простоит...

Лишь через полгода благодаря хлопотам настырной Елены Федосеевны вернули одну из дойных коров:

– Выкармливай своих кулацких внучек!

В начале 1933-го после почти двухлетних скитаний по Иркутской области вернулись, спасаясь от голода, Егор Акимович с женой и не с двумя, а уже с тремя детьми:

10 января в поезде по пути следования из Иркутска в Омск родился сын Виктор. Первый, рождённый вне родины, Курников...

Деду Егору крупно повезло. В 1931-м многие из тысяч крестьянских семей, высланных по «второй категории» с территории нынешней Омской области, погибли в нелёгком пути и в первые годы ссылки. Не все крестьяне покорно сносили небывалое в истории России насилие. В соседнем с Большереченским – Муромцевском районе вспыхнуло восстание. В феврале 1930-го группа тармаклинских мужиков под предводительством Ивана Шаварнаева освободила из-под стражи в селе Кондратьево нескольких объявленных кулаками крестьян. Это событие подтолкнуло взбунтовавшихся к решительным действиям. Мужиками было выдвинуто требование к местным властям о прекращении арестов и высылки земляков. В деревне Резаны формировались отряды, вооружённые охотничьими ружьями, была даже предпринята попытка захватить Муромцево. В этом скоротечном бунте приняло участие свыше 1500 крестьян из 28 сёл и деревень. После жестокого подавления бунта решением Особой тройки ОГПУ 62 человека было расстреляно и более 300 (а по другим сведениям – более 400) приговорено к длительным срокам лагерей. Об этих мало кому известных трагических событиях потрясающе рассказано в романе-хронике известного омского писателя Михаила Шангина «Мятеж обречённых», удостоенном премии администрации Омской области в 1999 году...

Дед же с бабушкой после побега вернулись на родину, хоть и к разорённому гнезду. Одна изба на просторном, поросшем сорной травой дворе. А в избе девятерым и не повернуться. И если для деда утрата родного дома была, по сути, первой в его жизни серьёзной утратой, то для бабушки Марфы Ивановны – второй после 17-го года. Она так и не смогла её пережить. Замкнулась, ушла в себя.

Но, прощённые «великодушной» властью, не схваченные сразу же по возвращении, не сосланные всё-таки «в отдалённые северные районы», Егор Акимович с женою вновь закатали рукава. От безысходности пошли в колхоз. Вскоре,

как рачительный хозяин, Егор Акимович бригадировал на ферме, руководил полеводческой бригадой. Марфа Ивановна работала дояркой. Девчонки подросли. Стали понемножку обрастать хозяйством, подумывать о новом доме для большой семьи... Повезло и в 1937-м. В течение одного только этого года по решению Омской «тройки» было расстреляно 11 тысяч и 6 тысяч отправлено в лагеря...

Во время войны пятидесятилетний Егор Акимович служил в трудармии, вернулся цел и невредим. Благодаря извечной русской «помочи» под зорким оком старого Лаврухи выстроили новый пятистенный дом на месте конфискованного. Но бабушке Марфе Ивановне не долго пришлось в нём пожить – она скончалась в сентябре 1949-го. После смерти жены Егор Акимович постепенно отошёл от колхозных дел: всё чаще стал он подрываться на строительство домов, избышек, бань в деревнях и сёлах...

«Свезти бы дедовы постройки да со всей округи – получится деревня. Да ещё какая!» – размышляет герой моей повести «До поры до времени» писатель Веремеев о своём деде Петруне – прямым прототипом которого является Егор Акимович. – *Солнечная, светлая. Весёлые наличники, причудливые ставенки, жестяные петушки на тесовых кровлях! Веремеевские зодчие гремели по району, но тем дед и выделялся изо всей артели, что в эти «безделушки» вкладывал всю душу...».*

И поныне стоит «новый» дедов дом. Проживают в нём его младшая дочь – 75-летняя пенсионерка Нина Егоровна с мужем Анатолием Ивановичем Ячменёвым (дочки давно отделились, живут своими семьями – старшая Алла в том же Кам-Курске, младшая Ольга – в Омске). Иногда я с горечью думаю, что вот уйдут из жизни старики, и – всё, уйдёт за ними дом «со всеми тайнами его», как сказал один большой русский поэт, и засохнет на заднем дворе вековая рябина, и осыплется трухой сопревший сруб затянутого илом дедова колодца с иссушённым временем, треснувшим повдоль бревном скрипучего «журавеля» по соседству с упавшим и сгнившим плетнём запущенного дворика

умершей много лет тому назад тётки моего отца – бабушки Марфуты Гололобовой. И станут жить в нём не знакомые мне люди, которым вряд ли будет любопытно знать, какая драма русской жизни разворачивалась здесь, на этом пятачке Сибири, на протяжении всего немыслимо жестокого по отношению к крестьянину XX столетия...

Р.С. Эту главку я окончил в сентябре, а 13 ноября 2004-го получил известие о внезапной кончине дяди Толи – Ячменёва Анатолия Ивановича. Вечного труженика. Одного из последних хранителей дедова «гнезда».

7. Отец

(Неоконченная глава)

*С войны не возвращаются. Не лги,
Что будто бы с неё вернуться можно...*

Алексей Смольников

Отец, Иван Ефимович, родился 10 января 1921 года в деревне Кам-Курск Тобольской (на то время) губернии. Он был третьим ребёнком, младшим сыном в семье.

На фотографии 1933-го ему – 12 лет. (К слову, моя сестра Людмила, выражаясь на современном сленге, склонировала облик отца – те же тёмно-карие большие глаза, высокий крутой лоб, круглый подбородок.) На фотографии отец стоит справа от деда в серой подпоясанной рубахе. В широко раскрытых глазах – едва сдерживаемая озорная улыбка...

Учёба ему давалась легко. Племянница Машенька (Верхотурова М.Н. – Н.К.) иногда наводила порядок в его школьном уголке и делала «ревизию» в тетрадях, за что он называл её учительницей. Летом мастерил велосипед из каких-то колёс, но ездить на нём не пришлось. Рыбачил на озере и часто заносил племянницам рыбки – карасиков, голянов.

У бабушки Химы (Евфимии Алексеевны) в сундучке хранились деньги – мятые трёшницы, пятёрки. Денег было немного, бабушка пересчитывала купюры поштучно, но общую сумму никак не могла сосчитать.

– Ваня, помоги! – обратилась однажды к моему отцу.

Отец помог. Бабушка вновь пересчитала – выявила недостачу.

– Ваня, ты денежку взял?

Отец очень обиделся:

– Больше я тебе никогда деньги считать не буду!

Юмором обладал. Пришли как-то к нему две девушки. Спрашивают:

– Иван, как твоего щенка зовут?

Отец отвечает:

– Отгадай!

Гадали, гадали: и Шарик, и Бобик, и Тузик...

– Ну, как же, всё-таки?

– Отгадай!

Оказывается, кличка у щенка была такая – Отгадай...

Отец был черноволос, широкоплеч, слегка косолап. С детства прилипло к нему прозвище – Цыган. Сызмала выделялся он из среды сверстников неукротимым нравом. И до конца дней своих не утратил свойственного ему чувства юмора. Вопреки суровым жизненным обстоятельствам – раннему сиротству, полуголодному детству, не терял бодрости духа и жизнелюбия. С удовольствием играл на клубной сцене в самодеятельных спектаклях, устраиваемых комсомольцами и активистами. Выступал даже в роли клоуна. Вот уж не знаю, не могу себе представить, откуда он черпал репертуар, скорее, импровизировал, но импровизировал до того талантливо, что смешил публику до слёз, до колик в животе, до полного изнеможения. Не избалованные зрелищами, односельчане после напряжённого трудового дня валом валили в клуб исключительно на Ваньку Цыгана, и, если вдруг выяснялось, что Цыган сегодня не играет, спектакль проходил в полупустом зале, если не отменялся вообще.

Играл на балалайке и гармошке... Впрочем, в те времена любой кам-курский парень, не освоивший гармони, не считался дозревшим до гулянок. Ефим Васильевич купил сыну гармонь, а хорошая гармонь в деревне считалась роскошью. Весёлый гармонист – желанный гость в любых компаниях, на вечёрках, «пяточках». Обладая совершенным музыкальным слухом, играл виртуозно, и опять же, если Ваньки-Цыгана с его голосистой гармонью по каким-то причинам не оказывалось на гулянке, вечер считался испорченным. На этой почве у отца случались стычки со сверстниками – гармонистами-конкурентами...

Рассказ о детстве мужа одной из героинь повести «Околоток Перековка» – Гусарихи почти дословно списан с воспоминаний матери о детстве моего отца:

«...Он парнишкой смуглым, кучерявым был. В Рямовке, где жили, звали Цыганёнком, а подрос – Цыганом окрестили... Он сам привык к такой кликухе. Ефим – окликнешь, – ноль внимания, а на Цыгана отзовется. На гармони с малолетства насобачился играть, у них в роду все были гармонистами. Сопляком ещё был, в одной руке – калач, в другой – яйцо варёное, а на пупу гармонь... Пиликал да пиликал, да так, Симуня, наловчился, что взрослых всех перепиликал. На пятачки и вечеринки стали приглашать. Скликашь, бывало, девок на гулянку, а девки в один голос: будет Цыган, так придём, а не будет – делать нечего... Во все компании тянули нарасхват... Не думала, что с ним судьба сведёт...»

Ранняя смерть матери не позволила продолжить учёбу. Пришлось идти в колхоз. От своего отца он перенял навыки кузнечного и ковальского ремесла, очень пригодившиеся в жизни; какое-то время работал молотобойцем в кузнице, а затем смышлёного, грамотного парня пригласили в сельсовет на должность секретаря-делопроизводителя. В то время на гулянках и приглядел он бойкую кареглазую девушку с толстой, длинной, чуть ли не до пят, косой – одну из четырёх сестёр большой семьи Курниковых. И Василисиному сердцу мил был неугомонный сельсоветчик-гармонист, но не столько отцу с матерью, сколько бабушке Елене Федосеевне очень уж претило видеть свою внучку замужем за «гольёй перекатной». В колхоз Коняевы вступили, но перебивались с хлеба на квас. Вообще, должен сказать, «сельский пролетариат» у потомственных крестьян никогда не пользовался большим уважением и авторитетом, не понимали и не принимали труженики от сохи в свой круг людей, равнодушных к земле. И это несмотря на то, что сами Курниковы после рокового 1931-го так и не встали твёрдо на ноги...

В 1939-м отец поделился своим горем с племянницей Машенькой. Однажды он гулял с Василисой, а бабушка Елена Федосеевна их скараулила и накричала, оттолкнула его. Он отошёл и заплакал от обиды. И всего лишь через месяц-полтора после прабабушкиной выходки женился на одной из многочисленных, должно быть, своих воздыхательниц – молоденькой доярке Варюше...

А в июле сорокового пришла повестка в армию. И можно представить, как изумилась, вспыхнув от смущения, Василиса, когда женатый сельсоветчик, встретив её в клубе и отозвав в сторонку, вложил в ладонь «на память вечную» свою единственную «взрослую» карточку. В 1952 году, увеличенная, вставленная под стекло в деревянную рамку, она займёт свое место на стенах нашего семейного очага вот уже на пятьдесят два года...

Через полгода в армию пришло письмо от брата. Егор писал, что Варя оказалась девчонкой легкомысленной. Приехав в отпуск перед самой войной и убедившись, что брат прав, отец расторг скоропалительный брак и отправился дослуживать.

Но вернулся в Омск через шесть долгих лет, в мае 1946-го, пройдя все круги выпавшего на долю фронтового ада. Чтобы после короткой передышки ещё раз пройти по уготованным судьбой адовым кругам – теперь уже тюремно-лагерным...

Я часто мысленно корю себя за то, что в детстве не спросил, не выведал, не выслушал отцовых рассказов о военной и лагерной судьбе. Да и рассказал бы он обо всём ребёнку? Как и большинство фронтовиков, понюхавших пороху от первого до последнего дня войны, с боями прошедших от Подмосковья до Берлина, повидавших крови и других сопутствующих любой войне страданий и трагедий, он не любил воспоминаний. И мог ли я, девяти-десятилетний мальчик, только-только почерпнувший из школьных учебников самые общие сведения о войне, – мог ли я понять его, разделить с ним его правду, способен ли был увидеть пережитое его глазами?.. Потому-то и уклонялся он от ответов на мои не очень настойчивые, наивные детские расспросы...

Мне пятьдесят. Я уже на шесть лет пережил отца и вдруг со стыдом обнаруживаю, что ничего не знаю о его фронтовых дорогах и послевоенных мытарствах. Запоздалые запросы в военкоматы положительных результатов не приносят. Большеереченский (а Кам-Курск в годы войны относился к Большеереченскому району Омской области) обескураживает первым:

«9.02.05. № 113. На Ваш запрос сообщаю, что в архиве Большереченского военного комиссариата сведений о призыве и прохождении военной службы, а также сведений о фронтовых наградах на Коняева Ивана Ефимовича нет. Данные о призыве по мобилизации имеются с 1941 года. (Отец, напомню, был призван в армию в июле 1940-го. Жаль, в конце 1970-х в Кам-Курске скончался Егор Рощупкин, призывавшийся в один день с отцом – Н.К.) Для наведения дальнейших справок рекомендую обратиться в военный комиссариат по месту жительства в целях оформления запросов в архивы МО РФ. Военный комиссар В. Дмитриук».

В объединённом военном комиссариате Ханты-Мансийска (по месту жительства) сведений о постановке на учёт по приезду отца в Самаровский район и снятия с учёта в связи со смертью... нет. Служащая военкомата объяснила: «нет» не потому, что не состоял на учёте (возможно, и состоял), но, видите ли, все документы до 1965 года могли быть уничтожены по истечению сроков хранения. Вот так просто: «Могли быть уничтожены»...

На всякий случай обратился не только «по месту жительства», но и в Омский областной военкомат. Ответ последовал спустя два с половиной года после напоминаний: «29.08.07. № 2173. Ваше письмо, поступившее в военный комиссариат Омской области, рассмотрено. К сожалению, сведениями о судьбе Коняева Ивана Ефимовича, 1921 года рождения, в послевоенный период не располагаем. Начальник 4-го отдела ВК Омской области полковник С. Бахирев».

И только из Муромцевского райвоенкомата получил, наконец, обнадёживающую справку: «25.01.05. № 105. По данным нашего архива, имеются сведения следующего содержания: Рядовой, Коняев Иван Ефимович, 1921 г.р., проходил военную службу с июля 1940 по май 1946 года, убыл на постоянное место жительства в г. Омск в апреле 1948 года (Дело с актами инв. № 9 на уничтожение учётных карточек на военнообязанных запаса, снятых с воинского учёта за переменами места жительства стр. 20 за № 316).

Другими сведениями наш военный комиссариат не располагает. ВРИО военного комиссариата Муромцевского района майор В. Меньшиков».

Появилась хоть какая-то зацепка для дальнейших поисков. По крайней мере, срок службы известен. Только вот совершенно не понятно, откуда убыл? С места службы или последнего места жительства в Муромцевском районе? Почему в апреле 1948-го, если известно, что в конце 1946-го или в начале 1947-го он был арестован и осуждён? Но и этой справки Ханты-Мансийскому военкомату недостаточно, чтобы сделать запрос в Центральный архив Министерства обороны...

«Никто не забыт, ничто не забыто?»

В мою детскую память запали обрывки немногословных рассказов отца в кругу друзей о том, как в первые месяцы войны их угодивший в самое пекло, разгромленный батальон попал в окружение, из которого горстка уцелевших бойцов выходила трудно и долго, босиком, в обмотках, голодные и завшивленные. Что стремительно развивавшие свой успех немцы в начале войны даже и не преследовали окружённых, в открытую выходивших из лесов на дороги и просёлки близ сёл и деревень, а только с башен лёгких танков и кузовов машин показывали пальцами и с гоготом выкрикивали на ломаном русском: «Рус Ваня! Рус капут! Сталин капут!» да выпускали для остротки или забавы ради короткие автоматные очереди...

Как, выйдя из окружения, вновь был зачислен в действующую часть, таскал на себе тяжёлые катушки кабеля и, нередко лёжа в снегу или весенней жирной грязи, под обстрелом с двух сторон восстанавливал повреждённую связь. На фронте вступил в партию. Был награждён медалью «За отвагу» и какими-то ещё наградами. Перенёс тяжёлую контузию. А в мае победного года у стен рейхстага лицом к лицу столкнулся с земляком-танкистом Иваном Петровичем Курниковым – сродным материнным братом, ещё не ведая о том, что встретился с будущим родственником. Отцу чудом повезло: рождённый в двадцать первом, он, в отличие от подавляющего большинства ровесников,

уцелел. На фронтах Великой Отечественной погибло более 113 тысяч омичей. Отец вернулся.

Вновь у военкома в объединённом военном комиссариате Ханты-Мансийска по «месту жительства»:

– Что будем делать? Неужели никаких шансов?

– Шансы невелики, – подтверждает худшие предположения исполняющий обязанности военкома. – Что мы реально имеем? Справку Муромцевского военкомата о прохождении службы с июля 1940 по май 1946 да утверждения племянницы о наградах дяди... Этого недостаточно для обращения в Центральный архив Министерства обороны...

– И всё-таки попробуем?

– Попробуем... Сделаем запрос на подтверждение факта награждения медалью «За отвагу», а там посмотрим...

Не полагаясь стопроцентно на военкомат, обратился к начальнику Центрального архива с личной просьбой о содействии в получении любой имеющейся в фондах информации об отце. К счастью, попытка удалась. В ноябре 2007-го получил справку за подписью старшего помощника начальника архива Савельева:

«Сообщаем, что гв. кр-ц Коняев Иван Ефимович, 1921 г.р., уроженец Омской области, Большереченского района, д. Кам-Курск, повозочный роты связи 35 гв. стрелкового полка 10 гв. стрелковой дивизии, награждён медалью «За отвагу», № 1834729 приказом 35 гв. с.п. № 029 от 6.11.44 г. Награда вручена, удостоверение В-925848. Основание: ЦАМО, картотека учёта награждённых».

Это был прорыв в моих разысканиях! Номера полка и дивизии явятся отправной точкой основательных поисков по всем направлениям! Куда-нибудь да выведут!

Более того, в приложенной к официальному ответу записке заведующей архивохранилищем Фоминой после обстоятельных разъяснений, что, согласно существующему положению, «письма отдельных граждан предметно-тематического характера, связанные с поиском и изучением большого количества архивных документов, Центральным архивом не исполняются», а «справки, копии и выписки из документов могут быть выданы только по вопросам соци-

ально-правового характера», рекомендовалось «прибыть в ЦАМО для работы на правах исследователя».

В январе 2008-го тождественного содержания справка о награждении отца поступила и в Ханты-Мансийский райвоенкомат.

В Подольск предстоит дорога. Однако такая возможность предоставится не очень скоро, а душа-то не терпит!

Из бездонных колодцев интернетовской информации удалось выудить крупницы сведений о 35-м гвардейском стрелковом полку 10-й гвардейской стрелковой дивизии. В этом подразделении отец мог служить со дня выхода из окружения в сорок первом до своей контузии. Сестра Людмила помнит отрывки его воспоминаний о том, как после какого-то боя он очнулся в госпитале от страшной головной боли и абсолютно глухой. Хуже того, хотел попросить воды, но ни слова не смог произнести – утратил речь. Не знаю, сколько времени находился отец в таком состоянии. Свои просьбы медсёстрам и врачам писал карандашом на клочках бумаги. Речь и слух возвращались медленно, но... возвращались! Вот только страшные головные боли, по-видимому, остались на всю его короткую жизнь...

В июле 1941-го, по крупницам сведений, которые удалось собрать «с ходу» (серьёзные поиски впереди!), 112-й стрелковый полк 52-й стрелковой дивизии с марша вступил в бой на рубеже реки Западная Лица против превосходящих сил немецкого 19-го горнострелкового корпуса. В декабре 1941-го за оборону Мурманска дивизия была преобразована в 10-ю гвардейскую стрелковую, а полк – в 35-й гвардейский. В мае 1942-го полк участвовал в бою за высоту «Орлиное гнездо», которую гитлеровцы во что бы то ни стало пытались отбить за господствующее положение над местностью. Гвардейцы несли большие потери. Погиб весь взвод боевого охранения...

В сорок втором отец вполне мог оказаться в составе 35-й гвардейской...

И уже с полной уверенностью могу утверждать, что медаль «За отвагу» вручена ему 6 ноября 1944 года за отличие

в Петсамо-Киркенесской операции. О том, что это была за операция, рассказывается в краткой, но содержательной справке А.В. Басова:

«Петсамо-Киркенесская операция – наступательная операция войск Карельского фронта (командующий – генерал армии К.А. Мерецков) и Северного флота (командующий – адмирал А.Г. Головкин), проведённая 7 октября – 1 ноября 1944 года с целью освобождения района Петсамо (ныне – Печенга). 19-й немецкий горно-егерский корпус (3 горные дивизии и 4 бригады, 53 тыс. чел., 753 орудия и миномёта; 160 самолётов из состава 5-го воздушного флота) из состава 20-й горной армии занимал глубоко эшелонированную оборону в условиях труднопроходимой местности (скалистые сопки, озёра, фьорды). 14-я армия (командующий – генерал-лейтенант В.И. Щербаков) имела в своём составе 8 стрелковых дивизий (в том числе 35-ю гвардейскую – Н.К.), 5 стрелковых и 1 танковую бригады (97 тыс. чел., 2103 орудия и миномёта, 126 танков и САУ); её поддерживала 7-я воздушная армия (около 700 самолётов). Северный флот участвовал в операции силами 2 бригад морской пехоты, отрядов кораблей и 276 самолётов морской авиации. Главный удар наносился из района озера Чаур по правому флангу 19-го немецкого корпуса в направлении на Луостари – Петсамо. 7 октября 131-й и 99-й стрелковые корпуса прорвали оборону противника и форсировали р. Титовка, а 126-й и 127-й лёгкие стрелковые корпуса обошли по труднопроходимой местности открытый правый фланг противника и к исходу 9 октября вышли в район Луостари. Под угрозой окружения немецко-фашистское командование начало отводить войска с рубежа р. Большая Западная Лица. В ночь на 10 октября Северный флот высадил на южный берег залива Малая Волковая десант в составе 63-й бригады морской пехоты, которая к утру вышла во фланг и тыл противника, оборонявшегося на полуострове Средний по хребту Муста-Тунтури, и во взаимодействии с 12-й бригадой морской пехоты сломила сопротивление врага в этом районе. Вечером 12 октября торпедные катера прорвались в Петсамский залив и высадили в порту Лиинахамари

десантный отряд, который 13 октября соединился с 63-й бригадой, освободив Лиинахамари. В ночь на 15 октября был освобождён Петсамо, а 22 октября – Никель. Войска 14-й армии при содействии десантов развернули преследование отходящего противника и 22 октября пересекли норвежскую границу. 25 октября после упорного боя был освобождён норвежский г. Киркенес. К 1 ноября район Петсамо был полностью освобождён. Флот поддерживал огнём и авиацией наступление приморского фланга армии на всю глубину операции, высаживал десанты в труднодоступных с суши пунктах побережья. Подводные лодки, торпедные катера и авиация Северного флота действовали на морских коммуникациях, препятствуя снабжению и эвакуации вражеских войск. В ходе Петсамо-Киркенесской операции советские войска разгромили немецко-фашистские войска в Заполярье и положили начало освобождению Норвегии» (samsv.narod.ru/Oper/1944/petsamo-kir.html)...

Предполагаю, контузию отец получил в боях за Петсамо, а из госпиталя был переведён в другую армию (на другой фронт), впоследствии приняв участие в штурме Берлина...

Вчитываюсь в краткие сведения о прославленных снайперах – однополчанах отца: Назара Мидова из Кабардино-Балкарии, аварца Саида Алиева из Дагестана – будущего Героя Советского Союза, русского Василия Миронова, белоруса Николая Легкова. Дорога любая информация о каждом из них. Наверное, потому, что все они, такие далёкие от нас во времени, но дорогие сердцу каждого ныне живущего сына, внука, правнука, могли знать друг друга в лицо, встречаться, разговаривать, курить по кругу на привалах... От того же, полагаю, каждый из нас – детей, внуков и правнуков вышедших живыми из той адовой войны отцов, дедов и прадедов, пристально всматривается в кадры военной кинохроники в надежде увидеть родное лицо...

Потому что память о минувшей войне у людей, окончательно не искалеченных цинизмом затянувшегося на десятилетия безвременья, свята и неизбывна...

Два послевоенных года жизни отца – опять-таки сплошное белое пятно.

Воспоминания Верхотуровой Марии Никифоровны, изложенные в письме от 21 августа 2004 года, не вносят ясности в обстоятельства его «дела»:

«В 1946 году мне дали отпуск. Как я его выпрашивала! Билет бесплатный, так как я железнодорожница (работала в вагонном депо в Хабаровске – Н.К.). В дорогу отоварила хлебные карточки. В Омске меня встретил дядя Егор. Он да ещё дядя Иван были нашими самыми близкими и дорогими родственниками. У дяди Егора в то время находился дед Ефим. Не помню, жил или гостил у сына. (Гостил. Дед Ефим в это время жил с женой в селе Перопавловка Муромцевского района. – Н.К.) А в Омске тогда работал шофёром папин брат Александр, у которого мы жили в Хабаровске. Он собирался в рейс и должен был подвезти меня до Кам-Курска. В Кам-Курске я гостила неделю, а по возвращении из отпуска опять заехала к дяде Егору... А там сидит твой отец! Радости моей не было предела. В военной форме, при медалях, орден, а какие награды – не помню. Я ещё пошутила: «Почему так мало?» Он как обычно ответил с юмором: «Эти-то кое-как выпросил! Давали орден Ленина, но я отказался!» Он в то время жил в Омске, работал на танковом заводе. Мне почему-то кажется, что он и служил в танковых войсках. С моим приходом он заторопился: то ли жил далеко, то ли на работу надо было... А в сорок седьмом получаю от него горькое письмо. Сообщал, что работал в Омске на грузовой машине (где, когда – не знаю), и продал кому-то (один или с кем-то – тоже не помню) кузов зерна, за что и получил пять лет... Я была поражена: и жалость к нему, и злость за то, что он сделал, и деда Ефима жалко – ведь он уже старенький, и я помочь ничем не могу... Потом написала, но ответа не было. И почему мне никто о нём не написал? Или не знали, где он находится?»

Мария Никифоровна так и не узнала, что были у её любимого дяди судимость, исключение из партии, по всему, лишение гражданских прав, а затем и побег. (Уж не в том ли 1948-м, когда, по справке Муромцевского райвоенкомата, он «выбыл на постоянное место жительства в Омск?» Не из Петропавловки ли от своего отца, моего деда Ефи-

ма Васильевича? Что рисковавший должностью и головой председатель Кам-Курского сельсовета «выправил» другу детства паспорт на имя одного из «крепостных» колхозников колхоза имени Сталина Алексея Сизова).

Но вскоре отец был задержан повторно. По рассказам матери, однажды в присутствии сослуживцев в центре Омска его узнал односельчанин.

– Иван! – окликнул он.

Отец обернулся на оклик, но вовремя спохватился.

– Коняев! – изумился земляк. – Почто своих не признаёшь?!

– Ты ошибся, парень. Я не Коняев – я Сизов! – твёрдо сказал отец, глядя простоватому парню в глаза в надежде, что тот хоть что-нибудь поймёт...

Но земляк растерялся:

– Какой же ты Сизов? Ты чего, Иван, дурака валяешь? Разыгрываешь, что ли?

– Ты ошибся, парень. Обознался ты!

Сослуживцы, знавшие отца по фамилии Сизов, заинтересованно переглянулись.

– Ну ты даёшь, – обиделся земляк. – Как же обознался? Кто у нас в Кам-Курске твою гармонь не помнит?!

Отец в сердцах сплюнул и пошёл.

Бежать было некуда да и бессмысленно.

За ним пришли ночью на квартиру брата. И вновь стал отец одним из 2199535 советских заключённых, которые, по данным омской Книги Памяти, на 1 января 1948 года отбывали сроки на 63 стройках и лагерях МВД, подчинённых ГУЛАГу, в 1016 исправительно-трудовых колониях, руководство которыми осуществлялось через МВД, УВД республик и областей...

2199535!

Вдумаемся в эту цифру.

И ведь это при том, что с июля 1941-го по май 1945-го некоторые категории заключённых, осуждённых за прогулы, бытовые и незначительные хозяйственные и должностные преступления, специальными указами досрочно освобождались и передавались в армию. Всего по таким вынужденным

«спецамнистиям», по подсчётам одного из создателей тюменской Книги Памяти, краеведа Александра Петрушина, на укомплектование воинских частей было передано ГУЛАГом более 1,5 млн. человек. Казалось бы, в лагерях стало просторнее. Ан нет: 2199535 к началу 1948-го! Это как же надо было постараться гулаговских дел мастерам, чтобы во время войны и в два-три послевоенных года заполнить освободившиеся нары, в основном, догадываюсь, женщинами, стариками, зелёной молодёжью, вернувшимися с фронтов победителями и довести число заключённых до уровня предвоенного года!

А затем было у отца пять лет лагерей, известная в Заполярье «Мёртвая дорога».

Из Заполярья – в Заполярье...

В поисках какой-нибудь зацепки о послевоенной судьбе отца обратился в УФСБ по Омской области. Ответ пришёл незамедлительно: «7.09.07. № 10/8/К-350. В УВД и УФСБ России по Омской области материалов об осуждении Коняева Ивана Ефимовича не имеется. Поиск этих сведений по централизованным учётам Главного информационно-аналитического центра МВД России (г. Москва) положительных результатов, к сожалению, также не дал. Ваше заявление направлено для рассмотрения в Государственный архив Омской области, откуда Вы получите ответ. Начальник подразделения С.И. Познахирев»...

Но и Омский областной архив не обнадёжил:

«8.10.07. № 01-39/779. В архивных фондах учреждений суда и прокуратуры сведений об осуждении Коняева Ивана Ефимовича не имеется. Руководитель О.Д. Пугачёва. Зав. отделом Л.И. Огородникова»...

В конце 1970-х после службы в армии я работал в ревизионном отделе окружного Управления государственного страхования. Однажды получил предложение о переходе на службу в ОБХСС (окружной отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) и после недолгих размышлений дал согласие. Уже, было, заполнил необходимые документы, ждал результатов спецпроверки. Прошёл месяц, другой. И вот вызвал меня замполит: «Что ж ты, дорогой друг, понял, скрыл в автобиографии факт

судимости отца?». Я в ту пору слышал, конечно, от мамы, что у отца после войны была судимость, но где, когда, за что – не имел понятия. Замполиту я так и объяснил. «Жаль, – сокрушённо мотнул выбритым до синевы подбородком улыбчивый замполит. – С такой статьёй отца мы вас, понял, взять не можем». – «А что за статья-то?» – поинтересовался я. – «Плохая, понял, статья».

Разумеется, я ничего не «понял», но на другой же день и думать позабыл как о несостоявшейся службе в ОБХСС, так и, к сожалению, о «плохой судимости» отца...

А ведь откуда-то же они взяли эти сведения? Где, если не в КГБ? Где-то же они имеются и по сей день?

Отец освободился в конце пятидесятого или даже в самом начале пятьдесят первого. Заехал в Омск к отцу и брату. И встал вопрос: с чего начать?

– Василиса замужем? – поинтересовался у Егора.

– Как, поди, не замужем в двадцать шесть-то лет! – предположил Егор. – Уже, поди, и дети есть.

– Да, конечно, замужем...

– А ты возьми да съезди, – посоветовал Ефим Васильевич.

Послушайся сын отца, не совершил бы очередной ошибки!

– Нет, – сказал он, – не поеду. В Кам-Курске мне теперь делать нечего.

Он уехал в соседний с Большереченским Муромцевский район, в село Петропавловку. Устроился на конезавод кузнецом и ковалем. Сразу и женился. Но снилась Василиса. И щемило сердце: съезди! убедись!..

В январе 1952-го оставив молодую жену в Петропавловке, отец приехал в гости к тётке Марфуте Гололобовой да и застрял в Кам-Курске...

P.S. Когда книга готовилась к печати, удалось разыскать ещё несколько ценных сведений из военной и послевоенной жизни отца. И всё же, рано говорить о том, что пробел заполнен. И эта глава не может считаться оконченной до тех пор, пока не будет «закрыто» последнее белое пятно в его биографии.

8. Мама

Мама... Мама моя молодая!

Глеб Горбовский

Мама, Курникова Василиса Егоровна, родилась 23 апреля 1924 года в деревне Кам-Курск (но уже не Тобольской губернии, а Уральской на то время области). Выпестована бабушкой Еленой Федосеевной. В маминых воспоминаниях о детстве бабушка едва ли не главнейшая фигура.

Часто вспоминает, как в престольный праздник Елена Федосеевна ставит в печь пироги, а старшенькие внучки, лёжа на полатах, раздувая ноздри, шумно втягивая запах свежего печенья, крестятся и шепчутся заговорщицки:

– Дай Бог, чтобы пригорело! Дай Бог, чтобы пригорело!

– Нюска! Висилиска! Вы чего там, лихоманки, шепчетесь? Я вам пошепчусь! Я вам намолю вот!

А «лихоманки» шепчутся, потому что знают: если выпечка удастся, бабушка, вручив по пирожку, всю остальнуюстряпню выложит на стол для многочисленных гостей. Выглядывай потом с полатей да гадай – останется ли что-то на столе? А если пригорит, сердитая стряпуха рядом с горкой свежеиспечённых, аппетитных пирожков поставит миску топлёного масла или густой – ложкой не провернёшь! – сметаны и даст наверх команду:

– Прыгайте с полатей, лихоманки! Намолили, ешьте! Чтоб всё мне умели, крошки не оставили!

В минуту грусти вспоминает, как после ночного бегства тяти с мамой наутро выходят с сестрой Нюрой со двора родительского дома, а из-за ворот избы напротив летят через дорогу обидные слова чумазных алдошат – многочисленных детей четы колхозников Алдошиных:

– Кулацкие девки! Кулацкие девки!

Горько и обидно. Ещё вчера играли вместе!

Со слезами возвращаются назад, под крыло суровой бабушки.

– Баушка, за что?

– Уж я этим лихоманкам алдошихинским!.. – грозит Елена Федосеевна. – Не плачьте, не ревите! Вот вернутся тятка с мамкой, леденцов да пряников сладких привезут. Пусть тогда подразнятся!

Осенью 1931-го мама вслед за старшей сестрой Нюрой должна была пойти в первый класс. Но не до забот о школе было убитой горем Елене Федосеевне. И следующей осенью внучку в школу не отправила. И никто не пригласил. А когда в тридцать третьем, вернувшись, спохватились родители, было поздно: дочка ни в какую – в школу не пойду! Не сяду рядом с первоклашками в свои девять лет! И ведь не пошла.

А пошла в колхоз в неполные тринадцать...

В июне 1941-го проездом из Алма-Аты через Омск на отдых в Москву завернул на родину в Кам-Курск один из многочисленных племянников Елены Федосеевны – дядя Игнат. В тридцать первом он, имея паспорт на руках, с благословения родителей скрылся от грядущего «крепостного права» в далёком Казахстане. Начав там с рабочего на одном из крупных заводов, к сороковому году дорос то ли до мастера, то ли до начальника цеха. Поглядел дядя Игнат на двоюродных племянниц Василису с Нюрой, с утра до поздней ночи пропадавших на полях, и сжалось его сердце:

– Так дело не пойдёт, – заявил двоюродному брату Егору Акимовичу. – Пока я отдыхаю, оформляйте на девчонок паспорта. Буду возвращаться, заберу в Алма-Ату. Устрою на завод, обеспечу общежитием. Всё лучше, чем в колхозе!

Отец с матерью и бабушка Елена Федосеевна на тайном совете пришли к единодушному решению: хуже не будет.

Но если Нюре в сорок первом шёл уже двадцатый год, то Василисе только что исполнилось семнадцать. К тому времени в соседнем селе Копьёво сгорела церковь со всеми хранившимися там метриками. Но пожар и упростил задачу: матери выписали паспорт по сохранившейся метрике умершего братика двадцать второго года рождения...

Однако паспорта не пригодились. После 22 июня спешно возвращавшийся из Москвы в Алма-Ату дядя Игнат лишь развёл руками:

– Теперь уж не рискну. Кто знает, как всё обернется? А вдруг затянется война?

Хоть и была в Кам-Курске ещё в 1935-м организована машинно-тракторная станция, но все работы выполнялись в основном на лошадях. Комбайнам выделяли лишь засорённые участки, чистые поля убирали жатками, сенокосилками с приводом. Как впряглась моя мама в колхозную работу задолго до войны, так и не выпрягалась до 1952-го. Пахала, сеяла, косила, стоговала... Работала на жатке и косилке. На лошадях, а то и на быках (лошади, как и люди, тоже «призывались»: в годы войны Большереченский район дал фронту 1329 лошадей и 286 комплектов гужевого транспорта) возила в Большеречье зерно для сдачи государству, зимою – сено и солому с полей на конный двор и ферму...

Единственному в большой семье мальчику – отцовой поздней радости, братику Вите не исполнилось и восьми, когда впервые выехал со старшими в ночное, в девять лихо гарцевал, а в зиму сорок пятого и его «впрягли» по-настоящему. Двенадцатилетнего школьника как заправского колхозника отправляли за сеном. Правда, ездил только в паре с «нянькой». Её он уважал, любил покрепче остальных сестёр: ведь именно она, «нянька» Василиса, приняла его грудным ещё ребёнком из рук вернувшейся из побега матери, тотчас же по возвращении ушедшей с головой в колхозную работу. Нельзя сказать, что он был избалован души не чаявшими в нём отцом и бабушкой Еленой Федосеевной. Хлебал те же щи, ел ту же кашу, пил тот же хлебный квас. В открытую ему позволяли не больше, чем сёстрам, но и на многое закрывали глаза. Он был не избалован, но излюблен, и оттого капризен и упрям. Всё в том же «Околотке Перековке» мой дядя Витя предстаёт в образе упрянца Парамона:

«В войну возила сено с ним на пару. Вставали спозаранку, приезжали затемно. Пока кобылу распряжёшь, придёшь домой, разденешься, поешь скорей-скорей, и спать ложить-

ся незачем – время запрягать. Братишка уставал, не высыпался. Жалеючи будила: «Вставай, сходи на конный двор, приведи кобылу». Парамон капризничал, протирал глаза: «Как ты надоела с твоим сеном!» – «Вставай, вставай – светает». Парамон вставал: «Так и быть, кобылу приведу, а запрягать не стану». Приводил кобылу, садился на порог... «Брательник, запрягай!» – велела Серафима. «Ладно, запрягу, но за сеном не поеду». Запрягали. Пора ехать. Парамон упрямылся. «Поедешь или нет?» – сердилась Серафима. «Поехать-то поеду – накладывать не стану». И так до бесконечности...»

В годы войны в осиновых колках и берёзовых рощах нередко скрывались дезертиры. По двое-трое-четверо, в полувоенном-полугражданском. Иногда они случайно выбредали на детей и женщин – грибников, покосников, ягодников. Деревенские жители панически их боялись. Столкнувшись, бывало, лицом к лицу с чужими – небритыми, обросшими мужиками, бросали наполненные костяником или груздями вёдра и корзины и с истошным визгом сломя голову, в кровь оцарапывая руки, ноги, лица, кидались врассыпную сквозь боярышник к просёлочной дороге. Дезертиры и не думали преследовать – напротив, шарахались в глубь леса. Как правило, за неделю-другую до обнаружения деревня полнилась слухами об исчезновениях то в одном, то в другом дворе телёнка или поросёнка, гуся или петуха, а из амбаров на окраинах улиц таинственным образом исчезали шматы солёного сала, из погребов – кринки со сметаной, склянки с молоком и маслом, иногда и кадучки с соленьями и бидоны с брагой... Становилось ясно, кто «мышкует», ибо по дворам никогда не шарилась даже вездесущие цыгане, ежегодно с весны до белых мух табором стоявшие за огородами на берегу озера...

Как от смешного до трагического – один шаг, так порой и от трагического до смешного. В одно лето объявился в Кам-Курске здоровый – под два метра, рыжий, краснолицый детина. Немой. Печник. Ходил по деревням, подряжался класть печи. К кому нанимался, у того ночевал и харчевался. Безобидный, безотказный и неприхотливый. И мастер неплохой. Была у него странная привычка – уж очень он

любил здороваться об ручку. Причём по несколько раз на дню. И не только с хозяином дома, но и непременно с каждым членом семьи – от мала до велика. Зашёл он как-то в субботу, в банный день. А в доме на полатях прабабушка Елена Федосеевна да моя мама с подоткнутым на поясе подолом: банный день в семье обыкновенно начинался с уборки и мытья полов. Зашёл (а он клал печь в избушке), раскланялся. Елена Федосеевна подала с полатей руку – поздоровался с прабабушкой, от печки – к маме по вымытому полу в пыльных башмаках. А у той в ногах – ведро, в руках – сырая тряпка, и настроение ни к чёрту. В сердцах возьми да ляпни:

– Шёл бы ты, немтырь, не шлёпался по мытому! Здоровайся с тобой по десять раз на дню!

Немой оцепенел с протянутой рукой. Улыбка медленно сошла с лица. Вращая налитыми кровью яблоками глаз, тряхнул головой и произнёс вдруг громко и отчётливо:

– Дунька деревенская! – повернулся и вышел.

Тряпка выпала из маминых рук...

– Баушка, ты слышала?!

«Баушка» кошкой прыгнула с полатей, набросила дверной крючок на петлю, заметалась по окнам:

– Что ж ты, девка, натворила! Что же ты наделала? Немому язык развязала!

... Маму и прабабушку всю неделю ежедневно вызывали в сельсовет, ещё и ещё раз просили рассказать в подробностях, как всё произошло, на что Елена Федосеевна неизменно отвечала:

– Висилиска развязала немтырю язык!

Мужики устроили облаву в близлежащем колке, но «немого» и след простыл...

Мама не знала школьной азбуки. Она овладевала своей – картофельной – азбукой. В прямом и переносном смысле...

Один из лучших, может быть, моих рассказов «Всё переврут» целиком написан на материале её начальной биографии. Пространная цитата из него, надеюсь, легко и органично вплетётся в ткань повествования:

«...Ни единого денёчка в школу не ходила, век на свете пешкой прожила. В школу время подошло, я, дурёха, в слёзы: милые маменька с тятенькой, буду по хозяйству помогать, сестрёнок буду нянькать, что хотите делать стану, только не учиться... Тяте по уму-то взять бы в руки дрын хороший да тем дрыном гнать меня, соплюху, до порога школы. Но родители иначе рассудили: не реви, глупышка, знать, не суждено всем учёными-то быть, кому-то и хозяйство надобно вести. И то: нас у мамы с тятей пятеро росло да, как на тятину беду, все девки... Хозяйство большое держали. А как прожить иначе? Такую, как у нас, ораву, прокормить, обушь, одеть надо было исхитриться...

Я свою грамотёшку всю жизнь потихоньку осваивала. В покос перед войной меня к поварихе приставили. Колхоз поначалу хиленький был, откуда сразу богачеству взяться? Похлёбку варили покосникам жидкую, а мужики петрухинские – лбы, как на подбор, да на вольном воздухе промнутся, им только подавай, быка зараз умолотили бы. Из дому кто яичек, кто сальца, кто молока прихватывали. А больше-то, конечно, картошечки родимой, она завсегда у нас удавалась – в худые годы яму насыпали. Повариха поспать здорова была. Вот и раззевается: ты, Марейка, с картошкой управься, я малость подремлю, ночью, скажет, не поспалось. Ляжет и задаст храповицкого, а я за картошку, чтобы к обеду успеть. Сижу себе да чищу. И вот однажды призадумалась, не заметила, как на картошках букочки вырезала – «А» и «М». Аня, значит, да Маруня. Были в нашей бригаде Аня Веселова и Маруня Лизунова...

Вырезала и оторопела. Стукнуло мне в голову, как слова из буквочки складываются. К Марунечкиной – Аннушкину – будет тебе «МА», а повторить и – «МАМА». Вскочила да и в пляс. Руки зазудились, давай «ТЯТЯ» вырезать. Заигралась, не заметила, как покосники приехали. Картошка не сварена, я в букварь играю. Повариху растолкали, та расчухалась и – в крик. Я, понятно, в слёзы. Мужики, спасибо, заступились: не плачь, Марейка, вари свою азбуку! Смех и слёзы. Вот, товарищ начальник, какая была моя грамота, злему татарину не пожелаю...»

В 1945-м бывшей «кулацкой дочке» вручили награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Порадовалась, но и впервые всерьёз призадумалась: а дальше что? Так всю жизнь и чертоломить за палочки в бригадирской тетрадке – пустые трудодни? Живых денег в колхозе не видывали. А сёстры между тем одна за другой достигали возраста невест, хотелось приодеться-принарядиться. В какой-то мере выручал табак. Табак по осени снимали, сушили, рубили для отца, а излишки Елена Федосеевна отвозила в Омск, на базаре обменивала на... простыни. Дома эти простыни каким-то образом окрашивались, и из них шились платья да блузки. В чём и ходили...

Подруги одна за другой выходили замуж, отделялись от родителей, рожали и впрягались в извечную крестьянскую работу, на новом витке повторяя незавидные участи своих матерей и бабушек...

Разглядывала тайно фотокарточку Ивана: «На память вечную...»

«Где ты, бедовый гармонист? Куда ты запропал?»

О том, как состоялась встреча отца с мамой через двенадцать лет, расскажет всё та же словоохотливая Гусариха из повести «Околоток Перековка»:

«...Ушёл он на войну. Ушёл да и пропал... Думали, убитый... В селе играют гармонисты, да что-то всё не так, за душу не берёт. Цыган, бывало, развернёт – мёртвого вприсядку пустит. Вот уже пятидесятый. Зимой лежу на печке – то ли праздник был какой-то, то ли, как сегодня, выходной – слышу: на задах гармонь играет. Сердце, Сима, дрогнуло. Дыханье затаила – наяривает гармонь! Сестрице говорю: «Нюска, ведь Цыган играет!» Та на меня как на больную: «Какой тебе Цыган? Цыган давно пропал». Молчу, а сердце бух-бух-бух! И что, Симуня, думаешь? Не усидела на печи. Скок с верха долой, за пимы схватилась. Тятя: «Ты куда?» – Я: «Тятя, до гармошки. Ведь Цыган вернулся!» Тятя заругался: «С тобой всё ладно, девка?» Я дверью хлоп и – ходу... А он сидит себе, христовенький, народ вокруг собрался... Во как, девка, дело было. Вот какая встреча!»

Всё так и было на самом деле: мама узнала отца по гармонии. Только гармонист играл не на «задах», а прошёл вдоль улицы мимо окон в клуб. И когда на зов гармонии следом прибежала мама, отец играл, сидя на стуле в плотном кольце слушателей. Увидев её, прервал игру. Скинул с плеч ремни и, как заведено для куражу у классных, знающих себе цену гармонистов, не поставил гармонь на освободившийся стул, а вручил стоявшему поблизости подростку.

– Подержи, приятель! – сквозь расступившуюся толпу через зал уверенно прошёл к разбурянной от мороза маме, растерявшейся вдруг от нахлынувшего волнения. – Здравствуй, соседка! Не напоишь ли водичкой заезжего гармониста?

– Как не напоить, если просит гармонист.

– Ну, тогда веди.

Они вышли из клуба, молча прошли расстояние в тридцать метров до калитки её дома.

– Ты думаешь, я пить хочу? Я твой голос хочу слышать, – прервал отец неловкое молчание.

– Зачем, Иван? Ведь ты женат, – только и сказала мама. – Не может быть, чтоб в тридцать лет был холост.

– Да, женат. Но я к тебе приехал.

– Не поздно ли надумал?

– Не поздно, Василиса. Так уж получилось. Не спрашивай, где раньше был. Долгая история...

...На третий день отец заслал к Курниковым сватов.

P.S. Рукопись этой книги была сдана в издательство 4 августа 2008 года, а 14 августа мама умерла.

9. Последний побег

*Каркнул ворон на берёзе...
Свистнул воин на коне...
Погибать тебе, красотке,
В чужедальной стороне!..*

Н.Г. Цыганов

После успешного сватовства отец взял расчёт с конезавода, подал на развод со второй женой. В Кам-Курске купил избу, перевёз из Петропавловки большого отца с мачехой и устроился на маслозавод кузнецом. И тут случилось событие, ставшее нешуточной преградой на пути соединения в брачный союз моих будущих родителей, тяжёлым испытанием на прочность их чувств...

Из Петропавловки примчалась «разведёнка» с упакованным в «конверт» трёхмесячным младенцем. Что побудило её к такому поступку? Отчаянная попытка вернуть отца ребёнку? Жажда отмщения, свойственная иным женщинам в подобных ситуациях?

Бросив на стол «конверт» с заходившимся от плача сынишкой, выстрелив жгучими от ярости зрачками глаз в остолбеневшую маму, она метнулась, хлопнув дверью, из избы. Как вскоре выяснилось, в сельсовет...

Отец развёл руками:

– Ну вот. Теперь ты, Василиса, знаешь всё.

У мамы слёзы брызнули из глаз.

– Но почему ты сразу не сказал мне о ребёнке?

– Боялся тебя потерять. А теперь ты знаешь, – повторил он глухо. – Вот теперь решай.

Мальчик на столе заходился от плача. На переполах, устроенный нежданной гостьей, сбежались материны сёстры, отца тётка Агрипина. Охали да ахали:

– Грудь младенец просит! Его кормить пора!

– Куда ж она сорвалась, мамаша непутёвая?!

Отец взял «конверт», неумело стал баюкать...

– Молочка б мальчонке!

– Соску бы найти!

И тогда мама, вытерев глаза, приняла «конверт» из рук отца, сложила губы трубочкой, коснулась ими губ ребёнка. Мальчик всхлипнул и умолк. Присосался, чмокнул, засопел...

Отец вынул из кармана пачку папирос и вышел во двор...

Наутро его вызвали в сельсовет. Что-то там внушали, напоминали о моральном облике и отцовском долге...

Брошенка жила в избе трое суток. Трое суток отец с мамой ночевали у родственников.

Даже и теперь, спустя полвека, во многом можно упрекнуть отца...

Но соглашусь с героем своего романа «Жажда света»:

«...Мой отец оставил первую семью... В ту пору он был молод, но не легкомыслен... Он только-только начинал строить свою новую – мирную и вольную – человеческую жизнь. Даже если он и поступил не очень благородно, не мне его судить...»

5 марта 1952-го состоялась регистрация. Свадьбу назначили на первый день Пасхи, но ей не суждено было состояться: умер Ефим Васильевич. Последними словами уходящего из жизни старого «шахтёра» был наказ:

– Ты, Ваня, Василису береги, не обижай её. Она красивая у нас. Какая толстая у неё коса!

Ефим Васильевич умер на руках младшего сына. Вскоре после похорон мачеха уехала в Моховой Привал.

Отец предполагал обосноваться в Кам-Курске надолго, если не навсегда. Весной вскопали огород, посадили картошку, засеяли грядки. Маме он сразу заявил:

– В колхоз ты больше не пойдёшь. Побереги себя.

– Куда же, если не в колхоз?

– На завод со мной. Я договорился. Директор обещал подыскать работу. Вот только нужен паспорт.

Выписанный ещё в канун войны по совету алма-атинского дяди Игната паспорт хранился в правлении.

– А отдадут, Иван? – усомнилась мама. – Ведь посевная на носу!

– Поймут, поди, по человечески. Сходи, поговори.

Мама обратилась с просьбой к бригадиру, к председателю, но ни тот, ни другой не пожелали выслушать:

- Никаких гвоздей! Чтоб завтра на работу!
- Иван не разрешает.
- А чего он хочет?
- Чтоб вместе на завод.

Зря она сказала это. Председатель взбеленился:

– Ах, вместе на завод? Все бы на завод! Не видать тебе завода, как своих ушей! Кто за вас в колхозе будет? Учти, не выйдешь завтра, я спрошу с обоих!

- Так ведь устала я... С четырнадцати лет!
- Вся страна устала... вашу... так-растак!

Можно понять гнев колхозного начальства:

«В 1948 г. и 1952 г. в стране повышался сельхозналог, ускоренными темпами шёл процесс укрупнения колхозов. Деревню затронула волна послевоенных репрессий. В результате бегство из деревень, несмотря на паспортный режим, в некоторых местах стало едва ли не массовым явлением, сократившим трудоспособное население почти на 3,5 млн. человек» (А.В. Века. История России с древнейших времён до наших дней. – Минск, 2006. – С. 688-689).

Мама вернулась из правления в слезах.

Утром отца пригласил директор завода. Потупясь, пошёл на попятную:

– Извини, Иван Ефимович. Не могу твою принять. Приходили из правления... В общем, без обиды, сам всё понимаешь – ни к чему мне шишки!

А вечером встретила встревоженная мама:

– Пригрозили с посыльным: если завтра не выйду, примут какие-то меры.

Смириться с навязываемой жизнью отец уже не мог – не тот был у него характер. Он, повидавший на своём веку хамства и насилия в избытке, не ожидал столкнуться с ними в мирной, вольной жизни.

– В колхоз ты больше ни ногой! Не отпустят по-хорошему, значит, хлопнем дверью. Оба!

- Как это понимать?
- Уедем, Василиса.
- Куда? В какую сторону?

– А куда-нибудь. Туда, где ты и я будем под собой. Где не будет над нами конвоев с приказчиками!

Но от одной лишь только мысли о возможном переезде мама, с рождения не пересекавшая границ своего района, оробела...

– А есть оно, такое место?

– Есть. Я много повидал... Молочных рек с кисельными берегами нигде не видел – везде трудно живут люди. Но можно жить своим умом, если не лениться.

– И далёко оно, это место?

– Да, не близко. Север.

– Ты с ума сошёл! Не пугай меня так больше. Я слышала, туда гонят заключённых, а ты надумал добровольно!

– Не так страшен чёрт, как его малюют. Там можно жить в достатке. Охотой и рыбалкой. Тем же огородом. А у меня на месте руки. И голова на месте.

– Нет, я из Кам-Курска никуда, – отмахнулась, как от наваждения, перепуганная мама. – Да и кому и где нужна я, безграмотная пешка деревенская? И тятя не отпустит, и бабка заругается!

– Двадцать восьмой год тебе, а ты – «Тятя не отпустит!», «Бабка заругается!» – вспылил отец. – Пора жить своей головой!

– Паспорт нам не отдадут.

– «На память вечную» себе пускай оставят! Я кое-что придумал, Василиса. Но до поры до времени молчи. Ни тятя своему, ни бабке, ни подругам – никому ни слова!

Фронтовик фронтовика поймёт с полунамёка. Секретарь сельсовета Иван Трофимович Огарков выслушал отца со вздохом понимания:

– Ну что ж... Вытаскивай свою Васюню из колхоза. С детства её знаю – вытянула жилы... Справку на паспорт выпишу, но... О том, что у неё имеется довоенный паспорт, ни ты, ни Василиса мне не говорили. Берёшь риск на себя. Как только получите новый паспорт, сразу поезжайте, а то спохватятся в правлении...

Так и поступили.

Отец съездил в Большеречье, сдал огарковскую справку в райотдел милиции. Стали ждать. Он как ни в чём не бывало продолжал работать в кузнице. Мама с нараставшей исподволь тревогой перед неясным будущим, какмышь в

норе, таясь от родных и подруг, сидела дома, для отвода подозрений поливала и пропалывала грядки. Мысленно готовились к побегу.

В первых числах августа из райотдела милиции пришло извещение на паспорт. Утром к воротам подкатил грузовик. Отец вынес из избы всё совместное имущество, уместившееся в одном фанерном чемодане, да зачехлённую гармонь, с которой никогда не расставался. Дверь закрыли на замок, ключ передали сестре Феше. Та долго ничего не могла понять.

– Куда вы собрались? К Нюрке, что ли, в гости? – (Старшая сестра уже имела четверых детей, жила с семьёй у мужа близ райцентра). – Когда вас ожидать назад? – моргала Феша озадаченно, с недоумением взирая на вещи в руках зятя.

Мама не сдержала слёз:

– А сама не знаю... Уезжаем, Феша. На Север уезжаем!

– Да вы с ума сошли! Да вы чего удумали! Я вот тятю позову! Я вот бабушку кликну!

Подошли соседи, набежали тётки...

– Да куда ты едешь? Да с кем же ты судьбу связала? Да завезёт тебя тюремец да на край земли, бросит, проходимец, дурочку колхозную одну среди тунгусов диких на произвол судьбы-ы!!!

Отец молчал в сторонке. Каково было ему выслушивать всё это от тёток да своячениц – раскудахтавшихся куриц, в жизни не перелетавших через глухие заборы крестьянских дворов, в сердцах называвших его, фронтовика, тюремцем, проходимцем лишь на том основании, что выпало на долю испытать такое, что не каждому и снилось. Не озлобиться, не оскотиниться, а, пусть и с ошибками, и со спотычками начать выстраивать свою – новую, семейную жизнь рядом с вольнолюбивыми и сильными людьми, каковыми, вероятно, представлялись ему северяне из окон лагерных барачков...

– Да ну вас всех, советчиков! Раскаркались не вовремя! – не выдержала мама и отдала водителю команду. – Чего стоим? Поехали!

Менее чем через час были в Большеречье. Через полтора часа получили паспорт, а к вечеру отплыли на колёснике от пристани...

Нешуточным был план отца: из Большеречья – до Тобольска, из Тобольска – вниз по Иртышу до Ханты-Мансийска, оттуда – по Оби до Салехарда, из Салехарда – по Обской губе, краешком Карского моря то ли до Диксона, то ли напрямиком до Дудинки и лишь из Дудинки – в Норильск. Предполагаю, отец знал этот заполярный город так же хорошо, как ямальские посёлки Харп и Лабытнанги. По сохранившимся в моей памяти обрывкам, а то и всего лишь отдельным словам редких и скупых отцовых откровений о лагерном прошлом, думаю, отец отбывал срок (возможно, часть срока) на строительстве единственной в мире Трансполярной железнодорожной магистрали вдоль северного побережья страны. «Железка» должна была прийти на мыс Каменный, где по сталинскому замыслу намечалось строительство самой северной в Советском Союзе базе подводных лодок, но что-то там, в проекте, не сошлось, не согласовалось, и в качестве конечной станции вместо мыса Каменного наметили Игарку. Строительство шло полным ходом. Только на Надымском участке в послевоенные годы было задействовано, по опубликованным ныне сведениям, более 130 тысяч осуждённых и репрессированных. Более того, мне почему-то кажется, что отец отбывал срок именно на строительстве ветки Чум – Лабытнанги, открытой в 1949-м и частично действующей до сих пор. К 1953 году две трети пути от Салехарда до Игарки было готово, но в год смерти вождя строительство прекратилось. Проектируемую «железку» в народе нарекли «мёртвой дорогой». О ней напоминают ныне лишь насыпи, заржавленные рельсы да обветшавшие лагерные бараки, в которых, рассказывают, до сих пор живут отдельные особи из бывших покорителей ямальских недр...

Отец-то знал и ведал о трудностях грядущей «полукругосветки»... Не знала мама.

От Большеречья отплыли на главной – верхней палубе «дымного» колёсника, сидя на чемодане не только под мерное шлёпанье деревянных плит пароходных колёс, но и под грязную брань и гогот ватаги полупьяных мужиков, завербованных куда-то чуть ли не на самый крайний Север. И мою маму, уставшую от непривычно долгого и весьма некомфортабельного путешествия, оробевшую перед новыми

людьми, не стеснявшими себя в поступках и выражениях, перспектива углубления в неведомую глушь сломила окончательно. Едва сошли на дощатый настил Тобольской пристани, как она заявила:

– Я дальше не поеду!

– Что значит, не поеду? – оторопел отец.

– Не поеду, и всё. Я боюсь!

Напрасно отец уговаривал. Ни в какую.

Потерявшая от страха перед неизведанностью голову мама категорически отказывалась плыть дальше.

– Если хочешь, поезжай один, плыви, куда глаза глядят, за рукав не уцеплюсь. С первым пароходом возвращусь назад!

– К бабке Елечке под крылышко? – подтрунивал отец. – Или к тятке с мамкой?

– Не смейся надо мной!

– Но ведь мы вдвоём, чего же ты боишься?

– Сама не знаю. Страшно мне!

Убедить, уговорить её отец не смог. К тому же, мама была уже на пятом месяце беременности. По-видимому, это немаловажное обстоятельство и не позволило отцу прибегнуть к решительным мерам мужниного принуждения. Он сдался. Точнее, сделал вид, что отступился.

– Ладно. Успокойся. Отдохнём, осмотримся в Тобольске. Может, что и высмотрим.

Трое суток провели в сибирском древнем граде. По утрам, сдав вещи в камеру хранения, поднимались в гору. С кручи любовались Иртышом, бродили тихими улочками деревянного города. Мама была в восторге от Кремля. Отец время от времени осторожно возвращался к разговору о необходимости продолжения пути, но вскоре убедился: Норильск недостижим...

К исходу третьих суток изрядно надоевшего «тобольского сидения», оставив маму в зале ожидания, отец отправился «в разведку» – порасспросить да выведать, куда можно податься в поисках работы и жилья. Не возвращаться же назад несолоно хлебавши? Примерно через час привёл с собою коренастого, зычного мужчину лет под сорок.

– Знакомься: моя бунтовщица!

– Бунтовщица твоя – баба с головой! – перебил мужчина. – Ишь, чего удумал – к чёрту на кулички, в какой-то там Норыльск! Чего в Норыльске делать? Комаров кормить? У нас своих хватат!

От неожиданно свалившейся поддержки мама воспрянула духом:

– Я и говорю. Нечего там делать. Надо ворочаться!

Мужчина подал руку:

– Белкин. Василий Сергеевич!

Мама представилась.

– Василиса Егоровна?! – удивился Белкин. – Надо же, какое имечко! Прямо из русской сказки! Нет, Василиса свет Егоровна, никаких Норыльсков, но и ворочаться тоже ни к чему. Давайте к нам на «Трудовик»!

Мама насторожённо взглянула на отца:

– Что такое «Трудовик»?

Тот пожал плечами.

Белкин объяснил:

– Рыболовецкий промысел в двух верстах от Нялино. В Самаровском районе. Чуть выше по Оби. Райский уголок!

– Это далеко?

– Да рукой подать. И не сомневайтесь! – поставил точку Белкин. – Я везу людей по оргнабору. Завтра с рассветом отходим в Самарово, а оттуда в двух часах на катере. Будем вам работа и жильё... Ты, Иван Ефимович, рыбак? Не рыбак, так станешь. Обещаю. Ещё спасибо скажете, что повстречали Белкина на своём пути!

Через трое суток быстроходный катер пристал к пологому левому берегу Оби с десятком рассыпанных в беспорядке крепких сосновых домишек. Выбросили трап.

– Господи, – вздохнула мама, – куда же мы заехали?!

Часть вторая

*Няминская
колыбель*

*...Так пузырились и хлестали потоки – но через
всех перекатился и хлынул в 1929-30 годах
многомиллионный поток раскулаченных...
Своей единовременной набухлостью этот поток
(этот океан!) выпирал за пределы всего, что
может позволить себе тюремно-судебная
система даже огромного государства.
Он не имел ничего сравнимого с собой во всей
истории России. Это было народное переселение,
этническая катастрофа...*

А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

1. От «йуров» до Ермака

*Югра же людье есть...
и соседят с Самоядью на полуночных странах...*

Из «Повести временных лет» (1096)

Если в Омском Притарье обнаружены следы «омичей» 14-тысячелетней давности, то на обширных пространствах Самаровского района не найдено (по крайней мере, до сих пор) не только следов верхнепалеолитического, но и неолитического «самаровца».

Следы металлообработки в позднем бронзовом веке отмечены практически по всей территории нынешней Югры, только не в «самаровской округе». Хотя общепризнано, что в I тысячелетии до н.э. в эпоху бронзы повсеместно в Западной Сибири обитали племена, оставившие своеобразные археологические культуры (в том числе, усть-полуйскую в Нижнем Приобье и большереченскую в лесной полосе верхнего Приобья), близкие к культурам позднейших угро-самодийских племён. «Можно полагать, что население Прииртышья и частично Нижнего Приобья относилось тогда к праугорской языковой общности предков манси (вогулов) и ханты (остяков), а племена Среднего и Верхнего Приобья представляли прасамодийские этнические группы предков ненцев и селькупов» (Самаровский край: История Ханты-Мансийского района / Под ред. А.Ю. Конева и В.Г. Усманова. – Тюмень, 2003. – С. 4-5).

«Каток» степных кочевников – гуннов за первое тысячелетие н.э. практически не «деформировал» культуру и бытовой уклад проживавших в труднодоступных лесах по берегам больших и малых рек коренных племён. «Каток» во II – III веках увлёк за собой на Запад так называемую «саргатскую» культуру, занимавшую пространство от междуречья Иртыша и Оби до Урала – предки современных венгров ушли в степи Восточной Европы, а к середине первого тысячелетия освободившееся место заняла часть таёжников. К тому времени и относятся первые известные археологические памятники на территории современного Ханты-Мансийского района.

В конце XIX века сын известного самаровца Василия Трофимовича Земцова – Пётр Земцов сообщал в Тобольский губернский музей: «...в д. Скрыпуновой (Скрипуново – Н.К.) Самаровской вол., в 10 верстах от Самаровского, интересны старинные остяцкие кладбища... На острове Лемпогон такое же интересное брошенное кладбище между юртами Нялинскими и с. Топорковским» (с. Топорки, оно же – Скрипуново – Н.К.). (В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова. Учёные и краеведы Югры: Библиографический словарь. – Тюмень, 1997. – С. 106).

Но ещё раньше захоронение на холме «Ленгпонк» или «Ленпонк» (памятник кинтусовского этапа нижнеобской культуры IX – начала XIII века) заметил дотошный Серафим Патканов. В его работе «Религиозные представления иртышских остяков» содержится сноска: «...Каждое лето после схода воды находят массу небольших бронзовых и серебряных вещей и украшений из одежды в виде различных местных животных и рыб, а также наконечники для стрел и копий из железа. Судя по большому числу вещей, хранящихся в холме, этот «Ленгпонк» не был надгробным холмом одного или нескольких лиц, но, возможно, служил благодаря своему высокому положению кладбищем тогдашним обитателям территории. Во время своего пребывания в названной деревне в 1888 году Ленгпонка почти не было больше, потому что воды Оби и её рукавов... постепенно разрушили холм. И в других местах этой волости

есть точки, где находят подобные металлические предметы. Что касается многочисленных захоронений прежних остяков, расположенных здесь на крутых берегах – по-русски они называются «пропащий мыс», – то в них, как правило, немного предметов, что указывает на постепенное обнищание живущих здесь народов. В одной могиле чудского кладбища я нашёл небольшой котёл из медной жести» (Сочинения в двух томах. Т.1. Остяцкая молитва. – Тюмень, 1999. – С. 139-140). В 1911 году участники Салымской экспедиции – краевед Леонид Шульц и профессор Борис Городков сдали в Тобольский музей отлитые древними мастерами Ленг-Понка из белой бронзы и привозные, вероятно, из Волжской Булгарии, серебряные украшения.

Патканов сомневался, что идолы из меди и латуни были отлиты остяками и самоедами самостоятельно. Во-первых, утверждал он, на территории нет никаких других металлов, кроме железа, а во-вторых, кузнечное дело, если даже им и занимались здесь когда-то, давно забыто. Он склонен был считать, что металлические идолы были завезены восточными соседями остяков и вогулов – пермяками и зырянами, а возможно, и болгарями, торговые отношения с которыми существовали и раньше. Правда, тюменец Сергей Пархимович не считает средневековые литые фигурки идолов из Нижнего и Среднего Приобья привозными, так как археологические данные, по его мнению, свидетельствуют о существовании у предков ханты и манси собственного литейного производства, начиная с бронзового века...

В 1950-е годы в районе основательно «порылся» известный археолог и этнограф Чернецов. Валерий Николаевич выделил датированные VI–IX вв. н.э. памятники оронтурского типа (названные по озеру Оронтур, расположенному в Кондинском районе) и кинтусовского типа (по бывшим юртам Кинтусовым) в районах Сургутского и Нижнего Приобья до восточных склонов Урала (у села Филинское, известный нам Ленг-Понк, могильник Уна-Пай (остров на Оби напротив современного посёлка Белогорья) и другие. Среди находок в этих и других памятниках кинтусовского периода – в могильниках на Кошкином мысу, Татарском,

в поселениях на реке Пага, Юртинском, Елизаровском, Батовском, в городищах Чугасском, Правдинском, Большеборском и т.д. – в основном зооморфные изображения и керамика, а также наконечники стрел, рукоятки ножей, ложки, бляхи, браслеты. Считается, что «происходившие во второй половине I тысячелетия н.э. процессы этнического разделения и объединения внутри отдельных этнокультурных общностей привели к оформлению в начале II тысячелетия н.э. хантыйских и мансийских этнических групп...» (Самаровский край. – Там же. – С. 7).

В вопросе об этнической принадлежности югры, как и в вопросе о границах древней земли Югорской, в учёной среде до сих пор единодушного мнения нет. Жаль, не уточнить уже теперь у древнего Геродота, упоминавшего ещё в V веке до н.э. о неких «иирках» – охотниках за пушным зверем, обитавших в северных краях, их точную «прописку» и этническую принадлежность! Как и у раннесредневековых арабов, сообщавших о племени «йура», жившем далеко к северу от Булгар и Вису, добывавшем соболя и другую пушнину и даже торговавшим мехами с другими народами. Эти йуры из «страны, лежащей на Море Мрака», по мнению многих историков, вполне могут быть отождествлены с предками нынешних угров (йуры – йегры – угры), давшими русифицированное название Югра. Проще говоря, югры (югричи) – это совокупное наименование угорских племён, близких по языку и культуре приобским вогулам (манси) и остякам (ханты). Большинство исследователей признаёт, что вогулы и остяки являются «сучьями финского племени». Уже Нестор указывал на чудское происхождение югричей. Большинство, но всё-таки не все. К примеру, в «Письмах о Сибири 1826 года» Пётр Андреевич Словцов по-своему убедительно упрямо утверждал: «...Повидавшись с остяками, говорящими тем же языком, каким и вогулы, я смею со всей твёрдостью удостоверить вас, что сии племена отнюдь не финского происхождения... Не правильнее ли называть их первоселенцами Средней Азии, которым облик и цвет не изменили даже по просшествии несчётных столетий» (Письма из Сибири. – Тюмень, 1999. – С. 42).

И в этом есть свой резон. По остяцким легендам, главное святилище младшего сына Хозяина Верхнего мира небесного божества Торума – Мир-сусне-хум (по представлению угров, «всевидящего всадника», объезжающего землю и перевоплощающегося в гуся) находилось в устье Иртыша в юртах Белогорских, а, по мнению учёных, образ конного всадника здешними жителями мог быть заимствован в I тысячелетии до н.э. у южных скотоводческих племён, с коими контакты, надо полагать, имелись...

Более-менее достоверные сведения о жизни угров с берегов Оби и Иртыша и, в частности, «самаровских», у россиян появились с установлением торговых путей, проложенных в том числе по Иртышу и далее вниз по Оби на Печору и Самоядь, да с началом проникновения в Югру новгородцев. «Завербованные» алчущими дармовой «мягкой рухляди» боярами лихие новгородские «матросики» – ушкуйники «развели» путь в Югру, судя по Никоновскому летописному своду, в 1032 году. А ещё раньше югричей хорошо «почистили» волжские булгары. На протяжении всего XII века югорцы вынуждены были откупаться от непрошенных гостей данью, и с XIII века, а точнее, с 1264 года вплоть до присоединения Великого Новгорода к Московскому великому княжеству, считаться невольничьей волостью Новгорода. Правда, иногда югричи проявляли характер. Когда новгородцы не довольствовались только выгодным для себя обменом и торговлей, но требовали ещё выкупов и дани дорогими мехами, доведённые до отчаяния туземцы, случалось, давали им достойный отпор, о чём свидетельствуют многочисленные русские летописи. Начавшиеся с 1465 года походы «москвичей» в Югру также нередко плохо заканчивались. И, несмотря на то, что право «узаконенного грабежа» югричей перешло Москве в 1478-м, а в 1488-м Иван III уже титуловался «Югорским», Югра окончательно была присоединена к Москве только к 1499 году.

«...В результате миграций, вызванных в том числе и натиском новгородцев, югра отселилась на восток и к XIV веку осела в приобских лесах, в бассейне Северной Сось-

вы и Сыгвы. Позже югричи растворились в среде местного родственного им остяцкого и вогульского населения, оставив своё имя «югра» всему Нижнему приобью. В русских источниках слово Югра как собирательное обозначение нижнеобских территорий или их частей используется до XVII века, после чего уступает место более общему наименованию – Сибирь» (История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов. / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург, 2000. – С. 10).

В XIII веке монголо-татары обрушились на Европу, вызвав отток населения на север, а в южную часть лесной полосы Прииртышья вторглись вытесненные монголо-татарами из степей кипчаки. Местные угры вынуждены были расселиться по берегам многочисленных рек и проток более северных районов Нижнего Прииртышья и Нарымского Приобья. Первые потоки мигрантов, вытеснив в тундру местных самодийцев (ненцев), впоследствии образовали в низовьях Оби Обдорское княжество. Другая часть «беженцев» осела на Северной Сосьве, в бассейне Малой и на правом берегу Большой Оби. Ещё в XIII веке они являлись данниками Золотой орды, а с распадом оной в XIV столетии стали считаться подданными Тюменского ханства. Позже в более южной части правобережья Оби и в нижнем течении Иртыша сформировалось несколько остяцких княжеств, среди которых выделялись Кодское и Белогорское.

Что же представляло собой Белогорское княжество времён ермаковских походов? Это было возникшее на рубеже XIII-XIV веков в пределах современного Ханты-Мансийского района и достигшее расцвета к 80-м годам XVI века при князе Самаре объединение нескольких владений родовых князцов с центром в Белогорском городке.

«В состав возглавляемой им (Самаром – Н.К.) конфедерации входили также земли, расположенные от устья Иртыша вверх по Оби. Всего на этой «сборной» территории насчитывалось не менее девяти остяцких крепостей, являвшихся центрами местных княжеств: 1) Тунг-пох-вош или Самар-вош (Самаров городок) (на месте современно-

го Ханты-Мансийска – Н.К.), расположенный на высокой горе в 15 верстах от большого устья Иртыша и бывший главным опорным пунктом собственно Белогорского княжества; 2) Гуланг-вош (Восточный городок), который в русских источниках рубежа XVI–XVII вв. назывался Калымом или Муалымским городком; князьком здесь был Ертик Шайтанцик; 3) Емдер-вош (Емдерский городок), находившийся на речке Вош-яган, неподалёку от её впадения в Емдерскую протоку; русские источники именовали его Эмдырем (не путать с городком Эмдером на одноимённом левом притоке Оби, воспетом в остяцких былинах); 4) Ярдым, располагавшийся на Оби чуть выше Иртыша; князьками здесь были Темлечей, а потом его сын Бозьян; 5) Мазым или Янк-вош (Клин-городок) – на правом притоке Оби по реке Назым (Мозим-яган); 6) Лирик – на соединявшей Обь и Иртыш Неулевой протоке, которая получила своё название от имени князька Неуля; по-остяцки она называлась Лерик-пассиль; 7) Лунгугей или Лунгучей, стоявший в 20 верстах от предыдущего городка вверх по Оби; 8) Салынра (Селиярский городок), где князьками были Атырь, а потом его сын Некома; 9) Салым (Салымский городок) – на одноимённом левом притоке Оби; князьками здесь были Ясака, а потом его сын Автомах...» (История Ханты-Мансийского автономного округа. – Там же. – С. 145).

Самые достоверные сведения о пращурах современных «самаровцев» государевы воеводы получили в 1483 году. Ещё в 1481-м пелымский князь Асыка совершил очередной дерзкий набег на Пермь Великую. И не просто в своё удовольствие пограбил тамошних людей. Воинственный вогул сжёг новую резиденцию русской администрации город Покчу, разорил окрестные волости, убил князя Михаила Великопермского и нескольких его сыновей. Это было очень серьёзно даже для хладнокровной Москвы. А так как год тому назад Русь наконец-то освободилась от ордынского ига, у Ивана III дошли руки и до распоясавшихся северо-восточных окраин. По его указу 25 апреля 1483 года из Вологды для усмирения Асыки и далее «в Югру на Обь великую» выступило войско Ивана Салтыка Травина,

соединившееся в Устьеге Великом с ратью князя Фёдора Курбского Чёрного, и 9 мая объединённые отряды двинулись за Урал. Близ устья Пелыма войско вогулов во главе с сыном Асыки князем Юмшаном было разбито и бежало на Конду. Спустившись по Тавде, воеводы Иван Салтык Травин и Фёдор Курбский Чёрный «повоеваша Сибирскую землю» на Тоболе и Иртыше, затем прошли вниз по Иртышу и краешком Белогорского княжества вышли к Оби в пределах княжества Кодского, начинавшегося сразу от устья Иртыша. Здесь взяли в плен и доставили в Москву «Большого казымского князца» Молдана и двух сыновей правившего в низовьях Оби князя Екмычея. Летом следующего года прибывшие с берегов Оби югорские послы во главе с родственником Молдана кодским князем Пыткеем били челом государю о полонённом Молдане. Помилованные пленники были отпущены под обязательство «лиха не мыслити» и выплачивать государю дань мехами. С тех пор Иван III ко всему прочему стал именоваться ещё и «великим князем Югорским», а Югорская дань стала поступать в казну. Кодское княжество фактически вошло в состав Московского государства...

Правда, мир и послушание были недолгими. После победы потомка тюменских ханов Кучума над Тайбугидами в 1563 году Сибирское ханство стало вассальным северным улусом Узбекской Шейбанидской державы со столицей в Бухаре, но власть ханов распространилась на ряд небольших остяцких и вогульских княжеств, а северные, Белогорское в том числе, стали как бы полунезависимыми, а на деле – союзниками Сибирского ханства, что и побудило их по примеру Кучума к отказу от выплаты дани Москве. В 1582 году на стругах вверх по Чусовой в свой исторический поход отправился Ермак...

Подтвердить были и опровергнуть небылицы о жизни моих исторических «земляков» – обитателей Белогорского и Кодского княжеств – могли бы и казаки Никиты Пана (Богдана Брязги – по Хрисанфу Лопареву и Дунину-Горкавичу), после взятия Ермаком Сибири в конце зимы 1583-го (1582-го по Лопареву) двинувшегося в «ясашный» поход

вниз по Иртышу, прошедшего через Назымское, Боярское и Демьянское княжества и в мае следующего года (по Миллеру, а по Лопареву и Дунину-Горкавичу – 20 мая) с отрядом в пятьдесят человек взявшего сначала Самаровские юрты, а затем и расположенное в двух верстах от юрт остяцкое укрепление Самар-вош (Самаровский городок), являвшийся оплотом Белогорского княжества. У стен Самар-воша произошло сражение ермаковцев с остяками погибшего в юртах князя Самара, в «сборе» с которым было восемь местных князьков. Часть верных Самару приближённых погибла в бою, остальные разбежались и укрылись в тайге. Вскоре к победителям со своими людьми явился князь Большой Алачей. С кодским властелином был заключён дружественный союз, ему же было передано управление всей «самаровской» округой... Весной 1583-го ермаковцы взяли приступом остяцкую крепость при устье Назыма, затем «сходили» вниз по Оби к Кодским городкам...

Кое-что могли бы рассказать оставшиеся в живых ермаковцы и стрельцы князя Семёна Дмитриевича Болховского, возвращавшиеся на Русь летом 1585-го из Искера вниз по Иртышу и далее по маршруту, проложенному более чем сто лет назад Иваном Салтыком Травинным и князем Фёдором Курбским. Хотя измученным, истощённым за зиму казакам и стрельцам вряд ли было до мирных бесед и созерцания быта аборигенов. Виной тому – молодой воевода Болховский. Он возглавил отряд стрельцов, направленных Иваном Грозным на помощь Ермаку сразу же после известия о «Сибирском взятии» 1583 года. Отряд в 300 человек прибыл в Сибирь осенью 1584-го налегке. Неопытный воевода совершил роковую ошибку, оставив в «Верхтагилском городе» значительную часть продовольствия, рассчитывая вернуться за ними позднее, но сделать этого не удалось. С наступлением зимы стрелецкий голова Иван Киреев с полусотней казаков, возглавляемых атаманом Грозой Ивановым, повёз в Москву пленённого кучумова племянника – «царевича Сибирского» Маметкула Алтауловича, а ермаковцы и вновь прибывшие стрельцы стали готовиться к зиме. Из-за отсутствия у стрельцов Болховского запасов

продовольствия начался голод. (А мы знаем, что обстановка вокруг града Сибири да и по всему «сибирскому фронту» в то время не благоприятствовала ермаковцам – 40 казаков атамана Кольцо погибло в татарских кочевьях в начале 1583-го, в начале 1584-го погиб Яков Михайлов, а в начале весны того же года «прииде карача со многими воинскими людьми и облегоша град Сибирь» – взяли в осаду до июня месяца и, наконец, потрясшая казаков весть о гибели самого Ермака в августе 1584-го близ устья Вагая.)

Атаман Матвей Мещеряк с кучкой казаков двинулся было на Тавду, надеясь пробиться на Лозьву и Вишеру, но «увяз» в неравных схватках с вогулами и вынужден был отступить на Тобол. Здесь его казаки вновь разделились: одни зазимовали на Карачином острове, другие вместе с Мещеряком всё-таки ушли прежним путём на Русь. Отряд же Семёна Болховского, прошедший зиму 1583–1584 годов в Чердыни, проследовал по Тоболу на стругах мимо мещеряковцев в то время, когда последние воевали с вогулами. В конце концов, от голода в Сибири умерли почти все стрельцы и сам Болховский. Оставшийся (единственный!) в живых стрелецкий голова Иван Глухов и 90 ермаковцев, в том числе и последний из их атаманов Савва Болдыря, в 1585-м, «как вода вскрылась», отправились на стругах по означенному выше маршруту и, слава Богу, благополучно добрались до Печоры, а оттуда через Пустозёрск и до Москвы. После ухода ермаковцев Сибирь занял Али – старший сын Кучума, но его в скором времени «вымело» войско Тайбугида Сейнд-Ахмада, которого, в свою очередь, осенью 1587-го «выковырнули» служилые люди только что выстроенной русской крепости Новая Сибирь, переименованной вскоре в Тобольск и ставшей с 1590-го центром нового уезда.

В трудной ситуации оказался воевода Иван Мансуров. Царём Фёдором Ивановичем он с сотней казаков в сопровождении атамана Грозы Иванова был направлен на помощь Болховскому в начале 1585-го, то есть уже после трагической развязки неведомых Москве сибирских событий. В начале осени люди Мансурова встретили на Туре

возвращавшихся с Карачина острова ермаковцев, от коих и узнали о произошедших там переменах – захвате татарами бывшей кучумовской столицы. Мансуровская экспедиция теряла смысл, но воевода решил-таки продолжить путь. Он не отважился штурмовать занятую Сейид-Ахмадом бывшую кучумову столицу и поздней осенью двинулся вниз по Иртышу. На правом (северо-восточном) берегу Оби, напротив устья Иртыша, у подножия высоких Белых гор, в сердцевине Белогорского княжества им для зимовки и самозащиты от остяков был спешно поставлен и укреплен «Городок Обский Большой», по-остяцки «Руш-вош» – Русская крепость.

(Полагаю, Мансурову, другим воеводам и мирным путешественникам до и после походов Ермака, спускавшимся Иртышом до Самарова и оттуда Обью до Берёзова и поднимавшимся от Берёзова Обью до Самарова, бросался в глаза «нагорный берег реки на стороне восточной, как и по прочим рекам: Чулыму, Енисею, Ангаре и Лене», но лишь проницательный Словцов через четверть тысячелетия после мансуровской зимовки – в 1826-м озадачился вопросом: «Отчего произошёл такой порядок единообразия при реках, текущих параллельно меридиану?» и сам же интуитивно «изъяснил» это «суточным движением к востоку.., ибо от круговращения составные части берега западного, омываясь рекой, всплёскиваются кверху на противоположном вследствие Гюйгенсовой силы» (Письма из Сибири. – Там же. – С. 38). Это «маленькое» словцовское открытие только спустя 30 лет подтвердил Карл Бэр..).

Итак, «Обский городок явился первым опорным пунктом русских в Северном Приобье. Некоторые историки даже предлагают считать его первым русским поселением в Сибири вообще. Но это слишком смелое утверждение. Во-первых, не исключено, что подобные зимовья могли появиться гораздо ранее 80-х годов XVI в. на крайнем севере Западной Сибири в связи с проникновением туда новгородцев. Во-вторых, имеются летописные свидетельства о том, что Ермак с дружиной после битвы у Чувашского мыса и взятия Кашлыка поселился на одном из островов

в устье Тобола, не решившись зимовать в опустевшей столице Сибирского ханства. Если это так, то казачье становище, существовавшее предположительно с 1582 по 1585 г. на Карачине-острове, и следует считать первым из известных на сегодняшний день поселений русских в Сибири» (Самаровский край. – Там же. – С. 15-16).

Службу в городке несли тобольские годовальщики – служилые люди, присылавшиеся на определённый срок. Они наблюдали за поведением местных угров и сбором ясака, время от времени хаживали вверх по Оби для «контроля» над тамошними остяками, проживавшими в многочисленных юртах по берегам Оби и её притоков. Однако парадокс заключался в том, что до недавних пор ни один из историков не брался со стопроцентной уверенностью указать место расположения бывшего Обского городка. «На правом берегу Оби, напротив устья Иртыша, у подножия высоких Белых гор, в сердцевине Белогорского княжества» – это слишком общо для обских просторов. Хотя самаровский рыбопромышленник Александр Николаевич Шеймин, посетивший предполагаемое место расположения Обского городка ещё в августе 1893 года, составил любопытную записку, на которую, вероятно, мало кто из современников обратил внимание или попросту не знал о её существовании: «Переехав на лодке Обь против устья Иртыша, мы пристали к гористому берегу. Повыше Белых гор находится лог, а на нижней стороне довольно крупные камни числом до 20-50. Пройдя по логу «Белая гора» к юго-западу, я стал подниматься на мыс, выдавшийся от этой горы гребнем к Оби. Вдоль по логу от берега до мыса 50-70 сажен. Гребень с уступами; внизу он шире, а выше кое-где очень узок, в аршин ширины. Начиная от берега растёт березник; тут же стоит сухой кедровый пень в три аршина вышины... На этом мысу ровного, удобного места для построек от 7 до 10 сажен ширины и 17 или 20 сажен печатных длины. По моему мнению, это был очень удобный для жилья мыс, с которого виден Иртыш, Обской берег и Обь в обе стороны на дальнем пространстве, так что никакое судно не могло бы укрыться от глаза Белогорского обитателя» (Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской

губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень, 1997. – С. 5-6).

Шейминская записка послужила «компасом» для археологической экспедиции под руководством кандидата исторических наук Алексея Павловича Зыкова, поработавшей летом 2003-го в посёлке Кирпичном. Результатом стало смелое предположение: Обской городок мог располагаться в семистах метрах от нынешнего посёлка Кирпичного в Митькином логу (шейминская «Белая гора»). Отсюда хорошо просматривалось слияние Оби и Иртыша, можно было контролировать торговые пути с севера на юг. А остатки бывшего городка, по мнению Зыкова, могли быть уничтожены при строительстве посёлка или при разработке глиняного карьера.

«Городок Обский Большой» просуществовал до 1594 года. А сожгли его по царскому наказу люди воеводы князя Фёдора Борятинского и письменного головы Владимира Оничкова, направленные для строительства во владениях остяцкого князя Бардака на правом берегу Оби нового города Сургута...

После того, как одновременно с Сургутом на Иртыше был поставлен город Тара, а через два года в низовьях Оби появился Обдорский острог, можно стало считать, что Западная Сибирь, включая Обь-Иртышское междуречье и всё Нижнее Приобье, вошла в состав Русского государства.

Историки утверждают, что в древних документах слово «остяк» не встречается. Имя же Югры теряет своё прежнее этнографическое значение после разгрома Кучумова царства и покорения сибирских татар. «Внезапное исчезновение довольно сильного и богатого народа – югров и появление многочисленного народа – остяков заставляет предполагать, – излагал Дунин-Горкавич мнение большинства отечественных историков, – в этих народах тождественность; предположение это тем более основательно, что вогулы, живущие по реке Сосьве в Берёзовском округе, имеют сходство в обычаях, нравах и даже наречии с обскими остяками...» (Тобольский Север. В трёх томах. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. – Москва, 1996. – С. 8-9).

Для управления Сибирью в 1637 году было создано центральное учреждение с широкой областной компетенцией – Сибирский приказ под руководством боярина, князя Бориса Михайловича Лыкова. Приказ поначалу находился на территории Кремля, а затем его перевели в Китай-город, где он и находился до ликвидации в середине XVIII века. «И хотя на данном этапе колонизация Сибири носила ярко выраженный военно-служилый характер, уже создавались предпосылки для массового освоения края русскими крестьянами и промышленными людьми» (История Ханты-Мансийского автономного округа. – Там же. – С. 138).

С возникновением Обского городка Белогорское княжество пришло в упадок, на какое-то время оказалось в сфере влияния соседней Коды, являвшейся союзницей Московского государства, а затем распалось. В начале XVII века на месте княжеств образовались ясачные волости: Назымская (Лебаут), Верхнее Демьянское, Цингальская, Колпукольская, Тарханская, Нарымская в составе Тобольского уезда – на Нижнем Иртыше и его притоках; Белогорская, Васпукольская, Ендырская, Кодские городки в составе Берёзовского уезда – от устья Иртыша вниз по Оби; Темлячевая и Селиярская в составе Сургутского уезда – выше по Оби. На протяжении XVII–XIX веков некоторые из этих волостей передавались из уезда в уезд, сливаясь с соседними волостями. Так, входившая поначалу в состав Сургутского уезда Темлячевская волость, включавшая остяцкие селения по нижнему течению Назыма, Мало-го Салыма, Оби, правобережью низовьев Иртыша, в XVIII веке была отнесена к Тобольскому уезду. В 1804 году в составе Тобольского уезда было образовано Денщиковское комиссарство, в которое вошли Темлячевская и Назымская волости «ясашных остяков». В сороковые годы XIX века в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» от 1822-го вместо волости была учреждена Темлячевская инородческая управа Тобольского округа, возглавляемая выборным головой. Если в 1816 году в волости насчитывалось 363 остяка, то в 1858-м – 391. Как видим, рост численности остяцкого населения здесь практически остановился.

В сентябре 1865 года в результате упразднения инородной волости (управы) и причисления их на особых правах к русской Самаровской волости Тобольского округа было создано Темлячевское инородческое сельское общество. В 1877 году им было разрешено иметь отдельное от русского сельское управление. «В сельском обществе, – по сведениям А.Ю. Конева, – насчитывалось 14 юрт, расположенных главным образом в северной части волости на левом берегу Оби, в которых к 1910 году проживало 228 душ мужских и 215 душ женского пола» (Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 3. Р-Я. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 182).

По сведениям, приведённым Е.П. Мартыновой, «в вол. Белогорье в 1642 насчитывалось 84 плательщика ясака (около 340 чел.), в вол. Васпухол в 1645 – 10 плательщиков ясака (около 40 чел.). По материалам ревизских переписей конца XVIII – нач. XIX вв. в Васпухольской вол. насчитывалось 9 селений, в Белогорской – 2...» (Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 1. А-И. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 94). Во второй половине XIX века произошло слияние двух волостей в одну – Белогорскую, где, по сведениям же Мартыновой, в 1858 году насчитывалось 523 остяка, а в 1897-м – 450 остяков и 47 русских...

Р.С. Когда эта глава была уже опубликована в журналах и альманахах, местные газеты обнародовали сенсационную новость: в посёлке Луговском Ханты-Мансийского района недалеко от окружного центра найдено огромное количество костей одиннадцати видов животных ледниковой эпохи (более 6000 палеонтологических находок в возрасте от 11 до 16,5 тысячи лет) – мамонтов, пещерного льва, шерстистого носорога, древней лошади, первобытного бизона, а также 271 предмет, обработанный первобытным человеком, в их числе орудия, выполненные из яшмы, халцедона, горного хрусталя. Сенсационным стало обнаружение позвонка мамонта, пробитого копьём древнего человека. Палеонтологи утверждают, что это – вторая в мире подобного

рода находка. Пока рано делать окончательные выводы, но уже сегодня учёные уверены в том, что ещё 11-16 тысяч лет назад в болотистой низине на берегу ручья близ Луговского располагалась стоянка моих древнейших «земляков». По мнению члена-корреспондента Российской академии наук Андрея Владимировича Головнёва, «...местонахождение «Луговское» – это «окно» в ледниковую эпоху», открывающую удивительные страницы древнейшей истории Югры» (Нина Трофимова. «Окно» в ледниковую эпоху. – Новости Югры. – 2007, 20 ноября). Факт, перечеркнувший первый абзац настоящей главы.

2. От Самаровского яма до Самаровской волости

Ямщики ругаются во всё горло, так, что их, должно быть, за десять вёрст слышно. Ругаются нестерпимо. Сколько остроумия, злости и душевной нечистоты потрачено, чтобы придумать эти гадкие слова и фразы, имеющие целью оскорбить и осквернить человека во всём, что ему свято, дорого и любо! Так умеют браниться только сибирские ямщики и перевозчики...

А.П. Чехов. Из Сибири

С притоком русского населения главным образом за счёт казаков и «промышленников» (торговцев), возникла необходимость наладить бесперебойное движение людей, грузов и провианта как из России в Югру, так и из Югры в Россию – во-первых, и, во-вторых, обеспечить передвижение самих новопоселенцев в пределах бывших сопредельных остяцких княжеств. Поначалу чиновников и путешественников развозили летом по воде, а зимой на лошадях исключительно остяки, но по мере колонизации края правительство пришло к решению о создании ямщицких слобод из числа русского населения.

На оживлённых направлениях были заведены ямы – особые станции для содержания лошадей. В 1637 (по Г.Ф. Миллеру, а по П.Н. Буцинскому и Х. Лопареву – в 1635) году были созданы Демьянский ям Тобольского уезда в низовьях Иртыша во владениях бывшего одноимённого княжества и Самаровский Сургутского уезда – в бывших владениях князя Самара. Указом царя Михаила Фёдоровича в феврале 1635 года дьяку Пантелею Чирикову было велено «прибрать» в поморских городах 100 человек с жёнами и детьми для поселения на завоёванной земле: «Прибрать велено... не из тягла, не из холопей, не из крепостных и не из воров..., а людей семьянистых». 50 человек из Соли Камской, Чердыни, Соли Вычегодской были приписаны к Самаровскому яму. Причём первых ямщиков не просто «прибира-

ли», а в прямом смысле с почестью «снаряжали» на службу. Каждому выдавалось по 5 рублей, предоставлялось необходимое количество подвод. Ямщикам на новом месте полагались пашенные земли, которые они могли использовать под обязательство бесплатной перевозки служилых людей. Но поскольку в Самарово пашенных земель не имелось, то переселенцы первое время довольствовались одним только денежным жалованьем, испытывая нужду во всём, особенно в продуктах, которые завозились из отдалённого Тобольска не всегда вовремя и в недостаточном количестве.

И если всего-то с полстолетия назад остяки, перепуганные «русским вторжением», отбивались от казаков Ермака и штурмовали Обской городок, то, по приведённому Хрисанфом Лопаревым свидетельству Фишера, с основанием Самаровского яма остяки изменили своё отношение к ямским охотникам. Недополучавшие продукты и жалование ямщики порой отказывались от службы, их уговаривали не столько служилые люди, сколько сами остяки. «Остяки просили столь усиленно, и из собственных своих земель, которые под земледельчество могли быть годны, обещались по несколько уступить ямщикам...» (Лопарев Х.М. Самарово... – Там же. – С. 10). А начиная с XVII века, по Лопареву, «обнаруживается любопытное явление сосредоточивания остяцких земель в руках русских ямщиков, явление, оправдываемое законами истории, по которым народы низшей культуры становятся в зависимость от соседних народов культуры высшей...» (Лопарев Х.М. Самарово... – Там же. – С. 14).

В документе по «делу Ушакова» (1667-1668), опубликованном в книге Хрисанфа Лопарева «Самарово...», ямщиками Самаровского яма были: Алёшка, Козёмка, Потапко и Сенька Мухины, Максимка Михайлов, Васька, Галанка и Якунька Ивановы, Артюшка, Сенька и Юшко Лыткины, Гришка, Ивашка да Якимко Тимофеевы, Титка Васильев, Сенька Соснин, Гришка да Ивашка Скрыпуновы, Микитка да Тимошка Сухановы, Васька, Ларька и Лёвка Корепановы, Игойка Терентьев, Петрушка Оноховской,

Ивашка, Максимка и Федька Челпановы, Микитка, Митька и Якунька Шаламовы, Гришка Кузнец, Лучка Захаров, Баженка, Ивашка, Пашка и Федька Змановские, Федька Попов, Данилка Кузнецов, Ивашка и Сенька Петровы, Пронька Скосырев, Антонко Погодаев, Мишка Росохин, Артюшка Леонтьев, Ивашка и Полушка Гавриловы, Андрюшка и Гришка Сумкины, Антонко, Ивашка, Петрушка и Стенька Кайгородовы, Уварко Бебяков, Сидорко Спехов, Игнашка Володимеров, Кирилко Худяков, Данилка да Якунька Анфимовы, Федька Кирилов, Алёшка да Терёшка Самойловы, Ивашко Френчинов, Оська Суботин, Тимошка Пластинин, Самсонко Савин, Першка Мильков, Федька Костентинов (вероятно, Константинов – Н.К.), Андрюшка и Ивашка Спиридоновы, Данилко Трофимов, Ивашка Горшок, Баженко Кузнечихин, Богдашка Патракеев, Ивашка Ершов, Андрюшка и Зинка Пачгановы, Афонька Карандашев, Володька Шалахлов, Алёшка Семёнов, Андрюшка и Федька Егишевы, Ивашка Васильев, Лучка Фрянчиков, Сёлка Степанов, Ивашко Хозяинов, Ивашка Серебряников, Марчко Григорьев...

Эти и многие другие ямщики составили основное (после первых ермаковцев) русское население района...

Зимой перевозки осуществлялись на лошадях или даже на собачьих упряжках, а летом те же ямщики пересаживались на лодки-дощаники. Со временем и ямщики обзавелись хозяйством и поставили избы. Так возникла заимка, затем ямская слобода, а в ней почти сразу же была воздвигнута деревянная церковь во имя св. Николая Мирликийского – покровителя всех путешественников.

Ямская гоньба осуществлялась по трём направлениям: а) по Иртышу до Демьянского яма; б) вверх по Оби до нового города Сургута; в) вниз по Оби до Сухоруковских юрт, а затем и до Берёзова. В Самаровском яму была учреждена ссудная изба, таможня для досмотра и оценки купеческих товаров и взимания пошлин. Через ям с низовьев Оби открывался торговый путь в Восточную Сибирь, через проезжих китайских посланников налаживалась торговля с Китаем, что для России того времени было жизненно

важно. Почти вся поступавшая в государственную казну пушнина сбывалась в Бухару, Персию, Турцию и Китай. По этому поводу Дунин-Горкавич писал: «Быть может, без этого важного источника доходов России не под силу бы пришлась борьба с западными соседями. Поэтому вслед за присоединением Сибири стал на очередь вопрос о торговле с Китаем. Потребность в этой торговле была вызвана, с одной стороны, скоплением у правительства огромного количества разного рода ценных мехов, а с другой, – настоятельной надобностью в драгоценном металле, особенно в золоте, которое оно могло получить из Китая в обмен на пушнину» (Тобольский Север. Т. 3. – Там же. – С. 23). Прорыв в торговле с Китаем стал возможен лишь с заключением с ним Нерчинского договора в 1689 году...

С образованием в 1708 году Сибирской губернии ямская гоньба стала предметом попечения Губернской администрации, но забот о пропитании у ямщиков не убавилось.

В конце XVII – начале XVIII века наметился «процесс присвоения» остяцких земель русскими ямщиками. Так, в 1687 году Темлячевские остяки, взявшие у ямщика Скрипунова 30 рублей для покупки хлеба, отдали ему свою землю на Оби напротив протоки Соспас на условиях совместного владения. Примерно в 1691 году остяки за долг в десять рублей отдали ямским охотникам Попову и Кузнецову землю по Оби с условием совместного промысла и сенокоса, а в 1700-м заложили ямщикам Пачгановым Соновый остров в протоке Неулевой за пять рублей...

В начале 30-х годов XVIII века вдруг выяснилось, что в Темлячевской волости среди остяков поселились ямщики Хозяинов и Башмаков с семьями. По закону их следовало вернуть в Самарово. Остяки же, которым, вероятно, русские семьи помогали материально и, возможно, учили огородничеству, вступились за самовольных переселенцев.

Но и «беспредел» русских остяками строго пресекался. Хрисанф Лопарев рассказал об одном таком случае. В 1852 году жители деревни Зенково Самаровской волости из-за частых наводнений самовольно переселились на принадлежавший остякам Чебыкинских юрт Пановский остров.

«Осерчавшие» темлячевцы через Земский суд заставили самовольцев обратиться восвояси...

В 1748 году в Самаровском яму насчитывалось уже 487 ямщиков. Власти решили: для одного яма много. Чтобы самаровцы не «прохлаждались», Сенат по согласованию с Сибирским приказом и Губернской канцелярией часть ямщиков перевёл в Барабинскую степь. Поэтому к 1761 году в Самаровском и Демьянском ямах оставалось всего около 400 ямщиков, а к концу XVIII века, по сведениям Н.А. Балюк, в селе насчитывался 141 ямщицкий двор из 149 имевшихся. При первом сибирском губернаторе князе Гагарине Самаровский ям стал центром самостоятельного уезда. В дальнейшем и Самаровский, и Демьянский ямы вошли в состав Подгородного дистрикта Тобольского уезда... В 1824 году всех ямщиков в Самаровской волости перевели в разряд государственных крестьян. В 1895 году в Самарово имелось 436 ревизских душ, 175 дворов и 130 домохозяев...

Первые русские поселения нынешнего Ханты-Мансийского района – Зенково, Скрипуново, Долгое Плёсо, Селиярово, юрты Нялинские и т.д., естественно, основывались вдоль основной транспортной артерии – Оби и её притоков. Здесь до сих пор распространены старожильческие фамилии Змановских, Башмаковых, Коневых, Пачгановых, Спиридоновых, Сумкиных, Хозяиновых, Чучелиных. Как правило, родоначальники этих фамилий становились основателями деревень...

Первые волости у русских поселян были организованы в 1786-м. К Самаровской отошли Базьяны, Тюли, Шапша, Конёво, Спирино, Зенково, Скрипуново и некоторые другие деревни и сёла. Сохранявшая обособленность в делах внутреннего управления Темлячевская инородческая остряцкая волость с 1865-го была причислена к Самаровской волости на правах, как уже было сказано, особого сельского общества. С 1898-го Самаровская волость относилась к ведению крестьянского начальника третьего участка и станового пристава четвёртого стана Тобольского уезда. По сведениям всеобщей переписи 1897 года, в волости числилось 4087 человек. В 1903 году, по данным А.Ю. Конева,

«в составе волости (занимавшей всего 0,6 процентов территории Тобольской губернии – Н.К.) находилось 29 русских и остяцких селений, в которых насчитывалось 753 двора и 4663 души обоего пола» (Югория: Энциклопедия. Т. 3. – Там же. – С. 64).

Начало распространению православия на территории нынешнего района положила основанная в 1600 году в Коде церковь во имя Живоначальной Троицы. Её немногочисленными прихожанами стали Алачёвы и их холопы. Центром же распространения христианства среди остяков стал построенный в 1654 году сибирским архиепископом Симеоном Троицкий Кодский монастырь. В Самаровской слободе в дополнение к существовавшей деревянной во имя Святого Николая Мирликийского в 1816-м на пожертвования прихожан построили каменную Покровскую церковь с престолами во имя Покрова Пресвятой Богородицы, во имя Знамения Божией Матери, во имя Николая Чудотворца, с двумя часовнями в Самарово и в деревне Оленёвой. К приходу относились деревни Шапша и Оленёво, назымские юрты Тренькинские, Пашкинские, Кузнецовские, Кышиковские, Терёшкинские, Вершинские.

В конце 1706 года Пётр I повелел посвящённому четыре года назад в сан митрополита Сибирского и Тобольского Филофею Лещинскому отправляться в юрты остяков и вогулов и крестить «добровольцев», а в местах расселения новокрещённых уничтожать языческих идолов, строить часовни и церкви. В награду за переход в православие с новообращённых снимались недоимки по ясаку, им выдавали кафтаны, рубахи, хлеб. Из-за болезни митрополит не смог сам принять участие в миссионерской экспедиции 1707 года, закончившейся неудачей. В последующие годы экспедиции не предпринимались. Болезнь заставила Лещинского уйти в Тюменский монастырь, где он принял схиму с именем Феодор. Но Пётр I слов на ветер не бросал. Вдогонку за указом от 18 декабря 1708 года об учреждении Сибирской губернии с центром в Тобольске он в 1710-м подтвердил своё распоряжение о необходимости крещения

инородцев. Приехавший в Тобольск утверждённый в марте 1711 года в статусе Сибирского губернатора последний судья Сибирского приказа бывший московский комендант князь Матвей Петрович Гагарин уговорил схимонаха Феодора покинуть монастырь и отправиться в «страну остяцкую». Летом 1712-1714 годов Лещинский совершил первые поездки в Берёзовский край через Самаровский ям по рекам Иртышу, Оби и Сосьве. В миссии 1712 года принял участие и бывший полковник Мазепы, ссыльный историк и этнограф Григорий Ильич Новицкий, оставивший сибирякам своё «Краткое описание о народе остяцком» (1715). В 1715-м Филофей Лещинский совершил вторую поездку по уже проложенному маршруту и затем на Конду. Не всё шло гладко и мирно. Порой и миссионерские кафтаны не помогали. Если в Белогорье язычники позволили даже сжечь свою кумирню с Обским стариком, то остяки из ближайших к яму юрт при приближении Филофея со свитой в страхе разбежались по лесам и протокам. В Конде известный остяцкий бунтарь князь Сатыга с отрядом в 600 человек оказал миссионерам вооружённое сопротивление, а в 1720-х ярые противники христианства – самоеды даже убили нескольких новообращённых остяков. Тем не менее, в том же году 65-летнему схимонаху было вторично поручено управление Сибирской епархией, продолжавшееся ещё пять лет.

Всего же в течение нескольких лет Феодору и его помощникам удалось обратить в православие более 40 тысяч вогулов, зырян, остяков, тунгусов. При вступлении Филофея Лещинского в должность управляющего Тобольской епархией по Сибири насчитывалось 160 храмов, а за четверть века их число увеличилось до 448. В храмах были открыты церковно-приходские школы, в которых обучались не только русские, но и остяцкие дети. К 1740 году некрещёными в Югорской земле оставались в основном ненцы. Христианизация язычников в Тобольской губернии продолжалась в течение всего XVIII века. Последние миссионеры Тобольской епархией были назначены по ходатайству

митрополита Павла II (Канюскевича) указом Синода 1764 года, за четыре года до упразднения митрополии...

Однако наивно было бы полагать, будто с обрядом крещения все остяки и вогулы в одночасье обратились в православную веру. Александр Бенкендорф в своих воспоминаниях утверждал: «Остяки – идолопоклонники, хотя некоторые из них и были крещены монахами кондинского монастыря, но, так и не поняв, что означает церемония, которой их подвергли, они ставят маленькие иконки и кресты рядом со своими идолами, которые представляют собой грубо обработанные деревянные фигурки, приносят им в жертву часть добычи и часть улова, оставляя всё это на колу в стороне от хижин...» (Альбина Болотова. Тайная миссия генерала Спренгтпортена. – Там же). И к началу XX века, по свидетельству авторитетнейшего знатока остяцкой жизни Дунина-Горкавича, христианство не проникло в сознание остяков. Оно «смешалось с языческими воззрениями, в результате чего явились новые религиозные взгляды, представляющие из себя смесь христианства и язычества, с преобладанием последнего» (Тобольский Север. Т. 1. Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. – Москва, 1995. – С. 92). Да и поныне крещение ханты и манси носит по преимуществу формальный характер – в душе они остаются язычниками: «Христианин я и язычник – две веры у меня в душе», – делится сокровенным современный мансийский поэт Андрей Тарханов. Кстати, термин «инородцы» за иноверческим сибирским населением закрепился, по мнению известного учёного В.М. Кулёмзина, именно после осуществления христианизации во второй половине XIX века.

На всём протяжении XVIII века русское население Югры оставалось малочисленным. Оно сосредоточивалось почти исключительно в Берёзово и Сургуте, но и там к концу столетия русских было менее двух тысяч человек. В низовьях Иртыша и прилегающей части Обского бассейна с XVII века существовали русские сельские поселения. Самым крупным в округе оставался Самаровский ям, где из

111 дворов 93 принадлежали ямщикам. Окрестные ямщицкие деревни Фролова, Тулина, Реполовский погост были малолюдны, к 40-м годам XVIII века в них насчитывалось от 1 до 5 дворов. Некоторые деревни и тогда исчезали с карты Югры. К 1740-му не стало, например, ямщицкой деревни Оноховской, стоявшей у устья Иртыша. Обские селения были несколько большими по размерам. По данным переписи 1764 года, в деревне Белогорской проживало 14 человек мужского пола (женское население не учитывалось), принадлежавших к ямщицкому сословию; в деревне Елизаровой – 35, в деревне Сухоруковской – 33. В конце столетия в этих трёх деревнях проживало 192 человека, представлявших это сословие. По соседству с ямщиками жили государственные крестьяне.

Основным занятием почти всех без исключения русских людей было рыболовство. После 1896 года все земли и рыболовецкие угодья, прежде принадлежавшие остякам, перешли в собственность государства, а инородцы имели право пользования ими. В Самаровской волости практиковалась аренда рыболовных угодий за определённую плату с участием в лове вотчинников, а то и вовсе места использовались самими вотчинниками без уплаты аренды. На восток от Самарова вверх по Оби на протяжении 85 вёрст насчитывалось 18 рыболовных угодий, а на юг, по Иртышу, на протяжении 63 вёрст, – 10. По подсчётам Дунина-Горкавича, в начале 1900-х годов из Самаровской волости ежегодно вывозилось около 15000 пудов солёной и около 50000 пудов мороженой рыбы. Это не так уж и много, если учесть, что общее количество вывозимой из Обдорска, к примеру, рыбы равнялось 200000 пудам. Некоторые деревенские общества со временем стали сдавать рыболовные участки в аренду разбогатевшим крестьянам-предпринимателям. Местные русские иногда арендовали рыболовные участки у остяков. Арендная плата за место, по-Патканову, колебалась от 20 до 300 рублей, а иногда и выше. Владельцы угодий часто пускали ловить рыбу «по знакомству», в обмен на муку и другие припасы без заключения письменных договоров. Немало угодий состояло в совместном вла-

дении русских и остяков. Остяки, не владевшие «песками», могли сдать в аренду земельные участки (речки, озёра, кедровые бора и т.д.). За каких-то 8-10 рублей русский (член общины) или вообще человек приезжий мог купить право пользования на сезон всеми принадлежащими общине угодьями (8 рублей 80 копеек в 1891 году в Самарово стоил пуд сахару, а за 10 рублей можно было купить пуд коровьего масла). Отдельные юрты, по подсчётам Патканова, имели по 8-14 таких арендаторов. Рыба шла не только на пропитание, но и на продажу приезжим прасолам. В первой половине XIX века в Темлячевской волости продавалось от 80 до 89 процентов всего улова. Наиболее ценная рыба, так называемая «проходная», которая с конца весны из Обской губы вверх по Оби поднималась на нерест, а на исходе лета – осенью возвращалась обратно, добывалась по большей части в самой Оби и в низовьях Иртыша... Из местных («оседлых») пород рыбы добывали прежде всего стерлядь, которой славился Иртыш. К концу XIX века с Обского Севера (с включением Сургутского уезда и Самаровской волости) вывозили около 310 тысяч пудов рыбы, но более 200 при этом приходилось на долю Обдорского края. Так что участие Югры в рыбном экспорте (за пределы Обского Севера) и к концу столетия оставалось скромным. Сказывались нехватка квалифицированных рабочих, транспортные трудности, неважное качество продукции. Именно поэтому 2 марта 1897 года в селе Самаровском 67-летний «торгующий» крестьянин, он же – устроитель Самаровской паровой пристани, известный меценат Василий Трофимович Земцов на свои средства открыл школу на десять учеников по подготовке мастеров-рыбообработчиков, просуществовавшую, к сожалению, всего три с половиной года и закрытую в 1901 году в связи со смертью основателя и за отсутствием средств на содержание. По сведениям А.А. Дунина-Горкавича, «среднегодовая производительность рыбной школы выражалась в 1800 фунтовых и 3500 полуфунтовых банок консервов» (Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры. – Там же. – С. 104).

Хлебопашеством мои земляки практически не занимались. Побывавший в 1722 году в районе академик П.С. Паллас отметил, что около Самарова почти ничего не сеют, кроме ячменя и овса, но в «окольных местах» (имелось, вероятно, в виду село Реполовское в устье Конды и его окрестности) хлеба успевают вызревать. В районе Самарова в достаточном количестве убирали также чеснок и хрен. Казаки получали небольшое жалование, прожить на которое было мудрено, поэтому они занимались промыслами и держали скот. К концу XIX века северная граница хлебопашества на Обском Севере продолжала проходить по Самаровской волости, да и то не выходила за рамки огородничества. Здесь применимо ироническое замечание Словцова в письме от 20 марта 1826 года по поводу границ распространения хлебопашества в Якутии: «Возможность хлебопашества доказана, но хлебопашества нет» (Письма из Сибири. – Там же. – С. 14).

Из огородных культур выращивали капусту, редьку, свёклу, морковь, репу, бобы, горох, огурцы. Хорошо приживался картофель. К 1848 году только в Берёзовском округе насчитывалось до 400 огородов; в самом окружном центре было 63 огорода. Но даже в южной части – волостях Елизаровской, Кондинской, Самаровской – огороды были далеко не во всех хозяйствах. Под влиянием русских некоторые ханты и манси начали употреблять в пищу овощи и даже выращивать их...

К концу 1820-х годов, судя по данным специальной комиссии, лошади имелись у ясачных остяков в волостях Селиярской (60), Салымской (50). Русские держали лошадей повсеместно. Длительный период адаптации привел к формированию особой северной породы лошадей – мелкой, но выносливой и вполне приспособленной к суровому климату... У русских были коровы и даже овцы. Коровы были и во многих хантыйских хозяйствах, но скотоводство так и не стало товарным. В Самаровской волости многие остяки по примеру русских занимались и заготовкой дров для па-роходов.

До середины XIX века гражданское население городов в Югре ещё уступало по численности казачеству (включая и казачьи семьи), а общая численность горожан составляла около 2200-2700 человек. Зато заметно увеличилось по сравнению с XVIII веком русское сельское население. В первой четверти века почти всё оно сосредоточивалось в бассейне Иртыша и прилегающего участка Оби (бывшее Самаровское ведомство)... Наиболее крупными поселениями были Самаровская слобода (к 1810 году в ней насчитывалось 110 дворов), д. Елизарова... Число жителей в селениях по Иртышу и прилегающему к нему участку Оби в середине XIX века было весьма внушительным: в д. Елизаровой – 274 человека (государственные крестьяне), в с. Сухоруковском – 164 человека (государственные крестьяне), в д. Белогорской – 137 (государственные крестьяне). Многие русские поселенцы обосновались в хантыйских юртах. На Назыме перепись 1897 года зарегистрировала 8 таких поселенцев. В то же время в большинстве русских сельских поселений постоянно жили представители коренных народов.

Р.С. В 2004 году, при подготовке двухтомника «Югорские фамилии: Исторический словарь» сотрудник научно-производственного многопрофильного предприятия «Волот» Уральского государственного университета историк А.Т. Шашков обнаружил архивные документы, доказавшие, что первые ямщики в Самаровском яме появились не в 1637-м и не в 1635-м, как считали П.Н. Буцинский и Х.М. Лопарев, а в 1632-м.

3. От Киселёвых до «опасных элементов»

Пирязев Иван Филиппович, ссыльнопоселенец, назначается для отбывания наказания в распоряжение Тобольского губернского Правления... Следует без оков на общем основании.

Приметы: рост 2 аршина, 5 вершков; волосы русые, усы светло-русые; телосложение среднее; глаза карие; кожа лица бледная; лоб широкий, четверугольный; нос средний, переносье мелкое, основание горизонтальное, ноздри открытые...

Особые приметы: под левым глазом, под правым соском, на правой половине живота находится по одному родимому пятнышку величиной с маленькую горошину.

Племя – русское.

Срок наказания исчисляется с 1 июля 1906 года, приговор обращён к исполнению 14 июля 1906 года.

***Из статейного списка, составленного в
Варшавском губернном Правлении по делу № 230
«О ссыльнопоселенцах Фёдоре Соколове
и Иване Пирязеве»***

В конце XVIII столетия на высоком берегу одной из многочисленных безымянных протоков в полутора верстах от места её впадения в Обь шумела дремучая тайга. Богатейшие рыбой речки, незамутнённые сора и озёра, тёмные бора с непуганой дичью, нетронутой рукою человека черникой и брусникой, кедровники с налитым орехом, клюквенные и морошковые болота – всеми этими несметными богатствами владел, по преданию нялинских старожилов, некий остяк Кутыл. Хорошо – покойно, сытно и вольготно в согласии с законами Природы и Торума жилось семье удачливого рыбака и охотника!

Первые жители юрт поселились чуть в сторонке от протоки – ближе к летним пастбищам. Вероятно, был среди

них и остяк по фамилии Ахтомин (или – Актомин? Уж не упомянутый ли Кутыл, давший изначальное название юртам, в дальнейшем ещё дважды переименованным?).

По данным «певца инородцев» – выдающегося этнографа Серафима Патканова, мои исторические земляки, жившие в Темлячевской волости в юртах Шапшинских и Ахтоминских, вследствие сильного культурного влияния русских ямщиков и рыбопромышленников обрусели настолько, что к концу XIX столетия забыли родной язык и остатки языческих обрядов. Профессор Аркадий Иванович Якобий пришёл к неутешительному выводу: на протяжении XIX века шло «угасание» остяков и вогулов. Его выводы основывались на данных статистики, приводимых в исповедных росписях – списках прихожан, которые составлялись священниками. Учёный призывал государство и церковь незамедлительно поднять благосостояние инородческих племён, взяв за основу благотворительность не только в смысле разовых пожертвований, но и в более широком смысле наставления и руководства, ибо инородцы, как дети, в особенности нуждались в защите.

Серьёзную озабоченность о будущем инородцев высказывал и Патканов. В наше время, думаю, никто из серьёзных исследователей не упрекнёт его в ошибочности предсказаний: «В ближайшем будущем можно ожидать полное растворение остяцкого населения в русском – по аналогии с тем, которое произошло везде, где великорусский народ соприкасался с финскими племенами, превосходя их в культурном развитии» (Остяцкая молитва. – Там же. – С. 48). Правда, предсказатель указал на одно печальное обстоятельство, при котором не все остяки превратятся в русских – они, по его мнению, ещё быстрее вымрут...

А статистика была на его стороне. По данным IV ревизии 1781 года, остяков в Темлячевской волости насчитывалось 522 человека обоего пола, по итогам X в 1858-м – 519, ещё через двадцать лет, в 1787/88 годах, по подсчётам самого учёного, – 499. Одной из главных причин такого медленного, но устойчивого снижения численности остяков Патканов видел в увеличении смертности от завезённых русскими заразных болезней и распространении заимствованных у них привычек к пьянству и курению. Последствия одной из таких болезней в начале XIX века описал А.Х. Бенкен-

дорф: «...Страшное бедствие опустошает население остяков – это сифилис. Вероятно, он был завезён русскими и стремительно распространился... Почти весь народ разрушен этой болезнью и носит её отвратительные отметины: мужчина 25 лет уже имеет вид облезлого старика; девушка 10 лет выходит замуж и рождает слабых и уже поражённых гангреной детей; их кости открыто гниют и отстают от плоти, многие из этих несчастных умирают, заживо разложившись...» (Альбина Болотова. Тайная миссия генерала Спренгтпортена. – Там же).

А известный ихтиолог Николай Аркадьевич Варпаховский, исследовавший в 1895–1896 годы проблемы рыболовства в бассейне реки Оби, не только был уверен, что «...инородческие племена Сибири угасают, и он может сделаться пустынным и безлюдным», но и утверждал в своём отчёте Министерству земледелия и государственных имуществ: «...все мероприятия для охраны инородцев от угасания не принесут пользы, если будут истощаться средства пропитания и существования их – главным образом рыба...» (Рыболовство в бассейне реки Обь: В 2-х частях. – Тюмень, 2003. – (Репринтное издание). – С. 96). (Кстати, Варпаховскому мы обязаны созданием в Сибири органов рыбнадзора. Его своевременная идея была поддержана побывавшим в Сибири летом 1898 года министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым. У Дунина-Горкавича приведён отрывок из «всепопданнейшего» доклада министра: «На основании собранных исследователями данных подтвердятся необходимость организации в Сибири рыболовного надзора и возможного содействия специалистов-техников в целях надлежащего использования рыбных запасов...») (Тобольский Север. Т. 1. – Там же. – С. 256).

Известный самаровский лесничий Дунин-Горкавич не отрицал факта угасания инородцев, но и не преувеличивал этой опасности. Он всегда подчёркивал, что процесс не повсеместен и гораздо сложнее, чем принято считать, и зависит от целого ряда экономических факторов. Дунин-Горкавич указывал на недостоверность данных профессора Якобия: «Мы всегда рискуем принять убыль населения

прихода путём переселения – за угасание, которого не существует, и, наоборот, прибыль пришлого элемента – за прирост населения» (Тобольский Север. Т. 1. – Там же. – С. 141). Однако его критика властей по этому поводу была очень жёсткой: «Существующие законы об инородцах никогда не отвечали требованиям жизни северного инородческого населения. Действующее Положение об инородцах, если судить даже по целой серии технических выражений, совершенно неизвестных на севере, писалось, по-видимому, для степных народностей» (Тобольский Север. Т. 1. – Там же. – С. 142). В отличие от Бенкендорфа, а затем и Варпаховского, Дунин-Горкавич усматривал главную причину угасания не в прививке русскими сифилиса и табака, а в эпидемических болезнях – тифе и оспе, возникавших «благодаря» нечистоплотной обстановке, в которой жили инородцы, в отсутствии элементарной медицинской помощи...

Возможно, мой район и сделался бы «пустынным и безлюдным», как предрекал Варпаховский, если бы...

Тут я рискую обрушить на свою голову ушат обвинений в отбеливании «ненавистного» советского прошлого. Скажу кратко: ни у одного из царей российских, от первого до последнего, казнённого в подвале Ипатьевского дома, никогда по-настоящему не доходили руки ни до остяков, ни до вогулов, ни до разных прочих «самоедов», ибо все периоды их царствования были заняты главным образом бесконечными войнами с разными немцами и шведами, прорубанием окон в Европу, обрезанием боярских бород и дворцовыми интригами, поисками и казнями бесчисленных «воров» и «ворогов»... Пришедшие к власти ельцинисты решили проблему выживания обских инородцев безжалостно просто – подключили оставшихся в живых к искусственному дыханию из нефтяных и газовых баллонов в качестве компенсации за материальный ущерб, причинённый родовым угодьям, привив современным хантам и ненцам, чего уж тут греха таить, губительный вирус иждивенчества, который и приведёт трудолюбивый некогда народ к предсказанному Паткановым концу...

Результаты очевидны. На состоявшемся весной 2007 года в Госдуме круглом столе на тему «Обеспечение прав коренных малочисленных народов России на традиционный образ жизни и защиту среды обитания при разработке и применении природоресурсного законодательства» заместитель председателя Комитета по природным ресурсам и природопользованию Владимир Кашин, отбросив лукавые цифры официальной статистики, сообщил, что называется, открытым текстом: «...в районах проживания малочисленных народов большая часть населения в настоящее время живёт значительно хуже, чем в 1990 году» и привёл неопровержимые доказательства сокращения численности малочисленных народов России только за последние три года на 14 процентов (200 тысяч человек!). Его вывод: «Советская власть для аборигенов сделала куда больше, чем пришедшие капиталисты». Один их участников круглого стола (в «плюсквамперфекте» – член окружкама партии, в недавнем прошлом – оголтелый демократ гайдаровского разлива, а ныне, как и принято в политических кругах, «убеждённый единороссовец») находясь под впечатлением ошеломившей его цифры, «поступился» либеральными принципами и призвал народ честной восстановить упразднённый несколько лет тому назад не без его личного участия Госкомсевер, дабы «конкретные люди отвечали за самочувствие северного человека» (Ольга Маслова. Защитников прибавилось. – Новости Югры. – 2007, 3-9 мая).

Советы 20-30-х годов прошлого столетия сделали для остяков и вогулов столько полезного в области медицины, образования, условий быта и труда, сколько никогда не сделают приверженцы рыночной экономики, ибо всеми их помыслами движет не забота о конкретном человеке – «показательные заботы» в виде различных конференций, фестивалей и прочих потёмкинских «спасательных мероприятий» не в счёт – это ширма.

До сих пор из уст оголтелых критиков советского строя приходится слышать: «Что дали народу, к примеру, ликбезы двадцатых? Подумаешь, научили кого-то читать по слогам, расписываться в ведомости да пересчитывать пус-

тые трудодни. Невелика заслуга!» Отвечаю: «Велика!» Ликбезы 1920-х не ставили, разумеется, задачей дать народу образование. Они явились одной из форм неотложной образовательной помощи, в которой в начале XX столетия (не только по вине большевиков, но и, прежде всего, царского правительства) нуждалось подавляющее большинство населения. По официальной статистике, Тобольская губерния по уровню образования занимала 48 место среди 51 губернии России. По Декрету 1919 года кампанией было охвачено практически всё население в возрасте от 8 до 50 лет, вплоть до привлечения уклонявшихся к уголовной ответственности. Конечно, как всегда, с перегибами. С 1923 года стали создаваться курсы ликбеза при школах, народных домах, избах-читальнях, со следующего года – отделения Всероссийского общества «Долой неграмотность!», в середине 1920-х появились национальные школы, началась подготовка к созданию хантыйских и мансийских алфавитов и учителей со знанием национальных языков. Дочь потомственного хантыйского рыбака и охотника, сама в юности рыбачка, известная народная сказительница и мастерица из юрт Чучелинских Таисия Сергеевна Чучелина впервые взяла в руки букварь в двадцать лет именно на туземных курсах по ликвидации неграмотности. Освоив азы, окончила советско-партийную школу в Остяко-Вогульске и поехала учительницей в ещё более отдалённый от цивилизации Берёзовский район учить писать и читать хотя бы по слогам детишек из национальных сёл и посёлков...

«Состояние учреждений образования и культуры на Обском Севере после окончания Гражданской войны было удручающим... Власти нашли средства для развития системы образования, так как начинавшийся коммунистами социальный эксперимент требовал грамотных людей. В 1921–1924 гг. на территории края (в Цингалах, Самарово и др.) было открыто 60 общеобразовательных школ, из них 56 начальных... В 1926/27 г. проводилась Приполярная перепись населения, которая показала, что грамотные среди ханты составляют 5,2%, среди манси – 5,6% а среди ненцев – всего 0,9%... В конце 1927 г. на Обском Севере

работало 19 школ для ханты (194 ученика) и 6 для манси (94 ученика)...» (История Ханты-Мансийского автономного округа. – Там же. – С. 355-356).

Это ли не прорыв?

У ахтоминских (нялинских) жителей основным занятием покои веку была рыбалка. Из составленного Дуниным-Горкавичем списка рыболовных угодий приведу выписку промыслов жителей Самаровской волости Тобольского уезда в 1890-х годах. По Салымской Оби: пески Долгое Плёсо и Островной (остяков юрт Алёкиных), Марков песок (остяков юрт Чебыковых и Ельковых), Шумилов песок (крестьян села Селияровского и остяков юрт Ельковых), Глазковский (остяков юрт Чебыковых); по Большой Оби: пески Майковская Ямка (остяков юрт Априных), Зенковская Ямка и Зенковский деревенский песок (крестьян деревни Зенково), Ососовский песок и Тундыкова коса (крестьян деревни Зенково), Ванихин-Нялинский и Дурной (остяков юрт Костинских и Нялинских), Терёшкин песок и Терёшкинская Ямка (остяков юрт Чучелинских, Кыпшиковских, Вершинских, Терёшкинских), Соспас (крестьян и остяков деревни и юрт Шапшинских), Глазковский, Кривошапшинский и Сосновский (остяков юрт Тренькинских), Пашкинская коса (остяков юрт Пашкинских).

По Иртышу: пески Голец, Морошков, Речешный (крестьян села Реполово), Усть-Кондинский (крестьян деревни Тюлинской), Бродников (крестьян села Базьяновского), Фроловский (крестьян деревни Фроловой), Топольный-Манойловский (крестьян деревни Манойловой и Оленёвой), Каменский, Богдановская коса, песок Ляга (крестьян села Самаровского).

Из них по Салымской Оби – на Марковом и Шумиловом песках; по Большой Оби – на Майковской и Зенковской Ямках, Терёшкином песке и Ямке, Сосновском; по Иртышу – на Гольце, Морошковом, Речешном, Усть-Кондинском, Каменском песках, Богдановской косе и песке Ляга крестьяне и остяки Самаровской волости, по крайней мере ко времени составления Дуниным-Горкавичем своей

таблицы, промышляли сами. Остальные же сдавали в аренду рыбопромышленникам Евгению Акимовичу (а затем его сыну Семёну Евгеньевичу) Рязанцеву, Ивану Степановичу Коневу, Алексею Алексеевичу Пачганову, Егору и Ивану Васильевичам Змановским, Фёдору Васильевичу (а затем его сыновьям Андрею и Егору) Киселёву, Василию Трофимовичу Земцову, Александру Николаевичу Шеймину, Елизару Ивановичу Коневу, Константину Башмакову, Фёдору Константиновичу Соскину. Как правило, сдавали на 3 года. Иногда без каких бы то ни было условий, но в основном с условием права совместного промысла своими артелями.

Между прочим, политика царского правительства, направленная на сохранение промысловых угодий во владениях остяков и вогулов, сохранявшаяся вплоть до революции, значительно сдерживала русскую колонизацию. Во всей Югре к концу первого десятилетия XX века численность русских не превышала 11 тысяч человек, к концу 1916-го увеличилась за счёт сельских жителей до 16 тысяч. В Самаровской же волости в 1904 году насчитывалось всего 4753 души обоёго пола, из них русских – 4361.

Существовавший порядок пользования угодьями привёл к тому, что несколько представителей вымершего остяцкого рода владели огромными пространствами угодий, количество которых во много раз превышало действительную нужду владельцев, в то время как другие испытывали недостаток в них. Многие специалисты, в том числе и Дунин-Горкавич, считали, что угодья из ведения инородцев должны перейти в собственность государства, а в качестве компенсации за отчуждение промысловых мест предлагали отмену государственных и земских повинностей, расширение сети медицинских учреждений, строительство школ и учебных заведений по подготовке специалистов по рыбопереработке и т.д. Эти меры действительно были разумными как в плане профилактики «угасания», так и в плане ускорения колонизации.

Из всех видов охоты ахтоминцы (нялинцы) предпочитали коллективное «взятие» лося («сохатого»), зимой

промышляли «пушнину» – белку, выдру, реже – соболя, стреляли, а в основном ловили силками и прочими приспособлениями тетеревов, куропаток, пролетающих уток, «гусевали»; из ягод брали бруснику, клюкву, чернику, морошку и, конечно, шишковали...

По сведениям Патканова, в 1887-1888 годах жители четырёх деревень Темлячевской волости с их 45-ю дворами содержали: лошадей – 171, коров – 106, молодняка и бычков – 23, овец – 21. Подсчитаем: в среднем на двор приходилось по 3,8 лошадей; 2,9 коров и на каждый второй двор – по молодняку и овце. Молодняк и овец отбросим, а по количеству лошадей и коров, с учётом того, что всё-таки главным занятием оставались рыбалка и охота, сделаем вывод: темлячевцы не голодали. Интересно, что свиней вообще не держали. Патканов предполагал: из-за предубеждения против этого животного, сформировавшегося в ещё более ранние времена под влиянием татар...

Торговли как рода занятий почти не существовало. «В осятках нет предпринимательского и активного духа русских и татар, – отмечал Патканов в «Занятиях и источниках доходов иртышских осятков», – поэтому среди них немного тех, кто занимается торговлей». В этой связи в Темлячевской волости он выделил только семью «Киселёвых» (Киселёвых) в юртах Ахтоминских да семью неких Пакишевых из юрт Красноярских Мало-Кондинской волости: «Многие члены этих семей занимаются торговлей и одалживают более бедным людям муку и другой товар в качестве аванса, который последние гасят благодаря рыболовству и урожаю ягод следующего года. Иногда они также принимают участие в общинной ловле рыбы, поставляя рыбакам неводы, которые обычно дорого стоят (от 80 до 250 руб.). За эту помощь осятки-рыбаки должны отдавать им 2-3 части пойманной рыбы в соответствии с заранее достигнутой договорённостью» (Остяцкая молитва. – Там же. – С. 62-63).

Впервые фамилия Киселёвых в волости «всплывает» у Хрисанфа Лопарева в «Самарово...». Некто Киселёв, Муратов и осятак Ордышев в 1814 году упомянуты старшинами

Самаровского волостного правления; упомянуты избранный в 1819 году старшиной Григорий Киселёв и учитель А.В. Киселёв, которого после случившегося в Самаровском училище в феврале 1892 года пожара сменил некто Брюховский. Возможно, кто-то из потомков самаровских Киселёвых впоследствии стал известным конёвским рыбопромышленником. Краевед Валерий Белобородов предполагает, что Киселёвы могли прийти в приобские места из нижнеиртышских сёл и деревень, входивших во второй половине XIX века в состав Тобольского округа (село Новосёлово, деревня Киселёва). Но Василий Конев утверждает, что в юрты Ахтоминские (Нялинские) предприимчивый купец Киселёв Фёдор Васильевич переехал из села Конёво. Судя по образу жизни и деловой хватке вряд ли был он обрусевшим остяком, как считал Патканов.

Трудно сказать с полной уверенностью, кто на самом деле основал поселение русских в юртах Нялинских – Фёдор Васильевич, как утверждает В.Д. Конев, или его отец – Василий Петрович Киселёв. Василий Петрович на рубеже 80–90-х годов XIX века, по сведениям Патканова, являлся «одним из жителей юрт Ахтоминых (Нялины)» и «кортомил для себя два песка: один у Косаревых инородцев, другой у Чучелиных, платя за каждый по 100 р. в год» (Белобородов В. Киселёвы. – Югра. – 2008, № 5). Отсюда следует, что основателем поселения Киселёвых в юртах Нялинских скорее всего был не сын, а отец. Однако нялинские краеведы склонны считать основателем всё-таки Фёдора Васильевича. Не будем переубеждать...

Фёдор Васильевич в 1880-е годы организовал довольно таки солидное рыболовное производство, имел, по утверждению Галины Фёдоровны Калиничевой, «семь самоваров, один из которых был украшен одиннадцатью медалями и печатью «товарищество его императорского высочества шаху персидскому» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Омск, 2006. – С. 89). А в музее юрт Нялинских хранится уникальный экземпляр посуды Киселёвых – кувшинчик для молока с клеймом фабрики ТМ «М.С. Кузнецова Д.Ф.».

Имел и собственный пароход «Фёдор Васильевич». Его работники возили на продажу в Тобольск рыбу, а на вырученные деньги закупали муку, сахар, соль, мануфактуру. Кроме того, держал ямщину в шесть лошадей. По достоверным сведениям ихтиолога Варпаховского, в 1895–1896 годах Киселёв арендовал на левой стороне Оби в 86 верстах выше Самарово Ванихину косу, а на правой у инородцев юрт Костинских – Нялинский песок. Имелось у него там 2 невода, 17 рабочих, 3 пайщика, из них русских – 6, инородцев – 14, для которых было построено 4 жилых здания, 2 нежилых и баня. В начале же следующего столетия его промыслы располагались также на песках Дурной, Терёшкинский и Зенковская Ямка.

Возникает закономерный вопрос: если основание деревни связано с именем Киселёва, то почему же за ней закрепилось название юрт Нялинских, а не юрт Киселёвых? С большой долей вероятности предполагаю, что некто Нялин, чьи потомки до сих пор живут в селе Болчары Кондинского района (один из них в 30-х годах прошлого столетия председательствовал в местном колхозе), был в числе первых русских жителей юрт, а возможно, нанятым Киселёвым работником, по фамилии которого и получила название сначала протока, а со временем и деревня.

Фёдор Васильевич получил у остяков, живших тогда ещё в юртах Старых (Ахтоминских), разрешение на строительство чуть выше по протоке, подальше от затопляемых весенними разливами пастбищ. Это место старожилы и поныне называют не деревней Нялино, как значитса она в списках сельской администрации, а по укоренившейся привычке юртами Нялинскими.

Но есть ещё одно интересное «но». Прежде, чем основанная Киселёвым деревня получила название юрт Нялинских, она какое-то время называлась юртами Новосёлова (Новосёловскими). В воспоминаниях Нины Никитичны Отто (Пермяковой) читаю: «Моя мама родилась 28 сентября 1902 года в Юртах Новосёлова Самаровского района (ныне – село Нялино Ханты-Мансийского района) в семье середняка Киселёва Георгия Фёдоровича и Дарьи

Евгеньевны...» (Моя судьба в истории Югры: Сборник документов. – Тюмень, 2005. – С. 256). Почти уверен, что юрты назывались так по фамилии рыбопромышленника И.А. Новосёлова, который в 1894–1897 годах, по Варпаховскому, арендовал у инородцев юрт Чучелинских и Костинских Дурной песок на левой стороне Оби в 72 верстах выше Самарово. Новосёлов постоянно жил не в Нялино, а вероятно, в Тобольске, где также рыбачил по Тоболу на песке Пригородном, принадлежавшем обществу городских крестьян...

От юрт Ахтоминских таким образом осталось лишь название – юрты Старые. Для не посвящённого в тему читателя поясню: юрты здесь и далее – это не просто скопление «переносных, конусообразной формы жилищ у некоторых кочевых народов Азии и Южной Сибири» – по Ожегову, а скорее, «владение, область, земля, государство» – по Далю. В Югре юртами (от хантыйского «курт» – посёлок) со второй половины XII века в процессе слияния небольших угорских княжеств в более крупные военно-политические объединения стали называть неукреплённые (в отличие от укреплённых городищ) поселения, в которых постепенно сосредоточивалась основная масса окрестных таёжных жителей.

Фёдор Васильевич пригласил плотников, приказал рубить лес, ставить дома. Селение постепенно разрасталось, обустроивалось. Во дворах возводились амбары, возделывались огороды под картошку, грядки для неприхотливых к здешнему климату овощей. Характерной особенностью жизни первых нялинцев являлось то, что живности, кроме собак, они практически не держали – нацеливались на успешный рыбный промысел. Сначала в Нялино была создана база Киселёва, а сам он с большой семьёй жил в соседнем селе Конёво. По свидетельству внучки Ии Васильевны Заложневой, ныне проживающей в Санкт-Петербурге, у Фёдора Васильевича было семеро детей от первого брака и шестеро от второго. Позже в центре деревни возникла усадьба для большой семьи брата Ивана Васильевича – двухэтажный дом, по периметру обнесённый амбарами

и складами. На дворе располагались магазин, дом для работников, баня. К усадьбе примыкал небольшой парк, а за оградой тянулись склады... Краевед В. Белобородов недавно опубликовал любопытные свидетельства о других увлечениях знатного купца: «...В 1905 году корреспондент Тобольского губернского статистического комитета крестьянин Ф.Н. Кулешов сообщал: «В 1904 г. инородец (опять-таки инородец! – Н.К.) ю. Нялинских Самаровской волости Ф.В. Киселёв посеял 7 пудов овса и намолотил 60 пудов к удивлению всех, т.к. в этом краю никто не помнит, чтобы кто-нибудь сеял хлеб...» (Киселёвы. – Там же). Кроме того, Фёдор Васильевич был членом Тобольского отдела Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства и одним из его учредителей...

В 1911 (по другим сведениям, в 1909) году на средства прихожан по особому проекту была построена часовня, приписанная к Конёвскому приходу, отличавшаяся от небольших церквей, имевшихся к тому времени в сёлах Зенково, Скрипуново, Селиярово, уникальностью архитектуры...

Шли годы. Состарился предприимчивый Фёдор Васильевич. Его заменили сыновья Александр, Андрей и Егор. (Род Киселёвых разросся за счёт смешанных браков с местными остяками.) Александр вскоре прослыл первым человеком в Конёво, а Егор унаследовал отцовы промыслы. Егорово «...рыболовное производство с рабочей силой от 30 до 50 человек ежегодно добывало до 1500-2000 пудов рыбы разных сортов» («Может, Господь спасёт меня...». – Югра. – 2008, № 1), – утверждает краевед из Ханты-Мансийска Владимир Струсь. В годы Первой мировой войны хозяйство Егора Киселёва, как и хозяйства его братьев Александра из Конёво и Андрея из Нялино, были внесены в список предприятий, выполнявших оборонные заказы, поэтому сам купец и его работники получили отсрочки от призыва. Основанные в 1913 году промыслы Андрея Фёдоровича располагались на Сармановских песках Тундринской волости. По сведениям Владимира Струся, рыбопромышленное предприятие

Андрея считалось одним из самых крупных в Тобольской губернии: «...при производительной мощности 40-50 человек работающих оно сумело ежегодно добывать для нужд населения и обороны государства от 3000 до 4000 пудов рыбы разных сортов» («Может, Господь спасёт меня...». – Там же). Дочь Фёдора Васильевича Александра незадолго до революции окончила Тобольскую Мариинскую женскую гимназию. Известно также, что одна из дочерей Фёдора Васильевича вышла замуж за священника и уехала в Омск, а другая – Евдокия Фёдоровна – за Тобольского губернского землемера Полиевкта Ивановича Дмитриева. После революции семья Дмитриевых спешно покинула Тобольск и переехала в Пятигорск. В Пятигорске же нашли убежище и сёстры Евдокии – Матрёна и Августа.

Помимо членов этой известной в Тобольской губернии семьи, успешно вели промыслы Степан Ефимович Киселёв, братья Александр и Фёдор Кузнецовы. Твёрдо становились на ноги семьи братьев Никандра и Прокопия Семёновичей Захаровых, Якова Тимофеевича Добрынина. Семья Добрынина, работавшего заготовителем дров у Киселёва, была самой многочисленной в юртах – двенадцать детей. Иван Архипович Помаскин списался с Фёдором Васильевичем Киселёвым, приехал в Нялино из Вятки и открыл смолокурню для производства так необходимых здесь смолы и дёгтя...

Киселёвы и церковь строго пресекали пьяниц. Из поколения в поколение передаётся история о том, как братья Киселёвы уничтожили калташиху, в которой выпивохами готовилась брага. Возмущённые бражники кинулись на «трезвенников» с ножами. Обороняясь, братья зарезали двоих – Терентия Добрынина и Ивана Балашова. Суд вынес им оправдательный приговор...

На сезон рыбной ловли купцы приглашали мастеров из соседних сёл. Но успешная деятельность Киселёвых была костью в горле у менее удачливых конкурентов. Уроженец села Конёво, доктор биологических наук из Санкт-Петербурга Юрий Ефимович Конев в статье «Деревенька моя русско-угорская – Конёво» приводит свидетельство своего

дяди Клавдия о прадеде Василии Коневе: «Василий Васильевич был специалистом по стрелевым неводам. Каждый год летом он нанимался к купцу Киселёву (Егору Фёдоровичу – Н.К.) из Нялино на песок под названием Дурной. Такое название объяснялось тем, что на нём было сильное течение. Ловились в основном осётр и муксун... Уловы были отменными, но способные и требовательные люди не всем по душе... Купцы-конкуренты подговорили бригаду, работавшую под руководством Василия Васильевича, и рыбаки при переворачивании вытащенного на берег неводника «подставили» под него бригадира... Василий Васильевич был раздавлен рухнувшей на него тяжестью». (Югра. – 1994, № 10).

Я не склонен к идеализации прошлого. На рубеже XIX – XX столетий остались свои чёрные отметины и кровавые пятна. Никуда не деться от «столыпинских галстуков» и Николая «Кровавого». От безумного расстрела мирного шествия с иконами и хоругвями в Санкт-Петербурге 9 января памятного года, на каких бы «подлых провокаторов-гапонов» ни пеняли «новые» историки в оправдание или умаление веса царских злодеяний. Чёрная память о четырёх тысячах безвинно убиённых и раненых в одно только «Кровавое воскресенье» не прибавляла бодрости духа «доброму» царю в подвале Ипатьевского дома. Никуда не деться от событий 1912 года на Ленских приисках. От неоправданно многочисленных жертв в предреволюционных проигрышных войнах, как бы ни хотелось кому-то вычеркнуть эти бесславные страницы из русской истории...

Не были исключением и Киселёвы. И к ним применимо справедливое по большому счёту марксово утверждение о том, что нет такого преступления, на которое не пошёл бы капиталист (как и купец – Н.К.) ради прибыли... Неуёмная жажда наживы порой приводила нялинских купцов к утрате чувства меры и даже самосохранения.

Уроженец села Конёво, кандидат ветеринарных наук Василий Дмитриевич Конев, ныне проживающий в Омске, в статье «Юрты Нялино» рассказывал: «Трагический случай произошёл с Ольгой – дочерью Екима Ивановича

Киселёва (старшей сестрой уроженца села Нялино, доктора исторических наук Леонида Екимовича Киселёва – Н.К.). Её дед Иван Васильевич Киселёв, человек крутого нрава, однажды, когда тонь предполагала богатый улов, принудил внучку брести в глубоком месте, что и закончилось трагически: она утонула» (Югра. – 1996, № 2).

Зло порождает зло. Василий Конев утверждал: с сыном Фёдора Васильевича от первого брака Егором в 1920-х годах расправились отчаянные головы. Случилось это в Шапше во время заготовки дров для парохода. Труп нашли в реке обезображенным. Убийство произошло на почве мести за грубое отношение с работниками.

Однако при всех теневых сторонах дореволюционной жизни, можно утверждать, что нялинцы были трудолюбивыми и трезвомыслящими людьми, во всём полагавшими себя только на себя.

А меж тем район постепенно наполнялся «новыми» людьми...

Начиная с 1760-х годов в Тобольскую губернию пошли так называемые «простолюдины без суда» – крестьяне, сосланные помещиками за разные провинности. В 1771-м, по данным доктора исторических наук Ольги Павловны Еланцевой, таких «провинившихся» в губернии было более 6 тысяч, в 1782-м – 7568 мужских душ, которые через десять лет могли быть причислены к сословию государственных крестьян и мещан. В XIX веке появились первые поселения, основанные ссыльными. «На новом месте поселенец получал кормовые деньги, сумму на приобретение необходимых орудий труда, 5 руб. на приобретение лошади, семян и т.д. На 3 года предоставлялась льгота от уплаты подушной подати и оброка» (Еланцева О.П. Крестьянская ссылка в Сибирь в XVIII – XIX вв. – Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. К-П. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 82). Но не вечно и царское правительство милость к ссыльным проявляло. После 1812 года оно по известным причинам отказалось от помощи в устройстве поселенцев. Тем не менее, число ссыльных в губернии в 1886 году достигло 20482, а ещё

через два года – 38452 человека. Летом 1845-го проезжавший из Тобольска по Берёзовскому тракту Матиас Кастрен в отчёте из Самарово «Путешествие в Сибирь» (1845–1849) записал: «Немало содействует также интересу путешествия по Иртышу и сближение с лицами различных наций: с русскими, татарами, остяками, не говоря уже о ссыльных, между которыми, кроме русских, я встречал поляков, немцев, французов, калмыков, киргизов и др.» (Сочинения в двух томах. Т. 2. – Тюмень, 1999. – С. 33-34)...

Первая русская революция положила начало истории сибирской политической ссылки. Если до 1905 года административно-ссыльных в районе практически не было, то после революции «смутьяны» и «заговорщики» посетили и бывшие владения Алачея и Самара.

Так, в феврале 1907-го из Тюмени через Цингалы и Самарово проследовала большая группа бывших руководителей Петербургского Совета рабочих депутатов, приговорённых к поселению в Обдорск. Был среди них и будущий советский нарком Лев Троцкий (Бронштейн). Был да сплыл: сбежал через Урал на оленях из Берёзова с помощью местных жителей. (Любознательных читателей отсылаю к своему повествованию «Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Берёзова Коровьи-Ножки» (Отголоски-отзвуки: Рассказы и документальное повествование. – Тюмень, 2000). Там описан не только дерзкий побег, но и дальнейшие судьбы организатора побега и членов его многострадальной семьи.)

Сургутские ссыльные, а их в 1907 году насчитывалось 75 человек без членов семей, чувствовали себя настолько вольготно, что в мае 1909-го исхитрились провести маёвки не только в Сургуте, но и в Самарово. Дважды, в 1908 и 1909 годах, в Сухоруково ссылался бежавший оттуда опять-таки не без помощи местных жителей другой «пламенный революционер» – будущий нарком торговли и промышленности Виктор Ногин.

Немало «смутьянов» в ссылке умиралось. Сосланный в апреле 1906 года в село Елизаровское и за самовольную отлучку через год с небольшим переведённый в Берёзово

сын ялуторовского купца, бывший студент Томского технологического института Михаил Иванович Лагин оставил Тобольскому губернскому музею богатейшую коллекцию растений и насекомых. А высланный в апреле 1907-го в село Базьяны недоучившийся студент Киевского политехнического института, член РСДРП Моисей Корсунский с группой политических ссыльных с разрешения властей организовал экспедицию и провёл серьёзные археологические и геологические исследования на Конде.

В 1905-м ссыльный учитель из Вологодской губернии Александр Максимович Федяев организовал в Цингалах трёхклассную церковно-приходскую школу и рыболовную артель, а Николай Анатольевич Лосев, высланный за участие в событиях 1905 года из Костромской губернии сначала в юрты Сотниковские, а затем в Цингалы, в 1911-м организовал потребительское общество. Бывший социал-демократ в 1918 году стал одним из организаторов Советской власти в Тобольском уезде, за что в 1919-м был расстрелян колчаковцами в Чите. «Посетили» Самаровский район и поляки, не на экскурсию прибывшие в 1913 году...

Я привёл только несколько фамилий ссыльных, ставших впоследствии известными в Сибири людьми. Но гораздо больше прошло безвестных. Таких, как Иван Филиппович Пирязев. Уроженец села Затворное Скопинского уезда Рязанской губернии, он с 8 лет ушёл «в люди» – был поводырём слепых и подпаском, работал землекопом и на торфоразработках. Служил ротным фельдшером в Варшаве. В ноябре 1905-го был арестован за распространение в войсках прокламаций, «возбуждающих нижних чинов к нарушению обязанностей», и за участие в работе Варшавского военного революционного Комитета. В числе других пятидесяти «подельников» попал в Сибирь. С 1 июля 1911 года из ссыльных был переведён в крестьяне Атирской волости Тарского уезда...

На территории Омского военного округа, куда входила и Тобольская губерния, военнопленных Первой мировой находилось около 190 тысяч человек, а в Тобольской

губернии, по данным ассистента кафедры философии и культурологи ТГПИ Александра Валитова, на 10 октября 1915 года насчитывалось 40116 человек, из них в уезде 18809 нижних чинов и 88 офицеров. В уезде пленные вели относительно свободный образ жизни. «Нижние чины, попав на работы в деревни, особенно были рады, так как жили для себя, в привычных условиях, при этом ещё и зарабатывали деньги», – считает Валитов (Военнопленные Первой мировой войны в Тобольске. – Югра. – 2007, № 1-2). В Самаровской же волости первые пленные немцы появились летом 1915-го. Пленные австрийцы работали в деревне Зенково у купца Семёна Бобылева. По воспоминаниям старожилов, «купец особо не церемонился с пленными – не слишком хорошо кормил. Недовольные «австрияки» хотели было поджечь Бобылева, но пожалели стоящие рядом с домом купца избы соседей» (В. Струсь. «Может, Господь спасёт меня...» – Там же).

Первая мировая не обошлась без самаровцев. Скрупулёзно изучавший эту тему краевед Владимир Струсь выявил и обнародовал десятки забытых имён защитников «веры, царя и Отечества» из деревень Зенково, Мануйлово, Скрипуново, Спирино, Сумкино, Фроловой, Шапши, сёл Базьяновского, Реполовского, Селияровского, Самаровского, Конёво, юрт Новосёловых (Нялинских), Чебыковых...

Под воздействием большевиков, левых эсеров и подверженных большевистской пропаганде вернувшихся с фронта солдат начался процесс признания новой власти. Первыми это сделали самаровцы. Здесь ссыльные большевики И.А. Бублик и Д.К. Никитин 2 января 1918 года провели собрание, постановившее: «Признать власть народных комиссаров как власть чисто народную, в то же время требовать немедленного созыва Учредительного собрания...» (Самаровский край. – Там же. – С. 46). О разгоне Учредительного собрания жители Самарова не знали. В январе же 1918-го в Берёзово был образован Военно-революционный комитет (ВРК) под председательством ссыльного большевика Тихона Сенькина. В марте ВРК упразднил

земскую, волостную, инородную управы. Но большевикам неожиданно «показала зубы» заявившая о себе крепкая оппозиция. И всё же Сенькину удалось 1 апреля созвать Первый уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В апреле Самаровская волость была передана Тобольскому уезду Тюменской губернии, где и числилась вплоть до упразднения в ноябре 1923-го. Начали с национализации рыболовных снастей у рыбопромышленников, однако в июне 1918-го преобразования были прерваны гражданской войной.

Советская власть на территории округа была свергнута ещё до прихода белогвардейских отрядов сразу же после известия о взятии Омска алмазовцами. Её «отменил» Берёзовский Союз фронтовиков при поддержке отряда продовольственной милиции. Был создан новый Совет без коммунистов, восстановлено земство и городское самоуправление. С 7 июня Берёзовские «фронтовики» стали действовать от имени Временного Сибирского правительства. После взятия белыми Тобольска 11 июня повстанцы и белогвардейцы соединились.

В июне для установления новой власти на Обской Север отправились на пароходах из Омска, где находилась Ставка Сибирского Временного правительства, отряды белогвардейцев. Они не встретили почти никакого сопротивления. В июле 1918-го был распущен Сургутский, затем Самаровский и Берёзовский Советы... Временное Сибирское правительство восстановило институт губернских и уездных комиссаров, порядки, существовавшие до начала 1918-го.

В последнее время много говорится о красном терроре. Что было, то было: красные действительно брали в заложники членов семей купцов, рыбопромышленников, оппозиционеров, а при отступлении, как это случилось в Берёзово, расстреливали ни в чём не повинных людей. О белом же терроре ныне предпочитается умалчивать. Но и белые воевали не в белых, а в красных от человеческой крови перчатках. Розги и плети применялись не только в Большереченском районе Омской области, но и в деревнях и сёлах Самаровского района. И не только розги и плети.

Летом 1919 года они вывезли на баржах из Тобольской тюрьмы около 1500 заключённых. Узников расстреливали во время стоянок на берегу для устрашения местных жителей, а иных связывали попарно и сбрасывали с обрывов в реку. И поныне в нескольких сёлах и деревнях по берегам Оби и Иртыша сохранились памятники узникам «барж смерти». Всё это к тому, что гражданская война – не столкновение дворянской «тонкой белой кости» с мужицкой грубой и «широкой», не схватка аристократов духа с представителями рода шариковых. Это – трагедия единого русского народа...

Белые сдали Тюмень 8 августа, Омск – 14 ноября 1919-го. Отступление колчаковских отрядов Туркова и Волкова превратило Обский Север в арену кратковременных боевых действий. На территории округа красных партизанских отрядов, костяк которых составляли «дезертиры» – бежавшие от колчаковской мобилизации и понюхавшие пороху участники Первой мировой, было создано несколько.

8 ноября 1919-го отряд под командованием Платона Лопарева (племянника знаменитого самаровца Хрисанфа Мефодьевича Лопарева) взял село Демьянское, а через 9 дней партизанский отряд под командованием Скрипунова без боя вошёл в Самарово. Для координации действий партизанских отрядов 7 декабря здесь был создан Военный совет во главе с уроженцем деревни Борки, бывшим председателем Сургутского уездного комитета РКП (б) Антоном Зыряновым, погибшим во время крестьянского мятежа 1921-го. К февралю 1920-го весь Обский Север был освобождён партизанами практически без участия красноармейцев. В марте 1920-го Сибирский ревком национализировал рыбные промыслы в бассейнах Иртыша и Оби, а в январе следующего года аннулировал все долги жителей Севера частным торговцам и предпринимателям.

Наиболее активно были охвачены крестьянским восстанием 1921 года Сургутский и Берёзовский районы, но и в Самаровском не всё прошло спокойно. В ночь на 1 марта 1921-го произошло крупное столкновение революционных

сил Тобольского Севера под командованием В.А. Данилова с северной группой повстанческого отряда начальника главного штаба Северного фронта Ф.Я. Слинкина. Повстанцы разгромили отряд Данилова и развили наступление на Самарово – Берёзов – Обдорск. В Зенково в марте 1921-го почти в полном составе погиб партизанский отряд. Прибывших в село партизан местные жители развели по домам «на чай». Когда уставшие и продрогшие бойцы расслабились и выпустили из рук оружие, в дом ворвалась толпа вооружённых ружьями и вилами зенковцев, разоружила и повязала «гостей». С опознанными командирами отряда жестоко расправились. Трудно сказать, что именно побудило крестьян к такому неоднозначному поступку, но, думаю, был у них к тому серьёзный повод. Ведь, как свидетельствуют историки, «партизанское движение приобрело новые черты – раскололось на тех, кто за большевистские Советы, и тех, кто «за Советы, но без большевиков» (Самаровский край. – Там же. – С. 53). Уставшему от кровопролития «белых» и «красных», «правильных» и «неправильных» партизан зенковскому крестьянству, похоже, осточертели и те и другие, поэтому интуитивно они приняли сторону мятежных мужиков. Не случайно на стороне повстанцев в 1921-м в Зенковской волости оказалось 122 человека. Сотрудниками областного управления госбезопасности подчёркивалось «бандитское прошлое» района: «Самаровский район в прошлом является очагом возникновения кулацко-эсеровского бандовосстания в 1921 году под руководством купцов Слинкина и Змановского и др... После разгрома частями Красной армии колчаковских и бандитских отрядов значительная часть их осела в глухих населённых пунктах района...» (Самаровский край. – Там же. – С. 57).

Революции, гражданская война и голод 1922 года, по Дунину-Горкавичу, «вызвали большую экономическую разруху». Самаровский район в середине 1920-х по всем показателям отставал от результатов довоенного развития: посевные площади сократились более чем на треть, улов

рыбы составлял три четверти улова 1914-го. Расправы над участниками мятежа и сторонниками белой власти привели к истреблению глав, а то и целых семейств самаровских, зенковских, конёвских, нялинских и т.д. купцов и зажиточных крестьян, что тяжело ударило по сельской экономике. Возник дефицит хлеба, продуктов, товаров первой необходимости. Повсеместно не хватало лошадей и упряжи, конфискованных красными и белыми в годы противостояния.

Переход от политики «военного коммунизма» к НЭПу был весьма противоречивым. В первую очередь это сказывалось на рыбном промысле. Цены на рыбу снизились в среднем на 25 процентов. Заинтересованные в увеличении объёмов рыбодобычи, Советы повели решительную борьбу с частным промыслом – это соответствовало новым идеологическим установкам. В 1920 году было создано Обь-Иртышское управление рыболовства и рыбной промышленности, введена особая местная повинность – ясак, взимавшаяся вместо общероссийского сельхозналога. Бедняки имели льготы. Коренное население освобождалось от ясака, но при этом устанавливалась арендная плата за пользование национализированными угодьями. Арендная плата была меньше ясака, однако среди туземцев возникло недоумение: арендовать угодья, которые они сами когда-то сдавали в аренду, было обидно.

В 1923 году вся заготовка рыбы была передана государственной организации – Рыбтресту и кооперации. В результате местное население оказалось перед сложным выбором: вступать в кооперацию или отказываться от промысла, обрекая себя на голод. Кооперирование началось с создания потребительских обществ. Они раздавали населению в кредит продовольствие, а взамен получали рыбу и пушнину. Многие жители оказались в долгу у потребительских кооперативов. К 1926 году в кооперативы было объединено лишь около трети населения. Укрупнение последних (рыболовецких промыслов) с помощью систем так называемого «государственного лова» и кооперации, повышение закупочных цен на местную продукцию, введение твёрдой денежной системы расчётов по единым ценам способство-

вали увеличению объёмов рыбодобычи. Добыча рыбы увеличилась и с введением продналога. Уже во второй половине 1920-х район обеспечивал более 20% всей рыбодобычи Тобольского Севера.

В 1920-е много было сделано и для развития сети учреждений образования. В 1925-м в районе работало 12 школ с 18 учителями. С 1927 года началась работа по созданию письменных языков, букварей и словарей на языках инородцев. В 1928-1929 годах работала плавучая культбаза. В начале 1930-х открылись хантыйские и смешанные школы в девяти юртах и деревнях. В июле того же года принято постановление ЦК ВКП (б) «О всеобщем обязательном начальном образовании».

И в то же время с конца 1920-х всем райисполкомам Тобольского округа было предписано развернуть антирелигиозную пропаганду. С исключением из всех сфер жизни общества, с отменой привилегий и ограничений церкви с ноября 1917-го были поставлены в безвыходное положение. Начались аресты и ссылки священнослужителей. С сентября 1923 по 1924-й год в Самарово, а затем (предположительно до 1929 года) – в соседних с Нялинскими Чучелинских юртах отбывал ссылку родной брат архиепископа Варлаама, епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии Герман (Николай Степанович Ряшенцев), расстрелянный в 1937-м в Сыктывкаре. В юртах Чучелинских, по сведениям журналистки Светланы Поливановой, святителем было написано пронзительное по силе эмоционального воздействия напутствие близким: «Стало меньше храмов – сам будь, и ты должен быть храмом Бога; стал неудобен вход ко многим святыням – сам стань этой святыней и живой иконой; не стало многого внешнего – много влияющего на внешних младенцев ещё в вере – дай им то, что несравненно выше этого и одинаково понятно и близко и мудрому, и младенцу; дай им теплоту искренней и нерассеянной молитвы и высшее изящество веры: простоту и глубину благоговения и смирения... Выражаясь языком одной великопостной молитвы, теперь именно «время

делания, явился» («Ты сам должен быть храмом Бога». – Новости Югры. – 2006, 14-20 сентября). В 1925-м с «согласия» сельских сходов были закрыты часовни в Кеушах и Ендыре, а в 1930-м в районе, как и по всей стране, прошла акция по закрытию церквей. Закрылась и Нялинская часовня. С неё сняли колокол, иконы уничтожили, помещение поначалу отдали под клуб, а затем переоборудовали под картофелехранилище...

Ещё в 2001 году часовня в юртах Нялинских стояла, порождая своим запустением «острую боль в сердцах» путешествовавших на теплоходе по Оби миссионеров – участников «Славянского хода». Не парадокс ли нашего времени? Стены часовни устояли в самые «крутые» безбожные времена, а во времена «объятий» государством церкви «нялинский мужик со свирепым, пронзительно синим взглядом», по рассказу одного из участников «Славянского хода», разобрал-таки стены часовни на... дрова. Трагедия даже не в том, что пьяный безбожник раскатал часовню – с него, конечно, спросится Всевышним. Раскатывал-то он её не в одиночку и, надо полагать, не под покровом тёмной ночи, и, наверное, не один день, и ведь никто из соседей и местных властей не остановил святотатца. Вот в чём трагедия.

Со слов В.Д. Конева, семью убитого в Шапше Егора Фёдоровича Киселёва арестовали и выслали в знаменитый чуть ли не со дня основания своими временными и пожизненными политическими узниками Берёзов, а во время погрома в купеческой усадьбе были убиты престарелый Фёдор Васильевич и его сын от второго брака Андрей Фёдорович. Но В. Белобородов возражает: согласно недавно найденному документу, в 1929 году Фёдор Васильевич после раскулачивания был лишён избирательных прав вместе с несколькими членами семьи. Об обстоятельствах смерти Андрея Фёдоровича со слов его сестры Александры Фёдоровны рассказала внучка Фёдора Васильевича Ия Васильевна Заложнева: «Он умер где-то под Омском, куда отвозил рыбу. После жаркой бани выпил холодного

пива и задохнулся. Это подтверждал и его сын Валентин Андреевич...». Однако свидетельства Заложневой и Валентина Андреевича также не вносят полной ясности в судьбу Андрея. Его вдова Агния Константиновна Кайдалова (Киселёва) в одном из писем в соответствующие инстанции о несогласии со ссылкой с несовершеннолетними детьми в Обдорск и лишением её избирательных прав сообщала, что муж умер от сыпного тифа в 1925-м, а свёкор – зимой (в конце 1929 или в начале 1930 года)...

В большом доме раскулаченной купеческой семьи разместили начальную школу. В начале 1930-го в юртах была создана артель «Красный рыбак», первым председателем которой по иронии судьбы стал «грамотный мужик», бывший «управляющий делами» Андрея Фёдоровича – Прокопий Семёнович Захаров.

4. Кулаки-основатели

*Следует твёрдо помнить, что спецпереселенцы
есть социально опасный элемент,
который находится на известном режиме людей,
лишённых гражданских и политических прав.
Расценивать их как местное население не следует.*

*Из распоряжения председателя
Остяко-Вогульского окрисполкома Я.М. Рознина*

Поиск моделей административного устройства северных окраин страны шёл безостановочно с начала 1920-х. Учёными и политиками рассматривались проекты охраняемых государством закрытых территорий; специальных государственных органов управления по делам автохтонов и местных органов управления – кочевых Советов; всерьёз высказывалась идея создания Полярной республики. В августе 1923-го на Уральской областной конференции обсуждался проект организации Северо-Самаровского автономного округа, в который, по замыслу авторов, должны были войти Обдорский, Берёзовский, Сургутский и Самаровский районы с их 23 волостями. Долго не могли прийти к согласию в вопросе об окружном центре. Одни настаивали на Самарове, другие – на Тобольске. В конце концов договорились: быть окружным центром селу Самаровскому, так как «все грузы, которые направляются по Оби и Иртышу вниз и от Обдорска вверх, должны пройти через Самарово» (Краткий очерк истории Ханты-Мансийского района. – hmrn.ru/history.php).

Однако идея Северо-Самаровского округа 20 октября того же года умерла «исключительно из соображений невозможности разместить окружные учреждения в Самарово как небольшом селении» (Краткий очерк истории Ханты-Мансийского района. – Там же). И всё же жизнь диктовала необходимость создания округов. В июле 1930-го бюро Комитета Севера при Президиуме ВЦИК выдвинуло идею создания наряду с Ямало-Гыдоямско-Ненецким и Обского Остяко-Вогульского округа с центром в Самарово. Тоболь-

ский Комитет Севера деление Тобольского Севера на два округа признал нецелесообразным («искусственным») и предложил образовать один Остяко-Ненецко-Вогульский округ. В результате острых дискуссий 10 декабря 1930 года по постановлению ВЦИК был образован Остяко-Вогульский национальный округ с центром в селе Самарово в составе Уральской области.

Если малая родина моих родителей – Большереченский район Омской области был объявлен районом сплошной коллективизации, то моя нечаянная Родина стала одним из основных конечных пунктов бесконечного потока раскулаченных. Образованный в январе 1920-го в составе Тобольской губернии, в ходе последовавшего в ноябре 1923-го районирования Самаровский район вошёл в состав Тобольского округа Уральской области, вобрав в себя бывшие Батовскую, Зенковскую, Самаровскую, часть Реполовской и Филинской волостей Тобольского и Елизаровской Берёзовского уездов с их 99 населёнными пунктами, объединёнными в десять сельсоветов (Базьяновский, Елизаровский, Зенковский, Конёвский, Красноленинский, Реполовский, Самаровский, Селияровский, Троицкий, Тюлинский), с территорией в 60 тысяч квадратных вёрст, с населением 7389 человек и центром в старинном селе Самарово. Первым председателем Самаровского райисполкома был назначен Игнатий Николаевич Широбоков – из крестьян с «низшим образованием», член РКП (б) с 1919 года...

И если Самаровский район был рождён в естественно-исторических условиях, то Остяко-Вогульский округ словно и задуман был крупнейшей не только на Обском Севере, а и во всей Западной Сибири колонией-наковальной под предлогом иезуитски изобретённой большевиками «перековки» раскулаченного и прочего «социально опасного элемента» в тайных (но – благородных!) целях заселения и освоения огромной и практически необитаемой территории. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений в том, что истинные причины переселения лучших крестьян из трудоизбыточных в малозаселённые регионы Советского

Союза кроются в осознанной правительством ещё в ходе подготовки проекта первой пятилетки (1927–1931), диктуемой ходом индустриализации необходимости ускоренного развития экономики Сибири и районов Крайнего Севера, в первую очередь, создания лесной и рыбной промышленности.

«В момент организации округа на его территории находилось 754 населённых пункта, в которых насчитывалось 9617 хозяйств и проживало 41489 человек, из них ханты – 11743 человека (28,3%), манси – 5245 (12,6%), ненцев – 1331 (3,2%), коми – 2728 (6,6%). Русских и представителей других национальностей было 20442 человека (49,3%)» (Югра: 75 ступеней вверх. – Екатеринбург, 2005. – С. 12). В восьми же населённых пунктах Зенковского сельсовета, к которому были приписаны и юрты Нялинские, в 1928 году в 210 дворах насчитывалось 970 человек...

После публикации известной сталинской статьи «Год великого перелома» партийно-советский Тобольск взял курс на ускоренную коллективизацию. Тут же, что называется, не сходя с места, было принято решение об объединении в округе в течение 1930 года 23% крестьянских хозяйств. В районе предусматривалось создание простейших форм интеграции – товариществ, артелей с постепенным переходом к более сложным формам обобществления. Однако в ходе выполнения принятых решений между советско-партийными органами завязалось своеобразное угодническое соревнование: «Кто больше, кто быстрее». Местные парткомы и исполкомы из кожи лезли вон, чтобы отрапортовать первыми и эффективнее. В декабре 1929-го Уралколхозсоюз принял «повышенные обязательства»: вовлечь в 1930-м не менее 66,3% крестьянских хозяйств, причём на долю Самаровского района приходилось 90%. Так началась «большая гонка» за показателями...

5 февраля 1930 года Уральский обком партии принял постановление «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией» с вытекающими отсюда «типовыми» последствиями для кулаков... Окружному центру Тобольску выпала незавидная участь стать основным пе-

ресылочным пунктом. Вот что сообщал в феврале 1930-го обкому партии секретарь Тобольского окружкома некто З.В. Игнатенко: «Эшелоны к нам движутся с такой быстротой, что, безусловно, застало нас неподготовленными. Кроме того, мешает страшно чертовский холод, который доходит до 35-37 градусов... Сейчас идёт спешная работа по подготовке города Тобольска к превращению его в сплошной лагерь для кулачества» (Самаровский край. – Там же. – С. 113).

Вдогонку за печально знаменитыми «мероприятиями по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» «дальновидное» политбюро 20 февраля того же года приняло не менее «мудрое» постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». Чтобы аборигенам жизнь белой рыбой не казалась, Тобольским комитетом Севера ещё в январе тридцатого была взята установка на объединение в колхозах трети коренного населения Тобольского округа. Очень скоро было создано 140 коллективных хозяйств, в которые вошло 31,7% промыслового коренного и пришлого населения. К маю 1930-го из района было выслано по линии ОГПУ 19 семей, по решению райисполкома – 40 кулаков из семей, отнесенных ко второй категории, из них выселение только 27 семей было утверждено, а 13 выслано без оснований. Действовали по принципу: «Лучше перегнуть»... И властей, похоже, не особо смущало, что Уральская областная прокуратура в своей докладной записке от 2 апреля 1930 года констатировала: 50% семей высланы без явных причин...

Перепуганное новшествами полукучеевое население стало уходить из районов коллективизации. В Самаровском районе на 1 апреля 1931 года насчитывалось 4 коммуны (139 крестьянских хозяйств), 19 смешанных артелей (528), 7 рыболовецких артелей (205), 1 кустарное производство (5). Земля передавалась колхозам в вечное бесплатное пользование. Уже в апреле 1930-го Тобольский окружком признавал: «С процентом коллективизации мы, действительно, забежали далеко». Несмотря на признание «серьёз-

ных нарушений в проведении коллективизации» Остяко-Вогульским окружкомом партии, ударные темпы не снижались: на 15 сентября 1932 г. в районе имелось: 46 коллективных хозяйств, из них две коммуны, 36 смешанных артелей, 8 простейших производственных объединений. Посевная площадь колхозов составила 53% от общего количества.

На 1 января 1932 года в колхозах округа состояло 3451 хозяйство, а через год – 4005. В 1932-м было охвачено коллективизацией 14% хозяйств коренных жителей, через год их количество удвоилось... Доходило до того, что обобществлялись ружья, собаки, капканы. В процессе разрушения традиционного духовного уклада жизни северян и под предлогом борьбы с суевериями в 1930-е годы в округе репрессировали свыше 150 шаманов – наиболее авторитетных представителей местного населения.

Надо воздать и должное: в тридцатые, как и в двадцатые годы, Советы немало сделали для образования и здравоохранения аборигенов. В 1930-м было принято специальное постановление ЦК ВКП (б) «О всеобщем обязательном начальном образовании». Повсеместно развернулась работа под лозунгом «Долой неграмотность». В 1931-м была разработана письменность для 14 народов Севера. В следующем году в окружном центре открылось первое в округе среднее специальное учебное заведение – национальный педагогический техникум, в 1934-м – фельдшерско-акушерская и советско-партийные школы. Если в год образования округа на его территории было 8 больниц на 120 коек и 25 фельдшерско-акушерских пунктов с 17 врачами и 10 фельдшерами, то в 1940-м насчитывалось 30 больниц и тубдиспансер на 530 коек, 7 врачебных амбулаторий, 70 фельдшерско-акушерских пунктов, в которых было занято 82 врача и 523 работника среднего медперсонала... Если «в 1925 году на территории района имелись один врачебный участок с 6 штатными единицами и три фельдшерских пункта...», то «в 1933 году... имелись одна врачебная амбулатория, три больницы на 45 коек, 10 фельдшерских пунктов. В них работали 5 врачей и 10 человек среднего медицинского персонала» (Самаровский край. – Там же. – С. 144-145).

Придавалось значение и культурно-массовой работе. В посёлке Нялино в 1935-м имелась изба-читальня со зрительным залом и библиотекой на 316 книг. Как и во всех спецпосёлках работала группа содействия «Союзу воинствующих безбожников», кружок «Долой неграмотность!». В среде спецпереселенцев распространялась издаваемая окружным комендантским отделом газета «На новом пути», регулярно выпускалась своя стенгазета.

Вошли в практику так называемые «культлодки» – прообразы нынешних плавучих поликлиник. О том, что они из себя представляли в 1934 году, вспоминает бывший медицинский работник Хатина (Пискунова) Александра Фёдоровна: «В мае я заболела... Самаровский райисполком организовал в это время культлодку, с которой и меня отправили на пески к рыбакам оказывать им медицинскую помощь... Посредине культлодка имела небольшой, в виде ящика, крытый каюк, тянула лодку трёхсильная моторка. В штате были заведующий, он же ответственный за товары, которые были предназначены в награду передовым рыбакам, моторист, его помощник – ученик, киномеханик, медик, радист-культурник – всего шесть человек. Все мы по своим специальностям проводили беседы с рыбаками непосредственно на песках. Район деятельности: вверх по Иртышу поднимались до Горнофилинска, вниз по Оби доходили до Кеушек, Кальманово, вверх по Оби – до Зенково и Конёво» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 354).

29 марта 1930 года (за восемь месяцев до провозглашения Остяко-Вогульского округа) Тобольским окружным комитетом был принят специальный документ под названием «Распределение и использование спецпереселенцев на лесозаготовках и рыбоучастках округа», по которому считалось возможным расселение кулацких семей на земельных участках в северных районах, в том числе и Самаровском, позволяющим ведение полеводства и животноводства.

По сведениям, приведённым в книге «В прошедших днях такая точность...», к февралю 1932-го в Уральской области было размещено около полумиллиона спецпереселенцев с

юга Урала и из западных областей страны. Их сосредоточили в специальных посёлках, расположенных в 69 районах и трёх округах Уральской области: Коми-Пермяцком, Остяко-Вогульском и Ямальском. На этой территории в начале 1932-го насчитывалось около 650 спецпосёлков. В одном только Остяко-Вогульском округе в 1932-м значилось по спискам 37400 спецпереселенцев. Из них 11200 было направлено в рыбную промышленность, 11400 – в систему интегральной кооперации, остальные – на лесозаготовки и строительство. Самаровский район в 1930-1933 годах принял 1623 семьи (6882 человека), руками которых построено 14 спецпосёлков...

Ныне весьма распространено ошибочное мнение о том, что кулаки «кончились»-де ещё в 1936-м с принятием сталинской Конституции, предоставившей этой категории ссыльных гражданские права. Действительно, ещё в июле 1931-го специальным постановлением Президиума ЦИК СССР был установлен порядок восстановления кулаков в избирательных правах по истечении пяти лет с момента выселения при условии, что они «покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками»... (В пассивных избирательных правах бывшие кулаки были восстановлены с января 1935-го, но восстановление не означало высвобождение из-под надзора ОГПУ-НКВД и не давало разрешения на выезд из мест ссылки.) Да, с марта 1933-го дети кулаков как находившихся в местах ссылки, так и вне её, достигшие совершеннолетия, могли быть восстановлены в избирательных правах по месту жительства при условии, если они занимаются общественно полезным трудом. С 1933-го разрешалось освобождать и женщин, потерявших в ссылке мужей-кормильцев... С 1938-го детям кулаков, достигшим 16 лет, а также поступившим на учёбу, разрешалось покидать трудпосёлки. Женщины, вышедшие замуж за «вольных», тоже исключались из списка «опасных элементов».

Одна из дочерей репрессированной крестьянской семьи Бронниковых – Бахлыкова Анастасия Георгиев-

на подтверждает: «Она (Конституция 1936 года – Н.К.) кое-что разрешила переселенцам: могли участвовать в выборах депутатов, дети могли учиться в десятилетних школах вместе с детьми местных жителей. К чести местных жителей и учителей, нас не притесняли, были на равных, общались и даже вступали в браки с местными, но жить должны были в посёлке. Свое социальное положение мы старались не афишировать. Маленькие уступки Конституции подняли дух спецпереселенцев, помогли сгладить остроту пережитых страданий, вселили уверенность хотя бы в будущее своих детей. Но на пороге был 1937 год. Обрушились новые репрессии...» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 47).

Различными постановлениями-решениями пеклись и другие «сладкие пряники», призванные засвидетельствовать факты гуманного отношения советской власти к явным и скрытым «врагам народа», да не откусить было от тех пряников – зубы крошились. И не по глазам ли раскулаченных спецкомендатура определяла, кто из них «показал себя на деле честным, добросовестным», а кто по-прежнему волком смотрел на воспитывающую его, недоумка, заботливую власть да так и норовил навредить да напортачить ей исподтишка? Стукачество, а стукачей немало было и в спецпереселенческой среде, думаю, вносилось в перечень «общественно полезного труда», но заготовка леса угрюмым лесорубом, махавшим денно-нощно топором, вряд ли в этот список попадала. И на какие шиши могла выехать из таёжной глухомани овдовевшая женщина-мать, если и прокормить-то осиротевшую семью было проблематично? Вот почему, несмотря на многочисленные постановления-решения, подавляющее большинство спецпереселенцев получило справку об освобождении уже в послевоенное время...

Чтобы иметь представление о том, как происходило устройство раскулаченных, как обживались, а точнее, выживали они на чужих землях, приведу выписку из документа, опубликованного в 2004 году Ханты-Мансийским государственным музеем Природы и Человека. Сухой язык

официального документа с сохранением казённой стилистики и орфографии порой убедительней самого достоверного свидетельства очевидца:

«Документ № 9

Предложения по докладу окружного коменданта Радионова

«Об использовании
спецпереселенцев в Самаровском районе»

Не ранее августа 1931 года.
Секретно.

Заслушав доклад коменданта тов. Радионова об использовании спецпереселенцев, проживающих в Самаровском районе, оргбюро по организации Остяко-Вогульского округа констатирует:

1. Проводимые работы хозобустройства спецпереселенцев в 1930 году против намеченного плана учлеспромхозом выстроить 454 дома: выстроено 433 со стороны рыбтреста и Интегралтоварищества к обустройству спецпереселенцев, со стороны учлесхоза вопросу обустройства должного внимания уделено не было до сих пор, выстроенные дома не покрыты надлежащим образом.

2. На основной работе спецпереселенцы не используются, особенно этому делу со стороны работников учлесхоза самое безответственное отношение, работники учлесхоза распустили спецпереселенцев по разным учреждениям: Интегралам, рыбтрестам.

3. Участковые комендатуры допустили безразличное отношение к спецпереселенцам, т.е. разгул их по деревням (...), а также со стороны комендатур допущено сживание с местным населением, совершенно не было уделено внимания полного использования всей трудоспособной рабочей силы, прикрепленной к организациям по назначению.

(...)

5. Учлеспромхозом не выдавалась своевременно заработная плата, вследствие чего спецпереселенцы особенно (...) посёлков, самовольно уходили по деревням продавать

своё имущество и собирать куски хлеба, а также невыдача заработной платы содействовала побегу спецпереселенцев.

6. Со стороны Интегралтоварищества допускалось безобразное отношение с выдачей продуктов спецпереселенцам, а именно: зачастую выдавались только мука и сахар и никаких других продуктов питания, что, безусловно, действовало на снижение производительности труда и способствовало систематическим заболеваниям, особенно цингой.

7. Хозорганизациями допущено безразличное отношение к спецпереселенцам, получившим увечья на работах, ибо последние снимались с пайка и не получали никакой материальной поддержки со стороны хозорганизации.

(...)

9. Комендатурой слабо велась борьба с дезертирством, спекуляцией и вообще со всеми проступками спецпереселенцев. Отсутствие медперсонала на посёлках, а также и медикаментов, за исключением посёлка Сушка. Медпомощь оказывалась от случая к случаю...» (Наша общая горькая правда: Историко-краеведческий сборник / Редактор-составитель Л.В. Цареградская. – Ханты-Мансийск, 2004. – С. 40-41).

Наиболее массовая волна спецпереселенцев прокатилась по району в 1932-м. По сведениям окружного отдела ОГПУ, «в Остяко-Вогульском национальном округе (в основном в Берёзовском, Сургутском и Самаровском районах – Н.К.) на 1 апреля 1932 года в 56 переселенческих посёлках проживало 6459 семей, или 30243 человека из числа спецпереселенцев, из них 9296 женщин и 11402 человека – дети до 16 лет, а в 1932 году «трудоспособное население в Самаровском районе из числа спецпереселенцев составляло 28,3%» (Наша общая горькая правда. – Там же. – С. 14-15).

Из 30243 человек 10947 (36%) использовались на лесоразработках, 15508 (51%) на рыбных промыслах, остальные на строительстве Остяко-Вогульска, посёлков, в сельском хозяйстве и на кустарных промыслах. Выброшенные по берегам таёжных рек и речушек, Иртыша и Оби, невольники

растягивали полога, рыли первые землянки будущих в Самаровском районе посёлков Горный, Кедровый, Луговской, Урманый, Перековка...

Это было поистине «великое переселение» крестьян из обжитых мест – Астраханской, Курганской, Омской, Оренбургской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, с Поволжья и Украины в наиболее перспективные, по мнению большевиков, районы промышленного и сельскохозяйственного освоения, по масштабу сравнимое разве что с великим переселением из центральных российских губерний в Сибирь во времена начала столыпинских реформ. По масштабу, но никоим образом не по характеру и причинам. На рубеже XIX – XX веков в Сибирь накатывали переселенческие волны хоть и не от сладкой жизни в центральной и южной России, но всё же с надеждой на обретение земли и воли, а в начале 30-х годов минувшего столетия самых удачливых и работоспособных из них, укоренившихся на вольных землях, сгоняли с возделанных пашен, с корнями вырывали из надёжно свитых семейных гнёзд, баржами и неводниками отправляли по Оби и Иртышу в буквальном смысле в никуда. По опубликованным ныне данным, в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века в стране было раскулачено и выселено около шести миллионов человек. Оказывается, высылка крестьян не случайно проводилась в самые холодные и голодные месяцы – в феврале, марте и апреле: «Исходя из принципа так называемой «экономической целесообразности», крестьянские семьи были сорваны с мест тогда, когда были уже уплачены налоги, и на место ссылки они должны были прибыть и разместиться до начала посевной» (Самаровский край. – Там же. – С. 111).

25 августа 1931 года 35 раскулаченных семей из разных областей Урала и Сибири на пяти громоздких неводниках, отправленных из Самарова в сопровождении оперуполномоченных, приткнулись к высокому берегу у юрт Нялинских.

С неизбежной за давностью лет долей ошибок нялинцы восстановили список глав и некоторых членов первых тридцати пяти семей. Приведу его полностью: Айдаков Ф.,

Алексеев Д.А., Берлов С., Гуськов Т., Давыдов М.С., Долгушин А.М., Долгушин Василий Михайлович, Долгушин С.М., Казакевич, Казанцев Даниил Сафонович (погиб на фронте 28 марта 1944-го в Брянской области), Калиничев Фёдор Егорович, Квашнин П.А., Кокин Н.И., Коротких Иван, Куликов В., Лаптев Василий Васильевич, Мальцев Василий Тимофеевич (погиб на фронте в марте 1944-го), Молоков П.С., Морозко, Парунин З.О., Перетягин И., Плюхин Пётр Алексеевич, Потапов Демид, Проскураков Д., Пуртов Трофим Андреевич, Ражев Г.А., Ренёв Алексей Иванович, Толкачёв Филимон Васильевич, Тропин Г.В., Устюжанин П., Ушаков Арсений Павлович (расстрелян в 1937-м как «враг народа»), Харлов Ефим Павлович, Чекишев Василий Ефимович, Чекишев Михаил Ефимович, Юров Александр Иванович, Юров Михаил Иванович...

Прибывшие невольники высадились, огляделись. По правую руку, примерно в двух верстах, на юру – сосновые рубленые домики небольшой деревни, по левую – уставленная копнами свежего сена просторная луговина, впереди – кедровый тёмный бор, позади – протока, за ней – пойма, за пойменной низиной – устрашающая свинцовыми отблесками волн стражница Обь.

«Господи, – вздохнула, представляю, разминая затёкшие от долгого сидения в неводнике ноги, одна из прибывших не по своей воле обездоленных русских бабёнок. – Куда же мы заехали?»

«А в Нялинские юрты!» – отвечал бабёнке не Господь, а один из тех товарищей, коим постановлением предписывалось «быть готовыми к приёму «кулацких семейств»...

Прибывшим приглянулось место на гольце, но местные жители с оглядкой на бдительные власти наотрез отказались от соседства с «опасным элементом». От греха подальше!

Повздыхали мужики, поголосили бабы, да делать нечего: закатали рукава, взялись за пилы, топоры да за лопаты – август на исходе, осень с холодами... Хорошо бы, на пороге, а и порога собственного нет. Растянули полога, в Старых юртах принялись валить лес. Работали не покладая рук, днём и ночью, при свете ламп и фонарей, чтобы успеть до

холодов ввести детей под крышу... К заморозкам возвели два барака. Некоторые вырыли землянки. Перезимовали. И только весной 1932-го принялись за дома. Все первые спецпосёлки на Оби были одинаковы. Они состояли, как правило, из одной длинной улицы, растянувшейся вдоль реки. Дома в целях экономии леса и пиломатериалов воздвигались по одному, специально для спецпереселенцев утверждённому проекту: одноэтажный деревянный дом на две семьи – «зырянские избы» (пятистенки) и с потолками из плах «вразбежку». Годом раньше нялинских невольников здесь заготавливали лес для строительства спецпосёлка Луговского «командированные» из Троицы ссыльные. (На месте нынешнего посёлка Луговского весной 1930-го на пустынный берег Оби выбросили 170 семей (668 человек) спецпереселенцев и велели «окапываться» в рекордно короткие сроки. К ноябрю было возведено 75 домов, а в 1931-м спецпереселенцы организовали ставшую одной из передовых в районе сельскохозяйственную артель «Равнина» во главе со ссыльным из Курганской области Павлом Васильевичем Шавриным, в 1942-65 годах возглавлявшим колхоз им. Чкалова).

У первых нялинских поселенцев было немало детей. В их числе шестилетняя Люда – Людмила Степановна Калиничева. Их семью из шести человек (родителей и четверых малолетних детей) «выдернули» из деревни Пушкарёво Исетского района Омской (ныне – Тюменской) области. На лошадях под конвоем в феврале 1930-го привезли в Уват, где продержали до навигации. Летом доставили пароходом в Елизарово. Оттуда «бросили» в Кедровый на заготовку леса для строительства посёлка. Осенью привезли в деревню Сивохрёбт на заготовку и сплав леса до Обдорска (Салехарда). И только в августе 1931-го доставили на постоянное место ссылки. Здесь Людмила Степановна окончила семилетку, в войну начала рыбачить, ездить на лесозаготовки. «Из слов, которые только начинала осмысливать, запомнилось непонятное «вкалывать» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 6)...

Семилетний Саша – Александр Иванович Юров – из Казанского района Тюменской области. На мой риторический вопрос в конце нашей беседы в августе 2004-го: «Ну а в целом как оцениваете свою безвыездную жизнь в «Трудовике»?» сын раскулаченных крестьян, фронтовик, орденоносец Александр Иванович ответил просто и бесхитростно: «Трудной. Как в «Трудовике».

С их слов и воссоздается история посёлка...

Спецпереселенцы не получали паспортов, лишались права свободного передвижения вне территории места своего поселения и общения с коренными жителями. Зарплата у них была на 20-25% ниже, чем у вольных. Детям раскулаченных запрещалось обучаться в обычных школах. Вот и юртовские нялинцы не допустили «кулацких детей» в свою четырёхклассную. Поэтому уже в 1932 году помимо 48 жилых домов были построены баня, магазин, медпункт, комендатура, пожарная каланча с колоколом, клуб и школа-четырёхлетка. Школу строили буквально всем миром, но самое заинтересованное участие в строительстве принял Степан Иванович Кулебакин – отец шестерых детей, четверо из которых впоследствии станут учителями этой и других школ. С сентября 1932-го приступили к занятиям дети спецпереселенцев, а по вечерам на курсах ликбеза начали осваивать грамоту их родители. Первым заведующим поселковой школой стал Вескин Павел Иванович. Но в марте 1933-го школа сгорела. В новом клубе были размещены спешно сколоченные столы и лавки. Занятия возобновились. К началу 1933/34 учебного года состоялось открытие новой школы, к 1937 году ставшей семилеткой. Так же, как детям «кулаков» запрещалось обучаться в обычных школах, так и детям старожиллов запрещалось появляться в школах «кулаков». Создалась парадоксальная ситуация: дети юрт Нялинских, окончив четырёхлётку, вынуждены были продолжать учёбу не под боком в семилетке «кулаков», а в соседней деревне Торопки (Скрипуново) и селе Конёво. Смешнее и подлее не придумаешь...

В 1932-34 годах осуществлялась механизация рыбных промыслов, внедрялись новые орудия лова: верховые и донные плавные сети, облегчённые невода и т.д. Появился моторный флот. 7 ноября 1930-го на Чёрном Мысу было введено в эксплуатацию первое в округе промышленное предприятие – Самаровский рыбоконсервный комбинат (первый директор В.А. Казаринов) с проектной мощностью 12 млн. банок. Основными поставщиками сырья комбината стали рыболовецкие артели. Но разбросанность рыбных промыслов, оторванность их от больших дорог вынуждали комбинат выпускать не парную и свежемороженную рыбу, а переработанную продукцию – консервы в фасовке по 250 грамм. В 1931-м был введён стандарт на принимаемую рыбу. В июле 1932-го для механизации промысла в Самарово создали первую в районе моторно-рыболовную станцию (МРС) «Обская». В следующем году при ней открылись курсы мотористов и судоводителей. (В 1954-м МРС войдёт в состав Ханты-Мансийских центральных ремонтно-механических мастерских (ЦРММ). С 1934 по 1938 годы заготовка рыбы в округе возросла на 30 с лишним тысяч центнеров и достигла почти 135 тысяч).

«Подъём сельского хозяйства произошёл в начале 30-х гг. и по времени совпал с коллективизацией. Административными мерами власти заставляли единоличников вступать в простейшие производственные объединения и колхозы, а также увеличивать количество обрабатываемой земли... В 1936 году посевные площади в округе составляли уже 9,5 тыс. га.» (История Ханты-Мансийского автономного округа. – Там же. – С. 351).

В марте-мае 1932-го в новом посёлке Нялино была организована (точнее было бы сказать – объявлена) неуставная (в непосредственном подчинении комендатуры НКВД) сельскохозяйственная артель «Трудовик» во главе с неким Русецким Б.Р. В неё сразу вошло 45 семей. Попробуй не войти! Лучшего названия артели, впрочем, нельзя было придумать. Бешеные темпы круглосуточного строительства были посильны не многим даже очень выносливым и

сильным мужикам, сызмала приученным к соли и поту повседневной крестьянской работы. Выдержать такие нагрузки могли только истинные труженики – трудяги – «трудовики», к ночи буквально валившиеся с ног от хронического недосыпания и недоедания. Слово документу – информационному отчёту Нялинского спецпереселенческого медпункта по состоянию на 11 августа 1933 года: «Стационарного лечения, барачных и специального питания при посёлке нет. Запасы продуктов недостаточные. Нетрудоспособное население довольствуется исключительно одной мукой – выдаваемой нормой, установленной правительством (снабжение людей продуктами и товарами с мая 1932-го осуществлялось по карточной системе – Н.К.): применяют к муке разные суррогаты, мох, кору, древесину и так далее, а поддерживаются большинство молоком, которое получают от своих коров, каковые имеются почти у каждой семьи...» (Наша общая горькая правда. – Там же. – С. 53).

Если старожилы юрт Нялинских и не слыхивали о таких болезнях, как цинга и «безбелковая отёчность», то спецпереселенцы открыли счёт больным и умершим. Только с апреля по июль 1933-го в посёлке заболело цингой 12 и «отёчностью» – 55 человек, пятеро – со смертельным исходом. То же происходило в других спецпосёлках района. В Луговском в 1932-1933 годах умерло 75 человек. Не лучше было и в Остяко-Вогульске. В августе 1934-го в связи с разразившейся здесь эпидемией сыпного тифа власти выселили из посёлка в специально отстроенный в лесу барак 192 спецпереселенца. Комиссия ОГПУ по Уралу в строго секретной записке докладывала о варварском отношении к спецпереселенцам административного персонала хозорганов: «...Случаи издевательства, изнасилования женщин, матерщина дополняют картину. По линии соваппарата, кооперации в спецпосёлках проводится контрактация скота, молока. Запрещают спецпереселенцам собирать в лесу ягоды, грибы, шишки и т.д. В общем, делается всё, что способствует физическому уничтожению переселенцев» (Югра: 75 ступеней вверх. – Екатеринбург, 2005. – С. 47).

Спасаясь от верной гибели, отчаянные головы из числа спецпереселенцев решались на побег. Массовым явлением в районе они стали в самом начале 1930-х. Для предотвращения побегов с глав семей в комендатурах брались обязательства о круговой поруке. Взрослые члены семей подписывали индивидуальные обязательства о «непротиводействии мероприятиям советской власти», по которым обязывались не только не замышлять побег, но и доносить на тех, кто вынашивал такие планы. Вокруг спецпосёлков не устраивались ограждения из колючей проволоки, не устанавливались сторожевые вышки с вертухаями на площадках, не дежурили по окрестностям конвоиры с овчарками. Их заменяли вооружённые пешие и конные «заставы», сформированные из местных коммунистов, комсомольцев и работников комендатур. Единственным официальным представителем советской власти в спецпосёлках с населением более 100 семей являлись поселковые комендатуры...

Поставленная первым артельщикам задача освоения пригодных к пахоте земель в посёлке и за Обью по сложности превосходила все последующие. Расширение посевных площадей шло в основном за счёт раскорчёвок, но весьма быстрыми темпами: если в 1929-м посевные в районе составляли 544, то в 1932-м – 4119,6 гектара.

Для приобретения сельхозинвентаря в «Трудовике» создали неделимый фонд. Вступавшие платили взносы, сдавали скот. Был установлен 8-часовой рабочий день. На первые колхозные деньги купили трёх коров. Постепенно закупили плуги, бороны, косилки, молотилки... Началось строительство конюшни, коровника, свинарника и помещения для овец. Наладились выращивать огурцы и помидоры. Помимо распространённых в юртах Нялинских овощей – моркови, лука, свёклы и картофеля, приспособились выращивать капусту. В 1934-м сеяли овёс, ячмень, пшеницу, репу, турнепс... Всё рожала щедрая нялинская земля!

Для разработки технологии освоения новых земель на пойменных и раскорчёванных участках немало сделал от-

крытый в марте 1933-го Остяко-Вогульский комплексный опорный пункт по сельскому хозяйству (первый директор Д.Е. Перовский), в 1950-м преобразованный в Ханты-Мансийскую окружную опытную станцию НИИ полярного земледелия. В Нялино начала работу одна из четырёх организованных опытной станцией так называемых хат-лабораторий. Специалисты «хат» изучали почвенно-климатические условия, проводили опыты по сортированию зерновых культур и картофеля, овса и ячменя, читали лекции по агрономии.

В 1931-м в селе Реполово была организована первая в округе машинно-тракторная станция (МТС) с шестью тракторами. В следующем году с её помощью в колхозах округа было засеяно 852 гектара. В 1933-м МТС обслуживали 12 колхозов из 140, имеющих в округе. В первой половине 1930-х впервые стали размещать обобществлённый скот в типовых помещениях. Беспристрастная статистика свидетельствует: в 1934-м в общественном стаде 167 колхозов округа было 17,4 тысячи лошадей, почти 9 тысяч овец, около 800 свиней и свыше 101 тысячи оленей... В феврале 1935-го Вторым Всероссийским съездом колхозников-ударников был принят примерный Устав сельскохозяйственной артели, а к декабрю 1937-го на «сталинский устав» перешло 20 колхозов района. К 1936 году округ полностью обеспечивал себя картофелем. Уже в 1932-м на долю спецпереселенцев приходилось около половины выращиваемых овощей и картофеля, свыше половины озимой ржи, яровых, четыре пятых раскорчёванного леса.

В условиях значительной отдалённости от крупных экономических центров и в связи с отсутствием надёжных, постоянно действующих дорог особое значение имело развитие местных отраслей хозяйства. Рост их в 1920–1930-е годы происходил на основе объединения кустарей в промышленные артели и создания небольших государственных предприятий. В 1931-м в округе было два промколхоза, выпускавших кирпич, сани, смолу, бочки. В 1931–1932 годах интегралсоюзу Самаровского района было передано

95 семей спецпереселенцев. Созданный в 1935-м в Остяко-Вогульске промкомбинат стал первым в округе предприятием местной промышленности.

В Нялино к июлю 1932-го в ведении райинтегралсоюза работало на дому несколько рабочих смолокуренного завода, трое – в бондарно-кадочной мастерской (для засолки вылавливаемой здесь в большом количестве рыбы требовалась надёжная тара), а в ведении леспромхоза – 35 в столярной и 10 человек в лодочной мастерских.

Так возник посёлок Нялино.

«В каком-то справочнике я откопал довольно любопытные сведения, – пишет журналист Александр Скальд. – Оказывается, к началу 1933 года уже было создано (в Остяко-Вогульском национальном округе – Н.К.) 155 колхозов и рыболовецких артелей, объединяющих 4134 хозяйственных двора. Посевные площади составили к этому периоду 3700 гектаров... Вот был размах!» (Снежная колыбель. Тюменская правда. – 2004, 4 декабря).

К 1935 году кулаки, казалось бы, перевели дух. «Показатели рождаемости превысили показатели смертности... Издевательства стало меньше, не было повального голода, мизерную зарплату стали выплачивать относительно регулярно» (Югория: Энциклопедия. Т. 1. – Там же. – С. 275). В одном только Самаровском районе было организовано 45 колхозов с 6,5 тысячами колхозников. В 1938-м в округе насчитывалось 292 колхоза, из них 132 промыслово-производственных объединения, 50 рыбацких, 87 смешанных промартелей и 23 сельхозартели. Если посевные площади в округе в 1934-м составляли 3124 га, то в 1939-м – 11555. Всего на территории округа благодаря ссыльным появилось свыше 150 посёлков, в 1937–1938 годах численность населения составила 81344 человека против 41489 на момент образования округа. Всего за время коллективизации на Тобольский Север было выслано более 31 тысячи крестьянских семей (около 150 тысяч человек). И всё же в районе оставалось ещё немало большесемейных, как правило, крестьян, избегавших колхозов, жертвовавших скот и имущество в обмен на свободу единоличника. Таких

непреклонных власти сознательно разоряли, оставляя в личном хозяйстве по одной корове и по одной лошади на семью. И, оказывается, готовили по отношению к ним дополнительные меры принуждения...

В папке «Переписка Омского облисполкома с управлением НКВД о лицах, имеющих компрометирующие данные», журналисткой Валентиной Патрановой была обнаружена составленная в недрах областного управления НКВД в 1935 году справка, в которой предлагалось: «Выселить кулаков-единоличников, их прихвостней, ведущих подрывную работу, на Север в количестве 2000 семей. Общее количество районов, из которых необходимо выселение кулаков, – 46. Местами ссылки должны стать районы Остяко-Вогульского округа (Берёзовский, Шурышкарский, Самаровский, Сургутский, Кондинский) («Компрометирующие данные» хранятся на архивных полках. Новости Югры. – 2006, 26 января – 1 февраля).

Даже в 1935-м не могли угомониться!

Так что удивлюсь и я. Но ещё и ещё раз озадачусь вопросом: а за счёт чего и какой ценой достигались «размахи»? Нам, нынешним, уже, похоже, не осознать, и будь сегодня изданы хоть тома воспоминаний последних оставшихся в живых «кулаков-основателей», и они в полной мере не восполнят образовавшихся в нашем сознании зияющих лакун неведения.

Власти рапортовали о проделанной работе, приписывая себе успехи и достижения, а собственное головотяпство, ошибки и просчёты сваливали на происки нераспознанных вовремя «врагов и вредителей». Одно из таких «типовых объяснений» приведено краеведом А. Рябовым: «В области животноводства троцкистско-бухаринские бандиты насаждали болезни скота, заражая здоровое стадо... Враги народа засоряли правление колхозов враждебными советской власти людьми, через которых проводили своё вредительство... Имеют место факты, свидетельствующие о плохой ликвидации последствий вредительства. В Батовском колхозе высеянная на 20 гектарах пшеница не взошла. В Горно-Филинском колхозе ушло под снег 2 гектара

картофеля. В Тюлинском колхозе стравлен урожай гороха, в Нялинском – утоплены 5 рабочих лошадей. Подобные факты требуют насторожённости партийных, советских, колхозных организаций. Надо до конца разоблачать и изгонять из всех щелей замаскировавшихся врагов народа...» (Самаровский район в тридцатые годы. Югра. – 2004, № 2).

Краткосрочная по замыслу (рассчитанная на четыре месяца), но затянувшаяся без малого на год кампания по «стахановскому разоблачению замаскировавшихся врагов народа» детально прорабатывалась кремлёвскими стратегами. По секретному политбюровскому циркуляру, с 3 июля 1937-го секретарями обкомов партии готовились списки жертв. Подлежащие репрессиям «бывшие кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы» были разделены на две категории: «наиболее враждебные» (они подлежали расстрелу по решению внесудебных «троек» УНКВД) и «просто враждебные» (подлежали заключению на сроки от 8 до 10 лет)...

Старт плановым арестам и массовым расстрелам был дан приказом НКВД за № 00447 от 30 июля 1937-го. В Тобольске начали с процессов по сфабрикованным ещё в 1936 году делам «углановцев» (работников рыбопромышленного треста), Обьгосрыбтреста (главными пунктами обвинения в адрес руководства по этому делу была «связь с трудпоселенцами»). В Остяко-Вогульске началось с арестов «замаскировавшихся в леспромхозе анархистов, эсеров, меньшевиков, дашнаков» и «членов контрреволюционной троцкистской организации», окопавшейся в... окрисполкоме во главе с первым секретарём окружкома партии Ф.А. Павловым и председателем окрисполкома Я.И. Кошелевым. В Самаровском районе операция «по беглому кулацкому элементу, осевшему в населённых пунктах вдоль реки Оби», по докладу наркому Ежову известного на Обском Севере «стахановца расстрельных дел», начальника Омского УНКВД Г. Горбача, планировалась с августа 1937-го.

«Разоблачали», изгоняли и партиями расстреливали. Погиб и оставшийся в юртах Нялинских племянник знат-

ного купца Фёдора Васильевича Киселёва, один из сыновей Ивана Васильевича – Ксенофонт. 29 октября 1937-го он был арестован в одну ночь со ссыльными – уроженцем деревни Курская нынешней Курганской области Андреем Васильевичем Ленивцевым, уроженцем деревни Журавлёвка Упоровского района Ермилом Ильичём Медведевым, уроженцем села Зарубино нынешней Свердловской области Фёдором Наумовичем Обласовым, уроженцем деревни Карагай Ишимского района Арсением Павловичем Ушаковым, уроженцем деревни Кизяк Упоровского района Филиппом Петровичем Хребтовым. 43-летний рыбак Киселёв, 61-летний колхозник Хребтов, 64-летние сапожник Ленивцев и сторож Обласов, 68-летние столяр Медведев и рабочий артели Ушаков были осуждены «тройкой» Омского УНКВД и как «враги народа» расстреляны в Остяково-Вогульске 17 декабря того же года...

Хлебнули лиха не только близкие, но и многочисленные дальние родственники купцов Киселёвых. Так, мужа дочери из семьи Георгия Фёдоровича и Дарьи Евгеньевны – Калисфении Георгиевны, уроженца села Тюли Никиту Фёдоровича Пермякова, бывшего милиционера, в марте 1937-го взяли только за то, что он в рыбацкой избушке рассказывал землякам об Америке. Среди слушателей оказалась слишком бдительная комсомолка, которая и донесла, «куда следует». Рассказчика и его «аудиторию» взяли прямо на рыбалке и в Самарово привели пешком...

На прошедшей в конце 2007 года в Тюменском государственном университете межрегиональной научно-практической конференции «37-й год. Память и уроки» историками и краеведами приводились новые факты «безумия» властей. Вот о чём поведал коллегам Александр Петрушин: «Майор госбезопасности Горбач в 1937 году отправил телеграмму наркому внутренних дел тов. Ежову: «По состоянию на 13 августа по Омской области арестовано 5444 человека. Прошу дать указание по моему письму № 365 относительно увеличения лимита 1-й категории до 8 тысяч человек». На телеграмме рукой Сталина помечено: «Т. Ежову. За увеличение лимита до 9 тыс. И. Сталин».

Горбач перевыполнил план по расстрелам в Омской области, Западно-Сибирском и Дальне-Восточном краях на 31800 человек... Самого «стахановца» расстреляли 7 марта 1939 года» (Елена Дубовская. 37-й год. Память и уроки. Тюменская правда. – 2007, 21 декабря).

В 1937-1938-е в округе расстреляли 976 человек, свыше половины из них составляли ссыльные...

В Остяко-Вогульске и Самаровском районе в 1930-1940-е расстреляли, по неполным данным, 353 человека...

Да, успехи достигались за счёт огромных средств, брошенных государством на ускоренную коллективизацию как панацею от всех настоящих и будущих продовольственных проблем, подобных «хлебному кризису» 1927-го. Безусловно, благодаря мощнейшей государственной пропагандистской машине, оболванивавшей подобно нынешнему российскому телевидению всех и каждого в отдельности. Но главным образом за счёт десятков, сотен тысяч «лошадей» дармовой рабочей силы, тысяч загубленных по берегам таёжных рек и речушек, на колхозных полях и лесорубочных участках человеческих жизней, в первую очередь, незащитных женщин, стариков и детей. Кто считал эти потери? Всё списано «на такие времена», на естественные «утруску и убыль» человеческого материала. Так же, как статистики завтрашнего дня спишут миллионные потери русского народа нынешнего полуторадесятилетия бесчеловечных реформ на «такие времена переходного периода»...

Для большинства нынешних правозащитников точкой отсчёта роковых событий, названных «сталинскими репрессиями 30-х», стало постановление ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934-го года, согласно которому следствие по делам о так называемых террористических организациях и террористических актах должно было вестись в ускоренном порядке (до 10 дней), судебное слушание производиться без участия сторон и без опроса свидетелей, а смертные приговоры приводиться в исполнение немедленно. Страшное постановление. Но при ясном осознании всех трагических последствий запущенного в действие сатанинского механизма всё же не могу согласиться с такой точкой отсчёта.

А как быть с «океаном» раскулаченных до декабря 1934-го? Разве не они стали первыми жертвами репрессий? Или не заслужили «почётного» права только потому, что не были расстреляны немедленно по приговору «тройки»? Так ведь и судов над ними не вершилось.

Недопустимы и преувеличения количества жертв репрессий, чем очень часто грешат радикалы всех политических цветов и оттенков, а вслед за ними и люди несведущие, что-то где-то прочитавшие или услышавшие краем уха из тридесятых уст. Меня поразила публикация в литературно-философском журнале «Топос» от 16 января 2002 года (topos.ru) заметок «Жизнь как есть» одного из участников проходившего в Самаровском районе «Славянского хода – 92» Анатолия Ложкина. Его заметки выполнены в краткой форме дорожного дневника. Что же увидел и услышал в Нялино наш «ходок»? А вот что: «Красивый таёжный посёлок. Рядом кедровый бор. В начале лета здесь всё утопает в черёмухе... Сюда в 30-х годах высадили 7 тысяч «колонков» (не зверьков имеет в виду Анатолий Ложкин, а «колонистов» – ссыльных крестьян – Н.К.). Были только юрты, местные помогали, но к весне уцелело 2 тысячи, дети и старики погибли... Летом начали отстраиваться».

Глазом не моргнув, наш «славянский ходок» в одном только Нялино лихой строкой в дорожном блокноте «похоронил» 5 тысяч стариков и детей. Ему, конечно, невдомёк, что, по данным переписи 1936 года, в Самаровском районе помимо 80 населённых пунктов, приписанных к 12 имевшимся на то время сельсоветам, находилось ещё 15 таких, как Нялино, спецпосёлков с общим населением в 6081 душу. Сопоставьте: 6081 и 5000. И что за весь 1931 год в округе (не в одном Нялино) умерло всего 347 ссыльных. Немало, конечно. Но и не сопоставимо с потолочной цифрой нашего путешественника. Ссылные, и в этом, если хотите, тоже проявился русский характер, не только выживали в нечеловеческих условиях, но и верили в конечную историческую справедливость, иначе чем объяснить рождение ими в том же чёрном 1931-м 63-х детей?

Однако цифра запущена в интернет. 31 июля 2004 года её использует один из интернетовских завсегдатаев в полемике на тему о сталинских репрессиях (forum.echo.msk.ru): «Недалеко от Ханты-Мансийска есть деревня Нялино... Типичное у неё, у деревни, для этих мест и происхождение – уже осенью тридцать первого к правому берегу Оби пристали баржи, гружённые людьми. Высадили на берег семь тысяч человек, дали пилы с топорами, провианта на считанные дни да и уплыли... До весны дожило только две тысячи... из семи. Дети и старики умерли»...

В данном случае, миф – симптом забвения.

5. *Всё для фронта. Всё для Победы*

Однажды перед началом артиллерийско-воздушной подготовки немцев дежурный телефонист, тихонько кашлянув, подсунил мне на край карты кусок хлеба и консервную банку...

Мне бросилась в глаза знакомая яркая этикетка.

На ней я с радостью прочёл: «Самаровский консервный...».

Как это было кстати – в тяжёлую минуту увидеть подарок родного завода! В этот день сильнее чем когда-либо я почувствовал живое дыхание Родины, нерушимую связь тыла с фронтом.

Из письма фронтовика Е.П. Фомина

Ко всему привыкают люди. В конце 1930-х артель «Трудовик» становилась на ноги. «Жить стало лучше, жить стало веселей», – так повелел считать товарищ Сталин ещё в ноябре 1935-го под бурные аплодисменты собравшихся в Москве стахановцев.

18 февраля 1937 года жители Нялино впервые слушали по установленному в правлении колхоза радио прямую трансляцию из Москвы. Незадолго до войны в посёлке построили больницу на две палаты – для больных и рожениц...

Ещё в феврале 1930-го Тобольским отделением Госторга был разработан план развития маслоделия в северных районах округа. Предусматривалось строительство 11 маслозаводов с расчётной общей выработкой 55,5 тонн масла. В 1938-м такие заводы были построены в Цингалах и Зенково. А двумя годами раньше в Зенковский колхоз имени Розы Люксембург завезли пять породистых английских свиней, положивших начало свинооткормочному пункту, созданному исключительно в целях полного использования отходов рыбколхозов и артелей, чья белая рыба украшала столы не только местных, но и московских высокопоставленных гурманов. В мае 1938-го в Реполово заработала одна из четырёх созданных в районе МТС. С принятием в октябре того же года правительственного постановления «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных»

у молодёжи из репрессированных семей появилась не только надежда, но и реальная возможность получения среднего специального и даже высшего образования.

Руководство с готовностью рапортовало о достижениях. А достижения были. Достаточно сказать, что в 1939 году в национальном округе насчитывался 351 колхоз, процент коллективизации был доведён до 90%. Только за спецпосёлками числилось 5,6 тыс. га пашни, то есть почти половина от общего количества земли, полученной за счёт освоения лесных площадей и мелиорации лугов. В неуставных сельскохозяйственных артелях насчитывалось около 5,2 тыс. голов крупного рогатого скота (около четверти общего поголовья), 3250 лошадей (22,7%) и 2120 овец (33,6%). Появились свои специалисты – 24 зоотехника, из них 15 – с высшим образованием и 38 агрономов. Количество ссыльных несколько сократилось за счёт послаблений во второй половине тридцатых годов и на 1 июля 1941-го составило 18522 человека. В 1940-м все рыболовецкие колхозы и артели округа взял под своё «крыло» созданный в Остяко-Вогульске Рыбакколхозсоюз.

В 1938 году «Трудовик» возглавил один из первых «35-ти» – Василий Васильевич Лаптев. Через два года он вывел свою «кулацкую» артель на третье место в районе по общим показателям, а по некоторым и на первое. Под руководством рачительного хозяина колхоз богател. По извечной крестьянской привычке люди обзаводились скотом, стремились к расширению земельных участков, однако зоркое око Советов и комендатур во избежание «вредных кулацких проявлений» своих подопечных находило поводы к ограничению инициативы в развитии личных подсобных хозяйств. В мае 1939-го вышло специальное правительственное постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от расхищения», по которому все обнаруженные у крестьян земельные «излишки» безоговорочно изымались, даже если таковыми были клочки невостробованных колхозом неудобц.

В июне 1941-го в районе случилось самое масштабное и разрушительное за всё двадцатое столетие наводнение,

принесшее невосполнимый ущерб. Поголовье скота в посёлке у же никогда не достигало предвоенного уровня.

Потом была война...

«Страшную весть о начале войны принесло радио, – вспоминала Неуймина Анфиза Галактионовна. – Мне было 10 лет, но я понимала, что это плохо. Мы жили тогда в селе Зенково Самаровского района. Отец Конев Галактион Фёдорович работал председателем сельского Совета. Первые два месяца его в армию не брали, хотя взрослое население постоянно забирали на фронт. В сентябре был призван и мой отец. Из деревень Селяйрово, Шапша, Нялино, Конёво собирали мужчин на катерах. По дороге из села Конёво был взят ещё один папин брат Сергей Фёдорович... В первый год лихолетья было страшно большое наводнение. Наше село Зенково полностью плавало в воде, ездили по улицам на лодках и обласах. В домах стояла вода, приходилось спать на чердаках и строить настилы на пол. Скот был вывезен на высокое место в Городище, там за ним ухаживали старики и женщины по очереди (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 236-237).

Уже 11 июля 1941-го жители села Батово, обсудив на общем собрании опубликованную в «Сталинской трибуне» передовицу «Фонд обороны – новое проявление советского патриотизма», постановили ежемесячно отчислять в Фонд двухдневный заработок и, кроме того, организовать из рабочих и служащих рыболовецкую бригаду. Ханты-Мансийский окружком 31 июля одобрил инициативы Сургутского, Самаровского районов и посёлка Ханты-Мансийска, обратившихся с просьбой к правительству о зачислении в Фонд обороны всей суммы, предназначенной для розыгрыша в XV лотерее Осоавиахима. В октябре жители района внесли в Фонд обороны 130 тысяч рублей, 3 килограмма золота, серебра и других драгоценностей. В последующие годы собрали и сдали 1 миллион 153 тысячи 350 рублей на строительство эскадрильи боевых самолетов «Самаровский колхозник»...

В 1942 году женотдел окружкома партии под руководством депутата Верховного Совета РСФСР А.З. Тоярковой,

женские советы на местах «развернули работу по вовлечению домохозяйек в общественно-полезный труд. Призыв партии к матерям, жёнам и сёстрам фронтовиков овладеть рыбацким делом, заменить на путине мужчин нашёл отклик. В 1942 году на рыбацкую путину вышло 3 тыс. женщин, что составляло 31% от общей численности рабочих и служащих. В 1945 женщины составляли уже 61% от общей численности работающих» («В прошедших днях такая точность...». – Там же. – С. 78).

Эти 3 тысячи женщин возглавили 318 рыболовецких бригад и звеньев. В первый же год войны улов рыбы увеличился по сравнению с предыдущим на 15%. А по вечерам рыбацки вязали тёплые вещи для отправки на фронт. В июле 1942-го коллективом Ханты-Мансийского рыбокомбината впервые был организован государственный лов (гослов) рыбы...

Уроженка села Сухоруково Жилина (Корепанова) Тамара Макаровна рассказывала: «С 16 лет я работала в рыболовецкой бригаде. Мелкие речушки перекрывали мерёжными сетками, протоки рек закрывали запорами. Когда начинался лов рыбы, приходилось работать сутками: сутки рыбачили, а на вторые сдавали рыбу на плашкоут. Жили в балаганах. Была построена всего одна избушка, в которой мы питались. Спать приходилось очень мало. Кто утром просыпал лов, снижали проценты на получение талонов. Спорить тоже было нельзя, наказание одно – снизят проценты. За работу насчитывался каждому пай: мешок рыбы, мука, талоны на сахар, крупу, соль, спички. В те годы рыбы ловилось очень много. За один лов сдавали по 6-7 тонн рыбы. Вся работа была организована под девизом: «Всё для фронта, всё для Победы!» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 126).

В военные годы посевные площади в округе увеличились на 17 процентов, хотя техники не хватало, а на трактора сели женщины и подростки. Заготовки зерна выросли с 520 в 1941-м до 1780 тонн в 1944 году. Увеличилось и поголовье скота. Только в 1943-1944 годах было создано 66 новых ферм. И это несмотря на то, что число колхозов

сократилось и на уставе сельхозартели осталось 70 из них, а 80 было переведено на устав рыболовецкой артели, которым придавалось особо важное значение.

Учебный год во время войны начинался с 1 октября и заканчивался 1 мая. Ещё один парадокс времени: если на «трудовых фронтах» – колхозных полях и рыболовецких станах «кулацкая молодёжь» трудилась плечом к плечу с молодёжью коренной, то служить в армии, вступать в ряды оборонных обществ, сдавать нормы на значки «ГТО» и «Ворошиловский стрелок» «политически неблагонадёжной кулацкой молодёжи» в отличие от коренной воспрещалось.

С началом войны на колхозные поля и промыслы вышли все без исключения дети (начиная с пятого класса) и подростки. В июле-августе цингалинские и базьяновские школьники заготовили соответственно 12 и 20 тонн веточного корма, а учащиеся Кедровской начальной школы – 9 тысяч таловых веников. Не отставали от сверстников нялинские мальчишки и девчонки. Летом 1941-го в «Трудовике» затопило все посевные площади и луга. 12-14-летние «мужички» до самых белых мух работали на равных со взрослыми в соседнем Сургутском районе. Сами косили, гребли, копнили, стоговали и сохранили практически весь скот.

Они же ездили на лесозаготовки. Это был каторжный труд. Лес валили пилой-лучком или ручной поперечной пилой. Древесину опять же вручную по колено, а то и по пояс в рыхлом снегу грузили на сани и на лошадях вывозили к реке. Весной с разливом воды лес в плотках сплавлился до посёлка Луговского. Оттуда отгружался в основном на строительство железных дорог, изготовление оружейной болванки. Женщины и дети, случалось, по полгода не выезжали из делян. За выполнение дневной нормы полагалось 600 граммов хлеба и немного крупы. Обессиленные, они не всегда выдавали норму. Со слов Евангелины Владимировны Белкиной, 16-17-летних подростков вывозили на баржах к устью Иртыша, а затем по Назыму – в Белый Яр.

Старшеклассники обычно на всё лето выезжали на приёмный пункт в Нялинскую сопку. Под руководством

школьных учителей, у которых, как и у колхозников, не было отпусков, солили, вялили, сушили добытую рыбу. Детям, как и взрослым, доводились плановые задания, начислялись трудовни. Младшеклассники тоже не оставались в стороне от больших дел – рыбачили иной раз обыкновенными удочками, собирали и сдавали кедровый орех, ягоду.

Интересные сведения о делах нялинских школьников до и во время войны привёл писатель-краевед Новомир Патрикеев: «Февраль 1941. Из 155 учащихся Нялинской неполной средней школы – 70 пионеров. Под руководством учительницы-комсомолки Анастасии Фёдоровны Петелиной в отряде... проходят сборы на темы «о новых союзных республиках», «о писателе-большевике Островском», заслушивается отчёт звена Поли Долгушиной, где была стопроцентная успеваемость... ставится пьеса «Тайна синей горы» (Пламя погасших костров: Из истории детского движения. – Тюмень, 1998. – С. 65). А после призыва участников состоявшегося в июле 1942-го в Самарово слёта пионеров и школьников о создании бригад «перемётчиков и удильщиков» из учеников 4-5 классов, эти же нялинские мальчишки и девчонки, но уже без разделения на «партийных» и «беспартийных», подхватили инициативу самаровских сверстников: «...Обком комсомола обязал каждого из нас, учащихся 4-7 классов, добыть по 10-15 килограммов рыбы, а в округе нас семь тысяч. Сургутские пионеры создали бригады и ежедневно ловят рыбу удочками, перемётами, маленькими неводами. Объединяемся в рыбацкие звенья и мы...» (Н. Патрикеев. Югра – вехи жизни: Краеведческий очерк. – Ханты-Мансийск, 1995. – С. 85).

И не важно, что пером авторов обращения водила взрослая – «комсомольская рука». Ведь «удочки и перемёты», грабли и вилы, пилы и топоры оказывались в детских руках. В 1942–1943 годах в округе, по сведениям Н. Патрикеева, 5712 школьников только на колхозных полях заработали 150000 трудовней, а в путину 1943-го по призыву комсомольцев Самаровской моторно-рыболовной станции ими было сдано в Фонд Главного командования 350 центнеров рыбы.

В семье Сумкиных из юрт Нялинских, по сведениям историка Б.У. Серазетдинова, четырнадцатилетний Степан и двенадцатилетний Леонтий трудились в колхозе разнорабочими, старший сын Сергей рыбачил в бригаде отца. За 9 месяцев 1943-го его звено сдало 75 центнеров рыбы. В тех же юртах Трофим Иванович Киселёв, по воспоминаниям В.Д. Конева, руководил звеном из пяти-шести тринадцатичетырнадцатилетних мальчишек.

Во время летних каникул 1943-го скрипуновская школьница Клава Лепёшкина добыла 18,5 центнеров рыбы, а в соседнем с Нялино рыболовецком колхозе «Сталинская трибуна» (юрты Чучелинские) в звене инвалида войны Кузьмы Чучелина в путину 1943-го работали одиннадцатилетняя Лида и тринадцатилетняя Ирма Ушаевы, десятилетний Ваня и двенадцатилетняя Ирина Чучелины. На каждого из них пришлось по два центнера выловленной рыбы.

В Скрипуново двенадцатилетний бригадир Коля Змановский (Николай Константинович) по примеру всесоюзно известного восьмилетнего мальчугана Фили Топчина из Краснодарского края с бригадой в составе четырёх таких же, как сам, малолеток за второй квартал 1943-го сдал государству 48, а за третий – 45 центнеров рыбы...

Да простят меня наши историки, но самым ценным «документом» о работе детей и подростков в годы войны на рыбных промыслах района для меня являются несколько синих ученических тетрадей в клетку, исписанных неровным почерком рукой уроженца Уватского района, в военное лихолетье рыбачившего в деревне Лумкой на речке Демьянке, а с 1952-го по начало 1990-х работавшего на лесосплаве в посёлке Выкатном в устье Конды Николая Васильевича Вохминцева. Ныне житель Ханты-Мансийска, 79-летний пенсионер Вохминцев принёс мне свои тетрадки «для приговора». И пока я с любопытством просматривал их, он наизусть, без запинки, прочёл большинство своих «стихотворений о былом». И не беда, что его воспоминания в стихах являются образцами типичной наивной поэзии. Она, эта «самодетельная поэзия», также заслуживает

внимания – непрофессионализм с лихвой компенсируется искренностью и теплотой чувств. И пишут такие авторы (а их не так уж и мало) не «славы для», а для потомков: «чтоб знали и помнили»...

– Напечатаешь где-нибудь? – с надеждой спрашивал Николай Васильевич.

Я клятвенно обещал:

– При первой же возможности!

Когда же, если не сейчас?

Подлёдный лов

Прошедшее то времечко осталось далеко.
В то времечко военное нам было нелегко.
Долбили лёд на озере метровой толщины
И знали, что мы трудимся для фронта, для страны.

Много надо было рыбы наловить тогда,
Любой ценой добыть её, достать из-под льда.
Семнадцать ребятишек, всех вижу как теперь,
Рыболовецкую ту нашу составили артель.

Не всем от роду было нам четырнадцать годков,
Но мы вели, как взрослые, подлёдный рыбный лов.
Артелью запускали невод свой под лёд,
Тянули до притонной... Аж сто потов сойдёт!

То был велик процесс! Велик для нас для всех!
Господь послал артели немыслимый успех.
Так много рыбы притянули в неводе тогда,
Что не хватило сил её поднять из-под льда.

Вычерпывали рыбу мерёжным черпаком,
Весёлые, довольные, на отдых шли пешком...
Без усталости работали с темна и до темна:
Мы знали, что Священная с врагом идёт война.

Всю зиму мы долбили метровый этот лёд,
А шёл тогда нелёгкий 43-й год...

Дед Шилов бригадиром в артели нашей был.
Рыбалкою и нами он руководил.

В холодную избушку являлись на ночлег –
Девчонки и мальчишки – семнадцать человек.
В избушке – нары с сеном да звонкий детский смех.
Всё было у нас общее. Постель – одна на всех...

Но помощь детей фронту выражалась не только трудом на колхозных полях, рыбацких станах и лесосеках. В 1942 году школьники Самаровского района приняли участие в областной выставке рисунков «Творчество детей на тему «Отечественная война», состоявшейся в Омске. Цингалинские дети устраивали самодеятельные концерты, а вырученные деньги сдавали в Фонд обороны. Повсюду получило распространение тимуровское движение. За каждой семьёй фронтовика закреплялись звенья.

Нялинские ученики под руководством завуча – прибывшей из Москвы Лидии Фоминичны Логиновой создали драмкружок. В 1943 году на смотре детского творчества в Самарово этот школьный «театр» был признан лучшим в районе. В зимние, весенние, а иногда и в летние каникулы самодеятельные артисты, не считаясь с личным временем и вопреки усталости, добровольно разъезжали на санях и лодках по окрестным деревням и сёлам, чтобы порадовать спектаклем колхозников...

Сколько их, безвестных тружеников тыла – женщин, детей, стариков в лихолетье сгнуло от голода и холода! Сколько ушло из жизни раньше срока! Эти жертвы учёту не подлежали. Сын нялинских спецпереселенцев из числа первых «35-ти», доктор ветеринарных наук Валерий Михайлович Чекишев вспоминал: «Большинство спецпереселенцев в Нялино было брошено на лесозаготовки и не имело постоянного места жительства... Родившихся на лесозаготовках ребятишек отправляли к престарелым родственникам в Нялино... На лесоучастках мужчины были заняты преимущественно на лесоповале. Вывоз леса к реке, вязку плотов и маток осуществляли в основном женщины...

Они в этот период практически весь рабочий день находились по пояс в холодной воде, поэтому многие из них простужались и часто болели. По этой причине от воспаления почек в мае 1942 года умерла моя мать» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 140).

Светлая память ушедшим... Низкий поклон живым! Баженову Валентину Петровичу, Васиной Клавдии Викторовне, Долгушиной Наталье Егоровне, Змановскому Николаю Константиновичу, Змановской Евангелине Владимировне, Замятиной Милодоре Прокопьевне, Коровину Алексею Васильевичу, Качановой Антонине Михайловне, Коневой Елене Васильевне, Коровиной Клавдии Петровне, Коневу Афанасию Ивановичу, Лютиковой Анастасии Ильиничне, Михайлюк Анне Фёдоровне, Ораку Виктору Васильевичу, Пантелееву Михаилу Петровичу, Сидоровой Клавдии Фёдоровне, Самойлову Владимиру Александровичу, Юргановой Александре Васильевне и всем остальным, возможно, не названным мною поимённо нялинским труженикам тыла!

Спецпереселенцы, как уже было сказано, в армию не призывались и в военкоматы на учёт не ставились. Люди, обиженные на советскую власть (правильнее было бы сказать: обиженные властью), по убеждению обидчиков, были «политически неблагонадёжными», то есть способными на отместку изменой и предательством. Однако с переходом в наступление в 1942 году закалённой, но измотанной в боях армии потребовалось пополнение. Настал черёд амнистированных за «лёгкие» хозяйственные и должностные преступления и «кулаков». А таких насчитывалось немало. Краевед Александр Петрушин недавно обнаружил выписку из датированного мартом 1942-го доклада начальника ГУЛАГа В. Наседкина в Государственный Комитет Обороны, в котором содержатся и такие сведения:

«В трудпосёлках НКВД из общего числа трудпоселенцев 272473 мужчины; 175596 из них в возрасте от 16 до 50 лет... Проверкой установлено, что из общего количества мужчин призывного возраста только 37861 человек являются бывшими кулаками, которые в период ликвидации

кулачества как класса на базе сплошной коллективизации были главами семейств. Остальные 136735 человек высла- ны в качестве членов кулацких семей, причём 31869 чело- век составляет молодёжь, достигшая 16 лет во время нахож- дения в трудпосёлках... НКВД полагает, что в настоящее время целесообразно 104866 трудпоселенцев призывного возраста, которые к моменту выселения не были главами семей, призвать в Красную армию на общих основаниях...» («Спецдобровольцы». Новости Югры. – 2007, 2-8 августа).

В январе 1941-го в лагерях ГУЛАГа содержался 1 млн. 930 тысяч осуждённых, ещё 462 тысячи находились в тюрь- мах, на спецпоселениях – более 1 млн. 200 тысяч человек. А всего за «ударную» предвоенную «семилетку» 1934-1941 годов за решёткой побывало 6 млн. человек. На основании доклада В. Наседкина ГКО СССР незамедлительно издал постановление № 1575-СС от 11 апреля 1942 года, обязы- вавшее военкоматы призвать 500 тысяч человек, годных к строевой службе из числа трудпоселенцев. Причём пред- писывалось уже к 15 мая призвать не менее 35 тысяч. Но не на общих основаниях, как предлагал Наседкин, а под видом патриотического добровольческого движения. Призван- ные и члены их семей снимались с учёта спецкомендатур, освобождались от 5 процентов отчислений с зарплаты и об- ретали права на паспорта. А. Петрушин утверждает: «До 12 июля 1942 года окружной военкомат в Ханты-Мансийске призвал всего 320 человек. Затем, до завершения войны, – уже 17 тысяч» (Тюменская правда. – 2005, 20 апреля). По официальным сведениям, до конца 1945 года по «спецмо- билизациям» в армию из округа было призвано 17890, а в трудармию – 5174 человека.

Омским обкомом 11 июля 1942-го было принято поста- новление № 223 «О формировании Сталинской доброволь- ческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков». В Югре такой добровольный призыв провели уже на сле- дующий день после выхода постановления: 12 июля 1200 трудпоселенцев были вывезены пароходами на сборный пункт «Черёмушки» города Омска. 26 июля того же года постановлением ГКО № 2100-СС был объявлен ещё один

«особый» призыв 500 тысяч человек. Сформированная из таких «добровольцев» 75-я Омская стрелковая бригада в вошла в состав 6-го Сибирского добровольческого стрелкового корпуса, в который влились «спецдобровольцы» из Новосибирска, Томска, Алтая, Красноярска, Кузбасса. В октябре 1942-го корпус был брошен на Калининский фронт под Москву (г. Белый). В апреле 1943-го соединение за боевые заслуги было переименовано в 19-й гвардейский Сибирский стрелковый корпус.

Из посёлка Нялино первая партия в 36 человек на сборный пункт в Ханты-Мансийск, а оттуда в Омск была отправлена ещё в мае 1942-го. Михаил Фёдорович Калинин вспоминал:

«...Вечер и всю ночь посёлок шумел, никто не сомкнул глаз, все провожали призывников... На другой день, часов в десять, 36 мужиков, молодых, здоровых, несколько возбуждённых от вина и расставания с родными, прошли по широкой улице посёлка на пристань к пароходу. Взявшись под руки, под звуки гармошки и песни, под вскрики и возгласы провожающих, новобранцы пели то «Как родная меня мать провожала...», то «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». А за ними тесной толпой шли все жители посёлка, только немощные, казалось, остались дома. На пристани, перед посадкой – летучий митинг. Председатель артели напутствовал умно, сдержанно: «Выполняйте честно своё мужское дело. За вами следом и мы пойдём. Возвращайтесь с победой все! Мы вас будем помнить. Уходит цвет артели. Знайте, родные, что артель, пока жива, не оставит в беде ваши семьи, ваших родителей, ваших жён, детей, родных!» Кто-то из новобранцев сказал от волнения сбивчиво, но кратко: «За нас вам стыдно не будет. Мы своё дело сделаем!» (nalino.narod.ru).

Среди погибших и пропавших без вести насчитывается 33 человека по одной только фамилии Змановские из деревень Зенково, Нялино, Скрипуново, Цингалы. Несколько слов о боевом пути одного из немногих оставшихся в живых Змановских – Василии Арсентьевиче. В 1942-м восемнадцатилетним пареньком он был призван из Нялино. По

окончании снайперской школы получил звание сержанта и направление на Западный фронт под Можайск. Когда на прикладе снайперской винтовки появилась пятая зарубка, получил ранение в руку. После госпиталя участвовал в боях за Оршу. Под Витебском получил тяжёлое ранение в плечо. После трёхмесячного излечения был назначен наводчиком в артиллерию, затем – адъютантом командира полка. Демобилизовался в 1947-м. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны...

Округ понёс тяжёлые потери. С войны не вернулось 8479 человек: погибло на фронтах 5737, пропало без вести – 1983, умерло от ран – 742, погибло в плену – 17. Кроме того, 854 человека вернулись инвалидами первой и второй группы. Из 13 Героев Советского Союза, до войны проживавших в округе, пятеро были выходцами из семей раскулаченных.

В Самаровском районе не вернулся 1601 человек. Погибло 1000, пропало без вести – 514, умерло от ран и болезней – 81, погибло в плену – 6.

Из 102 мобилизованных нялинцев не вернулось 67...

Один из них – сын Ксенофонта Ивановича Киселёва – «врага народа», расстрелянного 17 декабря 1937 года в Остяко-Вогульске. В июне 1943-го, за три месяца до своей гибели в бою за село Бакланово-Муравейка Черниговской области, Николай Ксенофонтович Киселёв писал на родину: «Я горжусь тем, что был участником героической обороны города Сталина... В жестоких боях за Сталинград я получил тяжёлое ранение. Сейчас поправился, отдохнул, набрался новых сил и снова участвую в разгроме гитлеровских банд. Недавно советское правительство наградило меня медалью «За отвагу». Это обязывает меня ещё сильнее бить двуногих гитлеровских выродков до полного их уничтожения. Обещаю вам, дорогие земляки, что я не посрамлю свою дорогую родину, не запятнаю славу бойца-сибиряка» (Память. 1941-1945: Тюменская область. Т. 3. – Свердловск, 1994. – С. 285).

6. Рыбный фронт и новые «фронтовики»

*...Всё, что напоминало только мрачные,
свойственные исключительно Сибири особенности,
всё стало припоминаться одно за другим,
и, наконец, Сибирь обрисовалась, как страна,
в которой живёт исключительно виноватая Россия...
Все лица человеческие, которые возникали в памяти,
все они, казалось, были заключены в какой-то
заколдованный круг безысходного осуждения.
За что? Почему?*

Г.Н. Успенский. Поездки к переселенцам

Мужики из спецпосёлков уходили на фронты, а их рабочие места в колхозах и на рыбных промыслах занимали новые ссыльные. Только по национальному признаку в Советском Союзе в те годы было репрессировано свыше 2,6 млн. человек.

Первыми депортированными на территорию Обь-Иртышья, в том числе нынешней Югры, стали полторы тысячи семей так называемых польских осадников...

Напомню, в апреле 1920-го 738-тысячная, хорошо вооружённая Антантой армия под командованием «начальника» Польской республики Юзефа Пилсудского, заручившись поддержкой Главы Директории УНР (Украинской Народной республики) Симона Петлюры, штурмом взяла Житомир, а в мае – Киев. В начале июня 1-я Конная армия Семёна Будённого прорвала польскую оборону, освободила Житомир и Бердичев, окружила противника в Киеве. В июле командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский, развивая успешное наступление в Белоруссии, освободил Минск и пошёл на Варшаву. Но другие армии Юго-Западного фронта из-за несогласованности действий членов Военного совета не поддержали его. В августе 1920-го Варшавская операция закончилась поражением красноармейцев. Наиболее отличившиеся защитники

Варшавы – «осадники» – в награду получили земли в районах, занимаемых украинцами и белорусами. Они и проторили дорожку в Сибирь в 1940 году.

Одновременно с осадниками были депортированы и польские граждане, бежавшие в 1939-м из оккупированных Германией районов, – в основном евреи. Евреев с октября 1939-го по апрель 1940-го на советскую территорию переселилось около 60 тысяч, с советской же на германскую – около 14... Любопытна докладная записка генерала В. фон Кейтеля от 5 декабря 1939 года: «Выдворение евреев на русскую территорию происходило не так гладко, как ожидалось. На деле практика была, например, такой: в тихом месте в лесу тысяча евреев была выдворена за русскую границу, а в 15 км от этого места они снова вернулись к границе с русским офицером, который хотел заставить немецкого принять их обратно» (Века А.В. История России с древнейших времён до наших дней. – Там же. – С. 646).

О том, как на самом деле происходила депортация польских граждан, отечественные историки предпочитают особо не распространяться – имеются на то серьёзные причины. Из первой волны польских ссыльных (а в Самаровском районе в 1944 году их насчитывалось всего 11 человек) ныне никого в живых не осталось, а их постаревшие дети и повзрослевшие внуки в постсоветскую эпоху почти все выехали из России в Польшу или в Западную Украину. Но теперь уже, полагаю, никто из серьёзных историков не возразит против того неопровержимого факта, что отправной точкой трагедии польского народа стало «дочернее» творение пакта Молотова-Риббентропа – Договор о дружбе и границах с его особо секретным протоколом-приложением от 28 сентября 1939 года.

В Польшу гитлеровцы вступили 1 сентября, а уже через две недели были в Бресте. В соответствии с пактом СССР под видом освобождения братских народов от ига панской Польши сразу же приступил к оккупации Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии. С гитлеровцами имелась договорённость о переселении немцев с территорий, которые отходили к Советскому Союзу, а белорусов,

русских и украинцев – с территорий, отходивших к Германии. Причём эвакуации подлежали только лица, пожелавшие эвакуироваться. В отношении же поляков Германия пришла к соглашению с СССР о недопустимости на «своих территориях» никакой польской агитации. Другими словами, гестаповцы и энкавэдэшники договорились о совместной борьбе с польским сопротивлением. О том, как советские и гитлеровские органы безопасности в 1939-м и особенно в 1940-м «боролись» с действительными и мнимыми польскими «сопротивленцами», ныне широко известно, а вот о судьбах «несопротивленцев» – простых польских граждан, проживавших на оккупированных «с двух сторон» территориях, известно узкому кругу лиц...

Недавно житель Ханты-Мансийска, которого я свыше четверти века знал как литератора Александра Ступина, вернувшись из Польши, показал мне свой новый паспорт на имя... Станислава Бужински. Страшную историю рассказал он...

Родители Станислава, Михал и Станислава Бужински, родились в 1898 году в одном из польских воеводств на Волынщине. Оба из состоятельных, уважаемых семей. На свадьбу в 1922 году родители подарили молодым усадьбу с садом, баней, деревянными постройками и живностью. Через четыре года в молодой семье появился первенец – Виктор, в 1931-м – Станислав (мой знакомый «Александр Ступин»), в 1936-м – Зигмунд, а за год до трагедии – дочери-близнецы Эльжбет и Хелена. Вскоре хозяйство семьи Бужински разрослось: имелись бык, две коровы, два телёнка, разной птицы по десятку. Родители были людьми образованными, знающими языки, общительными. В доме часто собирались деловые люди, сельская интеллигенция. Михай Бужински служил сельским воеводой, часто выезжал в главное воеводство в город Луцк. После воссоединения Западной и Восточной Украины на её территории проживало немало поляков, которые в одночасье превратились в советских граждан. Началось немедленное раскулачивание состоятельных семей. В городах и сёлах появились люди в шинелях. Тех, кто оказывал хоть какое-то сопротивление,

расстреливали на месте, остальных сгоняли в сараи для отправки в Сибирь... В один из погожих весенних дней 1940-го восьмилетний Станислав с полуторагодовой сестрёнкой Хеленой на руках ушёл с соседом – сельским пастухом – пасти коров. На лугу дети пробыли весь день, а когда к вечеру разогнали быдло (стадо) по дворам и подошли к своей калитке, увидели жуткую картину: во дворе усадьбы в луже крови лежали сброшенные в груды трупы отца, матери, братьев Виктора и Зигмунда, сестрёнки Эльжбет...

Станислава и его сестрёнку приютил сердобольный сосед-пастух. Но однажды мальчика, помогавшего деду разгонять коров по дворам, кто-то из-за угла ударил в спину то ли штыком, то ли ножом... Раненому ребёнку вовремя оказала помощь знакомая семья Поддубная Ксения Самойловна. В её доме сирот и спрятали. Через неделю ночью привезли на пасеку к «пани Зосе», где на чердаке уже прятались брат с сестрой Каминские – дети дошкольного возраста другой семьи, расстрелянной в селе Знамировка Киверцовского района Волынской области...

Но люди в серых шинелях нашли детей и на пасеке. Пришли ночью: «А ну слезайте с чердака, иначе спалим всю пасеку!». Слезли. Перепуганных детей подвели к опушке, где уже была вырыта яма, поставили к ней лицом и – не расстреливали, а тюкнули чем-то тяжёлым по головам и столкнули штыками. Рано утром пришли старожилы закопать. В яме было трое мёртвых – Станислава не оказалось. Ночью его, стонущего, вытащили незнакомые жители соседнего села и спрятали у себя. Мальчик долго не приходил в сознание...

Спустя ещё какое-то время и в это в село пришли солдаты. В один сарай согнали взрослых и детей-поляков. Затем посадили на конные фургоны, отвезли на станцию, отправили в Ростов. Там детей отделили от взрослых и отвезли в детдом города Шахты Ростовской области. Станислав до сих пор не понимает, почему в детдоме его записали Сашей Ступиным. Возможно, чтобы скрыть от властей настоящую фамилию пострадавшего ребёнка.

Когда немцы оккупировали Ростов, детдом в Шахтах не тронули. Похоже, просто махнули на него рукой, и дети при помощи нескольких неразбежавшихся воспитателей три года выживали, как могли. А уже в 1944-м, после освобождения советскими войсками Ростова, окончив всего три класса начальной школы, Станислав с тремя сверстниками бежали «на вольные хлеба». Беспризорничал. Затем работал на строительстве шоссежных дорог в Хабаровском крае, на лесозаготовках в Пермской области и, наконец, в 1964-м приехал в прогремевший на всю страну нефтяной Сургут...

– Возможно, – соглашался со мной Станислав Бужински, скептически настроенный к любой официальной статистике, а уж тем более к цифре «полторы тысячи» депортированных в Обь-Иртыше польских семей. – Возможно, наша семья была исключением из правил – других строптивых поляков не расстреливали, а ссылали в Сибирь. Возможно, кого-то и довели. Только уже не поляками, а россиянами...

Известно, что размещали польских осадников и беженцев группами по 50 семей на расстоянии не менее 5 километров одна от другой: «На каждую группу НКВД выделил коменданта. Он контролировал распорядок и хозяйственное устройство в спецпосёлках, а также социально-культурное и хозяйственное устройство спецпоселенцев, которые полностью от него зависели, потому что обжаловать действия коменданта было практически невозможно. С августа 1941 года правовое положение ссыльных поляков заметно изменилось: они получили удостоверения, освобождались от обязательной регистрации в органах НКВД и первое время могли свободно выезжать из спецпосёлков...» (Югра: 75 ступеней вверх. – Там же. – С. 101-102).

Этническую ссылку в 1941-м продолжили «оуновцы». Правовым основанием для выселения стала директива «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии», принятая на основании постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 14.06.1941 года. К классово-

чуждому контингенту были отнесены бывшие владельцы частных капиталов, чиновники, полицейские, жандармы, служители культа, члены буржуазных партий. Более 14 тысяч украинцев, молдаван, польских «беженцев» вывезли в южные районы Омской области, а уже оттуда в 1941–1942 годах их «мобилизовали» на «рыбные фронты» национального округа. В Самаровском районе было размещено 484 выселенца из Западной Украины и 235 румын и молдаван...

О том, как это происходило, помнит выходец из Бессарабии, ныне – житель посёлка Нялино Виктор Васильевич Орак:

«В ночь на 13 июня 1941 года, за девять дней до начала войны, в дом пришли трое военных и арестовали отца. Семье приказали собираться в дорогу. У дома уже ожидали две подводы... Оказалось, что таких подвод по селу разъезжало несколько. На станции, куда их доставили, людей сортировали, как скот, грузили в вагоны, предназначенные для перевозки животных» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 10-11).

Уже после войны выяснилось, что арестованных глав семейств привезли в один из лагерей Коми АССР. На работы не выводили, кормили в основном солёной рыбой, отчего у многих развилась водянка, и большинство заключённых вскоре умерло.

А для их семей началась долгая дорога в ссылку. Из вагонов высадили в Омске, оттуда привезли в Тару, через неделю – в село Екатериновка. Из Екатериновки около сотни человек завезли в глухую тайгу, вселили в барак, вручили топоры и пилы и отправили на лесозаготовки. После года таёжной каторги доставили в Тобольск, а через две недели – в Самарово. Большую группу трудоспособных отправили в Салехард, остальных распределили по району. (В середине 1950-х Виктор Васильевич узнает о том, что отправленная в Салехард группа погибла во время шторма на Оби.) Семью Орак определили в деревню Городище. Там Виктор Васильевич начал рыбачить. Рыбачил впоследствии в Косарях и Глазково. С 1949 по 1957 год жил и работал в Конёво...

Жительница Нялино Волохина Доминика Васильевна рассказывала: «В Самарово погрузили на плашкоуты несколько семей и повезли вверх по Оби, ссаживая группами в различных деревнях. Нашу семью высадили в Зенково. В 1941–1942 годах жили в деревне Городище (к северу от Зенково). В доме-временке поселили три семьи... В 1966 году была большая вода и неурожайный год, и мы решили уехать в Молдавию. Но для детей, родившихся на Севере, там уже была иноязычная среда... В 1968 году возвратились в Нялино...» (Наша общая горькая правда. – Там же. – С. 65-66).

Из той же многочисленной группы – нялинская пенсионерка Анна Фёдоровна Михайлюк (Змановская). Отца, председателя сельсовета, арестовали в день высылки семьи, упрятали в Воркуту на строительство железной дороги. Через полтора года Фёдор Васильевич умер. Дед, который ухаживал за лошадьми, рассказывал, что ел овёс и потому остался жив. «Остальные же умирали стоя, как пни, чернели в снегу...» (В.Д. Конев Нялинский меридиан. – Там же. – С. 15). Семья же – мать с четырьмя малолетними детьми – оказалась сперва в Омске, затем на лесозаводе в Тарском районе, через месяц – в Самарово и, наконец, в юртах Чучелинских. «Какой там был голод! Питались лебедой, крапивой... Вспоминается шкура от какой-то заколотой коровы. Эту шкуру резали на кусочки, разваривали и жевали как жвачку...» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 16). Семье Михайлюк вскоре посчастливилось перебраться в Скрипуново. Здесь Анна Фёдоровна вышла замуж за комиссованного из армии по состоянию здоровья Александра Михайловича Змановского. Родила троих детей...

В первом полугодии 1942 года судьбы «оуновцев» разделили поволжские немцы. Акция проводилась на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.41 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В Югру и Ямал доставили около четырёх тысяч человек. «Провинившийся» народ из автономной республики формально не считался репрессированным. Подчёркивалось, что на немецких «трудармейцев» распро-

страняется действие советского трудового и гражданского законодательств. Но от них требовалось строгое соблюдение специальных директив и инструкций. Эти документы шли вразрез с советскими законами: лишение свободы передвижения, запрет на право иметь при себе паспорта и военные билеты, самовольные отлучки приравнялись к дезертирству. Руками в основном поволжских немцев в Самаровском районе построены посёлки Сибирский и Луговской. Спецнадзор над ними был отменён во второй половине 1950-х, но только указ от 29 августа 1964 года снял с народа обвинения.

Вслед за поволжскими немцами на рыбные промыслы Севера отправились немцы из Москвы и Московской области, Ленинграда и Ленинградской области, из Ворошиловградской, Запорожской, Саратовской, Сталинградской и других областей, а также эвакуированное из Ленинграда и Ленинградской области население с преобладанием финнов, евреев, эстонцев, латышей, иностранных граждан. В моём районе было размещено 497 немцев и 394 финна...

Правовое положение «ленинградцев» выглядело предпочтительнее, нежели у поволжских немцев – они считались спецпереселенцами. Однако же на долю финнов тяжких испытаний выпало не меньше, чем на долю иного другого «провинившегося» народа. Уроженец деревни Борки Ленинградской области, автор известного в финно-угорских научных и литературных кругах исторического исследования «Судьба моя – Ингрия», писатель Виктор Петрович Того из Санкт-Петербурга, чью документальную повесть «В поисках утраченного времени» о пережитом мне довелось печатать в альманахе «Эринтур», за точку отсчёта трагедии своего народа принимает 4 марта 1930 года. Именно в этот день вышло чёрное для финнов-ингерманландцев постановление Ленинградского обкома «О выселении из пограничной полосы местного населения». В результате за одну ночь был ликвидирован пригородный Куйвозовский район, и свыше 20 тысяч крестьян оказались в Сибири и Средней Азии. А дальше – больше: раскулачивание, «зачистка» Ленинградской области и

Карелии в «порядке репрессий», большой террор 1937-го и, наконец, постановление Военного Совета Ленинградского фронта № 196 от 26 августа 1941 года... Действие этого постановления Виктор Того, будучи не полных шести лет от роду, испытал на себе:

«Моего отца взяли на фронт в первые дни войны. Он в составе войск Ленинградского округа уже воевал с «белофиннами», будучи сам рождённым матерью-ижерянкой... Отец вскоре вернулся домой. Сказал, что его демобилизовали по семейному положению, но, оказалось, по национальному признаку... Ночью к нам прибежали местные активисты-большевики и приказали с небольшими узелками собраться под горой у деревенского кладбища... Наш «поезд смерти» двигался целый месяц. Лишь 22 апреля (1942 года – Н.К.) мы прибыли на конечную станцию Заводоуковск Тюменской области... Здесь, в пересыльном лагере Уварыш, нас и разместили... Папа умер в шесть часов утра 23 апреля. Ему было неполных 33 года...» (Эринтур: Альманах писателей Югры. – Ханты-Мансийск, 1999. – С. 105-107).

Из пересыльного лагеря Уварыш семью привезли в село Троица Самаровского район. «Поселили нас в старом клубе – дощатом домике с щелями на улицу. Печки не было. Жили мы в одной комнате три семьи, десять человек. Поначалу все спали на полу. Поскольку мама ходить не могла, на работу её не погнали...» (Эринтур: Альманах писателей Югры. – Там же. – С. 109-110)...

Другой уроженец Ленинградской области – Григорий Петрович Отто вспоминал: «В половине мая 1942-го мы выехали пахать, хотя меня в то время плохо видно было из-за плуга. Однажды в 8 часов вечера, когда мы ещё находились в поле, прибыл нарочный и сказал, чтобы я собирался домой, так как проходила кампания второй эвакуации...

Наш состав состоял из 31 вагона... В Омске погрузились мы кто на пароход, кто на баржу, плыли до Самарово... В Самарово нас повели в комбинатскую столовую, там накормили ухой из стерляжьих голов. Жили мы прямо на берегу двое суток. 17 июля мы стали грузиться на плашкоут,

и нас забуксировал катер «Стахановец», который повёз нас по деревням. Первая была Мануйлово, затем – Ярки, Базьяны, Тюли и конечная – Борки... Нас поселили в часовню, где мы прожили до глубокой осени» (Самаровский край. – Там же. – С. 167).

К концу 1942-го общее количество трудоспособных этнических ссыльных молдаван, украинцев, финнов и немцев в округе составляло 4240 человек.

В конце 1941 года перед тружениками рыбных промыслов ставилась задача удвоения в 1942-м и утроения к 1943-му году объёмов добычи рыбы во внутренних водоёмах страны. Ставка на сибирскую рыбу делалась потому, что гитлеровцами были оккупированы Балтийский и Азово-Черноморский бассейны, в Северном море шли бои, а на Дальнем Востоке хозяйничали японцы.

Сегодня уже не является секретом, что депортация поволжских немцев и финнов осуществлялась во исполнение секретной части специального постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 6 января 1942 года «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», к рождению которого причастен и Ханты-Мансийский окружком партии (И.Е. Кулагин). Постановление обязывало Наркомрыбпром СССР приступить к организации и расширению рыбных промыслов в бассейнах рек Оби, Иртыша, Енисея, Лены, Селенги, Ангары, Баргузина, Амура и их притоков, Обской и Байдарацкой губ, Гыданского и Енисейского заливов, Пясинских, Еравнинских озёр и озера Байкал, Охотско-Аянского побережья, Сахалина, Камчатки и Приморья с тем, чтобы весной 1942 года уже был развёрнут массовый лов рыбы в этих бассейнах.

Наркомрыбпром обязан был создать в Самарово Омский трест с включением в него промыслов на Оби, Иртыше, Тоболе, Ишиме, Обской и Байдарацкой губах и Гыданском заливе. В феврале 1942-го было создано Главное управление рыбной промышленности Сибири (Главсибыбпром) в Новосибирске во главе с заместителем наркома рыбной промышленности А.А. Сидоровым. В феврале-марте образовалась сеть территориальных трестов, в том числе

Омский союзного значения. В январе 1943-го на базе Омского треста наряду с Ямало-Ненецким и Тобольским был создан Ханты-Мансийский под руководством В.П. Боганова. С учётом государственной важности данного направления работы при окружке был создан отдел рыбной промышленности, а на рыбозаводах и МРС утверждены партотделы обкома.

В мае 1942-го участники совещания старых рыбаков – представители 23 колхозов Самаровского района приняли одобренное окружкомом партии обращение, призывавшее по сути к «добровольной мобилизации» каждого трудоспособного жителя на рыбные промыслы, а комсомольцы Самаровского рыбокомбината выступили с инициативой – каждому выловить по центнеру рыбы в продовольственный фонд Красной армии.

Бюро Омского обкома партии 26 июня 1942-го приняло даже специальное постановление «О посылке агитпроп-групп на рыбные промыслы Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого и Тобольского округов» в целях «усиления антифашистской и военнооборонной пропаганды среди рыбаков-колхозников, рабочих и служащих» и оказания помощи местным партийным организациям в «деле улучшения массово-политической работы и развёртывания Всесоюзного социалистического соревнования на рыбных промыслах». С 1943 года руководство рыбной промышленностью округа перешло к Ханты-Мансийскому госрыбтресту, созданному в составе «Главсибрыбпрома». В 1944-1947 годах трест возглавлял Пётр Николаевич Загваздин, при котором капиталовложения в рыбную промышленность возросли в 9 раз (с преобразованием рыболовецких колхозов в государственные предприятия в начале 1960-х годов трест был преобразован в Ханты-Мансийское производственное управление рыбной промышленности с подчинением «Сибупррыбпрому»)..

Автор очерка «Рыбный фронт Югры» Александр Петрушин выход постановления от 6 января 1942 года приравнивает к открытию дополнительно к десяти действовавшим фронтам Великой Отечественной – рыбного фронта:

«Обско-Иртышский рыбный фронт протянулся на 7030 километров. К Обьгосрыбтресту (Тобольскому) в апреле 1943-го добавились Ханты-Мансийский (в его состав входили 9 рыбозаводов, консервный комбинат, консервная фабрика, 6 моторно-рыболовных станций, 2 леспромхоза, лесозавод, совхоз, два стройучастка. В 1945 году при тресте был открыт учебно-курсовой комбинат для подготовки и повышения квалификации работников рыбной промышленности. По итогам работы за первый квартал 1945-го тресту была присуждена первая Всесоюзная премия – Н.К.) и Ямало-Ненецкий рыбопромышленные тресты. Это – армии. Моторно-рыболовные станции (МРС), рыбозаводы, консервные фабрики, рыбоучастки, приёмные и обрабатывающие пункты, ледники и холодильники – корпуса, дивизии, полки и батальоны. В партийных отчётах о результатах добычи рыбы – военная терминология: «взять рыбу штурмом» (Новости Югры. – 2004, 10 августа).

Для успешных штурмов требовались дополнительные отряды «штурмовиков» и «штурмового оборудования». В Сибирь, в том числе Тобольск, Сургут и Ханты-Мансийск, из западных областей страны такое оборудование было эвакуировано. В 1941-1942 годах, по данным О.Н. Емановой, на Север эвакуировали 8 предприятий и 2400 единиц оборудования из Москвы, Ленинграда, Московской и Ленинградской областей, Одессы, Калуги, Азова... На Обь доставили 1200 единиц промыслового и транспортного флота из Азово-Черноморского и Печорского бассейнов...

По сведениям директора Хантыйского этнографического музея города Лянтора Владимира Карцева, только Азовский и Черноморский промысловые бассейны командировали на постоянную работу в Тюменскую, Омскую, Новосибирскую и другие области 1150 инженеров и техников. В районах Крайнего Севера помимо двух упомянутых рыбтрестов создали много специализированных рыболовецких колхозов, а «в Ямальском и Ханты-Мансийском округах было построено и вновь открыто 15 рыбозаводов, 13 МРС, 300 приёмных и обрабатывающих пунктов, 129 холодильников, ледников и мест для хранения рыбы»

(Югра. – 2004, № 5). Флот Ханты-Мансийского рыбтреста состоял из 107 самоходных и 283 несамоходных судов. В октябре 1944-го при тресте в Ханты-Мансийске открылась рыбопромысловая мореходная школа юнг. В октябре 1942-го Ханты-Мансийский окрисполком принял решение о размещении в районах округа 10 тысяч спецпоселенцев, из них 2600 – в Самаровском. До закрытия навигации в район успели завезти 600 человек.

В октябре 1943-го по доподлинно якобы установленному факту пособничества 750 калмыков с немецкими оккупантами правительство приняло постановление о переселении «лиц калмыцкой национальности» в восточные районы страны. В наказание ещё одного «провинившегося народа» 27 декабря 1943-го была упразднена целая республика – Калмыцкая АССР, а операция по выселению под кодовым названием «Улусы» завершилась осенью 1944-го. В течение 1943-1944-х годов из республики в Омскую область выслали 92983 человека, из них – в Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Тобольский округа – 8548. К ноябрю 1944-го в Ханты-Мансийский округ прибыло 5999 калмыков из 11000, отобранных отделом спецпоселений УНКВД Омской области для работы в рыбной промышленности. В Самаровском районе оказалось 1239 новых «фронтовиков»...

К концу войны численность спецпоселенцев, направленных на рыбные промыслы Сибири, составила 75 тысяч человек, из них около 7350 прибыло в округ. В 1943-м был достигнут максимальный уровень ловли рыбы – 312 тысяч центнеров, то есть в два с лишним раза больше, чем в 1940-м. Если вылов рыбы в Югре в 1934 году составлял 102 тысячи центнеров, а в 1940-м – 136, то за годы войны он увеличился в два с половиной раза. Всего же Обь-Иртышский «фронт», по подсчётам А. Петрушина, дал стране более трёх миллионов центнеров рыбы, а Ханты-Мансийский рыбокомбинат за годы войны выработал 28816 тысяч банок консервов. Военные и первые послевоенные годы по праву относят к «золотым годам» рыбной промышленности на Тюменском Севере.

При впечатляющих цифрах о количестве построенных для «фронтвиков» моторно-рыболовных станций, созданных спецколхозах, приобретённых самоходных и несамоходных судах, лов и транспортировка рыбы «на передовой» по-прежнему осуществлялись дедовскими способами. О чём убедительно свидетельствует член семьи эвакуированных в июне 1942-го из села Ново-Саратовское близ Ленинграда в село Тюли Самаровского района, ныне житель Ханты-Мансийска Григорий Петрович Отто:

«Весновка (1944 года – Н.К.) выдалась удачной. За одну неделю добыли 14 тонн язя. В те годы механизации не было, всё приходилось делать вручную. Обувь тоже была неважной – бродни с брезентовыми голяшками. В воду зайдёшь – и ноги мокрые. Работали без сна и передышки. Закончили к 1 мая. Но финал весновки был нерадостным. 30 апреля из Тюлинского рыбоучастка и из колхоза к нам приехали на бударках за рыбой. Мы загрузили их, и они поехали обратно. На Конде их встретил шквальный ветер, разыгрались волны, и одну бударку стало заливать водой. В первой сидели четверо – председатель колхоза, женщина, мой брат и девушка из блокадного Ленинграда. Пока из второй бударки выбрасывали рыбу (чтобы подъехать на помощь к тонувшим людям), прошло много времени. Успели спасти только двух женщин, а мой брат и девушка утонули» (Новости Югры. – 2005, 7 мая).

Из Ленинграда в Самаровский район было депортировано немало немецких семей-блокадников, находившихся под строгим надзором местной комендатуры, а после снятия с учёта в 1954 году не вернувшихся в родной город на Неве (там их никто не ждал), а вынужденно расселившихся по деревням и сёлам района. И поныне в одном только Ханты-Мансийске проживает 18 бывших блокадников!

Отец Екатерины Шмидт умер в Ленинграде от голода, отдавая последний кусок детям. Семнадцатилетней девушкой она была эвакуирована в Ханты-Мансийск, где «рыба стала настоящим спасением».

Валю Бисс (Валентину Егоровну Кайгородову) родители привезли грудным ребёнком с сильно выраженной

дистрофией. В Ханты-Мансийске «голод и блокаду стали забывать, но остались притеснения по национальному признаку. До 1956 года находились «под комендатурой». Не могли без разрешения пойти из одной части города в другую» (Елена Борданенко. Сто раз сделай добро. Новости Югры. – 2006, 23-29 марта).

Валентину Николаевну Несторову привезли из Ленинграда в трёхлетнем возрасте с матерью (отец погиб на фронте), а затем семью отправили в Реполовский совхоз. Помнятся не только добрые люди, помогавшие выжить, но и обиды: «Мама работала на лесозаготовке... Всё, что зарабатывала, едва хватало на питание. Наступили сибирские морозы, а у меня из обуви – только резиновые сапоги. Никогда не забуду, как мама пошла к директору совхоза просить аванс на фетровые валенки. А он ей в ответ: «Чего к нам пришла? Иди к Гитлеру и проси. На что она сказала: «Я же не у Гитлера работаю» (Елена Борданенко. Сто раз сделай добро... – Там же)...

Дочь уроженки деревни Сахали Самаровского района, бывшего депутата Верховного Совета СССР Хионии Петровны Пухленкиной – Светлана Владимировна Ложенкова до сих пор с теплотой вспоминает Германа Вениаминовича Гауфлера, который в конце 1950-х был консультантом окружного Дома народного творчества и вёл музыкальный кружок при Доме пионеров (тогда музыкальной школы в Ханты-Мансийске ещё не было). Выпускник Ленинградской консерватории, впоследствии – директор одного из музыкальных училищ Ленинграда, близкий друг известного пианиста Генриха Нейгауза, Герман Вениаминович оставил о себе добрую память хантымансийцев, учившихся у него...

На основании директивы НКВД от 14 июля 1944 года из Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской областей были высланы 1673 члена так называемой «катакомбной церкви» «истинно православных христиан (ИПХ)». Из них около 500 рязанцев были размещены в Самаровском, Берёзовском и Микояновском (ныне – Октябрьском)

районах. В основном – пожилые женщины. Непростительная вина «истинно православных» заключалась в отказе от признания советской власти – «власти антихриста». Они поначалу отказывались даже от продовольственных карточек из-за того, что на документе стояла «печать антихриста» и, случалось, умирали от голода. В 1950-1960-е годы неформальным лидером у них была некто А.Ф. Пригарина, отбывшая 10-летний срок за антисоветскую деятельность. Из-за принятого в 1955 году обета безбрачия к 1963 году их оставалось всего 39 человек. В силу своих религиозных убеждений эта категория ссыльных соглашалась не на всякую работу, отказывалась от участия в собраниях, от исполнения иных распоряжений властей, тем самым якобы оказывая «разлагающее влияние» на колхозы. «Истинно-православные» не поддавалась «перековке» даже поднаторевшим в своём ремесле местным «кузнецам человеческих душ», и в мае 1945-го Ханты-Мансийский окрисполком утвердил беспрецедентное решение Самаровского райсовета об изъятии у сектантов детей. В районе таких несчастных выявили 150 из 261 по округу. Пятерых из них в возрасте до 3-х лет отдали в детские ясли Остяко-Вогульска на круглосуточное содержание, 109 детей в возрасте от 3 до 14 лет направили в детские дома округа, в том числе Нялинский, и 36 подростков от 14 до 17 лет устроили в Самаровскую школу ФЗО...

Вероятно, о группе именно таких «неподдающихся», размещённых в посёлке Рыбников – районе нынешнего Ханты-Мансийска, рассказывали журналистке А.С. Глухих старожилы города Эдуард Фирсович Чехунин и Надежда Трофимовна Баянова: «...Кроме раскулаченных сюда поселили сосланных за проведение религиозных обрядов, называли их богомолами. Жили они замкнуто... на выборы не ходили, детям не разрешали учиться. По каким-то соображениям, может, политическим, их детей не брали в армию. На моления верующие собирались по домам. Руководителем секты был Ерёмин, немолодой, с большой окладистой бородой. Поселковые власти пытались в первую очередь «распропагандировать» его, рассчитывая, что за ним на

выборы пойдёт вся паства. Но он вставал на колени перед иконами и не поднимался, пока нежеланные гости не уходили» (Кулаки и богомолы. Новости Югры. – 2007, 17-23 мая). А сама Альбина Сергеевна помнит, что коренными жителями улицы Кирова в Ханты-Мансийске были «богомолы», сосланные за исполнение религиозных обрядов», и татары из-под Тобольска, приехавшие на работу в рыбокомбинат и создающийся техучасток (управление водных путей)...

Одним словом, Самаровский район, как и весь округ, никогда не испытывал особой нужды в дешёвой, фактически бесплатной рабочей силе. По официальным данным, на 1 декабря 1944 года в 94 населённых пунктах 12 сельских совета района проживали 20056 человек, из них русских – 14620, хантов – 1733, манси – 335, ненцев – 81, татар – 516, калмыков – 999, немцев – 487, поляков – 11, румын – 235, финнов – 394, зырян – 42, украинцев – 384, евреев – 135, эстонцев – 13, кабардинцев – 45, словаков – 8, австрийцев – 12, других национальностей – 6. «Все флаги в гости были к нам»! А к концу войны в округе насчитывалось 7350 трудоспособных ссыльных по этническому признаку, из них 4384 человека трудились в рыбной промышленности, в колхозах – 779, на предприятиях – 2188.

Надежды на лучшую послевоенную жизнь не сбылись. Больше того, последовало ужесточение режима для всех категорий ссыльных, сохранялся институт комендатур. К 29-й годовщине Великого Октября «благодарное» правительство «одарило» победителей из «провинившегося» контингента северян особо циничным и неоправданно жестоким указом об уголовной ответственности за побег из мест ссылки. Предусматривалась высшая мера – 20 лет каторжных работ. Поступление в район новых контингентов ссыльных по этническому признаку после войны не прекратилось...

В 1946 году в округ завезли 387 закарпатских немцев. При отступлении фашистов большинство из них бежали в

Германию, откуда и были репатриированы на родину, а родина выдала им «путёвки» на далёкий Север. В 1947-1948-е «за пособничество буржуазно-националистическим бандам» вслед за закарпатскими немцами последовала группа литовцев. Литовцев и закарпатских немцев почти в полном составе определили в леспромхозы. В 1948-м украинцы, а летом 1949-го – молдаване пополнили бригады самаровских лесозаготовителей. А завершили послевоенный принудительный «призыв» в основном в Урманский и Ханты-Мансийский леспромхозы опять-таки жители Западной Украины, раскулаченные в 1951-1952-х. К 1950 году общее количество этнических ссыльных в округе достигло 144360 человек. Причём по Указу от 26 ноября 1948-го немцы, калмыки и литовцы должны были остаться в статусе ссыльных навечно...

Крушение надежд на реабилитацию у спецпереселенцев совпало с рассеиванием иллюзий у коренного русского населения относительно скорого и неизбежного лучшего будущего. Особенно у фронтовиков, «прошагавших пол-Европы» и своими глазами увидевших, как живут такие же, как они, труженики «за бугром». Конечно, было бы слишком наивно и слишком упрощённо именно несбывшимися надеждами объяснять зародившееся в начале 1950-х и получившее в дальнейшем не только в районе, но и по всей территории бывшей Тобольской губернии такое не свойственное ранее русскому народу постыдное явление, как массовое пьянство, падение трудовой дисциплины и наплевательское отношение к «общему добру», то бишь, колхозному имуществу и скоту. Наивно, но не более, чем объяснять факт распространившегося пьянства всего лишь ослаблением репрессивных мер, опусканием «политических вожжей» и появлением у населения избыточного количества наличных денег, которые в северных условиях, кроме как на водку и спирт, не на что было потратить...

В «Трудовике», как и во всём Самаровском районе, колхозники трудно и медленно вставали на ноги. Послевоенное хозяйство артели состояло более чем из 200 гектаров освоенных за Обью пахотных земель, 300 голов крупного

рогатого скота, 50 свиней... Техничкой хозяйство обслуживала Реполовская МТС. Повзрослевшие в ссылке дети переселенцев обзаводились семьями. Люди переукоренялись...

И восстановительный пафос всё-таки был. Власти в целях повышения эмоционального подъёма умело применяли моральные и материальные стимулы. Выдумывались различные виды социалистических соревнований, возрождалось стахановское движение... Живший в то время в Кондинском районе Башмаков Игорь Николаевич вспоминал: «Голодно жила деревня вплоть до отмены карточной системы (декабрь 1947 года). Особенно трудно приходилось многодетным семьям... Хлеб выдавали по карточкам – 500 граммов на рабочего и 250 – на иждивенца. За годы моего проживания в деревне не было ни одного пьяницы. Двери домов не закрывались на замки» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 48, 51).

После отмены карточной системы развернулась открытая торговля продовольственными и промышленными товарами. В 1947-м каждый колхозник округа получил на трудодень 8 рублей, 1 кг картофеля, 20 грамм мяса, 6 грамм шерсти. Сельский труженик сводил концы с концами благодаря личному подсобному хозяйству. В 1950-м на приусадебные участки колхозников и огороды рабочих и служащих приходилось две пятых всей площади, занятой в округе картофелем. Государству бы помочь послевоенному труженику! Платить по трудодням в колхозах не могли, так как госзакупки окупали только малую часть затрат на производство. Увы, вместо государственной поддержки в 1946-1949-х у крестьян Самаровского района отняли 225 гектаров обрабатываемой земли. Мало того, повысили налоги с доходов от продажи на рынке, а «въезд» на рынок разрешался только колхозникам, хозяйства которых выполнили госпоставки. В 1949-м сельхозартели округа получили доход от животноводства больше, чем от рыбодобычи. Рыбодобыча же после войны заметно снизилась. Если в 1944-м в округе выловили свыше 157 тысяч центнеров, то в 1946-м улов едва перевалил за 100 тысяч. От полеводства

и оленеводства доход был также значительно меньше, хотя колхозы имели свыше 19 тысяч гектаров пашни. Одной из причин этого была нехватка техники. К началу 1950-х в районе практически прекратилось освоение новых земель (план освоения в 1950-м был выполнен лишь на 9,5%).

«К началу 50-х годов добычей рыбы здесь (в округе – Н.К.) занималось около 2,3 тыс. колхозных рыбаков, объединённых в 196 артелей и бригад. В государственных рыболовных организациях насчитывалось 735 чел. Частный сектор в рыбном промысле составлял менее одного процента. Три четверти всего улова рыбы приходилось на колхозы, на организации гослова – менее четверти, но роль последних заключалась не только в добыче рыбы, но и в оказании технической помощи колхозам – предоставлении им орудий лова и моторного флота. Это делали рыбозаводы и моторно-рыболовные станции. В 1950-м в округе было 2 рыбокомбината, 7 рыбозаводов и 2 моторно-рыболовные станции, 36 рыбоучастков и 248 рыбоприёмных пунктов (подчинённых Обь-Иртышскому госрыбтресту – Н.К.), на которые приходилось 89 самоходных судов и 240 единиц несамоходного флота. Только в распоряжении моторно-рыболовных станций находилось 12 мотокатеров, 13 моторных лодок, 7 плашкоутов и 500 единиц парусно-гребного флота. В колхозах округа на рыбной ловле было занято 19 моторных лодок, 6 мотокатеров, 10 мотолебёдок» (История Ханты-Мансийского автономного округа. – Там же. – С. 380-381).

В 1950 году в Самаровском районе МРС обслуживала 57 колхозов с их 53 рыбоприёмными пунктами. С помощью МРС была добыта треть годового улова. Средняя производительность рыбака по колхозам МРС составила 88,3 центнера в год, а средний заработок – 5634 рубля, что по тем временам было весьма неплохо. И всё же в 1950-м доля механизированного лова на стрелевых песках района в общем объёме вылова рыбы составила всего 3,5%.

В 1950-м в Нялино зажглась первая электролампочка. «Трудовик» приобрёл локомобиль, трактор, пилораму, в

следующем году – году массовой радиофикации сёл и деревень района – за счёт своих средств приступил к строительству радиоузла (а это влетало в копеечку!), открыл сепараторное отделение Зенковского маслозавода. В первом квартале 1952-го колхозы трёх обслуживаемых маслозаводом сельсоветов сдали государству 47826 литров молока. Могли бы и больше. Но в колхозе «Красный рыбаки» приём молока по каким-то причинам не был организован, и старожилы юрт Нялинских вынуждены были идти на поклон к «трудовикам» с просьбами о приёме излишков молока. Правда, «красные рыбаки» показали соседям пример в развитии коневодства. Поголовье лошадей у «рыбаков» из года в год возрастало, и в мае 1952-го там была выстроена новая конюшня на 35 голов...

В январе 1952-го «красные рыбаки» в результате удачного, хорошо организованного заморного лова дали пять месячных планов, отличились на облове живунов: только за первый квартал добыли 150 центнеров рыбы, в шесть раз перевыполнив квартальный план. Не ударили в грязь лицом и «трудовики»: на заморном лове они дали 350 процентов январского задания.

Постепенно Нялино обрастало «поселениями-спутниками». К юртам Нялинским и посёку Нялино добавилась расположенная в пяти километрах животноводческая ферма. В 15 километрах, на речке Саньёга в июне 1952-го открылся лесозаготовительный участок Ханты-Мансийского леспромхоза.

В полутора километрах от посёлка, чуть ли не в устье протоки Нялинской, запульсировала Нялинская сопка – рыбоприёмный пункт Самаровского рыбоучастка. А ещё чуть ниже, на пологом берегу Оби, расположился рыбный промысел «Трудовик»...

Туда-то и заехали мои родители 13 августа 1952 года.

7. Промысел «Трудовик»

*Ох! Тошно мне
На чужой стороне...*

Ю.А. Нелединский-Мелецкий

Ни на старых, ни на новых картах Самаровского района посёлка Трудовик не отыскать. Не найти ни в словарях, ни в справочниках, ни в энциклопедиях. В списках населённых пунктов, входящих в состав Нялинского избирательного участка № 26 в 1953-1954 годах, наряду с юртами Нялинскими, посёлком Нялино и поселковой фермой, значатся в одном случае посёлок Трудовик, в другом – промысел «Трудовик». Точное наименование нового места жительства моих родителей зафиксировано в первой записи маминой трудовой книжки: «19.08.52 – принята рабочей рыб-промысла «Трудовик» Ханты-Мансийского леспромхоза Тюменского обл. УРСа Министерства лесной промышленности СССР». В первой – потому что на колхозников трудовых не заводили.

Трудовик до 1953 года являлся местом дислокации, обжитым станом рыбаков подсобного хозяйства отдела рабочего снабжения (ОРСа) Ханты-Мансийского леспромхоза. Организованный в конце 1930-х с образованием леспромхоза, промысел был нацелен главным образом на рыбодобычу (во время войны), после войны – на летний выпас рабочих лошадей и молодняка, с середины 1950-х – на свиноводство. Такие небольшие хозяйства имелись практически при всех рыбо-, лесозаводах и леспромхозах.

С отменой карточной системы в 1947 году основными торгующими организациями в районе стали рентабельная райрыболовпотребкооперация, на долю которой приходилось до 60% объёма общего товарооборота, и ОРСы леспромхозов. Товарооборот по району с 1945-го по 1954-й в целом увеличился на 234%, оборот сферы общественного питания – более чем в 5,3 раза. Причём общественное питание практически полностью стало заботой ОРСов. Но деятельность ОРСов всегда была убыточной. В 1954 году убытки составили 1789 тысяч рублей...

В Трудовике имелись магазинчик, красный уголок, десятка полтора рассыпанных в беспорядке по правому, отлогому берегу Оби крепких, рубленых в лапу сосновых домов. Заселённым был десяток. В пустых домах распахнутые настежь двери под порывами ветра громко хлопали полотнами о косяки плохо подогнанных коробок. В квадратах гнёзд оконных рам виднелись ватные подушки в разводах ржавых пятен на рваных наволочках, скатки байковых зелёных одеял. Иные окна были забраны решётками из сосновых досок. Снаружи ровными полосками ломкой рыжей бахромы торчал спрессованный в пазах болотный мох. Низкие кирпичные трубы над толевыми кровлями, тёмные переплёты рам без ставен и наличников, дощатые калитки-близнецы в «прозрачных» – в три осиновых жердины – оградках неухоженных дворов с россыпью поленниц по углам да с замётанными под открытые навесы копнами сухого сена...

В Кам-Курске, сравнивала мама, всё было не так. Там на каждой ставенке – вырезное узорочье, на карнизах кружева, на гребнях крыш – коньки и петушки, на воротах – розы и ромашки, лебеди и солнышки. Во всей деревне двух одинаковых ворот не сыщешь. Всё с любовью обихожено. От души и на века. Здесь же – прочно и надёжно, но грубо и топорно, без фантазии и выдумки. Во всём чувствовалась временность. Словно плыли люди по Оби да приткнулись на ночлег. Не до красоты, не до улады глаз...

Внушительных размеров перевалочная ОРСовская база из необхватных, просмолённых брёвен стояла на высоких, почерневших от беспрестанных ласк речной волны сваях «лицом» к Оби, с висевшими на пересечениях металлических полос-запоров двумя железными замками – кулаками на груди уставшей стражи. С проходящих по Оби судёнышек она казалась исполином, прикрывшим могучими плечами рассыпанные по берегу домишки... Начиная с августа, Нялинская протока пересыхала, и грузённые товаром баржи и самоходки не могли приблизиться к посёлку. «Северный завоз» (так это называется сегодня) выгружался здесь, в Трудовике, а зимой на лошадях развозился по складам и магазинам всей округи...

Белкин предложил любой незаселённый дом на выбор.

Дома были новые, ещё источавшие ароматы смол и свежего дерева. С сараями и «стайками» для домашней живности...

– А народ-то где? – спохватилась мама. – Сколько ходим – никого не видно. Тут вообще-то кто-нибудь живёт?

Трудовик, действительно, казался нежилым. Ни души, ни голоса, ни звука. Даже собачьего лая не слышно. Лишь перестук дверных полотен. Будто ночной сторож бьёт где-то колотушкой...

– Днём какой народ? – засмеялся Белкин. – Днём народ весь на рыбалке. Самая пора! К вечеру подъедут.

Выбор пал на ближний к берегу единственный в посёлке четырёхквартирный дом. С торца каждой половины по два трёхступенчатых крыльца. В просторной, солнечной квартире – ни заборки, ни перегородки. Одна большая комната. Казарма. Без привычных прихожей, горницы и спальни. Бревенчатые стены по драночной неровной штукатурке кругами наспех высинены известью. Пол из широких, толстых плах со следами облупившейся краски. Топчан. В три доски стол под выцветшей клеёнкой с присохшей крупной чешуёй. По углам и у порога – с полдюжины пустых водочных бутылок. У кирпичной печки – беремя сосновых поленьев, завитушка бересты.

– Печь сразу не топите – задохнётесь сразу-то! – предупредил сопровождающий. – Дымоход почистить надо. Ты, Иван Ефимович, обследуй тут казёнку да сарай... Всё, что ни найдёшь – в твоём распоряжении. Кадушки, ведры, топоры... Тут у нас всё обще, как в коммуне. Народ-то сплошь сезонный. Путину-две отвёл – и поминай как звали! Добром не обзаводится, а барахла не жалко. Устраивайтесь, в общем... Магазин наискосок, в шесть часов откроется. Там моя торгует – Анисия Панфиловна. Если что-то нужно, обращайтесь. Завтра заскочу, гляну, как устроились...

Проводив Василия Сергеевича, распаковали чемодан, отец расчехлил свою двухрядку. Набросил на плечи ремни, пальцами махнул снизу вверх по клавишам...

– Ну, мать, с чего начнём на новом месте?

Мама усмехнулась укоризненно:

– Правильно, с гармонии!

Но присела рядом на топчан.

Далеко полетела над Обью мелодия «Подгорной»...

Первую долгую ночь в Трудовике провели на рваном, проволглom от сырости нетопленной квартиры казённом матрасе под казённым же одеялом, рассматривая сквозь зияющую щель в чердачном перекрытии ясные августовские звёзды в непроницаемой, исполненной таинства бездне холодного северного неба...

Всю первую неделю занимались обустройством. Помог, как и обещал, Белкин. Заведующий промыслом выписал со склада кровать с металлической сеткой. В магазине у Анисьи Панфиловны купили четыре гранёных стакана, две эмалированные кружки, по паре алюминиевых ложек, вилок, мисок, эмалированный же чайник да немного ситцу. Из подручных досок подручным инструментом отец смастерил пару табуреток, навесной посудный шкаф. «Казарму» разделил напополам заборкой. Из стен повывёргивал ржавые скобы, четырёхгранные кованые гвозди. Вымазали, побелили стены. Мама отскоблила полы добела кухонным ножом... «Казарма» становилась похожей на жильё...

Вскоре выяснилось: в Трудовике нет бани.

– Да как же вы без бани, бабы? – недоумевала мама, привыкшая в Кам-Курске к обязательным банным субботам.

– Да так вот и обходимся! – отвечали «трудолички». – Летом, дак в Оби когда ополоснёмся, а зимой, дак Нялино под боком. Сбегашь – не принцесса!

«Принцесса» была в шоке...

Баню по-чёрному соорудил отец в брошенном сарае. С помощью одной из трудоличек, горячо одобрившей затею, сложил камин, вмазал калташиху. Наносил воды, истопил, опробовал. Какая-никакая, а всё-таки баня!

Через день-другой явилась делегация рыбачек.

– Ну дак, чё, Иван Ефимыч? Раз уж баньку-то изладил, давай по очереди будем... Что ни говори, а тело просит вечника!

Отец и мама не возражали.

Легко и быстро сошлись с промысловиками. В Трудовике их оказалось всего-то семь семей. Кроме Белкина с семьёй, проживавших в Нялино, мама помнила Суворову Марию Кузьмовну, Китайкину Таисью Николаевну, Ульянову Екатерину Андреевну, Баженовых, Гулик, Евдокию Кузьмовну Хохлову – почему-то с ударением не на предпоследнем, а на первом слоге. Я не случайно её выделил – через четыре месяца она станет «приёмщицей» на белый свет моей сестры Людмилы, а всего лишь через год примет на свет божий и автора сего повествования. Самая пожилая из трудовичек, одинокая, но сильная, волевая женщина станет моей маме на чужбине мудрой советницей и наставницей. Народ в Трудовике действительно не задерживался. Отрабатывали год, от силы – два и уезжали без оглядки и без сожаления обозом или самоходкой. А эти семьи прижились.

В Трудовик ехали с готовностью к рыбному промыслу. А у отца к рыбалке с детства имелся интерес. От ужения гольянов и карасиков на Кам-Курском озере не терпелось перейти к серьёзному мужскому делу на Оби. Он пристрастился к рыбной ловле с первых же недель пребывания в Трудовике. Рыбалка станет неотъемлемой частью всей его дальнейшей жизни...

Однако вопрос о трудоустройстве решился самым неожиданным, непредсказуемым образом. Заведующего промыслом Белкина назначили начальником Самаровского рыбоучастка набиравшего обороты Ханты-Мансийского рыбокомбината. Семье Василия Сергеевича предстоял переезд. Анисье Панфиловне срочно потребовалась замена. Выбор пал на отца. Вероятно, потому, что рыбаком он был ещё не ахти каким, а образование семь классов внушало уверенность в успешном овладении им навыков торговли. Отец же, не имевший ни малейшего понятия о торговом деле, под охи-вздохи встревоженной мамы резонно упирался. Но пока он упирался, ОРСовское руководство прислало из Ханты-Мансийска представителя в комиссию по приёму-передаче магазина и приказ о назначении отца...

По завершении приёма-передачи представитель прицепился к маме:

- Так, говоришь, колхозница?
- Колхозница.
- С хлебных, говоришь, краёв?
- С хлебных, – не вникая, отвечала мама.
- Вот и пойдёшь к нам пекаркой!

Мама всполошилась:

– Нет-нет, я не смогу. Сроду хлеб не выпекала. Бабушка у нас по этой части мастерица!

- Бабушка? Веди её сюда!
- Так, нет её... Она – в Кам-Курске. Старенькая бабка-то!

Представитель ОРСа сочувственно вздохнул и развёл руками:

– Тогда кому, как не тебе. Наладишь нам тут выпечку. Хватит хлеб из Нялино возить.

– Я долго вам не напеку. – Мама как на последний довод показала на свой округлившийся живот...

– Сколь ни попечёшь, – отмахнулся представитель. – Лиха беда начало. А родишь – продолжишь.

Так и мама вслед за отцом неожиданно «влилась» в ряды работников рабочего снабжения...

Обычно на путину выгоняли всех трудоспособных. Однажды взяли и маму. Загруженный людьми и снастями неводник подойти близко к берегу не смог. Рыбаки в болотниках выскочили из лодки, принялись выносить невода на берег. И тут обнаружилось, что, если кадровые рыбаки в сапогах и спецовках, то «пекарка» прибыла в резиновых сапожках. А уже начало сентября. Река ещё не ледяная, но уже и не парная – с утра промочишь ноги, к вечеру откажут...

Белкин чертыхнулся:

– Ты, девка, Василиса свет Егоровна, не в клуб ли на танцульки собралась? Куда смотрел, Иван Ефимович?

– А на покупателя! – не растерялся мой отец. – Самого из-за прилавка в лодку рекрутировали. Вот бригадир куда смотрел?

– Дал немножко маху, – признал вину Василий Сергеевич. – Выноси свою премудрую!

– Я её с собой не брал. Вот кто привёз, тот пусть выносит!

– Не хочешь, не надо. Пусть сидит в неводнике! – отмахнулся Белкин. – Другой раз наука будет!

– Это как – в неводнике? – возмутилась мама. – Я для чего сюда приехала? Рыбу выбирать или в лодке день просидивать?

Рыбачки в ожидании развязки смотрели то на продавца с лукавинкой в глазах, то на озабоченного предстоящим ловом бригадира...

Белкин крякнул от досады. Время-то не ждёт! Подошел к неводнику.

– Прыгай на загорбок!

Мама повисла на спине бригадира. Под дружный гогот рыбаков смущённый, раздосадованный Белкин вынес её на берег...

– Больше не возьму такую на путину!

– А я так и заплакала от горя! – рассмеялась мама. – Вот так вот, женщины, учитесь! Вы столько лет работаете вместе, а я без году неделя, и уже на Белкине проехала верхом!

Поражало пьянство. По праздникам и в будни. По поводу и без. По принципу, изложенному в строчках известного детского поэта: «Ну как не съесть ириску, когда ириска есть». Пили и в торговле, куда отбор работников был жёстче, чем в рыболовецкие бригады. Выпивали для «сугреву» возчики обозов, выпивали в холодных подсобках, на базах кладовщики и продавцы, экспедиторы, сопровождавшие товары на огромные суммы подотчётов, ибо «ириска» всегда под рукой. Дело доходило до курьёзов...

В сентябре пришла в Трудовик самоходка. Команда во главе с капитаном лыка не вяжет. Экспедитора не видно. А за экспедитора в Ханты-Мансийск ездил кладовщик Трудовика (из понятных соображений изменю фамилию) Сундыков – низкорослый, щуплый мужичонка. Так вот, нету экспедитора. Пропал. Феша Сундычиха мечется по берегу, от каждого встречного требует ответа:

– Где мой Сундыков? Скажите, куда делся Сундыков? Он с ними был на самоходке!

Никто не может дать ответа.

Послали гонца в Нялино. Гонец звонит в контору ОРСа. Не появлялся ли там Сундыков, отставший, мол, от самоходки. Нет, отвечают в Хантах. Отбыл экспедитор с командой в Трудовик.

К утру команда протрезвела. Дело принимает серьёзный оборот. Никто не может вспомнить точно, был ли с ними Сундыков. Препираются друг с другом:

- Был он с нами. Был!
- Не было его. В Хантах загулял!
- Ты спал, а я с ним выпивал!
- Вот с тебя и спрос!

С утра отец собрал людей. Надо приступить к разгрузке самоходки, а без экспедитора никто не вправе открыть трюм. Пломба с трюма сорвана – и это усложняет дело. Требуется акт.

Сундычиха мечется, рвёт на себе волосы:

– Они его угрохали! Убили! Выбросили за борт! За водку порешили человека!

Отец заметно нервничает.

– Не скули! Явится твой Сундыков! Протрезвеет, явится из Хантов с повинной головой!

– Нет-нет! Мой Сундыков не пьёт! Не тот он человек – Сундыков партийный! Они его прикончили! Убили! Укокошили! Звоните кто-нибудь в милицию, не то я всех пересяжаю! Вас за Сундыкова спросят!

Отец распоряжается начинать разгрузку. Выносят крупы, соль, муку, спички, макароны. Высвобождается проход к вино-водочному штабелю. Первой «ходкой» появляется из трюма двухметровый грузчик – помощник моториста. В одной руке верзилы – ящик с жалобно позвякивавшими порожними бутылками, в другой, под мышкой, – мертвецки пьяный Сундыков...

– Иван Ефимович, записывай! – кричит повеселевший грузчик принимавшему товар отцу. – Ящик «стеклобоя» плюс экспедитор Сундык!

Маму физически отвращал вид пьющей и курящей женщины, а в Трудовике и таких было немало. Рыбачки пили

горькую на равных с мужьями. Махнуть стакан-другой под закуску свежей нельмой или сырой стерлядью с устатку на «песке» или же по возвращении считалось делом незазорным. Курили папиросы и махорку. Для матери всё это было даже не в диковинку, а в дикость.

– Женщины, скажите, что вас заставляет пить-курить?

– Привыкли, что поделашь. Жизнь, девка, заставляет!

– Да как же можно к этому привыкнуть? Как может жизнь заставить вино стаканами глушить?

– Молодая иш-шо! Не живала на Севере, – отвечали уязвлённые рыбачки. – Поживёшь здесь с наше-то, помёрзнешь осенями-зимами, рыбой провоняшь с ног до головы, – посмотрим вот тогда! И пить, девка, научишься и закурить потянет!

Бывалые рыбачки знали цену рыбе. Это для любителей рыбалка – отдых и отдохновение, для профессионалов же – невероятно тяжкий труд в любую пору года – и в летний зной, и в стужу, часто в ледяной воде под пронизывающим ветром. Чреватый простудными заболеваниями с тяжелейшими осложнениями. Мне приходилось видеть руки старых рыбаков со скрюченными, окостеневшими в суставах пальцами... А в Трудовике жили рыбаки со стажем, не понаслышке знавшие, что такое «рыбный фронт». Григорий Петрович Отто вспоминал: «1943-й год был безрыбным. Приходилось рыбачить на глухих ссорах блёснами, ставить по речкам к живунам котцы... С выполнением плана было строго, его доводили на каждый квартал. Людей не хватало, приходилось объединяться с соседними колхозами: Тюли, Чага и Рединкое. На сорах лёд был толщиной до метра. Поэтому в первый день задалбливали, а на второй запускали невод. Бывало, подготовка к рыбалке занимала до четырёх дней» (Новости Югры. – Там же).

А направленные в октябре 1953-го на облов озера Пыжьян 12 рыбаков из юрт Нялинских и артели «Ударник» из деревни Скрипуново только в пути находились 12 суток!

Нарисованная рыбачками мрачная перспектива жития-бытия в Трудовике страшила маму не меньше, чем мысль о невозможности возвращения на родину...

В Трудовике мама не скучала – она тосковала по родине. По Кам-Курску, по отцу, по сёстрам Анне и Нине, по бабушке Елечке...

Оплакивала смерть сестры Феши, последовавшей вскоре после отъезда моих родителей из Кам-Курска. Феша заболела, вероятно, в 1950-1951 годах. Её, молодую девушку, почти ещё девчонку, в числе нескольких колхозниц зимой отправили в Омск для продажи на базаре сливочного масла. В лёгкой одежонке стоя весь день на морозе, на ветру, она застудилась и стала потихоньку угасать – «чахнуть». И, как это водится испокон веку в русских сёлах и деревнях, особого значения своим недугам не придавала – надеясь на авось да как-нибудь, лечилась бабушкиными снадобьями, травками. Когда же дело зашло слишком далеко, отец повёз её сперва в районную больницу, затем в Омск, но спасти уже не удалось. Феша угасла в 26 лет...

Тосковала по братику. В мамином представлении Виктор оставался несмышлёным, нуждающимся в ласке и опеке ребёнком. А между тем брат в 1951-м был призван в армию. Из Владивостока, а затем из Южно-Сахалинска в Трудовик от него пришло несколько писем. В последнем – фотокарточка младшего сержанта с надписью на обороте: «Пусть на память тебе остаётся неподвижная личность моя. 13 ноября 1953 года». Затем переписка вдруг оборвалась. И где-то в конце 1954-го как гром среди ясного неба – короткое письмо, почти записка, адресованная отцу: «Получил на всю катушку... По заслугам».

Только в 1966 году мой дядя Витя вернётся в Кам-Курск. Вернётся больным, надломленным человеком. Ему, единственному из Курниковых родившемуся в дороге – в поезде Иркутск-Омск, суждено было погибнуть в пьяной драке в чужом городе в 39 лет...

Тосковала по колхозным полям и родной бригаде, из которой, всецело доверяясь мужу, так легкомысленно бежала. Случалось, вскидывалась с места, бросалась к окну, а то и босой выскакивала на высокое крыльцо и с трепетом душевным всматривалась вдаль, в противоположный обской берег, вслушивалась в медленную песню нялинских кол-

хозниц, выходявших к вечеру с полей, с сенокосных угодий к неводникам. Колхозницы пели тягучую, до замирания сердца знакомую песню, и чудилось маме, что поют возвращавшиеся с покоса девчата из её бригады. Слезы застили глаза, тяжелый ком перекрывал дыхание...

Это её переживания выписаны в повести «Околоток Перековка»: *«Она проводила условную черту, незримо отделявшую Кедровый от Камышинки, и всё, что видела по-новому вокруг – обломанный кедрач, замшелые холмы, глубоководностью и ширью пугающую Обь и высыхающую Невлевку, ревниво и пристрастно сравнивала с тем, что за чертой: берёзовыми колками, пшеничными полями, прудами и озёрами, и находила утешение в бесспорной несравнимости родного, незабытого... Даже от названий сёл и деревень – заброшенных и здравствующих ныне – Камышинки и Моршихи, Крутинки и Осихина, Малькова и Ключей – казалось, исходили свет и благодать в отличие от холода и мрака местных Рямовок, Атлымов и Урманых...».*

Отец всё видел, понимал и сопереживал.

И как бы ни пытался ободрить, обратить её слабость в шутку, убедить жену и самого себя, что их совместное будущее в его надёжных руках, всё образуется, сладится, свыкнется, тревога за судьбу жены, оторванной от дома, от привычного уклада жизни и даже от такой вот, казалось бы, мелочи, как песня, давила на него. Ответственность за будущего ребёнка, которого вынашивала жена на чужбине, едва ли не в «походно-полевых» условиях рыбного промысла, вдали от врачей и медпунктов, рождала подсознательный комплекс вины...

– Ничего, Василиса, – уверял отец. – Всё будет хорошо. Вот родим ребёночка, обживёмся да нагреем в гости к твоим тятё с мамой!

Ни электричества, ни радио в посёлке не было. Почту доставляли раз в два-три месяца. Кинопередвижка из Зенково сюда не заезжала. О телевизоре и слыхом не слыхивали. Свободными зимними вечерами собирались в одном из домов, обычно в четырёхквартирном. При свете керосино-

вой лампы до поздней ночи резались в подкидного, азартно стучали костяшками домино.

Вечером 14 декабря сошлись у моих родителей. Играли в дурака. Уже ближе к полуночи Евдокия Кузьмовна вдруг пристально посмотрела на маму, встала, строго оглядела шумную компанию. Не прошло мимо её внимания, что мама в ходе игры то и дело трудно распрямлялась, хватаясь то за живот, то за спину. Евдокия Кузьмовна решительно сгребла со стола колоду.

– Всё. Хватит. Расходитесь! На покой пора!

Игроки отмахнулись:

– Как же – расходитесь? Только разыгрались. Не мешай нам, тётя Дуся! Успеем отоспаться!

– Никаких гвоздей! Хозяин, выпроваживай компанию! Отец в недоумении.

– Время-то ещё, можно сказать, детское.

Игроки один по одному засобирались, разошлись не попрощавшись.

– Зачем Вы их прогнали? – таранилась на тётю Дусю мама.

Старая рыбачка устала руки в бока:

– А ты не понимаешь?

– Нет...

– Рожать пора, картёжница!

– Мне – рожать? Сегодня?

– Ну, не мне же, милая! Марш в постель без разговоров!

А ты, Иван Ефимович, ставь воду на плиту...

Утром 15 декабря 1952 года родилась дочь.

Её крёстным стал Василий Сергеевич Белкин.

8. «Трудовик» – Усть-Назым

...На самом-то деле не мы выбираем место для рождения и житья, но Бог руководит нами.

Владимир Личутин. Сельский поп

Крёстным я «обзавёлся» задолго до рождения. Точнее, он избрал меня «заочно» своим крестником. Не знаю, где, когда и при каких обстоятельствах он познакомился, а затем и сдружился с моим отцом, но с осени 1952-го стал частым гостем в нашем доме. Это был председатель «кулацкого» колхоза «Трудовик», один из первых 35-ти нялинских спецпереселенцев Филимон Васильевич Толкачёв. Зимой он носился по колхозным владениям в лёгкой кошёвке, летом – в плетёном ходке на бессменной гнедой лошади. Из конторы на ферму за пять километров, с фермы – в Саньёгу за пятнадцать, а то и в Ханты-Мансийск за шестьдесят по зимнику...

Когда он возвращался в Нялино из Хантов через Трудовик, мимо никогда не проезжал. Скрип санных полозьев доносился издалека. Отцова собака с заливистым лаем рвалась с цепи...

– Филимон Васильевич пожаловал, – сообщал отец. И не ошибался. Во двор рысцой вбегала лошадь с укутанным в овчинный тулуп заиндеветшим ездоком в кошевке.

– Ставь, кума, самовар! – кричал с порога гость. – Толкачёв приехал!

Самовара не было, был чайник – он без промедления ставился на плиту.

Председатель стряхивал тулуп прямо у порога. Из кирзовой сумки выкладывал на стол замороженную до окаменелости буханку хлеба, головку репчатого лука и вечную спутницу – «белоголовую». Куда бы он ни выезжал, откуда бы ни возвращался, дорожный продуктовый «минимум» всегда при нём имелся.

– Растёт деваха-то? – кивал он на мою сестру, спящую в подвешенной к потолочной балке люльке.

– Растёт, а как же! – подтверждал отец.

– Пускай растёт помощница! – милостиво «разрешал» Филимон Васильевич. – А крестник мой? Растёт, хозяйка? – оборачивался к маме.

Мама с обозначившимся мною животом рдела от смущения:

– Тоже подрастает!

– Ну и молодец. Давай, Иван Ефимович, к столу! – гость приглашал хозяина и тяжело вздыхал: – Из Хантов еду вот, с очередной головомойки...

– С лёгким паром, Филимон Васильевич! – подтрунивал отец.

– Кабы с лёгким! – Толкачёв обхватывал красными ручищами русую головушку.

– Что, тяжела шапка Мономаха?

– У-уй, тяжела, Иван Ефимович! Уй как тяжела! Ладно, доносить бы на плечах до срока, а то ведь и головушка вместе с шапкой скатится!

Что он имел в виду при этом, отец, наверное, догадывался.

Филимон Васильевич был старше отца года на два – три, но, как и все раскулаченные, призван лишь в сорок втором. Из Омска со сборного пункта «Черёмушки» попал в Приморский край...

Чёрным выдался для крёстного 1953 год.

Ещё не умер Сталин, не арестован Берия. В январе газета «Правда» публикует сообщение об аресте группы «подлых шпионов и убийц под маской профессоров-врачей», ставивших целью путём «вредительского лечения» сократить жизнь активных деятелей Советского Союза, а с начала февраля окружная «сталинка», осудив, естественно, «террористическую группу», принимается за местного «террориста» Толкачёва:

«Дела в колхозе идут плохо. Здесь царят беспечность и бесхозяйственность, порождённые тем, что председатель колхоза тов. Толкачёв занимается систематической пьянкой. В скотных дворах грязно... Коровы грязные, перед дойкой вымя не моется, не массируется. Колхоз получил низкий надой молока – всего 730 литров на фуражную корову. Был допущен большой падёж крупного рогатого скота – 25 го-

лов... (Вот здесь бы и зависнуть перу бдительной рабкорши с тем, чтобы понять: а в чём же, право, дело? В чём причины падежа? Что думают об этом ветеринар и зоотехник? Но о причинах ни полслова. Рабкорша переходит к следующему пункту обвинения – Н.К.) Колхоз имеет свою электростанцию, но свет горит только в правлении колхоза и на квартире тов. Толкачёва» (Сталинская трибуна. – 1953, 4 февраля).

В начале марта печатается шокирующее сообщение о смерти Сталина. Кому-то вновь мерещатся подлые убийцы в образе врачей, «враги и террористы»... Но верная заявленной в начале года теме окружная «сталинка» пером другого разоблачителя в мае «пригвозждает» Толкачёва: «В прошлом году колхоз «Трудовик» не создал необходимого запаса кормов. Скот сильно потерял упитанность. Весной, когда после тёплых дней наступило резкое похолодание, пошли снег и дождь, скот находился на лугах. Пока животных сгоняли в дворы, они сильно перемерзли, а кормов и утеплённых помещений оказалось не в достатке. (Простудился, значит, скот. Но почему же утеплённых помещений оказалось не в достатке? Зимой было в достатке, а весной – нет. Куда они девались? Растаяли под солнцем, как избушки ледяные? – Н.К.). Животные начали гибнуть. За 20 дней мая пало 38 телят, более 50 овец, корова. Кроме того, из стада потерялось 10 коров и нетелей, которых колхозники не могут найти. В том вина Толкачёва и животновода Андреева» (Сталинская трибуна. – 1953, 27 мая)...

Понимал ли обличитель, под какую статью подставлял председателя? Вот и диагноз сам поставил! А что же всё-таки ветеринар? Ведь криком кричал Толкачёв при первых симптомах заболевания скота о срочной необходимости опытного ветеринара! Ветеринар приехал в Нялино в первых числах мая. Приехал и уехал на... гусиную охоту.

И лишь через неделю в колхоз удосужились командировать зоотехника и заведующего сельскохозяйственным отделом райисполкома.

В октябре всё та же «сталинка» пером очередного «недремлющего ока» доканывала крёстного: «В колхозе «Трудовик» низка трудовая дисциплина... План заготовки

кормов сорван... В августе, когда надо было усиленно заготавливать корма, большинство сенозаготовителей занимались сбором кедровых шишек, а правление артели во главе с председателем Толкачёвым не приняло мер к разгильдяям» (Сталинская трибуна. – 1953, 23 октября).

Такое действительно наблюдалось из года в год. Шишкованием издревле занималось и русское, и коренное население. Во второй половине XIX века в одной только Самаровской волости за сезон собиралось до 10 тысяч пудов ореха. Для шишкования на сходах назначалось определённое время, как правило, в последней декаде августа. В пределах владений своей общины каждый шишковал там, где хотел. Случалось, что шишковать начинали до созревания ореха, чтобы потом высвободить время для других занятий. В колхозах же шишкарки настолько увлекались заготовкой ореха, что порой забывали обо всём остальном. И не только в «Трудовике», а и во всех без исключения деревнях и сёлах Зенковского сельсовета да и во всём районе. Этот наболевший вопрос неоднократно обсуждался на исполкоме райсовета. Выносились запреты на сбор ореха до 15-го, а то и до 25 августа. Кедрачи закрепили за заготконторой райрыболовпотребсоюза, а райзаготконторе и рыбокоопам запретили заключать договоры с колхозниками, лицами, подлежащими привлечению на сельскохозяйственные работы, а также с приехавшими из других местностей...

Но если уж руку на сердце, «четвёртое око» было не столь далеко от истины. Сдаётся мне, что крёстный не рождён был председателем. У ханты-мансийского прозаика Николая Вторушина есть хорошая миниатюра «Руководитель». Суть в следующем. Избрали председателем старательного, ответственного, совестливого колхозника. Золотые руки, светлая головушка. Но приказать, потребовать, спросить, наказать нерадивых он был не в состоянии. Всё, что мог, делал сам. Собственноручно. Год проруководил. На очередном собрании колхозники единодушно голосуют за него: «Хороший председатель. От добра добра не ищут. Пусть ещё руководит» – «Не могу, товарищи, увольте!» – взмолился председатель. – «Почему? В чём дело?» – «Рученьки болят!»

В декабре «весь советский народ гневно клеймил подлых изменников Родины», требовал «сурово наказать врагов народа Берию и его сообщников»...

Крёстный от беды подальше сдал бразды правления. А вскоре в клеймившей его «сталинке» Филимон Васильевич заявил о себе как рабкоре: «В нашу сельхозартель из Реполовской МТС был привезён тракторный сенокосный агрегат. Трактор ДТ-54 к работе не подготовлен... Не в лучшем состоянии прибыли сенокосилки. У них даже не хватало некоторых частей. Правление колхоза не раз обращалось к руководству Реполовской МТС и в Самаровский райисполком с просьбой улучшить работу сенокосного агрегата, оказать колхозу помощь по вспашке зяби и подвозке кормов. Но эти просьбы остались без внимания. Из МТС за весь период весны и лета в колхозе никто не бывал, и наше требование... не выполняется» (Сталинская трибуна. – 1954, 28 августа).

Из-за недостатка необходимой техники, отсутствия самоходного флота, удалённости МТС от колхозов на многие десятки, а то и сотни километров четыре машинно-тракторные станции округа не могли своевременно обслужить все хозяйства.

– Теперь и мы покритикуем, – тряс газетой Толкачёв. – Не шибко хитро это дело!

В дальнейшем крёстный работал бригадиром полеводческой бригады, заведующим животноводческой фермой.

Не долго пришлось пожить родителям в Трудовике. Уже в сентябре 1953-го рыбный промысел был ликвидирован. Приказом начальника ОРСа Могилёва Н.И. все рыбаки с 7 сентября переводились на промысел Усть-Назым...

Усть-Назым – это не населённый пункт бывшего Назымского княжества со столицей Кошель-вош (Кошелево городище) – первого из расположенного на Иртыше в XVI веке остяцкого владения. Покорённое ермаковцами, то княжество рано лишилось самостоятельности и, как и Демьянское и княжество Бояр, превратилось в одноимённую волость Тобольского уезда.

Речь идёт о селении по правому притоку Оби – Назыму, который берёт начало на Сибирских Увалах и впадает

в Обь на 1172 километре от её устья. В реку Назым, протяжённостью 422 километра (около 300 вёрст) впадало 18 притоков. Из них наиболее значительны левосторонние: Немсуган (300 вёрст); Ит-Ях (60), Хоньжу-Ут-Яга (40); и правосторонние – Сынк (40), Тат-Югн (40), Пан-Юган (40), Кут-Юган (30 вёрст). В настоящее время некоторые из них «умерли естественной смертью» – пересохли. История Назыма своеобразна и очень любопытна. Это своего рода «Тобольская Америка», открытая и исследованная А.А. Дуниным-Горкавичем...

Вот что писала по этому поводу более столетия тому назад газета «Сибирский листок»: «Только что получены вести от самаровского лесничего А.А. Дунина-Горкавича об его экскурсиях нынешней зимой в целях исследования совершенно неизвестных нам районов северного края... Работами А.А. Дунина-Горкавича в восточной части Берёзовского уезда открывается «Тобольская Америка» – Назымский край, на карте сейчас в этом районе пустое место. На самом же деле здесь оказалось 13 населённых пунктов, масса речек, из них некоторые обитаемы... По счислению, произведённому А.А., в Назымском крае оказалось свыше 70 дельных работников-мужчин...» (1901, 18 февраля).

Дунин-Горкавич действительно обследовал бассейн Назыма с 27 января по 3 февраля 1901 года. И вот что он записал собственноручно: «...Обследовав всю заселённую часть бассейна реки Назыма, я нашёл, что на этом пространстве расположено, кроме указанных на существующей карте 5, ещё 13 (то есть всего не 13, как сообщено «Сибирским листком», а уже 18! – Н.К.) населённых пунктов, в которых проживают 42 домохозяина, составляющих 73 (а не 70) дельных работника» (Тобольский Север. Т. 1. – Там же. – С. 53).

Ответ на вопрос: почему оставались неучтёнными эти 13 населённых пунктов, следует искать в плоскости топографии. Дело в том, что на существовавших до 1901 года картах исток Назыма показывался «немного южнее 62 градусов с.ш.» (чуть выше юрт Вершинских), и, следовательно, почти всё течение этой реки с пятью населёнными пунктами находилось в пределах Тобольского уезда; в

действительности же, как установил Дунин-Горкавич, река берёт начало «севернее 63 параллели, именно из болот, расположенных между реками Амней и Помытом» (Помытом – Н.К.). Очевидно, эти 13 селений «хоронились» по берегам в среднем и верхнем течении Назыма и его многочисленным притокам в пределах Берёзовского уезда.

В нижнем течении в пределах Самаровской волости Тобольского уезда издревле жили обрусевшие к концу XIX века коренные назымские остяки-рыбаки. Из них только остяки юрт Пашкинских (лошадные) жили круглодично на одном месте, а остальные со вскрытием рек спускались к Оби и промышленяли рыбу до рекостава. И не только рыбачили. Назымские охотники, писал Дунин-Горкавич, «ежегодно добывают: белки до 9 тысяч штук, соболя до 20 шт., медведей до 3 шт., лисиц до 25 шт., росомах до 20 шт., выдр до 25 шт., лосей до 15 штук. Из птиц добывают до 6500 шт. глухарей, до 300 тетеревов, до 6000 рябчиков, до 700 штук уток» (Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 216). И при этом сетовали на «оскудение зверя» вследствие лесных пожаров...

Раньше владения назымских остяков простирались далеко на север, выше по Назыму. Севернее же рек Ев-Юган и Тор-Соима проживали кочующие самоеды. В самом начале XIX века в среднем и верхнем течении Назыма в пределах Берёзовского уезда поселились выходцы с реки Казым, состоявшие в ведении Казымской инородческой управы. Известна даже фамилия первого казымского «оккупанта»: Хоров из юрт Ильбигорских примерно в 1800 году попросил у остяков юрт Вершинских разрешения поселиться на месте бывших юрт Тор-Соимских. Вершинцы разрешили. Хоров поселился. За ним потянулись другие казымцы. Они не только рыбачили, но и держали оленей. Зимой, по наблюдениям Дунина-Горкавича, они проживали на одних и тех же местах от 10 до 15 лет, а по мере оскудения корма юрты переносились на новое место. Мало-помалу хоровские земляки захватили не только остяцкие, но и северные самоедские земли, вынудив последних откочевать на восток. Захват «священных» угодий назымских остяков бесцеремонными казымцами продолжался вплоть до XX столе-

тия. «Казымцы, заселяющие бассейн р. Казыма и среднего течения р. Назыма, резко выделяются среди остяков по своей жизнеспособности. Это – народ физически крепкий, трудолюбивый и трезвый. Сравнительно с другими остяками, они мало восприимчивы к русской культуре, но зато весьма и нетребовательны., – отмечал Дунин-Горкавич. – ...Замечательно подходят по типу к русским. Люди с усами среди них не редкость и есть даже бородатые. Как и все остальные казымцы, они носят и косы. Табаку они не курят, но лишь нюхают, и редкие из них кладут табак за губу. Живут они в бревенчатых 8 и 9-аршинных юртах с полом, но без потолка, покрытых тёсом, а сверху дёрном. Встречаются юрты с тёсаными стенами и со стеклянными рамами в окнах вместо льдин. Хлеб пекут кислый, по-русски...» (Тобольский Север. Т. 1. – Там же. – С. 84, 86).

К концу XIX века в 13 населённых пунктах Назыма насчитывалось 296 оленей (по 7 на хозяйство). Это много для Самаровской волости, но незначительно для округа (у манси по Северной Сосьве оленей в то время насчитывалось 1112 голов – в среднем по 20 на двор). После революции же оленеводством в районе занимались только ненцы и казымские ханты в верховья Назыма. Вёрст на 15 выше юрт Пашкинских по Назыму располагались и юрты Чучелинские, остяцкое население которых где-то в 1880-х годах переселилось на Старую Обь. В глухомани Назыма до революции и в первые годы советской власти наибольшие в районе доходы приносил охотничий промысел.

В октябре 1926-го в юртах Пашкинских был образован Назымский туземный совет, в состав которого вошло 130 хозяйств общей численностью 524 человека. На территории туземного Совета располагались русские и многочисленные хантыйские стойбища и посёлки – Малый Вар, Сын-Вар, Большой Вар, Вершина, Терёшки, Нариманово и другие. Русских по Назыму в 1926-1927 годах проживало менее 20%, и в основном в юртах Пашкинских и Вершинских, а в открытых Дуниным-Горкавичем поселениях их вообще не было. В 1928-м тузсовет был расформирован, в 1931-м преобразован в Назымский сельсовет. В 1930-х здесь благодаря

усилиям Советов появились первые участковые больницы, школы, клубы – «красные чумы». В селении Большой Вар в 1932-м организовали первый колхоз под председательством неграмотных ханты Аликова Данила Михайловича и сменившего его затем Харанзеева Кирилла Николаевича. В том же году в Вершине начались занятия в туземной школе первой ступени. Не только рыбой, пушниной, оленями был богат Назым. В 1933 году работавшая здесь экспедиция Уралсеверпути обнаружила нетронутые и донныне значительные запасы бурого и ископаемого угля (сапропелитов).

В соответствии с постановлением «Об укрупнении мелких колхозов» от 30 мая 1950 года в верховьях и в среднем течении Назыма постепенно ликвидировались все колхозы и промыслы. Но именно здесь в советские времена насчитывалось самое большое в округе количество кочующих хантыйских и ненецких семей, хотя, по официальным данным, в 1953-м на осёдлый образ жизни было переведено 1471 из 1773 аборигенных хозяйств округа. К 1959 году Кышик остался единственным населённым пунктом Назымского сельсовета. В селе, расположенном на левом берегу в нижнем течении Назыма, впервые упомянутом в исторической литературе в 1816 году, появилось множество временных избышек и землянок перебравшихся сюда из разорённых стойбищ и посёлков хантов. В одном из стойбищ неподалёку от Кышика донныне живут потомки бывшего нахрапистого казымца Хорова...

Рыбпромыслы Усть-Назым, Послон (ныне – территория Октябрьского района), как и Трудовик, относились к «ведомству Кашубы», то есть к областному УРСу. К месту будет сказано: в Послоне (вблизи Горнореченска) начальником рыбпромысла работал известный в районе рыбак – участник войны, трижды раненый Филипп Романович Шатов. Его отец Роман Шатов ещё до революции врачевал в Ларьякской инородческой управе и, как утверждал Дунин-Горкавич, «удачно лечил оленей карболкой». В дальнейшем и сыновья Филиппа Романовича – Геннадий и Василий, уроженцы юрт Нялинских, пошли по отцовым стопам. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени Ген-

надий Филиппович руководил Горнореченским рыбоучастком Октябрьского рыбозавода, а Валерий Филиппович с семнадцати лет работал на Октябрьском рыбозаводе, был бригадиром рыболовецкой бригады, старшим мастером Горнореченского рыболовецкого участка. Он стал единственным в Югре профессиональным рыбаком, отмеченным тремя орденами: «Знак Почёта», Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции...

Но вернёмся в «Трудовик». Зимой промысловики числились уже усть-назымцами. Стройматериалы, сети, невода, а также «гребной флот» (неводники) были переданы заведующему Усть-Назымским промыслом Сергею Е.М. Отца из продавцов перевели в кладовщики. От предшественника Сергиенко М.Ф. он принял соль, два оставленных звену неводника, лошадей и сбрую. Имевшуюся рыбу отгрузил в Самарово. За торговлю в магазине ему отныне полагалось по 9 рублей с тысячи товарооборота. Но так как с сентября не стало «оборота», не стало и зарплаты. В сокрытие фактической безработицы всем рыбакам и рабочим, в том числе и маме, предоставили отпуска со 2 по 15 декабря 1953-го.

А 13-го родился я...

Меня, как и сестру, приняла Евдокия Кузьмовна Хохлова. Но если с рождением дочери у родителей особых проблем не возникло, то со мной помучились. Я почему-то долго упирался и вышел из утробы транзитом на тот свет. Родился почти мёртвым. «Уже и не дышал...»

Перепуганный отец нахлобучил шапку, набросил полушубок, запряг коня и – в Нялино. Когда же с фельдшерницей Васильевой, бледный от волнения, переступил порог, я приветствовал их криком...

Отправление моё с пункта «Трудовик» к месту прямого назначения к Богу в рай отменила Евдокия Кузьмовна. Уж как она, бывалая, исхитрилась убедить меня в необходимости задержки на промежуточном этапе вот уже на пятьдесят с лишним лет, останется загадкой. Но факт есть факт: я жив. И благодарен бабе Дусе. Царство ей небесное!

«Родился в посёлке Нялино Ханты-Мансийского района Тюменской области», – такая запись сделана в моём

паспорте и других официальных документах. С такого утверждения обычно начинаются мои автобиографии и биографические справки. Да и на устные расспросы о местонахождении своей малой Родины я называю не подсобное хозяйство «Трудовик» (кто его помнит?), а ничтоже сумняшеся – посёлок Нялино... Ни к чему теперь возражать против паспортной записи. Тем более «Трудовик» был «в двух шагах» от Нялино...

Другая «ошибочка» автора первой сельсоветской записи, перекочевавшей в неизменном виде через все последующие паспорта и документы в «паспортину» нового образца, заключается в том, что Ханты-Мансийский район вплоть до 1965-го назывался Самаровским. Мелочь, конечно, но коли уж взялся за работу над ошибками, выполняю её добросовестно. С учётом изложенных замечаний запись о точном месте моего рождения должна быть выполнена в следующей редакции: родился в подсобном хозяйстве «Трудовик» ОРСа Ханты-Мансийского леспромхоза (рыбпромысел, напомним, уже был ликвидирован) Самаровского района Ханты-Мансийского округа Тюменской области...

И ещё об одной серьёзной и распространённой, с моего молчаливого позволения, неточности. Я рождён не 1 января 1954-го, как записано в паспорте, а 13 декабря 1953-го. Всех обстоятельств, проливающих свет на истинные причины сокрытия от родимого государства факта моего семнадцатисуточного нелегального пребывания на белом свете, я, разумеется, знать не могу. Но с маминых слов, причинами явились отдалённость Трудовика от тогдашнего Зенковского сельсовета и вменённый мне с рождения Законом о всеобщей воинской обязанности долг потенциального защитника Отечества. Выехать из Трудовика в Зенково по зимнику в лютые декабрьские морозы 1953-го (накануне Дня зимнего Николая – не случайно Николаем нарекли), чтобы своевременно выписать мне «метрики», отец сразу не смог. А после Нового года в Трудовике оказался кто-то из уполномоченных (или – депутатов?) Зенковского сельсовета. Мама как-то называла даже и фамилию – Баженов. Будучи в приятельских отношениях с отцом, он и посоветовал:

– Парень у тебя, Иван Ефимович. Пусть он будет у тебя новогодним сюрпризом. Запиши на первое. – Ему в армии служить. Украдём полмесяца – годом позже призовут. Как думаешь, есть разница?

Отец подумал и решил, что разница существенна.

Итак, я рождён в год смерти великого кормчего и первых признаков политической оттепели.

В месяц вынесения смертного приговора «вышедшему из доверия» Лаврентию Павловичу Берия и смелого заявления советского правительства по поводу выступления президента США Эйзенхауэра в Генеральной Ассамблее ООН с речью, посвящённой вопросам об атомном вооружении.

Спустя два с половиной месяца с «открытия века» – мощного газонефтяного фонтана из Берёзовской скважины № 24.

Эти эпохальные события, никоим образом не взаимосвязанные и не взаимообусловленные, тем не менее обозначили крутой вираж развития российской истории и определили дальнейшую судьбу моей малой Родины...

Ещё весной 1953-го «сбились» на корову. Отцу пришлось продать гармонь, а на вырученные деньги прикупить и швейную машинку.

– На корову-то сбились, – рассказывала мама. – Надо сено косить, а отец, оказывается, литовки в руках не держал. Не приучил Ефим Васильевич. Кузнечному делу обучил, а крестьянскому не подумал. Вот вышли мы с отцом на луговину. А трава кругом, хоть с крыльца коси. Я Люду отцу в руки, сама за литовку, показываю, как держать, как на замах развернуться, как на прокос переступить. Он смотрит, кивает, вроде, всё понятно, а возьмётся за косу – нет, не получается. То в землю воткнёт, то макушки срежет, то траву примнёт... Я с ним и так, и так. Вот Люду под кустик. Литовку ему в руки, сзади обхватила, веду, показываю, как с косой управляться. Бабы увидели, хохочут: «Глядите, глядите, продавщица продавца окарячила! Баба мужика косить учит!»

Долго мы с ним мучились. Научился. А куда деваться? А потом он «трудоличкам» отомстил. Не знаю, почему, но в Трудовике не было конной сенокосилки. Местные рыбаки её, похоже, никогда и не видывали. Приезжавшие на покос из Хантов рабочие хоздвора тоже косили вручную. А накосить немало надо было. Отец и попросил привезти сенокосилку.

«А кто у вас косить-то будет?»

«С женою и накосим!»

«Ладно, ловим на слове!»

Первой самоходкой завезли сенокосилку.

Вечер-другой мы с нею провозились, настроили-наладили. Впрягли, выехали. Стрёкот пошёл по луговине!

«Трудолички» смотрели-смотрели и зашептались.

«Это что же получается? Продавец с продавщицей на пару с покосом управятся? Все денежки возьмут. А мы тогда на что тут? Ведь нас же, бабы, всех посокращают!»

«Конечно, всех посократят! – подначивал отец. – На что вы нам нужны тут? Мы с Василиской тут вдвоём за всех управимся!»

«Какой ты шибко умный! Они вдвоём за всех управятся! А нам на что жить семьями?»

«Как на что? Рыбалкой!»

«Порыбачил бы, да рыбаков вот-вот, однако, тоже пометут!»

Отец утешил-успокоил:

«Не беспокойтесь, женщины. Всем работы хватит. Грести, копнить, метать – это ваше дело. А косилка – это ведь не человек – железка. Сегодня она косит, а завтра заартачилась – сломалась. Чего с косилки взять? Ей ведь не прикажешь. Правда?»

«Как не правда – правда! – заулыбались женщины. – Шибко-то не уговаривай, если заартачится!..»

Разбоев, грабежей и краж в Трудовике не знали. Бывало, отправлялись на «пески» на сутки-двое-трое, оставив двери настезь или «под поленом». И были уверены в том, что ни свой, ни проезжий чужого не возьмёт. Вероятно, это перешло от ханты. Их чумы и лабазы не знали запоров.

Но «пустожил и пройдоха» шёл в Сибирь не только в XIX веке. Немало искателей лёгкой наживы и авантюристов пришло в леспромхозы в послевоенную пору...

Выручку, какая б ни была, сдавать своевременно было негде и некому. Ни почты, ни сберкассы. Ни в Трудовике, ни в Нялино. Отец приспособил под «сейф» большой фанерный чемодан с крышкой под двумя замками. «Сейф» хранился под кроватью. А зимой в нашем доме останавливались возчики ОРСовского конного обоза. Как обычно, для «сугреву» и с устатку гости крепко выпили, с часок покоголтились и расположились на полу на полушубках да тулупах. А был с ними «пассажир» – рабочий из Саньёги. Обозники должны были доставить его в город. Утром, напоив гостей горячим чаем, уже было попрощавшись с каждым об руку, отец увидел на полу возле кровати мятую рублёвку. Он выдвинул свой «сейф» и... похолодел. Чемодан открыт, в чемодане – пусто. Ни купюры...

Не проронив ни слова, вышел на крыльцо. Обозники готовились к отъезду. Прекрасно зная каждого из них, отец отозвал в сторонку старшего...

Выслушав, тот втоптал окуроч в снег.

– Все сюда! – скомандовал. – Ко мне!

Один по одному подтянулись возчики.

Старший поглядел каждому в глаза.

– Признавайтесь, кто?

– Ты чего, старшой?! – возмутился было кто-то, но тут же и осекся...

«Пассажир» попятился и рухнул на колени.

– Братцы, согрешил! Простите меня, гада!

«Братцы» подхватили «грешника» под руки.

– Где, сука, деньги? – впился взглядом старший. –

Вынь!

С испугу «пассажир» скулил одно и то же:

– Бес меня попутал! Бес! Бес! Бес!

Расстегнув ремень на поясе, стацив с ног валенки, «пассажира» буквально вытряхнули на морозе из штанов. Из брюк посыпались мятые рублёвки, трёшки и десятки...

Выскочила мама.

– Что здесь происходит? – увидев деньги на снегу, чуть было не лишилась чувств... – Иван, что это?

– Собери, – скомандовал отец. – Потом всё объясню.

Незадачливый грабитель слёзно умолял:

– Иван Ефимович, прости! Не ведал, что творил!

– Ах, он не ве-е-едал, гнида! – короткий удар старшего обозника сбил с ног «грешника». – Не ведал, что у продавца двое детей? Ты их хотел осиротить? Тебя как человека обогрели, накормили, уложили на ночь!

– Пьяный был. Не помню. Бес меня толкнул! Бес! Бес! Бес!

– Поднимайся, бес, да влезай в штаны, а то убирать за тобою придётся, – сказал, поморщившись, отец. – И чтоб никогда я тебя больше не видел! – и попросил обозников. – Не трогайте его, не сдавайте «дядиным ребятам». Он сам себя хорошо наказал!

...В апреле 1955-го в той же Саньёге будет обнаружена первая кража со взломом замка в магазине...

К весне 1954-го часть рыбаков Трудовика переехала в Усть-Назым.

Но и там их вскоре застала реорганизация.

Если в 1950-м на рыбных промыслах округа работало около полусотни единиц моторного флота, то в 1954-м – 153. У рыбаков появились неводовыборочные машины, капроновые сети. Добыча рыбы механизированным способом во второй половине 1950-х удвоилась. Отпала, по-видимому, необходимость в мелких рыболовецких артелях. В целях ликвидации убыточности промысла было решено оставить в Усть-Назыме с 1 октября 1955-го лишь одно звено, а выловленную рыбу сдавать не в солёном (а посол был грубым, некачественным, называемым почему-то «японским»), а в свежем виде на приёмный пункт Усть-Иртышского рыбозавода. Отпала необходимость в заведующем складе, мотористе, засольщиках. Заведующего промыслом Калганова Михаила Иосифовича перевели начальником

отделения Дальнего Массива и Усть-Бобровки, звеньевым в Усть-Назым назначили кого-то из Трудовика. Самого же Усть-Назыма не стало в 1968 году...

В марте взяла окончательный расчёт по «семейным обстоятельствам» мама. Ей с четырнадцатимесячной дочкой и трёхмесячным мною на руках было уже не до выпечки хлеба. Да и не для кого стало выпекать – Трудовик обезлюдел.

Отцу подыскивали новое место работы. Вероятно, в ОРСе ему предложили Белогорье, и он дал согласие. Был даже издан приказ № 42 за подписью заместителя начальника П.Д. Чередова: «Коняева И.Е. с 10.04.54 года назначить рабочим Белогорского торгпункта». Однако в ходе передачи базы обнаружилось размороженное в ящиках шампанское...

В январе 1954-го отец был командирован в Скрипуново и Чучели. Ему и прежде доводилось выезжать на недельку-полторы для сопровождения товаров с перевалочной базы по торговым точкам, для закупки мяса и скота. Обычно во избежание разморозки в неотапливаемом в его отсутствие магазине он развозил вина и компоты на сохранение домой и по соседям. Причём без всяких расписок и прочих формальностей. Никто никогда не подводил. И на этот раз завёз вино домой и к тётке Дусе Хохловой. Но в спешке, вероятно, забыл про остаток завезённого под Новый год шампанского. Стоимость замёрзшего «советского игристого» вменили в недостачу. Дебют в торговле явно не удался. Пришлось продать корову...

В апреле отец передал базу. Склад, он же – перевалочная база долгое время переходил из рук в руки. Сначала им заведовал кладовщик из Усть-Назыма, но совместительство на отдалённых друг от друга объектах на практике оказалось делом невозможным. Затем, сменяясь буквально через каждые два-три месяца, через базу прошли едва ли не все высвобожденные в результате сокращений рыбаки. Ни один не зацепился, хотя исполнялись уже более охранные, нежели учётные функции. И, наконец, сей важный объект взяла под свой неусыпный надзор тётка Дуся Хохлова, а на-

езжавшие время от времени из Ханты-Мансийска ОРСовские экспедиторы и товароведы в её обязательном присутствии осуществляли приём и отгрузку товаров в Майку и Пыррях.

Рыбпромысел стал заурядным подсобным хозяйством ОРСа леспромхоза, летней заимкой для выпаса лошадей и заготовки сена. Позже здесь был оборудован свинарник, завезено 50 свиней. Тётя Дуся осталась подсобной рабочей «с вменением обязанностей охраны Трудовика», где и прожила – не знаю уж, благополучно или нет, – до конца 1960-х.

А наша семья из четырёх человек в мае 1954-го переехала в посёлок Нялино.

9. Нялино послевоенное

*Эх ты, Нялинский посёлок
Над Протокою-рекой,
Ты стоишь такой весёлый
И приветливый такой!*

Из песни самодельных авторов

Со смертью Сталина и расстрела Берии вечная, казалось бы, мерзлота политического климата в одночасье не сменилась «оттепелью», но дала существенную проталину. «Оттепель» 1956-го ещё только вызревала в головах кремлёвских обитателей, но во исполнение постановления «О серьёзных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» в марте 1954-го упразднили спецкомендатуры, в августе всех бывших кулаков сняли с учёта спецпоселений, а с января следующего года из перечня контингентов состоящих на учёте в 4-м спецотделе МВД СССР контингент «бывшие кулаки» был исключён. Почти вдвое сократилось и количество этнических ссыльных. Если в 1950-м их насчитывалось в округе 14360, то в 1955-м оставалось 7620 человек, в основном калмыки, немцы, украинцы...

В 1953-м были повышены закупочные цены на сельхозпродукцию, снижены нормы сдачи в порядке госпоставок мяса, молока, яиц, шерсти, списана задолженность перед государством за прошлые годы. Выросли и доходы колхозников. В районе появился свой колхоз-миллионер имени Чкалова с неделимым уставным фондом два миллиона рублей, получивший в 1953-м миллион сто тысяч дохода. Людей не могло не радовать и постановление о новом снижении цен на промышленные и продовольственные товары 1954-го, и решение о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим 1956-го. Постаревшие в ссылке «кулаки» и прочие «социально опасные элементы», их возмужавшие дети, а то уже и внуки, для которых место ссылки родителей стало малой родиной, вынашивали надежды на дальнейшие перемены...

Люди стали что-то реально получать на трудодни, появился серьёзный стимул. В «Трудовике» стахановцем колхозного движения по праву считался Иван Васильевич Крымов, за год заработавший 1219 трудодней и получивший 3660 рублей, шесть центнеров ржи и пшеницы, пять килограммов шерсти и восемь тонн сена...

«В Нялинском сельмаге – оживление, – писал в районной газете продавец Липатий Левинзон. – Члены сельскохозяйственной артели «Трудовик» получили деньги на трудодни и приобретают ценные вещи: радиоприёмники, часы, костюмы, пальто, шерстяные и шёлковые ткани... Продано дамское бостоновое пальто. Не так давно магазин продавал по 3-4 радиоприёмника за год. Теперь за один день продано 5. Только за два дня продано товаров более чем на 70 тысяч рублей» (Знамя коммунизма. – 1956, 16 февраля).

В 1953-1956 годах наметилась тенденция к увеличению рождаемости. В ноябре 1954-го колхозница «Трудовика» Кулебакина Клавдия Степановна была награждена медалью Материнства II степени, а Долгушина Анастасия Ивановна и Потапова Мария Михайловна – медалями Материнства I степени... Заметим: и Долгушина, и Потапова – были из спецпереселенческих семей. Нялинцы уже не желали довольствоваться малым, запросы возрастали, подтверждая известное изречение: не хлебом единым... Дни, в которые демонстрировались кинокартины, становились настоящими праздниками не только для детворы, но и для измочаленных за день тяжёлой работой рыбаков, лесорубов и земледельцев. Правда, таких праздников в течение 1952 года выдалось всего... два. В 1953-м была построена новая школа.

Уже не устраивала и работа почты. Многие стали выписывать газеты, журналы, ждали писем с «исторической» родины, но, к примеру, летом 1954-го почту получили всего 4 раза да и то с оказией. В газету «Сталинская трибуна» посыпались жалобы нялинцев на окружной отдел кинофикации, Зенковскую почту и своего нерадивого почтальона, который-де «по пьянке почту, наверное, просто не довозит». В 1953-м открылась сельская библиотека, книжный

фонд которой через три года составил 2600 томов. В новом клубе юрт Нялинских нередко читал лекции завуч детдома Афанасий Кирсантьевич Баев, а в декабре 1955-го жители посёлка по предложению директора детдома Виктора Прокопьевича Конева вышли в райисполком с инициативой строительства собственного почтового отделения и открытия отделения сберкассы. Почтовое отделение и радиоузел открылись в 1957-м. Уроженка посёлка Калиничева Галина Фёдоровна в своих воспоминаниях о Нялино 1950-х особо подчёркивала: «А как чисто было в деревне и за ней! Вдоль домов с обеих сторон улицы – жердяные тротуары. Возле каждого дома палисадники, а в них обязательно черёмуха или рябина, кое у кого росла и калина. Деревня была обнесена поскотиной (изгородью из жердей), а за поскотиной – поля... Поля были тоже обнесены поскотиной и, чтобы попасть в лес, нужно было пройти через ворота, и никто никогда не оставлял их открытыми» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 91).

В год переезда нашей семьи в Нялино в сельскохозяйственной артели «Трудовик» председательствовал Феофан Кирьянович Николаев. После окончания шестимесячных курсов в Красноярском лесотехническом институте он по решению бюро горкома партии был направлен на место моего крёстного. (В 1981–1982 годах мне довелось поработать с Феофаном Кирьяновичем в ОРСе объединения «Ханты-Мансийсклес».) Я был в должности помощника начальника по кадрам, а Феофан Кирьянович (ровесник моего отца – с 1921 года рождения), будучи уже пенсионером, работал то ли в бухгалтерии, то ли в плановом отделе.

Удивительнейшая личность! Из большой, в восемнадцать человек, семьи сельского священника, раскулаченной в 1930-м и доставленной из Челябинской области в село Троицу Самаровского района. В Троице семью разделили: одних направили на лесозаготовки в Усть-Назым, других – на строительство посёлка Луговского. В 1933-м в Луговском свирепствовал брюшной тиф. Большая часть семьи вымерла. Остались в живых Феофан, его мать, брат со снохой и племянница Миля. Ещё в 1932 году в Луговском

открылась школа, но Феофана как переростка не хотели принимать – тогда мать с отцом убавили ему возраст, записав с 1924 года. А в декабре 1938-го угораздило парня попасть из рогатки в портрет Сталина. Легко отделался – всего лишь исключили из школы и отправили на лесозаготовки в Доброино. В феврале 17-летний подросток, едва живой от непосильной работы и недоедания (норму не выполнял, а потому паёк урезали), сбежал домой. Мать отправилась на поклон к директору, уговорила-таки вернуть сына в школу. Окончив 7 классов, начитанный паренёк (а читал запоем), хотел было продолжить учёбу, но сыну раскулаченных этого не позволили. Опять сбежал. В Троице сел на пароход «Гусихин», спрятался в дровах и 9 суток голодным плыл до Омска. В Омске в связи с началом Финской войны эшелоны были переполнены. Чудом вскочил на подножку уходящего поезда. На крыше вагона доехал до Челябинска. Там поступил в ФЗУ на слесаря-лекальщика. В августе 1941-го был призван в армию. Вскоре выпускника Тюменского пехотного училища в звании младшего лейтенанта направили в 160-ю Брестскую Краснознамённую дивизию. В апреле 1944-го получил ранение, после госпиталя вновь отправили на фронт. Прошёл Брест, Варшаву, Торунь, Данциг, Сопот, Штеттин, Ворин, форсировал Одер, Вислу, дошёл до Эльбы. Награждён орденом Красной Звезды, двумя орденами Великой Отечественной I и II степени. Демобилизовался в июле 1947-го. Вернулся в Челябинск. Но кто-то из «бдительных» донёс, что демобилизованный фронтовик – из семьи ссыльных. Вызвали на партбюро, объявили строгий выговор и обязали вернуться к месту ссылки... В мае 1950-го вернулся на «вторую родину» – в Луговское, поступил учеником токаря на Белогорский лесозавод...

При Николаеве в Нялино впервые приступили к посадке картофеля квадратно-гнездовым способом. В июле впервые же было применено механизированное сенокосение. Только в труднопроходимых для трактора местах сено скашивалось конными сенокосилками или даже вручную. Правда, уже на следующее лето «агрегат» сломался, запчастей не было, колхозники не могли отремонтировать

самостоятельно, а механик МТС в Нялино не показывался (повторялась ситуация с зоотехником во времена неудачного председательства моего крёстного). В 1954 году МТС могли обслуживать всего 39 из 145 имевшихся в округе колхозов. И только в 1958-м МТСы реорганизовали в ремонтно-технические станции (РТС), а всю технику продали колхозам в рассрочку на 3-5 лет. Зато полеводческая бригада Толкачёва в том году первой в районе завершила сев зерновых: вместо 91 засеяла 102 гектара и в срок приступила к посадке картофеля...

Уважали нялинцы и зоотехника Прокопьеву Евгению Фёдоровну. С выходом в 1953-м постановления о переводе агрономов и зоотехников из штатов машинно-тракторных станций в колхозы она первой из специалистов Реполовской МТС переехала в Нялино. Вскоре энергичная, умная, волевая женщина была избрана секретарём партийной организации колхоза.

Воздавали должное и Анне Иосифовне Драйц, работавшей чабаном с 1952-го и получившей в 1957-м 120 ягнят от 100 овцематок...

Учительницей начальных классов и по совместительству воспитателем в детдоме начинала работать Юрова Евгения Яковлевна – ныне жительница Нижневартовска, чей педагогический стаж в одной только нялинской школе составляет 33 года.

Ценили в посёлке уроженца села Тугалово Уватского района, фронтовика Георгия Викторовича Пинегина. Демобилизованный из армии в сентябре 1946-го, высокий, спортивного сложения, справедливый, принципиальный, он 22 года проработал преподавателем физкультуры и военного дела в Нялино и Луговском. Избирался председателем сельсовета, внештатным участковым милиционером.

В 1955-м из Конёвской семилетки в Нялинскую была переведена выпускница Ханты-Мансийского педучилища 20-летняя учительница начальных классов комсомолка Рая Косполова (Ядрошникова): «Я была и учитель труда, и учитель пения, преподавала рисование (хоть рисовать не умею), черчение, ботанику, зоологию. Да ещё была пионер-

вожатой! Плюс ко всему поступила на заочное отделение в Тобольский пединститут. Год отучилась там и начала давать уроки русского языка и литературы, а от тех предметов потихоньку освобождаться» (И. Тарабаева. Соль морской земли. Тюменские известия. – 2004, 13 марта).

В Нялино Раиса познакомилась со своим будущим мужем Геннадием Ядрошниковым, с которым после и переехали в Ханты-Мансийск. Кто бы мог подумать тогда, что в 1970-м их неунывающая учительница-активистка, дочь кондинского хантыйского рыбака и охотника Николая Прохоровича и русской крестьянки Пелагеи Андреевны будет на четыре года избрана депутатом Верховного Совета СССР по Ханты-Мансийскому национальному округу! «Отличник народного просвещения», она до последних дней работала в обкоме профсоюзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, возглавляла в Тюмени клуб ветеранов педагогического труда «Наш сентябрь» при землячестве «Югра».

Мама рассказывала: в Нялино я заболел желтухой, и «спасал» меня фельдшер Ябров. Вероятно, это «спасание» и в конечном итоге спасение послужило поводом к зарождению кратковременной, но крепкой дружбы между Николаем Степановичем и моим отцом, несмотря на абсолютную разность их характеров, образа и опыта жизни. Собирая материал об отце, я установил одну прочную закономерность: в друзьях у него были только такие же, как он сам, фронтовики. Единственным, пожалуй, исключением стал Ябров. Он был младше отца лет на шесть-семь, высок, строен, силён, спортивен, крутолоб, кучеряв, белокур, синеглаз... В 1953-м Николай Степанович был назначен заведующим Нялинской больницей и проработал в этой должности без малого двадцать лет. Нынешний главный врач Нялинской амбулатории Сергей Владимирович Джамбинов не перестаёт восхищаться этим человеком. Ябров всегда шёл в ногу со временем, особо следил за новинками в области медицины. На собственные деньги при фельдшерской зарплате в 100 рублей мог купить лабораторное оборудование

стоимостью 500 рублей, чтобы самостоятельно делать анализы. Страстный книголюб, поклонник астрономии (выстроил во дворе вышку высотой около 20 метров с тремя ограждёнными площадками и вёл оттуда наблюдения из полевого бинокля), спортсмен, по утверждению В.Д. Конева, он был активным лектором и общественником. Перед началом каждого киносеанса читал в клубе лекции о здоровом образе жизни или о правилах поведения при ядерном взрыве. Сам возил тяжелобольных к вертолётной площадке, оборудованной на сопке. Собственноручно заготавливал дрова для больницы, потому что нанять за мизерную зарплату было некого...

Если бы Шукшину в своё время довелось познакомиться с Ябровым, представляю, какой рассказ, а то и повесть о нялинском «чудике» не преминул бы он создать! А среди земляков Николай Степанович, подозреваю, слыл именно чудиком. Какому серьёзному, семейному человеку придёт в голову сумасбродная идея прорыть канал, соединивший бы Нялинскую протоку с сором? Прорыть не экскаватором – лопатой. Ябров прорыл. Вручную с помощью сыновей прокопал канал метровой глубины протяжённостью около 15 метров, чтобы люди, не затрачивая времени на трёхкилометровый объезд, могли из протоки выехать на сор, а оттуда напрямую в Обь. Ныне этот канал называется проливом Яброва...

Старожилы рассказывают, что в период чтения лекций о противоатомной защите Николай Степанович, призывавший к устройству в населённых пунктах бомбоубежищ, доказывал серьёзность своих доводов личным примером – в подвале собственного дома оборудовал бомбоубежище с ходами-сообщениями с картофельной ямой и дровяником.

Только чудик мог в одиночку посадить в посёлке берёзовую рощу...

И, возможно, он – единственный в России чудик, чьё имя присвоено переулку, в котором находится ныне амбулатория...

Когда между родителями случались минутные размолвки, отец, дабы «нормализовать обстановку», выходил во

двор по каким-нибудь «неотложным» делам, а, возвратясь, приоткрывал дверь и из-за порога тоном напроказившего мальчугана спрашивал:

– Липа, узе мозьно?

И, обезоруженная тоном вопроса, мама, в каком бы запале ещё минуту назад ни находилась, сию минуту «разряжалась»:

– Мозьно, мозьно! Проходи!

Непринуждённо и легко происходило примирение.

Мы догадывались, что между родителями идёт какая-то понятная только им двоим игра, но в чём заключался её примирительный эффект, естественно, не понимали.

Оказывается, в те годы, когда наш отец торговал в Трудовике, продавцом в посёлке Нялино работал молодой еврей Липатий, а помогал ему отец Григорий Левинзон. Вероятно, эта еврейская семья тоже не по доброй воле прибыла на край света. Старший Левинзон был то ли жуликоват, то ли не силён в счёте. Случалось, дело прошлое, он начинал уж слишком откровенно «ошибаться» в свою пользу на глазах стеснительного сына. Липатий Григорьевич в сердцах прогонял родителя в подсобку. Отец какое-то время тихо, как мышь, сидел в ожидании смены сыновнего гнева на милость, затем высовывался из-за двери и вкрадчиво спрашивал:

– Липа, узе мозьно?

Пусть не в обиде будут на меня потомки Левинзонов! Сын продавца из Трудовика имеет право вспомнить «вслух» о сыне продавца из Нялино. Тем более известно: советский продавец – профессия не очень благодарная. Утром ставили в пример за высокую культуру обслуживания, выполнение плана товарооборота, а вечером объявляли выговор за обнаруженную вдруг недостачу или, того хуже, отдавали под суд за растрату...

Не минула сия участь и Левинзонов. «Уважением среди населения п. Нялино пользуется продавец Липатий Григорьевич Левинзон», – писал в районную газету один из благодарных покупателей (Знамя коммунизма. – 1956, 2 декабря).

Мама тоже вспоминала о Липатии светло:

– Обходительный, внимательный был Липа... Когда я Шуру с Витей родила, приду, бывало, в магазин за хлебом, стану в очередь, а он меня увидит, подзовёт... Бабы возмущаться: «Почему без очереди?» – «Тихо, – скажет Липа, – не шумите, у ей дома четверо ребят!»

Старый добрый еврей Григорий Левинзон тихо умер в Нялино. Сын же Липатий Григорьевич в 1960-х стремительно пошёл в рост – от продавца магазина в посёлке «кулаков» до заведующего торговым отделом в Ханты-Мансийске и далее, как в песне, «всё выше, и выше, и выше...»

– Большой шишкой стал наш Липа! – рассказывал нялинский старожил Александр Иванович Юров. – Он года три тому назад навещался в Нялино. В сопровождении эскорта. Отцову могилку смотрел. Пожилой, седой, но в силе... Большо-ой был туз! Козырный! Правда, год назад прошёл слухок: в Тюмени Липу застрелили...

На том бы и поставить точку. Но любопытство взяло верх: как сложились судьбы левинзоновых отпрысков?

Вспомнил: на Ямале был какой-то Левинзон. Родственник или однофамилец? Призвал на помощь интернет: «Левинзон Иосиф Липатьевич. Родился 9 мая 1956 года в посёлке Нялино Ханты-Мансийского района...»

Неисповедимы пути Господни!

Иосиф Липатьевич в 1978 году окончил Тюменский индустриальный институт. Работал в Уренгойской нефтегазоразведочной экспедиции инженером-геологом, главным геологом, начальником геологического отдела, начальником экспедиции. С 1987 по 1996 год возглавлял объединение «Пурнефтегазгеология». С 1996 по 2000-й был заместителем, затем первым заместителем губернатора Ямала Юрия Неёлова. С 2000-го по настоящее время – вице-губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа. В марте 2003-го вошёл в Совет директоров ОАО «НОВАТЭК». Кандидат геолого-минералогических наук, кавалер орденов «Знак Почёта», «Дружбы народов». Заслуженный геолог России...

Головокружительная карьера!

Мечталось ли когда-нибудь старому Григорию Левинзону о заоблачных высотах любимого внука? И во сне не

виделось. Не туз козырный – тузик Липа Левинзон перед отпрыском Иосифом...

Партия и правительство не только поощряли переезд в колхозы агрономов и зоотехников, но и требовали от них значительного увеличения производства зерна за счёт освоения целинных и залежных земель. И – обязательного выполнения плана лесозаготовок. В зимние сезоны на лесозаготовки в Саньёгу отвлекалось немало мужских рук и рабочих лошадей. А в «Трудовике» не хватало рук уже не только для освоения новых, но и для работы на «старых» землях. Выручали шефы и школьники. В первых числах августа 1954-го из Ханты-Мансийска прибыла комсомольско-молодёжная бригада Назаровой, застоговавшая около 30 тонн сена. Эта же бригада приезжала и следующим летом.

Нынешняя заведующая Нялинской библиотекой Ирина Викторовна Помаскина опубликовала один из характерных приказов по школе № 68 от 21 сентября 1956 года:

«На основании указания РайОНО учебные занятия в 7 классе прекратить, учащихся 7 класса мобилизовать (обратите внимание на термин! – Н.К.) на уборку урожая в колхозе «Трудовик». Учёт выполненной работы производить индивидуально для каждого учащегося. Учащимся 5 и 6 классов продолжить работу в колхозе после уроков, не менее 2 часов в день. Учащимся 2, 3, 4-х классов с сегодняшнего дня начать работу в колхозе на уборке урожая по 1-1,5 часа ежедневно. Объявить беспощадную борьбу с прогульщиками и лентяями. Учащихся, систематически пропускающих работу, исключить из школы. Директор школы Кузнецов П.Г.» (Жива школа – живо село. Югра. – 2007, № 7).

И всё же основная нагрузка выпадала на плечи колхозников.

Уроженец Нялино, председатель окружной избирательной комиссии Владимир Васильевич Змановский в декабре 2003 года по случаю 80-летия Ханты-Мансийского района в одном из интервью сказал:

– Я отдаю дань глубокого уважения людям, которые ежедневно совершали подвиги своим титаническим трудом...

Помню, доярки нашего колхоза вставали в четыре утра и несколько раз в день отправлялись за реку, на луга, доить коров, затем возвращались в село, чтобы сдать свежее молоко. При этом они вели и своё домашнее хозяйство. Такие люди своим примером воспитывали в нас трудолюбие и патриотические чувства, не нужно было слов и призывов...

Массовая реабилитация кулаков и отдельных категорий этнических ссыльных, разумеется, вызвала заметный отток населения из района и деревень Зенковского сельсовета, что не замедлило сказаться на недостатке рабочей силы.

В начале 1956-го председатель колхоза Николаев вынужден был вести пропагандистскую работу: «Наш колхоз расположен в посёлке Нялино. Посёлок электрифицирован и радиофицирован. Имеются пилорама, локомобиль, мельница, моторный флот, много сельскохозяйственных машин. За колхозом закреплено 8900 гектаров земли, из них 3600 га лугов и пастбищ, 250 га пашни, много лесов и водоёмов. На фермах имеется около 500 голов крупного рогатого скота, 150 лошадей, 200 овец. Есть свиноферма и звероферма. В прошедшем году урожайность зерновых культур повысилась против 1954-го почти наполовину, надои молока – на 150 литров, доход увеличился на 100 тысяч рублей, стоимость трудодня возросла почти в два раза...

Но... большие земельные площади и другие богатства колхоза как следует ещё не используются из-за недостатка рабочей силы... Поэтому приглашаем вас, товарищи рабочие и служащие города и деревни, в наш колхоз «Трудовик» (Знамя коммунизма. – 1956, 1 марта).

В 1958 году, уже после отъезда нашей семьи из Нялино, состоялось объединение колхозов «Трудовик» и им. Куйбышева (д. Майка). Объединённое хозяйство сразу же приобрело два трактора ДТ-54, два пятикорпусных плуга, тракторную сеялку, самоходный комбайн «ДКУ», кормозапарник, автопоильный агрегат. Планировалось строительство нового клуба, осушение болота и настилка тротуаров...

Феофан Кирьянович вспоминал: «В укрупнённом колхозе им. Куйбышева хозяйство составляли 400 дойных

коров, 360 лошадей, 18 свиноматок, 2 зверофермы на 200 голов маточного поголовья, 500 овец, 250 гектаров посевной площади. Сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овёс, горох, картофель. План рыбодобычи составлял 3500 центнеров... За период моей работы председателем была приобретена и установлена пилорама Р-65, пробурены две скважины для водоснабжения, построен четырёхрядный коровник на 200 дойных голов с автопоилками и кормокухней, свинарник на 150 голов. За Обью располагалась зерносушилка... Я принимал колхоз, где стоимость трудодня была 60 копеек (В 1957 году в сельхозартелях округа выдано на трудодень в среднем 6 рублей 40 копеек – Н.К.). Когда же колхоз перешёл к рыбоучастку рыбокомбината, стоимость рабочего дня при выполнении нормы достигла 6 рублей 70 копеек...» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 241).

9 апреля 1959 года в результате очередного реформирования в Нялино был образован сельсовет, первым председателем которого стал Владилен Максимович Костерин – бывший секретарь комсомольской организации детдома и заведующий Нялинской библиотекой. В состав сельсовета помимо посёлка Нялино, Нялинских юрт, посёлка Пырьях, деревень Скрипуново и Долгое Плёсо входили ещё деревня Старая Майка и лесоучасток Майковский. В 1961-м на базе колхозов деревень Долгое Плёсо, Скрипуново, Чучели, Нялино был организован Нялинский рыбоучасток Ханты-Мансийского рыбоконсервного комбината под началом Николая Ивановича Иванова. В 1962-м школа перешла на восьмилетнее образование. Для продолжения учёбы в Нялино стали приезжать ученики из Глазково, Зенково, Скрипуново, Чучелей. В 1966-м в полузаброшенном селе Скрипуново была разобрана и привезена в Нялино бывшая колхозная конюшня, из которой собрали и к началу 1966-67 учебного года открыли десятилетку. Построили даже небольшое общежитие (интернат) для детей из малообеспеченных семей.

10. Детдом № 78

*...У нас было замечательное детство.
Но замечательное – не значит благостное.
Тяготы, слёзы, потери отцов, голод...
Никто о таких вещах не скажет хорошо,
но все эти бедствия приучили к осознанию
того, что есть совесть, есть стыд,
есть чувство благодарности.
Как забыть доброго человека, добрый
поступок, как забыть учительницу?*

Альберт Лиханов. Из интервью

История Нялинского детского дома заслуживает отдельного повествования. Поучительного для нынешних власть предержащих, ответственных за порождение в мирное время около миллиона детей-сирот и не менее трёх миллионов малолетних беспризорников.

Эвакуированные из блокадного Ленинграда дети в национальный округ стали прибывать в июне 1942-го. В течение лета в городах и посёлках спешно создавались детские дома. Окружная газета «Сталинская трибуна» за 23, 25 августа и 18 сентября сообщала, что в августе на пароходе «Коммунист» в Самарово прибыла первая партия детей для размещения в детских домах посёлков Лиственничный, Ягодный, сёл Нахрачи и Леуши нынешнего Кондинского района, готовы принять сирот и детские дома в посёлках Горный и Урманый Самаровского района. В Урманый (детдом просуществовал до 1949-го) вскоре прибыло 79 воспитанников детского дома № 30 Василеостровского района Ленинграда, а в Кедровский (просуществовавший до 1950-го) Самаровского района – 240 детей из прифронтовой полосы...

С сентября 1947-го в Ханты-Мансийске живёт старейший педагог Тюменской области Мошонкина Клара Фёдоровна, которой зимой 1942-1943 годов довелось принимать эвакуированных из блокадного Ленинграда детей в Тюмени. С её слов, «...был создан специальный штаб из комсо-

мольцев, который дежурил круглые сутки, ожидая поезда с детьми-блокадниками. Прибывших сначала размещали в школе, затем мыли в бане – худеньких, плачущих – и ухаживали за ребяташками, пока их не распределяли по детским домам» (Жестокое дыхание войны. Самарово-Ханты-Мансийск. – 2006, 18 мая).

В октябре 1942-го из Омского детприёмника НКВД в Ханты-Мансийск привезли 1150 детей. Журналист из Урая Александр Ребякин записал воспоминания матери о том, как встретили сирот в окружном центре:

«Худенькие, бледненькие, улыбаться разучились, в глазах – замершее горе и такая совсем не детская печаль, что душу щемило. Бабы на Перековке, где обитали раскулаченные, собрались вечером в кучку, посоветовались, собрали, у кого что есть: носки, фуфайки, валенки. Не по размеру, но всё равно пригодятся в морозы. У самих семеро по лавкам, а напечёт картофельных лепёшек такая «подкулачница» и снесёт украдкой в детский дом. Они ж там, словно воробышки. Ножки тоненькие, ручонки слабенькие. Смотреть жалко...» (Тюменская правда. – 2004, 30 ноября).

Об этом помнят и старшие братья Александра: «Район города под названием Перековка, состоящий из семей так называемых «кулаков» и «подкулачников», грудью шёл на местных ухарей, осмелившихся руку поднять на страдальцев из Ленинграда. А они, бедняги, тощенькие, ножки и ручки как ниточки. Изголодались за блокаду. Смотрят воспалённым взглядом, но не просяще, а с тоской, ведь многие лишились родителей и испытали такое, что не дай Бог кому испытать» (Снежная колыбель. Тюменская правда. – 2004, 4 декабря).

В сентябре-октябре детей распределили по одиннадцати открывшимся в округе детским домам: в посёлках Берёзовском, Больше-Каменском, Зареченском, Кедровском, Лиственничном, Нялинском, Песчаном, Сургутском, Урманном, Шайтанском, Ягодном...

По воспоминаниям бывшего директора Ягодинской семилетней школы Парасковьи Ефимовны Сидоровой, 150 детей-блокадников из Ханты-Мансийска в село Нахрачи

(ныне – посёлок Кондинское) для размещения в Лиственничном и Ягодинском детских домах привезли на пароходе «Москва» в сопровождении двух воспитательниц, одна из которых была Ткачук Анастасия Павловна. «Мы оцепенели от увиденного на открытой палубе: дети толпой стояли перед столиками, на которых были большие корзины для подаяния. Огромными голодными глазами смотрели они на народ, не произнося ни слова. Лохмотья покрывали их худые тела. Вот тут-то и предстал воочию ужас блокадного Ленинграда. Подумалось: как они выжили, как вытерпели голод, холод, такую длинную дорогу?» (Джульетта Морозова. Дети блокадного Ленинграда. – Югра. – 2007, № 5).

Ксения Дмитриевна Герасимова и жена тогдашнего секретаря райкома партии Нарвыш из Нахрачей тут же, с парохода, взяли на воспитание по мальчику. Их примеру последовали колхозницы из деревни Вачкуры, взявшие двух девочек-близняшек, и деревни Ильичёвки, усыновившие девочку и мальчика. Пройдёт много лет, и Витя Герасимов по окончании средней школы в Нахрачах с приёмной мамой Ксенией Дмитриевной переседет в Ленинград, окончит медицинский институт и найдёт родную мать, которую считал погибшей при бомбёжке. Однако же всегда будет считать, что у него две мамы: родная, которая дала ему жизнь, и приёмная, возвратившая к жизни...

Бывшие и нынешние учителя Ягодинской школы много лет занимались поисками первых выпускников, в том числе и детей-блокадников. От некоторых бывших воспитанников пришли благодарные письма. Вот одно из них, написанное в 1980-м: «Дорогие ученики! Пишет вам Котина Наталья Григорьевна, бывшая воспитанница детского дома, находившегося в годы войны у вас в п. Ягодный. В 1941 году мы были в вашем возрасте, только мы были «подранки» – слабые телом и израненные душой. Но у вас, благодаря заботе ваших сельчан, мы поправились. Учились в школе, а в свободное время помогали на уборочных работах. Я прожила в детском доме один год. В 1943 году директор отвезла меня учиться в медицинское училище в г. Ханты-Мансийск, а сестра Васильева Валя осталась ещё

у вас и вернулась в Ленинград в 1945 году... Недаром говорится, что большое видится на расстоянии. Так и у нас, советских людей: если человек вложил добро и сердце – оно не забудется никогда! Ребята! Учитесь хорошо, чтобы вырасти достойными гражданами нашей любимой Родины. Всё, что ни выпадает трудного в вашей жизни, переносите с честью и достоинством» (Джульетта Морозова. Дети блокадного Ленинграда. – Там же).

Откликнулась и сестра Котиной – Кольцова (Васильева) Валентина Григорьевна: «...Мы не забудем, как к нам, больным, истощённым, испуганным детям по-доброму, по-хорошему относились не только учителя, но и все жители посёлка. Каждый из нас тогда пережил трагедию, у каждого было ранено сердце. Нас жалели и любили, нам сочувствовали и помогали. Тепло и доброту мы ощущали во всём. Такое не забывается...» (Джульетта Морозова. Дети блокадного Ленинграда. – Там же).

Ленинградские дети оставили по себе в посёлке добрую память – они заложили яблоневоый сад. На базе детского дома для детей-блокадников в июле 1945-го в Ягодном создали детдом для детей-сирот, который, в свою очередь, летом 1949-го перевели в Нялино...

А переехавших в начале войны с Ямала в село Кондинское Шестакову (Першину) Надежду Евграфовну с братишкой в 1944-м определили в Больше-Каменский детский дом, в котором воспитывались в основном ленинградские дети. Надежда Евграфовна вспоминала: «Воспитатели, как могли, поддерживали нас. По выходным дням мы все ходили в лес на заготовку хвороста. Там же, если было тепло, собирали серу от сосен, а молодые побеги сосен и прошлогодние ягоды ели. Ели даже ягель. Вечером, когда топили печь, ложились на кровати по двое и сушили на себе чулки, а воспитатели на ночь читали книгу. Учили песни «В далёкий край товарищ улетает», «Раскинулось море широко», «Три танкиста», и нам казалось, что мы тоже воюем и идём к победе» (Людмила Завьялова. Дети войны. – Югра. – 2006, № 7).

Председатель общества «Жители блокадного Ленинграда» Валентина Егоровна Кайгородова привела воспоминания бывшей воспитанницы одного из детских домов

округа Лидии Васильевны Филатовой: «К детям-сиротам отношение было особое... Нас с самого начала окружили теплотой и заботой. И даже когда мы были в пути и размещались некоторое время в Омске, то ответственная за наше проживание жена Чкалова выполняла каждое наше желание. Спрашивала, что хотим есть и назавтра это у нас было. А когда отошли от голодной смерти, без дела никогда не сидели. Был у нас свой участок, мы помогали местным жителям. Занимались художественной самодеятельностью. На лошадях по «верёвочке» нас доставляли в районный центр ставить концерты» (Новости Югры. – 2005, 26 апреля).

К сведению отечественных «демократов», заливших чёрной краской всё советское прошлое, это свидетельство – не плод коллективного идеологического творчества агитпропа. Оно сделано уже в наши дни, вопреки «утверждённой» наверху «единственно правильной» точке зрения на многие процессы недавнего прошлого как непрерывную череду преступлений против народа. А люди, несмотря на полтора десятилетия обвального потока лжи из всех телевизионных каналов, не забывают и хорошее. И не суровое ли детдомовское воспитание вживило в их характеры очень важное качество – память через личный опыт?

По отчёту Нялинского детского дома за период с 19 октября 1942-го по 1 января 1943-го, подписанному заведующей А. Поляковой, следует, что детский дом им. Павлика Морозова сформирован 1 октября 1942 года и в этот же день отправлен в Ханты-Мансийский округ...

Всего было отобрано 68 детей – 23 девочки и 45 мальчиков. «Из Омска детей отправили очень плохо одетыми. Многие были без пальто и ботинок, даже без шапок. По приезду в Самарово получили 40 пар ботинок и чулок... В Зенковском сельпо для детского дома выделили... (в документе – неразборчиво – Н.К.) и мануфактуру на одеяла и бязь для белья. В швейной мастерской заказали специальные фуфайки, ко времени отъезда в Нялино были готовы 12, а также получили одну смену (вероятно, «по смене» – Н.К.) нижнего и верхнего белья... В Нялино прибыли 19 октября... Население нас встретило с подарками. Мы

получили 32 подушки, 2 мешка картошки, ведро молока... А уже 24 октября начался учебный год. Все воспитанники были разбиты на три отряда, в каждом отряде назначены командир и вожатые звеньев».

Заведующая Нялинской библиотекой Ирина Викторовна Помаскина уточняет: уже в 1943 году в детский дом стали поступать дети из разных областей страны, но более всего – из Челябинской...

Было бы наивно полагать, что первые детдомовцы ни в чём не нуждались. Нуждались! Не будем забывать – шла война. Не хватало продуктов, одежды, обуви, белья. Вопрос о медицинском и бытовом состоянии детских домов 7 апреля 1944-го рассматривался на бюро окружкома партии. Отмечалось: «Со стороны отдельных исполкомов, райсоветов и руководителей районных торговых организаций (Берёзовского, Сургутского и Самаровского районов) наблюдается формально-бюрократическое отношение к материальным нуждам детдомов»... Доводилось до сведения: «В среднем по округу на одного воспитанника детского дома приходилось 0,9 одеял; 1,8 простыней; 0,4 подушек; 1,4 полотенец; 0,6 пальто; 0,5 кожаной обуви; 1,6 брюк; 1,4 верхних рубашек...» (Очерки истории Югры. – Екатеринбург, 2000. – С. 351-352).

Проследить дальнейшие судьбы первых нялинских «воробушков», как бы этого ни хотелось, ныне очень непросто: документы детского дома со дня основания по сентябрь 1946-го не сохранились: документохранилище, находившееся в подвале окружного Дома Советов в Ханты-Мансийске, когда-то было затоплено, отчего многие архивы пришли в негодность. Но по любезно предоставленным окружным Департаментом образования и науки детдомовским документам (главным образом, приказам по личному составу) с октября 1946-го по октябрь 1983-го вкуче с воспоминаниями и публикациями на эту тему, можно достаточно подробно проследить историю становления и развития детского дома...

В Нялино детей принимала некто А. Полякова, но первым директором детского дома № 78 стал выходец из крестьян, выпускник Красноярского пединститута Николай

Григорьевич Фомин. В 1938 году он прибыл в Самарово на должность директора средней школы, которую ему предстояло самому же и выстроить. В начале войны его призвали в армию, но через три месяца комиссовали по зрению. Вернулся в Самарово. Четыре месяца проработал инспектором РОНО, а в 1942-м вновь был направлен на должность директора, но уже не Самаровской, а Нялинской неполной средней школы. В Нялино в то время создавался детский дом, директором которого его и упростили стать по совместительству.

Николаю Григорьевичу поневоле пришлось «переквалифицироваться» в профессионального строителя. Он постоянно что-то строил и достраивал. В Нялино помещение было выделено в доме, вторую половину которого занимали колхозные ясли. Кухня состояла из трёх котлов без плиты. Две комнаты были отведены под спальни... Вскоре под ясли отвели другой дом, а в освободившейся половине оборудовали кухню, столовую и ещё одну спальню... Строительство Фомин начинал хозяйственным способом. «Начинают строить дом на голом месте. Появляются стены, доходит дело до перекрытия, и тогда Фомин приезжает в район с докладом. И поставленное перед фактом начальство вынуждено открыть финансирование» (В.Д. Конев. Югра. – 1996, № 12).

Но если о Фомине – эрудированном, интеллигентном, сердечном человеке – биологе по специальности и педагоге по призванию опубликовано немало тёплых воспоминаний бывших воспитанников и сотрудников, а его именем названа одна из улиц современного Нялино, то о последующих руководителях детдома, к сожалению, ничего не известно. А это несправедливо. По крайней мере, двое из первых также заслуживают доброго слова...

Вернувшийся с фронта Николай Степанович Цехнов сменил Фомина 4 октября 1946-го. (Фомина к тому времени пригласили в Москву. Николай Григорьевич уехал, но вскоре вернулся, женился и получил направление директором в Луговскую семилетнюю школу.) Если на долю Фомина выпало тяжкое бремя забот по организации и строительству детского дома в военное лихолетье, то Цех-

нову достались хлопоты по реорганизации подсобного хозяйства и организации учебно-воспитательного процесса в послевоенный период.

Николай Степанович в первую очередь вывел подсобное хозяйство из общего бюджета на хозрасчёт с открытием текущего счёта в Ханты-Мансийской окружной конторе Госбанка. С октября 1946-го сотрудники и воспитанники, работавшие в подсобном хозяйстве, могли рассчитывать на дополнительные доходы, что, разумеется, в корне меняло отношение каждого – от воспитанника до директора – за порученный участок работы.

Подсобное хозяйство к тому времени превратилось в довольно-таки крепкое хозяйство. Василий Дмитриевич Конев преувеличивает, утверждая, что там почти не было обслуживающего персонала. Был – и немалый – обслуживающий персонал. Но это не означает, что в помощь персоналу не привлекались дети. Их приучали к мысли о подсобном как собственном коллективном хозяйстве.

В детдомовское хозяйство просились и колхозники «Трудовика». Цехнов не прочь был принять нескольких рабочих – справляться с возросшими объёмами работ силами детдома год от года становилось проблематичней... Однако правление нялинского колхоза решило раз и навсегда отповадить «своих» от детдомовского хозяйства. 25 октября 1946-го общее собрание «Трудовика» приняло решение об отзыве колхозников, без разрешения перешедших в подсобное хозяйство. Соответствующее представление было направлено Цехнову. Николай Степанович вынужден был подчиниться и вернуть «Трудовику» его «беглянок» – скотниц-доярок Парунину Александру Михайловну и Манжикову Надежду Алексеевну, а в Скрипуновскую артель «Ударник» – Ефтий Прасковью Васильевну...

В октябре 1946-го в колхозе «Трудовик», у «красных рыбаков» из юрт Нялинских, как и во всём послевоенном районе остро ощущался недостаток рабочих рук. Катастрофически не хватало и педагогов. На 1 января 1950-го в округе «часть учителей (173 из 974) не имели педагогического образования, подготовка некоторых из них оставляла

желать лучшего. Вследствие этих причин в 1948/49 учебном году 2418 учащихся из почти 19 тысяч (то есть почти 18%) были оставлены на второй год» (Югра: 75 ступеней вверх. – Там же. – С. 132). Практически не было здоровых, грамотных мужчин-преподавателей и воспитателей. Недокомплект воспитательского состава компенсировался увеличением часов работы имеющихся работников. Рядом с Цехновым в этот трудный период находились жена – фельдшер Цехнова Софья Ефимовна, завучи Кошелева Апполинария Васильевна, Бобылёва Зоя Семёновна, воспитатели Пономарёв Михаил Павлович, Лысенкова Зинаида Дмитриевна, Панова Ольга Сергеевна, пионервожатая Оленёва Геральда Павловна, ночная няня Карандашова Галина Павловна... В июле 1947-го на период летних каникул воспитателем группы мальчиков была принята Лепёшкина Клава (Клавдия Фёдоровна) – «юная героиня трудового фронта», во время летних каникул 1943-го добывшая 18,5 центнеров рыбы.

Но именно мужчины были необходимы лишённым родительской опеки детям – особенно мальчишкам. Одним из первых приказов Николая Степановича стал приказ о назначении кладовщиком инвалида войны Иванова Ивана Ивановича. Директора упрекали в том, что он принял на работу больного, практически неграмотного человека. Менее чем через полгода кладовщика действительно пришлось сменить, так как у неопытного в денежных делах ветерана обнаружилась недостача. Но кто, как не инвалид Иванов, мог обучить детдомовских мальчишек езде верхом на лошади или показать, как правильно запрячь лошадь, как держать в руках вилы и топор? Неграмотный труженик Иванов в ту пору был нужнее самого образованного воспитателя... И Цехнов понимал это лучше других.

Никаких поблажек он никому не позволял. Даже детям.

По воспоминаниям бывшей воспитанницы Любови Михайловны Вторушиной (Иванниковой), «...строгая, почти казарменная дисциплина естественно сочеталась с заботой о их (детей – Н.К.) здоровье. Но в первую очередь с детей сняли нательные крестики, не помогли ни слёзы, ни просьбы. Октябрёнок, пионер не должен верить в Бога, потому

что его нет. Это правило детям внушали постоянно, методически искореняя родительские наказания о вере в Богоматерь, Иисуса Христа...»

А вот как, со слов Любви Михайловны, протекали будни воспитанников:

«...В семь часов утра нас поднимали на физзарядку, потом был завтрак. С теми, у кого слабое здоровье, Софья Ефимовна Цехнова проводила специальную гимнастику, ну а рыбий жир в обязательном порядке давали всем воспитанникам. Питание было сытным, калорийным: каша, чай с маслом, молоко. Детдом держал коров, большой огород. За скотом ухаживали старшие ребята, младшие пололи грядки, помогали на кухне. Самой любимой работой у всех был сбор ягод и кедровых шишек. Варенья столько наготавливали, что оно не выводилось со столов до нового урожая, а в праздники каждому воспитаннику как подарок давали стакан орехов... У повара тёти Любы своих детей не было, может, поэтому она любила, чтобы я всегда была рядом с ней: приласкает меня, поцелует... Нас учили шить, готовить. Каждый занимался в каком-нибудь кружке, мне нравился театральный. Мы были очень дружны между собой. У меня близкой подругой была калмычка Маша Лиджиева (по архивным документам, Маша Меджеева – Н.К.). У неё тоже были слабые лёгкие, и оздоровительные процедуры мы проходили вместе, а впоследствии выучились на швей и до её отъезда на родину работали в швейной артели «Пламя» в Самарово. А как мы уроки учили! Все за одним столом. Попробуй-ка отлынивать! Лучше всех учился Володя Сококин из ленинградцев. Он мечтал поступить в мореходное училище и всё делал, чтобы достичь цели – хорошо учился, много читал, занимался спортом. И поступил. Помню, он приехал на каникулы в детдом в форме, такой красивый. Девчонки все вздыхали по нему» (Глухих А. Радикальная перековка. – Новости Югры. – 2007, 23-29 августа).

Голод 1946-го испытали многие. Но особенно досталось многодетным семьям, потерявшим на фронтах кормильцев. Люди порой доходили до отчаяния, до безрассудных поступков. Одна из сотрудниц детского дома (помощник

повара), спасая от голода родных детей, украла буханку хлеба из поселкового магазина. Случай беспрецедентный. По законам 1946-го её следовало немедленно уволить и отдать под суд. Однако Цехнов не сделал этого. Не знаю, каким образом ему удалось «замять» дело. Работнице объявили выговор, и, благодаря хлопотам директора, один из сыновей провинившейся по путёвке Самаровского РОНО был зачислен в детдом воспитанником.

При Цехнове получило развитие учреждённое Фоминым «ударничество». Воспитанникам, как и сотрудникам, в торжественной обстановке воздавалось должное за хорошую учёбу и нелёгкий труд. Невозможно равнодушно воспринимать строки приказа Цехнова № 152 от 23.02.47 года:

«Великая Отечественная война Советского Народа (намеренно сохраняю орфографию – Н.К.) против немецких захватчиков показала, что школа и детские дома под руководством большевистской партии и Советского правительства выучили и воспитали поколение созидательных, культурных и мужественных людей, героически сражавшихся на фронте за честь, свободу и независимость нашей Родины, за счастье и радостную жизнь нашего народа, самоотверженно работающего на наших предприятиях, учреждениях и в сельском хозяйстве, чем обеспечили Победу нашей могучей Родины над немецкими захватчиками, их прихвостнями и японскими империалистами...

Отмечая особые заслуги воспитанников детского дома в учёбе и труде, объявляю благодарность и представляю «к столу ударника» 23.02.47 года: Порвина Владимира, Громова Анатолия, Леонидова Павла, Прокопова Ивана, Сивкова Василия, Игнатову Римму, Зарачудинову Люду...»

По-разному сложились судьбы этих и других воспитанников, но в том, что почётные, праздничные «столы ударника» сохранились в их памяти как одно из самых светлых и счастливых мгновений детдомовского детства, не сомневаюсь...

Цехнов был суров, но справедлив. У воспитанников остались о нём светлые воспоминания. Та же Любовь Михайловна Вторушина (Иванникова) вспоминала: «Директор Николай Степанович Цехнов пришёл с фронта раненый, он

был такой строгий. Виновного сразу ставили в угол на час. Строго нас воспитывали, и мы понимали, что это правильно. Знаете, ни один из нас не забичевал, каждый нашёл своё место в жизни. Сейчас так никто не воспитывает» (Глухих А. Радикальная перековка. – Там же).

В чём и беда!

«Сегодня не воспитывают, – с глубоким знанием проблемы утверждает председатель Российского детского фонда, писатель Альберт Лиханов. – Сегодня любовь к детям пытаются имитировать. То есть делать вид, что она есть. Что её можно устроить, организовать. Да ещё за деньги. Соблазняя граждан 5-10, даже 15 тысячами за одного ребёнка, местные власти, не могущие же во всём-то быть спецами, массовым способом принялись раздавать сирот – в большинстве своём социальных, имеющих где-то непутёвых родителей, – из детдомов. Детские дома стали повально закрывать, переделывать их подо что-то другое, даже приватизировать их стены и земли... И вот только что и наконец совершилось то, о чём мы предупреждали – схватив детей за деньги, вслед за ними идущие, многие вдруг поняли: это для них тяжёлый, часто неподъёмный, а психологически – неприемлемый вариант. Ведь детки эти не пупсики. У них и энурез, и дурное воспитание, не говоря уж про непослушность – извиняюсь за это слишком стерильное выражение. И детей начали возвращать. Пошёл откат. Вернули, говорят, 2000 детей, а это уже цифра. Для этих детей нужно от 10 (крупных школ-интернатов) до 20 (детских домов) сиротских заведений...» (Что с нами, люди добрые? – Тюменская правда. – 2007, 13 ноября).

Самым тяжёлым испытанием для Цехнова стали, пожалуй, лето-осень 1947-го. По рекомендации состоявшегося летом в Ханты-Мансийске совещания директоров детских домов окружной отдел народного образования принял решение о формировании в Нялино санаторного детского дома на базе существующего в основном для детей из малообеспеченных семей. Целебный кедровый бор, близость Оби подтолкнули к такому решению. И, наверное, это было правильное решение людей, ответственных за оздоровление сирот войны.

Положение в системе здравоохранения в послевоенное время было особенно серьёзным: «В 1949 году общая заболеваемость по амбулаторным и поликлиническим данным на 1 тыс. человек населения в целом по округу выражалась цифрой 420... Чаше других встречались такие социально обусловленные заболевания, как трахома, парша, туберкулёз, чесотка и венерические заболевания» (Югра: 75 ступеней вверх. – Там же. – С. 134). Даже в начале 1960-х 1515 человек в округе состояли на учёте с активной формой туберкулёза, из них 624 – коренной национальности. Такое крайне неблагоприятное медицинское положение было во многом связано с нехваткой квалифицированных кадров.

Естественно, у руководства детдома возникли дополнительные проблемы, связанные с реорганизацией, но не они смущали директора. Трудности были в основном психологического характера. Воспитатели вынуждены были разлучать сдружившихся между собой детей. Здоровых мальчишек и девочек рассылали небольшими группами в разные детские дома округа, заменяя их больными туберкулёзом.

Обмен начался с 26 июля 1947-го. Пятнадцать здоровых нялинских воспитанников были отправлены в посёлок Урманый взамен присланных пятнадцати больных.

20 августа в Кедровский детдом отправили ещё двадцать детей взамен прибывших двадцати больных. Причём, как указывалось в акте, дети прибыли ещё и больными часоткой...

В сентябре был произведён обмен с Зареченским, Лиственничным, Больше-Каменским, Песчаным детскими домами...

В октябре тринадцать детдомовцев отправили в Самаровский детский приёмник...

Дети со всего округа приезжали в Нялино порой безнадежно больными, с запущенными формами туберкулёза. И сегодня не по себе становится от страшных по сути детдомовских приказов того времени:

«С сего числа снять с котлового довольствия и исключить из списков воспитанника Федотова Ивана Алексеевича, 1941 года рождения, привезённого из Больше-Каменского детского дома № 76 с диагнозом tbc лёгких и кишечника в открытой форме...» (Пр. № 218 от 14.09.47)...

«Исключить из числа воспитанников детского дома № 78 Ванькина Александра, 1938 года рождения, манси, в связи со смертью, последовавшей в Ханты-Мансийском тубдиспансере 13 ноября 1947 года по причине открытой формы туберкулёза лёгких...» (Пр. № 233 от 26.12.47)...

Кто знает, откуда родом, чьими сыновьями были шестилетний Ваня Федотов и девятилетний Саша Ванькин? Остались ли у них родственники? Знают ли они о печальной участи и месте захоронения несчастных детей – неучтённых жертвах войны?

Именно в это трудное время – 23 октября 1947-го по рекомендации окрздравотдела в детдом на должность фельдшера по окончании в 1946 году Ханты-Мансийской фельдшерско-акушерской школы был принят тёзка Цехнова – Николай Степанович Ябров. Жизнь его в начальный период работы в детдоме протекала в прямом смысле на колёсах. Он лично сопровождал больных детей в Самаровский тубдиспансер. И не только в Самарово. Приведу один из характерных приказов того времени:

«Фельдшера Яброва Н.С. командировать для сопровождения воспитанников, отправляемых на трудоустройство во Владимирскую область, в Тюмень – костно-туберкулёзный диспансер д/д Красный бор, а также на учёбу и к родственникам... Яброву Н.С. принять воспитанников с обмундированием и продуктами. Сдать воспитанников согласно направлению на основании решения Ханты-Мансийского окрОНО от 15.06.48 № 737.

Выдать Яброву Н.С. в подотчёт 2000 рублей для оплаты стоимости проезда воспитанников и приобретения продуктов питания по пути следования.

Срок командировки 15 дней – по 10.07.48» (Пр. № 37 от 25.06.48).

И такие командировки стали для молодого специалиста едва ли не ежемесячными...

17 августа 1950-го Николая Степановича Цехнова вызвали в Ханты-Мансийск, а через неделю он был освобождён от обязанностей директора. С Цехновым уволился и Ябров... До 19 января 1951-го обязанности директора исполнял завуч – один из первых выпускников Нялинской

школы, фронтовик Леонид Дмитриевич Змановский, затем – Шестаева Анна Тимофеевна, Оберемко Тимофей Савельевич...

В статье «О работе детских домов» (Сталинская трибуна. – 1952, 12 ноября) заместителем заведующего окрОНО М. Петуховым отмечалось, что в трёх оставшихся от одиннадцати детских домов округа (Берёзовском, Больше-Каменском и Нялинском) числилось всего 183 воспитанника. Высвобожденные в результате ликвидации восьми детдомов кадры педагогов и воспитателей, казалось бы, могли существенно усилить педагогические команды действующих заведений, но...

После Цехнова дела в Нялинском детдоме пошли не лучшим образом. Летом 1953-го двое жителей посёлка прислали в редакцию окружной газеты письмо с обвинениями одного из очередных директоров в «недостойном поведении». Проверка окружного отдела народного образования установила, что действующий директор действительно «допускал факты пьянки» и «не обеспечивал надлежащее руководство», за что и был уволен.

В апреле 1954-го директором назначили Виктора Прокопьевича Конева, а завучем – Афанасия Кирсантьевича Баева. Новому руководству выделили деньги для приобретения мебели, обуви, одежды. Фронтовик Конев хорошо знал моего отца. Он и пригласил его в свою команду из Трудовика. С 10 июня 1954-го отец приступил к обязанностям завхоза...

В детдом пришли новые люди. В их числе – воспитательница Юрова Евгения Яковлевна. Инструктором по труду приняли Носкова Константина Георгиевича, бухгалтером – сына одного из первых «35-ти» нялинцев Харлова Павла Ефимовича. Завуч Баев отвечал за физкультурно-спортивную работу. В коллективе сложился хорошо дополнявший друг друга руководящий треугольник: Конев – Баев – Харлов. Баев обычно замещал директора на время его командировок и отпусков.

Виктор Прокопьевич на дух не переносил «несунов», а в период «безвластия» они завелись и в детдоме. За хище-

ние пайка были уволены одна из нянь и одна из кухонных работниц. В целях предотвращения краж поварам предписывалось производить закладку продуктов в котлы только в присутствии дежурных воспитателей. На какой-то срок эта мера возымела действие. Но когда в ноябре 1957-го две поварихи были уличены в краже продуктов, Конев не ограничился их немедленным увольнением – он передал дела в следственные органы.

Крепко взялся новый директор и за выпивох, считая пьянство совершенно недопустимым в стенах детдома явлением. За эти и другие прегрешения в течение года были уволены рабочий подсобного хозяйства, конюх и механик электростанции. За лошадьми в подсобном хозяйстве стал ухаживать Ябров Степан Ефимович, а поваром на кухню пришла Яброва Валентина Фёдоровна (в декабре, правда, ушедшая в декретный отпуск) – отец и жена Николая Степановича.

Не терпел Виктор Прокопьевич склок и грубости. Случай рукоприкладства одной из воспитательниц получил огласку и осуждение в коллективе. Понятно, что строгие меры бывшего фронтовика добавили ему недоброжелателей...

В период руководства Конева в детском доме находились большей частью дети-сироты и дети родителей, лишённых родительских прав. Виктор Прокопьевич был убеждён, что детей следует приучать к труду через самообслуживание с постепенным расширением круга обязанностей («сделал не только для себя, но и для товарища»), с переходом в дальнейшем к более сложным и ответственным видам работ с одновременным формированием чувства уверенности в важности порученной работы, с обязательным поощрением наиболее старательных и трудолюбивых ребятшек. Директор на конкретных примерах показывал, что для него хорошим и надёжным работником может быть одинаково взрослый и ребёнок, что все они – воспитатели и воспитанники – равноправные члены одного коллектива, в равной степени отвечающие за прегрешения и поощряемые за радения. Не случайно 1 Мая 1954-го многим воспитателям, рабочим и воспитанникам, «добившимся наилучших показателей в труде и учёбе», одним приказом были объявлены

благодарности, а в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией 12 июня 1954-го всех без исключения воспитанников наравне с сотрудниками наградили юбилейными подарками. В ноябре 1956-го «показательным» приказом «за проявленный благородный поступок, выразившийся в обнаружении очага пожара в конюховке и ликвидации его с применением воды», воспитаннику Юре Черкашину в торжественной обстановке объявили благодарность, а допустившему возгорание конюху – выговор.

Но дети оставались детьми, и именно поэтому Коневым был издан особый – «секретный» для воспитанников – приказ № 14 от 2.02.55. Воспитателям каждой группы предписывалось составлять списки детей с указанием года, месяца и числа их рождения, не позднее двух-трёх дней о предстоящем дне рождения ставить в известность директора, чтобы своевременно подготовить подарки. На общей линейке извещали о дне рождении того или иного воспитанника, поздравляли его и вручали скромные подарки. Воспитательнице младшей группы Куклиной Нине Семёновне полагалось ежедневно с 9.00 до 10.00 проводить в пионерской комнате «воспитательный час». Малыши разучивали игры, слушали сказки, учились петь, рисовать, читать стихи, а те, кому предстояло осенью пойти в первый класс, учились писать элементы букв, знакомились с азбукой.

Виктор Прокопьевич не заигрывал, не «либеральничал» с детьми. При необходимости мог и власть употребить. К примеру, воспитанникам полагался коллективный просмотр новых кинокартин не чаще двух раз в месяц. Конев не возражал против трёх- или даже четырёхразового просмотра, но с условием, чтобы новые картины обязательно обсуждались в коллективе. В марте 1956-го часть старшеклассников по каким-то причинам не только проигнорировала собеседование по коллективному просмотру кинофильма «Педагогическая поэма» и читательскую конференцию по книге популярного в то время писателя Николая Дубова «Огни на реке», но и отказалась от участия в художественной самодеятельности. Незамедлительно последовал приказ:

«1. Всех воспитанников лишить коллективного посещения кинокартины «Песни Родной Стороны».

2. Предупредить, что в случае повторения подобных нарушений будет разрешено посещение кино только 2 раза в месяц, как это предусмотрено уставом».

Конечно же, дети разобрались с «нарушителями» сами.

Другой случай. Стоило одному из старшекласников в течение месяца уклониться от участия в «трудовых часах» при столярной мастерской, отказаться от утренней гимнастики и участия в подготовке «первомайского торжественного пионерского сбора», как тут же последовало директорское предупреждение: в случае повторения подобных действий на педсовете будет рассмотрен вопрос о дальнейшем пребывании «бунтаря» в детском доме. До крайних мер доходило редко. Но доходило. В апреле 1958-го одного из «неисправимых» «за систематическое нарушение режима дня, хулиганские действия, выразившиеся в постоянном избиении детей в детдоме и в школе, оскорблении старших, постоянном употреблении вульгарных слов, курении», из детдома отчислили и направили в Тюменский детдом с особым режимом...

Внешне в детдоме всё было, как у обычных школьников: туристические походы, пионерские костры, развлечения и шалости. Имелось даже «преимущество»: многие детдомовцы в отличие от нялинских школьников ездили по путёвкам в Москву и Ленинград, ежегодно отдыхали в Верхнем Бору под Тюменью, а когда в августе корпуса закрывались на ремонт, детей вывозили в пионерский лагерь им. Павлика Морозова под Тобольском...

Но с какой болью вспоминали мои родители о нялинских сиротах!

Не каждая мать решится ежедневно будить своего сладко спящего чада в семь утра на физзарядку, а в детдоме ранний подъём был обязателен для всех. Заспанные «птенцы» из тёплых постелей в любую погоду выходили во двор. По воспоминаниям воспитателей, физзарядке придавалось исключительно важное значение. Самообслуживание было поставлено на высшем уровне. Дети принимали участие в ремонте корпусов, помогали взрослым в подсобном хозяйстве – девочки учились доить коров, мальчики ухаживали за лошадьми. Бывшая воспитанница, ныне учительница

Нялинской коррекционной школы-интерната Светлана Васильевна Черкашина помнит, как их, начиная с четвёртого класса, возили на сопку, где они жили неделями и доили коров. Даже в крепкие морозы приходилось выходить на воскресники в колхоз «Трудовик». Чистили конюшни, вывозили на поля навоз. Но если дети колхозников были обуты и одеты подобающим образом, то на детдомовцев порой нельзя было смотреть без слёз...

– Пальтишки на них тонкие, старенькие, – вспоминала мама, – насквозь продуваемые, валенки худые, и не тёплые носки – портянки из носков торчат... Руки-ноги околеют, из-под носов сосульки... Какие из них работнички? Выберет отец на складе пару крепких валенок да переобует ребёнка втихаря от воспитателя, чтобы ноги не обморозил. Обмен-то раньше срока запрещался!

Но самое грустное впечатление оставили у них «выпускники». Теперь, читая детдомовские приказы, и я понимаю, почему:

«Трудоустроить в связи с исполнившимся предельным возрастом пребывания в детдоме Самойленко Юрия – 15 лет, образование 3 класса; Диванова Владимира – 15 лет, образование 5 классов.

Устроить на пробу в среднее учебное заведение после окончания 7 классов Змановского Семёна – 15 лет».

Нужны ли комментарии?

Поработать в детдоме отцу пришлось недолго.

До 15 июня он принимал хозяйство, а 30-го начал капитальный ремонт квартиры одной из сотрудниц.

В июле приступил к капитальному ремонту помещений детдома.

22 июля выехал бригадиром на сенокос. В бригаде – молодёжь допризывного возраста: Владимир Васильевич Конев, Василий Григорьевич Морарь, Василий Ефимович Иванов, Иван Петрович Леонов. Задание: к 20 августа сдать 180 тонн сена... Леонова и Конева с покоса отозвали в связи с призывом в армию.

Учебный и спальные корпуса, столярная и швейные мастерские, электростанция, прачечная, кухня и столовая, продовольственные и хозяйственные склады, подсобное хо-

зьяйство со своим «автономным» штатом (счетовод, кассир, конюх, скотница-доярка, подсобные рабочие), с немалым поголовьем лошадей, коров, свиней, с картофельным полем и овощными грядками требовали каждодневного приложения сил. С 30 августа вменили в обязанности «контроль за работой технических работников».

С октября полностью переложили на плечи «ведение подсобного хозяйства» с доплатой к основному окладу 150 рублей и разовым премированием «в связи с праздником 37-й годовщины Великой Октябрьской революции за счёт средств подсобного хозяйства» в размере 100 рублей...

14 апреля 1955-го отцу объявили отпуск, но на следующий день «в виду с началом массовой заготовки топлива и строевой древесины» из отпуска отозвали...

По-видимому, последнее обстоятельство и переполнило чашу маминого терпения. В июне 1955-го Конев подписал вынужденное отцово заявление об уходе по собственному желанию...

Я могу понять маму. Отец с утра до вечера находился в детдоме, в подсобном хозяйстве. Люде – два, мне – год, а 4 января 1955 года в нашей семье прибыло: родились близнецы Витя с Шурой. (Роды принимала Софья Ефимовна Цехнова. В марте 1955-го фельдшер детского дома Харлова Олимпиада Степановна была переведена в Нялинский медпункт, а на её место пришла Софья Ефимовна, работавшая фельдшером у Яброва.) В посёлке – ни родных, ни близких. Яслей колхоз не обещал. Мама «разрывалась». Корову выйти подоить – проблема, за водой на протоку, за хлебом в магазин сходить – тоже задачка... При своей загруженности отец был ей плохим помощником.

Летом 1955-го сперва в юрты Чучелинские, а затем в Нялино переехали (точней, приехали «в разведку») мамина старшая сестра Нюра с мужем Григорием Макаровым. У них тоже было четверо: Саша, Надя, Катя, Витя. Но ни Чучели, ни Нялино Макаровых не «зацепили» да и чувствовали они себя на Севере неважно... Засобирались обратно в Муромцевский район, однако до осени задержались в Нялино...

Когда маме нужно было сходить, к примеру, в магазин, она просила пятилетнюю племянницу Надю присмотреть

за мной. Если я начинал плакать, то, по маминой «инструкции», моя двоюродная сестра должна была сунуть мне в рот вместо пустышки узелок с нажёванным мамой хлебом. Несколько раз инструкции Надеи соблюдались безупречно. Но однажды случилась осечка. Когда я проснулся и заплакал, Надя, по-видимому, не обнаружившая под рукой мамину «пустышку», проявила «смекалку» и набила мой рот хлебным мякишем...

Вернувшейся из магазина тётке племянница отрапортовала:

– Коля проснулся и заплакал, я дала ему хлеба, и он замолчал!

– Вот какая молодчина! – похвалила мама и подошла к качалке...

Коля, то бишь автор этих строк, лежал с фиолетовым от удущья лицом и корчился в судорогах...

Мама иногда просила дочку покачать грудных Витю с Шурой. Люда добросовестно качала люльку до тех пор, пока сама не засыпала, а братики в это время бодрствовали, тараща глазёнки в потолок. Мамина сестра – наша тётя Нюра (Анна) – возьми да шуточки ради однажды и подучи племянницу...

И вот как-то в очередной раз собираясь доить корову, мама попросила Люду:

– Доча, покачай братиков!

– Нет, мамоцка, – вздохнула Люда. – Сама родила, сама и качай!

...Пошишковав с Макаровым и от души порыбачив на Оби с Коневым, отец всё же принял предложение директора поработать у него зимой хотя бы рабочим на условии, оговорённом в приказе: «Коняева И.Е. с 11.12.55 зачислить сезонным рабочим по заготовке дров со сдельной оплатой. С 1.04.56 по требованию Коняева освободить от работы в связи с предстоящим переездом».

«Статус» сезонного рабочего предоставил отцу право самостоятельного планирования своего времени и, следовательно, дал возможность помощи маме в уходе за четырьмя малолетними детьми в этот самый тяжёлый для неё период...

В октябре 1958-го Виктор Прокопьевич Конев добровольно ушёл из жизни.

7 октября он выехал в РОНО, возложив обязанности на воспитателя Мирюгина Анатолия Константиновича.

Последний приказ был им подписан по возвращении из Ханты-Мансийска: «Щербакова Павла Степановича от работы освободить...» (Пр. № 78 от 13 октября). Кто такой Щербаков, за что был освобождён – не знаю. Что произошло в Ханты-Мансийске с Коневым, можно только предполагать. Думаю, не смог Виктор Прокопьевич пережить предъявленных ему обвинений в развале работы и в прочих грехах, раздутых, догадываюсь, не без усердия уволенных им нерадивых работников... Для выяснения причин и обстоятельств его смерти сотрудниками же РОНО была создана видимость расследования, которое, естественно, ничего не дало.

Приказ № 80 от 22 октября лаконичен и краток: «В связи с трагической смертью директора Нялинского детского дома Конева В.П. организовать комиссию по похоронам: Симонов А.А. – от профсоюзной организации, Потапов Н.Д. – завхоз, Кузнецова Е.Г. – сотрудница детского дома. Выделить на организацию похорон 300 рублей из средств подсобного хозяйства, 100 рублей – из средств соцстраха...».

Временно исполняющим обязанности директора назначили воспитателя Мирюгина...

Василий Дмитриевич Конев рассказывал: «Фомины возвращались из отпуска на водном трамвае. Видят: на берегу собралось много народу, среди них – огромная толпа грязных, лохматых, разутых, как беспризорники времён гражданской войны, ребят. Николай Григорьевич был поражён: «Кто это?» Ехавшая с ним учительница ответила: «Будущие ваши ученики»... От неё же узнали, что ребята забирались в огороды, утаскивали из колхозной сушилки вяленую рыбу, в общем, распоясались окончательно. Выезжавший на педсовет заведующий РОНО на период безвластия остался в детдоме, но ничего не мог сделать... И, конечно, обрадовался приезду Николая Григорьевича. Стал уговаривать его принять дела, быть директором школы и детдома...» (Нялинский меридиан. – Там же. – С. 66-67).

Основатель детского дома Фомин приступил к своей прежней должности с 31 сентября 1959 года. Он перевёз здание детдома подальше от съедаемого протокой берега, построил столовую, прачечную, приступил к сооружению спортзала. Возвёл и позже реконструировал котельную. «Поставили у берега насос, утеплили и стали прогонять воду по трубам, зарытым на глубину трёх метров. Те, что тянулись к яру реки, утеплили тряпками. В дальнейшем (с напарником Альбертом Михайловичем Скосыревым) поставили на берегу избушку для насоса. Через два года пробурили скважину, и проблема с доставкой воды была решена. По примеру Нялино стали строить котельные и использовать водяное отопление в других школах района» (Конев В.Д. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 57).

Р.С. В год 30-летнего юбилея детского дома Николай Григорьевич вышел на пенсию и уехал в Краснодарский край на родину жены. Через десять лет до него дошла весть о предстоящем разорении его детища. Фомин писал в окружные инстанции тревожные письма о недопустимости ликвидации детдома и перевода детей в болотистую, сырую местность, но тщетно! В России не считаются с «личными мнениями» отдельных личностей...

24 июня 1983-го Ханты-Мансийский окрисполком принял окончательное решение о закрытии Нялинского детдома в связи с ветхостью его корпусов. Воспитанникам предстоял переезд в Нефтеюганск. Некоторые учителя, воспитатели и рабочие переехали вместе со своими питомцами. Последним приказом по детдому № 32 от 4 октября 1983 года в распоряжение Нефтеюганской школы-интерната для детей-сирот и лишённых родительского попечения были переданы по фамильным спискам 199 воспитанников, в их числе – 59 дошколят...

Николай Григорьевич Фомин не пережил этого. 28 ноября 1983-го он скончался от кровоизлияния в мозг, не дожив до своего 70-летия всего месяц. Ныне одна из нялинских улиц носит имя легендарного директора. А на базе «ветхих корпусов» бывшего детского дома была создана Нялинская коррекционная школа-интернат для детей-сирот, которой уже свыше 20 лет руководит Руслан Гарунович Чухо.

Часть третья

*Меж двух
Берегов*

...Мы теперь на родине, но после сделанной нами потери возвращение на родину не могло быть для нас счастьем – теперь мы здесь более на чужбине, нежели как были в Сибири...

М.А. Фонвизин. Е.П. Оболенскому

1. Село Конёво

... Да и от оных ямщиков они обид никаких не видят, ибо оные ямщики не оставляют их во всяких иноземческих нуждах и к научению христианского грекоисповедания православной вере; они же ямщики во время скудости их помогают им не малую помощь и протчими нуждами не оставляют... и чтобы де указом Ея Императорского Величества повелено было вышепоказанных ямщиков из деревень их не высылать, а жить бы им своими домами на их землях по-прежнему...

Из указа Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Сибирской губернской канцелярии в Самаровский ям управителю Витезеву от сего июля 24 дня 1734 года.

Весной 1956 года из посёлка Нялино наша семья «перевалила» через Обь в старинное Конёво...

Село располагалась на ровном низком берегу одной из многочисленных проток Оби – Неулевой в 50-ти санным, в 70-ти километрах водным путём выше Самарова. «Верхнее устье протоки находится на р. Оби, на 1 версту выше дер. Зеньковой, а нижнее – лежит на р. Иртыше, на 12 вёр. ниже с. Самаровского. Ширина этой протоки 100, глубина 6 с., протяжение около 80 вёр.; до спада воды по ней ходят пароходы» (Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В трёх томах. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. – Москва, 1996. – С. 137). С одной стороны Конёво было укрыто лесом, а с Оби, по которой в древности, случалось, хаживали на челнах и лихие люди, – излучинами проток.

По предположению уроженца села, доктора биологических наук Юрия Ефимовича Конева, ныне проживающего в Санкт-Петербурге, «...основателем деревни (здесь и далее авторами постоянно допускаются смещения понятий села и деревни. Не редактируя их, всё же считаю необходимым напомнить: по Далю, село – это обстроенное и заселённое крестьянами место, в коем есть церковь; оно состоит из многих раскинутых вокруг деревенок, приписанных к одному приходу. Деревня же – это крестьянское селение, в котором нет церкви. – Н.К.), – был, скорее всего, один из предков нынешних Коневых, остановившийся в этом укромном и богатом дичью и рыбой месте и взявший в жёны женщину коренного населения. Это мог быть и дружинник, пришедший с атаманом Ермаком Тимофеевичем в XVI веке, а в более позднее время – и беглый крестьянин из России, и казак из русской степи, для которого такая «лошадиная» фамилия (в отличие от Коняевых фамилия действительно «лошадиная» – Н.К.) была естественной. Эти предположения становятся на более реальную почву благодаря документальным данным, которые мне удалось собрать в семейном архиве (воспоминаниям и письмам близких родственников по линии матери и отца) и личным наблюдениям» (Деревенька моя русско-угорская – Конёво. – Югра. – 1994, № 8).

Первое упоминание о селе Юрий Ефимович связывает с 1760 годом – годом рождения прапрапрадеда Ивана Михайловича Конева. Первое поколение конёвских жителей было русско-угорским, утверждает он, так как мужчины, ехавшие сюда, женились на остячках. Однако сотрудники научно-производственного предприятия «Волот» Уральского государственного университета, изучавшие архивные материалы для будущей книги «Югорские фамилии: Исторический словарь», пришли к заключению, что «...На Средний Урал Коневы переселялись с XVII века, из Приуралья: в 1641/42 г. одними из первых жителей Самаровского яма стали бывшие государственные крестьяне Искорской волости Чердынского уезда...» (В. Васильева. Заглянем в глубь веков. – Новости Югры. – 2004, 11 декабря).

У Хрисанфа Лопарева нахожу: «Голод и безрыбица 1687 года, особенно чувствительно отозвавшиеся на инородческом населении, побудили остяков ещё более поступиться своими землями: ...Талимковские остяки за 10 р. уступили Коневу свой остров в пр. Неулевой со всеми его ловлями и сенокосом» (Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень, 1997. – С. 14). Оттуда же ещё одна любопытная запись: «...В 1716 году Апринский остяк Пичуга за 2 рубля поступился Коневу своею землёю в пр. Неулевой» (Самарово... – Там же. – С. 19).

Как видим, некие Коневы (а их в конце XVII – начале XVIII века в Самаровской волости проживало не так уж и много) облюбовали землю на протоке Неулевой почти на столетие раньше упомянутого Ивана Михайловича. Более того, в 1727-м деревня уже существовала. О ней вскользь упоминается в «поступной от 1727 года июля 15-го дня»: «А той земли межи: с верхнюю сторону с усть Салыму на Куснипай остров да на горелой мыс, да с нижнюю сторону от протоки до курьи выше Коневой деревни прямо в гору на широкой лог, а с зарешную сторону с верхнего конца по Норнику протоке, а с нижнюю сторону с оными же Коневыми в межах...» (Самарово... – Там же. – С. 177).

Но постоянные русские жители в деревне появились не позже 1731-го. Об этом свидетельствует всё тот же Хрисанф Лопарев. В составленной им хронике содержится такая запись: «1731... Слабость платёжных сил инородческого населения постепенно замечалась правительством и объяснялась вмешательством самаровских ямщиков в земли ясашных остяков. Оказалось, что в Темлячевской волости поселились своими домами... в Неулевой – Спиридоновы (Спирино), Коневы (Конёво), Сумкины, Поромовы (Сумкино), и Пачгановы (Зенково)...» (Самарово... – Там же. – С. 22).

По действовавшему на то время указу, ямщики, самовольно поселившиеся среди остяков, обязаны были вернуться в Самарово. Вот и ответ на вопрос, кем были первые русские Коневы, поселившиеся в Конёво: не ермаковскими дружинниками, не беглыми крестьянами и не казаками из

русской степи, а самаровскими ямщиками, прибывшими, вероятно, последующими партиями. Но ясашные остяки в 1734-м, судя по документу, вынесенному в эпиграф настоящей главы, вступились за русских. А первые переселенцы на Неулевой были всё-таки русскими (селились-то ямщики на остяцких землях не бобылями, а «семьяными») – это уже второе, если не третье поколение могло смешаться с остяками. В 1786-м Конёво в числе «тяготевших» к Самаровскому яму деревень русских поселян Базьяны, Тюли, Шапша, Спирино, Зенково, Скрипуново вошло в состав созданной на севере Тобольской губернии Самаровской волости. В 1795-м, по данным V ревизии, в основанной ямщиками Коневыми деревне им принадлежало 9 дворов.

В списке жертвователей на строительство каменной Петровской церкви в Самарово в августе 1808-го значатся 13 жителей по фамилии Коневы, причём Прокопий, Фёдор, Иван «Козьмин», Алексей внесли по 5, а Василий Михайлович и Пётр – по 10 рублей – суммы по тем временам солидные. В 1819-м головою Самаровского волостного правления вместо выбывшего Савелия Кузнецова был избран конёвский крестьянин Василий Конев (вероятно, Василий Михайлович), а церковным старостой вместо выбывшего Ивана Башмакова – Алексей Михайлович Конев.

Своя же – деревянная церковь, имевшая престол во имя св. Пророка Илии, была построена в 1848-м. К её приходу относились деревни Зенково, Змановская (она же – Торопки и Скрипуново), Спирино, Сумкино, юрты Костинские, Новосёловские (Нялинские), Чучелинские и Шапшинские. С 1886-го в Конёво и в трёх приписных церквях: с 1907-го – в Змановской, с 1908-го – в Зенково и с 1911-го – в юртах Новосёловских (Нялинских) действовали приходские школы, в которых обучались не только русские, но и остяцкие дети. Вообще, село многим обязано митрополиту Филофею и его преемникам, крестившим остяков. В 1858 году последняя по времени X ревизия зафиксировала «изменение социального статуса Коневых: все они причислены к государственным крестьянам Самаровской волости, причём в д. Конёвой им принадлежали все 15 старожиль-

ческих дворов, и двое из живших здесь Коневых записаны как отставные военные – рядовой и унтер-офицер» (В. Васильева. Заглянем в глубь веков. – Там же).

К концу XIX века Конёво было довольно-таки большим, зажиточным и «влиятельным» в волости селом. Имелись двухэтажные деревянные дома, парк, разбитый в начале прошлого века Клавдием Григорьевичем Коневым, а за оградой Ильинской церкви находились погребения почётных жителей.

Уже не все русские жители села были Коневыми. Появились Пачгановы, Казанцевы, Киселёвы, Змановские, переехавшие из Зенково, Нялино, Шапши, Скрипуново. Юрий Ефимович Конев рассказывал, что самих Коневых никто в селе не называл по фамилиям. «Чтобы не путаться среди однофамильных тёзок и предотвратить близкородственные браки, их называли по прозвищам, т.е. по именам дедов – основателей различных ветвей Коневых. Коневых по линии моей матери Харитины Григорьевны (1898–1949) знали как Ивановых, а Коневых по линии отца Ефима Фёдоровича (1897–1945) относили к Пахомовым...» (Деревенька моя русско-угорская – Конёво. – Там же).

Другой уроженец села, кандидат ветеринарных наук, проживающий ныне в Омске, Василий Дмитриевич Конев писал, что при наречении младенцев родители строго придерживались церковного календаря, поэтому здесь встречались редкие старинные имена. Если в деревне Сумкино из «редких», доказывал он, было всего два имени – Филипп да Македон, в селе Шапше – Хрисанф да Пантелеймон, в деревне Скрипуново – Пат, а в Зенково – Поликарп, то в Конёво старинных имён было «пруд пруди»: Агафон, Кронид, Клавдий, Лукьян, Назар, Перо (Пётр), Сага (Александр), Феофан, а среди женских – Акулина, Василиса, Мавра, Марфа, Фетинья и т.д. Но, думаю, не столько из особой приверженности к церковному календарю давались редкие имена, сколько в целях «идентификации» многочисленных Коневых. И имена, и прозвища.

Первые конёвцы так же, как и коренные остяки, жили рыбалкой и охотой. На белку ходили с кремлёвыми луками с тетивой из сухожилий оленя, стрелы изготовляли с кап-

левидной головкой и хвостовым оперением, на лисицу, соболя, куницу и на боровую дичь применяли простые давящие ловушки (слопцы), на зайцев зимой ставили петли из конского волоса, весной выезжали на «весновку», осенью – на «гусёвку», уток ловили на перевес, но главным образом рыбачили во все времена года. Здесь почти все мужчины становились рыбаками.

С развитием парохозяйства среди местного русского населения широкое распространение получила заготовка леса, которая, по утверждению профессора Натальи Алексеевны Балюк, по степени доходности у жителей Тобольского уезда занимала ведущее место. Конёвцы занимались и заготовкой дров, бересты, мочала, жжёного угля, смолы, дёгтя...

Русские жители «одарили» остяков и «русскими» болезнями.

Юрий Ефимович Конев утверждал, что его дед Фёдор Папилович – хант по происхождению. «Он был найден в 1867 году во младенческом возрасте в юрте – единственный оставшийся в живых из погибшей хантыйской семьи. Такие случаи были нередкими в то время среди коренного угорского населения, встретившего «первых ласточек» цивилизации – водку и инфекционные болезни, новые для них и потому смертельно опасные» (Деревенька моя русско-угорская – Конёво. – Там же).

Имелась прослойка казачества, которое в отличие от всего остального населения освобождалось от уплаты дани – ясака. Произвол и самодурство властей сдерживали, по утверждению Юрия Конева, служилые государевы люди или выписные казаки, набираемые из крестьян. Они и следили за порядком. Казачество имело своё судопроизводство и не подчинялось мировым судьям.

Каждой семье волостным правлением выделялась пахотная земля для посева овощей и картофеля, овса и других культур. Староста распределял участки заливных лугов для заготовки сена. Семьи держали по нескольку коров и лошадей (обычно по числу женихов и невест, а овец и кур столько, сколько могли прокормить. Гусей и уток не заводили – хватало дичи. Ближайшими городами, где устраива-

лись ярмарки или существовали постоянные базары, были Ирбит и Тобольск).

В предыдущей части рассказывалось об одном из самых предприимчивых и удачливых конёвских жителей – рыбопромышленнике Фёдоре Васильевиче Киселёве, по сути, основавшем «новые» юрты Нялинские и переехавшем туда с семьёй в последней четверти XIX века. В юртах Нялинских родились и выросли трое его наследников и продолжателей дела – сыновья Александр, Егор и Андрей. В начале XX столетия Александр Фёдорович считался самым зажиточным и влиятельным купцом в Конёво. Там он открыл торговую лавку, а в год Первой русской революции – рыбопромышленное предприятие. Рыбачил на песках по Большому Салыму. По сведениям знатока конёвской жизни Владимира Струся, «...на рыбных промыслах рыбопромышленника Киселёва ежегодно работало от 30 до 36 человек. Ежегодно до 800 пудов рыбы – «белой» и «чёрной», свежей и солёной, поступало на рынок для обеспечения продовольствием армии и населения...» («Может, Господь спасёт меня...» – Там же).

Конечно, не все жители села до революции жили как у Бога за пазухой. В начале прошлого столетия хватало бедных и даже нищих. Особенно в годы Первой мировой. Владимир Струсь разыскал в Тобольском архиве «Списки о призрении членов семейств, забранных на войну 1914 года», в которых есть прошения крестьян из деревни Конёво Григория Васильевича Конева и Василия Леонтьевича Шашкова «Его Высокоблагородию Господину Тобольскому уездному Военскому начальнику». 10 марта 1915 года Василий Леонтьевич писал: «Была у меня единственная надежда – два сына. Из коих старший Дмитрий, 31 год, ратник ополчения, в нынешнем году 2 января принят в военную службу. А второй сын Семён, 21 год, в минувшем 1914 году тоже принят в военную службу во 2 роту 25-го Сибирского запасного стрелкового батальона, а я теперь остался совсем без призрения и калекой, и мне от роду 62 года. При той болезни не только чтоб приобрести себе пропитание и одяние, но даже по миру за милостинкой Христовой обойти и

то не имею возможности. Хоть с голоду погибай в холодном доме...» («Может, Господь спасёт меня...». – Там же).

О многих интересных, неординарных личностях – земляках-современниках рассказал в своей книге «О малой родине с любовью» Василий Дмитриевич Конев. О многих, но далеко не обо всех заслуживающих отдельного рассказа, ибо для этого объём книжки понадобилось бы утроить...

Здесь, в Конёво, прошли детские годы известного в Тобольской губернии учителя, краеведа, общественного деятеля, участника земского движения в первые послереволюционные годы Павла Ивановича Иванцова (Иванцева) (1885 – после 1920) – сына псаломщика Пророко-Ильинской церкви. В молодости Павел Иванович пошёл по стопам отца, некоторое время служил псаломщиком в Ишимской губернии, затем на Конде. До революции активно сотрудничал с бывшим Тобольским губернатором В.Н. Пигнатти, служившим в ту пору консерватором губернского музея, а в 1916-м участвовал в экспедиции под руководством Г.М. Садовникова на реку Надым и привёз оттуда богатейший гербарий «из 840 листов, до 500 образцов мхов, лишайников и древесных грибов, около 5000 насекомых» (В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова. Учёные и краеведы Югры. – Там же – С. 111).

В Пророко-Ильинской церкви в 1886-1888 годах служил другой известный в губернии просветитель и общественный деятель – священник Закомельский Павел Алексеевич (1859–1911), епископ Тобольский и Сибирский Евсей (Гроздов Евстафий Сергеевич) и др.

Ефим Фёдорович Конев, со слов сына, в 1918-м был мобилизован Колчаком. Сибирское казачество воспитывалось на идее служения вере, царю и Отечеству, а потому все служилые люди восприняли колчаковский призыв как должное. После поражения Колчака многие из его солдат перешли в Красную Армию. Ефим, «отмываясь» от участия в белой армии, прошёл с боями от Тобольска до Бессарабии, где получил штыковое ранение в живот, чудом остался жив и вернулся в Конёво.

В январе 1920-го в Зенковской волости Тобольского уезда был образован Конёвский сельский совет, который

разместился в доме рядом с бывшим садом. Конёвскую партийную ячейку в том же году возглавил участник Первой мировой Прокопий Венедиктович Конев. В селе в ту пору проживал 321 человек. В январе 1924-го сельсовет, объединявший 4 населённых пункта со 153 дворами (645 человек), был включён в состав Самаровского района. Причём по данным Первой приполярной переписи (1926–1927 гг.), Конёвский сельский Совет был единственным в районе, где совсем не было коренного населения. Сельсовет в Конёво был упразднен 9 апреля 1959-го, село вошло в состав Зенковского сельсовета.

Конёво было одним из первых сёл в районе, в котором была создана комсомольская организация. Комсомольцы-добровольцы усердно помогали партии в осуществлении коллективизации, в работе по атеистической пропаганде, в ликвидации неграмотности. Особенно активными комсомольцами Василием Коневым названы Мария Дмитриевна Шашкова, Татьяна Николаевна, Екатерина Александровна, Юлия Михайловна Коневы, братья и сёстры Белкины – Никифор, Михаил, Прасковия и Анастасия.

В 1923–1932-х председателем сельсовета и секретарём партийной ячейки работал дядя Юрия Конева – Клавдий Григорьевич. При нём провели передел земли, создали добровольную артель по добыче рыбы.

Однако вскоре в сельсовет поступило распоряжение о срочном создании коллективного хозяйства. «И вот собрали в колхоз всех лошадей, построили наспех большую конюшню и стали рядить – кому убирать навоз, – рассказывал Юрий Конев. – Выбрали людей самых безответственных. Многие колхозники стали ревниво следить, чтобы не переработать на «общество» больше, чем сосед. В результате колхоз в первую же морозную зиму потерял большую часть лошадей... Для сибирских крестьян, никогда не бывавших крепостными, наступили тяжелые времена» (Почему исчезла деревня Конёво. – Югра. – 1996, № 1).

В первых колхозах сплошь и рядом применялась уравниловка в оплате, которая не только не стимулировала труд, но и отпугивала работающих людей. Об этом вспо-

минал Василий Конев: «Когда создавался колхоз, отец не вступил в него. Крестьянин среднего достатка, с детства привыкший к труду как источнику благосостояния, он сомневался в истинности идеи «светлого будущего». Потом, под нажимом «народных масс», всё-таки подал заявление. Но спустя две недели взял обратно. Случай этот в селе был уникальным... Заинтересованности никакой из-за сплошной уравниловки. За качеством не следили... Бесхозяйственность проявлялась во всём. Поедут колхозники на рыбалку – обязательно в лодках не окажется беседок – кто-то «прибрал к рукам» (Крестьянин с большой буквы. – Югра. – 2003, № 1).

Ещё одно воспоминание Василия Дмитриевича: «Одно время пробовали заниматься хлебопашеством. Сеяли рожь, овёс, ячмень. Каждому колхозу доводились планы посевов. Но в наших краях не затопляемых водой площадей мало. И сколько их уйдёт под воду в следующее лето, никто не знал. И, тем не менее, планы вспашки земли не корректировались. Иной раз в колхозе точно знали, что данное поле уже определённо окажется под водой, но никакие доводы в районе не принимали в расчёт. Паши и только!» (Сладкого только горстка, горького – полная чаша. – Там же).

Тех, кто не вступал в колхоз, облагали непомерными налогами. Так случилось и с участником Первой мировой, инвалидом второй группы Дмитрием Ивановичем Коневым – отцом краеведа Василия Дмитриевича. (В его хозяйстве когда-то работал (батрачил) будущий депутат Верховного Совета СССР ханты Лука Фёдорович Ернов.) Дмитрию Ивановичу поначалу пришлось избавиться от большей части скота. Остались в многодетной семье (семеро детей) три коровы, кобыла, телушка да десяток овец. Крепкая семья скатилась до уровняка середняка, а затем и бедняка. Дмитрий Иванович обратился к председателю сельсовета Фёдору Ивановичу Добрынину и секретарю Кириллу Трофимовичу Коневу, которые помогли составить прошение на имя Калинина о снижении налога. Надо отдать должное «всесоюзному старосте»: ответ пришёл положительный. Дмитрий Конев умудрился выжить единоличником – «проскочить» в 1930-м и уцелеть в 1937-м...

Но 1937-й не обошёл Конёво...

«Просыпаемся в одно летнее утро и узнаём, что ночью забрали ни за что ни про что пятерых мужиков. Вскоре одного выпустили, что случилось с остальными – неизвестно до сих пор», – вспоминал Василий Дмитриевич (Сладкого только горстка, горького – полная чаша. – Там же). Зато доподлинно известно, что уроженцы села однофамильцы Коневы – рыбаки Павел Филиппович (42 года), Назар Иванович (60 лет), Александр Афанасьевич (64 года) и Семён Григорьевич (68 лет) в 1937–1938 годах один за другим были взяты с промыслов в деревне Долгое Плёсо, в посёлке Кедровом, в деревне Няша Сургутского района и по приговору «тройки» расстреляны.

Ильинская церковь устояла в первую прокатившуюся в 1930-м разрушительную волну массовых закрытий, но не выдержала напора волны 1932-го. О том, как рушили церковь, также рассказано Василием Коневым. Сначала сбросили кресты, затем колокола. Но самый тяжёлый при падении почти на треть вошёл в землю, как будто хотел спрятаться! Часть икон сожгли, церковное имущество разграбили. Здание переоборудовали в клуб. Однажды там ставили спектакль, в котором, по сюжету, исполнительница роли Васса Шашкова пинала иконы. Вскоре нога у девушки заболела, и она до конца жизни осталась инвалидкой. Здание церкви до 1958 года использовалось под амбар для хранения муки.

Огороды под картошку распахивали в полутора-двух километрах на горе, именуемой урочищем Горное Конёво (Горно-Конёво) – своего рода заимке из десятка домов. Однако после майского 1939 года постановления «О мерах охраны общественных земель колхозов от расхищения» у частных отняли все находящиеся на заимке огороды. Те участки, что были расположены ближе к колхозному полю, распахали, а остальные бросили. Ни вам, ни нам!

До войны колхозники по итогам хозяйственного года всегда оставались в долгу. Не было ни радио, ни электри-

чества. Но словно бы в насмешку из фразы вождя «Жить стало лучше, жить стало веселее» сделали лозунг, который расклеивался повсюду на видных местах...

Председатель сельсовета Клавдий Григорьевич Конев, у которого была большая семья, столкнулся с проблемой обучения (в Конёво была только четырёхлетка, сменившая церковно-приходскую). Подготовив себе замену, он в 1932-м уехал в село Александровское, а оттуда – в Томск. Правда, Василий Конев считает, что причиной отъезда в дальние края бывшего председателя послужила не «проблема обучения» (можно было бы переехать и в Остяко-Вогульск), а то пикантное обстоятельство, что Клавдий Григорьевич был женат на дочери попа. Кстати, четырёхлетка в селе была одна на Конёво и деревню Сумкино. Сумкинские ученики ходили в школу пешком, через реку их переправляли «дежурные» перевозчики, которых семьи учеников обязаны были по очереди «благодарить». По окончании же начальной школы и конёвские, и сумкинские ребяташки вынуждены были уезжать в нялинскую семилетку...

Убавилось число жителей и в годы Великой Отечественной. Из пяти братьев Ефима Фёдоровича Конева в живых остался только один.

В первое военное лето в районе случилось большое половодье, и скот перегнали на заимку. В виду позднего спада воды с заливных лугов почва оказалась топкой, трава полегла, косить пришлось вручную до «белых мух», но кормов так и не запасли в достаточном количестве. Зимой начался падёж скота. Районное начальство, прикрывая себя, стало лихорадочно искать «виновников». Жертвами оказались пятеро членов правления во главе с председателем колхоза Лаврентием Ефимовичем Шашковым. Окружной народный суд приговорил их к расстрелу, заменённому потом десятью годами заключения, но домой «вредители» так и не вернулись...

2. Остановка «Конёвская»

*Я знаю, тогда было настоящее счастье,
пусть непрочное, обрубленное, но счастье.
Наплевать на всё, лишь бы стояли суслоны,
лишь бы тёк горячий пот и собиралась
разноголосая трудовая артель, лишь бы
и ты был на людях, в этой артели, и чтобы
пахло везде восковым зерном, и чтобы телеги
скрипели, гружённые золотыми снопами!*

Василий Белов. Раздумья на родине

Внедрение в рыболовецкие артели техники и механизмов позволило к концу 1950-х удвоить добычу рыбы. В 1957-м улов на одного рыбака в округе превысил 77 центнеров, то есть вырос более чем на треть в сравнении с предыдущим годом. Артели существенно поправили своё финансовое состояние. По труду был и почёт: в 1958 году 125 работников рыбной промышленности округа, в том числе и несколько конёвцев, были удостоены государственных наград.

Конец 1950-х – начало 1960-х были лучшими годами советского периода конёвской истории. По-крестьянски размеренный быт местных жителей во многом совпадал с цикличностью жизни омских крестьян. В мае со сходом снега конёвцы, как и кам-курчане, выезжали на заготовку дров. Каждой семье отводилась деляна в пяти – десяти километрах от села. Вручную семейной артелью валили лес, обрубали сучки, кряжевали, кололи, складывали в поленицы для просушки и затем вывозили швырком. Заготавливали берёзу, осину, сосну. Предпочитали жаркую берёзу с небольшой долей дымной осины, используемой для копчения рыбы.

Многие мужчины зимой охотились на займке, добывали белку, зайца, горностаю, а с конца августа шишковали – Горно-Конёвский кедрач славился на весь район. Там же, на горе, с которой открывалась величественная панорама села и его окрестностей, зачастую спасались от наводнений.

В Конёво действовал колхоз «1 Мая» со своей зверофермой (заведующий – Игнатий Назарович Сумкин), с

животноводческой и рыболовецкой бригадами, постоянно соревновавшимися с ближайшими соседями – сумкинцами из колхоза им. Чапаева. Из года в год в передовики выходили бригады Хрисанфа Тихоновича Лыткина и инвалида войны Семена Фёдоровича Евстафьева. На слуху были имена колхозников Лыткиной Апполинаруии Степановны, Лыткиной Натальи Петровны, Конева Ивана Захаровича, Солина Георгия Гавриловича, Коневои Зои Сергеевны, Коневои Татьяны Николаевны, Паромовой Клавдии, Тоскуева Андрея Ивановича, Орак Виктора Васильевича, Сумкиной Евстолии Андреевны...

Депортированный в 1941-м из Бессарабии Виктор Васильевич Орак, к тому времени отец пятерых детей, в Конёво жил с 1949 года, по соседству с нашей семьёй. Работал приёмщиком рыбы. «Ему претило быть эдаким добреньким дядей, в отличие от своих предшественников, беспринципность которых дорого обходилась государству... Не всем такая строгость была по душе. С досады строили козни. Отбирали заготовленное якобы не в срок сено, неоднократно отвязывали и пускали «по волнам» его шлюпку, обзывали фашистом. Ему бы обидеться..., а он отвечал добросовестной работой, сознавая, что подобного не избежали многие...» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 13). А в конце 1950-х, уже после отъезда нашей семьи, Виктор Васильевич работал продавцом. В начале 1960-х в селе имелись продовольственный, хозяйственный, промтоварный магазины и склады потребкооперации, к строительству которых он имел самое непосредственное отношение...

Удивляла своими успехами зверовод Евстолия Андреевна Сумкина. В 1956-м она получила по 4,1 щенку на штатную самку лисицы вместо 3 по плану, выработала 968 трудодней, на которые получила 9670 рублей и за сверхплановый приплод – 3000. Во многом благодаря её усердию и опыту фермой были перевыполнены планы по выходу молодняка серебристо-чёрных лисиц и в следующем году, а в 1958-м стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, где удостоилась Большой серебряной медали. Эта награда была воспринята земляками с не

меньшим восторгом, чем если бы она вернулась ныне с медалью олимпийской...

В 1954 году по окончании Ханты-Мансийского педучилища в Конёвской семилетке начинала учительствовать в начальных классах будущая депутат Верховного Совета СССР Косполова (в замужестве – Ядрошникова) Раиса Николаевна. Преподавала географию, рисование, музыку, черчение, зоологию, подменяла недостающих педагогов по другим предметам. На склоне лет вспоминала: «Пришла программа по музыке. Вести некому – никто даже петь не умеет. Ну, вот я и берусь. Разучиваю с детьми пионерские песни. Те, которые не так давно пела сама...» (Меркушев В. В Югре осталась моя молодость. – Новости Югры. – 2005, 3-9 ноября).

Раиса Николаевна, вероятно, до конца дней своих добрым словом поминала первых наставников – директора (из семьи спецпереселенцев) Василия Михайловича Малышкина, педагогов Анну Михайловну Токареву и Эмилию Валериановну Кобылину (в девичестве – Петрову). Эмилии Валериановне, к примеру, не составляло особого труда во время летних каникул по собственной инициативе собрать агитбригаду из школьников и выступить с концертом на рыбацком или покосном стане. Её ученики и в мирное время постоянно помогали колхозу в уходе за животными, в поливке и уборке капусты. А вожак конёвских комсомольцев – заведующий избой-читальней Михаил Филиппович Кобылин мог запросто «мобилизовать» молодёжь на облов заливов и карасьих озёр в счёт колхозного плана...

Начало политической «оттепели» после знаменитой речи Хрущёва на XX съезде в феврале 1956-го повсеместно отмечалось оживлением общественной жизни. В сознание людей настойчиво вбивалась партийными лозунгами и призывами мысль о скором построении коммунизма, внушалось, что, чем активнее будет народ на историческом пути к заветной цели, тем скорее оно, это счастливое завтра, наступит. Отученные за десятилетия советского периода от простейших навыков самоорганизации, от каких бы то ни было личных инициатив, возвращённые в недоверии и страхе

перед властью, люди, по-видимому, не до конца понимали, чего от них добивается эта подозрительная власть, но по первому зову и призыву шли на собрания и митинги, явкой демонстрируя лояльность, ибо знали по горькому опыту предшественников, что бывает с теми, кто идёт не в ногу или наособицу...

В 1954-1957-х годах партийную организацию колхоза возглавляла Екатерина Фёдоровна Острикова – женщина деятельная, принципиальная. Заведующей сельским клубом работала также молодая, энергичная Мария Гавриловна Кайгородова – нештатный корреспондент районной газеты «Знамя коммунизма». Клуб в период её работы не закрывался на замок. Острикова и Кайгородова часто организовывали обсуждения новых постановлений и решений партии и правительства: о повышении заработной платы, о прекращении с 1958 года выпуска займа и выплаты выигрышей. Единодушно клеймилась позором «антипартийная группа Маленкова-Кагановича-Молотова». В феврале 1957-го был прочитан доклад «120 лет со дня смерти А.С. Пушкина», сопровождавшийся показом диафильма о поэте. Проходили митинги и собрания, посвящённые запрещению термоядерного вооружения, в честь открывшегося в Москве 28 июля 1957 года Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, девизы которого «За мир и дружбу!», «Против войны и империализма!» на многие годы оставались лозунгами разгромившего фашизм Советского Союза...

Спортивную работу «курировал» известный ныне не только в Югре, но и, пожалуй, и во всей спортивной Сибири, Виктор Яковлевич Башмаков, работавший в районном Комитете физкультуры и спорта. Он был организатором лыжных соревнований между командами Конёво и Сумкино, победу в которых нередко, к великому огорчению конёвцев, «вырывали» сумкинцы...

Имелось почтовое отделение (начальник Кобылина К.Н.), работал медпункт (фельдшер Белкина Людмила Васильевна), изредка приезжала самаровская кинопередвижка, обслуживавшая Конёвский и Зенковский сельсоветы

(киномеханик Суслов Александр), имелся радиоузел, но из-за частых поломок к радиисту были претензии.

Но не было в Конёво ни детсада, ни яслей, даже своей пекарни – хлеб завозился из Зенково. Никудышным было снабжение товарами первой необходимости. Газета «Сталинская трибуна» по этому поводу писала: «Зенковский рыбокооп плохо изучает спрос покупателей. В с. Конёво по 5-10 дней не бывает керосина, нет школьных принадлежностей, сбруи, саней, смолы, дёгтя, кадок, гончарных изделий» (1954. – 16 февраля).

Весной 1956-го отцу предложили место продавца в Конёво. Оставив семью в Нялино, он выехал на приём магазина...

Мама вспоминала:

– Отец уехал, и в тот же день у нас пропал кот. Искала-искала, звала-звала – не отзывался. Исчез. А такой хороший был кот – я к нему привыкла, даже плакала из жалости. И вот через девять дней возвращается за нами отец, и – надо же! – в тот же день обнаружился кот. Прибежал, и от порога – в угол, где банка на полу для него стояла. А я и банку уже выбросила. У отца спрашиваю: «Кот не с тобой ли в Конёво был?». – «Ага, – смеётся, – вместо ревизора за столом сидел»... Так и не признался. А я всё думаю, что с ним кот был. Свозил кота на приём магазина!

В Конёво отец был принят продавцом магазина райрыболовпотребсоюза. Райрыболовпотребсоюз (с 1972-го – райрыбкооп) состоял из десяти рыбокоопов, райзаготконтроля и зверопромхоза, обслуживал свыше 13 тысяч человек. Так же, как и в системе ОРСа леспромхоза, здесь имелись свои склады и базы, а работу магазина контролировала лавочная комиссия.

Нашей семье предоставили один из просторных домов на берегу протоки с участком земли. Родители посадили картошку, кое-какие овощи...

О том, как отец работал в Конёво, свидетельствует заметка Кайгородовой «Хороший продавец»: «Год тому назад приехал работать в с. Конёво продавцом Иван Ефимович

Коняев. За это время он показал себя культурным работником прилавка. С покупателями всегда вежлив, умело предлагает товар. В магазине чисто, товары разложены красиво. План товарооборота тов. Коняев выполняет из месяца в месяц. Проходившее отчётное собрание пайщиков признало работу продавца хорошей. Ко дню выборов тов. Коняев взял обязательство план товарооборота выполнить на 120 процентов» (Знамя коммунизма. – 1957, 15 февраля).

Мама в штате не состояла, но «исполняла обязанности» технички, истопницы магазина. Так что и «красивым расположением товаров», и «чистотой магазина» отец был обязан ей. И даже перечень запрашиваемых в рыбкоопе товаров в первую очередь согласовывался с мамой...

Сестра Люда часто и подолгу бывала у отца. Он усаживал её под прилавком, давал какую-нибудь игрушку, она и забавлялась, не отвлекая от работы. Однажды вечером отец пришёл один.

– А Люда где? – уставилась мама.

– Разве не дома?

– Она ж с тобою в магазин ушла!

Отец пожал плечами.

– Была, да только, кажется, домой давно ушла. (Сестре шёл пятый год.)

– Нет её и не было с обеда!

Отец со всех ног кинулся обратно в магазин. Под прилавком в гряде игрушек и посуды на полу сладко спала утомлённая дочка...

Зимой на работу отец уходил очень рано, чтобы до открытия успеть протопить в магазине печь. Мама, пока мы спали, успевала подоить корову и переделать кучу неотложных дел. В моей памяти чётко сохранилась такая картинка: синий утренний сумрак, мы все четверо, странно одетые – в валенках на босу ногу, в пальтишках на голые плечи, – гуськом ковыляем по заснеженной тропке. Ведёт нас Люда, за нею – я, за мной – братишки...

О том, что за коллективный поход мне запомнился, рассказала мама:

– Отец ушёл в магазин, я – в стайку корову доить. Возвращаюсь – что такое? Куда делись мои ребятишки? Кровать пустая, качалки пусты... Я туда-сюда – нету ребятишек. Я в кладовку – нет! В стайку заглянула – тоже нет! Фуфайку на себя, бегом к магазину. К отцу, тревогу бить! А вы все четверо уже у него. Проснулись – папки нет, мамки нет. Где ж они, если не в магазине? Пальтишки на маечки набросили, валенки на босу ногу и айда папку с мамкой искать. А поздней осенью или даже зимой уже дело было. Хорошо, не обморозились. Пришлось отцу заворачивать вас в какое-то тряпье и домой перетаскивать...

В хорошей, честной книге воспоминаний о жизни в середине прошлого столетия в леспромхозах Советского района Бориса и Владимира Карташёвых «Историю не переделывать» меня задел нелестный отзыв о работниках рабочего снабжения, которые, по мнению братьев, стояли у кормушки и имели всё по принадлежности к этому ведомству, ибо каждый работник здесь имел свою нишу, свой перечень дефицитов, а дефицитом было всё, кроме соли, спичек, фуфаяк и кирзовых сапог.

Это так и не так. Во-первых, потому, что в Конёво в отличие от Советского, дефицитом были даже сапоги и фуфайки. Во-вторых, «позволить себе всё» зарплата продавца не позволяла. И в-третьих, утверждение Василия Конева: «Случалась растрата у продавцов – садили в тюрьму» (Сладкого только горстка, горького – полная чаша. – Там же) справедливо не только по отношению к продавцам 1930-х (сколько разного торгового люда было репрессировано в районе только в 1937-38-х годах!), но и по отношению к продавцам 1950-х. Естественно, случались и среди продавцов-кладовщиков прохиндеи и проныры, но в какой среде их нет?

Не помню, чтобы торговля отца приносила достаток – лишних денег в доме никогда не водилось, а недостачи, случавшиеся в разное время, выносили последнее. О том, как мог «себе позволить» отец, свидетельствует такой случай.

Однажды в Конёво завезли ковры. Персидские. Всего три или четыре. За этими коврами «выстроилась» очередь без малого из полутора десятка горластых, готовых

вцепиться в продавца зубами конёвских женщин. Уж и не знаю, каким образом отец распределил эти ковры между конкурентками, но, слава Богу, обошёлся без скандала. А маме во избежание неминуемой ссоры о коврах не сообщил. И вот как-то зашла мама к соседке, видит – ковёр на стене. Новый. Роскошный. Мечта домохозяйки. С замысловатыми многоцветным узорами, геометрически исходящими от центра...

– Тоня, откуда у тебя такая красотища?!

– Как, откуда? – в свою очередь изумилась Тоня. – Да у Иван Ефимыча в магазине такая давка за ними была! Твой разве не рассказывал?

– Ничего, паразит, не рассказывал!

– А я думала, уж он-то себе взял!

«Ну, погоди, придёшь ты домой! – вознегодовала мама. – В доме из всех щелей дует, нет, чтоб взять ковёр на стенку!»

Излишне описывать, какими словами встретила она пришедшего с работы мужа.

Отец взмолился:

– Ну, пойми же правильно! Не имею я права на ковёр! Подумай, что скажут люди обо мне? Не успел, дескать, приехать!..

Пошумела мама, пошумела да и успокоилась. Признала правоту отца.

Но закончилась эта ковровая история неожиданным образом. На следующий вечер пришли Тоня с мужем. Под мышкой у соседа – скатка ковра.

– Василиса, ты Иван Ефимыча за ковёр ещё не съела? Мы со своим тут подумали-подумали да и решили: на што нам ковёр? У нас один парнишка, а у вас вон четверо по лавкам!

Распили дружескую четушку мой отец с соседом, и без малого четверть века служил нашей семье персидский ковёр из Конёво...

Возможно, и осела бы наша семья в старинном русском селе Конёво, мало чем отличавшемся от дорогого маминому сердцу Кам-Курска, с рядом неоспоримых преимуществ в пользу отцовых увлечений – рыбалкой и охотой. Рыбалкой здесь занимался каждый уважающий себя житель, не

стал исключением и отец. Кроме того, уже в первый сезон он основательно изучил Горно-Конёвские охотничьи угодья, а в августе заготовил пару мешков калёного ореха...

Но весной 1957-го на имя отца пришло письмо от младшей маминой сестры Нины Егоровны. Обычно свояченица адресовала письма сестре. Отец прочёл и... ахнул. Свояченица прислала страшную весть: зимой в Кам-Курске умер дядя Гриша Макаров, а через пару месяцев скончалась и старшая мамина сестра – тётя Нюра. Всего-то через год по возвращении из Нялино. Странная скоротечная болезнь тёти Нюры и дяди Гриши дала о себе знать ещё в Нялино, возможно, она и побудила семью срочно покинуть Север. По описанию свояченицы, болезнь протекала в форме приступов страшных головных болей. Ни родственники, ни врачи не смогли толком объяснить, отчего так внезапно угасли два совершенно здоровых ещё до отъезда в Нялино человека, не дожившие и до сорока? Осиротив четверых детей. Старших, Сашу и Надю, по сообщению тёти Нины, определили в Артынский детский дом Большереченского, а младших, Катю с Витей, в Екатериновский детдом Муромцевского района...

Отец крепко задумался. Григория и Нюру не воскресить. На похороны, если даже свояченица дала бы молнию, в любом случае не успели бы. Весть о смерти сестры Нюры и её мужа Гриши в то время, когда мама не оправилась от потрясения бедой брата Виктора в Южно-Сахалинске, сломила бы её окончательно. И отец решил по-своему: ни о чём пока не сообщать. Он спрятал это страшное письмо в одну из кастрюль под прилавком магазина, решив выждать более подходящее для разговора время...

Однажды мама мыла в магазине пол. Влажная уборка обычно сопровождалась обтиранием полок и расположенных на них товаров. Сняв крышку с одной из стоявших на полу кастрюль, обнаружила конверт. Почерк сестры она отличила бы из сотен других...

Заподозрив неладное, замкнула магазин и – домой. Отец присматривал за нами. Мама вошла, и по её встревоженным глазам он понял, что письмо обнаружено...

Мама от порога показала конверт.

– Что это?

– Письмо, что ли, от кого-то? – отец лихорадочно искал выход из критической ситуации. Протянул руку. – Дай-ка!

Но мама спрятала конверт за спину.

– От Нинки письмо. Почему оно у тебя в магазине? Почему в кастрюле прячешь?

Отец всё-таки взял конверт, повертел в руках, делая вид, что рассматривает дату на почтовом штемпеле.

– Так, старое письмо-то! Прошлогоднее. Прочёл да и забыл, видно, в магазине...

– Врёшь! Старые Нинкины письма у меня в шкафу. И Нюркины тоже... – При последних словах она осеклась, побледнела... – Что с Нюжкой, говори!

Отец понял, что скрывать бессмысленно...

Беда не приходит одна. На исходе лета 1957-го пришло ещё одно тревожное письмо от единственной теперь уже оставшейся в живых маминой сестры. То ли сама тётя Нина, то ли кто-то под её диктовку писал, что, работая на лесозаготовках, изувечила ногу упавшей лесиной...

Это известие маму доконало.

– Всё бросаем и – домой! Домой, в Кам-Курск, и никаких гвоздей! Пока ещё Нинка живая. Я не могу здесь больше оставаться!

Не знаю, отговаривал ли её отец. Пришлось согласиться на переезд. Вскоре он написал заявление об увольнении. В спешном порядке, рассчитывая на последний пароход из Самарова до Большеречья, продали всё, что можно было: а продать было можно, как я теперь понимаю, только корову. Отец получил окончательный расчёт и компенсацию за неиспользованный отпуск.

Вот так, срочно и непредвиденно, в начале сентября 1957-го, после пятилетней северной одиссеи наша семья покинула гостеприимное Конёво на пароходе (по моему, это был легендарный «Михаил Калинин») и от пристани Самарово взяла курс на Большеречье – на родину дедов.

3. Поклон исчезнувшей деревне

*Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве...*

Николай Мельников

Тенденция к укрупнению населённых пунктов в Самаровском районе обозначилась уже в эпоху сплошной коллективизации. Сегодня трудно поверить, что в 1928-м, за год-два до наплыва спецпереселенцев и начала массового строительства ими трудпосёлков в 13 сельских Советах насчитывалось 99 населённых пунктов – самое большое количество за всю историю района. По данным переписи 1936-го, 12 сельсоветов объединяли 80 старых поселений и 15 новых трудпосёлков. За какие-то 7-8 лет исчезло 19 небольших деревень, юрт и посёлков. А исчезли по причине переселения людей из отдалённых от дорог и водных магистралей, Богом и начальством позабытых населённых пунктов в построенные спецпереселенцами посёлки, в которых были школы, медпункты и магазины...

Ускоренными темпами «процесс пошёл» в 1950-х. Поначалу негативную роль сыграла политика принудительного переселения в целях «привязывания к месту» хантов и ненцев – «кочевников и полукочевников». Рыбаков и охотников, по роду занятий вынужденных «кочевать» из летних юрт в зимние и наоборот в целях проведения летней путины и зимнего охотничьего промысла, «привязывали» к месту – это ли не абсурд? В Берёзовском районе, где доля аборигенов наиболее велика, из 62 деревень после «привязывания» осталось 16! Да и берега Назыма с их 18-ю «открытыми» Дуниным-Горкавичем юртами обезлюдели: в начале 1950-х там оставалось всего 3 населённых пункта.

В конце 1950-х «процесс» ещё только набирал обороты. Рыболовецкие и сельскохозяйственные артели преобразовывались в крупные колхозы. Не всё, конечно, было однозначно плохо. В одних случаях укрупнение было экономически оправданно. Порой необходимость объединения малосильных артелей диктовалась самой жизнью. Так,

летом 1952-го «красные рыбаки» (юрты Нялинские) и рыбаки колхоза имени газеты «Сталинская трибуна» (юрты Чучелинские) объединёнными усилиями «закрыли» огромный, в 12,5 квадратных километров, Пырряжный сор, до этого никогда не закрывавшийся. Установили восемь запоров протяжённостью 800 метров и вели промысел язя до глубокой осени. К совместным действиям их подтолкнул не райком, не райисполком, а ясно осознанная необходимость: ни те, ни другие по отдельности сделать этого не смогли бы...

В других случаях объединение было сомнительно, а в третьих – совершенно абсурдно и даже губительно. В начале 1950-х путём укрупнения мелких колхозов в посёлке Черёмуховский, в деревнях Семейка, Слушка, Чебакчина, Филинской в селе Цингалы создали крупное хозяйство «Путь к коммунизму» (председатель – И.К. Третьяков). В 1954-м колхозники рыболовецких артелей «Ударник» (д. Скрипуново), им. Куйбышева (д. Майка) и всё те же «красные рыбаки» (юрты Нялинские) создали укрупнённую артель имени Кагановича (председатель – А.Н. Замятин). Вот тут-то и приостановиться, присмотреться бы, как пойдут дела у хозяйств (а дела пошли не лучшим образом!), но запустившее директиву руководство требовало от областного и районного начальства неуклонного роста процента укрупнений. Остановиться и задуматься о целесообразности разрушительной «гонки» было, очевидно, недосуг да и опасно для карьеры...

В 1957-м Усть-Иртышский рыбозавод и Самаровский рыбоконсервный комбинат объединились в один Ханты-Мансийский комбинат. В следующем году была ликвидирована Самаровская моторно-рыболовная станция, обслуживать рыболовецкие колхозы стал рыбокомбинат. Колхозы «Красный Октябрь» (с. Реполово), «40 лет Октября» (д. Тюли) и им. Орджоникидзе слились в одну крупную артель «Родина». Конёвский, Сумкинский, Шапшинский колхозы образовали артель им. Чапаева (председатель – Н.С. Конев). В 1961-м рыболовецкие артели объединённых колхозов им. Чапаева и им. Куйбышева (п. Нялино) были

переданы Самаровскому рыбоконсервному комбинату. С переходом в систему гослова хозяйства были снабжены кое-какой техникой, спецодеждой, а зарплата работников увеличилась почти вдвое и составила 80-100 рублей в месяц. Но в результате такого укрупнения захирели, а затем и перестали существовать хантыйские посёлки Алёкино, Майка, Чебыково, русские сёла и деревни Глазково, Косари, Спирино...

С укрупнением колхозов, с внедрением механизации, с введением в 1959-м денежной оплаты вместо начисления трудодня, с отменой налога на личное подсобное хозяйство и разрешением на его пятикратное увеличение, с выдачей колхозникам паспортов, избавивших их от государственно-крепостного положения, и, наконец, с получением колхозами права на изменения в уставы с учётом специфики местных условий село должно было если и не подняться, то, казалось бы, воспрянуть, но...

В соответствии с принятым в июне 1961-го правительственным постановлением «О преобразовании рыболовецких колхозов и сельскохозяйственных артелей национальных округов Тюменской области» в совхозы и другие государственные и кооперативные хозяйства в округе спешно разворачивалась работа по созданию 11 совхозов. Районное начальство сломя голову кинулось «претворять в жизнь» это в высшей степени безрассудное решение. Намечалось создать несколько совхозов и подсобных хозяйств предприятий рыбной промышленности, хотя уже тогда наиболее дальновидные руководители понимали, что в северных условиях о рентабельности совхозов да и «подсобок» и речи быть не может! Однако, по данным тюменского историка Сергея Панарина, в 1961-м на основе 70 рыболовецких и 24 сельскохозяйственных артелей в округе были созданы эти «плановые» 11 специализированных совхозов, а с апреля следующего года оставшиеся колхозы вошли в состав Ханты-Мансийского совхозно-колхозного производственного управления и были, по сути, превращены в государственные предприятия.

В 1964-м академик Заславская сконструировала и начала смертоносным зарядом «мину замедленного дей-

ствия» – постановление «О ликвидации неперспективных деревень». Эта мина сработала, уничтожив сотни казачьих хуторов и станиц, тысячи русских сёл и деревень, в том числе и сибирских старожильческих селений, признанных по чьему-то недомыслию (впрочем, по недомыслию ли?) неперспективными. Возможно, и неперспективными с экономической точки зрения, но какими деньгами можно исчислить нравственные, этические, моральные потери от утраты корневой деревни – «гумусного» слоя русской жизни, на протяжении столетий удерживавшего русского человека от окончательной потери самоидентификации?

Село Конёво, посёлок Усть-Назым, деревни Борки, Горное, Саргачи, Сумкино и другие исключены из отчётных документов с июля 1968 года, но по официальному списку эти населённые пункты в числе «живых» не значились уже с июня 1967-го. Всё это привело к тому, что, если, по данным доктора исторических наук Зои Соколовой, «...в 1957 году в округе было 650 населённых пунктов, то к 1987-му их осталось 162» (Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 3. – Там же. – С. 235).

У семи толстокожих государственных нянек богатейшие промысловые угодья были захламлены и запущены, животноводство, мясное и молочное, заброшено, пашни и огороды заросли бурьяном, традиционные отрасли хозяйства угасли. Именно с этого времени в России впервые отмечено сокращение естественного прироста и прогрессирующая год от года алкоголизация населения.

Не могу согласиться с некоторыми утверждениями уважаемого Юрия Ефимовича Конева.

«Пожилые люди, думавшие про себя: здесь бы и закончить свой жизненный путь, уезжали со слезами на глазах, молодые же – с радостью и надеждой... Существовавшая тогда государственная система не удовлетворяла основные социально-биологические потребности крестьян, – пишет он в статье «Почему исчезла деревня Конёво?» – Исход крестьян из деревни в город был ускорен решением правительства об укрупнении колхозов (вынужденном) и ликвидацией неперспективных деревень. Как будто единственной перспек-

тивной небольшой деревни является производство продуктов питания. А по мнению «крестьянских» писателей Ф. Абрамова, В. Шукшина и других, а также некоторых политиков, сельское население является основой нации и, пожалуй, можно добавить – основой воспроизводства здорового (физически и духовно) населения страны» (Югра. – Там же).

Из первой части этого утверждения вытекает вывод: деревни потому и закрывались, что там некому стало жить – исход крестьян из деревень начался с середины пятидесятых, а укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных деревень всего лишь ускорили неизбежный процесс. Это не так.

С обретением паспортов колхозников действительно стало уезжать больше, чем за всю историю самаровских сёл и деревень. Но уезжали в первую очередь на свои исторические родины семьи «амнистированных» народов – немцы, финны, калмыки, поляки, украинцы, белорусы и т.д. Уезжала даже часть из бывших раскулаченных, из тех, кому было куда ехать. Но большинство получивших гражданские права спецпереселенцев и членов их семей с отъездом не спешило – Самаровский район стал для них второй родиной. Первая волна освобождения из ссылки по округу прокатилась в 1950-1951-х. За два года было «освобождено» 2409 человек – в основном, «ветеранов-кулаков» (в Самаровском районе – 75), но выбыло за пределы округа всего... 430. «Освобождённые» не кинулись сломя голову с берегов Иртыша и Оби на российские просторы ещё и потому, что по истечении многих лет на исторических родинах их никто не ждал с распростёртыми руками да и не у всех уцелели «родины». Жительница посёлка Нялино Галина Фёдоровна Калиничева вспоминала: «В 1956 году родители впервые после 1931 года поехали на родину (на родину отца в деревню Юрминка Аромашевского района Тюменской области – Н.К.) и взяли меня с собой. На руках у них были только членские книжки колхоза «Трудовик»... Я увидела, как отец, приехав на место, опустил на колени на распаханном поле бывшей их деревни, перед осокорем, и набрал в платочек земли, которую привёз домой и высыпал

на могилу своей матери Веры Дмитриевны, похороненной на погосте села Нялинское. Позже он сказал, что там, где сохранился осокорь, стоял родительский дом» (В.Д. Конев. Нялинский меридиан. – Там же. – С. 93).

Ссылные, как и коренные жители, начали разъезжаться только тогда, когда стало ясно: судьбы выстроенных их руками поселений уже давно предрешены на самом верху – они «своё отслужили». И переезжали люди в основном не в города и крупные посёлки, а в такие же, как и покинутые, соседние сёла и деревни. Пожилые, как верно заметил Ю. Конев, «уезжали со слезами на глазах» не потому, что «система не удовлетворяла их социально-биологических потребностей», а потому, что знали точно: на «заброшенных могилах» родных и близких «всё травой зарастёт»...

Если бы государство действительно было заинтересованно в сохранении села, оно должно было всемерно поощрить «бурное развитие личных подсобных хозяйств» после официально разрешённого в 1959-м «пятикратного увеличения», но не искоренять их тотчас же последовавшей скупкой скота в испуге перед «ростом мелкособственных настроений» и мнимой опасностью возникновения «нового кулачества». Уже к концу 1950-х государство имело хорошие шансы сделать в этом направлении первые шаги – приступить к строительству школ-семилеток и десятилеток. Будь в селе школы, убеждён, половина собравшихся в дорогу сельчан распаковала бы чемоданы и развязала дорожные узлы. Село можно было спасти началом строительства медпунктов, клубов, магазинов, оснащением артелей вагонами-рефрижераторами и морозильниками-холодильниками и, главное, возведением сносных дорог!

Во многих случаях людей предупреждали о «выселении» за год, за два, а то и больше, но те, кто не хотел уезжать, ждали до последнего, надеясь на чудо. Чуда не происходило. Жителям деревни Борки заявили: «Мы вас бросаем. Живите, как хотите». Только после того, как не стало электричества, магазина, почты, люди вынуждены были переселиться в деревню Тюли и посёлок Выкатной... Многие жители Конёво, Сумкино, часть некогда процветавшего

Зенково (чудом уцелевшего до наших дней) переехали в Шапшу. Большая часть русско-угорской ветви Коневых переехала в Самарово, Сургут, в посёлок Нялино...

Вторая причина, по которой никому не стало дела до гибнущей деревни, – это, как ни парадоксально, запах шальных денег от большой нефти, добытой в начале 1960-х. Оглушённая фантастической удачей государственная власть бросила все материальные и людские ресурсы на разведку, добычу и транспортировку в буквальном смысле «чёрного золота». На сельское же «золото» власти наплевали. Какие могут быть доходы от какого-то там рыболовства, звероводства и оленеводства? Какие, к лешему, на Севере крестьяне с их загнивающими в навозе деревнями? Всё это в глазах правительства не стоило и гроша! Деревня и традиционные экономики были обречены на гибель не только в районах нефтяного освоения, но и в таких «свободных», казалось бы, от большой нефти районах, как Самаровский... Моему району, передовому во многих сферах хозяйства, с открытием большой нефти была уготована роль подсобного хозяйства для обеспечения нефтяников лесом и рыбой главным образом.

Погубление деревни обрекло Россию на долгое, мученическое угасание.

В результате массового переселения крестьянства в города и посёлки обострилась не только жилищная проблема (понадобились знаменитые «хрущёвки»), но и продовольственная (производитель-крестьянин стал потребителем-горожанином). Кроме того, со стремительным ростом численности населения округа с середины 1960-х «внезапно вдруг открылось», что, укрупнив и порушив, насоздавав плано-убыточных, уродливых в экономическом отношении совхозов, округ оказался не в состоянии обеспечить даже картофелем нахлынувших со всех концов Союза «освоителей и покорителей». В массовом порядке начался завоз овощей из Тюменской и соседних областей. Одна эта хлопотная и дорогостоящая «завозная кампания» вкуче со стоимостью дополнительно потребных барж, плашкоутов и

самоходок в одну-две навигации «съела» всю мифическую экономию от «укрупнений» и «ликвидаций».

В 1960-е в России снизилась рождаемость, аграрная страна впервые закупила хлеб в США... «Половинчатые решения Хрущёва по крестьянскому вопросу сблизили рождаемость со смертностью людей в стране и пшеничные поля США с элеваторами в СССР, – справедливо отмечал Ю. Конев. – А это уже не смешно, ибо указывает на серьёзную опасность подрыва генофонда народа и эгоистическое растраниживание за хлеб невозобновляемого сырья (нефть, металлы), принадлежащего потомкам всех россиян» (Почему исчезла деревня Конёво. – Там же).

До сих пор разбросанные по России уроженцы исчезнувших с лика земли сибирских деревень «оплакивают» малые родины.

«Родился я в Сумкино, деды и прадеды здешние. Какая была хорошая деревня, какой был колхоз! (Вероятно, имеется в виду колхоз «Беднота», который вскоре по идеологическим соображениям был переименован в колхоз имени Чапаева. – Н.К.) А когда стали укрупняться, люди разбежались, кто куда», – вспоминает орденоносец Пётр Давыдович Сумкин.

«При колхозе жизнь была лучше, – утверждает Владимир Георгиевич Паромов, уезжавший из деревни Сумкино на Урал, но в конце концов вернувшийся в Шапшу. – Рыболовецкая артель, большая звероферма, большое дойное стадо. И всё это при минимуме народа. Управляющий Валентин Антонович Васильев один справлялся со всем хозяйством. Да и заработки по тем временам были стабильные» (Почему исчезла деревня Конёво. – Там же).

Та же печальная участь постигла и Зенковский «куст деревень». Уроженка с. Больше-Тархово Ларьякского (ныне – Нижневартовского) района Ида Александровна Пачганова вспоминает: «В 1956 году папу перевели работать в Зенково, и мы переехали сюда. Тогда этот посёлок был большой, славный такой... Когда в 1966 году деревню затопило, рыбоучасток перевели в Нялино. Постепенно не стало рыбокооп, лесхоза, и деревня стала

распадаться, а люди уезжать» (Почему исчезла деревня Конёво. – Там же).

Село Зенково, основанное, по известной легенде, в середине XVII века ямщиками Зенковым и Почегановым, на современной карте района пока ещё значится «живой». Но что осталось от «этого большого, славного такого посёлка?» В 1962-м было принято решение о создании Зенковского государственного промыслового хозяйства (госпромхоза) Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совмине РСФСР площадью 862813 гектаров, но это решение так и осталось на бумаге. В 1986-м сельсовет перевели в опекаемую тогда ещё геофизиками Шапшу. Процветавшее в старину «неперспективное» село оказалось отрезанным от цивилизации. Летом туда можно попасть только на шлюпке, зимой – на «вахтовке». Если на 1 июня 1967-го в Зенково насчитывалось 114 дворов (496 жителей), была «жива» рыбартель им. Чапаева, то в 1999-м оставалось 120 человек, из них 34 пенсионера. Работающих было всего 26. Эти «26 зенковских удачников» трудились в администрации территории, начальной школе, медпункте и в двух магазинах. Других организаций нет. К числу работающих прибавим пенсионеров и получим фактическое количество безработных – 60.

– Неправда, – возразят в соответствующей службе районной администрации, – нет у нас такого количества безработных зенковцев. Их у нас зарегистрировано всего... двое. Официально зарегистрировано.

И не захочется доказывать, что безработные просто не обращаются в центр занятости, ибо ничего регистрация им не даст.

Основанная, по заверениям краеведов, на рубеже XVII-XVIII столетий ямщиками Скрипуновым и Змановским деревня Скрипуново (она же – Торопки и Змановская) пока ещё числится в списках населённых пунктов района. Местные жители с гордостью расскажут, что в расположенном неподалёку от деревни Зимнеборском городище обнаружены следы поселений XI века. А Александр Николаевич Змановский – представитель рода, живущего на этой

земле уже четыре века, мог бы указать место, где был, по его незыблемому убеждению, похоронен убитый в схватке с татарами сподвижник Ермака Иван Кольцо, чьи останки, золотой нательный крестик и рукоять меча обнаружили будто бы скрипуновские ребятишки после одного из многочисленных наводнений, смывшего верхний слой почвы. А у некоторых местных жителей, сообщил бы он, до сих пор хранятся чугунные ядра от казацких пушек. Но не укажет и не сообщит уже Александр Николаевич – один из последних скрипуновцев скончался в 2006 году.

На 1 июня 1967-го в 43 деревенских дворах числилось 170 жителей. Люди работали в рыболовецкой бригаде Нялинского рыбоучастка. На 1 января 2003-го оставалось тринадцать «могикан». Доживают в нищете и заброшенности древние старики и старухи, которым некуда податься.

В июне 2004-го в Скрипуново на праздник деревни приехали потомки местных родов. Я бы уточнил: на поминки бывшей деревни. «Покинутые людьми бревенчатые избы, которые осматривали гуляющие по деревне потомки живших здесь когда-то семей, выглядели как экспонаты в краеведческом музее под открытым небом», – такой увидел деревню гость «праздника» журналист Виталий Гудзовский (День деревни. – Наш район. – 2004, 24 июня).

Ныне почти забыто о существовании деревень Старая Майка, Чучели (бывших юртах Чучелинских с её рыболовецкой артелью «Остяко-Вогульская правда»), где в 19 дворах в 1967-м проживали 58 жителей, составлявших успешную рыболовецкую бригаду Нялинского рыбоучастка; медленно, но неотвратимо угасает Пырьяховский лесозаготовительный пункт Ханты-Мансийского леспромхоза (на 1 января 2003-го оставалось 250 жителей против 536-ти в 1967-м).

А теперь рассмотрим так называемые «процветающие» сёла и деревни. Из «поступной» в публикации Хрисанфа Лопарева известно, что «1728 года августа въ 5 день Темлячевой волости Шапшиныхъ юрть новокрещёныя ясашныя остяки Дементей Евдокимовъ сынъ Ортышь, Гаврило Васильевъ сынъ Невуль, Иван Васильевъ Кырь, Пётръ

Дмитріевъ сынъ Попусовъ, Філіпъ Михайловъ сынъ Килайко, Ларіонъ Кипріяновъ сынъ Расстегай, Лаврентей Ларіоновъ сынъ Конецъ, поступилися за свой долгъ и расплаты прежнихъ своихъ долговъ... отставному солдату Николаю Фёдорову сыну Зуеву, самаровскимъ ямщикамъ Овдокиму Сергееву сыну Змановскому, Якову Васильеву сыну Лыткину... и волно имъ Николаю Зуеву с товарищи на оной земле дворами селитца, сено, где родится, косить и скоть выпускать, рыбу и птицу промышлять...» (Самарово... – Там же. – С. 179).

Были времена, когда в основанном «Николаем Фёдоровым сыном Зуева», «Овдокимом Сергеевым сыном Змановского» и «Яковом Васильевым сыном Лыткина» русском селе Шапше (в 30 километрах к северу от Ханты-Мансийска) не только «сено косили», «скот выпускали», «рыбу ловили» и «птицу промышляли», но сеяли рожь, овёс и ячмень. Старая деревня, основанная отставным солдатом и самаровскими ямщиками, находилась в трёх километрах от нынешней, а к началу XX века слилась с ней. В 1905-м появился здесь ссыльный матрос Алексей Зелененко, забывший в вольных местах про революционную смуту и занявшийся рыбороторгвлей, открывший постоялый двор. До революции 1917-го помимо постоянного двора в селе имелись церковь, постовая и земская станции, ветряная мельница, церковно-приходская школа. В 1912-м в 14 дворах насчитывалось 17 мужчин и 33 женщины, в то время как в юртах Шапшинских оставалось 8 дворов с их 28 остяками и остячками. Пришедшие к власти большевики церковь закрыли и даже хотели снести, но шапшинцы, по свидетельствам старожилов, не позволили. Так и простоял храм до 1958 года. Потом в нём открыли клуб, который вскоре сгорел. В 1930-1931-е образовался колхоз «13 лет Октября» (первый председатель – У.Ф. Лыткин), в 1958-м переименованный в колхоз имени Чапаева. Затем всё было «как у всех» – рыболовецкая артель, лесозаготовки, работа от зари и до зари за пустые трудовни. С конца 1950-х дела потихоньку пошли на поправку. Имелась известная в округе звероферма, где выращивали не только лис, но и норку. На 1 июня 1967-го в

45 дворах проживало 216 человек, работал производственный участок Зенковской рыболовецкой артели им. Чапаева. Но в 1981-м артель передали геофизикам в качестве подсобного хозяйства. Поначалу у геофизиков что-то получалось, Шапша даже потихоньку застраивалась. Однако грянувшая «перестройка» обернулась катастрофой. Геофизики отказались от избыточной для себя «подсобки». Мы помним, как, начиная с 1991-го, нефтяники и прочие «ведомственные крестьяне» в предвкушении грядущей приватизации, метко названной в народе «великим хапком», ошалевшие от перспектив немислимых прибылей в личный карман, массово освобождались не только от подсобок, но и от соцкультбыта, строительства школ, детских садов, больниц, учреждений культуры... Если ещё в 1990-м в округе насчитывалось 206 худо-бедно работавших подсобных хозяйств, то к 1998-му после перестроечного урагана осталось около 25, да и то часть из них превратилась в разного рода «АО» и «ЗАО». А ведь те худо-бедно работавшие подсобки, в том числе и переданные югу Тюменской области, имели в общей сложности 62794 гектара пашни, производили более 43 процентов молока и мяса в округе...

Отсюда и вывод, которого наши власти до сего дня так и не сделали: сапоги должен тачать сапожник, пироги печь – пирожник, а сельским хозяйством заниматься крестьянин. Земля для него – это не «подсобка» и не досуговое развлечение в перерывах между подсчётами нефтедолларов, а образ и единственное условие полноценной жизни. Но последнее – не из области экономики, а из сферы народной этики, философии, нравственности, которые, к сожалению, в «рыночных» академиях «не проходят». Ибо на Руси испокон считалось: крестьянин, забросивший пашню, – это не крестьянин, а вырожденец. Наша власть в рамках продовольственной программы доверила накормить страну именно «вырожденцам», легко бросившим на произвол судьбы и пашню, и скот, и, что всего чудовищней, самого обобранного до нитки крестьянина...

В начале 1990-х брошенное геофизиками подсобное хозяйство подобрало частное предприятие «Эффект». Что из

этого получилось, рассказывала журналистка Антонина Надеина: «В руки частного предприятия перешло более двухсот дойных коров, более шестисот голов крупного рогатого скота, скотные дворы. За два года всё хозяйство развалилось. Коровы дохли, как мухи, деньги не выдавались, народ роптал, «Эффект» нервничал. Всё в конце концов кончилось прахом...» (Легенды и были маленькой деревни. – Югра. – 1999, № 1).

Ныне в Шапше живёт около 400 человек. Бывшее село задумано эколого-просветительским центром и центром туризма. Построен гостевой домик. Созданы школьное лесничество «Муравей», эколого-просветительский центр «Шапшинское урочище», включающий в себя туристический, вольерный комплексы (в котором живут любимец ханты-мансийской детворы медведь «Степан Чугасов», лисята Чубчик и Алиса, енот Масяня, лосёнок Манюня и лошадь с жеребёнком), «экологические тропы» имени эколога Черкасовой и «Таёжная экспедиция». Окружающий Шапшу кедровый массив площадью 110 гектаров объявлен памятником природы. В планах – туристическая ямщицкая станция, заведены ездовые лошади и кошёвки. Построены корпуса Ханты-Мансийского филиала сельскохозяйственной академии. Планируется открытие Дома-интерната на 50 мест для престарелых и инвалидов. А ещё – физкультурно-спортивный комплекс с универсальным игровым залом. Наверное, для «оздоровления» инвалидов и престарелых. Для осуществления всех этих и других планов появились в Шапше предприниматели. Но не появился фермер, который «Россию накормит». Не появится и не накормит. Из 200 с лишним человек, зарегистрировавшихся в районе фермерами с началом «фермерского движения», остались считанные единицы, да и те едва-едва сводят концы с концами, остальных «съел чиновник». По словам же чиновников, районная программа возрождения сельского хозяйства предусматривает создание в Шапше агрофирмы. Пока же значится на современной карте района «сельское поселение Шапша», но села нет и уже не предвидится.

И, наконец, на 1 июня 1967-го в центре Нялинского сельсовета – в посёлке Нялино насчитывалось 147 дворов (633 жителя). Посёлок спасся рыбоучастком Ханты-Мансийского рыбокомбината – основным местом работы людей. С переходом к так называемым рыночным отношениям участок сократился до небольшой промысловой бригады, а в последние годы стал частным предприятием. С ликвидацией рыбоучастка рыбаков бросили на произвол судьбы. По утверждению старожилов, 1960-е были «золотым» десятилетием в истории посёлка. Помимо рыболовецких бригад в юртах Нялинских, в деревнях Скрипуново, Чучели, а также в посёлке Приобском Назымского сельсовета (на 1 июня 1967-го насчитывалось 68 жителей в 16 дворах), гословецкая бригада Нялинского рыбоучастка располагалась в деревне Долгое Плёсо (на 1 июня 1967-го было 127 жителей в 38 дворах) Селияровского сельсовета...

Рыбоучастки же ликвидировались в связи с полным крахом Ханты-Мансийского рыбокомбината в эпоху «большого хапка», названного юмористами от новейшей экономики «приватизационным процессом». Сегодня, глядя на груды развалин бывшего предприятия, трудно поверить, что в «застойные» 1970-е ордена «Знак Почёта» рыбокомбинат выпускал 26 наименований одних только рыбных консервов, а всего с ноября 1930-го им выработано 122 наименования консервов и продукции, что в лучшие свои годы консервный цех выпускал до 13 миллионов банок в год, и что продукция пользовалась спросом не только в СССР, но и в Болгарии, Монголии, Польше, Франции, Чехословакии...

Нынешний генеральный директор Сергей Николаевич Андрейченко принял комбинат в 2002 году в любопытный момент: «...флота – ноль, добыча рыбы – ноль, переработка сырья, соответственно, тоже – ноль. Практически на нуле была и материальная база. Всё, что можно было продать – продано, что можно сдать на металлолом – сдано. Чудом уцелел один цех, в котором новый рыбокомбинат начал свой старт в начале XXI века... Финансовое состояние от нулевой отметки было довольно далеко – минус 20 миллионов рубликов»

(В. Копнов. Рыбокомбинат: версия XXI, или Новый заплыв по Обь-Иртышскому бассейну. – Новости Югры. – 2006, 3 октября).

Ныне в Нялино едва пульсирует лесхоз из пяти человек, работают средняя и специальная (коррекционная) школа-интернат для детей-сирот, библиотека, амбулатория в юртах Нялинских. Разговаривая с жителями посёлка и юрт (здесь по-прежнему строго разграничивают эти два населённых пункта), я усвоил главное: посёлок – без определённых перспектив. Те из жителей, кто ещё в силах рыбачить, главным образом, браконьерничают почти не таясь, и выживают продажей муксуна, стерляди, а то и осетра из-под полы. С обретением Ханты-Мансийским рыбокомбинатом («новейшее» название ООО «Рыбокомбинат Ханты-Мансийский») второго дыхания в 2005-м добыто 1300 тонн рыбы, к 2007-му в штате состояло около 100 человек и ещё с тремя сотнями сдатчиков заключены договоры, бригада нялинских рыбаков во главе с Михаилом Коневым рыбачила на катере и неводами рыбокомбината в 2005-2006-х. Заработок за путину был достаточно высок. С реанимацией рыбокомбината появился в Нялино и приёмный пункт, но пока он простаивает: «Причина проста – киловатт-час электроэнергии стоит около 10 рублей. Такой финансовой нагрузки ни одна экономика не выдержит» (В. Копнов. Рыбокомбинат: версия XXI... – Там же).

По той же причине «доживают» юрты Нялинские: если на 1 июня 1967 года в 44 дворах насчитывалось 238 жителей, то на 1 января 2003-го осталось 69 душ. Ещё три семьи живут в тайге.

– Доживаем, – коротко ответил на мой вопрос Александр Иванович Юров (ныне уже, к сожалению, доживший). – Молодёжи здесь делать нечего.

Правда, чиновники могут возразить:

– Шапша и Нялино не доживают, а живут. Здесь даже численность возросла. И строительство ведётся.

На первый взгляд, они правы. На 1 января 2003-го население действительно приросло и составило 761 человек. Василий Конев уточняет: к 2006 году насчитывалось не

меньше 900. И строительство ведётся. В 2008-м планируется возведение врачебной амбулатории. Администрация выделяет иным жителям небольшие ссуды, помогает транспортом. На краю посёлка выросла улица кирпичных особняков-коттеджей, но опять-таки... ханты-мансийских чиновников и воротил, решивших превратить бывший посёлок спецпереселенцев в такую же, как Шапша, загородную резиденцию. Все условия для роскошного отдыха есть: целебный кедровый бор, рядом – Обь и протока Нялинская, царского муксуна и осетринки первой свежести поднесут утомлённым от трудов праведных «слугам народа» обездоленные нялинские рыбаки...

В связи с печальной участью Конёва вспоминаю певца сибирской деревни – омского писателя Михаила Шангина. Героиня его пронзительного рассказа «Возвращение» – семидесятилетняя жительница Украины Марья Петровна едет на малую родину – в село Сосновка, в котором в силу обстоятельств не была сорок лет. Пришла в Сосновку, ходила по улицам – не узнаёт деревню. Вспомнила, что в районе было две Сосновки. Побрела из чужой деревни в свою. По дороге каждое дерево, каждый холмик узнавала. И вот поднялась Марья Петровна на последний холм, с которого должен был открыться вид на родную деревню, а деревни... не оказалось. Снесли как неперспективную.

Я могу согласиться с целесообразностью закрытия иных леспромхозовских лесопунктов и рыбоучастков. Во-первых, в 1930-х в спешке и неразберихе возводились порой совершенно не пригодные для нормальной жизни селения – на малых, к зениту лета пересыхавших речках и протоках, в немыслимом отдалении от мест работ и старожильческих селений, где даже вертолёту негде было приземлиться. Во-вторых, «пункт» есть пункт, «участок» есть участок – это по определению нечто временное, созданное для решения конкретной задачи. Временные «точки» расположения собранных отовсюду людей. Хотя и на таких самаровских «точках» люди жили десятилетиями, осваивали землю, обзаводились семьями, рожали детей. И когда наступал час ликвидации – в основном «в связи с истоще-

нием сырьевой базы», люди вдруг осознавали, что эти временные «точки» стали для них родными гнёздами, а для их детей – малой родиной, и уезжали на «большую землю» со слезами на глазах...

Сложнее понять, чем руководствовались «реформаторы» 1950-1960-х, обрекая на уничтожение старожильческие русские селения с двух-трёх-четырёх вековой историей, с их традициями, обычаями и нравами?

В разгар «ликвидационной кампании» на 1 июня 1967 года в 12 сельских советах района ещё числилось «в живых» 52 селения. С конца 1960-х – начала 1970-х умерщвлено и заброшено ещё 19 населённых пунктов: деревни Денщики, Слушка, Сотник, Заводные, Мануйлово, Доброно, Прииртышский, Чучели, Тренька, Богдашка, Востыхой, Фролы, Чага, посёлки Сугунчум, Горный, Затон, Сеуль, Тавотьях, Лесной (20-й квартал)...

До нового тысячелетия дотянуло 33. В их числе немало таких, как Зенково, Скрипуново, Шапша. В составе Троицкой территории числится деревня Матка, но постоянного населения там давно уже нет. Деревня Долгое Плёсо Селияровской территории числится, вероятно, только потому, что в ней к 2003-му ещё проживало четыре человека. 33 жителя осталось в Семейке и 54 в деревне Чембакчина Цингалинской территории. 70 человек бедуют в деревне Сухоруково Урманной да 76 в Лугофилинской Горноправдинской территорий...

В начале прошлого столетия Дунин-Горкавич открывал на среднем и верхнем Назыме неучтённые поселения, а нынешние власти учитывают по существу вымершие...

В 1950–1970-е в одной только Тюменской области ликвидировано свыше тысячи так называемых неперспективных деревень...

На порядок больше уничтожено их на родине моих родителей в нынешнем Муромцевском районе Омской области. Суворовка, Кирсановка, Копьёво, Радищево, Чёрный Куст, Моисеевка, Шадринка, Малиновка, Старая Малиновка... Это только один «копьёвский куст»!

По некоторым сведениям, за одиннадцать перестроечных лет в России уничтожено свыше 20000 (двадцати тысяч!) деревень.

А сколько всего?

«Визит» Юрия Конева в родную деревню состоялся в 1969 году. «Состояние и внешний вид деревни превзошли все мрачные предсказания родственников. В ней не осталось ни одного жителя. Многие дома были раскатаны и подготовлены к вывозу для строительства или на дрова. Даже высокий сруб церкви был разобран. Дощатая обшивка её была уже увезена (доски, так называемый тёс, всегда были в дефиците на Севере). Часть резных наличников окон у ряда домов была снята.

Я зашёл в отчий дом (последнее десятилетие в нём жили чужие люди). Впечатление от увиденного было удручающим. Как и у остальных домов, двери и ставни были открыты настежь и, разумеется, не заколочены – никто не собирался сюда возвращаться. В прихожей на стенах висела старая одежда, на полу валялись мелкие предметы быта: бутылки, обувь, учебники, игрушки и т.п. В большой комнате (зале) вдоль стен стояла самодельная мебель, в красном углу висело пять икон. Отношение к вере уехавших стало понятным... Второй дом, который я обследовал, – материнский – опустел, по-видимому, ещё раньше (в нём прежде был сельсовет). Глядя на всё это, можно было подумать, что люди уезжали в спешке, как от стихийного бедствия, как от осточертевшей кабалы. Исчезло родовое гнездо – малая родина многих обских Коневых, верно служивших Отечеству...» (Почему исчезла деревня Конёво. – Там же).

Об этом же вспоминает и Василий Конев, побывавший в Конёво в 1970-м:

«...Долго стоял у места нашей избы. Сохранился дом, в котором размещались раньше сельский совет и почта. Стояли безмолвно еще несколько разваливающихся домов, словно бросая укор людям за содеянное...» (Сладкого только горстка, горького – полная чаша. – Там же).

Писатель Новомир Патрикеев рассказывал, что бывал в Конёво то ли в 1970-м, то ли в 1971-м. Все дома были ещё

целы, в них оставалась старая мебель, хозяйственная утварь, одежда, обувь, а на заросших пыреем огородах цвела... картошка, посаженная выбывшими крестьянами. Кто-то, по-видимому, уехал так поспешно и неожиданно, что не смог собрать даже выращенный урожай...

Я несколько раз бывал в заброшенном Конёво в конце 1970-х – начале 1980-х. В ту пору там стояло не до основания разрушенными всего-то три-четыре дома, но по заросшим крапивой и кустарником холмикам-остовам исчезнувших строений можно было при желании восстановить «план» бывшей деревни. Да и в «сохранившихся» домах уцелели только стены. Не было ни полов, ни перекрытий, ни оконных рам, ни дверей, – всё было разобрано и сожжено останавливавшимися на ночлег охотниками и рыбаками. Сожжено в кострах на месте, сплавлено или перевезено для сожжения в Ханты-Мансийске и окрестных деревнях...

За много лет до меня это повсеместное на Руси печальное явление увидел и убедительно объяснил Василий Белов: «Разве мало кругом в лесу сухостою и сорного лесу, чтобы не ломать и не топить в печках жилые дома? Эта странная мода (употреблять на топливо хозяйственные и жилые строения) пошла, насколько я помню, ещё с середины тридцатых годов. Многие обобществлённые амбары, а лесные и полевые сараи для сена оказались тогда лишними, ненужными. Без присмотра их крыши быстро дряхлели, а если крыша течёт, то постройка при нашем климате сразу начинает портиться. Зачем же пропадать такому добру? Сараи для сена начали ломать, пилить и топить на овинах, во время сушки снопов. Дурная традиция укоренилась легко: вскоре в ход пошли и сами гумна с овинами, которые так старательно возводились стариками... Затем дело дошло до самих домов. Брошенные на произвол судьбы или проданные за бесценок, они безжалостно разламывались и употреблялись на топливо» (Раздумья на родине: Очерки и статьи. – Москва, 1989. – С. 61).

С той лишь разницей, что в моём районе «эта странная мода» пошла не с ломки сараев для сена и гумнов с овинами, а с брошенных спецпереселенцами бараков в пору

укрупнения колхозов и ликвидации лесо- и рыбоучастков. Временные казённые жилища, более напомилавшие невольничьи казармы, пила и топор не щадили...

Разрушительная волна 1960-х по сути дела смахнула с берегов Оби и Иртыша плоды славных деяний потомков Ермака, российских самоходов и пореформенных переселенцев, жертв коллективизации и депортированных народов, кровью и потом освоивших эту землю, сделавших её пригодной для проживания.

Но в конце 1970-х – начале 1980-х мне и в страшном сне не могло присниться, что следующая разрушительная волна, едва ли не самая губительная – «перестроечная» – снесёт с берегов Оби и Иртыша последние останки крестьянской цивилизации.

«Мне очень хочется, чтобы эта память не исчезла бесследно, а места, где жили замечательные люди, напоминали о себе хотя бы памятным знаком: «Здесь стояла деревня», – пишет в окружную газету Дарья Морозова – бывшая жительница исчезнувшей деревни Карагаево соседнего с моим Кондинского района, где в 1940-м только по Ягодинскому сельсовету насчитывалось около 20 деревень и спецпосёлков. – Памятные знаки должны стоять везде, где жили и умирали люди. Поставить кресты памяти можно всем миром, как когда-то ставили храмы» (Здесь когда-то стояла деревня. – Новости Югры. – 2007, 11-17 октября).

«И это под силу сельским администрациям, где находились исчезнувшие деревни, – соглашается с Дарьей Морозовой уроженка исчезнувшей деревни Черемховской Валентина Мясникова. – Мы, родившиеся в Черемхах, должны посетить нашу родину и низко поклониться той земле, которая дала нам жизнь» (И деревни не стало... – Новости Югры. – 2007, 30 октября).

Можно ли с этим не согласиться?

4. Местные жители (Рассказ-приложение к предыдущей главе)

*Люди, одетые в дождь и пургу,
в жужжание гнуса, в туманы,
в лопухи, в паутину, в шелка ветров,
в бересту, в пятна нефти, в коросту,
в камуфляжи рябые, в тину болот,
в обереги из белчих лапок,
сердоликов, медвежьих клыков и рублей
серебряных с профилем Николая.
Люди в одеждах своих морщин
и неторопливых дум.*

Юрий Лоциц. Люди Оби

Приснилось, будто заблудился. В тайге. Зачем, каким образом туда забрался – не ведаю. Но только дело к ночи, темень кругом, а я шарахаюсь из стороны в сторону, и, куда ни сунусь, – всюду лога крутые, бездонные, или болота необозримые, трясинные, или совсем чёрт знает какие дебри непролазные.

И вот уже карабкаюсь будто по лесистым сопкам, ищу Батькича, спутника, спасителя своего – он только что был рядом – не найду. Силюсь окликнуть – не могу: голос пропал. А без Батькича, понимаю, мне уже не выбраться, без него мне крышка.

Медведем ломлюсь напропалую. Сквозь чащобу, через бурелом. В просини чёрных силуэтов деревьев чудится домик на берегу Стремнинки. Но тайга всё глубже всасывает меня в своё жуткое чрево. Падаю, обессиленный...

«Ба-а-ать...ки-и-ич!!!» – базлаю во всю силушку лёгких...

И – пробуждаюсь.

1

С рабочим Светлоборского леспромхоза Тихоном Дубровным я был знаком семь лет. В посёлке его больше звали Батькичем, реже – Прокурором. Почему Прокурором,

узнаете чуть позже, сперва о том, как мы с ним познакомились. Забавно у нас это вышло.

Мне в ту пору не исполнилось ещё и двадцати трёх. Я всего-то и успел в жизни, что отслужил в армии да окончил лесотехникум. Местом работы избрал Моховое. Почему именно этот невзрачный районный посёлок, а не какой-нибудь город на Средней Оби, опять же, с вашего позволения, поясню потом. Сейчас лишь замечу, что выбор мой не был случаен.

Меня трудоустроили в объединении «Моховлес», предоставили вакантную должность в отделе по лесозаготовкам. Должность, догадываюсь, потому и была долгое время вакантной, что требовала непрерывных командировок. Со свойственной молодости решимостью я с головой окунулся в кипучую леспромхозовскую деятельность. Уже к концу первого года работы исколесил вездеходами, облетал вертолётами, обплавал катеришками и мотолодками самые что ни на есть медвежьи углы обширного района. Случалось, пробуждался в затхлом номере ведомственной гостиницы, пялился в потолок и не вдруг соображал, где имею честь сегодня пребывать.

Сейчас вижу себя как бы со стороны – молодого специалиста объединения «Моховлес», ещё не обремененного семьёй и лёгкого на подъём, и сознаю, что пришлось несладко, собачья досталась должность. Но есть чему и позавидовать. Я был, как говорится, свеж и юн, в той лучшей поре молодости, когда всё новое воспринимается как дар судьбы, всё в интерес и в диковинку...

В один из ненастных осенних дней я возвращался из отдалённого лесопункта. «Метеор» разгонисто скользил по смирной в тот день Оби, путь предстоял неблизкий, и, памятуя о том, что лучший способ коротания дороги – сон, я сдался дрёме.

Очнулся от толчка. «Метеор» как бы с разбегу налетел на берег, задребезжал всем корпусом. Попутчики мои завозились в креслах, припали к иллюминаторам, и по омрачённым их лицам я догадался, что мы «сломались». Так оно и вышло: один из двух движков заглох, а на единственном рабочем нам пришлось «почапать»...

Через три часа «Метеор» вполз, наконец, в бойкую речушку, дерзко, под прямым углом вбежавшую в Обь в самом, казалось, неподходящем – открытом со всех сторон – месте и ещё через несколько томительных минут ткнулся в измочаленный борт деревянного дебаркадера с вывеской «Пристань Светлоборск».

Извинительным баском из трескучего динамика объявили задержку рейса до утра. Мои попутчики, люди, судя по разговорам, большей частью местные, из окрестных деревень и лесоучастков, привычные к подобным сюрпризам, обменялись беззлобными репликами по адресу речфлота и потянулись в сторону посёлка, по родным и знакомым.

Меня предупредили, что гостиница с весны на ремонте. Был поздний час, в конторе Светлоборского лесопромхоза, где я по праву инспектирующего мог рассчитывать на ночлег, меня, разумеется, не ждали. Да и от одной мысли тащиться туда по непролазной грязи в летних туфлях и лёгком, продуваемом плаще становилось зябко. От реки меж тем холодило. Я топтался на осклизлом настиле дебаркадера, с тоской поглядывал на разбитое, тряпьем заткнутое оконце зала ожидания – комнатухи с двумя рядами искалеченных стульев вдоль стен и оцинкованным бачком на столике в углу – и кожей чувствовал, что там ничуть не уютней, чем на берегу.

А берег был безлюдным, лишь у самого дебаркадера, в вёрткой на волне «казанке» копошился мужичок. Коренастый, в сапогах-броднях с развёрнутыми до паха голяшками, в штормовке поверх грубого свитера и ватной телогрейки, в замызганной вязаной шапчонке. На песчаной кромке берега, возле мотолодки, стоял округлый, похоже было, с сетями, мокробокий мешок...

Спичек у меня не оказалось, и с сигаретой в одной, с «дипломатом» в другой руке я подошёл к мужичку, в котором угадал рыбака. Позже я не сразу поверю, что было ему всего лишь чуть за сорок. Он показался старше. Старило, видно, лицо – в морщинах, прокалённое ветрами, прокопчённое дымами. Но что удивительно, глаза на этом грубо отделанном природой лице были голубые и чистые, как у ребёнка...

– Серянок? – по-своему переспросил рыбак и, нехотя похлопав по карманам, бросил коробок.

Я поймал его с лёта, прикурил и вместо «спасибо» предложил сигарету.

– Свои именем! – рыбак всё так же нехотя вытер о бока штормовки красные от холода ладони, из сплюснутой пачки выщелкнул беломорину, размял её в пальцах и вбросил в рот, наполовину утопив в толстых губах. Закурил и вновь принялся за дела. Со дна мотолодки собрал в бумажный куль с целлофановым нутром точёные грузила.

Вынужденное одиночество тяготило меня, и, чтобы скрасить разговором хотя бы несколько минут, я поинтересовался:

– Не обезрыбела ещё Обь-матушка?

Рыбак молча посопел в наклоне, затем резко выпрямился, не вынимая папиросу изо рта, прошепелявил:

– Пымашь тут с вами, как же!

– Что, не удалась рыбалка?

– Ты чего, парень, пыташь? Чего, спрашиваца, пыташь?

Я остолбенел. А рыбак выплюнул за борт изжёванную папиросу и, не выпуская меня из-под сердитого прищура, прошил добавочной очередью:

– Вот штирлицы, а! Взяли в моду! Рыбки, поди, надо? Была када-то рыба! А сейчас какая рыба? Горюшко одно. Всё кругом перепоганили, нефтью позалили. Какая оставалась, так всплыла вверх брюхом!

Я, понятно, вспыхнул и коротко, но выразительно объяснив, что ни его рыба, ни сам он, такой горячий, меня не интересуют, перекинул «дипломат» из руки в руку и повернулся уйти.

Рыбак недоверчиво на меня покосился, остановил вопросом:

– Издаля будешь?

– «Издаля!» – настроение совсем испортилось.

– Да погодь, не дуйся... На сердитых воду возят. Ты не рыбадзорщик? Или, может, экспедиторский?

До меня сразу дошло, что под «экспедиторскими» он подразумевал рабочих экспедиции, разбуривавших площадь неподалёку от посёлка.

Выяснив, что я не «рыбнадзорщик» и не «экспедиторский», он подобрел голосом.

– Я и вижу, вроде, не из нашенских, – кивнул на мои залепленные грязью туфли. – В таких штиблетиках по нашим асфальтам не разгуляешься. – И, с плеча взмахнув рукой, вдруг расхохотался. – Ну, парень, напужал! Верно говорят: пугана ворона куста боится. За кого, думаешь, я тебя принял? За рыбнадзорщика. Ей-бо! Они, холеры, шибко ушлые. Дня три, кажись, назад, в это ж само время – один с «Метеора» таким же вот макарком к соседу подкрался. Как, мол, рыбалка, то, сё, пято, десято. А потом бац напрямки: продай, отец, рыбки. Да не шшуки, что в лодке на виду, а хорошей рыбки. Я, говорит, ращитаюсь, не поскуплюсь. Жена, видишь ли, в беременном виде, хорошей ухи запросила. А сосед – Кузовников – хишник ещё тот, с рыбалки без улова не вертатся, и не упустит выгоду. Думает: продам. Пусть человек бабёнке угодит, а я на сугрев заработаю. Пару стерлядей в мешковину завернул: неси, да только прячь от любопытных глаз. А мужик, холера, корочку под нос. Рыбнадзорщик, да! Всё, лыбится, спасибочки, щас рассчитываться будем. Бумажки достал, давай протокол рисовать. Кузовников опешил, потом смикитил, что к чему, да поздно – погорел!

Теперь рассмеялся и я.

– Погорел, говоришь?

– Погорел. Капитально! – рыбак вынес на берег вёсла, бачки с бензином, тощий рюкзачишко, в котором по виду всего-то и было, что остатки снеди.

Я не упустил случая заметить:

– Рыбнадзора испугались, а уловом и не пахнет?

– В чём, парень, и беда. Сутки убил и хоть бы на уху добыл. Мотор, собачество, заглох на полпути, как ни бился, не завёл. Кажись, свечи никудышные. Пришлось на гребях вертаться... А рыбнадзорщик узырит, что пустой вернулся, первым, холера, обхохочет. Во как!

Слово за слово, разговорились.

Уже за полночь я сидел за столом у Дубровных и за милую душу уплетал добавочную миску круто наперченной ухи.

Рыбы Тихон Батькич («Зови меня просто Батькич!») «добыл» по дороге домой у соседа Кузовникова («Хоть соседка и хищник, каких свет не видывал, и просить у него хуже смерти, однако, зайти придётся, а то моя холера нас с тобой на порог не пустит!»).

Осоловелый от горячего и горячительного, тянулся ко мне через стол.

– Дай сюда, Натолий, паспорт!

Я вынул паспорт из нагрудного кармана.

– Да ты в своём уме? – заругалась на мужа Фаина Даниловна – строголицая чернявая женщина. – Привёл в дом гостя и паспорт требуешь!

– Погодь, не разорайся! – Батькич раскрыл мой паспорт и, тыча в него жёлтым ногтем, строго повелел: – Глянь сюда. Читай. Чёрным по белому: место рождения – посёлок Перевал. Ведь это ж по нашим-то меркам, рукой подать, в двух часах ходу на «Вихре». А говорят, чудеса отменили!

– Вижу, не слепа, – отстранялась Фаина Даниловна. – Ну, Перевал... Ну и что?

– Как это – что? На фамилию глянь. Лаврухин фамилия. Неуж Василя Лаврухина запомнила?

Фаина Даниловна вопросительно выгнула брови.

– Это который начальником участка был?

– Дотяпала, жирафа! А теперь, мать, на сына евоного глянь. Натолия, стало быть, Васильича. Помнишь, в люльке вверх пушонкой лежал, пузыри пускал? Каков парняга вырос, а?

Хозяйка с минуту заинтересованно меня поизучала.

– Так вы точно Василя Лаврухина сын?

– Сын.

– И вправду, на отца похожи.

– Вот, приехал в родные края, потянуло шшуку в реку! – Батькич выскочил из-за стола и, потрясая моим паспортом, волчком закружился по кухне. – Золотым человеком был твой родитель! И с планом по кубатуре справлялся, и людей за кубиками видел, но, главное дело, в рыбалке был полный профессор. Весь участок у него науку проходил. Я в эти края совсем зелёным прибыл, моложе тебя ещё

был. Ветром, можно сказать, занесённый. Почему, думаешь, Батькич, а не какой-нибудь Иваныч-Степаныч? Я родом будто из хохлов, из тех краёв. В сорок первом коло хутора Дубровного в разбитом поезде меня подобрали. Совсем ещё кутёнком. Документов при мне, ясно дело, никаких, а звать-то как-то надо. Вот и сделали Тишкой Дубровным. Почему Тишкой, не знаю, врать не стану, может, тихим был... А про отчество забыли, прочерк в паспорте стоит. Во, парень, как бывает... Ну, да ладно, я ведь о другом. Зелёным сюда прибыл, в рыбалке никою не петрил. А твой родитель, хоть и старше был, от себя не оттолкнул – на рыбалку и охоту брал... Сколько, мать, мы в Перевале прожили?

– Два года.

– За два года заразился рыбалкой!

– Заразиться, заразился, да ничему не научился, – съязвила Фаина Даниловна.

Батькич аж крутнулся на месте.

– Не понял, мать, намёку?

– Какой из тебя, к дьяволу, рыбак? – завелась жена. – Не рыбак ты – сто рублей убытку, вот ты кто! Сам посуди: сутки прокатался, бензину прорву сжёг, а добыл что? На уху две щурогайки?

Я вовремя отвернулся к окну. Представил, как бы восторжествовала Фаина Даниловна, узнай в доказательство своей правоты, где «добыл» на уху её муж.

– Вот Кузовников – рыбак, да! – продолжала Фаина Даниловна. – Хозяин и добытчик. Не зря из раскулаченных. И себя на зиму рыбкой обеспечит, и в ОРС по договору сдаст. За лето мотолодку оправдат. Погоди же, – понизила голос, – возьму да куплю у него рыбы, чтоб тебе, рыбаку-то, стыдно стало от людей. На весь посёлок осрамлю!

Батькич возразил:

– Раз на раз не приходится.

– Да у тебя так каждый раз!

– Не скажи-и!

– Когда ты с рыбой возвращался?!

– Ладно, мать, не заводись. Оголодала, что ль, без рыбы?

Вы с соседом – пара, чем больше есть, тем больше надо.

Домик у Дубровных невелик. В «передней», печью разделённой на две половины, слева от входа – кухня. Столик под облезлой клеёнкой, посудный шкафчик над ним, раковина за ширмочкой в углу. За печью, в ящичке из-под медицинской аптечки, – набор «ходовых» и «неходовых», импортных и «нашенских» («Сын, слышь, из города снабжат!») свеч к лодочному мотору. На зелёной заборке сверху – «мечта охотника» – новёхонькая, в масле, вертикалка. В другой половине передней, у окна на Стремнинку, где до поступления в институт спал на диване сын Дубровных, постелили мне. В спальне, называемой горницей, при тусклом свете ночника вполголоса переговаривались хозяева. Чтобы мне не проспать, радио у изголовья было включено, бормотало. А сон не шёл...

Вспомнился хороший майский вечер в армии. Перед отбоем мы, четверо взгрустнувших по гражданке первогодков, сидели в курилке. Разговор тёл о разном, но незаметно свёлся к одному, и получилось, как в том известном детском: «А у нас...»

«А у нас, – сказал один из нас, – всё теперь цветёт, в саду белым-бело...»

«А у нас, – вздохнул другой, – уже вспахали и отсеялись...»

«А у нас», – вспомнил третий...

«А что у нас? – задумался я. – И где это – у нас?»

...По паспорту местом моего рождения значится посёлочек Перевал. Но что он такое, до последнего времени я имел весьма смутное представление. Знал по материным рассказам, что посёлочек являлся лесочастком тогдашнего Моховского леспромхоза, нынешнего объединения. Что, как и большинство ему подобных, он состоял из трёх десятков свежесрубленных домишек, в беспорядке разбросанных по берегу Стремнинки. На короткий век моего отца таких Перевалов выпало предостаточно. Отец, со слов мамы, имел ясный ум, твёрдый характер и золотые руки, унаследованные от своего родителя, единственного, надо сказать,

«лесного» моего предка – егеря Савватая, могилу которого, как и могилу отца, я, к стыду своему, удосуужился разыскать всего лишь год назад.

В пору отцовской молодости не изнасилованная техникой и планом тайга казалась неистоощимой, как на детей от природы здоровая баба. Леспромхозы в здешних краях росли, будто грибы после тёплых туманов. И, видимо, было в отце кроме способности «выдать план по кубатуре» нечто большее, что побуждало тогдашнее леспромхозовское начальство использовать его как организатора новых лесоучастков. По крайней мере, отца постоянно перебрасывали с места на место, ни на одном больше двух зим не задерживая. За всю свою совместную жизнь родители так и не обросли скарбом, не обзавелись хозяйством, не считая красной комолой коровы, которую по необходимости завели в год моего рождения.

И после смерти отца (он скоропостижно скончался от сердечного приступа) наша семья переезжала. Сперва в какой-то близлежащий посёлок, где имелась школа-восемилетка, в которую через год предстояло пойти моей старшей сестре. Оттуда – в Моховое. По-видимому, мать решила: если переезжать, то с перспективой – к десятилетке.

Не оттого ли из всего домоховского прошлого в памяти моей отпечатались лишь санная дорога, нескончаемая вереница обоза, заиндевевшие морды лошадей, ямщики в собачьих шапках, в белых длиннополых тулупах с красными опоясками, с сосульками в бородах? И ещё – измученная длительными переходами красная корова. Она тащилась на привязи позади саней-розвальней, глядела на нас с сестрой, укутанных в тулупы, жалобными глазами, и мы жалели больше её, чем шедшую за ней маму.

В Моховом, не прошло и года, мама вдруг затосковала по родной деревеньке Камышинке где-то на Большой земле. Помню, как внезапно отрывалась от дел, бежала к репродуктору, требуя тишины, приставляла палец к губам и от начала до конца прослушивала передачи, в которых хоть вскользь упоминалось о её родных местах. А однажды принесла школьный атлас, карандашом нарисовала маленький

кружочек по ту сторону бледно-коричневой полоски, именуемой Уралом. Это и была мамина родина – колхозная деревенька Камышинка, где жили её братья и сёстры, мои, значит, дядьки и тётки, и где ей, среди своих, легче будет поставить нас, детей, на ноги. Словосочетание «Большая земля» манило своей загадочностью, мы поторапливали с отъездом...

И снова в дороге. Плывём по Оби на большом пароходе, кругом, куда ни глянь, вода и вода, по берегам – большие и малые поселения, нам с сестрой радостно, мы резвимся на палубе, сообщаем каждому встречному, что плывём не куда-нибудь – на Большую землю, в деревню Камышинку, нам понимающе улыбаются в ответ, а мама, концом платка утирая слёзы, безотрывно смотрит за корму...

Повзрослев, я не раз вполухутку-вполусерьёз утверждал, что бесконечные те переезды не прошли для меня бесследно. Сколько себя помню, меня всё подмывало куда-то поехать, всё меня куда-то влекло, и в маминой Камышинке, едва окончив восьмилетку, что называется, на крыльях радости умчался в областной центр, поступил учеником на завод пластмасс, но, к счастью, синтетические смолы и лаки ничего, кроме отвращения, во мне не вызвали, и, поработав с полгода, я вновь ощутил знакомый зуд, уволился и переехал в соседнюю область. И на армейскую службу я отправился легко, как в путешествие в неизведанное. И после армии, погостив недельку-другую в Камышинке у матери, с лёгким же сердцем рванул обратно за бледно-коричневую полоску Урала, к армейским друзьям. Там всё же хватило благоразумия поступить в лесотехнический техникум. Но по распределению напросился в Моховое не по зову сердца, не потому, что где-то на Стремнинке, под мышкой у Оби, была, как принято называть, моя малая родина. Я её не помнил, она меня не звала. И не потому, что «решил испытать себя Севером». Ничего подобного. В свои неполные двадцать три я имел самые серьёзные намерения жениться на очаровательной второкурснице с нашего факультета. Мне нужны были деньги. Много денег. На свадьбу, на угол под крышей... А заработать много и скоро я надеялся

на Севере. Здесь, в Моховом, леспромхозовские ветераны всё ещё помнили моего отца, я рассчитывал на их помощь. Хотя бы приличной должностью с соответствующим окладом. Мы с любимой всё разложили по полочкам...

Всё разложили, всё рассчитали, да ничегошеньки из нашей затеи не вышло. Моя неверная на втором году моего северного стажа выскочила замуж. И не за какого-нибудь своего брата-студента или, вроде меня, вчерашнего выпускника, а за вполне обеспеченного кандидата экономических наук. За блондинистого, спортивного кандидата, который однажды в весеннюю сессию словно бы в отместку за будущее конкурентство вlepил мне пару по капспособу производства...

Со дня моего знакомства с Батькичем прошло несколько лет. С тех пор, наведываясь в Светлоборск, я всякий раз останавливался у Дубровных. Радужные хозяева не поняли и не простили бы, остановись я в леспромхозовской гостинице. И хотя я бывал в посёлке не чаще двух раз в году, всё же успел достаточно хорошо узнать своих новых знакомых.

Фаина Даниловна принадлежала к тому беспокойному племени местных жительниц, что в раннеосеннюю пору бросают все дела, забираются в глубь сосновых боров и мшистых болот и, измученные целодневными походами, в кровь изъеденные комарьём и мошкаррой, одуревшие от запаха багульника, с темна до темна рыскают в поисках не больно-то щедрых по нынешним временам даров тайги. Но что меня всегда в этих мученицах удивляло: для них важен не результат, не сама по себе, скажем, ягода, и ведра иной раз им довольно. Только не считалось бы понапрасну потерянным золотое времечко осени, было бы в досталь похоже-но, соблюдено неписаное этому племени правило – хоть на зубок иметь в своём доме всего природного.

Они не завистливы и не скупы. Но Фаина Даниловна, к примеру, видеть равнодушно не могла, как кто-то из более расторопных и удачливых, чем её муж, волок в дом с рыбалки и охоты. Ох и доставалось же бедному Батькичу! Но, случалось, и он возвращался домой не с пустыми руками, тогда она одаривала мужниной добычей многочисленных подруг.

Она вышла из семьи обрусевшего охотника-ханты, чего, впрочем, нельзя было предположить ни по чертам лица, имеющим больше восточного, нежели угорского, ни по разговору – без малейшего оттенка хантыйской интонации. По вечерам за чашкой обязательного послеужинного чая с брусничным вареньем расспрашивала о том о сём, не допуская, однако, в наши разговоры мужа. Уступчивый, покладистый Батькич за компанию пил чай и со снисходительной усмешечкой вслушивался в наши беседы.

Мне, как человеку «свежему», из района, а следовательно, по мнению хозяйки, сведущему, в основном приходилось отвечать на вопросы. Фаину Даниловну интересовало многое: не случится ли в скором будущем заварушки с американцами, а то ведь наслушаешься радио, что они там у себя вытворяют – страшно становится; имеются ли в райцентровском универмаге болоньевые курточки сорок шестого размера (в них по ягоды удобно), если есть, то в какую расцветку и почём; правда ли, что в комиссионном клюква по три пятьдесят (с ума совсем сошли!); не слыхать ли чего про ликвидацию леспромхоза, а то в посёлке поговаривают, будто нефти нашли прорву, завод планируют строить, весь народ на него кинут и, не дай Бог, химиков пришлют...

Наговорившись вдоволь, убирала со стола посуду, мыла её на кухне, отправлялась на «покой». Мы с Батькичем оставались вдвоём.

Его мало интересовали цены на курточки и ягоду. По вечерам он обычно бывал в прекрасном расположении духа, и его в основном заботило, где достать снасти для рыбалки-охоты. Порой поражал меня своей противоречивостью. Мог часами разглагольствовать о прелестях утиной охоты весной «по утрянке», о карсях, выдурывающих будто бы в сковороду, но однажды в разговоре признался, что не ахти какой любитель весенней охоты и летней рыбалки (всё равно какими – ставными или плавными – сетями), они ему больше напоминают промысел, чем забаву, всё это, сказал он, для Кузовникова. Зато, выяснилось, страстный поклонник подлёдного лова. К тому времени благодаря сослуживцам и я пристрастился к славному этому занятию. Как-то разговор зашёл о ледобурах.

– Мне бы ленинградского производства раздобыть, – мечтательно произнёс Батькич. – Добра штуkenца!

Я поддакнул: вещь действительно стоящая, у самого ленинградский, кстати, скоро в Питер собираюсь – есть двухнедельная путёвка, так что обязательно выкрою время, пошарюсь по магазинам, может, попадётся путный ледобурчик.

– Правда, если попадётся, сделай добро дело – привези!

И я в Ленинграде с ног сбился в поисках обещанного ледобура и всё же нашёл то, что Батькичу загорелось.

Он хоть и открылся, что не ахти какой любитель летней рыбалки и весенней охоты, всё же, против мнения жены, не признавал себя «хреновым добытчиком», держал марку. На этой почве между ними частенько вспыхивали ссоры.

С «экспедиторскими» и «рыбнадзорщиками» враждовал в открытую.

– На Санином озере, парень, напакостили! – встретил меня как-то жалобой. – Два года рыбозаводские карася там не тревожили, дали отдышаться. Карась повеселел... И что, думашь? Какой-то растяпа спяну вездеходом на нефтепровод наехал, труба и лопни. Пока с ремонтом прошаперились, нефтью озеро испоганили. Ладно бы, убрали за собой, ещё бы полбеды, а то ведь, собачество, палец о палец не ударили! Думали, всё шито-крыто, никто и не узнает. А я и пожаловал к начальству. Как же так, говорю, ведь сгубили озеро, кто ответит?

«Как сгубили? Кто, когда сгубил?!» – вроде бы не ведают. – «Да ваши, кто ж ещё!» – «Ай-я-яй, нехорошо. Разберёмся, выявим, накажем! Садись!» – Присел. – «Ты, – говорят, – Дубровный, шибко не шуми. Если ты человек политически сознательный, в курсе экономической стратегии, то должен вникнуть в положение. Нам, – говорят, – не по сторонам – вперёд смотреть приходится. Нефть стране нужна. Любой ценой. Мы, – говорят, – в Европу нитку тянем. Политическое дело! Вот если в срок нитку не сдадим, будет скандал, возможно, международного значения. А ты из-за какого-то озериска наскандалить норовишь!»

Надо было видеть его глаза, полные боли и решимости мщения.

– Ничего, – утешил он себя минутой позже, – найду на них управу. Жалобу накатал. На этот раз прям в райком. Разберу-у-утся!

– Ты вот допишешься, писака, они тебе когда-нибудь перья обломают, – встряла Фаина Даниловна. – Мне в посёлке людям из-за твоих писулек хоть на глаза не попадйся. Все и похохатывают: опять твой прокурор приговор экспедиторским накатал!

– Накатал! – хорохорился Батькич. – По шапке кой-кого крепко вдарю, не я буду!

– Пиши, – великодушно разрешала Фаина Даниловна. – Пиши себе, пописывай, раз делать больше нечего. Там, куда строчишь, над тобою тоже, поди, потешаются... Людям строчить некогда, люди рыбачат всюю. Кузовников опять деньгами опузырится. – И за поддержкой обратилась ко мне. – Он что недавно удумал? Из всех озерешек, что коло посёлка, воды понабрал да в склянках куда-то на экспертизу отправил. Его ли это дело? Как его назвать?

– И что, парень, думаешь? – вскинулся Батькич. – Кругом горючки больше нормы. Дышать нечем. Как дальше жить-то думам?

Однажды я имел неосторожность выразить при нём своё восхищение красотами ночных нефтяных факелов, коих в районе да и вокруг посёлка, наблюдалось в избытке. Голубые глаза Батькича сузились в сердитом прищуре.

– Красиво, говоришь? Эта красота хуже преступления!

– ?!

– Знаешь, чем хороший ягодник от плохого отличается? Хороший не тот, кто больше наберёт, а тот, кто чище соберёт. Хороший-то, если напал на круговину, до ягодки выщеплет, но зелёную не тронет. А плохой пройдёт бульдозером, потом попетлят, побегат по лесу да на старо место, а там и брать уже нечего – им же всё потоптано.

– Но при чём тут факела?

– При том, – Батькич кивнул на занавешенное окно, будто за ним горел факел. – Сегодня, вишь ли, нефть им нужней. Нефть качают, а газ сжигают. А не прикидывал, сколь кубиков в минуту в небушко уходит? Прикинь. Дело даже не в потерях. Над природой изгаляемся! Я вот дома закурю, мать взашей меня к печке гонит – дышать, кричит, нечем. А тайге какво? Сегодня нефть важнее газу. А простого не поймём: не возьмём всю нефть сегодня, она до завтра не прокиснет. Всё равно возьмём. А газ уже не взять... Спихва-атимся! Как плохие ягодники, к растоптанному вернёмся. По крохам брать будем...

– Тебя слушаешь, такой ты умный, такой прям умный, а кругом одни дураки! – распалёная духом противоречия, подколола Фаина Даниловна. – Один ты всё понимаешь, больше никто. Всё бы кого-то учил!

– Теперь, мать, все учёны, все всё понимают, но жить хотят по-старому: будет день – будет пища. Дудки! Всему есть предел.

– Ладно, с экспедиторскими ясно. – Я перевёл разговор на другие рельсы. – Но почему тебя с рыбоохраной мир не берёт? Ведь ты, судя по всему, должен их поддерживать.

Батькич долго меня рассматривал в упор, как бы сомневался, не прикидываюсь ли я. Но видя, что я серьёзен, стал терпеливо разжёвывать:

– Что такое рыбоохрана? Это, парень, рыбо – ох – рана! – разрубил слово натрое. – Каки её прямы обязанности?

– Ну, охранять рыбные запасы...

– Вот именно – охранять. А что они? Они, слышь-ка, запрещают. Рыбачить. И ещё штрафуют. Нашего брата. Любителя. Потому как с нас живут. Чем больше наштрафуют, тем жирней зарплата. А много ль нам с Фаиной надо? Не все ведь хапуги! Рыбнадзор должен охранять, и в первую очередь, от экспедиторских. После них на Санином озере неделю халеи пировали. А рыбнадзор и ухом не повёл. Потому что с экспедиторских взятки гладки. Они в Европу нитку тянут, им многое простительно. А ты говоришь, поддерживать! Подбирай выражения!

В чём-то я с ним соглашался, в чём-то нет. Попробовал разъяснить функции рыбоохраны и природоохранительных органов – договорить не дал:

– Брось, парень. Функции-пункции! Раз так, хреновы те функции!

И трудно было что-то возразить.

3

Батькич давно соблазнял меня рыбалкой, да всё никак у нас не согласовывалось: то я бывал весь в делах, приходилось прихватывать и выходные, то у него что-нибудь непредвиденное ломало планы.

– Вы, Натолій Васильич, не вздумайте с ним поехать, – отговаривала Фаина Даниловна. Она, к месту будет сказано, так и не стала со мной на «ты», сколько я ни просил её об этом. – Не вздумайте – намучаетесь. У него без приключений не обходится. Уж если в охотку порыбачить, поезжайте с Кузовниковым, с ним надёжней. Я попрошу, он возьмёт.

На что всякий раз я отшучивался.

Но вот у нас согласовалось. Со служебными делами я управился в пятницу, в моём распоряжении оставалось два выходных.

– Давай, парень, махнём до Перевала, – с вечера предложил Батькич. – Оно, конечно, далековато, зато в родном посёлке побывашь. Там два дома уцелело. В одном продавщица проживала, а второй ваш – лаврухинский... Как на это смотришь?

Я смотрел положительно. Но, скажу откровенно, не испытывал особой необходимости в путешествии на родину. Против иного места для рыбалки тоже не возражал бы...

С отъездом неожиданно припозднились. С вечера всё было у нас как будто наготове, но утром, на берегу, обнаружилось, что горючки в бачках «токо на разбег». Пришлось вернуться за бензином, отчалили уже к полудню. Поначалу шли ходко, мотор работал ровно, без сбоев. Батькич всё в той же вязаной шапчонке, в штормовке, откинулся на спинку переднего сиденья, сложил руки на баранку дистанционного управления и принялся что-то

намурлыкивать. Время от времени он наклонялся ко мне и кричал на ухо:

– Вот что значит регулировка!

Но не прошло и часу, «Вихрь» вдруг взбрыкнул, взревел, выбросив куски донного ила. Лодку бросило из стороны в сторону, тряхнуло, я вцепился в борта. Лёгкая «казанка» днищем вспорола илистую мель, щукой выскочила на глубину, закачалась на волнах. Мотор, выпустив синее облачко дыма, заглох...

– Приехали! – Батькич пятернёй скребанул затылок, сплюнул за борт. – Винт, парень, полетел!

Я прошёл к мотору. Две лопасти винта срезало как бритвой. Видно, наскочили на топляк...

– Будем ставить запасной!

– Было бы что ставить, – угрюмо бормотнул Батькич. – Последний винт, собачество, угробил!

– Вот тебе и регулировка! – присвистнул я.

Что оставалось делать?

Мы на вёслах причалили к берегу, молча, не глядя друг на друга, сидели в лодке, покуривали, уповая на случайного дядю со стороны. Батькич обеспокоенно поглядывал на чистое – без единой помарочки – небо, на часы и глубоко вздыхал. Я хорошо понимал его тревогу. Стоял один из ясных и безветренных дней своенравной и непредсказуемой в здешних краях ранней осени, когда в любую минуту с близкой Оби могло дохнуть северком, всколыхнуть речушки и протоки, нагнать туч и, как говорится, – не до жиру, быть бы живу.

Лишь через два часа появился «дядя». Из-за белой двуязыкой косы на изгибе Стремнинки показалась оранжевая, в полукружьях брызг, моторка. Батькич встрепенулся, изпод руки всмотрелся, помрачнел.

– Кузовников пожаловал. За Перевалом у него сети поставлены...

В Кузовникове действительно было что-то отталкивающее. Как-то раз «под мухой» он зашёл к Дубровным и разговорился со мной. Рассказывал, как бил на икромёте щуку «в лёт». «Голяшки развернул, иду по мелководью.

А тёмно – глаз коли. И тут из-под сапог она и выскочи. Подумал, утка-острохвостая. Хлесть её навскидку. Слышу, шлёпнулась на воду. Подхожу, беру – холодная как лёд! Околела, что ли, думаю себе? А взгляделся – щука. Старая, аж мохом вся взялась. Но пузатая, икряная. Ах ты дура, думаю, сидела б себе в травке да метала бы икру, раз ты щука, а не утка...»

«А чего ж она, дурёха, из воды скокнула?» – засмеялась Фаина Даниловна. – «Так на хвост же наступил!» – захохотал Кузовников...

Высокобортный «Крым» приблизился, замедлил ход. Кузовников привстал и, чтобы сбить набегавшую волну, пустил лодку по кругу.

– Чё загорашь, сосед? – гаркнул он приветственно.

Был он примерно одних лет с Батькичем, того же росту, но пошире в кости, покряжистей. Из той, видимо, крепкой сибирской породы, чей невеликий рост и отнюдь не богатырское сложение с успехом восполнялись жилистой силой. На неопрятных, в табачном крошewe, влажных губах блуждала снисходительная усмешка знающего себе цену человека. Одет он был в такую же, как у Батькича, потасканную штормовку под красным спасательным жилетом. Чёрная продольная полоска от козырька сдвинутой на затылок фуражки надвое разделяла высокий лоб – верхняя его половина, не тронутая загаром, была первозданной белизны, а нижняя, у выпуклых надбровий и у переносицы, как, впрочем, всё лицо – багровой. Маленькие глазки мельком, но цепко обыскали «казанку», волосатые ноздри округлились, часто задышали. Редкие, вразброс, как ежачьи иголки, усы, брови, даже серая многодневная щетина на подбородке встопорчились. Сильной рукой он ухватил «казанку» и сомкнул борт о борт с «Крымом»...

– Загорашь, спрашиваю, чё?

Батькич взял отвёртку и полез зачем-то в карбюратор.

– Винт накрылся, – коротко объяснил я.

– Винт полетел, а заменить, конечно, нечем? – в беззвучном смехе зашёлся Кузовников, и лодка под ним заколыхалась. Просмеявшись, он покашлял в сторону,

придвинул окованный тусклой медью сундучок, покопался в железках. – Ах, сосед, сосед, – укоризненно покачал головой, – никакой в тебе основательности. Вот ему, – кивнул на меня, – куда ни шло, молодо-зелено-неопытно. А тебе никак не простительно. Ну да ладно... У нас ведь человек человеку друг, товарищ и помощник, что значит: ты мне – я тебе. Вот токо неравноправно у нас с тобой получается: всё я тебе да я тебе. Когда ты мне?

Чем дальше я всматривался в этого человека, тем больше он кого-то мне напоминал, а я никак не мог понять – кого, и оттого, наверное, раздражался...

Наконец, Кузовников вручил Батькичу запасной винт, завёл свой новёхонький, ещё как следует не обкатанный мотор. «Крым» кормой сдал назад, на мгновенье погруз в тёмной толще воды и, словно выброшенный из воды невидимой катапульты, вознёсся над Стремнинкой...

Надолго мне запомнился путь до Перевала!

«Казанка» раз за разом седлала скрытые ранними сумерками мели и перекаты, мотор надрывался и глох. Мы то и дело брели по мелководью и, на каждом шагу рискуя ухнуть в ямину, тянули лодку за собой. Батькич плевался и матерился. Я вспомнил пророческое «намучаетесь!» Фаины Даниловны и мысленно костерил себя за опрометчивость.

Сумерки меж тем сгущались. Как на беду (не зря тревожился Батькич), с Оби вдруг задуло холодом, порывами ветра взрыбило реку.

Измученные, издёрганные, добрались до Переваловской протоки. Единственным желанием было выбраться на сухое и залечь в палатку. Не до рыбалки! Но Батькич всё же таки решился выставить сети.

– Совсем зря мучались, что ли? Хоть на уху к утру добудем!

Мы нарубили кольев и, решив перегородить сетями устье протоки, в четыре руки налегли на вёсла. А ветер усиливался, небо со всех сторон затягивало чёрными тучами, «казанку», как щепку, трепало и вертело на волнах.

Одну сеть сумели-таки выставить, но её тут же течением выгнуло в дугу, натянуло, на глазах под бечеву забило

букетами опавших с прибрежных берёз листьев. Исподлобья глянув вверх, Батькич знобко передёрнул плечами, схватился за вёсла.

– Будет, однако, делов! – он зачистил гребками, направляя лодку в сторону бывшего посёлка. И тотчас белой молнией выхватило из потёмок круговину фиолетовой ряби воды, кусок пологого берега с синей полоской ивняка по краю. Над головой троекратно бабахнуло, и дождь обрушился лавиной...

Лодка мягко ткнулась в берег. Батькич зацепил её цепью за сухару, вскинул за плечо вещевой мешок, я припустил за ним куда-то в темень. Метрах в двадцати впереди себя различил чёрный силуэт дома без крыши. Перед ним, обозначая квадрат бывшей, видимо, ограды, торчали из бурьяна редко поставленные, в рост человека, столбы. Позади, у гряды молодого осинника, виднелись поросшие лебедой и крапивой развалины мелких строений...

Мы вбежали в дом. Ни потолка, ни окон, ни дверей не уцелело. От пола вдоль стен сохранились по две замшелые половицы и покрытые плесенью, прогнившие лаги. Всё остальное – перегородки, заборки, наличники, подоконники было разобрано, изрублено, сожжено рыбаками и охотниками: по углам золой чернели следы размытых дождями кострищ. Отовсюду хлестало и сквозило, укрыться было негде. Мы вжались в стену с заветренной стороны...

– Что-то не заметил я второго дома! – ёжась от сырости и холода, прокричал я Батькичу.

– Похоже, увезли его, – высказал догадку Батькич. – Здесь когда-то строились надолго, основательно... Дома все из гривной сосны. Вот и перевозят потихоньку. – Он недолго помолчал, неожиданно хлопнул меня по плечу. – Но этот – ваш дом, парень. Дом, в котором ты родился!

Ветер мало-помалу ослаб, дождь приутих, но совсем не прекращался. При свете карманного фонарика вбили за стеной дома колышки, натянули палатку. У Батькича нашли кусок истёртого войлока и старое, прожжённое во многих местах «походное» одеяло. Мы наспех соорудили подобие постели.

– Неудачливый ты, парень, как погляжу, – пробормотал недовольно Батькич. – Такая штормяга в твою честь разыгралась! Ничего-о, – тут же подбодрил меня, – дождик переждём, чайку сообразим, повеселем!

На палатку с верхушек осин сочно и грузно падали гроздь дождя.

Если в Фаине Даниловне всё было как будто на виду, просто и ясно, то в Батькиче, сдавалось мне, была какая-то тайна. Он был сложней, противоречивей.

Как-то один из моих леспромхозовских сослуживцев, человек семейный и порядочный, заядлый «утятник», давший мне рекомендацию для вступления в общество охотников, вытащил меня в качестве стажёра на весеннюю охоту. Всю эту вооружённую любительскую армию, сосредоточенную в камышовых скрадках вокруг пойменного озера, с первым лучом солнца разбуженного ружейной канонадой, я разделил для себя на три категории: на горе-охотников, вроде себя – неопытных, неумелых, не отличающих острохвостую от шилохвосты, на умеренных, уважающих охотничий этикет и потому сдержанных в азарте, и на добытчиков-истребителей...

Сказать, что Батькич, по моей классификации, относился к горе-охотникам, значило бы слишком упростить его натуру. В свои «за сорок» он, конечно, знал толк в рыбалке и охоте. Скорее всего, он принадлежал к той разновидности счастливых неудачников, которым и места для скрадков доставались не самые выгодные, и высидеть в них в силу характера больше часу они не могли, и манки ими располагались не самым удачным образом, и мазали-то они безбожно. Но если удавалось красиво подстрелить селезня, и тот камнем падал на озеро, бросали ружья, вскакивали в надувные лодки. Им непременно тотчас необходимо было поддержать в руках трофей, взвесить на ладони, полюбоваться оперением, порадоваться меткому выстрелу. Уже после первого трофея охота для них теряла интерес.

Но тем удивительней в Батькиче было нетерпение в ожидании сезона. К весенней охоте он начинал готовиться

едва ль не с января. В письмах ко мне делился соображениями о видах на утку, просил купить для него кое-что из запчастей, пороху и дроби, капсюлей, патронов («только не бумажных – терпеть их ненавижу!»), и я, не имея на руках охотничьего билета, вынужден был просить сослуживцев выручить хорошего человека из Светлоборска. Сослуживцы, к чести будет сказано, выручали.

Ближе к весне ему бывало уже не до чаепитий с последующими разговорами. Придя с работы, первым делом хватался за ружьё. Но не за «мечту охотника» – та береглась в подарок сыну, а за старенькую, шестнадцатого калибра, одноствольную «пукалку». Разбирал, протирал, чистил, смазывал, собирал. Вновь разбирал и собирал. Когда ружьё до поры до времени засовывалось в чехол, очередь доходила до лодки. Зимой она стояла под навесом во дворе. Давно собирался купить «обянку», мечтал даже о «Крыме», какая у Кузовникова, но из-за дороговизны и решительных протестов Фаины Даниловны «Крым» оставался мечтой недосыгаемой, покупка «обянки» по разным причинам из года в год откладывалась, и плавать приходилось всё на той же «казанке».

Усердно соскабливал с бортов и днища старые многослойные краски, разводил свежие и окрашивал лодку сперва в один, затем, передумав, в другой и третий цвета. До тех пор, пока не облюбовывал окончательный вариант. Долго упрашивал жену изготовить трафарет для написания номеров. Фаина Даниловна отказывалась, но в конце концов уступала, садилась за стол, как умела, рисовала цифры – 34-07, вырезала, но, оказывалось, не так, как следовало бы. Её работа браковалась. Батькич сам принимался за дело. Водил карандашом по белому картону, вымеривал, вычерчивал, проделывал операцию за операцией по изготовлению трафарета и, довольный результатом, шёл наносить номера на «казанку».

Добирался и до лодочного мотора. Бочка для дождевой воды наполнялась водой из колонки. Видавший виды «Вихрь–тридцатый» из кладовки выносился в ограду, крепился к бочке винтом вовнутрь, и начиналось «опробование». Мотор взрёвывал, дымил, чадил, выплёскивал воду,

Батькич с ног до головы обледеневал, но не оступался, а прибавлял и убавлял газу. До тех пор, пока Фаина Даниловна с руганью не выбегала на крыльцо.

Опробывание завершалось, начиналась регулировка. Регулировался в основном карбюратор. Или Батькич действительно знал больное вихрѣвское место или, грешным делом, думалось мне, разбирался только в карбюраторах. После регулировки мотор окрашивался: колпак – в синий цвет, всё, что до винта – в чёрный, винт – в красный...

Разными людьми были Дубровные. Но мне казалось, отними у Фаины Даниловны право на владение добычей, у Батькича – на ожидание сезона, такие вот, как наша рыбалка, муки – и всё, жить им здесь станет нечем. И никакие заработки, северные льготы и надбавки не заменят утраченного.

4

...Среди ночи я проснулся от холода.

Сквозь окаменелый войлок исходившей от земли сыростью до костей пронизывало наломанное за день тело. Батькич ровно посапывал на боку. Я подивился его неприхотливости, нашарил сбоку себя фонарик и на четвереньках выполз наружу.

Дождь перестал, ветерок едва шевелил верхушки деревьев, но меня не на шутку знобило. Я разыскал топорик, нарубил сушняка, сложил и запалил костёр. Огонь медленно набирал силу, я постепенно согревался. Подбросил в костёр дров. Высоким столбом в чёрную пропасть неба взметнулось облако искр, жёлтые блики огня заплясали по стене единственного уцелевшего в Перевале дома...

Моего дома.

Зачем-то я вновь туда зашёл.

Невесёлая картина!

Полтора-два десятилетия назад леспромхозовские посёлки вымиралы. И не от разгула страшных эпидемий, под корень выкашивавших всё живое, не в результате стихийных бедствий – пожаров, землетрясений или наводнений. Пожары здесь случались крайне редко, о землетрясе-

ниях, можно сказать, не слыхивали, а наводнения, те хотя и попортили немало кровушки, всё же с горем пополам переживались. «В связи с истощением сырьевой базы», – писалось в приказах бывшего леспромхоза, ликвидировались лесопункты...

Было, посмотрелся я на позаброшенные эти селения. По берегам речушек и проток стояли скособооченные и совсем ещё свежие бревенчатые постройки с оголёнными стропилами разобранных кровель, странным образом напоминавших почернелые рёбра рыбьих скелетов. Мёртвые посёлки провожали проходящие мимо теплоходы недоумением заколоченных окон, безмолвием пустынного берега, по которому, как знать, не с тех ли ещё пор бродили одичалые собаки...

Я стоял в своём доме, глядел на обезображенные людьми и непогодой, со следами отпавшей штукатурки стены. Ладонью провёл по шершавым, в мелких сетчатых трещинках брёвнам с бурыми полосками мха в пазах – они были тёплыми. Не эта ль удивительная способность дерева хранить тепло человеческого жилья впервые за недолгую, но уже насыщенную впечатлениями леспромхозовскую одиссею натолкнула меня на воспоминания?..

Ребёнком меня всерьёз занимал вопрос: каким образом я очутился в пустой рыбацкой бочке на берегу Стремнинки, в которой меня «обнаружили» родители. Сестру «нашли в капусте», а меня, утверждала мама, именно в бочке. Мама достала меня оттуда, запеленала, накормила и согрела. С холодного берега мне суждено было перебраться в тёплую колыбельку. Без меня в этих стенах было бы пусто...

Я вспоминал давние мамины рассказы, и меня вдруг поразило простой мыслью. До меня будто только что дошло: ведь именно в этих стенах я сделал первый вздох, первый шаг, произнёс первое слово. Больше того, будто въяве увидел синеватую белизну стен, потолочную балку с кольцом в скобе, на которой крепилась моя колыбелька. Всходившее из-за леса красное солнце с радужной дорожкой через реку, коней на берегу...

Там всегда бродили кони. В те времена они широко использовались на лесоповалах. Каждое утро кони спуска-

лись к реке. Зимой на льду вмораживалась деревянная колода, наполнялась водой из проруби, и кони из неё пили.

Себя увидел трёхлетним. В чёрной меховой шубке, в белых шерстяных варежках, укутанным в серую мамину шаль, под ручку ведомым сестрой...

И – табун. Крупным махом табун лошадей выскочил из-под берега прямо на меня. От неожиданности я упал ручонками в снег, закричал...

И – маму. Она подбежала ко мне, вскинула на руки, прижала к груди...

И – глаза её. Большие, испуганные. Ощутил запах волос и горячее дыхание...

Что это было? Ужели вопреки законам памяти одна из триллионов дремлющих в мозгу бит информации высветила вдруг не подлежащее воскресению?

Я не сразу услышал за спиной шорох. Обернулся – в ответах костра в дверном проёме стоял Батькич...

Вскоре над малиновыми углями в синих кудряшках огоньков на рогульках висел чайник. Батькич присел на комелёк бревна, налил в кружку кипятка.

– Люблю сюда приезжать! – он сучком поворошил угли, усмехнулся каким-то своим мыслям. – Ты знаешь, мне иной раз кажется, что я и родился в таком вот, как твой Перевал, хуторке. В маленьком, тихом, с речушкой под боком. Вот закрою глаза и, вроде, вижу. Чудеса. Но говорят, чудеса отменили! – он непонятно усмехнулся, потискал в ладонях закопчённую кружку, глотнул чаю. – В восьмидесятом взял отпуск, поехал в те края, где нашёлся. В Дубровный. Давно хотелось взглянуть, что за хутор. Приехал. И что ты думаешь? Хутора-то нет. В сорок первом фриц не спалил, так после войны сами разорили... Поезда громыхают. Туда-сюда, туда-сюда. А с какой стороны я, поди узнай... Спрашивал у местных в райцентре, где тут в войну поезд разбомбило – никто ничё не знат. Побыл да уехал...

В разговорах за чаем незаметно прошла ночь. С рассветом мы сплавали в устье протоки, проверили сеть. Как и следовало ожидать, ночью её скрутило в жгут, забило

травой и тиной, но и удача нас не обошла: попалось с пяток крупных, с полено, щук и столько же – «ровных!» – подъязков. Повеселевший Батькич засуетился, засобирился было попотчевать меня ухой по-остяцки, какой я вовек не едал, а раз не едал, то и рыбалка не рыбалка, но время, увы, поджимало. Не полагаясь на мотор, на лоцманские навыки Батькича, я поторапливал с отъездом, чтобы наверняка успеть на свой «Метеор». Решили ограничиться чаем. Я взял пустой котелок и отправился к речке...

Над сонной Стремнинкой стлался лёгкий туман, медленно перекачивался бесформенными облачками и, поднимаясь, образуя серую пелену, таял на глазах. Дали уже прояснились. Вблизи заурчал лодочный мотор, из устья протоки тяжело выполз на Стремнинку наполовину погруженный в воду оранжевый «Крым». Кузовников возвращался с промысла. Он заметил нашу «казанку», приткнулся к берегу.

Парной после дождя водой я освежил лицо, постоял, обсох. Наполнил котелок. Шагов на десять не дошёл до костра. Приглушённые голоса из-за стены дома странной возбуждённостью заставили меня остановиться...

– Когда ты разобрал этот дом? – требовательно спрашивал Батькич.

– Зимой! – с вызовом ответил Кузовников. – Ты вот не доумился, а я разобрал и по зимнику перевёз.

– На дрова?

– А на что он ещё гожд?

– Ты пошто такой ненасытный? – Батькич едва сдерживал себя. – Мало лесу по весне наплавил? Ведь я просил не трогать в Перевале дом!

– Да брось ты, сосед, ерундить. Нужен ему дом! Ты спросил – нужен? Пойми, не я – другой перевёз бы. И этот – последний – распилят и перевезут. Разве не так?

– Так, – выдохнул Батькич. – Перевезут. В чём и беда. Дай вам волю, тайгу на двор свезёте. Разделаете, в поленницу сложите. Присолите, присушите... Всё к рукам приберёте.

– А как же, по-хозяйски распорядимся!

Возникла пауза. Кузовников, видимо, истолковал её по-своему.

– Давай, сосед, ближе к делу, – примирительно заговорил он. – Пособи улов к плашкоуту доставить, рыбы привалило. Зараз план ОРСу везу. Одному не довести – мотор запорю...

Всё для меня прояснилось. Обухом по голове был тот разговор. Я понял, что Батькич солгал. Уцелевший на берегу дом неведомой мне продавщицы выдал за мой. А мой, выходило, на дрова разобрал Кузовников. Не та ли поленница, что разделяла соседские дворы, – была жалкими останками родительского дома?

Гадкое состояние – чувствовать себя обворованным...

– Рыбу отвезу, – всё так же сдержанно, но с железинкой в голосе произнёс Батькич. – Но к тебе у меня будет просьба: чтоб нога твоя на этот берег больше не ступала. Похорошему прошу.

Кузовников пришёл в себя не вдруг.

– Кому ты это говоришь? Мне – сыну своего отца? Мой отец срубил здесь первый барак в тридцатом первом! Нам ли с тобой цапаться? Из-за дома, который никому не нужен?

– Нужен, не нужен – не нам с тобой решать, – прервал Кузовникова Батькич. – Забудь этот берег, и точка. Оставь хоть клочок без надзора!

Кузовников длинно выматерился.

– Сколь добра я тебе поделал! Да если б не я, давно б ты сгинул в этих протоках, давно б тебя налимы иссосали! Я за тобой, как за дитём!.. Скажи жене за то спасибо – её я уважаю! А ты, Тихон, – дурак дураком. И за дом ты мне не прокурор. И не вставай мне поперёк! – Кузовников боком выскочил из-за угла, столкнулся со мной нос к носу и отпрянул... Разинул рот, хотел, видно, что-то добавить, но подходящих слов сразу не нашёл. Резанул рукой и пошёл к реке. Шёл сутулясь, свесив до колен большие натруженные руки...

И тут я догадался, кого он мне напоминал. Того самого заядлого «утятника», леспромхозовского моего сослуживца, вытацившего как-то меня на стажировку. Мой рекомендатель и наставник оказался способным высидеть в скрадке без курева и пицци с утренней до вечерней зари. Утка вали-

ла тучами, и мой, как выяснилось, «истребитель», в отличие от умеренных – хладнокровно, на выбор отстреливающих дневную норму, – лупил и лупил без разбору, дуплетами, навскидку во всё пролетающее над озером и над головой. К полудню я не вынес откровенной бойни, через кочкастую луговину ушёл в ближний березняк, повалился на траву. Закрыл глаза, сдавил ладонями уши, но в них не прекращался ружейный грохот, запахом сгоревшего пороха свербило ноздри... Когда поздним вечером воротился, увидел, как, елозя на коленях по сырой земле, разгребая россыпи стреляных гильз, мой напарник набивал мешок окровавленным пером и тёплым птичьим мясом. Он уже поостыл от азарта, остудил раскалённые стволы и тут наткнулся на убитого лебедя. Некоторое время он был ошарашен содеянным, но быстро отошёл от испуга, криво усмехнулся, досадливо крутнул головой. Ещё через минуту кинул в ивняк священную в здешних краях для русского человека птицу, от глаз людских забросал жухлым прошлогодним пыреем. Вскинул за плечо до отказа набитый мешок с проступившими по бокам бурыми пятнами и молча ушёл. Так же вот ушёл...

Домой ехали молча. Батькич пристально всматривался вдаль по ходу лодки. Я силился понять, что меня влекло к нему. Неужели его маленькая тайна о Перевале как собственном хуторке отныне стала и моей? И о многом заставила мыслить иначе...

Не оттого ли много лет назад, утирая слёзы, безотрывно глядела за корму уходящего на Большую землю парохода моя мама, что сознавала безвозвратность покинутого? Не оттого ли все эти годы я всматривался в безлюдные берега покинутых деревень и посёлков, что всякий раз тщился увидеть себя трёхлетним на берегу возле родительского дома?

Батькич сдвинул на лоб шапчонку, прокричал мне на ухо:

– На шшуку, однако, сгоняли. Теперь на карася, парень, давай. В тутошних озёрах, скажу – не совру, карась, бывало, выду-у-уривал! Одного, было, в сковороду не угнездишь. Приезжай, слышь-ка, летом. Ей-бо, не пожалешь!

Он однажды не вернулся из тайги. Ушёл и не вернулся.

5. На родине дедов

Вырастание – отхождение. И именно – от родителей. Дети – сучья на стволе: но разве сук с каждым днём не отдаляется от ствола – своим «зелёньким», своим «кончиком», прикасаясь к стволу только бездумным основанием. В этом «зелёном» и в «кончике», в листочках сука – его мысль, сердце, душа. Так же и люди, дети, так – в семье. Судьба. Рок. Плачь или не плачь – а не переменишь.

Василий Розанов. Опавшие листья

«Михаил Калинин», совершавший рейс по линии Салехард – Омск, принял нашу семью пассажирами 3-го класса. Это был огромный, по моим детским представлениям, пароход-город с проспектами-палубами и переходами-улочками, в котором немудрено было заблудиться. Мы все четверо неотступно следовали за родителями. Первое, что бросилось в глаза – это множество смуглолицых, широкоскулых людей, в основном, почему-то женщин в ярких длиннополых халатах и цветных платках, их темнокожие то ли от природы, то ли от загара черноглазые ребятишки в зелёных тюбетейках на стриженных затылках. Они табором располагались на раскалённой необычно жарким осенним солнцем главной палубе, служившей четвёртым пассажирским классом.

Как я теперь понимаю, это были семьи калмыков, возвращавшихся из района на историческую родину. Калмычки были счастливы. Не забыть блеска их глаз, благожелательных улыбок, обращённых ко всем окружающим, будто в благодарность за долгожданную свободу.

На что надеялись они той ранней жаркой осенью 1957-го, покидая мой суровый район, ставший невольной родиной и для их беззаботных, шумливых калмычат? Как приняли их на родной астраханской земле? Обрели ли эти женщины со своими семьями приют и отдохновение от выпавших на долю невзгод?

Пребывание калмыков в Самаровском районе – самая, пожалуй, трагическая страница истории этого трудолюбивого народа...

Как уже было сказано, в 1944-м одиннадцать тысяч калмыков отделом спецпоселений УНКВД Омской области были отобраны для работы в рыбной промышленности Обского Севера. Из них 5999 человек завезли в округ. В 1945-м распределение калмыков выглядело следующим образом: по предприятиям рыбтреста – 3485, в Самаровском лесозаводе – 152, по рыбколхозам – 2092.

Надежде Евграфовне Шестаковой (Першиной) осенью 1944-го было девять лет, но на всю жизнь запомнилось, как в Берёзово привезли калмыков, по-видимому, для работы на Сосьвинском рыбозаводе. «Высадили на берегу под открытым небом. У нас хоть землянка была, а они... Пока их расформировали, половина умерла. Ещё несколько дней мёртвые лежали на берегу» (Завьялова Л. Дети войны. – Там же).

Журналистка из Ханты-Мансийска Альбина Глухих рассказывала, что в Самарово калмыков поселили на горе – на месте снесённого недавно здания нарсуда и что они угощали своих новых соседей крепким кирпичным чаем...

Теперь трудно сосчитать, сколько их попало в Нялино и Конёво, но семьями и поодиночке они прибывали и туда. Дед и отец нынешнего заведующего Нялинской амбулаторией Сергея Джамбинова – из числа тех шести тысяч... Как и Бося Мамишевна Нахаева (по мужу – Семёнова) – уроженка посёлка Дигтирь Астраханской области, ныне жительница Ханты-Мансийска, рассказавшая, что 28 декабря 1943-го всех жителей посёлка вывезли на крытых «воронках» на ближайшую станцию, предоставив на сборы четверть часа, затем поездом привезли в Новосибирск, где распределили по колхозам, а весной 1944-го часть из них перебросили на рыбозавод в посёлок Учинья Кондинского района. С ликвидацией рыбозавода уже после войны Бося Мамишевна попала в Ханты-Мансийск на рыбокомбинат, руководство которого определило дочь потомственного рыбака в деревню Слинкино в устье Назыма, где и «нашёл» её завербованный в Самаровский район русский парень Прокопий Семёнов. «Хорошо сложилась жизнь Боси Мамишевны. Заботливый муж, все пятеро детей получили

высшее образование – педагог, врачи, строители. Уже и внуки радуют успехами. Что ещё надо старикам? Но нет-нет да и задумается Бося Мамишевна: за какую такую провинность перед державой целый народ сослали в Сибирь, унижали все годы ссылки, заставляя регулярно отмечаться в комендатуре на печально знаменитой «Перековке» Ханты-Мансийска. Наверно, никогда не изжить этого воспоминания, оно как тёмное пятно на полотне жизни» (Альбина Глухих. «Перековка» до сих пор в душе. – Новости Югры. – 2004, 28 сентября).

В 1957-м калмыкам, как и другим депортированным народам, была объявлена амнистия. «По архивным данным, в конце 1950-х годов их оставалось (в округе – Н.К.) меньше двухсот человек из шести тысяч, – свидетельствует Альбина Глухих. – Причины, в основном, бытового свойства – болезни, брачные отношения, рождение детей» («Перековка» до сих пор в душе. – Там же). То есть на историческую родину калмыки вернулись почти полным составом. Забегая вперед, скажу: через полстолетия, в марте 2007-го, на родине нынешнего председателя окружной Думы Василия Семёновича Сондыкова в селе Селиярово побывала делегация Республики Калмыкии во главе с председателем Народного хурала Игорем Кичиковым. Делегация встретилась и с калмыками, осевшими в районе, и с людьми, приютившими их в 1940-е...

Помню: на главной палубе, сложив ноги калачиком, оживлённо переговариваясь, сидят калмычки. В кругу на раскинутой скатёрке или полотенце – куски зелёного плиточного чая, парящийся чайник и невиданные мною белые (глиняные или фарфоровые) чайные чашки с мелкими рисунками по бокам и золотистой окаёмкой поверху. Калмычки с таким наслаждением потягивали из чашек свой чай, что маме нестерпимо захотелось тоже. И не какого-нибудь чёрного, наверняка, у родителей имелась пачка-другая обыкновенного чая, а именно зелёного плиточного... Калмыцкого.

– Вот захотела я этого чая, прямо сил моих нет, – посмеиваясь, много лет спустя рассказывала мама. – Отец уже

познакомился с какими-то мужиками, то ли в карты, то ли в домино расположились играть, а я раз прохожу мимо чаёвниц, другой раз, но никак не решусь чаю попросить... Но всё-таки насмелилась:

– Женщины, продайте мне вашего чаю!

Пожилая калмычка, она, похоже, за старшую у них была, посмотрела на меня внимательно, на вас. А вы все четверо со мной...

– Все твои? – спросила.

– Все мои.

– Много детей – хорошо! А далёко ли едешь, женщина?

– На родину. В Омскую область.

– На родину? На родину – это хорошо! Одна или с мужиком?

– С мужем.

Всё повыспросила, разузнала.

– Ладно, мы тебе, женщина, и так чаю дадим. Не надо нам твоих денег.

– Да как же – не надо! – я было воспротивилась. – Я за так не возьму – нехорошо за так!

– Не надо! – и калмычка отломила мне полплитки чая. – Возьми, пей на доброе здоровье!

– Ну, хорошо, – уступила я. – Не хотите брать деньги, я вам свой гостинчик принесу... – А везли мы с отцом мешок калёного кедрового ореха. Пришла в каюту, насыпала в платок, сколько вместилось, и принесла им на палубу. Уж как они меня благодарили! А я – их. От души напилась калмыцкого чая! Правда, без молока и соли...

Смутно помню кратковременную ночную панику. Повидимому, ночью штормило, и вода стала захлёстывать каюты второго и третьего классов. Нас, детей, будили, спешно одевали, выносили куда-то наверх. В проходах образовались пробки. Встревоженные пассажиры толкались локтями, громко перекликались, откуда-то сверху осыпало то ли дождём, то ли брызгами речных волн. Полусонные дети плакали, куксились, из капитанской рубки время от времени доносились усиленные через мегафон зычные команды и обращения к пассажирам с просьбой о соблюдении порядка

и спокойствия... Затем пароход какое-то время стоял на якоре, в проходах сновали озабоченные матросы, занятые, по-видимому, откачкой воды из трюма. Но, слава Богу, всё обошлось. К рассвету пассажирам разрешили вернуться по местам... А утром вновь раскаляло палубу жаркое солнце...

Мы благополучно высадились в Большеречье и попутным грузовиком со всем своим небогатым скарбом доехали до «маминой деревни»...

В первой части повествования я упоминал о созданном по правобережью Иртыша одновременно с печально известным Большереченским (Красноярским) Козинском совхозе с центральной усадьбой в селе Козино бывшего Еланского района. Поначалу в этот совхоз на территории Большереченского района вошли сёла и деревни Алексеевка, Воскресенка, Моисеевка, Николаевка, Ново-Троицкое, Петропавловка, Суворовка и частично – Борисовка, Копьёво, Новопокровка, Пустынное. Однако уже в 1932-м оба совхоза были разукрупнены. Из Козинского в Большереченском районе выделились в самостоятельные Воскресенский, Копьёвский, Ново-Троицкий и Резервный совхозы. Через два года эти четыре хозяйства вновь подверглись укрупнению. Территория и имущество Воскресенского были поделены между Ново-Троицким и Копьёвским совхозами. Возвращение нашей семьи в Кам-Курск совпало с бурным процессом преобразования колхозов в совхозы, окончательно завершённом к 1961 году. Кам-Курский колхоз им. Сталина, а также колхозы в деревнях и сёлах Качесово, Моховой Привал, Шадринка и других присоединялись к набиравшему силу Копьёвскому совхозу, становились его отделениями...

С маминной сестрой – нашей тётёй Ниной, к счастью, всё обошлось благополучно. Она почти оправилась от травмы и даже вышла на работу (а работала в то время уже не в колхозе, а на почте), хотя ещё не обходилась без костылей. С незамужней тётёй жили её бабушка и «тятя» – наши прабабушка Елена Федосеевна и дед Егор Акимович...

Прабабушке шёл в ту пору 103-й год. Приземистая, с широким «крылатым» носом на плоском, в частой сеточке морщин лице, с аккуратным пробором русых волос с про-

блёскивавшей сединой, она ещё довольно-таки прытко передвигалась по дому со смешно растопыренными локтями и обходилась без очков. Могла самостоятельно перебрать крупу, вдёрнуть нитку в игольное ушко и при необходимости заштопать бельё. Её ложе зимой и летом находилось на полатах и взбиралась она туда, помнится, даже не пользуясь печной приступкой. Первое время мы почему-то отстранялись от её ласк. Причиной, думаю, являлись её тусклые, выцветшие глаза, зорко, однако, высматривавшие с полатей или русской печи всё, что происходило в доме. Улыбалась она одними уголками вылинявших, плотно сжатых губ, а глаза оставались неподвижными...

Дед Егор в день нашего приезда находился в двенадцати верстах от Кам-Курска, в соседнем селе Качесово. Он руководил артелью по строительству жилого дома. Ему сообщили о приезде семьи дочери, и на попутной подводе утром следующего дня дед приехал.

В путевых заметках А.А. Исаева «От Урала до Томска» дано удивительно точное описание внешности типичного крестьянина Курской губернии, без ретуши относимое к портрету моего деда: «Правильный острый нос, тонкие брови, тёмные глаза и продолговатое лицо с удлинённым подбородком...» («Дай нам такое приволье...». – Там же. – С. 205).

Дед Егор повёл себя странно. Он присел на краешек запровленной кровати, как посторонний в доме человек. С короткой аккуратной стрижкой, с тёмным от загара лицом, сидел молча, отстранённо, не вникая и не встречая в оживлённый разговор набежавших в дом гостей и многочисленных родственников, задумчиво поглаживая двумя жёлтыми пальцами щёточку седых усов, то подолгу разглядывал нас, своих внуков, скучковавшихся в углу, стеснённых непривычной обстановкой, то свою дочь – нашу маму, словно не уверялся, что эта с покрасневшимся от волнения лицом женщина и есть его любимая дочь Василиса, так опрометчиво и обидно для него пять лет тому назад сбежавшая на Север, то немногословного, смущённого повышенным вниманием нашего отца, будто видел его впервые...

Тётя Нина, почувствовав неловкость за странную отстранённость отца, не стерпела:

– Тятя, да ты хоть приласкай ребятишек, внуки ведь они тебе родные!

И только тогда дед будто вышел из оцепенения. От него крепко пахло махоркой. Щёки у него были колючи и влажны от набежавших слёз.

А в дом беспрестанно входили всё новые и новые незнакомые нам люди – наши сродные бабушки и дедушки, двоюродные и троюродные дядюшки и тётушки. Приводили с собой детей и внуков – наших сродных и троюродных же братишек и сестрёнок... Заходили немногочисленные родственники и с отцовской стороны, и тогда в доме Курниковых возникала напряжённая пауза... Не скоро я смогу объяснить причины её возникновения, как и последующую эволюцию отношений наших родственников по отцовской и материнской линиям: даже по прошествии пяти лет Курниковы не признавали за своих выходцев из рода Коняевых...

Родственники входили, и каждая зашедшая в дом женщина, словно бы застывала на пороге, в изумлении уставясь на маму, и только после того, как мама первой подавалась навстречу, зашедшая, словно удостоверившись, что это действительно она – Василиска! – не бросалась, а медленно шла к ней с распростёртыми для объятий руками, и, что нас по-настоящему пугало и расстраивало, обе вдруг принимались голосить, а гостью непременно подвывала:

– Ды Виси-и-или-иска-а ты, Ви-си-ли-и-иска! Ды дорогая ты моя систриц-ца! Ды воротилася ты в родимое гнёздышк-а ды со своими птенчиками малыми-и! Ды встречают тебя родимые тятенька с баушко-ой! Ды не встретят тебя систри-ицы Нюра с Фешенькой!..

Мы во все глаза таращились на плачущую маму, на голящую женщину, для нас всё было необъяснимо, и хотелось домой, в своё спокойное, уютное Конёво...

Помню затянувшееся за полночь шумное застолье, уставленный немудрёной деревенской снедью большой стол под праздничной цветной скатертью, голоса родственников, хлопотавших тётку и прабабушку Елену Федосеевну,

всё ещё молчаливого, подавленного деда Егора. Нас накормили за отдельным столом вместе с пришедшими с братьями и сестричками, и уже мама с тётей Ниной решали, где нас разместить на ночлег, потому что от избытка впечатлений и усталости мы начинали капризничать...

А гости из-за стола то и дело бурно выражали изумление тем, что все мы – «не из породы, а в породу» – «как один» – «коняйщина»!

– И как же это, Иван, у вас так ладно с Василиской получается?

Вместо ответа отец потянулся к гармошке, которую кто-то из родственников принёс для него.

– Не отвык, Иван?

– Не должен!

Он любовно оглаживал полированные боковины гармони, долго примеривал и прилаживал на плечо ремень, легко касался подушечками пальцев отзывчивых клавиш и, пробуя на слух переборы, время от времени встряхивал головой:

– Ишь ты!

Долго пели мои захмелевшие к полуночи родственники. И поныне отчётливо помню страдальческие, мученические выражения женских лиц. Казалось, они не пели, а переживали сюжеты печальных песен, оплакивали горькую женскую долюшку, несчастную любовь, забытую Богом и людьми лесную деревеньку, одинокую рябину и замерзающего ямщика...

Помню обезображенное ожогами лицо высокого жилистого мужика, то и дело пытавшегося не в лад подпевать ломким хриплым голосом, и женщины тычками и жестами просили его умолкнуть, дабы не «портачил». Это был дядя Лёня Сизов – тот самый «крепостной» колхоза им. Сталина, муж нашей сродной по материнской линии тёти Маруси – тихой, неразговорчивой, маленькой женщины со смиренным выражением лица. Один глаз у дяди Лёни был мёртв. Широко раскрытый, немигающий, зияющий кровавым пятном. Когда дядя Лёня смеялся, а смеялся он громко, заразительно, раскатисто, трясясь всем

телом, откашливаясь и пристукивая деревянным костылём, его вылупленный глаз оставался неподвижным. К тому же, дядя Лёня был ещё и хром. При каждом шаге он сперва заваливался влево, казалось, вот-вот упадёт, но ступал на правую, и с видимым усилием перебрасывал тело в противоположную сторону...

Побыв дома несколько дней, дед Егор уехал к своей артели, пообещав вернуться к «баньке». Мы уже привыкли к немногословному деду и с нетерпением ожидали очередного банного дня – субботы. Дед привозил с собой запах древесных стружек и пряного сена. Мы жалели деда, когда его, случалось, «пилила» прабабушка Елена Федосеевна. А пилила за выпивку (работая в артели, дед, с её слов, пристрастился к самогону). Что касается выпивки, то я не запомнил деда пьяным. Возможно, выпивал с артельщиками, но воздерживался дома. Дома же он занимался, по прабабушкиному разумению, «баловством».

Баловство заключалось в увлечении инкрустацией соломкой по дереву. Удивительное и увлекательнейшее, скажу я вам, это занятие! Долгие зимние вечера дед просиживал за кухонным столом при свете керосиновой лампы. Прабабушке, полагаю, не нравилось не столько сыновнее занятие инкрустацией, сколько то, что он переводил «карасин». Когда он подшивал валенки или чинил сапоги, прабабушка относилась к трате «карасина» спокойно, но когда дело доходило до соломки, деду приходилось не сладко...

За всю свою жизнь дед, по уверению мамы, ни разу не употребил матерного слова. А самым крепким ругательством у него было: «Да язви ж вас..!». Иногда мы подсаживались к нему, заворожённо, затаив дыхание, чтоб не разметать по столу и не сдуть на пол тончайшие соломенные ромбики, квадратики и овалы, нарезанные острым резакон, наблюдали за дедовой работой. На наших глазах на окрашенной фанерной рамке рождались солнечные узоры орнаментовки... Бывало, он вручал нам по острому ножичку (а специальных приспособлений – «резаков» у него было множество), по пучку соломки, рисовал карандашом на кусках фанеры незамысловатые ромашки и колокольчики

и предлагал выклеить тот или иной узор. Вероятно, по своему занимал нас, чтоб не отвлекали. Эти зимние вечера за кухонным столом в несколько изменённом виде описаны мною в повести «До поры до времени», где в образ Петруни много вложено от деда Егора Акимовича: «...Зимний поздний вечер. Керосиновая лампа. Он (повествование ведётся от лица племянника Петруни – будущего писателя Веремеева – Н.К.) отсекает острым косяком от соломенной полоски одинаковые ромбики для выклейки узора. Глянцевая плёнка на соломке трескается под нажимом лезвия, отслаивается мелкими чешуйками, края обреза мнутся, рвутся. От досады он бросает нож. В закопчённой лампе трепещет язычок синего огня. «У меня не получается!» – канючит со слезами на глазах. «Подумаешь, беда – не получается у нас! – гудит в ответ Петруня. – Давай заплачем оба. А лёлька поглядит, как мы в рёв ударимся. Вот будет хорошо! – он откладывает рамку, на которой рейсмусом размечает линии очередной орнаментовки. Подходит. – Что там у тебя? Крошится соломка? Как ей не крошиться? Ты её мочил? Вот тебе и «не-ет!» А для чего водичка в банке? Ну-ко, подвигайся, гляди во все глаза! – из вороха соломин Петруня собирает по пучку зелёных, янтарных, золотистых... – Тут, Витя, надо понимать, на что которая годится. Глазами понимать. Зелёная – молочная, мягонькая, нежная. Куда её такую? А линии выклеивай янтарной. Янтарная – осенняя, солнцем прокалённая, прочная, как бронза. Не каждая соломинка солнышко хранит. Вот видишь – золотистая? Весёлая, здоровая – просится в узор. Её мы и возьмём. Но преждеestroгаем... Как ей не крошиться, когда с изнанки мякоть ломит! – Он кладёт соломинку плёнкой вниз, соскабливает белый рыхлый слой – полоска распрямляется, пружинит. – Вот и отсекай. Держи косяк уверенней! Да не пили соломину, секи её порезче! Как лёлька крошит лук? Смелей, смелей! Вот так, вот так! А говоришь, не получается!»

Помню безобразно сопливых индюков в зелёном дворе нашей двоюродной тётушки по материнской линии – Марии Гавриловны Вижевитовой (в замужестве – Лопарёвой). Страшно шипящие огромные индюки да ещё жирные

домашние гуси во дворе дедова дома стали для нас сущим бедствием. Эти наглые птицы, казалось, чувствовали «чужаков», и стоило спуститься с крыльца, как они давали понять, кто «во дворе хозяин». Чрезмерно подозрительная гусыня, видя в нас почему-то потенциальную опасность для своих детёнышей, низко пригнув голову, растопырив крылья, стремительно атаковала, и мы с воплями бросались назад. Выходила прабабушка и хворостиной отгоняла воинственную гусыню-мамашу с выводком на «зады» – то есть за огород на берег озера...

Иногда прабабушка позволяла нам влезть к ней на полати и к случаю рассказывала разные истории. Не сказки, не были, не легенды, а именно истории, в которых правда переплеталась с вымыслом, реальное с мифическим, и, как правило, подводящие к выводу о том, что позволительно, а что нет, что хорошо, а что плохо. Категорически, к примеру, возбранялось вечером входить в пустую баню или в одиночку уходить на озеро. В ответ на недоумённое «почему» следовали её многочисленные истории о русалках, по ночам из озорства купающихся в банях, живущих «на том» берегу озера, потому что они водятся только в чистой воде. Одна из таких историй использована мною в раннем рассказе «Миф о чистой воде»: *«Русалки выжили народ (по поводу запустения деревни Малопичугино – Н.К.), – утверждала старая Андроновна. – Они тут шибко бедокурили. Как-то раз в субботу истопила баню, под вечер веничек под мышку – и пошла. Иду и вижу издалёка: дверь банечная настезь, на окне фонарь... Что такое, думаю, кто в баньке побывал? Заробела. Стою серёд дороги, стою, не шелохнусь... И вот они из баньки! Да стайкой, стайкой! С берега да в воду, с берега да в воду! Да хохочут, да хохочут! Голье, волосья по плечам... Я бельшишко побросала, веник в сторону и – дёру! Откуда прыть взялась. Дед, кричу, русалки в бане! Дедка не поверил, сам туда направился. Я ждать-пождать, гляжу, идёт, в руке пучок травы. Русалки натрусили! Во как, внучек, шkodили!»*

– Во как ходить-то ночью в баню! – со значением завершала свой рассказ прабабушка. – Или пойдёте?

– Не-е, – в один голос искренне уверяли мы. – Не пойдём, баб Лена!

Не только ночью или вечером после такого рассказа баню стороной обойдёшь, но и в банный день в субботу под ручку с мамой или с дедом пойдёшь настороже.

– Вот и ладненько, – успокаивалась бабушка. – Чего мы в бане ночью потеряли, чего нам там искать? Ночью мы с внучатами лучше будем сладко спать, а не по баням шастать!

Однажды кто-то из нас при бабушке употребил неприличное слово, услышанное на улице...

– Отчего, думаете, у деда Гриши борода заплетённая? – строго спросила прабабушка.

– Бабушка Аксинья заплела!

– А вот и не бабушка вовсе!

– А кто?

Отцова дядю – нашего деда Григория Васильевича помню сухопарым синеглазым старичком маленького роста с благообразным светлым личиком, с курчавой пегой бородкой, спутанной и скатанной до такой степени, что, по уверениям прабабушки, никто не мог дедову бородку расчесать...

Он был забавный человек, этот дед Григорий. Однажды они с бабушкой Аксиньей возвращались из гостей. Точнее было бы сказать: бабушка «возвращала» деда на своих плечах, всю дорогу награждая его за неуёмность в гулянке последними словами. Долго мужественно сносивший её оскорбления дед вдруг не стерпел, вывернулся из крепких объятий и стал, как бычок, в проулке возле заброшенного на соседском огороде колодца.

– Плохой я мужик, Аксинья?

– Никудышный ты мужик!

– И такой я тебе не нужен?

– Никому ты такой не нужен!

– Ну, раз так, прощевай! – с этими словами дед прытко перемахнул через навозный вал огорода и, взявшись за цепь, со словами «Господи, прости!» «солдатиком» ухнул в прогнивший сруб колодца. Ладно, бадня на цепи болталась, и воды было немного – по ночам лягушки в колодце квакали. Словом, был дед, и нет деда!

Бабушка Аксинья через вал переползла, вокруг колодца побегала, поохала-поахала:

– Гриша, ты живой?

А дед из колодца, сидя верхом на бадье:

– Пока ещё живой! Если нужен – доставайте, а не нужен – воды долейте!

Пришлось бабушке Аксинье скликать сыновей тятюку из колодца вытягивать...

Во хмелю дед Григорий шebutным становился. Как-то раз утолкала его бабушка Аксинья прямо на полу, борода возьми да и выпادي в кошачий лаз в крышке подпола. Лежал дед таким макарон да костерил бабку впрок, пока не угомонился. А утром встал: что такое? Борода в косичку заплетённая, разве что без ленточки. Бабка, снохи, сыновья давай дедову косичку расплетать, а она не поддаётся. Вот, вроде, расплетут, выпустят из рук, а она опять спиралькой...

– А ить это домовою наказал его за бабку! Не терпит матершинников! Деду бы прощенья попросить у домового, да где же дед покается! Вот пусть теперь и ходит! И вам чубы позаплетёт, если лаяться научитесь!

– Мы не будем, бабушка!

– А то ведь он везде услышит!

– Мы нигде больше не будем!

Прошёл месяц, другой, и для нашей семьи актуальным стал вопрос о жилье. Ехали родители на родину в надежде на просторный дедов дом, в котором раньше хватало места всем. И если прабабушка Елена Федосеевна с дедом Егором рады были потесниться, то наша тётя Нина, у которой дело шло к замужеству, вдруг проявила недовольство...

После первой же ссоры сестёр раздосадованный отец заявил:

– Не за делом ехали! Нагостились у бабушки с тятей? Хватит! Собирай манатки, поехали обратно!

Но и сразу не уедешь: Иртыш вот-вот станет. Решили зимовать. У Сизовых был большой, на две половины, дом. Они и предоставили нашей семье половину под зимовку...

Весной 1958-го отец списался с начальником ОРСа лес-промхоза Павлом Петровичем Спасенниковым и получил назначение в лесоучасток Майку.

– Ну вот, ребяташки, видать, отвернулась от вас моя родина, – плакала мама, – на вашу возвращаемся. На Север...

Ну а мы, конечно, ликовали:

– Ура, мы возвращаемся на Север! Мы опять поедem на белом пароходе!

6. Самаровская индустриализация

*Давай-давай, пошёл-пошёл,
Пошёл-пошёл, давай-давай!*

Из отцова наигрыша

Прежде чем приступить к повествованию о майковском периоде жизни нашей семьи, считаю необходимым дать хотя бы краткую справку о том, что же это за явление такое – бывшие югорские леспромхозы?

Соглашаясь с тем, что индустриализация в районе, как и во всём округе, начиналась с рыбопромыслов и рыбопереработки, убеждён и в другом: решающую роль в промышленном становлении района сыграла индустриализация лесозаготовок.

Начальную страницу летописи промышленных заготовок в Югре открыл «Главсевморпуть», в 1922 году приступивший к заготовке леса в Кондинском районе для нужд судостроения. Вплотную же созданием лесоучастков суждено было заняться «Комсевморпути» (Северосибирскому государственному акционерному обществу промышленности и торговли). В 1929-м им были созданы первые лесоучастки в Сургутском районе. А первые организованные лесозаготовки на территории Самаровского района относятся к 1930 году, когда специально для строительства Остяко-Вогульска был организован Горновский лесоучасток. В том же, 1930-м, по поручению Тобольского окружкома партии в Самарово был создан первый на Севере Самаровский (впоследствии – Остяко-Вогульский) леспромхоз (директор – В. Чарков), открывший Елизаровский, Малоатлымский, Самаровский, Реполовский, Ярковский и вобравший в себя сургутские лесозаготовительные участки. Уже в первый год леспромхоз заготовил 4 тысячи кубометров древесины. Авторы книги «Самаровский край» за точку отсчёта истории леспромхоза принимают 1935-й год, но в апреле 1935-го произошло не создание, а объединение Самаровского с Сургутским и Берёзовским леспромхозами, созданными ещё в 1931-м на базе мелких хозяйственных участков.

Действовавший в тридцатые годы Самаровский райлесхоз тоже занимался заготовкой древесины, но не в значительных объёмах. Достаточно сказать, что в мае 1935-го постоянных рабочих в лесхозе было четверо, а сезонных – 64. Впоследствии он войдет в состав леспромхоза.

В 1931 году был построен Самаровский лесопильный завод, выпускавший в основном тару для нужд рыбной промышленности. В ноябре 1932-го в Остяко-Вогульске начала работу первая в регионе Обская сплавная контора – одна для всех четырёх леспромхозов округа и Обдорского (на Ямале). В 1932–1933 годах открылись Кондинский лесопромышленный комбинат и леспромхоз с центром в селе Леуши. В округе начали пилить шпалы (в 1933-м заготовлено 16,2 тысячи), повсеместно строились так называемые «ледянки» – снежно-ледовые дороги для вывозки заготовленной древесины.

В мае 1932-го вопросам развития лесного хозяйства Севера страны была посвящена первая Всесоюзная конференция. И это не случайно...

Советский Союз приступал к невиданным в истории человечества планам индустриализации. Что бы ни говорили нынешние либералы, за пятнадцать лет дореформировавшие мощную державу до жалкого состояния, а 1930-е были эпохой великих исторических свершений! Причём успехи были достигнуты без какой-либо помощи из вне. Без «инвестиций» капиталистического окружения, на которые в новейшие времена наивно рассчитывали наши коленопреклонённые перед Западом младореформаторы и смущённые откровенным цинизмом и двойными стандартами «просвещённого» Запада реформаторы конца 1990 – начала 2000-х. Индустриализация была вызвана – в первую очередь! – подготовкой к войне. А о том, что война с фашизмом неизбежна, ни Сталин, ни правительство от народа и не скрывали. Вопрос стоял только о времени. Совершенно правы те, кто считает, что «...это объективно определило характер строящегося социализма как государственного социализма, с жёсткой централизацией управления процессом строительства. В условиях военной опасности,

причём опасности смертельной, социалистическая экономика не могла быть иной, как только мобилизационной» (Юрий Белов. Советская Россия. – 2005, 26 апреля).

В 1935-м Самаровский, Сургутский и Берёзовский объединились, как уже было сказано, в один мощный Остяково-Вогульский леспромхоз с лесоучастками в Самаровском, Сургутском, Ларьякском, Микояновском и Берёзовском районах. Таким образом леспромхоз занимал практически всю территорию округа, за исключением Кондинского района. В самом же Самарово был пущен в эксплуатацию второй лесопильный завод, рассчитанный на выпуск 4 тысяч фестметров (плотных кубометров) пиломатериалов в год, а в посёлке спецпереселенцев Луговском в 1932-м начиналось строительство крупнейшего в Сибири Белогорского завода. (Первый воз кедра, прибывшего сплавом из Добринского лесопункта в мае 1937-го, был распилен на карандашную дощечку.)

С середины 1930-х Остяково-Вогульский леспромхоз всерьёз приступил к изучению лесных массивов. В 1936-м появился свой самолёт с экипажем для изучения и охраны лесов, с октября 1937-го начались занятия на открывшихся при леспромхозе курсах лесников. С июля 1937-го по октябрь 1940-го работала экспедиция треста лесной авиации из Ленинграда («Лесавиа»), в задачу которой входило обследование лесов на площади около 4 млн. гектаров главным образом по левобережью Оби и Иртыша с целью выявления и вовлечения в «дело» наиболее ценных компактных лесных массивов. В июне 1941-го в Ханты-Мансийск прибыла лесоавиационная экспедиция. Обследование лесов не прекращалось даже в годы войны.

«Индустриализацию СССР можно сравнить с битвой в пути... Она и была битвой за металл – создание производства средств производства. Иными словами, битвой за создание прочного оборонного щита страны. Битвой за социализм, способный защищаться и побеждать» (Юрий Белов. Советская Россия. – Там же).

С этой целью и был создан мощный лесопромышленный комплекс в Остяково-Вогульском национальном округе.

Контрольные цифры, запроектированные правительством на третью пятилетку (1938–1942), предусматривали к концу 1942-го довести объём заготовок и вывозки леса до фантастического показателя – 1600000 фестметров против 170000 в 1936-м. План же 1936-го леспромхозом был провален по всем показателям: по заготовке древесины выполнение составило 59,4%, по вывозке и того меньше – 31,4%. Причины: катастрофическая нехватка людей и рабочих лошадей. В леспромхозе числилось 743 рабочих (52% к плановой численности) и 487 лошадей (60% к потребному количеству). Недостаток тягловой силы объяснялся ещё и тем, что на лесозаготовках наблюдался массовый падеж лошадей. Для нужд леспромхозов начиная с 1935 года стали создаваться специализированные коневодческие товарные фермы. В 1938-м их было 21, а в 1943-м уже 73. О технике в те годы даже и не помышляли. В целях повышения производительности труда лесопунктам рекомендовались удлинение лесозаготовительного сезона, переход на непрерывную рабочую неделю, увеличение объёмов вывозки древесины по ледяным и балочным дорогам. Использовались и откровенно садистские методы «повышения производительности»: выдавали по 6-7 килограммов муки в месяц на иждивенца, но эта норма ставилась в прямую зависимость от выполнения главой семьи доведённого ему плана. Если изнурённый голодом и болезнями рабочий не справлялся с планом, он обрекал на «урезание» и без того скудного пайка членов своей семьи.

Не исключались моральные и материальные стимулы. В 1935 году в лесной промышленности СССР и в Остяко-Вогульском леспромхозе, в частности, широкое распространение получило стахановское движение, а через год-два развернулось движение так называемых «тысячников». Но опять-таки соревнование спецпереселенцев организовывалось отдельно от вольнонаёмных. К спецпереселенцам в качестве поощрений применялись «меры понижения режима». Это могло быть удлинение срока отпуска в спецпосёлок к семье, но «не свыше 10 дней в квартал», первоочередное получение промтоваров из основных

фондов. Ударники и стахановцы могли быть восстановлены в избирательных правах. Но премировать спецпереселенцев путёвками в санатории и Дома отдыха, награждать орденами и медалями, писать о них в газетах или сообщать об их ударном труде по радио запрещалось...

Увеличение объёмов заготовок невозможно было достичь без привлечения дополнительной рабочей силы. Остяко-Вогульским леспромхозом предполагалось привлечь в одном только 1937 году 1047 сезонных рабочих и 2060 лошадей. Необходимы были новые бараки, простейшие инструменты и приспособления. Но в непрерывной погоне «за кубиками» руководителям лесопунктов порой не удавалось и сена-то для лошадей накопить впрок и в достаточном количестве, не говоря уже о том, чтобы позаботиться о человеке. Сменивший В. Чаркова директор Остяко-Вогульского леспромхоза И. Тесаков в 1937-м признавался: с колхозами заключались хозяйственно-подрядные договоры, но руководители хозяйств всеми правдами и неправдами, в основном также по причине недостатка рабочей силы, избегали выполнение договорных обязательств.

В 1934-м в Остяко-Вогульском леспромхозе было заготовлено 126 тысяч кубометров древесины (сравните с 4 тысячами, выданными Самаровским леспромхозом в 1930-м), в 1938-м сдан в эксплуатацию крупнейший Белогорский лесозавод, подчинявшийся сначала тресту «Обьлес», находившемуся в Омске, а с 1940-го – непосредственно Ханты-Мансийскому леспромхозу. Ханты-Мансийский леспромхоз до 1944 года подчинялся также тресту «Обьлес». (С образованием в 1944-м Тюменской области до 1953 года – тресту «Тюменьлес», с 1953 по 1957-й – тресту «Иртышлес», а с 1958-го – комбинату «Тюменьлес».) К месту будет сказано: ещё в сентябре 1933-го Самаровский райком партии принял отменённое в дальнейшем решение о переводе райцентра в село Белогорье не только в силу выгодного географического положения последнего (расположено на месте слияния Иртыша и Оби) и в связи с хорошей перспективой промышленного развития (планировался перевод туда Тобольской судовой верфи), но главным

образом в связи с имевшимся там кирпичным производством и началом строительства мощного лесозавода.

В первые годы в леспромхозе все работы производились вручную. Даже лучковая пила стала использоваться только со второй половины 1930-х. Новая отраслевая структура формировалась в основном ссыльными. Из 37400 переселенцев, насчитывавшихся в Остяко-Вогульском округе в 1930–1932 годы, на лесозаготовки и строительство было направлено свыше 15200. Одному только Самаровскому леспромхозу в 1931–1932 годы было передано 1112 семей спецпереселенцев. Это их руками в урочище Большой Черёмушник близ Самарово началось строительство центра национального округа – посёлка Остяко-Вогульска (нынешнего Ханты-Мансийска). Их руками было построено большинство посёлков в Самаровском районе. Конечно, «трудолюбие у бывших кулаков было в крови», но были изобретены и государственные «регуляторы и стимуляторы» трудолюбия. Не «кнуты и пряники», а кнуты и пули... Сотни крестьян, рабочих и служащих, 7-8 лет назад объявленных у себя на родине «кулаками», «неблагонадёжными» и прочими «социально опасными элементами», с лёгкостью необыкновенной объявлялись ещё и «врагами народа», «вредителями», «диверсантами», увозились ночными визитёрами с леспромхозовских делян и лесосек, из барачных и палаточных в счёт утверждённых лимитов по первой категории...

В «награду» за возведение Белогорского лесозавода в посёлке Луговском в 1937-м были объявлены «врагами народа» его первый директор Н.Н. Беретти и главный инженер Гинсбург. Они поставили завод не на затопляемом из года в год месте у речки Старицы возле посёлка Белогорье, как было предусмотрено проектом, а на протоке Ендырской в посёлке Луговском, выбрав место повыше. Но летом 1937-го завод всё же подтопило. (в Белогорье его затопило бы полностью.) Всё руководство было арестовано, обвинено в создании вредительской контрреволюционной организации, готовившей чуть ли не вооружённое восстание. Инженер Гинсбург, не выдержав пыток и круглосуточных

допросов, скончался в Тобольской тюрьме. Несколько рабочих, арестованных как пособников «вредителей», расстреляли...

Страшно представить, с какими мыслями и чувствами становились они к расстрельной стенке в глухом дворике Остяко-Вогульской тюрьмы. Животный страх, гнев и ненависть, смирение с судьбой или презрение к палачам застыло в расширенных (расширенных ли?) зрачках после расстрельных залпов у жертв из посёлка Луговского – десятников Михаила Васильевича Агалакова и Петра Степановича Младенцева, у конюхов Саввы Фёдоровича Невьянцева, Андрея Васильевича Алексеенко и его 32-летнего сына Фёдора Андреевича, у рабочих Василия Ивановича Борноволокова, Андрея Ивановича Сафонова, Тита Васильевича Титаренко, Кузьмы Мартемьяновича Творогова, у столяров Селивана Ивановича Дружинина и Ефрема Ефремовича Чуклеева, у пекарей Ивана Филимоновича Сокина и Григория Зотовича Филиппова, у сторожа Ефима Ивановича Елишева, у плотника Нестера Ивановича Левдина, у возчика Петра Ефимовича Нагибина, у электрика Сергея Иосифовича Новикова, у кассира Михаила Даниловича Чудинова, у приёмщика леса Дмитрия Прохоровича Шастина?..

А какие последние слова произнесены жертвами из посёлка Добрино: сторожем Василием Андреевичем Аксёновым, конюхом Ильёй Фёдоровичем Гриценко, плотником Григорием Кирилловичем Елишевым, лесорубом Иваном Афанасьевичем Локотаевым, счетоводом Валерием Степановичем Лунеговым, продавцом Пантелеймоном Ивановичем Романенко, рабочим Александром Ефимовичем Рыжковым? Слова молитвы, мольбы о пощаде или бесшабашный трёхэтажный мат?

Трудом вольных и невольных «пионеров» лесопромышленной отрасли в округе в 1940-м было заготовлено 491 тысяча кубометров древесины. Это почти в 3,7 раза больше, чем в 1933-м. Решением Омского обкома партии в мае 1941-го леспромхозу вручили переходящее Красное Знамя ВКП (б) по итогам работы за последний мирный квартал первого военного года...

Рассказывать о Ханты-Мансийском леспромхозе как едином хозяйственном организме очень сложно: на всём протяжении деятельности его сопровождала постоянная череда преобразований и структурных изменений. Так, уже в 1945-м из него выделился в самостоятельный Сургутский леспромхоз с Каркатеевским, Островным и Ореховским лесоучастками. Непрерывно происходили передачи лесоучастков и мастерских участков от леспромхоза к леспромхозу...

В годы войны лесная промышленность округа была представлена Кондинским, Остяко-Вогульским леспромхозами и Белогорским лесозаводом, выполнявшим специальные государственные заказы по выпуску одиннадцати видов продукции. На лесозаводе уже к 1940 году числилось 275 работающих, выпуск пиломатериалов был доведён до 30000 кубометров, а в числе основных поставщиков сырья, помимо Остяко-Вогульского, был и Кондинский леспромхоз. В войну на лесозаводе мужчин заменили ссыльные по этническому признаку, женщины, старики и дети, но всё же к концу 1944-го численность работников снизилась до 106. Не хватало квалифицированных кадровых рабочих. Для восполнения недостатка в специалистах в 1942-м в Самарово открыли школу ФЗО № 7, а уже в январе следующего года был осуществлён первый выпуск рабочих для лесной и рыбной промышленности.

По опубликованным ныне данным, 4/5 заготавливаемой древесины шло на нужды фронта и оборонной промышленности. Сосна и берёза – на изготовление авиафанеры, лыжный и понтонный брус, ящиков под мины и снаряды и т.д. В августе 1941-го коллектив леспромхоза выступил с почином об ежемесячном отчислении до конца войны однодневного заработка в Фонд обороны. Даже в первый военный год, когда взамен мужчин в бригады пришли женщины и подростки, план лесозаготовок был выполнен на 120 процентов. Все годы войны в посёлке Красноленинский работала отдельная бригада по изготовлению ружейной болванки и авиационной фанеры. После войны эта бригада составила костяк образованного в посёлке шпалозавода

численностью 48 человек. Шпалы здесь изготавливались до 1961 года и шли в основном для железных дорог Омска. В 1943-м производство ружейных болванок (заготовок для винтовочных, автоматных и пулемётных прикладов) освоили многие лесопункты и подпункты леспромхоза. Выходец из семьи раскулаченных, уроженец Нижнетавдинского района Тюменской области 86-летний житель посёлка Бобровка Михаил Иванович Девятков (в записи А.П. Воронцовой) вспоминал:

«...Тесали клёпку осиновою для бочек под засолку рыбы. Здесь же, в Устье Назыма, заготавливали фанеру для самолётов... Потом отправили в Ахтино тесать ружболванку. Свалишь берёзу, а она в середине гнилая, опять валишь новую... Потом снова перевезли в Ахтино – там берёза лучше. Дали по 900 грамм хлеба, солёных щурогаев (мочили в воде), и эти 900 грамм надо было заработать... Чтобы ружболванку не раздирало по концам, концы обмакивали в вар (болванка длиной 1 м – 1,25 м, а для пулемётов делали короче, по ГОСТу...). Затем переслали нас в Цингалы. В 1942–1943 годах приехала в Цингалы экспедиция искать хорошую берёзу для ружболванки. Ходили на две партии. Рубили визири. От Иртыша поставили столб и сказали, что надо вести визири до Малого Салыма... Болванку тесали в Кедровом, Урманном, Нялино... Потом строил бараки в Дальнем Массиве, в Бобровке, по берегам лес сплавляли мулём...» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 109-110).

Старожилы села Тюли помнят, что прибывших в октябре 1942-го для работы на лесопильной раме, установленной на мощной паровой мельнице, 30 человек спецпереселенцев (со стариками и детьми) разместили в... конюшне местного колхоза имени Ворошилова. Позже они работали и в мастерской по изготовлению лодок. Как люди выживали и все ли выжили в этой конюшне – одному Богу известно. Но и у размещённых на лесоучастках условия были не лучше, чем на тюлинской конюшне. Сохранился акт обследования комиссией Остяко-Вогульского леспромхоза жилищно-бытовых условий рабочих Ахтинского подпункта Назым-

ского лесоучастка, составленный в декабре 1943-го. Из него следует, что подпункты Окунёво, Щучья, Светлое озеро находились друг от друга на расстоянии 8-20 километров... Люди жили в примитивных бараках 6х7 метров без потолков, с жердяным полом, с одним маленьким окном. В каждом бараке на нарах размещалось от 18 до 25 рабочих (по 1,5-2 кв. м на человека)... Не хватало посуды, кипячёной воды, мыла, не имелось дезокамер, туалетов, выгребных ям, бани. Рабочие по месяцу и более не могли помыться. Кормили гнилым мороженым картофелем. Других овощей не завозилось, пекарня находилась в жилой квартире в антисанитарных условиях...

В годы войны на лесозаготовки в принудительном порядке направлялись колхозники. Типично воспоминание уроженки села Сухоруково Жилиной (Корепановой) Тамары Макаровны:

«Помню, в Назымке мы работали на лесоучастке. Недалёко была зона для заключённых, и в дневное время мы валили лес вместе с ними. Зона была отделена от нас деревянным забором, а поверх пущена колючая проволока. Вот и все ограждения. Лес валили вручную и вывозили на лошадях. Работа была очень тяжёлая, особенно сложно было его закатывать на самодельные платформы (плотбище). Жили в деревянных бараках. Внутри сколочены нары в два яруса. На верхних нарах спали парни, мужчины, а внизу – женщины, девчонки. В центре барака стояла железная печка. От непосильной работы весной мы задумали сбежать с лесозаготовки, но нас задержали сторожа...» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 126-127).

В 1943-1944-е регулярно перевыполняла планы по военным заказам на 160 и более процентов молодёжная бригада Григория Сафоновича Казанцева из Цингалинского лесопункта. Бригада работала под лозунгом: «Не уходи из леса, не выполнив нормы!». Всего в 1945-м на лесозаготовках округа трудилось 35 молодёжных бригад.

«Объём вывозки древесины в годы войны вырос почти втрое. Только на шахты и рудники Карагандинского бассейна было отправлено 1,2 млн. кубометров леса.

Существенно возросли добыча живицы, скипидара, дёгтя, изготовление хвойной настойки...» (История Ханты-Мансийского автономного округа. – Там же. – С. 367).

По итогам работы за февраль 1944-го Ханты-Мансийскому леспромхозу присудили переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Наркомлеса СССР, премию в размере 50000 рублей; за достижения во Всесоюзном социалистическом соревновании и вклад лесозаготовителей в оборону страны («образцовое выполнение военных заказов») в мае победного года на вечное хранение вручили переходящее Красное Знамя Государственного Комитета обороны; в 1946-м леспромхоз получил на вечное хранение Красное Знамя ВЦСПС и Наркомлеса.

А всего за годы войны Обский Север «...дал для нужд фронта: ружейной болванки – 900 тысяч штук, авиафанеры – 25 тыс. куб. м, авиасосны – 7 тыс. куб. м, кедра – 17 тыс. куб. м, различных материалов – 234,4 тыс. куб. м» (Югра: 75 ступеней вверх. – Там же. – С. 94-95).

После войны нужда государства в лесе стала ещё больше: требовалось в кратчайшие сроки восстановить разрушенное народное хозяйство. В 1946-м из Ханты-Мансийского леспромхоза выделился в самостоятельный Берёзовский (в 1949-м переименованный в Елизаровский), в 1948-м в Микояновском районе был создан Урманый леспромхоз. Но и в первые послевоенные годы лес доставался «кровью и потом». В 1946-м раскулаченные крестьяне, ссыльные немцы и калмыки, а с 1949-го и украинцы вели строительство лесопромышленного комбината в посёлке Бобровка Самаровского района.

Об истории возникновения Усть-Бобровки – Бобровки – передовом в первые послевоенные годы лесоучастке – необходимо сказать особо. Ещё летом 1930-го часть спецпереселенцев из раскулаченных по речке Летней вывезли из Цингалов в тайгу на безлюдный берег в кипени черёмухи. «В каждой семье – дети, старики, а тут непогода, овод, и без крыши над головой, – вспоминала уроженка деревни Черемховской, ныне – жительница Ханты-Мансийска

Валентина Мясникова. – Срочно валили лес и строили бараки на 2-3 семьи. Квартиры маленькие – в одно окно и дверь напротив. Кровать, стол и печь. Кирпича не было, печи глинобитные, трубы из дёрна. Лес сырой, в домах холодно, а семьи спали на полу... За деревней раскорчевали лес, посеяли рожь, овёс, ячмень, лён, всё вызревало. В 1931-м построили школу. Организовали животноводческий колхоз «Новый путь». В колхозе трудились в основном женщины, старики и подростки. Все мужчины работали на лесозаготовках, строили Остяко-Вогульск, в годы войны тесали ружболванку под надзором коменданта. К семьям отпускали по великим праздникам – 7 ноября, Новый год. Так продолжалось до лета 1946 года» («И деревни не стало». Новости Югры. – 2007, 30 октября).

Так возникла деревня Черемхово. С открытием в 1946-м мощного лесного массива по речке Бобровка большинство черемховцев было переведено на строительство Усть-Бобровки (первоначальное название посёлка) вместе с семьями. Таким образом семьи черемховцев смогли воссоединиться только после 16 лет отдельного проживания. В 1946-м туда привезли большую группу закарпатских немцев, а вскоре калмыков и украинцев – «оуновцев». В следующем году был образован Бобровский лесопункт.

Уроженка деревни Новая Колосовского района Омской области Захарова Надежда Савельевна рассказывала:

«В июне 1946 года лесоучасток перевели в Бобровку... Приехали под открытое небо. Вскоре привезли локомобиль, стали пилить доски и строить насыпные бараки. Одновременно перевозили бараки с филинского лесоучастка. (Всего из Горно-Филинского участка на речке Кайгарка в Бобровку было перевезено 12 барakov – Н.К.) Перевозили их на лодках, грузили и выгружали вручную... Была я разнорабочей: куда пошлют, туда и иду – летом на сплаве, зимой на лесозаготовках работала сучкорубом... Лес рубили вручную, вывозили к реке лошадьми. Весной все, даже домохозяйки, шли 70 км пешком скатывать лес в речку... В 1947 году приехал мой суженый, в следующем году мы поженились. На Дальнем Массиве мы жили в бараке на верхних нарах, летом

в Бобровке на чердаке... Перед родами ушла на лёгкий труд: восемь часов шкурила топором брёвна для стройки. 10 мая пошла с женщинами пешком в Бобровку, а ночью родила сына. В декрете была 14 дней... Очень обидно, что не давали трудовых книжек, и стаж за эти годы пропал... Вскоре привезли немцев. Поселили несколько семей в барак. Каждая семья поставила топчаны, сколоченные из досок, на своей территории сделали полки для обуви, на стенах развесили на гвоздях тазы, кастрюли... Они приехали богатые... Мы такого и во сне не видели. Мы ходили к ним как в музей...» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 133-134).

Обратите внимание: «Очень обидно, что не давали трудовых книжек, и стаж за эти годы пропал...».

У сотен тысяч тружениц и тружеников тыла стаж пропал необъяснимо с точки зрения здравого смысла. Как пропал колхозный стаж военного лихолетья у моей мамы, явившейся прообразом героини уже цитированного рассказа «Всё переврут»: *«И вот что мне подумалось: помрём, так ведь без документов всё, что пережили, переврут да перепутают. Никто не разберёт, где правда, а где ложь. Жалко, если эти годы без следочка канут, как мой колхозный стаж. А мой колхозный стаж пошёл коту под хвост. До сих пор не понимаю, пошто наш труд за труд не посчитался? Можно ли из памяти вычеркнуть такое? Какое сердце надобно иметь, чтоб вычеркнуть не дрогнула рука?»*.

Однако вовсе не сладко было на чужбине и «богатым» закарпатским немцам. О том, как чувствовали они себя в 1946-м в Бобровке, записали со слов уроженки села Немецко-Мокро Тячевского района Закарпатской области Кенигсбергер Агнессы Августовны заведующая сельской библиотекой В.М. Родионова и учитель истории Ж.К. Сивкова:

«Наша семья попала в Бобровку. Мать – 46 лет, сестра Мария – 24 лет с сыном Иосифом 6 лет, мне – 19 лет, брату Петру – 14 лет, Анне – 11 лет. В Бобровку с нами приехали ещё 20 семей. Цаунер Иосиф с семьёй, Урбан Игнат с семьёй, Кай Фёдор с семьёй, Фальтинская Мария с сыном, Гофер Максим (старый был) с женой, Гофер Роман с двумя

детьми, Кенигсбергер Катерина с детьми, Цаунер Катерина с двумя мальчиками и со свёкром, Кридел-старик с дочерью, Кенигсбергер М.Л., Гольцбергер Елизавета с детьми, Франц Лиза с сыном, Илауски Эмель с семьёй, Пильц Август с семьёй, Кенигсбергер Мария с детьми, Кенигсбергер Магдалина Леопольдовна с четырьмя детьми, Цепецаунер Иосиф, Цаунер Якуб с семьёй... Привезли, поместили нас в бараках, где стояли лишь топчаны... Относились к нам плохо: недавно кончилась война, а мы были немцами. Всё получали в последнюю очередь – еду, деньги... До места лесозаготовок шли пешком километров 40, несли на себе продукты. Хлеба давали по 600 граммов. Домой отпускали только на праздники: Октябрьскую и Новый год. Сделаешь норму и после этого идёшь домой пешком 40 км, на другой день – без ног. Лес пилили поперечной пилой. Деревья падали то не в ту сторону, то зависнет одно на другом – приходилось подпиливать. А как начнут падать, то не знаешь, куда бежать. Как мы только живы остались?» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 154).

Семья Илауски состояла из пяти человек: истощённой голодом матери, больного тифом отца и детей – двух девочек и мальчика Готфрида. И донине житель посёлка Горноправдинска Готфрид Илауски не забыл Усть-Бобровку: «...Уже работал шпалозавод, и все, кто жил здесь до нашего приезда, считались кадровыми рабочими. А что представляли собой эти кадровые рабочие? Это были жертвы первой волны репрессий, так называемые кулаки, переведённые из лесоучастка Черемхи. Война закончилась, и эти люди, видя, что привезли немцев, кричали: «Фашистов привезли!». Но быстро поняли, что не фашистов, а великих тружеников... Может, выжили в первые годы благодаря именно этим людям, которые учили ловить рыбу. У немцев не было принято заниматься рыболовством, и стерлядку сначала не ели, называя её «востроносой мышью»... В 1947 (вероятно, в 1948 – Н.К.) году в Бобровку привезли украинцев, которые нам подсказали, что есть и выходные дни. О них мы просто не знали, потому что были неправы. Добрым словом и сегодня мы, все немцы, вспоминаем

коменданта Прохорова (имя и отчество не помню). Он много доброго сделал. И хоть были мы здесь, в Бобровке, собраны «с бору по сосёнке», национализма никакого не было. Все были одинаковы. Вместе отмечали русские, украинские, немецкие, калмыцкие праздники... Сегодня все мои родственники живут в Германии, хорошо живут. Все они уехали по вызову родственников, которые остались там с военных времён. Ни у них, ни у меня обиды никакой нет... Наверное, судьба выпала нам такая – родиться в это время и пережить всё, что пережили. Эта северная земля стала для меня родиной, и другой я не хочу. Здесь моя семья, мои дети и внуки» (Дети войны. Югра. – 2006, № 7).

И ещё несколько слов о «бобровских немцах». С декабря 1952 по апрель 1953-го заведующим клубом в Бобровском лесопункте работал будущий сотрудник окружной газеты «Сталинская трибуна» Фёдор Нечаев – ныне житель Свердловской области. В опубликованных в канун 60-летия автономного округа воспоминаниях он, в частности, пишет:

«Запомнился день смерти Сталина. Мы вывесили на клуб и контору траурные флаги. Нельзя было петь, играть на музыкальных инструментах. В одной из секций барака девушки-немки вдруг запели. Их остановили: сегодня песни ни к месту, такое горе. Но им, как и другим переселенцам, не было грустно. Они сердцем почувствовали, что со смертью этого жестокого человека, который отнял у них родину и свободу, может наступить иное, более счастливое время. Но мы – спецкомендант Ильиных и ещё кто-то – ездили в день похорон вождя на лесосеки и делянки, чтобы остановить в три часа дня на пять минут рабочих и лесовозчиков» (На северных широтах. Ленинская правда. – 1990, 12 июля).

После войны в леспромхозе остро ощущался дефицит мужской рабочей силы, прореженной в 1937-1938-х и полустреблённой в войну. В течение многих лет не удавалось достичь запланированных показателей производительности труда. В четвёртом квартале 1947-го выработка одного кадрового рабочего составляла 93%, а сезонника – 41% от нормы.

По-прежнему не хватало специалистов. Во всей Тюменской области имелось одно учебное заведение, готовившее кадры для леспромхозов даже во время войны – это Тюменский лесотехнический техникум. В 1947-м в Ханты-Мансийске попытались в какой-то мере восполнить недостаток. В местной школе ФЗО (прообраз нынешнего ГПТУ-10) начали подготовку специалистов лесной отрасли...

Партия и правительство и тут пошли «выверенным курсом». Вслед за закарпатскими немцами и литовцами на основании указа от 21 февраля 1948 года «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», и другого такого же по содержанию указа от 2 июня из сёл и деревень советских республик, краёв и областей были депортированы свыше 16000 «паразитов», составивших самую большую колонию ссыльных в Самаровском районе, размещённых главным образом в леспромхозах. Спецтелеграмма, разосланная Тюменским обкомом партии и облисполкомом в округа и районы 5 июня 1948-го, разъясняла: «Этот контингент состоит из паразитического элемента, тунеядцев, не желающих трудиться в колхозах. В основной массе все они находились на оккупированной немцами территории. Выселение производилось на основании решений колхозов и сельских собраний, которые утверждены районными и областными исполкомами советов депутатов трудящихся. В соответствии с приведённым указом выселение произведено сроком на 8 лет с предоставлением каждому осуждённому через 5 лет возбудить ходатайство о разрешении вернуться на Украину при получении от местных партийных и советских органов положительной характеристики о производственной и общественной деятельности...» (Самаровский край. – Там же. – С. 198).

В числе «указников» на самом деле было немало находившихся на оккупированной гитлеровцами территории, но были и такие, кто в голодные 1946-1947-е, проживая на территории колхоза, уходил на заработки в город, кто не выполнил норму трудодней, а большинство из них

являлось матерями-одиночками, инвалидами, больными. В конце 1970-х – начале 1980-х мне доводилось бывать в Белоруссии (на Гомельщине) и на Украине (в Черниговской области). В беседах-разговорах с пожилыми жителями хуторов Городнянского района Черниговской области выяснилось, что старожилы прекрасно помнят многих из тех, кого выселяли, и, надо признать, не все свои решения считают ошибочными...

Летом 1949-го к украинцам поступило пополнение из провинившихся молдаван, депортированных по Указу от 28.06.49 «О выселении из Молдавской ССР семей кулаков, бывших помещиков и крупных торговцев». И, наконец, в 1951-1952-х подуставшим на лесозаготовках украинским «паразитам» и молдавским «кулакам» но подмогу подоспели раскулаченные из Западной Украины.

«Указникам», украинцам, молдаванам пришлось не легче, чем их предшественникам. Высланная из с. Зуевка Сталинской (ныне Донецкой) области в деревню Назымка Самаровского района двадцатисемилетняя Скрепелёва Раиса Павловна в 1948-м писала матери: «Гонят работать, а есть даже не проси. Вчера дали пять рублей, и теперь кто его знает, когда будут давать. У нас уже начали наши люди умирать с голоду, и никто на это внимания не обращает» (Самаровский край. – Там же. – С. 200).

К июлю 1950-го представителей этой категории ссыльных в Тюменской области насчитывалось около 3700 человек. Во многом благодаря «указникам» проблема недостатка рабочих рук была частично решена...

Для повышения производительности требовались новые стимулы «трудолюбия». Принцип «кнута и пули» сделал своё дело в эпоху индустриализации, лимит на истребление народа по «первой категории» был исчерпан. Бюро окружкома партии и окрисполком по примеру ЦК и Омского обкома партии развернули социалистическое соревнование между районами округа за досрочное выполнение плана лесозаготовительного сезона 1947–1948-го с ежемесячным подведением итогов, учредив всё то же пресловутое «переходящее Красное Знамя». Принцип «кнута и пули» заменялся принципом «кнута и пряника».

В 1949-м все леспромхозы округа заготовили 682 тысячи кубометров древесины, то есть на 191 тысячу больше, чем в довоенном 1940-м. Основным заготовителем леса был трест «Ханты-Мансийсклес» с его шестью леспромхозами, включавшими 18 лесозаготовительных участков. В леспромхозы стала поступать техника: тракторы, автомобили, передвижные электростанции. В 1947-м кое-где впервые стали применяться электромоторные пилы.

В 1950-м лесная и деревообрабатывающая промышленность в структуре экономики округа занимала второе место, в них было занято более половины всех работавших. В следующем году из состава Ханты-Мансийского леспромхоза выделился Красноленинский (первый директор И.И. Заболотный), в марте того же года в селе Кондинское Микояновского района вступила в действие Нижне-Обская сплавная контора треста «Ханты-Мансийсклес» (в декабре 1957-го Микояновский район будет переименован в Октябрьский, а село Кондинское – в село Октябрьское). С организованного в 1951-м сплавного рейда в посёлке Выкатном на Север – в Воркуту, Салехард и Лабытнанги огромными плотоматками и баржами пошёл круглый лес.

Со второго полугодия 1951-го Совмин СССР отменил систему выплат сезонных и навигационных надбавок. Была введена сдельная оплата за кубометр заготовленной, разделанной, вывезенной, погруженной, разгруженной и сплавленной древесины с прогрессивкой за перевыполнение норм выработки. Это было разумное решение, но и оно не решало всех проблем. Несмотря на то, что Ханты-Мансийский леспромхоз работал в полную силу, достичь каких-то серьёзных прорывов в увеличении производительности долгое время не удавалось.

7 октября 1953 года ЦК КПСС и Совмин СССР приняли специальное постановление «О ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности в Ханты-Мансийском национальном округе». В январе следующего года участники XIV окружной партийной конференции в Ханты-Мансийске обсудили вопрос о мерах по выполнению

этого постановления. А между тем директивами XIX съезда ВКП (б) в пятой пятилетке предусматривалось увеличение выпуска деловой древесины к 1955 году по сравнению с 1950-м на 56%. В задачу же первого года шестой пятилетки входило увеличение объёма лесозаготовок в Югре в два раза, предусматривалось превратить леспромхозы в предприятия круглогодичного действия. Специалистам лесного дела было ясно: «ликвидировать отставание» от выполнений ежегодно нарастающих едва ли не в геометрической прогрессии государственных планов невозможно без технического переоснащения леспромхозов и притока квалифицированных специалистов. Понимали это и в обкоме партии. По-видимому, во исполнение предупреждающего правительственного постановления от 7 октября в Тобольске в 1954-м было открыто первое в области техническое училище для подготовки кадров по специальностям механик, электромеханик, десятник-приёмщик и других.

Заготовка леса в начале 1950-х была сосредоточена в основном на берегах Оби в Ханты-Мансийском, Октябрьском, Сургутском районах и в бассейне реки Конды. В 1955-м лесозаготовители перешли на непрерывную рабочую неделю. Большая часть древесины в эти годы вывозилась за пределы округа, а в лесопереработке в основном были заняты производством плахи, теса, бруса, шпал для новых железных дорог. В 1955-м на лесоперерабатывающих предприятиях округа было изготовлено 2,5 млн. шпал. Белогорский лесозавод, осуществив к тому времени техническую реконструкцию – установив новые лебёдки, внедрив самоотделяющиеся стропы, заменив изношенные, с 1937-го безостановочно работавшие фуговочный, строгальный, фрезерный, длиннореечный станки, усовершенствовав погрузочный транспортёр, – дал 31100 кубометров пиломатериалов. В лесу работало 150 тракторов, 90 автомобилей, 97 электростанций, около 100 катеров. Постепенно решалась и кадровая проблема: к 1957 году в леспромхозах округа работало 53 инженера и 187 техников. В 1956-м в Кондинском леспромхозе сдали в эксплуатацию первую в округе узкоколейную железную дорогу, а через три-четыре

года подобные дороги появились в Луговском и Елизаровском лесопунктах Ханты-Мансийского леспромхоза...

В мае 1957-го главный инженер Ханты-Мансийского леспромхоза Олег Высотский опубликовал статью «Сделать леспромхозы крупными предприятиями». Он поставил вопрос «...о переходе на работу с постоянными кадрами. В период укрупнения леспромхозов, ликвидации мелких нерентабельных лесопунктов, объединения леспромхозов со сплавными конторами выход на прямую подчинённость создаваемым в стране совнархозам позволит сократить расходы на содержание административного аппарата и поднять рентабельность лесной отрасли округа» («В прошедших днях такая точность...». – Там же. – С. 125).

За счёт создания в леспромхозах округа 155 малых комплексных бригад, внедрения одиночной валки леса, более рационального использования механизмов комплексная выработка на одного рабочего в 1957-м составила 255 кубометров. Белогорский лесозавод вынашивал планы расширения производства, выпуска, помимо пиломатериалов, дверных и оконных косяков, дверных полотен и оконных переплётов, продукцию для сельхозмашиностроения, вагоностроения, судостроения. Всё это, вместе взятое, позволило в 1957-м заготовить и вывезти свыше миллиона кубометров древесины. В том же году отдельные лесоучастки и даже леспромхозы впервые стали отказываться от привлечения сезонных рабочих. Всего за пятнадцать послевоенных лет леспромхозом было заготовлено около 20 млн. кубометров древесины.

Р.С. Если ещё в 1980-х в районе заготавливалось и вывозилось до 700 тысяч кубометров леса, то в 1998-м объём заготовок упал до 25 тысяч...

7. Юрты Апринские – юрты Майковские – деревня Майка – лесоучасток Майковский

Поступная. 1716 году генваря 6 дня Темлачевской волости Априныхъ юрть новокрещеной ясашной остякъ Андрей Козминъ сын Пичюга поступился на Самаровскомъ яму Самаровскому ямскому охотнику Савелью Васильеву сыну Коневу вотчинною своею землею в векъ без выкупа за два рубли. А та земля по Неулевой протоке вверх идучи левая сторона, а межа той земле: с правую сторону с конецъ чистой лайды отъ болшова ракитника прямо на Соспасъ на островъ, а по Соспасу протоке обе стороны вверх до Оби реки; а верхняя межа по Оби вверх до верхняго устья вышеписанного Соспасу протоки, а с нижнова конца по Пинчиной протоке до межи Самаровского ямщика Козмы Иванова сына Спиридонова прямо на Норникъ...

Из архива Самаровского волостного правления

Ни в одном из региональных словарей-справочников, ни в четырёхтомной Югорской энциклопедии я не обнаружил названия не только бывшего лесоучастка, но и деревни Майки и даже древних остяцких юрт Майковских. Будто и не существовало никогда этих поселений. Василий Конев в одной из своих статей писал: «село Майка входило в Скрипуново» (Юрты Нялино. – Там же). Будем считать это утверждение опечаткой. Деревня (а не село) Майка никогда не входила в село Скрипуново. Деревня не может войти в село. Так же, как деревня в деревню или село в село. Они могут слиться, как омские Кам-Курск с Кам-Воронежем или юрты Нялинские с посёлком Нялино. Василий Дмитриевич, вероятно, имел в виду вхождение Майковского колхоза в состав объединённого колхоза им. Куйбышева в 1959 году. Это другое дело. Но деревня оставалась на своём месте. Со слов одного из последних майковских жителей,

ныне здравствующего в юртах Нялинских Алексея Васильевича Коровина, деревня располагалась в шести километрах от Скрипуново на островке (сейчас на том месте находится фермерское хозяйство предпринимателя из Ханты-Мансийска). В конце 1950-х в деревне оставалось около 12 дворов. Но колхоз был жив до начала 1960-х. И не самым хилым в районе было это хозяйство. Осенью 1959-го рабочие Майковского лесопункта закупали там овощи и скот.

И даже на карте Самаровской волости, воспроизведённой в книге «Самарово» авторитетнейшего Хрисанфа Лопарева, даже в перечне населённых пунктов по лево-правобережью Оби в трёхтомнике выдающегося Дунина-Горкавича не обозначены ни юрты Майковские, ни деревня Старая Майка. С путешественниками минувших столетий понятно: они исследовали местность, как правило, непосредственно прилегающую к Оби, по которой курсировали вверх-вниз со своими исследовательскими целями. А те же юрты Майковские, как и Ахтоминские (Нялинские) оставались за пределами их исследований только потому, что неприметно ютились в сторонке – на малых речках и протоках...

А между тем, бывшая деревня Майка – один из древнейших населённых пунктов моего района. Судя по доступным документам, главным образом, ревизским спискам, поначалу это остяцкое поселение официально называлось юртами Апринскими. В 1890-х пытливый Серафим Патканов, просматривая старые акты и договоры Темлячевской волости XVII-XVIII веков, обнаружил несколько образцов родовых знаков, представляющих собой изображения предметов, животных и людей – рыбаков и охотников. Знаки (тамги – «знамёна») у неграмотных остяков заменяли подписи. Остяцкие рыбаки-охотники передавали друг другу некоторые свои мысли и простейшие понятия, вырезая определённые наборы знаков на деревьях. Ими же собственноручно «подписывали контракты» с духами. У Патканова приведены образцы тамг Кубековых (солнце), Лопаревых (угольные щипцы), Чердиновых (лук) и Переломковых (лук и стрела с двумя наконечниками). Эти родовые знаки Патканов датировал 1687 годом и отнёс к остякам юрт Апринских и Майковских...

Уже в конце XVII века юрты Апринские могли иметь второе название – Майковские. Но вполне возможно, по соседству с Апринскими к тому времени стихийно возникло русское поселение. Как видно из поступной, вынесенной в эпитаф главы, уже в 1716-м апринский остяк «Андрей Козмин сын Пичюга» поступился своею землёю в пользу самаровского ямского охотника «Савелия Васильева сына Конева». А это значит, Савелию предоставлялось право «на той земле самому жить и дворомъ ставитца и сено косить и скоть пущать. И волно ему Савелью тою землею самому вечно владеть и на сторону продать и заложить» (Х.М. Лопарев. Самарово... – Там же. – С. 173). А раз «вольно владеть, продать и заложить...», то означенный Савелий или кто-то из его потомков вполне мог продать или заложить обретенную у Андрея Козмина землю кому-то из более поздних самаровских ямщиков.

Ни в одном из доступных мне источников я, к сожалению, не обнаружил толкования топонима Майка. Единственной зацепкой явился датированный 1656 годом документ, приведённый Хрисанфом Лопаревым в третьей части своего «Самарова...», о сборе так называемой «десятой деньги» во времена правления Алексея Михайловича Романова: «Книга государевымъ царевымъ и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца и государя царевича и великаго князя Алексея Алексеевича десятиннымъ деньгамъ Самаровскаго яму противъ оклада окладчиковъ Кирилка Шаламова съ товарищи и противъ сказок ямскихъ охотниковъ, кто на сколько рублей у себя животов сказалъ и что у кого взято съ техъ ихъ животовъ по ихъ сказкамъ, и то писано имянно порознь по статьямъ...». В числе ямских охотников, с которых «...по окладу Кирилка Шаламова съ товарищи и по ихъ сказкамъ, каковы подавали окладчикомъ Кирилку Шаламову съ товарищи, за своими руками, взирая на образъ Божий и помня евангельскую заповедь и души свои...», числится некий Ивашка Майков, с которого «съ 2 рублей взято 6 алтынъ 4 деньги...» (Самарово... – Там же. – С. 150).

Так не от упомянутого ли Ивашки Майкова закрепилось за юртами Апринскими на Ев-Ёге название Майковских?

В конце XVIII – начале XIX веков Апринские юрты были самым крупным в Темлячевской волости населённым пунктом. По данным IV ревизии (1781), там проживало 55 душ обоёго пола (14,5% населения волости), по данным VII ревизии (1816) – 59 душ (17,7%), но через 42 года, по данным X ревизии (1858), осталось 26. Население более чем ополовинилось. А ещё через 30 лет, в 1888-м, по подсчётам самого Патканова, осталось всего 12 душ. При том, что численность Темлячевской волости за столетие (с 1781 по 1888-й) сократилась всего на 23 человека. Трудно сказать, что послужило причиной столь резкого угасания остяков Апринских юрт. Неужели «палёная водка» русских купчишек? Или завезённый русскими сифилис, как считал Бенкендорф?

У самого же Патканова на этот счёт есть хорошая шутка: «Остяки Темлячевской волости приписывают вымирание Майковских юрт такой фривольности: лебедей они во время ежегодных перелётов забивали массаами и наслаждались этим» (Сочинения в двух томах. Т. 1. – Там же. – С. 166). (Поедание мяса лебедей у остяков рассматривалось как грех.)

А если всерьёз, то не думаю, что «вымирание» остяков в юртах Апринских (Майковских) имело место быть. Сдаётся мне, большинство остяцких да и русских семей в последней четверти XIX века с бурным развитием в Самаровской волости рыбопромышленности, особенно с началом активной предпринимательской деятельности в селе Конёво и юртах Ахтоминских (Нялинских) Киселёвых, переехало из «неперспективных», расположенных в малодоступной местности, в «паутине» мелких протоков и притоков, где хорошей рыбы не взять, в более привлекательные в экономическом отношении юрты, расположенные в непосредственной близости от основных водных магистралей с их «золотыми» песками. Совсем не случайно именно в период «угасания» апринских (майковских) остяков отмечался «бурный» рост численности населения в юртах Базьяновских (с 41 в 1816-м до 101 души обоёго пола в 1888-м), Ахтоминских (Нялинских) (с 12 в 1816-м до 44 в 1888-м), Чучелинских (соответственно с 21 до 50). Небольшое увеличение наблюдалось в юртах Алёкинских, Чебыковских и Кышиковских.

В остальных же девяти юртах Темлячевской волости отмечено устойчивое убывание. Вспомним Дунина-Горкавича, утверждавшего: «Мы всегда рискуем принять убыль населения прихода путём переселения – за угасание, которого не существует, и наоборот, прибыль пришлого элемента – за прирост населения...» (Тобольский Север. – Т. 1. – Там же. – С. 141).

К майковским лебедям я ещё вернусь. А пока несколько скудных сведений о юртах Майковских и деревне Майке, по крупицам собранным из разрозненных печатных источников и уцелевших архивов...

Судя по списку населённых мест Тобольской губернии (1912), по материалам переписи населённых пунктов Зенковского сельсовета (1926) и Уральской области (1928), какое-то время юрты назывались ещё и Туманковыми, однако это название не прижилось.

В годы войны Майковский колхоз им. Куйбышева был одним из самых значимых участков, по терминологии А. Петрушина, «рыбного фронта Югры». План первого квартала 1942-го майковцы выполнили на 200% к 12 марта. Правда, Самаровский рыбокомбинат не всегда обеспечивал своевременную вывозку добытой рыбы, и часть улова пропала за неимением холодильников. Имя же четырнадцатилетнего майковца Феди Баженова, во время неводного лова в лихую годину заменившего взрослого пятовщика, вошло в историю района. А надо знать, что такое пятовщик на неводном лове, чтобы оценить смекалку и сноровку мальчугана.

Не подводили земляков и фронтовики. В семейном архиве Алексея Васильевича Коровина хранится благодарственное письмо командира части, в которой служил его старший брат – Николай Васильевич. Вот что писал капитан Баркатов родителям майковского рыбака: «Спешу порадовать и поздравить вас с успехами вашего сына Николая. Николай Васильевич Коровин – честный и смелый, скромный и отважный воин, заслуженно пользующийся всеобщей любовью и уважением. Он отличился, выполняя задание командования, и награждён медалью «За отвагу». Мы надеемся, что и в дальнейшем ваш сын не раз порадует вас успехами своей службы в Красной Армии».

И после войны колхоз был на слуху. На 5-й сессии Самаровского райсовета отмечались успехи майковцев в выполнении планов 1951-го по всем показателям. В 1952-1953-е здесь успешно работала бригада рыбаков Леонида Григорьевича Змановского, «закрывшая» сора Малый Варовой, Большой Варовой, Майковский. Практиковался лов рыбы неводами у запоров. Правда, в то же время колхоз, как и артели «Красный рыбак» из юрт Нялинских, и «Трудовик» из посёлка Нялино, подвергся резкой критике: «Не по-государственному относятся к выполнению плана пушных заготовок... Эти артели за последние дни совсем не стали сдавать пушнину и поставили выполнение квартального плана под угрозу срыва...» (Сталинская трибуна. – 1953, 11 февраля).

Майковский лесозаготовительный пункт в 1950-х располагался в пятнадцати километрах севернее деревни, в Красном Яру. Лес сплавлялся «модем» по реке Ев-Ёга до сора, где плотился, связывался «глухарями» и по Оби отправлялся в Выкатное. В 1958-м лесопункт укрепился мощным Саньёговским пополнением...

Саньёговский же лесоучасток возник в июне 1952-го на малой таёжной речке Саньяха (в современном произношении – Саньёга). У Дунина-Горкавича о Саньяхе сказано: «Устье этой речки находится выше юр. Нялинских на 3 версты; ширина ея 15 и глубина до 2 саж., протяжение 70 вер. Лодкою проездъ возможень на 50 вёрсть. Берега речки окаймлены гривами частью хвойно-мешаного леса, частью чистой сосны; встречается и лиственница. Лесъ толщиной отъ 4 до 8 вершк., попадаетса и строевой. За гривами идут болота, на которыхъ встречаются небольшие острова кедроваго леса.

При устье речки расположены 3 лесныхъ острова: по левую сторону (4х4 в.) островъ «Чащевитой», лесъ на которомъ сосна и кедръ. По правую сторону – два острова Нялинскихъ въ 8х4 и 5х2 в.; первый состоитъ изъ молодняка берёзы и кедра, а второй изъ строевой сосны. Съ вершины р. Саньяха идеть болотомъ 60-вёрстный переездъ на р. Ляминь» (Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 14).

В списке населённых пунктов Самаровского района по состоянию на 1938 год, составленном журналистом

Андреем Рябовым, значатся «речка Саньёга» и «деревня Саньёга». Существовали ли названные населённые пункты на момент высадки леспромхозовского десанта, определённого ответа дать не могу. Возможно, какие-то одиночные очаги ещё тлели, но ни в одном из просмотренных источников сведений о «речке» и деревне Саньёге я не обнаружил. Хотя у того же Дунина-Горкавича сказано, что летом Саньёга облавливалась неводами, зимой мордушками. Надо полагать, местными жителями – чужие вряд ли отправились бы на Саньёгу за малоценными окунем и щукой.

Обустройство Саньёговского лесоучастка и первые лесозаготовки осуществлялись преимущественно силами «трудовиков» из посёлка Нялино, «красных рыбаков» из юрт Нялинских, «ударников» из Скрипуново и «сталинских трибуновцев» из юрт Чучелинских. С первых дней работали на лесозаготовках «рекрутированные» нялинцы братья Соплины – Анатолий, Геннадий и Василий (Василий Фёдорович был мастером), Леонид Павлович Помаскин, Юрий Белкин, конюх Фёдор Александрович Порсин, мастер Афанасий Владимирович Попов, бухгалтер Варвара Никитична Ударцева, а также первые из «35-ти» нялинских спецпереселенцев братья Долгушины и Алексей Иванович Ренёв.

Первым начальником лесоучастка стал один из пионеров леспромхозовского дела в Самаровском районе Григорий Казанцев. Благодаря самоотверженной работе бригадиром молодёжной бригады в Цингалинском лесопункте в годы войны его имя вошло в историю леспромхоза. Начиналось с временных бараков, избушек и палаток. В первые год-два не было ни бани, ни медпункта, ни магазина. Лесозаготовители и сплащики вынуждены были ходить пешком или ездить на лошадях за продуктами в Нялино. Туда же везли больных и травмированных для оказания первой медицинской помощи.

Казанцева сменил Степан Иванович Кучер, а Кучера – не менее, чем Казанцев, известный в леспромхозовских кругах 1950-1960-х годов Николай Николаевич Кальдиков. К январю 1955-го по списку с приехавшими сезонниками из Белоруссии во главе с Иваном Пархимовичем в Саньёге числилось более 80 человек.

За какие-то полтора-два года (а на более длительный срок раскачку никто бы и не позволил) лесоучасток заработал в полную силу. Разросся. За котлопунктом появились столовая, пекарня, магазинчик в Красном Яру (уж не в упомянутой ли Рябовым «Речке»?). Правда, товары первой необходимости могли доставляться из Трудовика только санным путём. Как и почта. Почту из Зенково доставлял специально назначенный рабочий Майковского лесопункта.

Однажды в Саньёгу в воспитательных целях и с поручением выдачи зарплаты нескольким рабочим был направлен штатный воспитатель Майковского молодёжного общежития. Однако воспитатель до Саньёговских воспитуемых не доехал, а выданные ему лесопунктом на подотчёт деньги пропил то ли в Нялино, то ли с воспитуемыми в родном майковском общежитии. Был оборудован и медпункт, но: «...на Саньёговском лесоучастке медицинский пункт размещён в кое-как приспособленном помещении... Плохие квартирные условия для медицинских работников и лесозаготовителей», – писала по этому поводу районная газета (Знамя коммунизма. – 1956, 5 июня).

Словом, было «всё как у людей». Как и в других лесопунктах леспромхоза. Имелось только самое необходимое для обеспечения жизнедеятельности рабочего организма («механизма»). В беспрестанной гонке за «кубиками» начальству о каких-то там жилищно-бытовых условиях для временных, как считалось, работников, думать не приходилось. Разве что техничке общежития за дополнительную плату поручалась просушка в красном уголке спецодежды и портянок. В 1950-е, как и в 1930-е, мечтать о бытовых удобствах для рабочего человека всё ещё считалось, подзреваю, буржуазным предрассудком. Зато очень крепко предлагалось думать о повышении производительности труда, а со второй половины 1950-х – о техническом оснащении лесопунктов всё с той же, впрочем, благородной целью повышения производительности...

В 1957-м в Саньёге работала электростанция ПЭС-12/200 (обслуживал её механик от Бога Иван Игнатьевич Чернянин). Имелась своя мотолодка, полуглиссер. Полуглиссер был на два участка – Майку и Саньёгу... И даже

в апреле 1957-го, когда руководству стало известно, что дни лесопункта сочтены, рабочие Иван Чернянин, Виктор Иванович Малевин, Владимир Григорьевич Катугин были направлены в Тюменскую лесотехническую школу на курсы «дружбистов», хотя бензопил «Дружба» в Саньёге в ту пору ещё и не видывали. Выпускницу школы Валентину Семёновну Кошку в июне 1957-го приняли на должность инструктора по «дружбам», а в октябре перевели «на прямые работы в связи с отсутствием бензопил»...

Краток был век Саньёговского лесопункта. Уже к началу 1957-го он утратил своё самостоятельное значение. Но не потому, что «грив чистой сосны» и «островов кедрового леса» на Саньяхе оказалось не столько много, сколько насчитывал Дунин-Горкавич. Краткость века Саньёги предопределила низкая рентабельность. Река Саньёга не имеет прямого выхода к Оби. Лес оттуда сплавлялся по сложной схеме – «транзитом», что очень затратно. Именно поэтому красный карандаш леспромхозовского реформатора Высотского в мае 1957-го поставил на лесопункте крест. Со второй половины того же года началась постепенная переброска рабочих в Майку. Приведу один из последних производственных приказов по лесоучастку, ликвидированному в январе 1958-го:

«В целях обеспечения сплава в навигацию 1957 года приказываю:

Создать две бригады по сплаву из числа лучших рабочих по заготовке леса в количестве 20 человек (вскоре было дописано ещё трое – Н.К.) во главе с опытными бригадирами.

1-я бригада. Бригадир Митин Виктор Сергеевич.

Состав бригады: Киприн Яков Дмитриевич; Игнатьев Василий Алексеевич; Ренёв Алексей Иванович; Петрушенко Иван Васильевич; Ожгибесов Евгений Иванович; Ключин Владимир Фёдорович; Люшин Анатолий Иванович; Черняев Феоктист Петрович; Смыслов Михаил Алексеевич; Никитенко Павел Никифорович.

2-я бригада. Бригадир Мишин Александр Иванович.

Состав бригады: Хамитов Михаил; Михайлов Николай; Шибанёв Дмитрий; Ковалёв Сергей Алексеевич; Кротов Александр Иванович; Хайруллин Илья; Осколков

Андрей Никифорович; Артёменко Николай Иванович; Турлаков Александр; Яковлев Николай Васильевич; Трофимов Михаил...»

Они и провели последний на Саньёге прогон моля.

Несмотря на мощное Саньёговское пополнение, Майковский лесопункт не отказывался и от оргнаборов: в июне 1957-го принял 10, в мае 1958-го – 5 и даже в феврале 1959-го – 8 человек. Умудрённый опытом Николай Николаевич Кальдиков в июне 1957-го с целью закрепления кадров предоставил незапланированную ссуду в сумме 2000 рублей с погашением в три месяца одному из лучших кадровых рабочих – многосемейному Владимиру Григорьевичу Панину. Единственный случай подобного рода, зафиксированный мною в леспромхозовских документах конца 1950-х. Кальдиков как никто другой из руководителей осознавал необходимость квалифицированных кадров. В 1959-1960-е годы в Тюменскую лесотехническую школу на курсы трактористов были направлены слесарь-механик Михаил Григорьевич Рец, рабочие Василий Петрович Сахин, Владимир Фёдорович Ключин, Николай Павлович Михайлов; на курсы сменных механиков – Юрий Пантелеев, на курсы «дружбистов» – сучкоруб Сергей Алексеевич Ковалёв, на курсы печников (в малообжитых леспромхозовских посёлках специальность весьма уважаемая!) – механик паросиловой установки Тимофей Денисович Андриянов.

С 1 января 1958 года в связи с переходом на циклический метод работы Кальдиковым были созданы и закреплены за лучшим мастером лесопункта Павлом Евдокимовичем Житовым 5 малых (от 4 до 6 человек) комплексных бригад, возглавленных опытными бригадирами Михаилом Игнатьевичем Хамитовым, Алексеем Ивановичем Ренёвым, Вениамином Павловичем Баландиным, Анатолием Ивановичем Люшиным, Петром Дмитриевичем Бокаевым. Конечный результат деятельности лесопункта оценивался по последней фазе, то есть по количеству вывезенного леса. Надо полагать, технологическое новшество оправдало надежды. Так, уже 5 марта 1958-го за перевыполнение январского плана по вывозке леса Майковский лесопункт

приказом Ханты-Мансийского леспромхоза был премирован денежной премией (вызвавшей, увы, массовую пьянку и прогулы в течение всего месяца).

Весной 1958-го лесопункт готовился к работе по технологии главного инженера леспромхоза О. Высотского, изложенной им накануне в заметке «Как мы готовимся к осенне-зимнему сезону»: «Майковский лесопункт в летний период должен вывозить деревья с кронами к реке Ев-Ёга с обрубкой, раскряжёвкой и штабелёвкой их на берегу. В это же время лесопункту предстоит построить автодорогу для вывозки древесины на сор. Для строительства автодороги выделен бульдозер. Будут на месте изготавливаться санные полуприцепы для автовывозки. Лесопункт получит 8 автомашин ЗИС-5.

В осенне-зимнем сезоне здесь будут работать 2 мастерских участка, один из них механизированный – трелёвка деревьев тракторами КДТ-40 к автодороге, погрузка пачек хлыстов через стрелы трелёвочным трактором и поездная автовывозка на нижний склад, а там переработка их на сортименты.

Второй участок производит вывозку сортиментов гужом непосредственно на берег реки Ев-Ёга» (Знамя коммунизма. – 1958, 13 июня).

Для тракторной трелёвки леса мастер Житов 18 августа скомплектовал специальную комплексную бригаду во главе с сыном одного из первых «35-ти» нялинских спецпереселенцев Коротких Леонидом Ивановичем. К этому же сроку возвели автодорогу. За мастером Сушенцевым закрепили 4 трактора и 32 человека для обеспечения вывозки древесины на сор. Ответственность за безотказную работу тракторов легла на плечи механика Н.Т. Зоренко, поставленного во главе бригады ремонтников из пяти человек. В связи с тем, что лесозаготовки и ремонтные работы производились в 12 километрах от лесоучастка, для перевозки людей в дежаны и обратно, а также по хозяйственным и иным нуждам из лесоучастка в деревню Майка предназначался автобус и автомашина ЗИС-5 с двумя закреплёнными за ней шоферами, работавшими в две смены. Во избежание потерь рабочего времени было организовано приготовление горячих обедов на лесосеке выездным поваром.

В 1958-1959 годах Майковский лесопункт располагал: полуглиссером (моторист Богдан Ленгард), бульдозером для расчистки «дороги Высотского» и заснеженного лесоучастка, электростанцией ПЭС-12/200 (механик Ягофар Музипов), электростанцией ПЭС-12/50 (электромеханики Вячеслав Ивлев, Анатолий Николаенко, Иван Чернянин), трактором КДТ-40 (тракторист В. Огородников), краном К-7 (крановщик Александр Домнин), автобусом для перевозки людей (водитель Самсон Тимшин), кузницей (слесарь-кузнец В.А. Онянин), складом ГСМ, располагавшимся так же, как и ОРСовские склады, в 15 километрах от участка на Каменном Мысу (заправщик, он же сторож – Виктор Евгеньевич Дерговский), конюшней (бессменный конюх и шорник Анатолий Васильевич Тюляпкин). В декабре 1958-го была пущена в эксплуатацию паросиловая установка ППУ-3 (машинисты Тимофей Андриянов и Андрей Осколков). Со 2 февраля следующего года на её обслуживание было выделено 3 единицы: машинист, кочегар и сторож. Не могу сказать точно, сколько было в лесопункте машин и тракторов, сдержал ли свое слово Высотский о выделении 8 необходимых для вывозки леса машин, но могу утверждать, что в период с июля 1958-го по апрель 1959-го водителями работали Николай Лихонин, Василий Захаров, а трактористами кроме перечисленных, Владимир Давлетбаев и Николай Марьевский. Ответственными за работу техники и механизмов были механики Анатолий Ильич Бродик, Анатолий Яковлевич Штервенский, слесарь-механик Михаил Григорьевич Рец и другие мастера своего дела...

Стихийным бедствием в лесопункте были пьянки молодёжи. Мало того, что пили от скуки по праздничным и выходным дням, пили и в будни. Пьянствовали общежитскими комнатами, бригадами, нередко уходя в недельные запои. «Рекордные» по массовости и длительности загулы отмечены в марте и ноябре 1957-го, в марте 1958-го, когда на работу не вышел практически весь трудоспособный участок...

Вырвавшись в Ханты-Мансийск на денёк-другой, майковская молодёжь успевала проявить себя и там. В августе 1958-го двое командированных из Майки рабочих были

арестованы на 15 суток за учинённую драку. За дебош в общежитии осудили двадцатилетнего парня – электросварщика. В апреле 1959-го 16 человек получили выговоры за то, что двое суток беспробудно «веселились» в одной из комнат общежития. Внезапно запивали трактористы и шофера, махнув рукой на завезённых с утра в деляны рабочих, которых к вечеру нужно было везти обратно. Запивали и бригадиры, казалось бы, люди ответственные, и тогда возглавляемые ими (а точнее, обезглавленные) бригады прогуливали поневоле.

Пили и женщины. Не все, конечно, но находились и среди представительниц прекрасного пола отчаянные головушки, которых, по-видимому, ничто не удерживало от безрассудства. Одних руководство увещевало, других вынуждено было увольнять не только за пьянку и прогулы, но и за «нетактичное поведение в быту и на производстве, нарушение общественного порядка в общежитии». В лесопункте в ту пору велик был процент незамужних женщин и так называемых «сожителей», прибывших по оргнабору. Одну такую «супервесёлую» пару, установившую в 1958 году своеобразный рекорд – 47 прогулов за 4 месяца (отработано 55 рабочих дней), в Майке помнили долго. Это был один из многочисленных случаев, когда гуляк уволили по ст. 47, п. «Г».

Начальники лесоучастка иногда вынужденно закрывали глаза на повальное пьянство, очевидно, понимая, что «коня на скаку не остановишь». Предоставляли возможность загулявшим допить до «победного конца» и уж с трезвых снимали толстую стружку. А что мог поделать начальник? Объявить выговор, строгий выговор, строгий выговор с последним предупреждением. Лишить кадровой надбавки, удержать из зарплаты за простой рабочей лошади, трактора, машины, пригрозить в конце концов оформлением дела в народный суд как на «разлагателя трудовой дисциплины». Но когда в этой длинной, нарастающей по степени строгости цепочки административных взысканий должно было по логике последовать последнее звёнышко – заслуженное увольнение, руководитель задавался вопросом: «А с кем останусь завтра?», и вынужденно «забывал» о

предшествующих звеньях, возобновляя сказку про белого бычка: выговор, строгаж, строгаж с последним предупреждением... Укорачивание «кнута» и утолщение «пряника» потихоньку сделали своё дело: исчез страх 1930-1940-х. Укрепились уверенность в безнаказанности...

Уязвимым для критики вышестоящего начальства звеном в технологической цепочке работы лесопункта являлась техника безопасности. Сколько бумаги и чернил было изведено, сколько времени затрачено начальниками лесоучастка в 1958-1960 годах на едва ли не ежемесячное издание приказов на эту тему, но всё было напрасно – параграфы инструкций отскакивали от твёрдых лбов рабочих как горох об стенку. Мастера и десятники, разумеется, читали и подписывали эти приказы, угрожавшие самыми суровыми мерами административной кары, но не кидались, однако, сломя головы от порога конторы «выправлять положение».

Особенно много всевозможных нарушений отмечалось в лесосеках. Около разделочных эстакад «не вываливались» обязательные пятидесятиметровые зоны безопасности, в делянках не производилась предварительная вырубка зависших и засохших на корню деревьев, угрожавших в любой момент рухнуть на головы нарушителей инструкций, не вывешивались переносные предупредительные знаки и аншлаги, не разрабатывались технологические карты разработки делян. Уже не говорю о том, что часто лесозаготовители работали в состоянии «после вчерашнего» или даже в «освежающем» утреннем подпитии. Сучкорубы умудрялись рубить себе ноги только потому, что не соблюдали простейшее правило: не обрубать сучки с той стороны ствола, на которой стоишь. Однажды случилась серьёзная авария электростанции вследствие допуска на работу в лесосеке без разбивки так называемых «пасек». Сказывалось, очевидно, неискоренимое русское «авось» да «как-нибудь».

Хватало и технологического брака. Постоянно всеми бригадами допускались «недорубы», бракованные хлысты бросались в лесосеках, сучки обрубались не «заподлицо», что, естественно, снижало сортность леса; сучки и кроны сжигались не полностью или вовсе не сжигались, допуска-

лась путаница в маркировке леса (первый сорт маркировался вторым или даже третьим и наоборот...).

Приказы сыпались как из рога изобилия, но такие мелочи работягами всерьёз не воспринимались. Из-за невыполнения качественных показателей лесопункты не только Ханты-Мансийского леспромхоза, но и всего округа несли большие убытки. В 1957 году они составили ни много ни мало – 45,7 млн. рублей.

При всём при этом Майковский лесопункт был не на последнем счету в леспромхозе. Если после новогодней спячки-раскачки план января 1958-го был провален по всем статьям (61,5%), то уже в мае за достигнутые показатели совместным постановлением обкома профсоюза и комбината «Тюменьлес» лесопункту была присуждена вторая Всесоюзная премия в сумме 7 тысяч рублей.

Даже самые отъявленные выпивохи и прогульщики остепенялись к концу года, когда решалась судьба плана. Так, план по заготовке 10 месяцев 1959-го на 1 ноября был выполнен на 90,4%, но уже в ноябре лесозаготовители «протрезвели», поднатужились и выдали 145,2%, завоевав 1 место по итогам месяца по леспромхозу и обеспечив хороший задел для выполнения годового плана.

Начиная с 1960-го всё большее значение придавалось моральным и материальным стимулам. «В целях ускорения вывозки древесины за последнюю неделю апреля предлагаю бригадам встать на предпраздничную вахту с 25 по 30 апреля, – приказом № 50 от 26 апреля 1960-го «предлагалось» начальником С.М. Корякиным на основании полученной им леспромхозовской радиограммы. – Каждой бригаде вывезти не менее 320 кубометров. Для поощрения лучших бригад выделяется денежная премия в сумме 900 рублей (1-я – 400; 2-я – 300; 3-я – 200). Присуждение премии будет производить цеховой комитет 30 апреля при условии выполнения задания 1280 кубометров по ЛЗУ».

И если план самого «тяжкого» – первого квартала 1960-го лесопункт выполнил тютельница в тютельница (100,0%), то план апреля – на 202%, а полугодия – на 115%. Особо отличались на вывозке леса комсомольско-молодёжные бригады Василия Алексеевича Захарова, Ивана Сергеевича Корзюкова, Вацлава Владиславовича Цымошко.

8. Майковские будни. Мога Венго

...Почему наше воображение всегда в прошедшем, в котором смешивается, по крайней мере, по равному количеству огорчений и удовольствий, освещает одни приятные выдержки, а всё чёрное или бросает в не приметной дали, или в тени погружает! Самые горести, самые слёзы после того, как они обсохли, не представляются ли нам в радужных цветах? Вообще воспоминания, несколько крат преломившись, так сказать, в кристалле воображения, при разных разложениях чувствительности не подлежат ли метафизической игре цветных отливов, как и в атмосфере радужные дожди?

П. Словцов. Письма из Сибири

После нешуточных мытарств наша семья на катере «Победитель» (капитан Яков Фадеевич Первухин) в первых числах июля 1958 года из Ханты-Мансийска прибыла в Майку.

Приказом № 135 от 9 июля по ОРСу Ханты-Мансийского леспромхоза предписывалось:

1

«Коняева Ивана Ефимовича принять в должности продавца участка Майка со сдельной оплатой труда.

Вменить в обязанности т. Коняеву И.Е. приёмку товаров, хранение их на своём подотчёте в складах сплаврейда Майка.

Возложить на т. Коняева И.Е. общее руководство всеми работниками аппарата ОРСа, находящимися на участке Майка.

За организацию работы по руководству работниками ОРСа, за приёмку и сохранность грузов на сплаврейде Майка, с учётом, что склад удалён от участка на 15 км, т. Коняеву И.Е. производить доплату в сумме 300 рублей в месяц.

Оплатить т. Коняеву И.Е. расходы по перемещению согласно ст. 82 КЗОТ.

Коняеву Василису Егоровну принять рабочей по складу и магазину участка Майка с оплатой труда 360 рублей в месяц.

Возложить на т. Коняеву В.Е. солидарную ответственность за сохранность ценностей склада и магазина с продавцом Коняевым И.Е.

Оплатить т. Коняевой В.Е. расходы по перемещению согласно ст. 82 КЗОТ».

О том, что такое деревня Майка и лесоучасток Майковский, отец, вероятно, знал по Саньёговскому лесоучастку, в котором ему доводилось бывать как заведующему перевалочной базой в Трудовике. В типичном для того времени лесопункте имелись молодёжное общежитие на 5 комнат, клуб с печкой-временкой и небогатым набором книг в приспособленной под библиотеку комнатушке, магазин смешанных товаров, радиоузел, столовая с буфетом, пекарня, баня, начальная школа...

Лесопункт нельзя было назвать медвежьим углом, но всё же не была налажена даже работа почты. В течение одного только 1957 года начальником С.М. Корякиным четырежды издавался приказ о назначении-переназначении почтальонов. В почтальоны сплавляли, как правило, новеньких – не успевших освоить леспромхозовских специальностей или «штрафников» – провинившихся кадровых рабочих, но до 1960-го – обязательно мужчин. В зимний период – «период доставки почты» – корреспонденцию доставляли на лошадях из Зенково. Требовались «морозоустойчивые» возницы, умевшие обращаться с лошадьми. Правда, возницами в пути признавалось только одно согревающее средство – водка, которая порой подводила: случалось, почтальоны возвращались без корреспонденции, которую либо теряли в дороге, либо забывали в том же Зенково. После 1960-го почту стали возить из Нялино. Первым штатным почтальоном в Майковском лесопункте стала Лариса Алексеевна Валеева. Ею предпринимались попытки организации доставки почты дважды в неделю с «разноской внутри участка».

В летний же период письма и газеты долго ещё доставлялась по воде случайным транспортом...

Не реже, чем почтальоны, менялись воспитатели молодёжного общежития. Сколько бы им, без вины виноватым, ни объявлялось дежурных выговоров, «исправить положение в культурно-воспитательной работе» даже самым ответственным и добросовестным было не по силам. В выходные и по вечерам общежитие буквально гудело. В январе 1958-го были назначены старосты всех четырёх мужских и одной женской комнат. Старостами назначили действительно уважаемых, ответственных людей. В мае 1960-го Ольга Николаевна Баскова приняла от Валентины Ивановны Владимировой поселковую библиотеку и по совместительству стала исполнять обязанности воспитателя. Но от назначения старост общежитие уютнее не стало, по-прежнему не выветривался из него устоявшийся запах перегаров. Заведующая фельдшерским пунктом И.В. Костюченко в январе 1960-го составила «жёсткий» акт по поводу творящихся там безобразий, на что руководство лесопункта «отмахнулось» своим приказом:

«Организовать регулярную уборку комнат, двухразовое в неделю мытьё полов в общежитии;

- Регулярно менять постельные принадлежности;
- Организовать работу сушилки;
- Произвести уборку территории общежития;
- Сваливать дрова и помои в отведённом месте...».

Не работал как следует даже клуб – единственное место, куда люди могли бы в воскресенье или в праздники прийти отдохнуть и развлечься. До таких мелочей руки у руководства не доходили. «Рабочие Майковского и других лесоучастков хотят видеть свой клуб благоустроенным, но руководство мер не принимает», – критиковала руководящих леспромхозовцев неугомонная «районка» (Знамя коммунизма. – 1959, 2 августа).

Для сравнения приведу выдержку из описания Дуниным-Горкавичем быта рабочих на рыбных промыслах в

Сургутском и Тобольском уездах в 1891-м: «...промысловые здания большей частью удовлетворительны. Жилые помещения – просторные и светлые; хлебопекарни, столовые и кухни строятся отдельно... на некоторых промыслах есть особые помещения для просушки платья и даже по 2 бани, которые топят ежедневно. Как на пример благоустройства, укажу на пески в Соспас и Дурной в Тобольском округе Земцова» (Тобольский Север. Т. 1. – Там же. – С. 218).

Нужны ли комментарии?

Само руководство лесопункта менялось, не успевая осмотреться и обвыкнуться. «За истёкшие полгода на Майковском лесопункте сменилось пять начальников и исполняющих обязанностей... Ныне работающий Корякин С.М. по счёту шестой. (Действительно, после Кальдикова, переведённого на другой участок в июне 1958-го, лесопункт до ноября 1959-го возглавлял Григорий Павлович Комаров, его сменил некто Филиппов, за Филипповым пришел С. М. Корякин. В декабре 1960-го вместо «шестого по счёту» Корякина начальником станет Калиниченко... – Н.К.) Последствия этой смены дорого обходятся государству. Не изжиты прогулы, пьянки в рабочее время... Причина: нечем заняться в свободное от работы время... Досуг не организован...» (Знамя коммунизма. – 1960, 23 марта).

Отец с первых дней впрягся в работу. Хоть на маму и возлагались обязанности рабочей по складу (в пятнадцати километрах!) и магазину, но понятно, что с четырьмя малолетними детьми помощницей отцу она стать не могла.

Строительство склада в целях создания перевалочной базы ОРСа на Каменном Мысу началось по приказу исполняющего обязанности начальника Владимира Григорьевича Панина за год до переезда нашей семьи в Майку. Сформированной 10 июля 1957-го бригаде из десяти человек во главе с Василием Гындышевым поставили задачу завершить строительство к 25 июля. Такая спешка диктовалась необходимостью подготовки помещений для завоза товаров до завершения навигации. Одновременно со строительством склада рабочие Ахмед Бузуртанов и Яков Любавин возводили жилой двухквартирный дом. Естественно,

уложиться в срок не удалось по причинам весьма банальным и распространённым: отсутствия самых, казалось бы, простых, но необходимых в строительстве материалов – от гвоздя до дверных петель... Руководство назначило даже бригадиром «над бригадирами» непревзойдённого «доставалу» Виктора Дерговского. И всё же строительство было завершено не ранее последней декады сентября.

Отец принял этот новенький, ещё не утративший аромата сосновой смолы склад 9 июля 1958-го, то есть менее чем через год, и тут же, что называется, схватился за голову. И было от чего: «На Майковском лесопункте склады построены, но в них нельзя хранить товары: склады протекают» (Знамя коммунизма. – 1958, 3 августа). Пока суд да дело, пришлось подручными средствами латать крышу, перемещать товары с места на место, спасать их от проникающих сверху дождевых потоков... Словом, работа в Майке началась с аврала...

Увлёкшись «капитальным строительством» в 1957-ом, созданием малых комплексных бригад в 1958-м, руководство совсем упустило из виду подготовку к зиме. «Плохо идёт подготовка к зиме на Майковском лесопункте (начальник Комаров). Две трети жилого фонда не подготовлено. Лесопункт не обеспечен кормами для собственного обоза» (Знамя коммунизма. – 1958, 21 сентября)...

В наш дом из всех щелей проникал холод. Спасала печь кирпичной кладки. В других же домах дела обстояли и того хуже: из-за нехватки кирпича использовались печи-временки. От едва ли не круглосуточной топки они раскалялись докрасна, но жару хватало ненадолго. И только в ноябре руководство словно вдруг ощутило «внезапно нагрянувшие морозы» и в спешном порядке сформировало группу из 14 человек «для обеспечения строительства и ремонта жилого фонда, заготовки дров и подвозки фуража»...

Не случайно мои первые майковские воспоминания связаны с печкой. Хотя и воспоминаниями-то это назвать ещё нельзя. Скорее, неясные картинки, всплывшие из глубоких запасников памяти: белёная печка с чугунной дверкой; несколько бездымных угольков, выпавших из топки в поддувало. В топке рыжей белкой бьётся огонь. (Белки

иногда забегали даже в сенцы нашего дома.) Пламя просится наружу, гудит и завывает. На всякий случай отодвигаюсь подальше. Сажу на дровах, безотрывно, затаив дыхание, наблюдаю за бешеной скачкой огня. Но неистовство пламени продолжается недолго. Фитильки огня перекатываются по обугленным поленьям, угли – на них можно глядеть бесконечно долго – отливают то розовым, то синим, то малиновым свечением, то вдруг вспыхивают коротко и ярко, словно вновь в печь впрыгнула белка-огонь... Уголёк, остывший в поддувале, можно подержать на ладони и даже взять на зубок!..

Помню песочницу. Вижу как бы со стороны – дети вокруг песочницы. Дети – это я и мои братишки Витя с Шурой. Сколоченными отцом из деревянных брусков «грузовиками» бороздим просторы «пустыни». Бороздки-дорожки осыпаются, мы ладонями разравниваем «трассы» и, подражая рёву воображаемых моторов, усердно торим новые дороги...

Я долго не мог понять, что за песочница мне запомнилась.

– Не было никакой песочницы ни во дворе, ни дома! – мама на мои вопросы в недоумении пожимала плечами.

Но ведь была же. Помню, что была!

И вот полвека спустя доказал!

Во многих жилых домах вместо обязательных по правилам пожарной безопасности подтопочных листов из-за недостатка листового железа у печей действительно оборудовали песочницы. К полу перед топкой набивали с трёх сторон деревянные бруски высотой шесть-семь сантиметров в форме незавершённого квадрата размером 70x70, а то и больше сантиметров. «Квадрат» засыпался песком. Отсюда и запавшая в память песочница.

...Сестре в Майке исполнилось пять лет, мне – четыре, Вите с Шурой – по три годика. Отец дневал и ночевал на Каменном Мысу в своих авральных базах. Ни детсада, ни яслей...

Строго регламентированная работа электростанции задавала определённый ритм жизни всему лесоучастку. В марте 1959-го электростанция работала по следующему

установленному начальником Комаровым распорядку: утром – 2 часа (с 6.00 до 8.00), вечером – 4,5 (с 19.30 до 24.00) и полтора часа днём для производства токарных, кузнечных работ, ремонта бензопил «Дружба» и заточки цепей. Всего – 8 часов. За это время нужно было умудриться приготовить, постирать, погладить и прибрать...

В магазине, случилось, шаром покати. Ни продуктов, ни обуви, ни белья, ни тёплой одежды. «Приехал как-то на лесопункт заместитель начальника ОРСа т. Киселёв. Мы попросили его, чтобы в магазин завезли ватные фуфайки. Но вместо них завезли брюки, а вместо белья – карандаши. «Произошла небольшая ошибка», – хладнокровно объяснил заведующий базой Кутявин», – уже после отъезда нашей семьи жаловался в «Знамя коммунизма» бригадир Хозымов (1960. – 8 января).

Семью поддерживала отцова страсть – охота и рыбалка...

Из всех видов майковской рыбы запомнились караси. Золотые, тяжёлые рыбины в зелёных нитях водорослей, отдающих илом.

– Ты смотри, какие лапти! – восхищалась мама, не уместив на ладони и одной из рыбин.

Вываленные из мешка в синий эмалированный таз в сенцах на лавке, караси «перетекали» друг через дружку, высоко вздымали жаберные крышки, хватали воздух гладкими круглыми ртами. Так и хотелось потрогать их пальцами!

Вдруг «взбесившиеся» рыбины начали «выпрыгивать» из таза.

Я – один на один с карасями. Вот уже и таз с грохотом опрокинулся на пол. Караси короткими, сильными хвостами хлестали так, что брызги во все стороны...

В испуге бросился к двери, но наступил на подвернувшуюся под ногу рыбину. С рёвом распластался на полу, а сдуревшие караси уже плясали, казалось, по моему лицу...

В сенцы вбежал отец:

– Что тут случилось?

– Караси... дерутся!

...Ещё о карасях.

Вечером мама жарила «драчливую» рыбу. Очищенные, выпотрошенные, с глубокими поперечными надрезами, караси по одному укладывались в две большие, раскалённые на плите сковороды.

И вдруг в полной тишине – звучный шлепок об пол.

– Ох! – от неожиданности вскрикнула мама.

На моих глазах один из обречённых на поджарку «драчунов» последним героическим усилием совершил прыжок со сковороды.

Мне жалко мужественную рыбину.

– Мама, отпусти его, ему на печке жарко!

...Нам необходимо было молоко. На полученные подъёмные родители купили телушку. Телушку весной продали и, доплатив, взяли корову, а заодно выкупили и отцову гармонь. Вот только играть на ней ему удавалось всё реже и реже...

Помню, как я вдруг заинтересовался:

– Мама, почему в Кам-Курске баба Лена (прабабушка Елена Федосеевна) с дедой Гошей зовут папку Ваней, ты с тётей Ниной – Иваном, дядя Лёня (Сизов) с дядей Стёпой (Лопарёвым) – Ван Химычем, а меня всё Коля да Коля. Я тоже хочу быть Ван Химычем.

– Во-первых, не Ван Химычем, а Иваном Ефимычем. Во-вторых, папка – взрослый, а ты еще ребёнок.

– А когда вырасту, буду Ван Химычем?

– И тогда не будешь.

– Почему?

– Потому что Вани становятся Иванами, Коли – Николаями. Те, чьих отцов зовут Ефимами, становятся Ефимовичами, а твоего отца зовут Иваном...

– Значит, буду Ванычем?

– Как ещё заслужишь!

– А что нужно, чтобы заслужить?

– Многое нужно, сынок...

– Ну, а самое-самое главное? – не отступался я.

– Самое главное? Слушаться мамку с папкой – раз. Не бедокурить, не капризничать... А потом ещё и хорошо учиться. Быть всегда во всём примером.

– Знаю, знаю! – вспомнил я слова из свода пионерских правил, продиктованных соседом-пионером. – «Пионер – всем ребятам пример!» Надо стать пионером, и всё?

– Нет, ещё не всё, – улыбнулась мама. – Потом ещё придётся хорошо работать...

– У-у, как долго ждать!

– А ты как думал? Долго! Может, и всю жизнь заслуживать придётся. Так что начни с того, чтобы мамку слушать.

– Ладно!

Как на беду, в тот же вечер, прыгая на пару с пионером в сугроб со сруба возле дома Ратниковых, набил полные валенки снегу. Домой пришёл со скрюченными, посиневшими от холода пальцами...

– Что головушку повесил, Николай Иванович? – встретила прямым вопросом мама.

Виновато шмыгнул носом:

– Можно, я ещё побуду Колькой?

Помню, я за что-то разобиделся на маму. Разобиделся всерьёз. Насупился, посопел, а затем молча полез под кровать. А под кроватью, как и у большинства майковских семей, лежал большой дорожный чемодан с замками на откидной крышке. Ухватился за ручку неподъёмного чемодана и на карачках поволок его из-под кровати. Мама, скрестив руки на груди, с любопытством наблюдала, не догадываясь ещё, что же это я задумал.

– И куда же это мы с вещами собрались?

– Куда, куда! В общежитие, вот куда!

В четыре года я твёрдо уяснил, что, если уходить из дома, то обязательно в общежитие и непременно с чемоданом. И не важно, что в том чемодане, лишь бы он имелся. Был бы при себе.

Один из шоферов, по-моему, это был дядя Коля Лихонин, часто брал меня с собой на лесосеку или на сплавной рейд. Я сидел с ним в кабине, он беседовал со мной, вроде бы как с ровней, чтобы не скучать в дороге. Потешно ему было забавляться с рассудительным мальчонкой. Мама, спохватится, бывало: а где же у нас Коля? Нет ни во дворе, ни у соседей, ни в магазине у отца. Куда девался старшень-

кий? Бежит к ребятам в общежитие: Коля не у вас? Ребята сообщали: Коля ваш на лесосеке, Коля – трудолюб!

Лихонин увозил на лесосеку, а леспромхозовская молодёжь часто зазывала в общежитие. В проходах между одинаковыми койками с одинаковыми одеялами и подушками я видел одинаковые тумбочки и одинаковые же чемоданы.

– Нравится у нас? – спрашивали ребята.

Ещё бы не понравилось, если тебе со всех сторон мозолистые натруженные руки протягивают то залежавшуюся в тумбочке конфету, то засохший пряник, то спелую кедровую шишку, то диковинную игрушку-самоделку...

– Если будут папка с мамкой обижать, давай к нам в общежитие, мы тебя в обиду не дадим! Пойдёшь к нам жить?

– Пойду!

Вот я и надумал.

Упорно волоку тяжёлый чемодан. Решительно настроился!

С работы вернулся отец. С порога долго смотрел на меня и – вопросительно – на маму.

– А это что у нас сегодня за переселение?

Мама притворно вздохнула.

– Ладно, вовремя вернулся, а то бы не успел! Уходит Коля-то от нас. Навсегда уходит!

– И куда же он уходит?

– А к ребятам в общежитие. Уйду, говорит, не уговаривайте лучше!

– Да-а, – «расстроился» отец, – похоже, сильно разобиделся. Ну, что же, отговаривать не стану. Вот разденусь да прощаться будем. На папку-то, надеюсь, не обиделся? С папкой попрощаешься?

Я ещё не умею прощаться. Знаю лишь, что надо крепко пожать руку. Отец, вроде, ни при чём – обиделся-то я на маму...

– Буду.

– Вот и хорошо. А пока прощаемся, ты, мать, собери ладом в дорогу сына. Не в Кам-Курск к бабке Елечке с дедом Егором на пирожки-шанежки сын наш собрался, а на казённые харчи. Налей-ка ему банку молока!

– Я пил уже сегодня ваше молоко!

– Так это ты сегодня пил! А завтра кто тебе нальёт? Кто тебя в рабочем общежитии напоит молоком?

– Разве только водкой? – предположила мама.

– Не буду вашу водку!

– Как это – не буду? – «удивился» отец. – Там все ребята только водку вечерами дуют. Попал в воронью стаю, каркай по-вороньи. Сбежать, что ли, мать, обратно в магазин, взять ему с собой поллитра?

– Какая ж встреча без поллитры? Без поллитры его и в общежитие не пустят. Да и курить, наверное, придётся? Они ведь там, ребята общежитские, дымят, как паровозы.

– Не буду ваши папиросы!

– А куда деваться? Надо. Положи-ка, мать, на всякий случай пачку папирос.

– «Красной звезды»?

– Ну да, «мотоциклиста». Так и быть, поделюсь своим куревом с сыном... Да хлеба не забудь. А я рыбки малосольной достану из кадушки...

– Я ел ваш хлеб сегодня! Не буду вашу рыбку!

Отец неумолим.

– Так это ты сегодня ел, а завтра кто тебя накормит? Ты ведь на довольствие пока что не поставлен. Картошки утром занесу. Полмешка, надеюсь, хватит? Так что, сынка, не горюй – проживёшь без мамки с папкой! Оденься потеплей – на улице мороз. И темень глаз коли. Волки вон от страха за Ев-Ёгой воют! А чемодан я помогу за ворота вынести. Как же сыну не помочь! Дорогу-то найдёшь до общежития?

– Найду-у...

Мне уже не нравится вся эта канитель, и общежитие не радует. Как же это так? И водку-то придётся вместо молока, и табак курить... И тащиться в общежитие морозным тёмным вечером... Но и отступаться поздно...

Взял пальтишко, надел валенки, поданные мамой тёплые шерстяные варежки...

– Зачем ему пальто? – «спохватился» отец. – Ему теперь положена спецовка. Ему ж на лесосеку завтра спозаранку.

– Зачем на лесосеку? Я не поеду в лес!

– Как это – не поеду? Кто тунеядца будет содержать? Тунеядцев там не держат. Раз уходишь, значит, на работу будешь оформляться. Как думаешь, мать, примут его сучкорубом в бригаду?

– Сучкорубом-то, отец, с непривычки тяжело. Что уж сразу сучкорубом! – посочувствовала мама. – Пусть сначала сучкожёгом...

– Сучкожёгу тоже стежёнки ватные нужны, фуфайка да мохнатки (меховые рукавицы), а не эти варежки. Мохнатки, так и быть, подарю свои! А фуфайку со стежёнками на складе завтра подберут.

– Не буду сучкожёгом! Там снег кругом глубокий, как же я по снегу?!

– А так же, как и все!

– Да ладно уж, отец, больно застращали мы с тобою сучкожёга нашего. Давай попросим, чтоб не уходил. А вдруг уговорим?

– А не знаю, кто тут на кого у вас обиделся. Кто тут прав, кто виноват. Кто кого просить обязан. Разбирайтесь сами!

А мне того и надо! На улице мороз, в печи трещат сосновые поленья, отсвет пламени зайчишкой скачет по заборке. С надеждой смотрят на меня притихшие братишки...

– Ну что, сынок, остаёшься дома? А то ведь будет мамка думать, как там наш работник? Будет плакать горькими слезами... Пожалеешь мамку-то?

– Пожалеею, мамочка!

– Вот и хорошо! – одобрил наше «примирение» отец. – А чемодан мы задвинем на место. Пусть пока постоит. Жизнь, она ведь длинная. Успеешь натаскаться с чемоданами по свету!

...Помню и Лесного Человека Могу...

В подшивке окружной газеты обнаружил заметку председателя участковой избирательной комиссии № 26 Н. Заборовского: «Муж и жена Мога и Мария Венго. Преклонный возраст. Трудятся в колхозе им. Куйбышева. Мога помнит старинное время, когда ханты не имели никаких прав, местные князьки и русские купцы обманывали их.

– Сейчас мы живём хорошо, выбираем свою народную власть, – говорит Венго, опуская бюллетени в урну» (Ленинская правда. – 1961, 7 марта).

Всего-то информации! А как много её оказалось для осмысления детских впечатлений! Одно из самых ярких впечатлений майковского периода моего детства – Лесной Человек Мога. Фамилию этого человека мама, к сожалению, забыла, и я тщетно пытался выяснить её у своих земляков-старожилов и ханты-аборигенов. И вот благодаря случайной заметке выяснил: Венго. В 1961-м «трудился» в колхозе им. Куйбышева. Смущают, правда, приписанные Моге слова о хантах, «не имевших никаких прав». Мога Венго и его жена Мария были не хантами, а лесными ненцами.

Откуда и когда ненец Мога Венго прикочевал в окрестности Майки, полной ясности у меня нет. Но есть некоторые предположения. Во-первых, ещё Первой переписью 1926/27 года группа ненцев была зафиксирована на речке Саньёге. Это были так называемые «бродячие» (лесные) ненцы, состоявшие в ведении Казымской инородной управы. Но представителей рода Венго среди казымцев не обнаружилось. Как не нашлось их у «мозымской самояди» (назымских ненцев), изгнанных с мест нагловатыми земляками казымца Хорова. По Назыму в те времена кочевали, по утверждению Дунина-Горкавича, ватаги родов Халь, Лянкпе и Нечу, из которых к началу XX века на вершине реки Немсуган оставалось всего трое – Халат, Тангалада и Угла. Не числились «венговцы» и в составленных Дуниным-Горкавичем списках родов и ватаг Каменных самоедов, обитавших в местах, расположенных от вершины реки Сось вдоль Уральского хребта до Карского моря. А вот среди Низовых самоедов, обитавших по реке Таз, представители рода Венго «отметились». Упоминание о некоторых из них найдём у Дунина-Горкавича: «В январе 1900 года направлявшиеся в Сургут самоеды с р. Таза: Омсязи, рода Венга, и сын его Гаилумма, верстах в 500 от Сургута, близ Глазковского озера, имели остановку... Очевидцами всего этого были ехавшие вместе с ними сородичи, самоеды Танылы Порунгуй и Невди, рода Венга...» (Тобольский Север. Т. 1. – Там же. – С. 268).

Не член ли одной из тазовских ватаг рода Венго отбился или задержался на Саньёге или Ев-Ёге? Косвенное подтверждение этой гипотезы нашёл у «лица вполне компетентного» – Н.К. Хандажевского, записавшего по ходу исследования нагорного берега Иртыша: «Благодушнее были самоеды, встретившиеся мне в Самарово и в Карым-карских юртах. Они прикочевали за 1000 вёрст с р. Таза...» (Лопарев Х.М. Самарово... – Там же. – С. 78).

Мога с семьёй из четырёх человек жил на стойбище недалеко от деревни Майки. Вряд ли он в 1958-1959-х был колхозником. Ни Майковский, ни Нялинский колхозы оленей не держали. А Мога держал небольшое стадо оленей. Усилия советской власти по стопроцентному переводу коренного населения на осёдлый образ жизни к тому времени потерпели фиаско. Как говаривали мои кам-курские родственники, «природу не обманешь». И действительно, в 1950-х в целях «привязывания» аборигенов к месту советская власть в 50 хозяйственных центрах округа построила 52 магазина, 36 школ, более 1000 домов, открыла 40 фельдшерско-акушерских пунктов, и всё же к концу 1962-го 580 аборигенных хозяйств (около четверти всего коренного населения) вели полукочевой и кочевой образ жизни... Но, возможно, в 1961-м Мога вступил в какие-то договорные отношения с колхозом им. Куйбышева. Если «природу не обманешь», то власти иной раз сами обмануться были рады. Подобно тому, как в 1950-х они вынужденно узаконили «засорение» предприятий и организаций «неблагонадёжными элементами» под оправдательным предлогом их успешного «перевоспитания», так и для оленеводов придумали оправдательный термин «производственный кочевник».

Полукочевник Мога шарахался от цивилизации. И если в 1961-м действительно подался в колхозники, то не от хорошей жизни: старость и болезни вынудили «поступиться принципами»...

Впервые он появился в нашем доме зимой 1958-го. Это был низенький, головастый пожилой ненец с узкими лучистыми глазами на изжелта-смуглом круглом лице.

Ввалился через порог, внеся с клубами морозного пара запахи снега и хвойного леса. Лесной Человек был с ног до головы в шкурах. В окно можно было видеть оставленную без привязи у ворот оленью упряжку.

Мы, дети, оробев с появлением пришельца из дикого леса, жались по углам.

Мога поклонился и громко произнёс:

– Тарово, протавес!

– Здравствуй, Мога! – ответил отец. – С приездом!

– Тарово, протавшиса! – тем же полупоклоном поприветствовал пришелец маму.

– Здравствуй, здравствуй. Проходи к столу!

– Может, стакан чаю? – предложил отец.

Гость замотал кудлатой головой:

– Нет, нет. Моя не терпит!

После каждой его широкой улыбки страх у нас понемногу проходил. Вскоре мы обступили Лесного Человека и с любопытством рассматривали узорчатые оленьи шкуры (гуся, наброшенного поверх лёгкой малицы).

Мога смотрел на нас и улыбался.

– Моя тоже есть тети! – сообщил он отцу. – Тва тети! (У меня тоже есть дети. Двое детей!) – показал на пальцах. И что-то добавил к сказанному.

– Да ну, – отмахнулся отец. – Канителиться!

– Что он сказал? – спросила мама.

– Предлагает ребятишек прокатить до магазина.

Это мы сразу уловили и, желая воспользоваться счастливым случаем, загалдели:

– Прокатиться!

– На оленях!

– Тавай, тавай, протавес! – настаивал Мога,

– Ладно, мать, одень ребятишек, – сдался отец.

Мама во избежание непредвиденной «канители» воспротивилась, было, но мы уже хватали шапки и пальто...

Нас усадили на нарту. Отец примостился рядом с Могой. Мога сидел полубоком, свесив с высоких нарт ноги. Взял хорей, щёлкнул языком и что-то громко крикнул

своим низеньким оленям. Олени побежали лёгкой рысью, взвихрив снег. Нарта заскользила по накатанной дороге. Майковские собаки кинулись вдогонку и наперерез упряжке, захлабывались лаем, но спокойные олени, казалось, не обращали на них никакого внимания. Мога смеялся, что-то кричал, склоняясь, отцу на ухо, тот поглядывал на нас, ликовавших, – не растерять бы по дороге!

Полвека прошло, а неизгладимо детское впечатление полёта на лёгкой нарте...

В магазине Мога покупал одно и то же:

– Винки, мучки, соли!

Отец иногда предлагал:

– Возьми хоть леденцов своим детишкам!

Мога тряс головой.

– Зачем? Мясо есть, мучка есть, рыпка есть..!

– Так то – мясо, мучка! А это ребятишкам угощение!

– Зачем? – Мога вновь начинал объяснять, что мясо, рыба и мука у него есть и, следовательно, дети не голодные...

Как-то раз отец всё же всучил ему кулёк леденцов.

– Это мой подарок твоим детям!

Мога принял.

Однажды он приехал не один – с детьми. С сыном Колей и дочерью Ниной. Десяти и двенадцати лет. В таких же, как у отца, малицах, кисах, черноглазые, смуглолицые. Коля и Нина не знали по-русски ни слова. Войдя в наш дом, они со стеснённым любопытством разглядывали незнакомую обстановку...

Мама пригласила детей к столу, поднесла по стакану молока. Они с недоумением разглядывали стаканы, не понимая, очевидно, чего от них хотят. И только после того, как Мога разрешил, выпили с кислым выражением лиц, будто приняли горькое лекарство.

Мога строго посмотрел на них и что-то повелительно произнёс.

– Пасипа! – сказал Коля.

– Пасипа! – повторила Нина.

– На здоровье, – ответила мама и переключилась на воспитание свободолюбивого кочевника:

– В посёлок тебе надо, Мога! Погляди на детей, какие они у тебя бледненькие!

Мога озадаченно моргал.

– Зачем посёлок? Моя не терпит!

– Детям, Мога, молоко нужно. В банку нужно детям! В школу нужно им! – убеждала мама. – Они большие у тебя, а грамоты не знают. Каково неграмотным придётся?

– Зачем учиса? Олешки много есть, из ружья мал-мало стрелять знают, пелка топутут... Зачем учиса? Моя не терпит!

– А заболеют, не дай Бог, что с ними в чуме делать будешь?

– Отстань ты от него! – вступился отец. – Кого разубедить захотела?

...Мога каждый раз приглашал моих родителей в гости. Незадолго до отъезда из Майки отец с мамой, наконец, согласились. Приехали в крытый оленьими шкурами чум. Мария – маленькая, подвижная, юркая женщина, ни слова не знавшая по-русски, радушно улыбалась во весь свой беззубый рот. Шустро сбила длинным шестом снег с покрытия чума, истопила буржуйку, натаяла воды. Развела в чашке привезённой мужем муки, подолом малицы смахнула с поверхности нагретой буржуйки пепел, ложкой разлила на печь приготовленное тесто. Через несколько минут лепёшки горкой высились на оленьей шкуре.

Мога принёс из лабаза оленины, миску мороженой клюквы. Разлил водку по стаканам. Мария выпила с мужчинами.

Мама чувствовала себя не в своей тарелке. Насмотревшись на технологию приготовления Марией лепёшек, она, стесняясь в том признаться, не могла взять это в рот. Пожевала оленины...

Что не ускользнуло от внимания Марии...

Она склонилась к мужу и о чём-то коротко спросила.

Благодушный, разговорчивый хозяин насупился, строго посмотрел на маму и поинтересовался у отца:

– Почему твоя жинка не пьёт вотка?

– Она, Мога, у меня непьющая.

– А почему твоя жинка не кушает лепёшки?

Отец, конечно, догадался, почему.

– Моя жинка привыкла к лепёшкам, испечённым на молоке... Но ей понравилось мясо, приготовленное твоей женой...

Мама как бы в подтверждение его слов отрезала кусочек оленины и обратилась к хозяину с вопросом:

– Спроси, Мога, как твоя Мария готовит такую вкусную оленину?

Мария, напряжённо наблюдавшая за выражением лиц гостей, после переведённого ей вопроса просветлела, улыбнулась и, что-то сказав мужу, выбежала из чума. Вернулась с большим куском оленины.

– Потарок русской жинка! – перевёл Мога.

Мария часто-часто кивала, улыбаясь. Похвала русской женщины доставила ей необыкновенную радость...

Мама вопросительно взглянула на отца. Тот разрешил:

– Возьми, не обидь.

Мога между тем быстро пьянел. Сперва его глаза подёрнулись тёплой дымкой мечтательности, он сделался словоохотливым, то и дело сбивался с русской речи на родную, затем вдруг ни с того ни с сего принялся бранить притихшую в углу Марию... Принёс и выставил на «стол» вторую поллитровку...

– Пора возвращаться, – шепнула отцу мама, – а то не доведёт нас Мога.

Отец поднялся.

– Спасибо за угощение, хозяева! Нам пора ехать! Ребятишки у нас дома под соседкиным присмотром!

Всю обратную дорогу Мога тянул заунывную песню, прерываясь изредка, чтобы выразить свою признательность «протавсу с протавшисей», побывавших у него в гостях, прослезиться и хлебнуть разок-другой из горлышка прихваченной в дорогу бутылки.

Последний раз он приезжал весной 1959-го, в канун отъезда нашей семьи из Майки. Отец пришёл с довольно-таки увесистым мешком.

– Мога гостинец прислал. Гусь, похоже! На весновке был.

Из мешка на пол выпала окровавленная туша лебедя...
Спозаранок отец отнёс птицу в лес и закопал поглубже.

Р.С. Недавно я наткнулся в интернете на сообщение о полевых исследованиях сотрудников лаборатории этнологии Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН под руководством этнографа Алексея Петровича Зенько. В июне-июле 1995 года отряд лаборатории работал в Ханты-Мансийском районе, и маршрут экспедиции совпадал со старым Самарским ямским трактом. Работы проводились в посёлках Селиярово, Нялино, в деревнях Скрипуново, Долгое Плёсо, Зенково и... на стойбище лесных ненцев Венго. Цитирую: «В стойбище лесных ненцев Венго выявлен значительно более высокий уровень сохранности традиционной культуры... Получены материалы и по традиционным занятиям – охоте и рыбной ловле, сохраняющим своё значение до настоящего времени».

Поразила не столько информация о сохранении традиций на стойбище (памятное «моя не терпит!» сыграло положительную роль), сколько информация о проживании потомков Могги Венго всё на том же месте. Невероятно, но факт!

9. «Неблагодёжный»

Неблагодёжный: в царской России: подозреваемый в революционной деятельности против самодержавия, в сочувствии революционным идеям, революционному движению.

Из словаря С.И. Ожегова

Не успел отец привести в порядок товары в наспех отремонтированных складах, как в контору ОРСа леспромхоза поступил сигнал из районного отдела милиции, породивший срочный приказ № 170 от 16 сентября 1958 года за подписью заместителя начальника Прокопия Ивановича Киселёва:

«В связи с производственной необходимостью, учитывая рост растрат и хищений, выразившихся за год на сумму более чем 90 тысяч рублей по торговому кусту Майка, а также письмо начальника райотдела милиции тов. Трунина от (прочерк – Н.К.) № (прочерк – Н.К.) в отношении неблагодёжности продавца Коняева И.Е., с 16.09.58 главного бухгалтера Федорченко командировать на 10 дней для проведения полной инвентаризации п/о Коняева И.Е.»

В нижнем левом углу было дописано чернилами другого цвета: «См. мою докладную от 16.09.58». И – подпись: «А. Федорченко».

Спустя полвека рассматривая этот странный документ, я недоумевал. Что же в действительности послужило основанием для издания столь оскорбительного для отца приказа? «Секретное» милицейское письмо или же докладная самого бухгалтера? Каким образом письмо полковника Трунина попало в руки главного бухгалтера, а не начальника или одного из заместителей начальника ОРСа? Случайно ли это произошло в отсутствие должностных лиц, принявших отца на работу? За неделю до приказа исполняющий обязанности начальника Павел Петрович Спасенников выехал в Тюмень, а Иван Павлович Карандашов, по чьей рекомендации отец был вызван из Кам-Курска Спасенниковым, на следующий после приказа день выбыл в

срочную командировку. Сам же начальник ОРСа находился в очередном отпуске...

Прибывший в Майку главный бухгалтер Анатолий Евлампьевич Федорченко все десять дней добросовестно просидел в складах и магазине, но результатом его инвентаризации стал приказ об увольнении... сторожа «за невыполнение служебных обязанностей» и предписание отцу «подобрать сторожа взамен уволенного...».

Можно бы и посмеяться, однако, применённое по истечении стольких лет по отбытии срока заключения клеймо «неблагонадёжного» больно царапнуло отца по сердцу...

«Неблагонадёжный...»

Как же, однако, унизительно и оскорбительно для порядочного человека это облачённое в благозвучную оболочку русское слово!

В толковом словаре живого великорусского языка Даля оно отдельно не толкуется. У Даля толкуется слово «благонадёжный» (благонадеянный): твёрдый в надежде, несомневающийся; надёжный, несомненный, верный, на кого можно надеяться, положиться. Слово «неблагонадёжный» Даль истолковал бы, по-видимому, так: человек, лишённый вышеперечисленных качеств.

Но это у Даля. А у советских языковедов, на многие десятилетия задвинувших далевские тома в тёмные углы идеологических резерваций, существовало «особое мнение». В известном каждому советскому школьнику словаре Ожегова это слово, конечно же, нашло свое прочное место в колонке между словами «неблагодарный» и «неблагопристойный».

Неблагонадёжным «элемент» с точки зрения советского языковеда мог считаться только по отношению к режиму: в царской России – по отношению к самодержавию, а в советской, надо понимать, по отношению к Советам и родной КПСС. В 1930-1950-е именно так и понималось.

Авторы предпринятого в начале 1990-х «Словаря современного русского литературного языка в 20 томах», были, по крайней мере, ближе к истине, исключив ожеговскую пометку «В царской России» и оставив следующие редакции

толкуемых ими значений слова «благонадёжный»: «1) Внушающий доверие, надёжный, преданный; обеспечивающий достижение цели, верный; 2) Не представляющий опасности для существующего политического строя, общественного уклада; заслуживающий политического доверия; не ставящий цели изменения существующего политического строя, лояльный по отношению к действующему порядку; благопристойный; исполненный приличия, сдержанности» (Т. 1. / Под ред. Г.П. Князьковой. – Москва, 1991. – С. 606). Прибавим к каждому из приведённых значений частицу «не» и получим искомые определения.

«Чистки» коллективов от «неблагонадёжных элементов» проводились ещё в 1928-1929-х годах накануне сплошной коллективизации. В Самаровском районе начинали с учителей: «...Окружком партии и окрисполкомом принимались решения об увольнении с работы... Были уволены учителя: зав. Реполовской школой – как «чуждый элемент», зав. Базьяновской школой – «дочь попа», а также «за связь с ссыльными и кулаками», зав. Тюлинской школой – как «лишенец, белый офицер», зав. Белогорской школой – «сын попа», двое учителей Самаровской семилетки – один «как белый офицер», другой – «бывший ссыльный» (Самаровский край. – Там же. – С. 109-110).

Но и через 30 лет от «неблагонадёжных» не «очистились»:

«На протяжении сороковых-пятидесятых годов сложились серьёзные противоречия в кадровой политике региона. С одной стороны, органы государственной безопасности, партия и Советы вели политику ограничения и недопущения ссыльных к руководящим должностям в учреждениях и предприятиях, с другой стороны – именно в этой среде находились те кадровые работники, в которых они так нуждались. Проблема «засорённости» городов, предприятий и учреждений оставалась актуальной до конца пятидесятых и не была решена в силу вышеуказанных объективных причин» (Самаровский край. – Там же. – С. 201-202).

Здесь сказано о борьбе с «засорённостью» городского населения. На самом же деле политика «выдёргивания»

из коллективов всех «неблагонадёжных» – ссыльных, выходцев из семей кулаков, попов, ранее судимых и перевода их под разными предлогами рабочими в лесную и рыбную промышленность велась применительно ко всему населению – городскому, сельскому и поселковому. И всё же руководство леспромхоза вынуждено было расставлять на ответственные должности людей именно из этой среды как наиболее подготовленных. В 1950-м даже в аппарате леспромхоза работало четверо, на лесоучастках – восемь ссыльных и бывших кулаков. В 1952-м мастерами, бригадирами, приёмщиками леса работало 70% ссыльных, а в начале 1950-х директором Белогорского лесозавода работал некто Сухих, ранее судимый за «вредительство». В одном только ОРСе леспромхоза в 1950-м насчитывалось 30 человек из бывших кулаков, ссыльных и ранее судимых; в 1952-м счётно-экономический аппарат Ханты-Мансийского горрыбкоопа был полностью укомплектован ссыльными, а заведующими и продавцами работали 15 «неблагонадёжных», в том числе в Трудовике – отец...

В 1954-м правительству пришлось сделать хорошую мину при плохой игре: «Засорённость» ссыльными руководящих постов и ответственных должностей стала рассматриваться как успех трудового перевоспитания врагов советской власти...» (Самаровский край. – Там же. – С. 203).

Но если власть поневоле закрыла глаза на «засорённость» ещё в 1954-м, то почему последовала незамедлительная реакция полковника Трунина на назначение отца в 1958-м? Надо полагать, потому, что у контролирующих органов действительно были серьёзные основания для «обеспокоенности сложившимся положением».

Количество растрат и недостат в торговой сети ОРСа росло из года в год. Возьмем только Саньёгу и Майку. В 1953-1956 годах случаи увольнений торговых работников здесь были единичны. В Саньёге, к примеру, в апреле 1953-го за обнаруженную недостачу 3434 рубля уволили заведующую котлопунктом, в январе 1954-го – пекаря, в мае 1955-го – продавца. Последнюю даже заподозрили в хищении со взломом замка в магазине с целью сокрытия

преступления. Не знаю, чем кончилось дело, но следственные органы всерьёз обрабатывали такую версию.

А с 1957 по 1959 год в Майке началось нечто невообразимое. В октябре 1957-го за растрату 2869 рублей была освобождена от работы с передачей дела в следственные органы заведующая столовой, не успевшая проработать и месяца. Случай же с тремя предшественниками отца вызвал шок. Рабочий леспромхоза 2 июня 1958-го был поставлен продавцом магазина. Успел поторговать месяц – в июле передал магазин отцу, но в феврале 1959-го по каким-то вновь открывшимся обстоятельствам был взят под стражу за скрытую ранее растрату. Кто и каким образом её вскрыл, не знаю, но знаю точно: не будь эта растрата вскрыта вовремя, в тюрьму за неё пошёл бы отец.

Вместе с этим продавцом была арестована и его предшественница за «систематические нарушения правил торговли, злоупотребления и растраты, выразившиеся в отпуске населению товаров в долг, что повлекло растранивание государственных средств».

В один день с продавцами осудили и бывшего завхоза. В апреле 1958-го за обнаруженную недостачу уволили буфетчицу столовой, а в мае – не проработавшего и месяца молодого продавца...

Никто не понимал, что происходит. Конечно, все продавцы «грешны» были в том, что отпускали товары «под запись». Но как было не отпустить в долг, под честное слово буханку хлеба и кулёк крупы многодетной матери или пачку папирос пропившейся молодёжи, если в лесоучастке все друг друга знали, а день выдачи зарплаты становился «расчётным днём», и случаев отказа или обмана со стороны покупателей не было. О грядущей ревизии продавцы, как правило, узнавали заранее и при необходимости успевали обежать с долговой тетрадкой своих должников. Осуждённые продавцы были, чего греха таить, склонны к выпивке, по пьяному делу могли что-то и упустить, но их строго контролировали жёны, которые, как и моя мама, числились помощниками мужей и являлись самыми строгими их «ревизорами».

В лесоучастке стали поговаривать, что кто-то неуловимо «мышкует» в складах и магазине. Но, как говорится, не пойман – не вор. Я же уверен: виной всему была поголовная малограмотность и продавцов, и их контролёров. О какой серьёзной квалификации могла идти речь, если на место недостающего продавца чуть ли не силком загоняли завхоза, повара, а то, случалось, и конюха с его тремя-четырьмя классами? На весь округ в то время имелась одна торгово-кооперативная школа, преобразованная в январе 1941-го из учебного комбината облрыболовпотребсоюза, обучавшая по специальностям председателя, счетовода, продавца и заготовителя.

С осуждением предшественников отца мама запаниковала. Задумался и отец: четверо детей – не шутки. Тем более, «неблагонадёжный». В марте он без объяснения причин подал заявление об увольнении...

4 апреля 1959 года отец передал магазин и базу чете Кутявиных, а сам выехал в Ханты-Мансийск для выверки подотчёта. Там сразу же получил новое назначение... начальником Сеульского торгового отделения. Что называется, из огня да в полымя.

В это время в Майке находился припозднившийся с возвращением в Ханты-Мансийск обоз. Спасенников поручил возчикам доставить нашу семью в окружной центр. Выехали во второй половине апреля. Размякший снег хлюпал под сапогами провожавших нас соседей и друзей...

Ямщики спешили, суетливо бегали от лошади к лошади, проверяли-перепроверяли упряжь и, убедившись, что всё в порядке, можно трогаться, вдруг вспоминали о чём-то важном, неотложном и, беззлобно переругиваясь, опять куда-то исчезали, затем один по одному возвращались, перекуривали, вновь обходили застоявшихся в санях лошадей...

На двух санях-розвальнях размещался увязанный вожжами и верёвками, укрытый от мокрого снега брезентовыми пологами наш небогатый скарб. Обитая внутри войлоком кошёвка с наброшенной на встроенные с двух сторон колышки непроницаемой кошмой с застёгнутым на палоч-

ки-пуговицы разрезом для входа напоминала войлочную кибитку. В эту утеплённую «кибитку» усадили нас, укутанных с головы до ног так, что из-под одежды торчали только потные носишки.

Мы в нетерпении подталкивали друг дружку, надоедали маме вопросами:

– Скоро мы поедем?

– Скоро, скоро! – отвечала мама. – Не высовывайтесь наружу, не напускайте в полог холоду!

А как же не высунуться, когда столько народу собралось у обоза – чуть ли не пол-Майки!

– Мы едем к папке в Ханты! – сообщали мы.

– Счастливого пути! – желали провожающие.

За санями «вздохала» привязанная на верёвку наша корова Майка, которой предстояло «перекочевать» из Майковского лесопункта в Ханты-Мансийск, а оттуда первой самоходкой «почётной» пассажиркой переехать в Сеуль...

Обоз наконец-то тронулся, заскрипели санные полозья, далеко отбрасывая по сторонам снежную кашу. Мы без сожаления оставляли Майку...

ОРСовские конные обозы!

Теперь они безвозвратно ушли в прошлое, в историю рабочего снабжения. А вплоть до 1970-х в условиях бездорожного Самаровского района в зимнее время они были единственным возможным способом перевозки грузов...

«Сколько лет прошло, но в памяти прочно застряла экзотическая зима того далёкого (1952-го – Н.К.) года, – писал уже упомянутый мною Ф. Нечаев. – 240 километров на лошадях проехали мы от Ханты-Мансийска до Дальнего массива в Бобровском лесопункте. Мой попутчик – начальник конобазы и председатель профсоюзного комитета лесопункта И. Ильиных – дал мне в дорогу тёплую шубу. Декабрьские дни коротки, и ехать пришлось почти всё время в тёмное время суток. Останавливались в деревнях у знакомых Ивана Перфильевича, распрягали лошадей и заходили в дом. После угощения я падал в постель и сразу засыпал... Только на третьи сутки лес, засыпанный снегом, внезапно оборвался и почти рядом показались неяркие огоньки Дальнего...» (Ленинская правда. – 1990, 12 июля)...

Возчиками (мы их почему-то называли ямщиками) назначались рабочие хозяйственного двора. Они часто менялись, поэтому хорошо запомнились только двое: чернобородый статный немец с красным кушаком на белом полущубке Август Иванович Штрак и русоволосый строгий белорус в серой фуфайке, стежёнках и шапке-ушанке – Фалафей Фёдорович Бородулин. Уже позже по документам я восстановлю фамилии и других возчиков «нашего» обоза: Крестьянников Геннадий Кузьмич, Кононов Леонид Платонович, Чернов С.И., Коростелёв Л.И. Возчиками работали мужественные люди при всех их человеческих слабостях и пороках. Слабый духом в обозе не задерживался. Лучшим средством для «сугрева» в пути, как и у майковских почтальонов, была водка. Благо, она зачастую находилась под пологом в санях. Потому и опасалась мама за благополучный переезд. Она не понаслышке знала, что в январе обозники, возвращаясь из Елизарова, «нагрелись» до такой степени, что потеряли одну из лошадей...

Жалела она и Майку. Майка наша была умницей. Она шла за санями размеренным спокойным шагом, лишь иногда поматывала низко опущенной головой, словно пыталась стряхнуть с рогов жёсткую верёвку. Это ей не удавалось, и тогда она сбивалась с шага, спотыкалась...

В «кибитке» было душно от нашего дыхания, но мама не разрешала соскочить с саней, чтобы пройтись с ней рядышком, размять затёкшие ноги и погладить Майку...

– Майка, Майка, умница ты наша, кормилица ты наша, – приговаривала мама, – потерпи, роднуля, чего уж тут поделаешь, не оставлять же тебя в Майке! – на «роднулю» успокоительно действовал ласковый мамин голос. – Вот и ладно, вот и хорошо! И не заметим, милая, как дойдём-до-топаем... Потихоньку, помаленьку...

В Хантах отцу предоставили временное жильё – довольно-таки просторную даже для семьи из шести человек квартиру в деревянном доме на территории городского стадиона (на месте нынешнего Центра спортивной подготовки «Дружба»). Здесь нам предстояло прожить около двух

месяцев. Для нашей коровы нашёлся какой-то загончик или сарай.

Отец отчитался за майковский подотчёт, получил компенсацию за неиспользованный отпуск и в ожидании вскрытия рек устроился временным рабочим хоздвора. Узнав о том, что он назначен на должность начальника торгового отделения, мама расстроилась, резонно заявив, что сменял «шило на мыло». Упрёк был справедлив. В чём, на самом деле, смысл выезда из Майки? Отец вяло, неубедительно оправдывался, ссылаясь на какие-то особые отношения, обстоятельства и просьбу уважаемого им Спасенникова...

Кабы знала мама эти «особые обстоятельства», она, уверен, ни за какие ковриги не позволила бы отцу повторно вторгнуться в «группу риска». А ведь ему, оставившему Майку от «греха подальше», наверняка было известно, что творилось в Сеульском торговом отделении.

В марте 1959-го взявшийся за наведение порядка начальник лесопункта Дмитрий Иванович Дубровин представил в ОРС докладную о нарушениях в торговле на вверенном ему участке. Выехавшая в торговый пункт бухгалтер-ревизор в ходе затянувшейся проверки подтвердила изложенные в докладной факты. Начальник Сеульского торгового отделения полученные в марте на ОРСовской базе товары продал в пути, «из-за склонности к спиртному не осуществлял контроля за работой материально-ответственных лиц», а бухгалтер торгового отделения «халатно относилась к исполнению обязанностей», в результате чего у заведующей буфетом участка Тавотьях за два месяца работы была выявлена недостача в 9320 рублей. Сумма по тем временам нешуточная. Дело передали в следственные органы.

Кроме того, за два месяца работы у пекаря Сеульского отделения выявили недостачу в сумме 1451 рубль («продавала муку, дрожжи и мясо из пекарни»); у продавца магазина вскрылись излишки («поступили жалобы на обсчёт покупателей»); заведующая складом производила продажу товаров непосредственно с базы, а продавцам представляла безтоварные фактуры...

Торговое отделение едва ли не в полном составе подлежало увольнению и следствию-разбирательству. Начальника освободили сразу же, временное исполнение обязанностей возложили на «совершенно халатно относившуюся к работе» бухгалтершу.

...Помню нашу семью на городском стадионе. На футбольном поле проходил матч. Играли «белые» и «синие». Футболки были мокры и сплошь в зелёных пятнах...

Случайно наткнулся на «документальное подтверждение» и комментарий запомнившегося матча: «В Ханты-Мансийске состоялись областные соревнования добровольного спортивного общества «Труд» по футболу. В финал вышла команда ЦРММ (центральных ремонтных механических мастерских – Н.К.)» (Ленинская правда. – 1959, 16 июня).

Как сейчас вижу, после мощного удара одного из «белых» мяч попал в лицо одного из «синих». Тот упал как срезанный под рёв и свист трибун. (А были ли трибуны? Возможно, плотные ряды болельщиков по обеим сторонам поля.)

После судейского свистка «белые» и «синие» обступили пострадавшего...

Я не на шутку испугался.

– Папа, дяденьку убили?

– Не бойся, не убили.

– А почему он лежит?

– Потому что ртом мух ловил!

К счастью, пострадавший сам поднялся и, утерев мокрой футболкой окровавленный нос, как ни в чём не бывало бросился в погоню за мячом...

Футбол маме не понравился.

– Чего тут глядеть? Пойдемте лучше погуляем!

Но отец оказался страстным болельщиком...

Мы купили бутылку лимонада, который пили из горлышка по кругу. Я сделал глоток, другой и... отшатнулся с вытаращенными глазами, едва не выронив бутылку из рук. Газ шибанул в нос до слёз в глазах...

Засмеялись мама и отец, сестра и братишки. А мне стало так обидно!

– Я хочу домой! – заканючил я.

– Давай, мать, лучше по мороженке им купим! – предложил отец.

Мы ещё не знаем, что такое мороженое. Мороженые мясо, рыба, клюква – это знаем, а мороженое – это что?

– Мороженое – это, как бы вам сказать? – сладкое молоко, – попытался объяснить отец.

Мы разочаровались:

– Молоко-о-о?! Да ну его!

– Замороженное молоко со сладкими добавками...

Нам объяснили, что мороженое можно купить возле гастронома.

Всей семьёй направились на выход. Мы ещё не видавали такого скопления народа в одном месте...

– Не отставайте! – то и дело оборачивалась мама.

– Не ловите ртом мух! – смеялся отец.

За воротами толпа разделилась на группы, группы разбились на пары-тройки и разбрелись в разные стороны. На лужайках паслись коровы. Белые, чёрные, пёстрые, красные, как наша Майка. Животные мирно пощипывали сочную травку.

...Ещё помню, как я заблудился.

То ли во второй половине нашего, то ли в соседнем доме жил семи-восьмилетний мальчик – счастливый обладатель трёхколёсного велосипеда. Как-то раз он взял меня с собою в центр города. Не знаю, как это случилось, но там я отстал от своего поводыря.

Помню длинную серую улицу, скрипучий дощатый тротуар, по которому я шёл, всматриваясь в низкие деревянные дома в надежде узнать в одном из них наше временное жилище. Все дома казались мне одинаковыми – с рябинами, сиренями и черёмухами в палисадниках, с крашеными ставнями и наличниками. Встречались стада коров, и я предусмотрительно переходил на противоположную сторону улицы. (Сейчас я знаю, что шёл от гастронома улицей Мира по направлению к нынешнему автотранспортному

предприятию.) День клонился к вечеру. Я остановился на краю. Впереди стоял кедрач. Я заплакал от усталости и жадности к себе...

Продолжение этой истории рассказала мама.

В домике на краю улицы Мира жила старушка. Она то и увидела: стоит на тротуаре зарёванный мальчик. (В Ханты-Мансийске 1950-х старожилы знали всех детей, живущих на одной с ними улице.) Сообразила, что я заблудился. Вышла.

– Мальчик, почему ты плачешь?

– Я маму потерял.

– Как тебя зовут?

– Коля.

– Чей ты, Коля?

– Мамин.

– А как твою маму зовут?

– Мамой.

– А папу как зовут?

– Ван Химыч.

– А где твои мама с папой?

– Дома.

– А где твой дом?

– Не знаю.

Такой вот «содержательный» вышел у нас диалог.

Старушка завела меня к себе, умыла, напоила молоком и отвела в милицию.

В дежурной части из меня пытались вытянуть «показания», но я упрямо твердил сквозь слёзы, что зовут меня Колей, маму – мамой, папу – Ван Химычем, что живём мы дома...

По городскому радио дали объявление о находке «черноглазого мальчика лет четырёх-пяти по имени Коля, одетого в серое пальто, обутого в зелёные туфельки...»

Между тем мама, обнаружив моё исчезновение, решила, что я у отца на хоздворе (такое случалось) и не особенно обеспокоилась. Каково же было её отчаяние, когда вернувшийся отец заявил, что на хоздворе меня сегодня не было. Оба сломя головы кинулись на поиски. Мой поводырь,

испугавшийся, по-видимому, ответственности, повёл себя странно, сказав моим родителям, что меня не видел.

Отец с мамой обошли весь центр, расспрашивая едва ли не каждого встречного, не попадался ли им на глаза мальчик пяти лет в сером пальтишке и в зелёных туфельках. Представляю, в каком состоянии после бесплодных поисков заявили в сумерках в милицию...

– У нас, у нас ваш Коля! – обрадовал дежурный.

– А вот и моя мама! – я бросил на пол какую-то игрушку, которую мне дал милиционер...

Перед отъездом в Сеуль родители разыскали и отблагодарили мою спасительницу.

Часть четвёртая

*Сеульская
Атлантида*

Коснувшись детства, не скоро расстанешься с ним. Теплом и зеленью веет на человека, пользовавшегося (что случается у нас очень редко) добрым детством и принявшегося рыться в своём прошлом; как росой освежает начинающее ожесточаться сердце...

М. Знаменский. Исчезнувшие люди

1. Ни лесом единым

Случалось, что инородцы привозили ясак в дорогих собольих шубах и на лыжах, подбитых соболями же. Торг был баснословно выгоден для русских торговцев: за обыкновенный медный или даже железный котёл инородцы давали столько шкур соболей или чёрно-бурых лисиц, сколько их могло в него вместиться. Можно сказать, край кишел пушным зверем.

А.А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север. Т. 3

Первое упоминание о кодичах и кодских князьях содержится в Вологодско-Пермской летописи 1484 года. Расположенное по обским берегам на север от устья Иртыша до Сумыт-воша (Берёзова) в основном на территории нынешнего Октябрьского района Кодское княжество состояло из 14 укрупнённых городков. Кроме того, владело землями бывшего Эмдерского княжества, покорённого ещё до прихода русских, частью Ваховской волости в Сургутском уезде, волостями Васпукольской и Колпукольской, пожалованными царём в 1594 году князю Игичею Алачееву и его двоюродному брату Онже Юрьеву. В пожизненном владении Игичея находилась и волость Лена на Выми. Вместо платы ясака кодичи несли военную службу. Благодаря особым отношениям с Москвой княжество долго сохраняло независимость. С приходом же в Сибирь казаков отпала необходимость в использовании кодских военных, поэто-

му в 1643 году княжество лишилось самостоятельности. На его территории была создана сборная волость «Кодские городки». «Городки» состояли из восьми административных образований – волостей или «сборов», в том числе Белогорской, Васпукольской, Ендырской в составе Берёзовского уезда. В состав учреждённой в 1840-х годах Кодской инородной управы вошёл и Троицкий «сбор». «Управа» в административно-территориальном отношении соответствовала Кодской инородческой волости и просуществовала вплоть до 1917 года...

Дунин-Горкавич «сообразно с естественными условиями» делил территорию Тобольской губернии на несколько условных частей. Рассматриваемую в данной главе часть территории современного Ханты-Мансийского района он отнёс к юго-восточному Обскому району юго-западной части Берёзовского уезда, подробное исследование которой им было проведено в 1899-м. Известный лесничий отмечал: на всём протяжении указанного района с запада на восток расположен покрытый хвойными лесами возвышенный материк, состоящий из цепи увалов и холмов, служащий водоразделом Обского и Иртышского бассейнов. С юго-восточного склона этого материка вытекает впадающая в Обь на территории современного Октябрьского района река Ендырь и другие мелкие речки. К этому же району он отнёс не только бассейны рек Нянынь-ёгана, Хуготы и Ендырской, впадающих в Обь между селом Кондинским (ныне – посёлком Октябрьским) и деревней Сухоруково, но и всю остальную местность, расположенную по левую сторону Оби южнее предыдущей, а именно – бассейны рек Сеульской и Ковенской, впадающих в Обь между Сухоруково и современным Ханты-Мансийском, а заодно и бассейн реки Согом...

В связи с Ендырской протокой в краеведческой литературе допускалось много путаницы, на что ещё в «Письмах из Сибири 1826 года» обратил внимание дотошный Словцов. В письме из Берёзова от 3 декабря содержатся его заметки о погрешностях, усмотренных на двух картах России – Генеральной (1809) и Подробной, изданной чуть раньше. На Подробной, указывал Пётр Андреевич, Обь

соединяется с Иртышом двумя рукавами, и соединённая река через 10 вёрст делится на два рукава, «из коих западный надписан: река Обь», тогда как на самом деле («в натуре»)… «Обь соединяется с Иртышом одним устьем», и соединённая река через 10 вёрст не делится, «а только из неё выходит пролив, Прорвою называемый, и этот пролив около деревни Белогорской тотчас впадает в протоку, или старицу, из Иртыша вышедшую повыше Самарова. Протока же, пролегая по поверхности земли особым путём до Нарыкарских юрт, осенью местами пересыхает и в разных расстояниях носит разные названия, например, название Байбалаковской, Васнухольской (в современном произношении – Васпухольской – Н.К.), Ендерской» (Письма из Сибири. – Там же. – С. 39).

Кто тут прав, разбираться картографам. Я же в этом вопросе целиком доверяюсь Дунину-Горкавичу, объяснившему в начале XX века: «Верхнее устье протоки Ендырской находится ниже дер. Белогорской, в 7 вер. от неё; нижнее – на 5 вёрст выше юрт Больше-Атлымских, в Обской заостровке Ляс-Пугор. Протяжение протоки составляет около 200 вёрст, ширина её от 60 до 100 саж., а глубина от 1 до 9 саж.» (Тобольский Север. Т. 3. – Там же. – С. 245).

Протока же Байбалаковская, которая, по Словцову, есть не что иное, как часть протоки Ендырской, по Дунину-Горкавичу, является «самостоятельной», соединяющей Иртыш с протокой Ендырской.

Несколько слов о населённых пунктах бывшего Троицкого «сбора».

Троица – одно из древнейших в этом «сборе» сёл. Располагается на левобережье Оби в 45 верстах водным и в 37 – зимним путём от Самарова. В 1868-м прихожанами здесь была построена деревянная церковь во имя святой Троицы с часовнями в деревне Белогорской – во имя Спаса Преображения (1888) и в юртах Троицких – во имя Всех Святых. В приходе были деревни Белогорская, Богдашка, юрты Богдашинские, Маткинские, Белогорские, Васпухольские, Вольно-Согомские, Миткинские, Троицкие, Востыхоевские. В самой Троице действовала церковно-приходская школа.

В юртах Ендырских в конце XIX – начале XX века «проживало 23 домохозяина, из них семеро имело 18 лошадей и трое по одной корове, а всех собак – 122... Остяки ю. Ендырских в р.р. Ендырской и Ем-Ёган в хорошие годы добывают щуки до 2000 пуд., чебака 2000 пуд., окуня до 500 пуд., ерша до 200 пуд. и язя до 20 пуд. В лесах они промышляют зверя, которого добывают в зиму следующее количество: лосей до 100 шт., соболя до 200, лисиц до десятка, медведей 3-4 штуки и до полусотни зайцев» (Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 251).

Деревня Ягурьях стоит на малой речке Ягурьяховской, устье которой «лежит на протоке Горной, выше р. Сеульской на 3 версты. Выше по речке, в 3 вер. от её устья, расположены зимние юрты Югур-Яхские» (Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 247). Название этой деревни со слов хантыйского журналиста и литератора Григория Лазарева в записи краеведа Александра Заева произошло от имени человека – *Ягур* (Егор) и хантыйского слова *ях* – народ, то есть «Егоркина деревня», или «деревня Егоркиного народа». Не знаю, что за Егорка жил в стародавние времена в этой глухой, удалённой от центральной усадьбы Троицкой сельской администрации на 80, а от районного центра Самарова – на 125 километров деревушке, но со слов старожилов, первым поселенцем в Ягурьяхе был некто Филимон Гордевич Полков, приехавший из Увата. Первое упоминание об Ягурьяхе всеведущим Дуниным-Горкавичем датировано 1910 годом. В 1904-м во всём Берёзовском уезде проживало 19386 человек, из них остяков – 10649, вогулов – 2530, самоёдов – 6207. Причём лошадные остяки жили в основном по речкам Ковенской, Васпухольской, Ендырской и в низовьях Северной Сосьвы.

До 1924-го деревня Ягурьях, территориально тяготевавшая к Троице, входила в состав Троицкого сельсовета Елизаровской волости Берёзовского уезда, а с января 1924-го вошла в Самаровский район. По «Списку населённых пунктов и административного деления Тобольского округа Уральской области» можно уточнить, что на 1 октября 1926 года деревня состояла из 8 русских и остяцких

дворов (21 житель). В 1928-м в 274 дворах тринадцати населённых пунктах Троицкого сельсовета проживало 1084 человека, что означает довольно-таки «крупный» по тем временам «сбор»...

В 1930-м в Ягурьяхе была создана рыбартель «Новый быт». И если в 1926-м здесь числился всего 21 житель, то по отчёту правления артели на 1 января 1937-го проживало 19 семей: «1 – ханты, 1 – татары, 17 – русские, всего 98 душ, из них трудоспособных 46, в том числе мужчин – 23, женщин – 18, подростков – 5» (Самаровский край. – Там же. – С. 282-283). Первая начальная школа открылась в 1938 году.

В июле 1953-го члены ягурьяховской артели организовали промысел на Ендырской протоке. Но отдалённость промысла от ближайшего приёмного пункта более чем на 30 километров не позволила сохранить улов – рыба потеряла в сортности. (В том году в озере Ендырь возле деревни Ендырской выловили семнадцатилетнего двухкилограммового окуня-рекордсмена в полметра длиной.)

Каждый новый шаг цивилизации вглубь этих Богом забытых, реками и болотами отрезанных от остального мира таёжных мест подавался как огромное достижение Советской власти. В ноябре 1951-го были протянуты провода от посёлка Луговского до Троицы, что позволило радиофицировать село, а затем и деревню Ягурьях. «Почти в каждом доме в национальном посёлке Ягурьях есть радиоприёмник», – рапортовала окружная газета (Сталинская трибуна. – 1953, 17 июля). Но ещё в 1954-м не было даже пекарни. Хлеб выпекала на дому одна из женщин, и, если она, случалось, болела, люди оставались без хлеба. Такое положение, конечно же, не устраивало руководство Троицкого рыбокоопа, однако даже пекарню построить в этой отдалённой от Самарова деревне было не просто. Имелись проблемы и с завозом практически всех необходимых для нормальной жизни продуктов и особенно строительных материалов. По этому поводу окружная газета неоднократно выпускала критические стрелы: «21 июля в Ягурьях прибыл катер «Кооператор» с двумя плашкоутами. Он доставил только 4 тонны овсяной крупы, 11 бочек керосина,

10 ящиков водки... Руководство Троицкого рыбокооп не спешит с товарозавозом. До сих пор не доставлены лес, толь, смола и другие материалы для строительства морозильной камеры на Сеульской звероферме» (Сталинская трибуна. – 1954, 10 августа)...

Самые подробные и достоверные сведения о речке моего детства Сеульской найдём опять же у Дунина-Горкавича: «Устье этой речки находится в сору (величина последнего вдоль речки 10х2 вёр.), с левой стороны протоки Горной, на 15 вёр. ниже юрт Вастыховских. На левой стороне речки расположены летние юрты Сеульские. Ширина речки на расстоянии 20 вёрст от её устья равна 10 саж., а далее, к вершине она постепенно суживается и у юрт Сеульских ширина её доходит до 7 сажен; глубина речки колеблется осенью от 1 арш. до 2 саж., протяжение водою составляет около 150 вёр., а по прямому направлению 110 вёр... С правой стороны р. Сеульской, на 7 вёр. выше зимних юрт Сеульских... находится устье речки Васпухол» (Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 247-248).

Земли бассейна Сеульской находились в пользовании остяков юрт Ягур-Яховских, Сеульских и Васпугольских и имели чётко обозначенные границы. Зимой остяки занимались здесь преимущественно звероловством, хотя во времена Дунина-Горкавича уже жаловались на оскудение зверя: «Прежде, по их сообщениям, на одного ловца добывалось в год: медведей до 5 шт., а теперь в 5 лет один; соболя 40 шт., а ныне 4-5; белки 300 шт., а ныне 15-30; оленей 20 шт., а ныне 1-2; лосей 15 шт., а ныне 2-3. В настоящее время промысел белки и росوماхи они считают невыгодным для себя, почему и стремятся охотиться на более дорогого зверя» (Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 249).

Как можно понять, неограниченная добыча пушнины привела к оскудению сибирских лесов. А ведь спустя всего четыре года после взятия Кучумовой столицы Сибирь давала одной только казне ежегодно, по «...по 200000 соболей, 10000 чёрных лисиц и 500000 лучших белок и, кроме того, бобров и горностаев. По мере того, как русские проникали в Сибирь, количество добываемой в ней дорогой и всякой

вообще мягкой рухляди стало увеличиваться и достигло огромных, почти невероятных размеров» (Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 3. – Там же. – С. 17).

Обычно в конце марта в зимние юрты Ягурьяховские перегонялись лошади и коровы, а сами остяки на всё лето перебирались на 5 вёрст ниже юрт Ягурьяховских и промышляли рыбу на протоке Горной. Кстати, в верховьях речки Сеульской на огромном болоте имелось около десятка крупных озёр, изобиловавших «чёрной рыбой» – щукой и окунем, но местные остяки эти озёра не облавливали, считая, очевидно, также делом для себя невыгодным. В Сеульской речке ловили окуня и мегдема, в притоках – щуку. В одном только 1898 году отсюда вывезли около 1000 пудов окуня и столько же мегдема.

Так же, как остяки, обитавшие по берегам Оби и в низовьях Назыма Тобольского уезда, остяки Берёзовского уезда с рек Ковинской, Ендырской, Сеульской и её притока Васпухольской были лошадными. В конце XIX – начале XX века рыбачили без аренды своими силами. Рыбпромшленник в Елизаровской и Котской волостях Берёзовского уезда аренды вотчинникам не платил, а выдавал так называемые «подъёмные» – деньгами, продуктами, рыболовецкими снастями. Вотчинники обязаны были всю добытую рыбу сдавать ему по договорной цене. В 1890-е годы в районе Елизаровской волости Берёзовского уезда от Самарово вниз по Оби на протяжении 85 вёрст, по данным Дунина-Горкавича, насчитывалось 12 значительных рыболовных промыслов: пески Оспан, Горно-Белогорский, Митькин (крестьян деревни Белогорской Елизаровской волости), 1-й Троицкий-Барашков и 2-й Троицкий Панов (крестьян села Троицкого Елизаровской волости, остяков юрт Троицких (Проточных) и Маткинских Кодской волости), Мыс (остяков юрт Васпухольских и Богдашинских Кодской волости), пески Тишь, Голец, Няша, Сарайный (крестьян села Елизаровского и остяков юрт Елизаровских (Олтырминых) Кодской волости, Заречный и Горно-Сухоруковский (крестьян села Сухоруково Елизаровской волости). Здесь в отличие от жителей Самаровской волости крес-

тьяне и остяки промышляли сами. Только на Горно-Белогорском песке (выше деревни Белогорской на две версты) да Троицко-Пановом (ниже села Троицкого на 12 вёрст) у остяков арендовал уголья Яков Васильевич Протопопов на условиях совместной неводьбы с крестьянами деревни Белогорской да на песке Мыс остяки юрт Васпухольских и Богдашинских Кодской волости сдавали уголья в аренду Степану Александровичу Захарову.

В 1939-м была предпринята попытка сделать остяков юрт Сеульских овощеводами. В окружной газете с пафосом сообщалось: «В глухой тайге... в юртах Сеульских Самаровского района впервые посажены овощи: картофель, огурцы, морковь...» (Остяко-Вогульская правда. – 1939, 14 июня). Однако овощеводами рыбаки и охотники так и не стали. К началу войны остяцкие огороды заросли бурьяном. Как не стали сеульцы и примерными животноводцами. В 1940-1950-е здесь, как и повсюду в районе, пытались организовать работу национальных колхозов, но к 1950 году «...имелись большие проблемы с новым строительством помещений для содержания скота в стойловый период, прежде всего из-за отсутствия строительных материалов и строительных бригад. В самых тяжёлых условиях скот содержался в национальных колхозах «Сталинская трибуна» (ю. Чучели), им. Чкалова (д. Матка), им. Ворошилова (ю. Сеуль)... Аборигены были прежде всего охотниками и рыбаками, поэтому требовать от них хоть каких-нибудь приемлемых результатов в развитии животноводства было по меньшей мере наивно» (Самаровский край. – Там же. – С. 178). Даже с учётом того, что эти колхозы были освобождены от обязательных поставок мяса и молока государству.

Чтобы иметь представление о выгодности пушного промысла в самом начале эпохи русского освоения Обь-Иртышья – в первой половине XVII века, приведу «справку» Дунина-Горкавича: «Продав две чёрные лисицы за 110 рублей он (Иван Афанасьев – Н.К.) мог купить по средней цене того времени (1623 года – Н.К.) двадцать десятин земли (20 руб.), прекрасную хату (10 руб.), пять добрых лошадей

(10 руб.), десять штук рогатого скота (15 руб.), два десятка овец (2 руб.), несколько десятков штук разной домашней птицы (3 руб.), – словом, полное хозяйство; кроме того, он мог, если имел на то право, купить в Сибири пар пять рабов (20 руб.) и у него ещё оставался бы капитал про чёрный день в 30 руб...» (Тобольский Север. Т. 3. – Там же. – С. 18).

Беспошлинная на первых порах торговля пушниной привлекла на отвоёванные у остяков земли Оби и Иртыша торговцев и промышленников, в чём, естественно, было заинтересовано государство. Но правительство, не пожелавшее выпускать из-под контроля основной источник пополнения государственной казны, совершенно справедливо и даже запоздало монополизировало торговлю мехами, ибо обороты становились фантастическими:

«Ценность мягкой рухляди до 1790 г. составляла около 85% всех торговых оборотов с Китаем. Главные виды пушнины и количество её были в то время следующие: белки продавалось в Китай от 2 до 4 милл. штук ежегодно, соболей от 6 до 16 тыс. штук, хорьков – 20000-50000, выхухоли – от 87000 до 200000 штук, лисиц-сиводушек – от 2000 до 4000 шт., белодушек – 6000-20000, лисиц чёрно-бурых и чёрных – от 300 – 12000, корсаков от 10000-25000, лисьих лап белодушных – 120000-250000 штук, сиводушных – 50000-150000, чёрно-бурых и бурых – 2000-4000, песцов – до 15000, куниц – до 300, камчатских и русских бобров – 2000-4000 шт.» (А.А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север. Т. 3. – Там же. – С. 24).

Ещё в конце XVI века было наложено несколько малоэффективных запретов и ограничений на размеры добычи. Промышленников обязали сдавать всю пушнину в казну и наложили на них различные пошлины. Правда, на такой огромной территории, как Берёзовский уезд, промысловики издавна руководствовались убеждением: закон – тайга, прокурор в ней – медведь, и проконтролировать их было практически невозможно. Поэтому повсеместно, в том числе и в Берёзовском уезде, было устроено четыре заставы: Обдорская, Собская,

Картасская и Берёзовская. Миновать их промышленникам было сложно, но со временем научились и этому.

И только к началу XX столетия, когда в Китае на смену мехам пришли сукна, объём вывоза «мягкой рухляди» стал заметно сокращаться.

Экспорт пушнины в царской России сравним и сопоставим разве что с экспортом нефти и газа во времена позднесоветского периода и постперестроечной России. Многие десятилетия своей истории Россия держалась на плаву благодаря мягкой рухляди так же, как ныне держится благодаря нефтяной и газовой трубе. По-другому, увы, не умеем!

В начале XIX века охота на всей территории района приобретала характер товарного производства. В течение почти всего столетия аренда угодий была запрещена, поэтому русские практически не охотились, а если и промышляли, то с позволения аборигенов. Охотой на Сеуле занимались исключительно остяки. Особенно много соболя водилось в лесах по рекам Ендырской, Сеульской и Ковинской. Почти вся добыча отправлялась на продажу в Ирбит. Более значительный доход получали только от продажи белки. К основной российской «валюте» – соболю издавна было приковано особое внимание как промысловиков, так и первых «защитников живой природы». Не случайно уже в 1827-м по Тобольской губернии был издан приказ «О невынимании инородцами и русскими из гнезда лисят и соболей».

Из гнёзд, возможно, и не вынимали, но из ловушек вынимали немало. Даже в начале 1920-х, когда экономика района вследствие гражданской войны находилась в упадке, пушной промысел возрождался быстрыми темпами. В годы НЭПа цены на пушнину выросли в 5-7 раз. «В сезон 1925/26 г. охотниками края был достигнут уровень добычи последнего года перед Первой мировой войной. Спрос на сибирскую пушнину, традиционный экспортный товар, резко возрос в связи с расширением внешней торговли СССР, которая обеспечивала амбициозную программу промышленной модернизации страны» (История Ханты-Мансийского автономного округа. – Там же. – С. 347).

По статистике, в 1926-м охотниками района было добыто: белки – 45322, горностая – 1374, колонка – 428, лисиц – 368, соболя (с куницей и кидусом) – 312, зайцев – 162, выдр – 130, лосей – 66, медведей – 46, не считая дичи и собранных дикоросов. С 1920-х годов государственные органы осуществляли гибкую политику цен, что превращало заготовку пушнины в выгодную коммерческую операцию...

С такими объёмами добычи соболю грозило полное истребление. Если на территории одного только округа в начале XX века ежегодно добывалось около 2000 соболей, то в 1921-м во всей стране добыли меньше 10000. Требовались срочные меры по спасению исчезающего вида. С 1926 года охоту на соболя запретили, а время промысла других зверей ограничили пятью зимними месяцами. Охотничьи угодья передавались группам коренных жителей, объединённых в кооперативы. Больше того, с 1935 по 1941 год повсеместно была объявлена пятилетка запрета на промысел соболя. С 1946 года «золотой» зверёк стал добываться в строго ограниченном количестве по лицензиям.

Осенью 1931-го в округе началось создание производственно-охотничьих станций (ПОСов), на которые помимо чисто промысловых возлагались и политические задачи содействия коллективизации и переходу кочевников к оседлому образу жизни. Все ПОСы находились в ведении государственной заготовительной организации «Союзпушнина». Работавшая в округе с весны 1933-го экспедиция Госземтреста пришла к выводу о необходимости создания не менее 30 охотничьих хозяйств и нескольких дополнительных ПОСов, которые уже в 1936-1940-е заготовили 1130 тысяч шкурки белки – наибольшее количество за все годы советской власти. В 1940-е продукция охотничьего промысла составляла свыше 20% от общеокружной. Как и следовало ожидать, с завершением коллективизации ПОСы своё значение утратили. В январе 1932-го президент Самаровского района утвердил проекты земельно-водного устройства территории Сеуль-Сидырского, Тагу-ега Маморовского, Байкаловского, Ходового и Тренькинского пушно-зверовых заказников.

Кроме «Союзпушнины», преобразованной в дальнейшем в «Заготживсырьё», в округе параллельно действовал рыболовпотребсоюз (рыболовецкая потребительская кооперация, имевшая пушнозаготовительные функции). Рыболовпотребсоюз по примеру «Союзпушнины» приступил к созданию своих хозяйств. «В 1941 году возникло сразу 5 промыслово-охотничьих хозяйств (ПОХ) окружного рыболовпотребсоюза: Сысконзинское, Мало-Атлымское, Сеульское, Салымское и Корликовское. ПОХ были организованы уже после завершения коллективизации, поэтому с самого начала их работа строилась на основе договоров содействия с колхозами, расположенными в зоне деятельности ПОХов» (Богатство Югры: Рыбные и охотничьи ресурсы и их использование. – Ханты-Мансийск, 2005. – С. 13).

Общее количество пушнины, добытой в округе в 1941-1945-х, оценивалось в 25,8 млн., а в одном только 1944-м – 5,9 млн. рублей. К концу войны на охотничьем промысле было занято 457 юношей и девушек, работало 7 комсомольско-молодёжных бригад. Пионеры Елизаровской сельской школы создали две охотничьи бригады из 25 человек и заключили договор с заготпунктом. Промысел освоили хантыйские и мансийские женщины, преступив вековые обычаи и запреты.

Во время войны был создан Назымский ПОХ окружной конторы «Заготовживсырьё». (В 1954-м система «Заготовживсырьё» была ликвидирована, а встречную продажу товаров сдатчикам пушнины, шерсти, мехов, кожевенного сырья и т.д. стала осуществлять потребкооперация через магазины райрыбкоопов.) В 1953-1954 годах промысловики Назыма часто выезжали в богатейшие соболем урманы по Сеульской речке. Вскоре после войны были созданы Тром-Аганский ПОХ окррыболовпотребсоюза и Малоатлымское промохототделение Ханты-Мансийского коопзверопромхоза. Спрос государства на сибирскую пушнину в качестве валютного товара для внешнего рынка в 1940-х возрастал. К началу 1948-го насчитывалось 15 хозяйств, занимавшихся пушными заготовками на 30 миллионах

гектаров территории округа. Охотничий промысел в районе с начала 1930-х по 1950-й год увеличился более чем в десять раз. Тюменский Север ежегодно сдавал пушнины на 12 млн. рублей, а Самаровский район в одном только 1950-м – на 2435 тысяч рублей в заготовительных ценах, которые были значительно ниже цен на мировом рынке. Правда, в конце 1940-х отмечался незначительный спад. Главная причина заключалась в низких заготовительных ценах. В 1948-м средний доход охотника в районе составлял 1290 рублей в год, а рыбака в 1950-м – 5634 рубля.

В 1950-е объём охотничьей добычи по сравнению с довоенным временем значительно сократился, но всё же оставался на достаточно высоком уровне. В Берёзовский, Нижневартовский, Октябрьский и Сургутский районы в течение десятилетия завезли из Иркутской области и выпустили на волю не менее 1000 баргузинских соболей, успешно, считают охотоведы, прижившихся. В 1954-м 557 ондатр выпустили в водоёмы Кондинского, Берёзовского и Самаровского районов. В угодьях Согомского и Вершинского колхозов расселили 186 голов восточной норки. В 1956-м в округе заготовили пушнины на 24 млн. рублей, а через 4 года – на 31 млн. В достижении таких показателей велика заслуга заведовавшего в 1955-1960-е годы Ханты-Мансийским опорным пунктом ВНИИ охоты и звероводства Николая Ивановича Чеснокова. На слуху были имена Анны Кузьмовны Ляксиной и Александра Григорьевича Чарушников из Чехломея Нижневартовского района, Ивана Евлампьевича Толстогузова из Сеульского промыслово-охотничьего хозяйства.

В 1957 году на местах бывших ПОСОВ и ПОХОВ организовали 7 промхозов, в том числе Сеульский. Охотников Сеульского коопзверопромхоза давно привлекали нетронутые промысловые угодья на реке Вошнина и Сивотурской гриве. Здесь водилось особенно много ондатры, горностая, лисицы, боровой дичи. Чтобы освоить новые угодья, Сеульский промхоз в конце 1950-х построил там два культурстана, состоящих из жилых домов, магазинов, складов и бани... Окружная газета сообщала: «Сейчас там, где раньше

не ступала нога человека, трудятся две охотничьи бригады. На Сивотурском культстане уже добыто 138 соболей, много белок и другой пушнины. Гавриил Тимофеевич Бакшеев сдал 24 соболя и 53 белки. 16 соболей и много белок принёс в магазин культстана Петр Иванович Загваздин» (Ленинская правда. – 1960, 20 декабря).

Вскоре промхозы потребкооперации стали именоваться коопзверопромхозами, которых к началу 1960-го в округе имелось 13. А в 1961-м коопзверопромхозы из подчинения райзаготконтор были переданы специально созданной окружной пушно-меховой конторе рыболовпотребсоюза. «В 1962 году пушно-меховая контора была преобразована в укрупнённый окружной коопзверопромхоз. В него вошли 13 промхозов, преобразованных в отделения, а также включены на правах отделений Кондинская и Саранпаульская зверофермы. В Ханты-Мансийском окружном коопзверопромхозе в 1962 году работало 1210 человек, в том числе 610 штатных охотников-рабочих, а объём продукции промысла, производства и заготовок составил 1506,8 тыс. руб., из них промысловой продукции (пушнины, дичи, рыбы, ягод, грибов, орехов) на 628 тыс. руб. в ценах тех лет» (Богатство Югры. – Там же. – С. 14).

В 1962-1963-е годы в округе были организованы государственные промыслово-охотничьи хозяйства (госпромхозы) Главохоты РСФСР: «Ханты-Мансийский» и «Охтеурский», а Ханты-Мансийский окружной коопзверопромхоз в 1964-м был реорганизован в Берёзовский, Ханты-Мансийский, Сургутский и Нижневартовский, для руководства которыми образовали трест коопзверопромхозов при Управлении заготовок облрыболовпотребсоюза, который сначала размещался в Тюмени, а затем в Ханты-Мансийске. Ещё раньше, в 1962-м, в районе создали государственные промысловые хозяйства Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совмине РСФСР: госпромхозы «Цингалинский» и «Урманый». Первый занимал территорию в пойменной части Иртыша, в низовье реки Конды и в бассейне реки Согом. В его границах находились четыре крупных колхоза и совхоз

«Реполовский», которому все эти годы также устанавливался план по заготовке пушнины. «Урманый» располагался в Кышике с производственными отделениями в деревне Тренька, посёлке Сугунчум и селе Троице. Перед госпромхозами были поставлены следующие основные задачи: «Проведение мероприятий по воспроизводству охотничье-промысловой фауны и рыбных запасов, добыча пушно-мехового сырья, рыбы, дичи, мяса копытных животных, ягод, грибов, кедровых орехов, развитие пушного звероводства, пчеловодства и подсобного сельского хозяйства, проведение на закреплённой территории по согласованию с органами лесного хозяйства рубок ухода, санитарных и других видов рубок промежуточного использования с учётом улучшения условий обитания охотничье-промысловых животных и повышения плодоношения древесных насаждений, переработка и реализация добываемой пушнины» (Самаровский край. – Там же. – С. 247).

От одного только перечня обязанностей у первых руководителей голова пошла кругом! Они просто растерялись, не зная, с чего начать и каким образом запустить в действие всю эту сложную махину. Оба госпромхоза в силу ряда объективных и субъективных причин не смогли организовать работу должным образом. Себестоимость заготовленной ими продукции была выше всяких разумных пределов. К тому же, жизнеспособность госпромхозов полностью зависела от развития звероводства. Эта прибыльная отрасль обеспечивала основную часть доходов. В 1964-м Урманному госпромхозу было отказано в кредитовании.

В 1966 году охотовед Виктор Георгиевич Подпругин (с 24 июня 1964-го – главный охотовед Урманного госпромхоза, с 1966-го по 1974-й – зам. директора, главный охотовед госпромхоза «Ханты-Мансийский») внёс предложение о соединении двух госпромхозов в один, о перебазировке центральной конторы в Ханты-Мансийск. В июле того же года Цингалинский и Урманый госпромхозы были объединены в Ханты-Мансийский с центром в Ханты-Мансийске, было образовано Цингалинское хозрасчётное пром-охототделение с производственным участком в Согоме.

Директором госпромхоза назначили Усенко Фёдора Ивановича. Подпругин дал согласие на главного охотоведа, но через восемь лет ему будет суждено стать во главе хозяйства, заработавшего очень эффективно.

Таким образом, в 1960-е в округе и районе была создана целая охотничья индустрия: «Заготовки дикой пушнины в 1960-1990 годы ежегодно составляли: белки до 300 тысяч штук; соболя до 4-5 тысяч штук (Этот редкий пушной зверёк – чисто национальный «капитал», ведь нигде в мире, кроме России, соболь не водится! – Н.К.), ондатры до 100-150 тысяч штук; горностаю до 10-15 тысяч штук; лисицы красной – свыше 2 тысяч штук. Заготавливалось около 100 тонн мяса диких животных; более 20 тысяч штук боровой дичи; значительное количество дикоросов (грибов, ягод, орех) и лекарственного сырья. На охотпромысел ежегодно выставлялось до 2 тысяч охотников, в том числе – 500 штатных, 500 сезонных, 1000 любителей...» (Богатство Югры. – Там же. – С. 16).

К лету 1967-го весьма успешно работали Ханты-Мансийский госпромхоз с отделениями в Кышике и селе Троице, с бригадой охотников, базировавшихся в посёлке Сугунчум, а также Сеульское промохототделение Ханты-Мансийского коопзверопромхоза с производственными участками в деревнях Востыхой и Матка.

Если охотой в округе занимались повсеместно и издревле, то клеточное звероводство как отрасль возникло в 1936-1937 годы. Известно, правда, что русские купцы до революции исхитрялись выращивать лисят в неволе – вспомним хотя бы забавный закон «О невынимании лисят из гнезда». В 1937-м из Тобольского зверосовхоза на зверофермы Самаровского и Кондинского районов завезли 60 серебристо-чёрных лисиц. Государственная инспекция охотустройства организовала 6 ферм по выращиванию чёрно-бурых (канадских) лисиц, одну из них – в деревне Мануйлово Самаровского района. В 1940-м поголовье лисиц составило 290. Для строительства звероферм колхозам выдавались долгосрочные кредиты на выгодных условиях. В образованном

в 1941-м Сеульском ПОХе окрыболовпотребсоюза (как и в Малоатлымском) в мае 1948-го началось строительство зверофермы серебристо-чёрных лисиц на 70 голов с местом нахождения в Ягурьяхе. К середине 1955-го сеульские звероводы добились впечатляющих результатов. Мария Алексеевна Захарова в 1955 году стала участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Главный Комитет ВСХВ наградила её Малой серебряной медалью и премировал часами «Звезда»... А в первом году семилетки звероводы Сеульского коопзверопромхоза «...под руководством зоотехника Марии Петровны Шепелевой получили от каждой самки по 3,5 щенка. В целом по ферме забито 707 лисиц, шкурки их выделаны и отправлены на московский холодильник, где приняты по 1304 рубля каждая. Такая стоимость является наивысшей в районе», – писал в районную газету охотовед райзаготконторы А. Кряжков» (Знамя коммунизма. – 1960, 13 марта)...

Сеть звероферм, занимающихся разведением в клетках серебристо-чёрных лисиц, стремительно стала расти только в послевоенные годы. Планы доводились как по числу звероферм, так и по поголовью зверей.

В 1947-м выпускник Ленинградского зоотехнического института Василий Аркадьевич Аммосов всерьёз приступил к изучению перспектив развития звероводства в округе. На основании его материалов было подготовлено подписанное Сталиным распоряжение Совмина СССР от 17 июня 1949-го о развитии клеточного звероводства в национальных округах. В том же году в округе организовали 23 новые фермы серебристо-чёрных лисиц, а к июлю 1951-го почти половина артелей имела фермы серебристо-чёрных в среднем на 18 голов. С марта 1952 по 1958-й год Аммосов занимал должность заместителя директора Ханты-Мансийской опытной станции по научной работе. Его исследования увенчались разработкой зоотехнических и ветеринарных правил по кормлению, содержанию и воспроизводству серебристо-чёрных лисиц и типового проекта колхозной зверофермы. Поголовье зверей в кол-

хозах округа увеличилось с 552 в 1949-м до 8200 в 1955-м. В 1950 году в районе имелось 22 зверофермы с общим количеством 382 зверька, сдано шкурок на 105289 рублей. Было организовано планомерное обучение звероводов с отрывом и без отрыва от производства. Звероводческое отделение Ханты-Мансийской сельскохозяйственной школы в 1950-1952-х годах подготовило около 130 специалистов.

«К концу 1950 г. в колхозах округа существовало 64 лисофермы, на которых было 1134 лисицы, в 1954 г. – 133 лисофермы и 3937 голов (в 1957 году по количеству серебристо-чёрных лисиц округ уже занимал 1-е место в СССР – Н.К.), а в 1960 г. число лисиц превысило 10 тыс., что составило 2/3 их поголовья по всей Тюменской области, занимавшей первое место в стране по количеству животных на зверофермах. В 1962 г. звероводством в округе занимались 31 колхоз, 11 совхозов и 11 подсобных хозяйств. По доходности звероводство стало самой выгодной отраслью животноводства края... До 1960 г. государству сдавалось ежегодно 15-16 тыс. ценных лисих шкурок» (История Ханты-Мансийского автономного округа. – Там же. – С. 388).

В 1961-м были созданы звероводческие совхозы «Юганский» в Сургутском и «Карымский» в Кондинском районах. Зверовод Галина Георгиевна Канева из Казыма в золотой век окружного звероводства, достигнув наивысших показателей в СССР, была награждена орденом Ленина. С 1965 года звероводом в Кышиковском отделении Ханты-Мансийского госпромхоза стал работать известный в округе мастер своего дела Николай Кириллович Лозямов.

Р.С. Всё это в безвозвратном прошлом...

А что сегодня?

– А сегодня новые экономические отношения, связанные с формированием рынка, не лучшим образом сказались на развитии охотничьего хозяйства, – начнёт издаലെка осторожный в высказываниях чиновник. – Но правительство, – скажет он с нажимом на ключевом для него слове, – разрабатывает концепцию развития хозяйства на период до 2015 года.

Он приведёт и цифры. О том, что на 1 января 2005 года ведением охотничьего хозяйства в округе занимаются тридцать три «пользователя», что имеется 484 территории традиционного природопользования (родовые угодья), на которых ведётся промысел. С заметным воодушевлением поделится планами об организации охотничьего туризма и трофейной охоты в районе. Вот только об охоте как промысле и охотнике как профессии умолчит.

А прямолинейный, как траектория жакана, вчерашний охотник-промысловик, нынешний безработный, если уже не пенсионер, рубанёт сплеча, высветив самую суть нынешней проблемы:

– О какой охоте речь, если патрон дороже белки?

Деревня Ягурьях, в отличие от деревни Матки, посёлков Сеуль и Тавотьях, пока ещё «жива». В 2003-м там насчитывалось 211 жителей. Имеются школа, детские ясли, фельдшерский пункт, почта и даже три магазина. Местные жители с тоской вспоминают «светлые времена», в которые в деревне находилось одно из трёх крупных отделений подпругинского госпромхоза. С преобразованием же госпромхоза в акционерное общество открытого типа «Национальная компания «Велпас» в 1992-м хозяйство обанкротилось. Ныне районная администрация выкупила основные средства и организовала муниципальное унитарное предприятие «Фактория» с участками вместо бывших отделений в Троице, Кышике и Ягурьяхе. Идёт сложный процесс «восстановления». Прежде всего – утраченных опыта и навыков. Вселяет надежду линия электропередачи, построенная нефтяниками на Ягурьях в 1993 году, автомагистраль на Нягань, проложенная с возведением вантового моста через Иртыш в Ханты-Мансийске, и практически связавшая Ягурьях с окружным и районным центром...

Если в 1962-м клеточным звероводством в округе занимались 31 колхоз, 11 совхозов и 11 подсобных хозяйств, в 1977-м на зверофермах выращивалось более 27 тысяч голов серебристо-чёрных лисиц, и даже в 1992-м несмотря на перестроечный погром поголовье серебристо-чёрных лисиц всё ещё достигало 23 тысяч, то в настоящее время зверо-

водством занимаются всего 9 хозяйств. Как и полвека назад, они специализируются на разведении серебристо-чёрных лисиц. поголовье основного стада на 1 января 2006-го составило 5,3 тысячи голов против 15-16 тысяч ежегодно сдаваемых шкурок в 1950-е. Свёртывание доходной отрасли экономики нынешними руководителями объясняется трудностями в реализации шкурок в связи с уменьшением спроса на мех вообще и мех с длинным ворсом в частности. Однако же, традиционные страны-звероводы Канада, Норвегия, Финляндия не спешат расстаться со зверофермами, а, напротив, наращивают объёмы. А дело, объясняют наши «специалисты», в том, что у канадских и скандинавских зверей мех короче... «Ну так подстригите наших!» – хотелось бы ответить...

Нынешний руководитель известного в прошлом зверосовхоза «Казымский», расположенного ныне в посёлке Шугур Кондинского района, пошёл на преднамеренное уничтожение основного стада серебристо-чёрных лисиц с тем, чтобы заменить его «скандинавками». Однако не все опытные звероводы признают такую замену разумной. Руководитель бывшей окружной опытной сельскохозяйственной станции, ныне в духе времени названной «ГНУсно» и длинно: «ГНУ ХМ СХОС СО РАСХН» (Государственное научное учреждение «Ханты-Мансийская сельскохозяйственная опытная станция Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук») – Леонид Ефимович Силин, один из немногих фанатов, решившийся на содержание поголовья лис, считает замену «землячек» на «скандинавок» очень рискованной затеей, ибо «скандинавки» в наших погодных условиях и при нашем рационе кормления могут не прижиться. Леонид Ефимович видит выход в повышении классности «своих» зверей, в разведении помимо лис песцов, норки, соболей различного окраса. Свою опытную станцию Силин видит окружным центром научных изысканий в области клеточного звероводства и свято верит, что при грамотной постановке дела эта отрасль вновь способна стать доходной статьёй экономики...

2. Лесопункт. Первое десятилетие

Берега р. Сеульской окаймлены строевым лесом, сосновым и мешаным, с господством кедра; последний достигает в диаметре свыше аршина. Близ устья есть значительный чистый кедровник, а по р. Васпухольской – значительный сосновый бор. По обе стороны р. Сеульской, т.е. к р. Ендыру и к р. Ковинской, – болота, на которых острова и гривы, и даже значительные, покрытые строевым лесом кедра и ели, а к р. Ковинской – сосною. В верховьях р. Сеульской болот мало и лес молодой, по бывшей гари...

А.А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север

Обустройство лесов Ханты-Мансийским леспромпхозом в верховьях реки Ендырь началось в июле 1946-го. Вероятно, в это же время было начато обустройство лесов и в бассейне Сеульской. Но первую серьёзную «разведку» сеульских лесов на предмет ценности и возможности их эксплуатации на рубеже XIX – XX веков провёл неумолимый Дунин-Горкавич. Сеульскую речку он прошёл от устья до истока. И вот что он увидел: «В лесах бассейна р. Сеульской древесные породы встречаются в следующем отношении: ели с пихтой 0,4; кедра 0,3; берёзы с осинкой 0,2 и сосны 0,1 общего количества. Толщина строевого леса следующая: деревья ниже 6 верш. составляют 3/8; 8-9 верш. – 2/3 и 10 верш. – 1/8 всего леса. Лесные гривы занимают третью часть общей площади» (Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 249).

Сеульский лесопункт начал свою деятельность в 1949 году. Как и в большинстве (если не во всех) лесопунктах Ханты-Мансийского леспромпхоза конца 1940-х – начала 1950-х здесь широко применялась колхозная тягловая и рабочая сила. Причём сезонники не просто отбывали «трудовую повинность», а отбывали, можно утверждать, «с песнями», ибо какое же социалистическое соревнование на лесоповале могло быть без «Дубинушки». Без «Дубинушки» двуручной пилой и топором да измождённой конягой невозможно было

дать и обязательного плана, не говоря о сверхплановости. В заметке «Слово не расходится с делом» секретарь парторганизации колхоза «Заря новой жизни» В. Звягина рапортовала: «Работающие на Сеульском лесопункте колхозники артели «Заря новой жизни» вызвали на социалистическое соревнование здесь же работающих членов артели «Равнина». Обе бригады лесозаготовителей обязались выполнить сезонный план заготовки и вывозки древесины к 23 февраля» (Сталинская трибуна. – 1952, № 4).

О первых шагах молодого лесопункта в начале 1950-х появлялись очень противоречивые сведения. В кратких, в несколько строк, сообщениях можно прочесть, к примеру, о том, что Сеульский лесоучасток по состоянию на февраль 1953-го являлся самым отстающим в Ханты-Мансийском леспромхозе, сезонный план по заготовке леса он выполнил только на 60%, а по вывозу и того меньше. Что директор леспромхоза Сергей Алексеевич Комиссаров (будущий секретарь окружкома партии, председатель окрисполкома, начальник управления топливной промышленности Тюменского облисполкома в 1951–1955-м возглавлял Ханты-Мансийский, в 1957–1959-м – Урманский леспромхозы) безответственно относится к подбору руководящих кадров. В другом случае прочтём: «Успешно трудится на подучастке Пелик Сеульского лесопункта бригада лесорубов под руководством Кальдикова Николая Николаевича» (того самого Кальдикова – начальника Майковского лесопункта) (1953, 18 октября), что «возчик Чимдэ выполнил дневную норму на 300 процентов», а товарищи «Нану и Бородин вырабатывают по две нормы в день...» (Сталинская трибуна. – 1954, 17 марта).

Контора Сеульского лесопункта находилась в посёлке Рейд Троицкого сельсовета (Нижний Сеуль) на расстоянии от Ханты-Мансийска санним путём 140-150, водным – 228-240 километров. Движение катеров по Сеульской речке до Рейда было возможно примерно до 1 августа, а после спада воды добирались на мотолодке или от п. Луговского по тропе через Матку, Востыхой и Ягурьях. Естественно, по тропе нельзя было доставить на Рейд и в Тавотьях

потребное количество продуктов питания, сена, овса, фуража, стройматериалов, поэтому после спада воды завоз необходимых грузов производился в основном мотолодками.

Подучасток Пелик находился в верховьях Сеульской. Я пытался выяснить происхождение этого названия. Единственным обнаруженным мною «ключиком» к разгадке топонима стала фамилия вогульских рыбаков и охотников из юрт Тимка-Пауль, что в вершине Тапсуя, – Николая и Тимофея Пеликовых. В самом начале XX века Николай Пеликов арендовал у Атымьевских инородцев зверопромышленные места в верховьях речки Атымьи, где имел промысловую избушку и в которой зимовал. «Осенью 1900 года он с двумя товарищами добыл с собаками и скрадом 60 оленей, 1 лося и 21 соболя» (Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 283), – как всегда феноменально точен в подсчётах Дунин-Горкавич. В пользовании Пеликова была речка Позорья (Посырья в современном произношении) в верховьях реки Пелыма с юртой, двумя работниками, парой оленей и пятью охотничьими собаками. Ныне это место относится к территории Свердловской области. А второй Пеликов – Тимофей арендовал у меньше-кондинских инородцев промысловые места, расположенные в верховьях небольшого притока Малой Конды – речки Быт-Я, где также поставил промысловую избушку в 20 верстах к юго-востоку от своей юрты. Не исключено, что если не сами удачливые вогульские охотники-предприниматели, то их наследники со временем перебазировались в девственные леса и воды бассейна Сеульской или её притока Васпухольской, и их новая промысловая избушка дала название будущему подучастку.

Тёплые воспоминания о рабочих Сеульского лесопункта конца 1952-го – начала 1953-го оставил Фёдор Нечев: «Запомнилась поездка в Сеуль, где довелось прожить много дней. Здесь всю зиму рабочие местного лесопункта от Ханты-Мансийского леспромхоза вели заготовку древесины, а сплавщики Нижне-Обской сплавконторы рубили, как дома, «глухари», углы их связывали вицами (они были

высотой более метра) и наполняли их круглым лесом. Отлично работали бригады двух тёзок – Фёдора Ратушина и Фёдора Барыкина. Брёвна им подвозил на лошади Иван Лежнёв. Они всю зиму и весну работали с большим напряжением, дружно ворочали брёвна под команду Барыкина: «Раз-два, взяли, молодчики, нажали!» (оказывается, не только знаменитой «Дубинушкой» сопровождалось разворачиваемое повсеместно социалистическое соревнование – Н.К.). Любо было смотреть на дружную работу сплотчиков. А ведь Барыкин с Лежнёвым тоже были спецпереселенцами. Молодыми парнями их с Южного Урала сослали вместе с родителями на Север как кулаков. Они дома были хорошие труженики и здесь построили себе добротные дома, имели скот и жили зажиточно, так как умели по-настоящему работать...

На рейд сплава я приехал, когда разлились реки и протоки. Сплавщики сформировали плотокараван и с помощью катера с историческим названием «Аврора» погнали его на рейд Поснокорт, что в Микояновском (ныне – Октябрьском – Н.К.) районе. Попросился и я в этот своеобразный маршрут... Мы гнали плоты почти круглые сутки. Приткнём их к берегу на час-другой, сварим горячий обед, закусим, отдохнём и снова в путь. Главным плотогоном у нас был Алёша Голованов (вероятно, здесь автора подвела память: Голованова звали не Алексеем, а Александром Григорьевичем – Н.К.) – низкорослый, щупленький мужичок, который, несмотря на свою малую силу, делал всё хорошо и ловко...» (Ленинская правда. – 1990, 12 июля).

Лесоучасток периода 1952-1954-х представлял собой несколько жилых домов, продовольственный склад, контору, детский сад, медпункт, столовую, мужское и женское общежития на берегу речки Сеульской. Почта сюда так же, как в Ягурьях, из Троицы поступала в основном со случайными попутчиками раз в полтора-два месяца. Впрочем, о том, в каких условиях жили и работали первые лесозаготовители Сеуля, расскажет акт, подписанный в декабре 1954-го председателем рабочего комитета профсоюза леспромхоза В. Ростовщиковым:

«...Общежития рабочих: оконные рамы одинарные, вместо вторых рам окна наполовину забиты досками и внутрь положено сено. Тепла не прибавилось, но света значительно убавилось.

Двери в домах просвечивают насквозь, а тамбуров нет, поэтому холодный воздух проникает в квартиры.

В общежитиях не хватает тумбочек; в ряде секций их вообще нет. В мужской секции № 2 проживает 21 человек. Здесь нет ни одной тумбочки и установлено всего 8 коек, остальные – двойные топчаны.

Из-за того, что нет табуреток, люди вынуждены сидеть в верхней одежде на койках. Вешалки и умывальники не оборудованы.

Нет на лесопункте парикмахерской; не созданы мастерские бытового обслуживания, хотя в них большую нужду испытывают молодые рабочие-одиночки, которым некому отдать постирать бельё, починить одежду.

Строительство клуба по вине руководителей лесопункта и леспромхоза срывается, кино демонстрируется в женском общежитии...

Радиофикация и электрификация лесопункта также сорваны.

Детский сад, открытый в этом году, не оборудован, рамы одинарные. В садике нет книг, игрушек.

Из 69 лошадей на лесопункте работают всего 32. Из них 28 запрягаются в сани, а 4 лошади из-за отсутствия саней – в подсанки...

Не хватает дуг, подсанок, варовины. Только по этой причине многие рабочие лес возят без подсанок.

В результате такой организации труда вместо 360 кубометров леса ежедневно лесопункт вывозит не более 120-150 кубометров».

Не лучше обстояли дела и в Пелике:

«В красном уголке на подучастке Пелик сквозь жердяной потолок просвечивает небо, на полу от резкой перемены температуры намёрзли кочки льда...» и т.д.

Не все рабочие мирились со скотскими условиями быта. И здесь находились люди, которые хотели жить по-челове-

чески. В 1953-м рабочий Павел Дундин, не дожидаясь милости начальства, оборудовал в общежитии красный уголок, где вскоре имелись: баян, гармонь, радиоприёмник и даже библиотека из 270 наименований книг. И не важно, что половина из них принадлежала перьям Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Важно, что другую половину книжного фонда составляли произведения Пушкина, Гоголя, Некрасова, Шолохова... Зашедший в дундинский красный уголок рабочий мог полистать подшивку районной и окружной газеты. Через год примеру Дундина последовали Данилов и Корякина, организовавшие в достроенном к тому времени клубе музыкальный, хоровой и драматический кружки.

И всё же лесопункт самоутверждался. Как закономерный результат трудного, несколько, может быть, затянувшегося становления – первое серьёзное признание, последовавшее в ноябре 1954-го: коллективу присудили Всесоюзную премию в размере 7000 рублей за перевыполнение плана по заготовке и сплаву леса по итогам работы за октябрь.

Здесь уместно будет сказать несколько сочувственных слов о незавидной участи большинства первых начальников новых лесопунктов. Мы уже прочли весьма нелестное высказывание «Сталинской трибуны» об одном из первых начальников леспромхоза Комиссарове. Не избежал сей неблагодарной участи и Николай Иванович Седов. Теперь уже не «Сталинская трибуна», а районная «Знамя коммунизма» беспощадным пером секретаря горкома партии А.А. Калачёва «приговаривала» не справившихся с планом по кубатуре руководителей лесопункта: «Хуже всех показатели у Сеульского лесопункта (начальник Седов, секретарь парторганизации Таран (Артемий Иванович – Н.К.). Полугодовой план выполнен лишь на 60%... Седов оказался плохим организатором. Таран оказался беспринципным партийным организатором. Больше того, Седов и Таран оказались «обещалкиными» перед рабочими, не выполнили большинство пунктов коллективного договора» (1957, 17 июля).

Критика Калачёва формально была правильной. В январе 1958-го вопрос о выполнении государственного плана Сеульским лесопунктом рассматривался даже на бюро горкома партии. Из опубликованного районной газетой сообщения можно сделать вывод, что в плане жилищно-бытовых условий на лесопункте практически ничего к лучшему не изменилось: «На лесопункте царит бесхозяйственность. В общежитиях грязно, тесно, не хватает скамеек. Плохо организована торговля и общественное питание. Пекарня и детский сад иногда по 2-3 дня не работают из-за отсутствия дров («в лесу» не хватало дров! – Н.К.). На мастерском участке Тавотьях до последнего времени не было бани, рабочие были вынуждены ездить в Сеуль. Постельное бельё в общежитиях меняется нерегулярно. В прошлом году уволено за нарушения трудовой дисциплины и самовольно покинули работу около 80 человек... (Причём по утверждению тогдашних сотрудников милиции Самаровского района, в Сеульском лесопункте по вине ответственного за прописку председателя Востыхоевского сельсовета особенно часто нарушался паспортный режим. Многие прибывшие по оргнабору вообще не прописывались по месту работы, а при увольнении покидали район не снявшись с учёта. Можно только предположить, сколько среди этих уволенных и самовольно покинувших было не в ладах с законом «перелётных птиц» – Н.К.) В запущенном состоянии массово-политическая и воспитательная работа. Воспитатель Плотников (он же – секретарь партийной организации лесопункта – Н.К.) сам не является примером для рабочих. Стенная газета не выпускается, лекций и докладов не читается. Ни на одном из участков нет красного уголка (надо полагать, с отъездом Дундина красный уголок был заброшен – Н.К.), негде демонстрировать кинофильмы. Радиоприёмники не работают...» (Знамя коммунизма. – 1957, 22 января).

Бюро горкома объявило Седову строгий выговор и обязало в течение месяца добиться «коренного улучшения дел», а партийной ячейке предложили самостоятельно решить вопрос о «товарище Плотникове». Но уже в марте

1958-го районная газета вновь сигнализировала о неблагоприятном положении дел в Сеульском лесопункте: «Лесопункт располагает всем – имеется достаточное количество тягловой и рабочей силы, необходимые механизмы... Загляните в рабочее время в конюшни на мастерском участке Тавотьях и Пелик: увидите десяток, а то и полтора лошадей, которые простаивают... Кроме больных, в общежитиях... в рабочее время находятся без дела до 20 рабочих. Одни не знают, что им делать, так как не получили наряд, других сняли из одной бригады, и они ждут, когда их направят в другую, третьим просто нечего делать в лесу – мастер не обеспечил работой. К местам работ рабочие доставляются поздно, а домой возвращаются рано» (Знамя коммунизма. – 1958, 21 марта).

Обратите внимание: в газетных публикациях тех лет люди зачастую не назывались даже по имени-отчеству, а вот так: Седов, Таран, Комиссаров... Уже в одной этой «мелочи» кроется отношение к человеку как к бездушному рабочему механизму, «винтику и гайке» технологической цепи, призванному обеспечить план по кубатуре. Даже к технике относились уважительней. Трактора, автомашины, электростанции в приказах и иных леспромхозовских документах именовались не только по «фамилиям»: «ТДТ», «ЗИС», «ПЭС», а по «именам и отчествам»: если «ТДТ», то непременно ТДТ-40, если «ЗИС», то «ЗИС-5», если «ПЭС», то «ПЭС-12/200»...

В состав лесопункта в 1957-м входили два постоянно действовавших мастерских участка: Рейд и Тавотьях. (По мнению автора «Географических названий Урала» (Свердловск, 1980) А. Матвеева, название «Тавотьях» произошло от хантыйского слова «тов» – лошадь и «ях» – народ, что в дословном переводе означает «место, где люди (народ) имеют лошадей». «Тов» в русском произношении со временем трансформировалось в «тав»: «Тавотьях».) На механизированном участке Рейд вывозка древесины к сплаву осуществлялась хлыстами с кроной трактора-ми С-80 и С-100 волоком. Правда, тяжелые С-80 и С-100

использовались не в полной мере – они проваливались и тонули весной и осенью в многочисленных ручьях и болотах. На нижнем складе производились разделка хлыстов электропилами и зимняя сплотка на берегу Сеульской. Здесь хорошо себя зарекомендовала малая комплексная комсомольско-молодёжная бригада из 4-х человек (Сущес, Ярков, Торопов) во главе с заместителем секретаря комсомольской организации лесопункта Виталием Трофимовичем Самолововым.

Обустройство мастерского участка Тавотьях в верховьях речки Сеульской в сорока километрах от Рейда началось с весны 1957-го. Начиналось с временного палаточного лагеря, а летом по обеим берегам реки возникли первые бараки. Летом лесозаготовители возвели десять двухквартирных жилых домов. С осени 1957-го до весны следующего года предполагалось возвести ещё 5 двухквартирных домов, магазин, пекарню, детсад, столовую, красный уголок, электростанцию и радиоузел. Планировались торговый склад, медпункт и клуб. Первыми новосёлами в Тавотьяхе были плотники Александр Иванович Белов, Алексей Иванович Васильев, Петр Сергеевич Евдокимов, Иван Дмитриевич Кривобоков, Анатолий Иванович Сяуткин...

Строительство затягивалось из-за задержки в подвозке кирпича (его доставляли из Ханты-Мансийска), отсутствия запасных частей к пилораме и электростанции... К августу 1958-го не смогли достроить даже необходимые пекарню и столовую, а помещение магазина больше подходило для временного склада... Клуб же, о котором, судя по обращениям в районную газету, мечтали наиболее продвинутые в культурном отношении тавотьяховцы (учителя начальной школы, служащие леспромхоза и ОРСа) был более-менее обустроен в 1959-м.

В Тавотьяхе формировались потокараваны для ожидавших их на Рейде барж. Древесина для зимней сплотки на берег круглогодично вывозилась на лошадях летом по круглолежневым, зимой – по обыкновенным саночным дорогам на расстояние полтора-два километра. Здесь была на

хорошем счету комплексная бригада из 4 человек во главе с Анатолием Ивановичем Сияуткиным. На подучастке Пелик работы производились сезонно, древесину вывозили по поливным дорогам на санях СЛЗ-3. С мая 1957-го Рейд переводил в Тавотьях необходимое количество рабочих и лошадей для строительства участка и заготовки леса.

С 1 июня 1957-го лесозаготовки планировали производить бензопилами «Дружба». Эти бензопилы в лесопункте начали осваивать ещё в сентябре 1956-го и убедились в их несомненном преимуществе перед электропилами К-5. Однако, по сообщению газеты «Знамя коммунизма», на начало 1958-го «в Ханты-Мансийском леспромхозе 59 из 95 пил «Дружба» лежали на складах, а в Сеульском лесопункте ни одна не работала» (1958, 1 февраля). С июля стали внедряться валочно-трелёвочные бригады. Имелись ведомственная радиостанция и почтовое агентство.

Органы местной власти в то время, похоже, совершенно самоустранились от помощи в обустройстве лесопунктов. В феврале 1958-го рабочие Сеуля жаловались в редакцию районной газеты на председателя Востыхоевского сельсовета, на территории которого находились лесоучастки Сеуль и Тавотьях: председатель если и заглядывает в Сеуль, то делами участка не занимается, отвечает людям: «У вас есть депутат, с него и спрашивайте».

В 1958-м в Сеульском лесопункте ещё раз поменялось руководство. Секретарём партийной организации был назначен Голованов, председателем цехкома профсоюзов – Лев Иванович Голосной, а начальником – опытный мастер леса Дмитрий Иванович Дубровин. Летом этого года лесоразработки производились только на мастерском участке Тавотьях с гужевой вывозкой на волокушах к берегу, а по мере отдаления лесосек – по круглолежневой дороге. В заметке «Как мы готовимся к весенне-зимнему сезону» главный инженер леспромхоза О. Высотский обнародовал согласованную с Дубровиным программу: «На мастерском участке «Рейд» намечено производить вывозку древесины тракторами С-80 из урочища «Перешеек» за 3,5-4,0 километра на нижний склад р. Сеуль вблизи посёлка.

В целях размещения работников и обеспечения их работой комбинат «Тюменьлес» дал указание леспромхозу принять «Рейд» от Нижне-Обской сплавной конторы и в дальнейшем своими силами производить все сплавные работы. На этот участок с открытием навигации направлены тракторы...» (Знамя коммунизма. – 1958, 13 июня).

Дубровиным был осуществлён переход на новую технологию, организована валка леса только бензопилами «Дружба». Он создавал собственную базу для ремонта техники: при нём был построен бокс, слесарная мастерская, оснащённая токарным и сверлильным станками, сооружена кузница, подготовлен к работе электросварочный аппарат...

К осени 1958-го Дубровин создал на двух мастерских участках девять малых комплексных бригад по семь-восемь человек в каждой, три из которых работали на базе трактора С-80, остальные – на конной вывозке. Все бригады были разбиты на звенья. Трелёвка древесины производилась при помощи лебёдок, была организована хлыстовая, с кронами, вывозка и одиночная валка леса. Задание мастерам он стал выдавать с вечера, с них же требовал выполнение суточных графиков. В Тавотьяхе в это время работало шесть малых комплексных бригад общей численностью двадцать шесть человек. Ежедневной нормой укладки в штабеля для них стало 110-120 кубометров деловой древесины. Прямые затраты на сплотку «глухаря» объёмом 30 кубометров по дубровинской поточной технологии в апреле 1959-го составили 105 рублей. Это был очень хороший показатель не только по лесопункту, но и по леспромхозу. В Тавотьяхе ежемесячно отличались бригады Виталия Самоловова и Петра Сергеевича Евдокимова. В феврале 1959-го в бригаду Самоловова в Тавотьях с Рейда были переведены молодые ребята Василий Иванович Толстогузов (один из сыновей знатного сеульского охотника) и Сергей Корюкин. О бензопильщике Василии Толстогузове уже через месяц заговорили как о передовике, а бригаде Самоловова было присвоено звание «Бригады коммунистического труда». Добавило Дубровину уважения и авторитета и то обстоятельство, что своего демобилизованного из армии сына Геннадия он осенью 1960-го

принял в лесопункт простым рабочим.

В месяц переезда нашей семьи в Сеуль, т.е. в июне 1959-го опытнейший мастер сплава Фёдор Сергеевич Ратушин принял от асов своего дела – мастеров лесозаготовок Николая Николаевича Кальдикова и Николая Васильевича Овсянникова 34 человека и, благодаря грамотной расстановке людей на зачистку «хвоста», пикеты по разбору «пыжей» и заторов, обеспечил своевременную сброску древесины в воду, успешный молевой и плотовой сплав. Другими словами, в срок и эффектно поставил точку в завершающей фазе круглогодичного производственного процесса. После чего Кальдиков, а затем и Ратушин были, как всегда, практически на всё лето командированы в Нижне-Обскую сплавную контору рейда Поснокорт для сдачи древесины.

По итогам работы за декабрь 1958-го Сеульский лесопункт был признан победителем в социалистическом соревновании по леспромхозу, а по итогам работы за июль 1959-го решением бюро горкома партии и исполкома райсовета признан победителем соцсоревнования по леспромхозам округа. Эти результаты были первыми победными шагами Дубровина и его сеульской команды – секретаря парторганизации Кальдикова и председателя цехкома профсоюза Александра Ивановича Белова.

3. Рейд. 1960-й

*Начало 1960-х годов было
в районе довольно будничным...*

«Самаровский край»

Наша семья разместилась в доме, в который позже переедет контора лесопункта. Дом располагался метрах в десяти от мёртвого болота. Должно быть, ещё в конце 1940-х первыми лесозаготовителями через него был переброшен настил из тонкого кругляка – гать. В сезон затяжных дождей болото «вспучивалось», и по затонувшей в зловонной жиже гати с многочисленными опасными проломами мы, закатав штанины до колен, бегали к отцу в единственный в посёлке магазин смешанных товаров. На полках из толстых сосновых плах буханки хлеба соседствовали с тёмными брусками хозяйственного мыла, отрезки тканей чередовались с упаковками папирос и банками тушёнки в просолидоленной обёрточной бумаге, кули с макаронами и крупами располагались на полу вперемежку с эмалированной и цинковой посудой, а у входа в углу, сколько помню себя в Сеуле, стояла деревянная кадushка под железными обручами, из которой покупатели «вылавливали» ржавую от давности селёдку...

Деятельный Дубровин решал не только леспромхозовские задачи, но справедливо вторгся и в сферу ОРСовских проблем. Он категорически запретил продавцам встречную торговлю с магазинами кооперации тёплой одеждой, валенками, резиновыми и кирзовыми сапогами, мясом и сливочным маслом, о чём разослал соответствующие уведомления. Работу магазина, столовой и буфета привёл в соответствие с распорядком рабочего дня на основном производстве. Магазины в Сеуле и Тавотьяхе работали: утром с 6.00 до 8.00 (чтобы отъезжавшие в лес рабочие могли купить пачку папирос, причём спиртное с утра не отпускалось); днём – с 12.00 до 14.00 и вечером – с 17.00 до 20.00. В таком же режиме работали и столовые.

Помимо обязанностей начальника торгового отделения отец исполнял и обязанности заведующего базами. Кроме

того, он должен был выдать ежедневные наряды на работы всем хозяйственникам отделения. Приходилось вставать в пять, в то и в полпятого утра, домой возвращаться в девять-десять часов вечера. А к тому времени к «переехавшей» из Майковского лесопункта нашей корове Майке добавились поросёнок и куры. Не знаю, когда в это суматошное, дождливое лето отец умудрился накосить сена. Но самой трудоёмкой была работа с документами. После ужина, обвязав для снятия боли сырым полотенцем голову, он порой до поздней ночи просиживал над всевозможными счетами, фактурами, накладными и нарядами. Головные боли всё чаще давали о себе знать. Сказывалось, по-видимому, утомление. Говорить о каком-либо серьёзном лечении в посёлке не приходилось. «До недавнего времени в Тавотьяхе и Сеуле медпункты работали нормально. Но вот фельдшер из Тавотьяха уехал, медпункт закрыт, – писал в районную газету один из рабочих лесопункта. – В Сеуле фельдшер ушла в отпуск. Теперь мы не можем получить медицинскую помощь» (Знамя коммунизма. – 1960, 12 августа).

В конце января 1960-го руководство ОРСа вняло просьбе отца об освобождении от должности начальника. Бухгалтером торгового отделения назначили Николая Викторовича Овсянникова, на него и возложили по совместительству обязанности начальника. Правда, уже через месяц отцу пришлось-таки встать за прилавок вместо уволенного за растрату продавца. Он проторговал месяца два-три, и первая же ревизия вдруг выявила серьёзную недостачу. Вот уж появился у мамы повод для упреков!

За время работы в Трудовике, Конёво и Майке отцу нередко насчитывали разного рода недостачи, но при более скрупулёзном подсчёте претензии, как правило, снимались. В Сеуле же не снялись. Пришлось погасить компенсацией за неиспользованный отпуск. В июле 1960-го из посёлка Выкатной вернулась чета Рубцовых, работавшая в Сеуле ещё до осуждённых отцовых предшественников. Ивана Владимировича назначили начальником торгового отделения и заведующим базой, а его жену Клавдию Ивановну – продавцом магазина. Отец же перевёлся в леспромхоз рабочим.

В октябре его ввели в бригаду слесарей-ремонтников Владимира Семёнова. Анатолий Нецветаев, Алексей Горобец, Павел Нешатаев, Виталий Самоловов и отец всю зиму занимались ремонтом техники, используемой на трелёвке и вывозке древесины... Благодаря Дубровину, с начала 1960-х не только текущий, но зачастую и капитальный ремонт производился своими силами под руководством опытного механика Владимира Николаевича Каргузова. И лишь в исключительных случаях, как правило, из-за отсутствия необходимых запчастей, трактористы или сам Каргузов командировались в Ханты-Мансийск...

Объём лесозаготовок в округе в 1960-м составил 1245 тысяч кубометров древесины против 1000 в 1955-м и в стоимостном исчислении сравнивался с объёмами рыбной промышленности. В лесу на делянках работало 511 тракторов, 381 лесовозный автомобиль, 200 передвижных электростанций, 1300 бензопил «Дружба». Реформирование же лесного дела только начиналось. В феврале Ханты-Мансийский леспромхоз объединился с лесхозом, а в связи с вырубкой доступных гужевому транспорту лесов ликвидировались Красноленинский и Елизаровский леспромхозы – они вновь вошли в состав Ханты-Мансийского как лесоучастки. Теперь леспромхоз состоял из Елизаровского, Майковского, Пырьяховского, Салымского и Сеульского лесопунктов. В посёлках Елизарово и Луговском были пущены в эксплуатацию узкоколейки...

Рост числа лесопунктов, наращивание объёмов лесозаготовок с пренебрежением элементарных правил лесопользования, порою преступное нарушение инструкций по проведению молевого сплава привели к повсеместному засорению водоёмов района. Первым в полный голос прокричал об этом известный хантыйский журналист и литератор Григорий Дмитриевич Лазарев:

«...Родной дочерью Оби является Ендырская протока – богатейший водоём округа. Проходя по пойме свыше 300 км, она образует множество заливов, соров и служит кормовой базой для огромной массы рыбы, движущейся по многоводной реке. Хорошо известны промысловикам

такие сора, как Маткинский, Больше-Юртовский, Кальмановский, система Востыхойских и Поснокортских проток. В Ендырскую протоку впадают речки, куда рыба поднимается на зимовку... Здесь богатая кормовая база для стерляди. Нередко от рыбаков слышишь:

– Пропадает протока. Нет за ней хозяйского присмотра. Одну щуку ловим – нет сырка, язя, нельмы...

Большой вред наносится водоёму в результате бесхозяйственности лесников. Ежегодно на протоке ветер и вода разносит сотни кубометров леса, засоряя заливы и сора.

– Курьёй она стала, воду не проносит.

Это так...

Устье протоки на протяжении полукилометра забито лесом. А ниже, на запани, образовался залом, на котором растут берёзки и талины. Вода с трудом просачивалась сквозь него... Потоки обской воды, не находя свободного выхода на протоке, подмывали берег...

То, что совершается на устье Ендырской протоки, нельзя назвать иначе, как варварством. Это прямое уничтожение водоёма...

Ниже залама скапливаются к осени большие косяки молодой нельмы, которая после отгула на сорах ищет себе выхода в Обь. А здесь, как вороньё, налетают на неё браконьеры. В одном только ставе за ночь иные вылавливают по 150-200 кг нельмы...

Ведя строительство Белогорского деревообрабатывающего комбината, никто не подумал о том, чтобы построить гавань для отстоя леса. Решили просто: устроили гавань в устье протоки. И загубили водоём. Из-за залама рыба плохо заходит на Ендырскую протоку на нагул и в период весеннего половодья» (Ленинская правда. – 1960, 24 декабря).

Нас воспитывали наши родители, а родителей – штатные воспитатели.

Воспитателей в лесопунктах назначало и увольняло руководство леспромхоза. С 1 ноября 1959-го в Сеуле воспитателем был назначен по совместительству завхоз, он же – заведующий конным обозом Леонид Иванович Новосёлов. Руководители леспромхоза и лесопункта, разумеется,

понимали, что при полной загруженности завхоза текущими делами проводить воспитательную работу, сводившуюся, в сущности, к организации досуга рабочих во избежание поголовных пьянок, Новосёлов был не в состоянии. Он, в свою очередь, понимал, что им «заткнули дыру» в штатном расписании. Хотя, уверен, при желании и большем содействии Дубровина Леонид Иванович смог бы организовать спортивную жизнь лесопункта. Из-за толстых линз очков его глаза имели выражение постоянной беспомощности, тем не менее этот невысокий, спортивный, русоволосый парень являлся неформальным лидером сеульской молодёжи и великолепным спортсменом. Пишу: «парень», потому что в 1960-м ему наверняка не было и тридцати. В июле на Первой спартакиаде лесозаготовителей в Ханты-Мансийске Новосёлов стал чемпионом в беге на стометровку и по прыжкам в длину. Возглавленная им волейбольная команда очень скоро огорчила постоянных претендентов на лавры леспромхозовских чемпионов – волейболистов Елизаровского и Салымского лесопунктов, а на районной спартакиаде в июне 1962-го порадовали сеульских болельщиков чемпионскими «лаврами» подопечные Новосёлова Геннадий Титов, Валентин Перевалов, Виктор Федотов...

Леонид Иванович мог стать авторитетным руководителем, но «выпал» из номенклатурной обоймы за «нарушение морального облика строителя коммунизма». В 1956-м, работая в Бобровском лесопункте, он, будучи женатым и отцом ребёнка, встретил женщину, с которой и связал свою дальнейшую судьбу, переехав с ней сперва в Салым, а затем и в Сеуль. Заурядная, казалось бы, жизненная ситуация, которая, однако же, перечеркнула карьеру молодому специалисту. «Нужно вокруг подобных лиц создавать общественное мнение, ибо укрепление семьи – общенародное дело!» – не могла пройти мимо этого «вопиющего» факта районная газета (Знамя коммунизма. – 1956, 31 октября).

Потому и в воспитателях Новосёлова «продержали» чуть больше месяца. В декабре 1959-го его сменил некто Николаев Николай Николаевич, ничем, кроме забавного сочетания фамилии-имени-отчества, не запомнившийся...

А сменившая Николаева Галина Павловна Белкова, убеждён, на всю жизнь запомнилась не одному бывшему рабочему лесопункта. Высокая, статная, смуглолицая красавица с чёрными раскосыми очами, унаследованными от отца-полумонгола (её отца – дядю Пашу Белкова, рождённого в 1909-м русской матерью и монголом-отцом, отсидевшего за что-то восемь лет в 1930-х, помню как незаменимого скотобойца). Галина Павловна свела с ума не одного сеульского холостяка!

Она была старшей сестрой лидера команды наших «противников» – Юрки Белкова. Сеульская детвора, насмотревшаяся фильмов про «наших» и «не наших» – «белых» и «красных», «русских» и «фашистов» – делилась на две примерно равные по численности группы, находившихся между собой в состоянии «перманентной войны». Но войны своеобразной: «воевали» мы по расписанию – после уроков, по выходным и в каникулы. Баталии-сражения происходили в основном зимой, в максимально приближённых к боевым условиям – в «окопах», вырытых в затвердевших сугробах, с блиндажами-переходами, с секретными отсеками-складами для «патронов» и «снарядов». Юркина команда шла в «атаку», забрасывая «окопников» бутылками-«гранатами», «лимонками» и «пулями» – мёрзлыми конскими катышами и плоскими батарейками из отработанных щелочных аккумуляторов. «Окопники» держали оборону до последнего «патрона», а затем переходили в рукопашную. Не обходилось без «ранений» – синяков и шишек. В перерывах между «ожесточёнными боями» мы ходили в одну школу и друг к другу в гости. С закадычным «врагом» Юркой мы, случалось, ели хлеб с маслом за одним столом. Его мать – тётя Зина (Ксения Егоровна Шадрина) работала пекарем, пекарня находилась за перегородкой, и ни с чем не сравнимый запах свежеепечённого тёти-Зинино хлеба я помню и доньше. А уж горячую пшеничную ковригу, толсто намазанную сливочным маслом, мы с Юркой уплетали наперегонки. Он был старше на четыре года, ростом выше на голову, весом тяжелее раза в полтора, потому и в мирном состязании неизменно одерживал верх. Но я отвлёкся...

Галина Павловна, конечно же, не упускала случая повоспитывать и своего далеко не примерного поведения братца, и меня, грешного, за компанию. Её воспитание было безобидным: чего нам стоило прерваться на минутку от поедания горячего хлеба со сливочным маслом и побренчать соском рукомойника за цветной занавеской в углу, имитируя тщательное мытьё и без того чистых, по нашему мнению, рук. Не могу сказать, где она училась или работала до приезда к родителям в Сеуль, но с её появлением в лесопункте что-то изменилось. Холостяки повалили в клуб выбритыми, трезвыми, в пиджаках и отутюженных рубашках...

На расчищенном от хлама пятачке возле общежития появилась растянутая на двух столбах сетка. Молодёжь до поздней ночи «резалась» в волейбол. Случалось, мастера и бригадиры отнимали мяч и отсылали распалившихся игроков в общежитие, чтобы утром не проспали на работу и не «клевали носом» в лесосеке...

Мы являлись преданными болельщиками волейболистов. Помню, как подпрыгивали от восторга, если кто-то из игроков в великолепном «винтовом» прыжке вколачивал мяч на сторону соперника. И если разыгравшихся спортсменов загоняли в общежитие мастера и бригадиры, то нас, болельщиков, окриками загоняли родители...

При Галине Павловне появилась штанга. Она стояла у рейдовского клуба на подмосте рядом с кинобудкой. Мужики с затянутыми на животах широкими поясами один по одному подходили к штанге и на выдохе вздымали над головой тяжёлый снаряд. Сразу же выявились свои чемпионы и рекордсмены. Одним из них, помнится, был кряжистый здоровяк дядя Гена Куренной (Куренной Геннадий из Октябрьской сплавной конторы). Нам подходить к снаряду строго возбранялось, а так хотелось дотронуться до отливавшего синевой стального рифлёного грифа, ощутить если не вес, то хотя бы холодок железа!..

Но иногда и нам доводилось побаловаться. Гриф в пятнадцать килограммов был под силу многим, а вот осилить штангу с навинченными на гриф пятикилограммовыми «блинами» и удерживающими их «замками» под силу

было только старшим – Юрке Белкову, Вите Лободе да ещё, помнится, круглолицему крепышу Косте – сыну механика Картузова...

Чтобы «положить» тяжёлую штангу на живот, а затем, резко выдохнув, «вбросить» и удержать её на груди, и в довершение успешного «подхода» «выбросить» над головой на вытянутых, дрожащих от напряжения руках, нужно было много съесть каши, за что мы и принялись с удвоенной энергией в первый же турнирный день сеульских штангистов. А поскольку к штанге нас не подпускали ни родители («развяжутся пупки!»), ни заядлые штангисты (а среди них появились действительно заядлые!), нам оставалось тренироваться дома...

В каждом дворе нашлись старые ломы. Их мы использовали вместо грифов, за «блины» шли обычные кирпичи, завернутые в тряпье и подвязанные к концам лома. С такой штангой можно было присесть и разминаться.... Но, как и всякое детское увлечение, штанга для нас оказалась увлечением кратковременным...

Галина Павловна часто выезжала в Тюмень и Ханты-Мансийск, и каждый раз привозила новые идеи. Работавшая в те годы в одном из районных сельских клубов, ныне – жительница села Зенково Людмила Иванова вспоминала: «В Ханты-Мансийске на семинарах мы сожалели, что нет в городе и районе хореографов, руководителей хоров, драматических кружков» (Новости Югры. – 2005, 29 января).

В июне 1961-го Галина Павловна уволилась и переехала в Омск. Воспитателем с кратковременными перерывами, вызванными чередой увольнений с последующими восстановлением в любимившейся ему должности, являлась очень странная в Сеуле фигура: Чемоданов Михаил Данилович...

Но о нём речь впереди.

Помню наш первый выход к Сеульской речке. Мы с братишками подошли к плоту, связанному стальной проволокой из десятка обескоренных сосновых брёвен. Обычно с плота женщины полоскали бельё после домашней стирки и черпали воду для питья (колодцев или каких-либо скважин в Сеуле не знали)... Случай, связанный с этим плотом, во-

шёл в мой рассказ «Новый русский хант»: «Как-то в детстве, лет пять-шесть мне было, здесь, на этом месте, на блесну рыбачил... – расскажет мой герой – предприниматель Векшин. – И вдруг схватила щука! Такая, веришь, крупная – волна пошла кругами. Я к берегу пытаюсь подвести её – куда там, силы не хватает, прёт, как торпеда, в глубину. А плот бревенчатый, сосновый... И вот я поскользнулся да в воду лицом – плюх! Голова в реке, а ноги на плоту. Но удочку держу, вцепился мёртвой хваткой. Щука бьётся так и эдак, круги выписывает – водит, но она уйти не может, и я не подтяну... А был со мной приятель. За ноги схватил, а что делать дальше – с испугу сообразить не может. Держит меня за ноги, а я в реке уже по пояс пузыри пускаю. Но удочку держу! Вот что удивительно. Сколько так барахтался, не помню – помню только, парень подоспел... Вытащил меня, а я уж посинел. Но удочка в руках. И щука – на блесне!»...

Этот случай имел место позже, а тогда втроём мы подошли к плоту...

Вдруг сильный толчок в спину сбил меня с ног. Я ничком упал в серую няшу и метра два буквально пробороздил носом.

– Бе-е-е-е! – донеслось из-за моей спины.

Когда, наконец, смог вздохнуть полной грудью, открыть глаза и обернуться, увидел такую картину.

Вооружённые подобранными с берега палками, братишки держали оборону от наступавшего на них грязного, будто только что выскочившего из мёртвого болота безрогого барана. Казалось, наглому животному не было дела до моих братишек – он настырно прорывался именно ко мне – добить поверженного в няшу чужака, осмелившегося шагнуть на контролируемую им территорию...

– Бе-е-е!!!

Братишки пятились, прикрывая меня, а наглец, низко склонив широкий, мощный лоб, пытался обойти их с флангов...

В это время от щелястого дощатого забора, отгородившего высокий дом со всевозможными постройками на просторном дворе, донёсся дружный хохот...

Трое мальчишек нашего возраста прямо-таки умирали со смеху. Один, по виду, старший – кучерявый, круглолицый, с различимыми даже на расстоянии тёмными ямочками на пухлых щёках. Другой – черноголов и черноглаз, как цыганёнок, а третий – упитанный белобрысый карапуз. Он, казалось, ещё и не понимал, над чем смеются старшие, но глядя на них, тоже заливался колокольчиком...

Старшенький выкрикивал, приседая со смеху:

– Гля, как наш баран базистиков лупасит!

– Базистиков! Базистиков! – вторил черноголовый...

И даже карапузик лепетал:

– Зистиков! Зистиков!

«Почему – базистиков?» – разгадывать загадки, однако, было недосуг. Коварный баран перешёл к атакующим действиям. Он с разбегу боднул в живот кого-то из моих братишек...

– Шо там за «базистики»?! – с вопросом вышел со двора невысокий чернявый мужчина.

Старший, черноглазый, а за ними карапуз опрометью кинулись во двор.

– Марш до хаты, обормот! – скомандовал мужчина словно оторопевшему вдруг барану, и тот послушно, как собака, потрусил вослед за троицей...

– Проходите, хлопчики! Не бойтесь!

Так произошло наше знакомство со знаменитым в Сеуле бараном, которому за неукротимый нрав хозяин (Андрей Павлович Кашпур) сперва спилил оба завитых в лихие кольца рога, а затем под давлением многочисленных жертв заколол.

Так мы познакомились с первыми сеульскими сверстниками – «кашпурятами» – старшим Сашкой (в 1961-м он станет моим одноклассником), средним Колей (в 1962-м он пойдёт в первый класс с моими братишками) и младшим – карапузом Витей.

А «базистиками» нам на некоторое время суждено было стать потому, что отец исполнял обязанности заведующего базами. По законам детской (да и женской тоже!) логики, если отец – базист, то мать (как правило, помощница

базиста) – базистиха, ну а детям базиста с базистихой никуда не деться от прозвища «базистики»...

Большую часть погожих летних дней мы пропадали на Тёплой воде (хорошо прогреваемой тихой заводи) и на мелководной речке Хомьяге. Купаться в Тёплой воде или в Хомьяге начинали сразу после схода верхнего льда, предварительно запалив на берегу костёр для «продажи дрожжей». Входили, съёжась от холода, в ледяную воду, окунались разок-другой, не замочив головы, потому что волосы могло схватить ледяной коркой и – вприпрыжку мчались к жаркому костру. Стояли вокруг гудящего пламени, с «гусиной» от холода кожей, и только стукоток стоял от наших зуб! Согревались («продавали дрожжи») и вновь бесстрашно шли в ледяную воду. И так до тех пор, пока кто-нибудь из взрослых не шугал нас из воды. И ведь не помню случая, чтоб кто-нибудь серьёзно заболел!

С июля же до глубокой осени дни напролёт проводили на Сеульской речке. Удили на запани с плотов горбатых краснопёрых окуней и серебристых чебаков. Со спадом воды из соров неисчислимыми стаями шла вдоль берегов щурогайка... Её мы ловили петлёй из мягкой медной проволоки, подвязанной к удилищу, или на обычные рыболовные крючки, изготовленные из консервных банок блёсны. Наживкой служили дождевые черви, катыши чёрного хлеба, щучьи кишки и хвосты. Прожорливая хищница заглатывала всё, что цеплялось на крючок, хватала даже красную тряпицу! На блесну вылавливали и солидных щук. А если случались зацепы, не раздумывая, снимали грязные, сплошь в речном зелёном иле майки, сдёргивали трусы и ныряли, как утята, в ледяную глубину, отцепляли от затонувших коряг драгоценные крючки и блёсны. Снастями дорожили. Купить их можно было только в Ханты-Мансийске. Поэтому в ход вместо лески нередко шли капроновые нитки, поплавок служили бутылочные пробки, грузилами – снизки дробы и картечины. Крючки зачастую изготавливались умельцами-отцами из расплетённых концов стальных тросов...

С утра до вечера выстаивали на вязком берегу с исцарапанными в кровь руками и коленками, с распухшими от уку-

сов комаров и мошкары лицами, заплывшими глазами, но не было силы, способной оторвать нас от рыбалки, особенно когда вовсю шёл «жор». Родители, дабы не обидеть неуважением к нашему промыслу, нахваливали за улов, называя нас «добытчиками», жарили добытую нами рыбу с картошкой и без картошки, но, откровенно говоря, щурогайка приедалась быстро, ели мы её без аппетита, а то и вовсе не притрагивались к ней, и зачастую наш «обыгавший» в посудине улов поедали разжиревшие в «путину» кошки и собаки...

Летняя рыбалка на время заменяла всё...

В рассказе «Новый русский хант» я не избежал прямого монолога об этом удивительном занятии:

«Урождённому хантымансийцу не нужно объяснять, что такое ловля щурогаев! Назвать рыбалкой это древнее занятие уважающий себя рыбак не решится ни в шутку, ни всерьёз. Это не добыча и не промысел. Скорей, забава, отдых, состязание таких же, как курносый с близнецами, «бойцов», готовых сутками торчать на берегу по колено в холодной воде или вязком иле; досуг не озабоченных делами «молодых» пенсионеров, сочетающих приятное с полезным; это не рыбалка в привычном смысле слова, но школа юных рыбаков, прививка страсти и азарта на всю последующую жизнь, ибо никто не возразит, что ловля щурогаев – азартнее рыбалки обычной поплавочной удочкой, когда сидишь часами неподвижно, тупо уставясь в поплавок; азартней блеснования, когда момент заглота щукой тройника в глубине из-за тяжёлой снасти порой не ощутишь; а для кого-то и азартней подлёдного ужения...»

Порыбачивший на своём мальчишеском веку, стою на том доньне!

Глубокой осенью, после ледостава, но до уплотнения на реке снежного покрова, любимым развлечением было катание на коньках. Настоящие фабричные «снегурки» имелись не у каждого. Катались в основном на самодельных – изготовленных в кузнице изобретательными нашими отцами...

У нас же появились настоящие «снегурки»! Не знаю, где их раздобыл отец, но катались мы с братишками по справедливой очереди...

Помню, сижу на пороге и хнычу:

– Не замё-ёрз! Не замё-ёрз я! Не замёрз!

На самом деле – я замёрз, продрог до посинения. Одеревеневшими пальцами распутываю тугие узлы сыромятных ремешков на своих «снегурочках». Сижу с коньками на обледенелых валенках, хнычу и упрямо шмыгаю носом...

– Не замё-ёрз я... Не замё-ёрз нисколько!

Мама поражается моему циничному упрямству.

– Как же не замёрз, когда губёнки сини и пальцы как ледышки!

– Не замё-ёрз!

Попробуй-ка сознаться, что замёрз, что ноги и руки и впрямь как кочерыжки – значит, завтра мама не отпустит на речку. А речку сковало прозрачным, с вкраплениями белых воздушных «ракушек» льдом, сквозь который у берегов видно даже песчаное дно. Снегу еще не намело, а тонкий слой снежной крупки белыми барашками сметает ветерком к застывшему берегу. По свежему льду чудесно бежит на снегурках! Широкий лист фанеры парусом над головой, и вперёд – только ветер в ушах! Вперёд – до поворота, во-он до той «петли»! Но возвращаться против ветра трудно. Зато какой был бег! Какой полёт под парусом!

– И нисколько я не замё-ёрз!

– Ладно, ладно, – уступает мама. – Не замёрз, так не замё-ёрз. Дай-ка, отвяжу коньки, горюшко моё!

Она с трудом распутывает тугие узлы сыромятных ремней, я стряхиваю с ног у порога валенки, пытаюсь снять фуфайку. Но и того не получается. Окоченевшие пальцы не выковырнут из узких прорезей крепко вшитые пуговицы.

Мама подолом фартука вытирает мой влажный нос и помогает раздеться...

– И он утверждает, что не замёрз! – снятыми с печной плиты шерстяными носками растирает мои ноги и руки. – Попробуй только завтра расхвораться!

– Не замё-ёрз я!

– А вот мы сейчас проверим, как ты не замёрз, – подаёт голос отец. – Ну-ка, скажи нам «Тп-пр-р-ру!»

Я едва шевелю непослушными губами.

– П-пу... П-пу!

– Вот тебе и «пу!»

– П-ру... – как непросто, оказывается, произнести эту «лошадиную» команду.

– При за стол и в постель! – командует мама.

Со слезами обиды за предательский язык пью горячий чай с вареньем и укладываюсь спать. Но перед тем, как погрузиться в сладкий сон, предпринимаю отчаянную попытку:

– Тп-пр-р-р-ру!!!

Я и сам не ожидал такой раскатистой команды!

Смеётся мама. Хохочут сестра и братишки.

– Что, сынок, приехал? – улыбается отец.

– Это мой язык оттаял!

4. 1961-й. Дубровин

- Чем запомнился вам шестьдесят первый год?
- О, шестьдесят первый!

Из радиointервью 2006-го

1961-й – это, в первую очередь, 12 апреля...

В тот памятный день вся наша семья, за исключением первоклассницы Люды, находившейся в школе, оказалась в сборе. Отец пришёл на обед. Только расселись за столом, как радио передало позывные. Наш старенький радиоприёмник «Рекорд» с трещинкой на стекле шкалы настройки стоял на тумбочке в горнице. Отец предупредительно поднёс палец к губам:

Раздался взволнованно-торжественный голос Левитана:

– Передаём сообщение ТАСС о первом в мире полёте человека в космическое пространство... Двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту...

В первое мгновение все будто оцепенели. Мама в недоумении уставилась на отца. Тот медленно вышел из-за стола и почему-то на цыпочках прошёл в горницу к приёмнику.

Мы с братишками переглянулись. Никто из нас ещё не понял, что произошло, но все интуитивно догадались: случилось нечто невероятное...

– Ура! – крикнул я на всякий случай.

– Ура-а! – неуверенно, с оглядкой на отца, подхватили братишки. – Человек на борту!

– Тиха-а!! – отец прибавил звуку, напряжённо вслушался сквозь шум и треск эфира в голос Левитана...

– Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик лётчик майор Гагарин Юрий Алексеевич...

– Надо же, – всего и смог произнести отец, потрянув головой и поочерёдно оглядев всех нас, притихших за столом. – Утёрли нос! Ничего не скажешь. Молодцы!

Кто и кому утёр нос, мы догадались: это мы – советские граждане утёрли нос враждебным нам американцам! Мы первыми в мире полетели в космос!

– Ура-а-а! – в один голос закричали мы все трое, побросав на стол ложки. Какой уж тут обед!

Отец, взволнованный, сиял:

– Кто бы мог подумать!

...Четверть часа спустя вся сеульская детвора собралась на пригорке возле клуба.

– Ты слышал?

– Слышал!

– А ты?

– И я!

– С самого начала?

– С самого, а ты?

– Я с самого-самого!

– А я, дак, раньше всех услышал, вот!

– С чего ты взял, что раньше всех?

– Я первым к клубу прибежал!

В бурной перепалке кто-то вдруг раздумчиво спросил:

– А над Сеулем Гагарин будет пролетать?

Этого не знал никто.

– Если будет, мы его увидим! Давайте, ребя, Гагарина встречать!

Мы, как весенние грачи, расселись на столбах ограды кашпуровского дома. Всюду лежал снег, но день выдался на удивление тёплым. Солнце сияло на голубом небосводе и слепило глаза...

– А где он будет пролетать? Над Лысой горой или над Хомьягой?

– Смотрим в разные стороны! Кто увидит, тот кричит!

Долго сидели мы на столбах, переключаясь друг с другом. Из-под приставленных к глазам ладоней вглядывались в голубое апрельское небо, откуда, казалось, лучами нисходила сияющая улыбка первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина...

– Вы чё это в небо уставились? Чё вы там видите, роньжа? – один из прохожих приостановился и из любопытства тоже посмотрел из-под руки на солнце.

– А мы Гагарина встречаем! Он сейчас из космоса будет возвращаться!

Прохожий рассмеялся.

– Поздно спохватились! Гагарина без вас уже встречают. Хлебом-солью!

– Как, встречают? Ещё рано!

– Гагарин уже землю облетел и приземлился в заданном районе! Так-то вот, встречальщики!

В те незабываемые дни мы много раз ещё услышим голос Левитана, сообщавшего об успешном возвращении человека из первого космического полёта. Каждый из нас к месту и не к месту, ко времени и не ко времени будет подражать голосу знаменитого диктора: «После успешного проведения намеченных исследований и выполнения программы полёта 12 апреля 1961 года в 10 часов 55 минут московского времени советский корабль «Восток» совершил благополучную посадку в заданном районе Советского Союза...»

И каждый раз чувство небывалой радости, гордости и подъёма будет переполнять наши детские сердца...

1961-й – это и 6 августа... В Советском Союзе был совершён второй в истории человечества полёт на космическом корабле «Восток-2» с космонавтом Германом Степановичем Титовым на борту. За 25 часов 11 минут корабль сделал 17 оборотов вокруг Земли. И опять мы кричали ура и прыгали от счастья. С тех пор при делении на команды перед началом игры в казаков-разбойников или лапту каждая пара игроков подходила к «матке» (двум условным капитанам каждой из команд, которым предоставлялось право набора игроков по загаданному ими паролю) не с традиционным пустым: «Матка, матка, вот вопрос: кому в рыло, кому в нос?», а с наполненным гордостью содержанием: «Юрий Алексеевич Гагарин или Герман Степанович Титов?» Естественно, каждой из двух «маток» предпочтение отдавалось первому космонавту Земли. А уж после того, как советский штангист тяжёлого веса Юрий Власов установил несколько громких рекордов, посрамив в наших

глазах американцев, пароль видоизменился: «Гагарин или Юрий Власов?»...

1961-й – это и денежная реформа: изменение масштаба цен в десять раз и замена старых денег новыми. Странно было держать в руках малюсенькую по сравнению со старой новенькую рублёвку и радоваться тому, что билет на детский киносеанс отныне будет стоить пять копеек!

В феврале 1961-го мы наблюдали солнечное затмение. Взрослые подсказали, что на солнце нужно смотреть сквозь синее бутылочное стекло. Когда на несколько минут стало совсем темно, кто-то из малышей заплакал: а вдруг солнышко больше не покажется? В связи с этим затмением мне всегда вспоминается сказка Корнея Чуковского «Краденое солнце»...

И уж, конечно, на всю жизнь запомнился поход в школу. «В новом учебном году школы округа гостеприимно распахнули двери для 24 тысяч школьников – это на две тысячи больше, чем в прошлом году, – сообщала окружная газета. – Более 4,5 тысяч ребят придут в классы впервые» (Ленинская правда. – 1961, 1 сентября).

Я, Костя Картузов, Саша Кашпур, Коля Ратушин, Нина Захарова, Саня Шевелёв, Люда Сысоева были в числе тех четырёх с половиной тысяч счастливицев, впервые пришедших «в классы» с широко раскрытыми глазами...

Это про нас были первые выученные стихи:

...Ребята семилетки
Сегодня первый раз
По всей стране советской
Шагают в первый класс!

Денёк выдался солнечным, под стать настроению. Я топал по сухой гати (к осени вода из болота ушла), и стук каблучков моих новеньких ботинок сообщал радостную весть всему лесоучастку: «Я иду в школу! В первый класс! Смотрите, я уже большой, я – школьник! На мне новенький костюм, у меня скрипучий, с железными застёжками, портфель, в котором есть пенал, карандаши и ручка, ластик и тетрадки – всё, что полагается иметь ученику!»

Я знал почти все буквы, счёт до десяти и мог прочитать несложные слова. Как я завидовал сестре год тому назад! Когда она садилась за уроки, я подсаживался к ней и наблюдал, как в синей ученической тетрадке в косую линейку она старательно выводила ручкой буквы. Каждая строка заполнялась одинаковыми буквами, следующими от заглавной, написанной учительницей красными чернилами. Мне казалось, что и я смогу заполнить всю строку. Я просил у сестры чистый лист бумаги, карандаш и срисовывал из её тетради косые палочки с выступавшими вправо или влево «ножками», а затем просил прочесть, что я написал. Сестра жаловалась маме, что я отвлекаю, «громко дышу», но я просил так хорошо, что невозможно было отказать.

Сестра брала листок с моими строчками и приступала к расшифровке.

– Ши-ши-ши... – (в данном случае все ножки косых палочек в строке были «выброшены» вправо). – Ши-ши-ши... – добросовестно шипела по слогам моя сестра... – И её, случалось, посещало озарение, приводившее меня в неопикуемый восторг: – Ши-ши-ши да ши-ши-ши – получилось: «шишки»!

Я хватал листок со своими «шишками» и бежал к родителям.

– Мама! Папа, посмотрите, я слово «шишки» написал!

Но не всегда я ей завидовал, случалось, и сопереживал.

Сестре с трудом давалась азбука. Помню, сидит с нею отец.

– Какая буква? – спрашивает он.

– Буква «р-р-ры»!

– Правильно. Только не «р-р-ры», а «эр-р». Повтори.

– Эр-р-р!

– Так. А эта?

– А-а-а! – тянет Люда.

– Так. Хорошо. Что у нас получилось?

Сестра в раздумье морщит лоб, беззвучно шевелит губами.

– Р-р-ры!

– Да почему же «р-р-ры», когда было «эр» да «а»? Сложи-ка вместе. «Эр» да «а» дадут нам – «Ра». Так или не так?

– Та-а-ак!

– Молодец. Пойдём дальше. Это что у нас за буква?

– М-ы-ы...

– Не «мы-ы», а «эм». Правильно скажи!

– Эм!

– Так. А это что?

– А-а-а!

– Молодец. Что получилось?

Сестра в раздумье грызёт ноготь...

– Мы-ы...

Отца её ответы начинают раздражать.

– Да отчего же «мы», когда «эм» да «а» дадут нам... Что они дадут?

– Мы-ы... А-а-а... «Ма» они дадут! – догадывается Люда.

– Ну, слава тебе, Господи, осилили! А теперь всё вместе. Что у нас там есть?.. «Эр» да «а» плюс «эм» да «а»? Ну, давай сначала...

– Р-р-ры... А-а-а... Мы-ы... А-а-а... – Сестра надолго задумывается.

– Ну же? – поторапливает отец.

– Р-р-рыба! – всхлипывает Люда.

– Какая тебе рыба, когда «Рама»?! – выходит из терпения отец. – В кого такая бестолковая? Пудик уже понял, да сказать не может!

Наш желтогрудый кобель Пудик у порога прядает ушами...

– Да вся в тебя! – подсказывает мама.

«Маму» и «раму» я уже прошёл...

После торжественной линейки первая учительница Зинаида Григорьевна Терентьева завела нас в классную комнату. В ней – два ряда парт. Первый – для нас, первоклашек, а во втором расселись третьеклассники. Мы немножко стеснялись «больших» – они посматривали с лёгким высокомерием, но, в общем, дружелюбно. Зинаида Григорьевна ещё раз поздравила всех с началом учебного года, объявила, что мы пришли сюда учиться («за знаниями мы сюда пришли!»),

показала, как правильно сидеть за партой, как поднять руку и, откинув крышку парты, встать, прежде чем ответить на заданный вопрос... Как нужно вести себя в классе, на школьном дворе, на уроке и на переменах. Сколько всего нового и важного узнали в самый первый день!

От деревянных парт с наклонными крышками с круглыми отверстиями для чернильниц-непроливашек и щелястого пола пахло свежей краской; пахло сосновой смолой от горки дров в углу и горящим дымком от протопленной с утра школьной техничкой печи...

Помню первые уроки, первые рассказы о великой стране Советов под названием Союз Советских Социалистических Республик, в котором все мы, «дети разных народов», оказывается, живём – даже те из нас, кто думал, что живёт в лесоучастке Сеуле... О великих стройках семилетки. Из уст первой учительницы я впервые услышал о строительстве на реках гидроэлектростанций, о шахтёрских стахановцах и первых нефтеразведчиках Западной Сибири...

Помню первое огорчение.

Как-то в субботу было дано задание изготовить дома счётные палочки. Но воскресенье для того и существует, чтобы на денёк забыть об уроках. И всё же к вечеру спохватился. Хочешь, не хочешь, а придётся делать. С гвоздя в дощатой перегородке из-за печи снял связку сухой лучины, заготовленной для растопки, взял кухонный нож, сел на порог. Но через час убедился: сидеть и выстругивать каждую палочку долго и нудно. Так и до утра провозишься!

Мой унылый взгляд упёрся в веник...

Не долго думая, вышел во двор, снял со стены дома связку заготовленных отцом впрок берёзовых веников, уложил пару на свилеватый чурбак, на котором отец рубил мясо, и с прицелом, расчётливо, двумя махами топора укоротил ручки на десять сантиметров. Собрал заготовки и – домой.

Дальше – дело техники. Острым ножиком соскоблил с палочек подсохшую берёзовую шкурку, выровнял следы разруба, зачистил «бородавки». Вот и палочки готовы! Круглые, ровные, с разными оттенками цветов – от

зелёного до молочно-белого, запашистые и сочные, будто леденцы! Завтра покажу учительнице. Вот она похвалит! «Самые красивые палочки, – скажет Зинаида Григорьевна, – изготовил Коля!»

В понедельник на крыльях надежды летел в школу. Перед первым звонком и на переменах показывал палочки ребятам. Одни сдержанно хвалили, другие озадаченно скребли затылки – как же это я не догадался? А третьи возмущались:

– Хитрый-митрий, так не честно! Что нам Зинаида Григорьевна велела? А Зинаида Григорьевна велела сделать из лучины!

И вот подошла моя очередь показывать домашнее задание. Высыпал палочки на парту. Увы, с наклонной поверхности мои красивые палочки скатились на пол!

Зинаида Григорьевна в удивлении выгнула брови.

– Коля, что там у тебя?

– Палочки рассыпались!

– Положи их на парту.

И вновь мои палочки, как лес с эстакады, скатились на пол!

– Теперь ты понимаешь, что такие не годятся? Ты не сможешь ими пользоваться. Завтра принесёшь другие. Плоские...

– Ну что ж теперь, – утешил, выслушав, отец. – Плоские, так плоские. Не всё, что сделано красиво, находит в жизни применение...

Плоские для счёта были, разумеется, удобней. Но радости они не принесли. В школе на уроках арифметики я пользовался плоскими, а дома, для души, – берёзовыми. Круглыми...

Помню первое сомнение.

В Кам-Курске баба Лена (прабабушка Елена Федосеевна) хранила на полатах толстую книгу с пожелтевшими страницами в тёмном от ветхости переплёте с изображением креста. Брать в руки книгу нам не позволялось. Это была семейная реликвия, перешедшая по наследству ещё от прабабушкиного «тяти». Елена Федосеевна свято веровала в Бога... Мама

тоже верила, только – «про себя». И вдруг в школе нам сказали: «Бога нет, его придумали попы, чтобы одурачивать рабочих и крестьян, и что религия – обман, опиум для народа»...

Но я-то видел Бога! Сам!

На пустыре мы обычно играли в «войну» – место было очень подходящее: высокие сугробы с прорытыми понизу ходами-переходами, «землянками», «подбитые немецкие танки» в виде заржавелых частей старой леспромхозовской техники...

С утра было морозно, днём резко потеплело, пошёл мокрый снег, а к вечеру над сосняком повисла пелена тумана...

Из затянувшейся «войны» нас вывел чей-то сдавленный от испуга возглас:

- Что это?
- Где?
- Вон там, за сосёнками!..
- А что там?
- Погляди!

На той стороне узкой гряды по-над частоколом сосняка в сотне метрах от наших «позиций», почти невидимый в тумане, плыл силуэт человека в белом. Казалось, он планировал почти горизонтально, не очень быстро, низко над землёй, бесшумно удаляясь по направлению к участку. Никто из нас, «бойцов», не произнёс ни слова до тех пор, пока «видение» не растворилось в тумане...

И лишь тогда мы обрели дар речи:

- Что это было?
- Кто это?
- Как будто облако...
- А, может, привидение?

В глазах и страх, и любопытство.

– Я знаю, кто! – придушённым от волнения шёпотом объявил мой дружок Санька Шевелёв – сын главного бухгалтера. – Это, ребя, Бог!

– Ты чё, Сань? Какой Бог? Бог живёт на небе!

– Бог! Честно октябратское! Я такого видел на картинке. В книжке он в белой одежде ходит по морским волнам и не утопает! Босиком по облакам – и не проваливается, вот!

Он и летать умеет! Потому что Бог!

– В книжках ангелы летают, а не Бог, – возразил кто-то со знанием дела, но слабым и дрожащим от волнения шёпотом, а потому – неубедительно.

Догадка Саньки Шевелёва больше ни у кого не вызвала сомнений. У его отца, дяди Толи, много толстых книг на этажерке. Старший Санькин брат Володя учился в Тюмени и оттуда привозил тоже много книг.

Бог! Конечно, Бог! Кто ж ещё, если не Бог, может так легко летать над самыми сугробами. Спустился с небес взглянуть на наш Сеуль...

Мы со всех ног – врассыпную по дворам, известить родителей о визите Бога.

Вбежал, запалённый, домой.

– Мама, мама, я видел Бога!

– Кого-кого?!

– Бога, мама!

– Больше ты сегодня никого не видел?

– Ты не веришь, да? Спроси у Саньки Шевелёва!

– Да как не верить – верю. – мама прискорбно вздохнула и отдала команду. – Обметись-ка в сенцах. Сугроб снега на себе занёс!

За ужином поделился сногшибательной новостью с сестрой и братишками.

– Врун! – не поверила Люда. – Бога не видел никто, даже Юрий Алексеевич Гагарин. Потому что Бога нет. Его придумали попы. Мы это в школе проходили!

Витя с Шурой ещё не проходили:

– Бог живёт высоко-высоко, аж за облаками. Его с земли не видно!

– А он иногда по облакам гуляет, – возразил я со слов друга. – В облаках-то из бинокля можно рассмотреть?

Все посмотрели на отца. У него – бинокль. Может, видел он?

– Нет, ребяташки, не видел! – всерьёз ответил отец. – Не довелось!

Но мне-то довелось! Я-то точно видел! И не я один... И не в облаках, а над землёй. И не из бинокля, а глазами!

Наутро весь наш класс наперебой рассказывал о Боге...

На уроке Зинаида Григорьевна объяснила, что за Бога мы приняли охотника в белом маскировочном халате, а плавное его скольжение по насту на широких лыжах за грядую сосняка в пелене морозного тумана в предвечерних сумерках было принято за полёт...

Но окончательно сомнений учительница так и не развеяла.

Помню что-то странное, произносимое взрослыми шёпотом: тело Сталина вынесено из Мавзолея. По этому поводу в клубе прошло собрание.

Отец на собрание не пошёл...

О его отношении к личности вождя мною сказано в первой части романа «Жажда света»: *«...в нашем доме, над этажеркой с книгами, всегда висел портрет в деревянной рамке. На портрете – в полный рост – товарищ Сталин. В гимнастёрке, под ремнём и в сапогах, а в ладони – трубка. Он был красивый, этот Сталин. Красивее Ленина. Я сравнивал его портрет с портретом Ильича в учебнике истории. Сталин был красивей даже молодого бровастого красавца, сменившего белёсого и лысого Хрущёва...*

И я не мог понять, за что ругают Сталина. В школе говорили, что он допустил много «перегибов». Я не понимал, что значит «перегибы». Но если и перегибал, рассуждал по-детски, представляя, как гнут дуги и санные полозья, значит, умозаключал, он был не слабак, и это мне внушало к Сталину почтение.

Когда к нам приходили папины друзья и видели портрет над этажеркой, они с каким-то детским затаённым восхищением и почему-то шёпотом интересовались:

«Лезар, ты не боишься? После двадцатого-то съезда?»

«Нет, не боюсь, – отвечал отец. – Я с его именем хаживал в атаки».

И я опять не понимал, кого и почему отец должен был бояться.

«Так-то оно так, – вздыхали папины друзья, – но ты и сам ведь пострадал?»

«Меня сажал не Сталин – сталинята».

Теперь я понимаю, чего они боялись. Боялись гнева нового Вождя за память и почтение усопшего. И при всём боготворении Сталина как личности, как символа Победы мой фронтовик-отец, прошедший лагеря (кто знает, что такое сталинская «мёртвая дорога»?), сам жил в подсознательном постоянном страхе, посеянном Вождём...

И всё же я сегодня успокоен тем, что он не дожил до крушения иллюзий своего обманувшегося поколения...»

Дела на Рейде шли своим чередом.

В 1961-м в Сеуль продолжали прибывать рабочие из ликвидированных лесопунктов. Но местное пополнение уже не могло удовлетворить всё возрастающую потребность в рабочей силе. Руководство прибегало к оргнаборам. В марте прибыла большая группа «вербованных» (так называли прибывших по набору) из Удмуртии, в октябре – 16 человек из Ивановской, в сентябре и ноябре следующего года – 18 человек из Курской области. Состав бригад постоянно «перетасовывался». Новичкам требовалось время для освоения азов, вхождения в ритм работы, нужно было акклиматизироваться, привыкнуть к морозам и летнему гнусу...

Текучка кадров и связанная с нею раздёрганность бригад сказывалась на производительности труда. К тому же, осень 1961-го выдалась необычно тёплой. До ноября тяжёлые трактора С-80 и С-100 пускать в лес было рискованно – они проваливались в заснеженных речках и протоках. В то время, когда руководители других лесопунктов теряли драгоценные дни и недели в ожидании заморозков едва ли не до второй декады декабря, Дубровин распорядился отремонтировать стоявшие «на приколе» лёгкие ТДТ-40, которые смогли «проскочить» в деляны. Угроза срыва годового плана по вывозке древесины была предотвращена. Не сбавляли темпов бригады Коммунистического труда Игоря Ивановича Еремеевских, Петра Сергеевича Евдокимова, Василия Ивановича Зорина...

Особенность 1961-го ощущалась по глазам, по настроению рабочих. Люди работали с необыкновенным подъёмом духа. И раскрывались порою с неожиданной стороны.

Рабочий мастерского участка Тавотьях Юрий Сергеевич Селиенков вдруг «заговорил стихами», да так, что послал несколько стихотворений, посвящённых друзьям-лесозаготовителям, в окружную газету. Хороши или плохи были стихи – не суть важно. Важно, что душа рабочего человека не заскорузла в таёжной глухомани, не скукожилась до положения куколки, а воспарила...

Уверен, совсем не случайно лесосечная бригада будущего Героя Социалистического Труда Николая Александровича Каурова из Кондинского леспромхоза вышла на небывалую по тем временам выработку именно в 1961-м...

Даже прогулов заметно убавилось, а появление на работе в нетрезвом состоянии Дубровиным жёстко пресекалось без предварительных «строгачей». Так, в июне пятеро не последних в лесопункте рабочих пропьянствовали несколько дней. На всех были оформлены дела в товарищеский суд... Стоило опытному трактористу в декабре запить и сорвать работу бригады на день, как тут же он был снят с трактора и, несмотря на прошлые заслуги, переведён на вспомогательные и подготовительные работы.

Особенность 1961-го отразилась и в производственных приказах Дубровина:

«Трудящиеся Советского Союза отмечают 44-ю годовщину Великой Социалистической Революции новыми трудовыми успехами в отрасли науки и техники, культуры и искусства, освоении космоса – запуск двух спутников земли с человеком. Состоялся XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, который утвердил новый устав партии, наметил конкретные меры перехода к построению коммунизма в нашей стране. Идя навстречу XXII съезду КПСС коллектив Сеульского ЛЗП добился неплохих результатов. За 10 месяцев выполнил план по деловой древесине на 101,4%, план октября – на 123,1%, в том числе, по деловой древесине – на 147%. Наряду с этим проведены подготовительные работы и строительство. Многие передовики производства приложили большие усилия для выполнения плана заготовки и вывозки древесины и подготовительных работ.

На основании вышеизложенного приказываю:

Объявить благодарность с занесением в личное дело трактористу Самоловову Виталию, чекеровщику Баркову Анатолию, раскряжёвщику Зорину Василию;

Объявить благодарность бригадирам комплексных бригад Домнину Владимиру, Евдокимову Петру, Сияуткину Анатолию, трактористам Шабанову Василию, Чечкову Владимиру, Горобец Алексею, Нешатаеву Павлу, рабочим эстакад Нану Григорию, Чемдэ Данилу, Кривобокову Ивану, Коваленко Ивану, Фазлыеву Ринату, Пислегину Дмитрию, электромеханику Еремеевских Игорю, рабочим по очистке лесосек Будько Елене, Рудзевич Людмиле, радисту Шевелёвой Виталине, рабочим по строительству Репину Алексею, Катышеву Василию, Чекмарёву Василию, Рыбакову Ивану, техничке общежития Пислегиной Наталье, техничке конторы Лобода Вере...

Выражаю уверенность, что коллектив ЛЗП успешно справится с выполнением Государственного плана 1961 года и выйдет с положительными результатами технико-экономических показателей» (№ 346 от 4 ноября 1961-го).

2 декабря Дубровин выехал в Ханты-Мансийск на профсоюзную конференцию. За начальника оставил прибывшего из Майки ещё в декабре 1959-го мастера Григория Павловича Комарова. Но вопрос о дальнейшей работе Дубровина был уже предрешён. Последний его приказ на выдачу спецодежды одной из работниц (успел сдержать обещание о замене старой спецовки на новую) был подписан 18 декабря 1961-го. 25 декабря он ушёл в льготный отпуск, после чего в Сеуль уже не вернулся.

5. Киномеханик Медведев, Чемоданов и Чапай

Детство – это свет в начале туннеля.

Дмитрий Пашков

Под руководством наших первых учительниц Зинаиды Григорьевны Терентьевой и Галины Макаровны Перевозкиной по праздникам мы выступали перед лесозаготовителями с номерами художественной самодеятельности. Конечно же, в первую очередь, хором исполнялись «Широка страна моя родная», «Летят перелётные птицы», «Утро красит нежным светом...» и другие соответствующие атмосфере песни, от духоподъёмной силы которых, казалось, можно воспарить. Ни один концерт не обходился без любившегося зрителем «Танца маленьких лебедей» в исполнении Люды Сысоевой, Зои Сияуткиной, Нины Захаровой, Любы Картузовой, моей сестры Люды. Как сейчас вижу скользящих под аккомпанемент школьного баяна в белых бальных туфлях (тапочках) наших девчонок в беленьких кофтах со сборками, в накрахмаленных юбках, а по завершении номера чересчур поспешно сбегаящих со сцены в отгороженную ширмой, загромождённую сломанными стульями боковушку под умильные слёзы матерей и «бурные овации» зрительного зала.

Седьмого ноября 1962-го под аккомпанемент отцовской гармони я «дебютировал» с клубной сцены искромётной «Цыганочкой». По субботам, приняв после бани стопочку-другую, отец обычно размягчался и брался за гармонь. Как-то так случилось, что я особо «прочувствовал» в его исполнении «Цыганочку» и матросское «Яблочко».

– Что, сына, может, спляшем? – вдруг предлагал отец, прервав поднадоевшую мелодию...

– Спляшем, – соглашался я.

– «Цыганочку»?

– «Цыганочку».

– С выходом иль как?

– С выходом, конечно! (Что за «Цыганочка» без выхода? Главное в «Цыганочке» – это «выход». Выход – это настроение. Настрой. Как выйдешь, так и спляшешь...)

Я сплясал «Цыганочку» с такой душевной страстью, что целую неделю у меня горели отбитые ладони. Зато таких аплодисментов нигде и никогда я больше не «срывал».

Однажды ставили пьесу. О белых американских буржуах и их чернокожих рабах. Мне досталась роль весёлого негритёнка Тома. «Буржуина» играл мой рослый одноклассник Коля Ратушин. Сирота-Том зарабатывал на пропитание тем, что чистил обувь на одной из улиц города. По ходу пьесы Том должен был сидеть на рабочем месте и песней зазывать клиентов. У зрителя мальчик должен был вызвать сострадание, а герой Ратушина – презрение и ненависть. Но не успел я, выйдя на клубную сцену, устроиться на стульчике со своими щётками и кремами, как в зале послышался смех...

Не понимая, отчего смеются зрители, я всё же неуверенно начал:

*Я – чистильщик обуви негритёнок Том,
Я всем на этой улице знаком...*

К чистильщику обуви подошёл вальяжный белый господин. «Буржуин» Коли Ратушина был в сюртуке с выпиравшим из-под белой манишки круглым животом, формой уж очень явно напоминавшим большой резиновый мяч, в цилиндре (из покрашенного картона) и с сигарой размером с добрый огурец, склеенной из плотной коричневой бумаги.

Мой чернокожий Том должен был продолжить свою песню легко и с настроением под «танец сапожной щётки», но я уже почувствовал, что пьеса провалилась. Самое чудовищное заключалось в том, что вместо сострадания к герою я почему-то вызвал безудержный, прямо-таки повальный хохот зала. С искренними от досады слезами я дрожащим голосом допел:

*Щётки танцуют свой танец,
Наводя на туфли глянец...*

И уже после спектакля, посмотревшись в зеркало, понял, в чём дело. Мои руки, щёки, уши, лоб и даже шея были

густо вымазаны сапожным кремом, а нос... Нос оставался белым, как у «буржуина»!

И всё же «важнейшим из искусств» для нас, конечно же, являлось кино. Киносеанса мы ждали с тем же нетерпением, с каковым ожидали к праздникам почтового вертолёта из Ханты-Мансийска. Кроме пачек газет и посылок к Новому году, 1 Мая и 7 ноября в Сеуль «забрасывали» по несколько ящиков апельсин и яблок. «Яблоки на снегу!» Слова родившейся гораздо позже описываемых событий известной песни до сих пор вызывают во мне не запрограммированные композитором ассоциации, а вполне реальную картину: разбитый при выгрузке хрупкий ящик, из которого вперемежку со стружками на взрыхлённый снег выпали рыжие апельсины и, бог знает, какого сорта, но необыкновенно пахучие красные яблоки, сочнее и вкуснее которых я уже не едал...

С прибывшего из Ханты-Мансийска леспромхозовского катера неуверенно ступал на вязкий берег киномеханик Медведев.

– Ура, ура! Кино приехало!!! – возгласами восторга встречали мы его на берегу.

Дядя Витя – в соответствии с фамилией «медвежистый» – косолапый, кряжистый, сутулый и неразговорчивый («бурчун»), с четырьмя плоскими кинобанками – по две в руке – тяжело поднимался в горку.

Мы сопровождали его до самой кинобудки.

– Дядя Витя, а кино когда?

– Завтре и кино.

– А кино законное? (Слово «законное» из лексикона нашего детства синонимично нынешнему «клёвое», «прикольное».)

– Законное, законное, – с ухмылкой бурчал преисполненный достоинства подвыпивший киномеханик, не оборачиваясь и не замедляя шагу. В такие минуты у него и осанка как будто выправлялась.

– Про войну, ага?

– Всё бы про войну вам, мошकारа!

– Что, и на саблях не сражаются?

– И на саблях не сражаются.

– А на шпагах? На мечях?

– И на шпагах нет!

– А на чём тогда? – по нашим представлениям, не мог быть признан фильм «законным», если в нём герои не сражаются на саблях, шпагах или на мечях, как в полюбившихся «Олеко Дундиче», «Котовском» или «Александре Невском».

Дяде Вите доставляло удовольствие помучить нас подольше неопределённостью.

– А ни на чём там не сражаются!

– Что, из пистолетов тоже не пуляют?

– Тоже не пуляют!

Он не выкладывал всё сразу. Он интриговал.

– А из пулемётов?

– Из пулемё-ё-ётов?!

Мы замирали в ожидании...

– Тоже нет!

– Ну, а про что тогда, если не стреляют?

– Про что, про что... А про любовь!

Это было полным разочарованием. Не интересовала нас любовь. Любовь, она для взрослых...

Вздых разочарования смягчал киномеханика.

– Будут вам и сабли!

Он никогда не рассказывал заранее не только содержание новой киноленты, но и название старого фильма раньше срока не объявлял. А в киношный день, в субботу или воскресенье, спозаранку на дверь магазина наклеивался квадрат тонкой, но прочной бумаги, на которой чёрной или синей гуашью вкривь и вкось было написано название фильма и время демонстрации: «Начало в 6.00 и 9.30».

После чего на все дальнейшие расспросы отвечал неизменно:

– Иди! – выговаривал с чувством, придавая, по-видимому, факту появления афиши особую ритуальную значимость предстоящего в «6.00 и 9.30» действия,

– Афишу! – указывал на магазин,

– Посмотри!

Десятки раз дядя Витя крутил нам «Чапаева». И всякий раз мы клянчили у родителей пятаки и за час-полтора до начала киносеанса толклись возле киноподки. Дядя Витя появлялся за полчаса.

– Дядя Витя, скоро?

– Что, соскучились по саблям?

Опробовав мотор (а это очень важно: иногда из-за поломки движка демонстрация фильма вместо полутора часов длилась часа два-три, а то и переносилась на следующий день), шёл к клубу, становился стражником у входа, доставал из глубоких карманов сшивку синих билетов без указания мест.

– Подходи по одному, и не толкаться мне, а то дулю вам – не сабли!

Каждый совал свои пятаки, норовя проскочить в зал первым, чтобы успеть занять место перед сценой. А после того, как выключался свет и начинался фильм, можно было пересесть и на сцену...

И вот наступал самый волнующий – кульминационный момент. Уже раненый в руку, окровавленный Чапаев с преданными бойцами отступает к реке. Верный ординарец Петька и несколько красноармейцев сводят командира по обрыву. Вот Чапаев уже в воде. Петька прикрывает. Но что это? Двое бойцов из «сопровождения» под фонтанчиками казацких пуль уходят под воду. Чапай с двумя бойцами всё плывёт. Вот они почти у спасительного берега...

– Ну же! Ну же! – не выдержав напряжения, «помогает нашим» зрительный зал.

– Давайте же, родимые!

– Ещё чуть-чуть!

– Ещё – ещё!

Плывёт Чапай...

«Он доплывёт! Он не погибнет!»

«Врёшь, не возьмёшь!» – вот-вот должен прохрипеть с экрана раненый Чапай...

Но – звука нет! Внезапно пропал звук!

– Медведев, звуку дай! – доносится с задних – «взрослых» – рядов.

В аппаратной – ровный стрёкот киноаппарата...

А казаки с экрана, припав на колено, палят и палят с высокого обрыва...

В зале – свист и топот...

Дяди Витин голос:

– Чё там за буза?!

– Звуку нет, сапожник!!!

– А-а?

– Звуку нет, ёлки-моталки! Спишь, медведь глухой?!

– Звуку нет?! Щас будет!

Что-то в аппаратной щёлкнуло и треснуло...

Звук винтовочного выстрела с экрана совпал с хлопком ворвавшегося из аппаратной звука...

Ушёл Чапай под воду...

– Всё там путём?! – кричит киномеханик.

В зале – гробовая тишина. Взрослые и дети неподвижны.

Гибнет верный ординарец Петька...

Ничем нельзя помочь!

Включается свет.

– Конец фильма! – сообщает дядя Витя. – Стулья по местам мне!

Сдвинув стулья в ряды, не стесняясь мокрых глаз, понуро выходит из зала «мошкара»...

А на улице – толпа рабочих, только-только прибывших со сплавных работ... Требуют повтора. Дядя Витя кочевряжится недолго.

– А, была – не была, нам тоже нужен план! Вперёд, к новым рекордам! – и достаёт билеты. Мы, пользуясь заминкой, норовим проскочить с новой партией зрителей... Но страж-билетёр начеку...

– А кто за вас заплотит пятаки?! Марш из зала! Спать пора!

– Да пропусти ты их без пятаков, – просят за нас сплавщики. – Пусть детвора насмотрится досыта!

И вновь мы по местам.

Опять живой Чапаев скачет на лихом коне, рубит казаков направо и налево... Вновь звучит волнующая песня: «Чёрный ворон, чёрный ворон, да ты не вейся надо мной»...

– Родненький, ещё чуть-чуть!..

Если в 1937 году во всём округе имелось всего восемь кинопередвижек, то в 1957-м в Самаровском районе только по линии государственной сети работало шестнадцать. К началу 1960-х было построено свыше десятка новых моторных и киноаппаратных, в том числе, наконец, и в Майке. Районный отдел культуры ставил задачу обслуживания населения киносеансами не реже двух раз в месяц. Не везде и не всегда это удавалось. Но киномеханики района на месте не засиживались. Наград и званий «заслуженных» они, как правило, не удостоивались, но административных взысканий хватало с лихвой. И особенно на голову нашего дяди Вити. Мы им по праву гордились. Ещё в 1957-м, работая механиком Салымской кинопередвижки, он поставил рекорд. Об этом «достижении» писала и районная газета: «Рекорд тов. Медведева»: «...Тов. Медведев установил «рекорд» по демонстрации кинокартин. Не сходя с места, без перекуров, он в один вечер на мастерском участке Горельник Салымского лесопункта показал 4 кинокартины. Последняя из них закончилась в 4 часа ночи. На следующий день после организации такого «отдыха» некоторые рабочие опоздали на работу...» (Знамя коммунизма. – 1957, 13 февраля).

За «рекорд» дядя Витя получил «строгач».

...Многие поколения мальчишек и девчонок 1930-1960-х воздают должное этим недооценённым по достоинству труженикам – киномеханикам северной глубинки. Не претендовавшие на особые роли, почёт и уважение, они в стужу и морозы, в летний зной и ливни конными обозами, оленьими упряжками, мотолодками и аэросанями, рыболовецкими и леспромхозовскими судами, вездеходами и вертолётами проникали в самые отдалённые углы и захолустья обширного района – в забытые Богом и властью деревни и посёлки, в рыбо- и лесоучастки, в стойбища и фабрики, в чумы и станы. Пусть не ради высокой цели служения искусству, а ради выполнения доведённых «эксплуатационно-финансовых планов»...

При всех своих человеческих слабостях и пороках (а кто без греха?), критикуемые из номера в номер районной и

окружной газетой за плохое качество звука, изображения, срывы киносеансов, за «отсутствие культуры в работе», за то, что «в клубах во время киносеансов зрители курят», а иные «проходят без билетов», что «допускают детей на фильмы, которые им запрещено смотреть», освистываемые порой из зрительных залов, они достойны уважения за то, что дарили людям радость, прорубали из таёжной глухомани «окна в большую культуру». Благодаря советским культлодкам и агитбригадам 1930-1940-х, кинопередвижкам 1950-1960-х, всюду можно было встретить человека с кинобанками в руках. Сегодня мало кто знает, чего им это стоило!

Удивительна судьба одного из таких киноподвижников. Родился он в 1928 году в селе Мазаново Амурской области. В начале 1930-х раскулаченных родственников из Благовещенска сослали на «перековку» в строящийся Остяко-Вогульск. Чуть позже в Благовещенске арестовали отца и, как потом выяснилось, расстреляли. После ареста мужа мать по совету родственников привезла малыша сперва в Остяко-Вогульск, а затем – в село Цингалы Самаровского района.

«В Цингалах наступила полоса везенья – прошёл слух, что «по кольцу» к нам приближается кинопередвижка и скоро мы посмотрим кино, – более чем полвека спустя напишет автор книги воспоминаний «Жизнь, кино», отрывки из которой процитированы по публикации в газете «Новости Югры (2006, 6-12 апреля): – Кино было немое, потому что электричества в Цингалах не было. Для таких глухих «точек», как наша, к обычным звуковым копиям изготавливали ещё и надписи. Киномеханик читал зрителям вслух эти надписи, а мальчишки по очереди крутили ручку динамки. После каждой части – перезарядка...»

В Цингалах впервые в жизни мальчик увидел киноэкран (обычную растянутую по стене простыню). Здесь к месту будет сказано, что в мае 1942-го, когда, казалось бы, властям было не до «важнейшего из искусств», окружной отдел кинофикации открыл курсы механиков немого кино, на которые зачислил восемь девушек и двух юношей...

В 1944-м шестнадцатилетнего паренька с товарищем из второй Самаровской школы пригласили в агитбригаду. Ребятам, кроме исполнения драматических ролей, предстояло ещё и «погрести», поскольку агитбригада, в составе которой были «артистка Ляля Белая, киномеханик Катя» да однорукий «Фёдор Иванович Зиновьев из района», должна была переезжать от деревни к деревне на специально оборудованной лодке – «ангарке». В каждой деревушке ставили спектакли, показывали «Свинарку и пастуха».

В Самарово «Свинарку» поменяли на «Боевой киносборник № 7», а лёгкую «ангарку» – на тяжёлый многовёсельный неводник с будкой из крашеной фанеры, на одном боку которой было написано «Бей врага!», а на другом «Агитбригада». Так и мотались всё лето с кинопередвижкой.

«И вот этот единственный фильм утонул в самый разгар нашей культурной миссии, так как неводник романтически перевернулся в одну непогожую ночь, – расскажет бывший агитатор в 1984 году. – За кручение ручной «динамки», а также за сохранность плёнки отвечал я. Поэтому наутро при помощи местных жителей я почти весь фильм из Иртыша выловил и просушил. До сих пор удивляюсь, как не сползла эмульсия, когда виток за витком разматывалось это хозяйство и развешивалось на жердях... Я и так знал фильм наизусть, а тут изучил уже каждую клеточку...»

По окончании Самаровской школы паренёк приехал в Москву поступать во ВГИК с аттестатом зрелости, написанным на обороте этикетки для консервов «Муксун в томатном соусе» выпуска Самаровского рыбокомбината. Абитуриент из глубинки и понятия не имел, кто такие Эйзенштейн, Довженко и Пудовкин, а они были членами приёмной комиссии, пред которой он предстал в 1946 году...

«И вот на приёмных экзаменах во ВГИКе кто-то из великих попросил меня пересказать какую-нибудь картину. С патологической точностью, с потрясающими подробностями я пересказал весь «БКС № 7»... У членов комиссии лица выражали нечто странное. Помнится, один из них утёр слезу. Это был Сергей Юткевич, он-то и взял меня во ВГИК. «Боевой киносборник № 7» был, оказывается, его детищем...»

Такова краткая история вхождения в мир искусства с берегов Оби известного ныне кинорежиссёра и сценариста «Ленфильма» Виталия Вячеславовича Мельникова – автора фильмов «Семь невест ефрейтора Збруева», «Начальник Чукотки», «Ксения, любимая жена Фёдора», «Здравствуй и прощай», «Старший сын», «Бедный, бедный Павел», «Две строчки мелким шрифтом» и многих других талантливых художественных и документальных кинолент. В 2006-м спустя 60 лет Виталий Вячеславович побывал в Ханты-Мансийске в качестве участника кинофестиваля «Дух огня». И – продуктивно побывал: в ближайших планах режиссёра – фильм «Агитлодка «Бей врага!».

«Чапай»-то и привёл меня в библиотеку...

После очередного киносеанса кто-то из сверстников сквозь слёзы сообщил, что это только в кино Чапай всё время тонет, а по книжке, которую мой сверстник то ли сам читал, то ли кто-то из «больших» пересказал, Чапаев с ординарцем Петькой не только не погибли в том ночном бою, но рубили беляков до самой «красной победы»... Конечно, возникли сомнения, но зародилась и надежда. И загорелось убедиться. Но где взять книгу? В школе своей библиотеки не было – позже, правда, по предложению Зинаиды Григорьевны мы принесли из дома кто что смог. У Санькиного отца-бухгалтера книжки про Чапаева тоже не нашлось. Оставалась участковая библиотека при клубе, но зайти туда ни один сеульский пацан не отваживался. Библиотекой заведовал не кто иной, как Чемоданов (фамилия по понятным соображениям слегка изменена).

Странным человеком был этот Чемоданов. Немолодой уже бобыль из уцелевших политических. За всё время проживания в Сеуле и Тавотьяхе ни с кем близко не сошёлся. Но знал назубок едва ли не всего Ленина, и на партийных собраниях сыпал цитатами вождя, вгоняя в краску и ставя в тупик партсекретарей лесопункта. Его постоянно перебрасывали с участка на участок: то из Сеуля в Тавотьях, то из Тавотьяха в Сеуль. Причём не на прорывы и авралы в конце напряжённых кварталов или на период сплава, как,

случалось, перебрасывали рабочих и десятников, а, подозреваю, из желания поскорей избавиться от подозрительной, одиозной личности...

А «подозрительная» личность стабильно сидела на двух стульях. В должности завхоза числилась до первого запоя. Истины ради скажу: Чемоданов не валялся под заборами, не шлялся по участку. Пил, видно, втихомолку, с глазу на глаз с преданным псом, сопровождавшим хозяина повсюду. С первых дней запоя руководство увольняло Чемоданова с формулировкой «За пьянку и прогулы». Казалось бы, избавилось от нежелательного кадра. Ан нет, не избавлялось! Чемоданов «просыхал», передавал хозяйство своему преемнику, но приказом леспромхоза переводился не на «прямые работы», как любой проштрафившийся сплавщик или лесоруб, а воспитателем в Сеуль или Тавотьях...

Высокий, костлявый, с острой рыжей бородкой а-ля Феликс Эдмундович, в бывшем когда-то чёрном, но выцветшем от ветхости драповом пальто или действительно в серой шинелке времён ещё русско-турецкой войны, болтавшейся на нём, как на колу, он медленно, с достоинством прохаживал по улице с чрезмерно независимым, устремлённым в облака взором мыслителя. Иногда на ходу доставал из кармана ковригу чёрного хлеба и, разломив её напополам, кормил с руки сопровождавшего пса, неспешно жевал сам, выщипывая из бороды крошки. Если мы оказывались в поле его зрения, он обязательно усматривал в нашем поведении антиобщественные проявления. Его рука тянулась к карману шинелки (или – пальто?), доставала оттуда помятый блокнотик и огрызок красного карандаша...

– Молодые люди, извольте доложить свои фамилии!

Но от одной лишь этой «вежливости» мы от воспитателя шарахались как зайцы.

Его, подозреваю, побаивались и взрослые. Нет-нет да и можно было услышать:

– Не ляпни так при Чемоданове, греха не оберёшься!

Отец остерегался тоже. Часто по вечерам к нам заходил тракторист дядя Коля Черкайкин. Отец настраивал приёмник на какую-то известную лишь одному ему волну, и сквозь невообразимый шелест, писк и треск эфира они подолгу вслушивались в чужую ломаную речь...

– Смотрите, ребяташки, – предупреждал нас иногда отец, – не ляпните кому-нибудь, что папка слушал радио... Дойдёт до Чемоданова – греха не оберёшься!

В моём романе «Жажду утра» есть такие строки:

«...Помню, в раннем детстве... из какой-то книжки о жизни дореволюционного пролетариата запала мне частушка, распеваемая мальчиком:

*Ох, Бог, ты оглох
и залез на небо,
а рабочим выдают
по осьмушке хлеба!*

И отец услышал, как я её пою. Я никогда его не видел таким испуганно-растерянным. Он взял меня за руку...

«Где ты слышал это?»

«В книжке, папа, вычитал!»

«Ну-ка, покажи.»

Я предъявил ему книжку из школьной библиотеки. Отец просмотрел и с облегчением сбросил её на стол.

«Всё равно, – строго наказал он, – нигде никогда не распевай эту глупость!»

«Но почему?»

«Так надо»

Надо...

Боже, сколько в моей жизни было этих «Надо!»

На самом деле наказ отца «Нигде никогда не распевай эту глупость!» имел необязательное в романе продолжение: «Услышит Чемоданов, греха не оберёшься!»

К нему-то и пришёл я за «Чапаевым».

Завхоз-воспитатель, он же – библиотекарь в наброшенном на плечи пальто (или – шинелке) сидел со скучающим видом за столом в прохладной комнатушке, оборудованной под библиотеку. Перед ним стояла алюминиевая кружка с густым дымящимся чаем, ломоть ржаного хлеба и кулёк кускового сахара. Под столом, свернувшись, дремал верный пёс, приподнявший острую мордочку, наостривший уши и на всякий случай слегка зарывавший. Хозяин склонил под стол всклокоченную голову, приложил палец к губам:

– Лежать!

Верный страж, приняв позу «наизготовку», стал следить из-под стола за каждым моим движением.

Оробев, я проглотил отрепетированное «Здравствуйте» и выпалил от порога:

– Мне бы книжку про «Чапаева»!

Чемоданов отодвинул кружку, поглядел на меня с любопытством и двумя прокуренными пальцами потянулся к бородке...

– Книжку про Чапа-аева? – переспросил, откинувшись на спинку единственного в библиотеке стула. – Так вот сразу – про Чапаева? А где же ваше «здравствуйте»?

– Здравствуйте! – поспешно исправился я.

Чемоданов горестно вздохнул.

– М-да, вот они, плоды!.. Ну да ладно. Здравствуйте! Книжку про Чапаева? Похва-ально! Но для начала познакомимся. Извольте доложить свою фамилию!

А ведь знал наверняка всю детвору лесоучастка если не по именам, то по фамилиям-то точно.

Я доложил, что зовут меня Колей, фамилия – Коняев. Мне восемь лет, учусь во втором классе. И что я – октябрёнок!

– Похвально! – прервал Чемоданов. – А скажите, октябрёнок Коля, кто вам посоветовал обратиться к нам? Если не секрет.

– Папа мне сказал, что книжка про Чапаева есть в клубе.

– Папа? О-очень любопытно. Папа верно вам сказал. Книжка про Чапаева у нас действительно имеется... Очень приятно: вы, Коля, первый ученик, обратившийся к нам... Наша библиотека – для взрослых читателей, но в виде исключения заведём формуляр...

Он снял с полки шкафчика, забитого банками и склянками с красками и тушью, рулонами и кипами бумаг, обыкновенную тетрадку с разграфлённой страницей и, придавив её ладонью, свободной рукой потянулся к карману...

Я съёжился в ожидании знаменитого красного карандаша, но вместо огрызка на свет божий была явлена расчёска... Прежде чем приступить к заполнению «формуляра», Чемоданов привёл в порядок свою седую голову и бороду, продул расчёску и как бы ненароком поинтересовался:

– А папа сам читает, Коля?

– Да, – ответил я, – читает.

– И что же он читает, позвольте вас спросить? – расчёска
Чемоданова зависла на возвратной к карману дуге.

Я пожал плечами.

– Сказки. Сказку про рыбака и рыбку.

Библиотекарь уточнил:

– «О рыбаке и рыбке»?

– Да.

– Ну, не всё же сказки, верно? А что ещё читает папа?

– Ещё про девочку Козетту! Мама плакала, когда он про неё читал! А ещё про Гавроша. Как он на баррикадах с буржуями сражался!

Я не лгал...

По вечерам, кроме гармонии, отец часто брал в руки книгу. Он читал вслух для неграмотной мамы, а к ней подсаживались и мы. Помню бесхитростный мамин отзыв на пушкинскую сказку «О рыбаке и рыбке»:

«Надо же, как в жизни»!

Мы ещё не знали, как и что бывает в жизни, но и нам до слёз было жалко замученного жадной старухой старика, а в конце и саму старикову мучительницу, оказавшуюся вновь у разбитого корыта...

«Козетту» мама вечера два-три слушала с красными от слёз глазами. Во время чтоток наш любимец – кобель Пудик, лёжа на подстилке у порога, вдруг начинал скулить, недоумевая, очевидно, отчего в обычно шумном доме установилась вдруг такая подозрительная тишина?

Книгу «Возвращение в жизнь» отец читал вслух недели две-три кряду. Позже я установлю, что это был популярный в те годы роман молодого ленинградского писателя Германа Шошмина. Рассказывалось в нём о трагической судьбе одной семейной пары – муже-алкоголике и боровшейся за мужа с его пагубным пристрастием любящей жены. Герой «вернулся к жизни», но какой ценой! Ценой ухода верной жены Аси...

Рыдал герой шошминского романа, рыдала наша мама. Наверное, оттого, что знала, как и что бывает в жизни...

Последнюю книгу, прочитанную отцом, я не только помню, но и храню в своей библиотеке вот уже сорок четыре года. Это – сборник прозы Алексея Костерина «По таёжным тропам» издания 1964 года. Центральное место в сборнике занимает повесть «Эд-Бер» (в расшифровке – Эдуард Берзин, бывший первым начальником Дальстроя). Давая почитать её Черкайкину, отец всего и произнёс:

«Прочти. Я это всё прошёл»...

– Хорошие книжки читает твой папа, – оценил Чемоданов. – Ну а радио он слушает? Новости, последние известия?

Вспомнив наказ отца, я прикусил язык. По спине пробежал холодок: не «ляпнул» ли чего я лишку?

– Один или с друзьями? – выпытывал библиотекарь.

– У нас радио молчит, – выкрутился я. – Папа говорит, что батарейки сели.

– Вот ведь какая незадача! – свернув свой «формуляр» вдвое, Чемоданов озадаченно похлопал им по краешку стола:

– Видите ли, Коля, я вынужден вас огорчить: роман Дмитрия Андреевича Фурманова для вас тяжеловат – вы в нём ничего не поймёте да и не осилите его. Я вам рекомендую книжку о семье Ульяновых. Знаете ли вы, кто такой Ульянов-Ленин?

– Знаю! – выдавил сквозь слёзы, расстроенный итогом нашей беседы. – Про семью Ульяновых нам уже рассказывали в школе...

– Нуте-с, доложите, что же вам рассказывали в школе?

И я по свежей памяти в подробностях поведал о большой семье Ульяновых. Об отце – директоре гимназии, о любящей матери, о старшем брате Саше, о сёстрах Ольге и Маняше...

Чемоданова, похоже, тронул мой рассказ. Его глаза подёрнулись плёнкой умиления.

– Я, пожалуй, выдам вам «Чапаева». Но и спрошу с вас содержание...

Как на «снегурочках» под парусом помчался я домой с «Чапаевым» под мышкой. Примчался, и за стол.

Мама удивилась:

– Вот так бы за уроки!

Но до уроков ли мне – книжка на столе! Книжка была толстой, в тёмной невзрачной обложке с замусленными по углам страницами. Скользя взглядом по портрету красивого усатого дядьки в гимнастёрке с португеей, но явно не Чапаева, не Петьки, пролистнул ещё несколько страниц: «На вокзале давка. Народу – тёмная темь...»

– Мама, что такое тёмная темь?

– Где? – спросила мама.

– В книжке!

– Не знаю, что там в книжке, а на улице действительно скоро будет темь, а у меня корова не подоена! – и мама ушла.

«Красноармейская цепочка по перрону чуть держит оживлённую, гудящую толпу...», – по слогам прочёл я дальше.

– Люда, что такое «по перрону»?

– Где? – отозвалась сестра.

– В книжке!

– А я откуда знаю? Придёт с работы папа, у него спроси!

Я затосковал. В книжке страниц – тьма, и с самого начала так много непонятных слов!

Я принялся пролистывать страницу за страницей, но не с начала, а с конца. Важен был ответ на волнующий вопрос...

И вот: «Спускай его на воду!» – крикнул Петька...»

Сердце трепыхнулось...

«Плыли двое, уже были у самого берега – и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову. Когда спутник, уползший в осоку, оглянулся, – позади не было никого: Чапаев потонул в волнах Урала...»

Месяца два-три я обходил сторонкой клуб с его библиотекой. Читать не оправдавшую надежд книгу с начала до конца для пересказа Чемоданову я не собирался. А с «Чапаевым» лежала и «Семья Ульяновых». До тех пор, пока отец не приказал:

– Книжки нужно сдать!

И я повиновался.

Мне повезло. Чемоданова опять переводили в Тавотьях. Библиотекарь собирал свои вещички в саквояж.

– Вот, – сказал я, – книжки пришёл сдать!

– Книжки сдать пришли? Похвально! Всё прочли? Пора! Жаль, не удастся побеседовать... Ну так что же там с Чапаевым? Выплыл или нет?

Не знаю, почему, но я вдруг дерзко выпалил:

– Да, Чапаев выплыл!

– О-о! – засмеялся Чемоданов. – С характером, однако, не поспоришь! Ещё брать будем?

– Нет.

– Разумное решение. А то ведь со своим характером вы мне все книжки перепишите, милый человек!

6. *От Недогибченко до «Перегибченко»*

*– Пили всё, что горело. Потому и планы
частенько горели. Но беда не в этом.
А в том, что здоровье тоже сгорело...*

Из разговора с бывшим рабочим Сеульского лесопункта

В феврале 1962-го Дубровина сменил бывший начальник Майковского лесопункта Недогибченко. Анатолий Павлович абсолютно ничего менять в Сеуле не стал. Он, похоже, и не собирался глубоко и основательно вникать в производственный процесс, передоверив управление опытным мастерам. Очевидно, на то имелись известные только ему причины. Единственное, на что он обратил внимание мастеров, десятников и завхозов, – это никудышный контроль за объёмами выполненных работ из-за несвоевременности «закрытия» нарядов и сдачи табелей учёта рабочего времени в бухгалтерию, что приводило либо к припискам, либо к занижениям фактических объёмов, и установил конкретные сроки сдачи документов: мастерам – 15 и 30, завхозам – 10 и 25 числа каждого месяца.

Не проначальствовав и полгода, Анатолий Павлович ушёл так же тихо и незаметно, как и пришёл. Вместо него назначили «палочку-выручалочку» – Комарова. Григорий Павлович приступил к обязанностям 31 августа, а 8 сентября издал совершенно неожиданный приказ следующего содержания: «Обязанности начальника Сеульского ЛЗП с себя снимаю. Вступаю в оперативное руководство Сеульским мастерским участком как старший мастер лесозаготовок. Все распоряжения и документы действительны за моей подписью».

Никто не понял, что произошло, зато мгновенно распространились тревожные слухи о грядущей ликвидации лесопункта. Но, похоже, в леспромхозе в это время на место главного инженера Высотского пришёл или «пришли» не самые дальновидные реформаторы. Они и предложили совершенно абсурдный вариант реорганизации. В приказе

Комарова от 8 сентября чётко формулировалось: «Сеульский лесоучасток в дальнейшем именовать Сеульским мастерским участком с подчинением непосредственно леспромхозу».

Другими словами, непосредственное руководство лесозаготовками в Сеуле взяла на себя Ханты-Мансийская контора, что означало неминуемое сокращение работавших на Рейде управленцев, в том числе и должности начальника. По всей видимости, такое решение вызревало давно и, наверное, Недогибченко о нём знал, а потому и самоотстранился от руководства. Леспромхозовское начальство надеялось таким образом хоть в какой-то степени покрыть растущие несмотря на возрастающие год от года объёмы лесозаготовок убытки, связанные с хроническим невыполнением качественных показателей.

В сентябре 1962-го штат Сеульского мастерского участка был сформирован из 9 единиц. Мастером, а по сути руководителем большого хозяйства впервые в истории лесопункта назначили женщину – молодого специалиста Александру Васильевну Антипову (тётю Шуру – будущую жену дяди Коли Ключко, сменившего нашего киномеханика Медведева. Эта маленькая кругленькая женщина оказалась удивительно мужественной личностью. Однажды на пару с прибывшим в Сеуль десятником они заблудились и без пищи и ружья проплутали в тайге около трёх недель. Вышли самостоятельно по реке. Десятник после такого жестокого экзамена уволился и уехал не дождавшись расчёта, тётя Шура же, подлечившись, как ни в чём не бывало продолжила работу). Десятником назначили опытного мастера сплава и лесозаготовок Александра Белова. Под сокращение попало 7 единиц, в том числе – должности начальника и завхоза (отца). Осуществлять координацию деятельности Сеульского и Тавотьяховского мастерских участков поручили Комарову...

Бригадирами комплексных бригад Комаров назначил Василия Ивановича Зорина, Владимира Николаевича Кузнецова и Анатолия Ивановича Сюткина. На первых порах создавалась иллюзия благополучия. План октяб-

ря 1962-го участком был выполнен на 144,4%. За «особо выдающиеся успехи» в честь 45-й годовщины Октября в леспромхозовскую Книгу почёта было занесёно имя тракториста Василия Шабанова, на Доску почёта с вручением Почётных грамот – имена штабелёвщика Григория Нану, тракториста Алексея Пислара, бригадира Василия Зорина, сучкоруба Фёклы Андреевны Ложкиной, получили Почётную грамоту помощник вальщика Дмитрий Иванович Ходий, благодарности – бригадир-механик Владимир Картузов, раскряжёвщик Данил Чемдэ, пекарь Ксения Егоровна Шадрина, радиооператор Александр Ефимович Азаров... Но успешное выполнение октябрьского плана стало возможным благодаря хорошему заделу Дубровина.

Не могу сказать, что тому явилось причиной: недостаток полномочий или мягкий характер старшего мастера Комарова (Григорий Павлович был очень маленького роста. Если бы он оказался в толпе сеульских мальчишек, то по своим физическим данным не выделился бы. Нетороплив, немногословен, он тем не менее и раньше постоянно замечал уходившее в отпуска и выезжавшее в командировки начальство.), но кривая графика прогулов резко устремилась вверх, упала дисциплина, наметился разлад в производственном процессе. На 11 декабря 1962-го выполнение месячного плана составило всего 20%.

После Нового года рабочие словно «спохватились», кинулись навёрстывать упущенное при Дубровине – ушли в запой. Причём в запой коллективные и затяжные, со срывами работы как отдельных бригад, так и лесопункта в целом. Не на шутку разгулявшийся слесарь пропил казённую шубу. Практически весь январь 1963-го бездействовала в делянах техника и простаивали в конюшнях рабочие лошади... Конюх в Сеуле допился до того, что на неделю вообще забыл о лошадях. Когда же ему напомнили, вместо того, чтобы пойти накормить-напоить оголодавших животных, явился к Комарову и бросил на стол ключи от конюшни:

– Я тебе больше не работник! Иди корми лошадей сам!

Сменивший «бунтаря» конюх поджёг навоз на конном дворе, а сам удалился по своим делам. Поднялся ветер,

огонь распространился по всему двору, загорелась изгородь. К счастью, лошадей удалось спасти...

Судя по приказам, лошадям в лесопункте доставалось: «Рабочий... в ночное время взял самовольно с конного двора сеновозную лошадь и варварски стогнял за вином в д. Востахой...». Или: «Возчик... ударил лошадь по кличке Снегирька в область тазобедренного сустава задней правой конечности, в результате чего лошадь вышла из строя и поставлена на бюллетень...».

Как говаривала мама, и грех, и смех...

Словом, лесопункт гудел, как рой. Комаров метался от одного к другому, но толку в его увещеваниях было мало...

Пьянство обретало характер массового умопомрачения. В начале 1960-х зарплата у лесозаготовителей была вполне приличной, но купить на неё что-то стоящее в Сеуле было невозможно из-за всеобщего дефицита. Покупали охотничьи ружья, сети, лодки, лодочные моторы «Стрела», чуть позже – «Москва». Коров имели в основном семейные, каковых в лесоучастке было не так уж и много. Холостые и «вербованные» не стремились обзавестись хозяйством, ведя почти спартанский образ жизни («всё моё всегда со мной»). Лишь наиболее дальновидные откладывали что-то в «чулок», большинство же пропивало всю получку. Пьянству способствовало и само государство посредством алкогольно ориентированной потребительской сферы. Чего-чего, а водки и спирта в Сеуле имелось в избытке. Первые самоходки по открывшейся воде из Ханты-Мансийска прибывали, как правило, с трюмами, до отказа набитыми спиртным. По сведениям о завозе товаров в пункты ОРСа леспромхоза в 1971-1972-х годах можно сделать вывод: «Из всей массы товарных запасов продовольствия более 65% составляла водка (без учёта прочих алкогольных напитков) (Самаровский край. – Там же. – С. 218). Не думаю, что в начале 1960-х ассортимент завозимых в Сеуль товаров существенно отличался от ассортимента 1970-х.

«В 1965 году я работала в Матке (деревня рыбаков и охотников из 20-25 дворов стояла на речке Ендырской в тридцати километрах от Троицы, до укрупнения в 1950-х там был

колхоз им. Чкалова – Н.К.), – вспоминала уроженка деревни Матка, бывшая школьная учительница Страшкова Нина Кузьминична. – О, ужас! Какое это было пьяное царство! Все пили. Не просто пили, а по неделям находились в запое. Дети предоставлены были сами себе. Я не знала, как мне отсюда выбраться. А отработать, чтобы получить диплом, надо 3 года» (Моя судьба в истории Югры. – Там же. – С. 229-230).

По этому поводу всегда вспоминаю отцову шутку: «Наша мама работает сберкассой»:

Однажды пришёл отец с работы невесёлый:

– Жалко, мать, ребят. Пропились, ни корки хлеба, ни пачки папирос. Ходят вокруг общежития, окурки подбирают...

– Ну и что ты этим хочешь сказать? – насторожилась мама. – Папирос им, бедным, отнести или денег дать взаймы?

– Да хоть ведро картошки.

– Дулю им, а не картошки. Лакать поменьше надо!

Ведро картошки в общежитие отец всё-таки отнёс. А наутро пришла мама. Она тогда уже работала техничкой в этом общежитии. И, застав смурных ребят на койках, принялась стыдить:

– Да как же вам не совестно! Да как же вам не стыдно! Такие молодые, красивые, здоровые, а пьёте не на жизнь, а на смерть! Ходите, спасибо леспромхозу, зимой и летом в грязных робах. Ни рубашки, ни костюмчика при таких зарплатах. Лучше бы купили что-нибудь себе!

– Так вот, не получается чего-то, тётя Ася!

– Всё бы получилось, если б захотели!

– Это как же получилось бы?

– С получки оставьте на карманные расходы, а остальные отложите или же отправьте гонца в Ханты. Скиньтесь, купите в этом месяце одному пальто, в следующем – второму, а через месяц третьему костюм или ботинки, и так по очереди всем...

Глаза у ребят заблестели – понравилась идея.

– Так ведь не отложится у нас!

– А я вам помогу! Сдайте деньги мне. Под расписку, при свидетелях. Потребуется, выдам. Но на пьянку ни копейки! Хоть всей комнатой придёте на коленях ползать!

– Ради бога, тётя Ася, будь у нас сберкассой!

Так и пошло, как договорились. Случалось, заявлялись всей честной компанией, клянчили, просили, уговаривали, пока отец не выпроваживал:

– Всё, ребята, сберкасса закрыта. Утром приходите!..

Через полгода – год рабочих стало не узнать: приобулись, приделались, хоть и пить меньше не стали...

План февраля был сорван по всем показателям. При Дубровине в случаях поломки тракторов во избежание потерь рабочего времени бригады оперативно перебрасывались на уборку и сжигание сучьев, тонкомера. Теперь же, без твёрдой руки, рабочие по полдня и больше просиживали без дела. В результате деляны оказались захламлёнными, не всегда вовремя вывозилась даже деловая древесина, допускался брак при разделке на сортименты и, сколько бы Комаров ни предупреждал суровыми по тону приказами о недопустимости подобных безобразий, положение не менялось. Заставить работать окриком в начале 1960-х было невозможно. На лесопункт посыпались штрафные санкции. В 1962-м осталось недорубов 2514 кубометров на сумму 2792 рубля. За нарушения правил использования лесосечного фонда было взыскано 7121 рубль...

Комарову можно поставить в заслугу то, что в январе 1963-го он за счёт выделенных на содержание Сеульского детсада средств открыл детский сад на 8 мест в Тавотьяхе. Пусть со штатом в... одну единицу. И там же с 1 февраля открыл котлопункт. И ещё – тоже немаловажно! – распорядился топить баню трижды в неделю...

К весне 1963-го до леспромхозовских горе-реформаторских голов всё-таки дошло, что практически обезглавленный лесопункт вместо ожидаемой экономии даёт и даст в дальнейшем ещё больший убыток. Сокращённые должности руководителей и управленцев были восстановлены в штатном расписании. Весной исполняющим обязанности начальника назначили переехавшего с семьёй из ликвидированного лесопункта Сугунчума Егора Ивановича Нахтымова. Отец, числившийся рабочим в Октябрьской сплавной конторе, вернулся на должность завхоза с 1 ноября...

Нахтымов оказался первым и последним начальником в Сеуле из обрусевших ханты. Его дед – остяк юрт Чагинских Иван Тимофеевич (1852 – дата смерти неизвестна) в конце XIX века служил волостным головой инородческой Темлячевской волости Тобольского уезда. В энциклопедии «Югория» о нём сказано: «...Сделал крупное пожертвование в пользу Тобольского губернского музея – праздничный наряд остяков (рубашка из крапивного холста, расшитая гарусом и украшенная бисером, суконный кафтан, головной платок, рукавички, чулки, чирки, вышитая салфетка из крапивного холста), за что в январе 1892 был пожизненно избран членом-соревнователем музея» (В.К. Белобородов. Энциклопедия. Т. 2. – Там же. – С. 244). А судя по тому, что в 1901-м юрты Чагинские на Согоме состояли из «18 домохозяев, у которых имелось 69 лошадей, 30 коров и 40 собак» (Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 2. – Там же. – С. 333), то можно сделать вывод: волостной голова Нахтымов неплохо правил службу.

Егор же Иванович в отличие от деда долго «править службу» в Сеуле не пожелал. Он начал с приказов об исправлении сложившегося положения в делянах, а 1 августа реформировал бригады по своему усмотрению, назначив бригадирами Александра Шабалина, Василия Зорина и Валентина Перевалова. Из «заглохшего» к тому времени Майковского лесопункта в июне 1963-го он получил хорошее пополнение – рабочих Ивана Чернянина, Виктора Степанова, радистку Тамару Низовских; из Салымского лесопункта переехал нормировщик Анатолий Штервенский. В декабре из Майки прибыло ещё трое рабочих. С 1 ноября оба мастерских участка Комаровым были переведены на разработку лесосек способом «узких лент». Участки перешли на работу по фактическому объёму хлыста, то есть наряды от комплексных бригад бухгалтерией и нормировщиком стали приниматься только с «точковками хлыстов» (на каждом хлысте проставлялся его объём).

План 1963-го по заготовке и вывозке древесины лесопунктом был выполнен к 46-й годовщине Октября. В октябре лесопункт дал сверх плана 1040, а за год –

1900 кубометров древесины. «За особо выдающиеся успехи в работе на основании приказа леспромхоза от 2 ноября 1963 года за № 192», на леспромхозовскую Доску почёта занесли имена бригадиров малокомплексных бригад Валентина Перевалова, Петра Евдокимова; Почётными грамотами наградили бригадира Василия Зорина, передовиков Григория Нану и Данила Чемдэ; большой группе рабочих объявили благодарности.

С 1 января 1964-го Нахтымов назначил бригадирами малых комплексных бригад надёжных людей: по мастерскому участку Тавотьях – Александра Шабалина, Данила Чемдэ (правда, в сентябре безотказный Данил Егорович уговорит начальника освободить его от «руководящей муки». Вместо Чемдэ будет назначен Александр Федорович Софронов), Валентина Перевалова; по мастерскому участку Рейд – Илью Еремеевских, Жаная Анкудовича, Геннадия Емелина, Анатолия Сияюткина. Назначив бригадиров, Егор Иванович пересел на лесовозную машину...

Мне он запомнился как большой любитель патанки. Он и нашу семью приучил к этому экзотическому северному «деликатесу». Во дворе нашего дома рядом с поленницей колотых дров стояла присыпанная снегом «поленница» мороженых щук, добытых отцом впрок. Залитая на морозе водой рыба до весны лежала во льду как в естественном холодильнике. Перед тем, как зайти, а к отцу Егор Иванович «забегал» довольно часто, он скалывал из поленницы крупную щуку, на крыльце рубил её на куски, а куски на пороге дробил обухом топора. С мороженого крошева отделялась кожа, а кусочки мяса Егором Ивановичем с аппетитом поедались с перчиком и солью. Он ел патанку с таким аппетитом и удовольствием, с шутками и прибаутками, что трудно было устоять от соблазна попробовать. Сначала попробовал отец, потом насмелилась мама, а затем распробовали и мы...

На место Нахтымова прислали Николая Николаевича Кальдикова.

Первым же приказом опытный руководитель закрутил гайки. Он установил строгий распорядок рабочего дня. Отныне во избежание утренней раскочки и расхлябанности

рабочие ровно в 7.30 обязаны были отъехать от конторы в лесосеку. Обед на рабочем месте регламентировался часом – с 12.00 до 13.00, выезд с лесосеки – не раньше 17.00. Причём для своевременной заводки тракторов во избежание простоев прибывающих утром бригад трактористы должны были выезжать в лес на машине на час раньше – в 6.30 утра. А это означало, что люди должны были быть на ногах как минимум в 5.30. Нормировщика Штервенского Кальдилов обязал ежедневно к 8.00 представлять сводки по лесозаготовкам. Это было жёсткое, но оправданное решение. Кое-кто в лесосеке зло сострил насчёт перегибов «новой метлы» («кабы не рассыпалась раньше времени!»), но когда кадровые рабочие, знавшие Кальдилова по Пелику, Саньёге и Майке, объяснили острослову, что «новая метла» прошла все ступеньки роста и стала, может быть, единственной во всём леспромхозе уважаемой «метлой», острослов смирился...

Среднего роста, малословный и даже, со стороны могло показаться, нелюдимый, с одним глазом (другой ему выхлестнуло веткой в деляне), Кальдилов был женат на старшей дочери охотника Толстогузова – Вере Ивановне. Её младшая сестра Полина (Полька) училась в одном классе и дружила с моей сестрой Людой. Сын же Кальдилова – мой ровесник Вовка учился в Ханты-Мансийске. Иван Евлампьевич зиму проводил в промысловых угодьях и дома мы его почти не видели. Его жена Акулина Филимоновна – маленькая, сухонькая, крикливая в противоположность к степенному мужу женщина, помнится, в одно засушливое лето работала «пожарным сторожем». По ночам в разных концах участка можно было слышать стук её деревянной колотушки. Кальдилов в этой большой семье тоже появлялся крайне редко. Создавалось впечатление, что он там и не жил вовсе. Его жизнь проходила в беспрестанных разъездах по мастерским участкам, лесосекам, деелянам, в командировках в Ханты-Мансийске и Тюмени, а летом – в Поснокорте, где приходилось сдавать заготовленный зимой лесопунктом лес...

Вскоре после того, как один из молодых рабочих допился до белой горячки, и его связанным по рукам и ногам

увезли в Ханты-Мансийскую психушку, «новая метла» нанесла по пьянству сокрушительный удар.

В одном только феврале 1964-го Кальдилов по первому замечанию уволил загулявшего водителя, сорвавшего вывозку людей из деляны; за срыв рабочего дня мастерского участка (в этот день большая часть рабочих вообще не вышла на работу) на троих прогульщиков оформил дела в товарищеский суд, ещё пятерым объявил выговоры; уволил по статье одного из лучших, опытных бригадиров, начинавших в Сеуле с первого колышка... Он сменил даже заведующую детсадом, уличённую в пристрастии к выпивке, назначив на её место прибывшую по оргнабору из Горьковской области Аграфену Егорочкину...

Такой решимости от Кальдилова, похоже, не ожидал никто. Увольнение знатного передовика подействовало отрезвляюще. Допускались, естественно, случаи одиночных и даже коллективных пьянок и в дальнейшем, но эпидемию удалось приостановить.

Более того, Кальдилов умело и очень тактично вводил в практику азы внутрибригадного самоуправления. К примеру, рабочие-пыльщики Рейда на производственном совещании потребовали сменить прибывшего из Майки слесаря по бензопилам «Дружба» как не справлявшегося с обязанностями. Впервые перевод рабочего случился по инициативе самих рабочих...

Кальдилов в 1964-м, а по его примеру и Картузов в 1965-м, и даже Бушмелёв в 1966-м не скупился на затраты по подготовке кадров. За три года в Заводоуковской лесотехнической школе окончили курсы шоферов Николай Никитин, Дмитрий Носырев, Василий Шабанов, Ильдар Замалиев; курсы десятников – Николай Егорочкин; трактористов – Николай Лобода, Андрей Кашпур, Николай Краснопёров, Николай Черкайкин; бульдозеристов – Александр Среднев; электрогазосварщиков – М. Шарипов...

Относившийся к самому себе требовательно и беспощадно, Кальдилов был беспощаден и к подчинённым, терпеть не мог разгильдяйства. В мае всех не разъехавшихся в отпуска 47 рабочих перевёл с Рейда в распоряжение

Октябрьской сплавной конторы мастерского участка Та-вотьях на проведение молевого сплава. Ещё 28 рабочих Рейда передал той же сплавконторе на сплотку древесины. И даже оказавшуюся временно без дела техничку общежития перевёл на заготовку дранки. Лесоучасток опустел. Такого здесь ещё не видавали. Лишь носилась по улицам возбуждённая в преддверии летних каникул детвора да сопровождаемый верным псом неспешно нёс своё значительное тело от магазина к клубу и от клуба в общежитие «вечный» зав-хоз-воспитатель Чемоданов...

В результате к 1 ноября лесопункт выполнил план по деловой древесине на 117,4%, по валовой – на 123,8%. Причём план октября был перевыполнен почти в 2,5 раза (247%). Такого результата не достигал ни один из предшественников Кальдикова. Отличились бригады Александра Шабалина (149%), Михаила Максимова (145%), Евгения Охотникова (127,7%). Из года в год на совесть работали Данил Чемдэ, Василий Шабанов, Николай Нестеров, Владимир Найда... Но об этих и других достижениях коллектива на торжественном собрании в честь очередной – 47-й годовщины Октября в поселковом клубе рапортовал сменивший Кальдикова Владимир Николаевич Картузов.

Помимо ежедневной расстановки людей на хозяйственные работы и выписки нарядов отцу вменялись в обязанности подготовка и содержание противопожарного инвентаря, участие в качестве члена комиссии в инвентаризациях основных средств, товарно-материальных ценностей на складах, запасов заготовленной древесины и так далее. И всё же он находил время для охоты и рыбалки...

Он и меня потихоньку приучал. Одно время отец ездил на бударке со стационарным мотором – «трещоткой», звук которого был слышен вёрст за десять... Потом «трещотку» сменил подвесной мотор «Стрела». Иногда отец давал мне порулить по «большой воде» на Сеульской, однако стоило приблизиться к горловине сора или въехать в узкую, извилистую, как брошенная лента, курью со странным названием Яхоре, без слов садился за руль сам. Но настал день,

когда отец решил испытать меня на прочность, о чём я догадался, конечно же, не сразу...

Прохладный августовский день клонился к вечеру. Мы запоздало возвращались с безымянного сора, где отец иногда выставлял «сетёшки». Укрытый от встречного ветра отцовым дождевиком, я скучал под монотонный шум мотора.

Наш «вперёдсмотрящий» Пудик – крепкий, жёлтого окраса с белым подшёрстком и белым «воротником» кобель из породы лайка лежал на крышке грузового отсека в носовой части лодки, уложив острую морду с чуткими стоячими ушами между передними лапами...

Он не пропускал ни одной рыбалки, ни одной охоты. Случалось, на охоте застигала непогода, и отец возвращался ни с чем. Вешал на гвоздь дождевик, снимал патронташ, стягивал с промокших ног тяжёлые болотники...

Мы обступали его:

– Папка, покажи нам, что убил?

– Ноги, – мрачно отвечал отец.

А мама уточняла:

– Время он убил!

– Да и время тоже, – не возражал отец. И как бы в оправдание кивал на потолок. – Погода вишь какая... Ни чирка не пролетело!

Мы ничего не понимали, тянули отца за рукав.

– Папка, покажи! Где твои ноги? Где твоё время?

– В лесу, ребятишки, оставил!

Верный Пудик виновато помахивал белым хвостом и тихонько поскуливал как бы в оправдание: «Разве ж мы виноваты, хозяйюшка?» При этом он заглядывал в глаза отцу и маме, каким-то, видимо, особым собачьим чутьём определяя момент перелома в настроении хозяев, когда можно было вытянуться на задних лапах и ткнуться мордой в грудь хозяйки...

Иногда мы начинали барахтаться на полу:

– Пудик, где ты? Пудик, заступись! – Пудик стремглав бросался от порога, вклинивался сильным мягким телом

в кучу-малу, а то и вытягивался на задних лапах во весь свой нешуточный собачий рост и расталкивал нас по сторонам...

Мама, наблюдавшая за нашей вознёй, обычно приговаривала:

– Правильно, Пудик! Наподдавай вот им по задницам, чтобы не бесились! – и с упрёком обращалась к нам. – Пудик-то умнее вас!

А мне и впрямь казалось, что Пудик был умнее. И когда, бывало, я чувствовал вину, то стыдливо избегал Пудиковых глаз...

– Не замёрз, сынок? – спросил отец.

Я ответил бодро:

– Не-а!

– Ну тогда садись за руль, а я чуток вздремну.

Сбросив дождевик, я так прытко соскочил с беседки, что чуткий Пудик, в мощном толчке качнув лодку, спрыгнул с отсека, лизнул меня в лицо и махом подлетел к отцу. Отец рассмеялся:

– Я не тебя позвал за руль!

Мы с отцом поменялись местами. Я крепко сжал нагретую его ладонью рукоять управления мотором.

– Сильно не газуй, – наказал отец. – Веди на средней скорости. Да смотри мне в оба! Перед курьёй сменю... – он завернулся в дождевик и прилёг на беседку.

Я сжимал рукоять, а сердце трепыхалось от тихого восторга. В траве плескалась рыба молодь, столбчатыми рядами вилась над водой мошкара. Изредка над самой головой с шумом проносились юркие чирки. Пудик вскидывал на шорох заострённую морду и взглядывал на меня: что ж ты, странный человечек, упускаешь верную добычу? По зеркальной поверхности сора лодка скользила легко и стремительно. Тут и управлять-то особо не требовалось – нужно было держать курс на избранный ориентир. Главное в мелком сору – держаться чистой воды, не залететь в невидимые водоросли – тотчас «копну» намотаешь на винт...

Через полчаса из-под воды по ходу лодки показались полоски ивняка, обозначающие берега бывшей протоки.

Это и была коварная курья Яхоре. Чтобы пройти по руслу, не вылетев на затопленные берега и не «оседлать» скрытую сумерками мель, требовались предельная осторожность, зоркий глаз и отменная реакция. Я это понимал.

«А может, не будить, а на малой скорости проехать самому?» – я взглянул на отца: он «крепко спал», завернувшись в дождевик.

Стволом огромного раскидистого дерева ветвилась впереди курья Яхоре многочисленными узкими «рукавчиками». Даже на малой скорости было нелегко вписываться в повороты в узком, в размах вёсел, водном лабиринте со множеством коварных топляков, коряг и перекатов, на которых ровными рядами сидели неподвижно белогрудые чайки...

Сумерки скрадывали расстояние. Я всё чаще поглядывал на отца: спит или не спит? Разбудить, как велел, или всё же самому преодолеть курью? А вдруг я заблудился? Что, если по ошибке свернул в какой-нибудь рукав, и кружу в свободных от травы проходах по спирали? По времени, давно пора быть речке!..

В золотисто-чёрную нишу опустился на востоке красный шар солнца...

И я возликовал: из-за очередного поворота нескончаемой, казалось бы, курьи блеснула красным отсветом стремнина речки Сеульской! А ещё через минуту из-за скрытой сумерками гряды леса по левому берегу открылись взору огни лесопункта...

Я вскочил и вне себя от радости завопил на всю Сеульскую:

– Папка, я доехал! Сам!..

На берегу встречала обеспокоенная мама.

– Что ж вы припозднились так? Я уж волноваться начала! – она приобняла меня и поцеловала в щёку.

Но я высвободился из её объятий и стёр с щеки поцелуй:

– Мама, я уже не маленький!

Взял из лодки вёсла и, положив их на плечо, стал подниматься в горку след в след за отцом, выносившем на плече тяжёлый мешок с рыбой. Я старался ступать так же широко и твёрдо, как и он...

Не знаю, какова была статистика продаж товаров народного потребления на душу населения в Самаровском районе, но известно, что в округе в 1961-м на одного «едока» было продано колбасных изделий на 3 рубля 90 копеек, молочных продуктов – на 6 рублей 10 копеек, мяса и птицы – на 10 рублей 70 копеек. Казалось бы, уровень потребления был невысок. Но...

– В Сеуле мы не голодали, – утверждала мама. – Через год купили вторую корову – Дочку. Бычка держали, куриц. Молоко не покупали – всегда было своё. А раз молоко своё, то и сметана, и творог, и сливки свои. Мяса тоже никогда не брали – оно возле посёлка бегало да плавало. Отец с охоты редко ни с чем возвращался. И уток, и гусей настреляет на зиму. Было, и выбрасывала мелочь втихаря: теребить надо-едало, пальцы уставали. Рыба круглый год. Отец весь участок снабжал. Как только услышат: тарахтит Иванова бударка, так к берегу сбегаются. Кто с чашкой, кто с ведёрком: насыпь, Иван Ефимыч, рыбки! Никому не отказывал. Даже лодырям и лежебокам. Куда её было девать? Сдавать, никогда не сдавали. Сдавали только ягоду – клюкву да бруснику. Ещё морошку да чернику брали. Орех всегда сдавали. Отец-то шишковал. А шишковал-то как? Под вечер выйдем с колотом, часок-другой походим по горе – пару мешков принесём. В Сеуле нравилось отцу. Он и не подумал бы куда-то уезжать, будь там хотя бы восьмилетка...

1964-й стал годом непростых раздумий нашего отца о будущем семьи. Я был уже в четвёртом классе, Шура с Витей – в третьем. А поскольку в Сеуле была четырёхлетка, нам с сестрою с будущего года для продолжения учёбы нужно было выезжать в Троицкую школу-интернат. Интернат же у родителей отождествлялся с детским домом. Такого они не допускали и в мыслях. Что значило отправить ребёнка в чужое село, в чужие люди, лишив родительской опеки, ласки и заботы? Это значит потерять покой, денно и ночью думать об оторванных от дома детях: как они там – сыты ли, не обижены ли?

Собственно, вопрос заключался не в том, переезжать или не переезжать из обжитого, полюбившегося отцу

места. Конечно, переезжать, выбора не оставалось. Но – куда переезжать? Помню, как по вечерам отец с мамой обсуждали этот непростой для них вопрос, искали варианты. Определяющим в выборе, как ни крути, был вопрос трудоустройства...

Ещё в 1962-м вдоль строящейся железной дороги Ивдель – Обь по мере её продвижения к Оби возникли леспромхозы Пионерский, Комсомольский, в Кондинском районе – Сосновский (в Болчарах), в 1963-м – Советский, Зеленоборский, Малиновский в Советском же районе, ставшем в 1960-х флагманом лесной промышленности округа.

Но с начала 1960-х всё чаще разговоры наших родителей сводились к теме «большой нефти». В июне 1960-го дала первую в Западной Сибири нефть скважина Р-6 близ Шаима, пробуренная бригадой Семёна Урусова...

В марте 1961-го нефтегазоразведчики тогда ещё малоизвестного Фармана Салманова получили мощный фонтан на Мегионской скважине Р-1. В октябре того же года ещё более громко заставила говорить о себе Усть-Балыкская скважина Р-62 Нажмидена Жумажанова...

В феврале 1963-го в районе посёлка Берёзово вступил в действие первый северный газопровод.

В мае 1964-го скважина № 80 дала первую промышленную нефть в прогремевшем на весь мир Усть-Балыке, а через неделю оттуда на Омский нефтеперерабатывающий завод отчалил пароход «Капитан» с первыми нефтеналивными баржами. Пошли танкеры из Мегиона и Шаима. Начиналось сооружение первых магистральных нефтетрубопроводов Шаим – Тюмень и Усть-Балык – Омск, газопровода Игрим – Серов.

Осенью в селе Горнофилинском, вскоре переименованном в честь газеты «Правда» в Горноправдинск, была создана нефтегазоразведочная экспедиция глубокого бурения Фармана Салманова, а в конце года скважина Р-51 дала первую нефть Правдинского месторождения, в два раза превысившего знаменитое Усть-Балыкское. В декабре было открыто Салымское месторождение, названное газетой «Известия» «Тюменской жемчужиной в нефтяной

короне страны». В том же году в обкоме партии был организован отдел нефтяной, газовой промышленности и геологии. Ко времени открытия Правдинской нефти на Ямале и в Югре было разведано 21 газовое и 17 нефтяных месторождений...

В сентябре 1964-го Самаровский район переименовали в Ханты-Мансийский. К 1964 году в округе построили 11 новых посёлков лесозаготовителей и геологов. Население округа составило 165 тысяч человек, но патриархальный Ханты-Мансийск всё ещё оставался единственным в округе городом...

Никто из сеульской детворы ещё не знал, что такое «большая нефть», но все догадывались: на глазах разворачивается нечто грандиозное, что непременно войдёт в историю и внесёт в нашу жизнь большие перемены. «Большая нефть» в моём воображении рисовалась почему-то эдакой одушевлённой тягучей жёлтой массой, подобно сказочному джинну выползающей из продырявленной земли...

О первой нефти и нефтяниках не переставало вещать радио, писалось в газетах. На новостройках требовались люди разных профессий. Было из чего выбрать, но решение вызревало трудно.

Для переезда и обустройства в будущем году требовались деньги. Отец брался за любую работу. С января по май 1964-го понадобилось заменить ушедшую в декретный отпуск сторожа ГСМ и мехпарка, подвозившую воду для тракторов и автомашин с графиком дежурства с 5 часов вечера до 12 ночи. Приказом Кальдикова на эту ставку была назначена мама, но понятно, что дежурил за неё отец. И это при том, что целодневная беготня по хозяйству к вечеру валила с ног. С мая он взвалил на себя и обязанности заведующего конным обозом. А когда уходившая в декретный отпуск сторож ГСМ и механического парка по истечении отпуска уволилась, так и не приступив к обязанностям, отец обязался «следить за сохранением ГСМ с оплатой 50% ставки сторожа». По вечерам, порой до поздней ночи он подрабатывал и в кузнице. В июне 1964-го в очередной раз отказался от использования очередного отпуска в пользу компенсации. Цеховой комитет разрешил.

7. «Папка, не умирай!»

*...Кончился жизни круг.
Как он спокойно лежал...
Так и казалось, вдруг
Скажет: «Всё, убежал!»*

Александр Губанов

Отец всё чаще сидел за столом с обвязанной сырым полотенцем головой хмурый и неразговорчивый. Теперь-то я понимаю, что зашкаливало давление... А рабочие «наседали». Заинтересованные в том, чтобы наряды были «закрыты получше», вечером они один по одному заходили к нам. Без ознакомительных подписей наряды к оплате не принимались. Рабочие, как правило, соглашались с объёмами зафиксированных отцом выполненных работ. В особой тетрадке – отец постоянно носил её с собою во внутреннем кармане пиджака, он вёл ежедневный первичный учёт на каждого работника. Тут споров не возникало. Как не возникало и сомнений в правильности применённых расценок: отец выписывал их из какого-то толстого растрёпанного справочника. Но, не оспаривая объёмов, соглашаясь с расценками, рабочие тем не менее часто бывали недовольны суммой начисленного заработка...

– Ты чё, Иван Ефимыч, и это вся зарплата? – возмушался, помню, подвозчик воды к общественной бане, уволенный вскоре за пьянку и прогулы.

– Сколько наработал! – подтверждал отец.

– А семью на чё кормить?

– Об этом думать тебе полагается! Давай-ка вместе посчитаем. Сколько бочек в субботу в баню завёз?

– Разве я помню? Сколь надо было, столь и завёз!

– Нет, не «столь, сколь» надо было! Воды в субботу в бане всего на полтора часа хватило! Сколько раз в месяц топлена баня? Всего четыре раза. Вместо двенадцати бань!

– Я, чё ли, виноват, что баньщица филонит? Я-то тут причём? Мне семью кормить! Не обижай, Ефимыч!

– Я в прошлом месяце о чём тебя просил? Распилить лесины возле бани, поколоть да сложить! Где твоя поленница? Дожили – в лесопункте баню топить нечем!

– Так ведь... ты чё, Иван Ефимыч? Чё ты не напомнил-то? Трудно, чё ли, мне? Взял бы да и распил! Делов-то! Завтра ж распилю!

– Последний раз пишу почасовую, – шёл на уступку отец, – учти, больше не пройдёт. Как потопашь, так и полопашь, безо всяких «чё ты»!

Как сейчас, гляжу на серую, плотную, шершавую бумагу, разграфлённую вдоль и поперёк, исписанную отцовым крупным, своеобразным почерком: бледно-фиолетовые и лиловые буквы из-под обычной перьевой ручки выходили у него с «отрезанными» верхними концами, словно по линейке обрубленными, а чистое место на бумаге обязательно гасилось размашистой, на ширину страницы, нерусской буквой «Z». Мы, дети, с почтением относились к отцовым бумагам. Случалось, находили на улице исписанный листок и несли домой:

– Папка, это не твоя?

Отец мельком взглядывал.

– Нет, не моя, ребятишки, выбросьте в мусор. – Но видно было по глазам, что наше уважение к документу им поощрялось.

Ему давно следовало показаться врачам, подлечиться. Но он и мысли не допускал, чтобы однажды «плюнуть на всё» и поехать в больницу. Даже после случившегося на рыбалке за год до рокового дня сердечного приступа, о чём маме рассказал уже после его смерти бывший напарник. Вероятно, то был первый звонок – микроинфаркт. А может, уже и не первый, кто знает. Тогда он «переморщился»...

В медпункт он обратился лишь однажды. Когда запустил ангину и уже не мог не только есть, но уже и дышать. Перепуганная медичка вызвала вертолёт, и отца увезли в Ханты-Мансийск на операцию.

Не помню, чтобы в доме имелись какие-то лекарства – таблетки, капли. Больной зуб себе и маме лечил током магнето. Медпункт же в Сеуле работал время от времени.

Медички (фельдшерицы) приезжали в лесопункт, месяца два чем-то занимались (запомнились прививки в школе), затем вдруг спешно увольнялись, и на двери медпункта месяцами висел замок. По отчётности органов здравоохранения можно составить ясную картину: в 1962 году «на 225 врачебных должностях работали 135 человек. За предыдущие три года в округ прибыли 77 врачей, а выбыл, в основном по окончании трудового договора, 81. Не хватало и средних медицинских работников, из-за чего в округе было закрыто 44 медпункта» (Югра: 75 ступеней вверх. – Там же. – С. 116).

В ночь на 12 февраля 1965-го (мы уже были в постелях) в сенцах неожиданно брякнул крючок, скрипнула дверь... Мама спешно встала, зажгла керосиновую лампу. Поднялся и отец. В дом вошёл среднего роста мужчина в огромном полушубке, с чёрным пузатым портфелем под мышкой...

– Васюня, где мой диван?!

Мама всплеснула руками:

– Господи, Иван Палыч! Напугали вы нас! Раскладушка-то на месте, а вы откуда так поздно?

– Только что с обозом прибыл.

– А в сенцах как же дверь с крючка открыли?

– А что ваш крючок? Сунул расчёску в зазор, приподнял да сбросил с петли. На запорах, называется, сидите! Выговор тебе, Иван Ефимович!

– Да от кого нам запираяться? – буркнул в оправдание отец.

Иван Павлович сбросил тяжёлый полушубок и оказался в строгом чёрном костюме.

– Ставь, мать, чайник, – сказал отец. – Околел наш гость в дороге...

– От стакана кипятка не откажусь!

– Дядя Ваня приехал! – проснувшись, зашущукались мы в постелях. В каждый свой приезд дядя Ваня обязательно одаривал всех четверых гостинчиками...

– А вы спите, спите – в школу завтра рано! – прищипнула мама...

Прибывший с конным обозом из Ханты-Мансийска то ли на очередную ревизию, то ли по каким-то иным торго-

вым делам ревизор ОРСа Иван Павлович Карандашов по старой дружбе остановился, как всегда, у нас, хотя отец уже не работал в ОРСе. Сколько помню себя в Сеуле, постоянно в нашем доме квартировали какие-то заезжие люди, но дядя Ваня (Иван Павлович) с его обязательными гостинчиками был для нас самым желанным. Его личный «диван» – раскладушка – всегда стоял за печью...

В восстановленном историками перечне семей – выходцев из Олонецкого, Вологодского, Пермского краёв, положивших начало русским старожильческим родам села Самарова, значатся и Карандашёвы (Карандышевы), и, в частности, «Петрушка Карандашев», который «проживал в Самаровском яме с 1656 года».

На самом же деле упомянутый Петрушка проживал в Самаровском яме и до 1656-го. Авторами книги «Со времён князя Самара...» в качестве доказательства факта «прописки» в Самаровском яме Карандашева Петрушки приведена выписка из документа Сибирского приказа (кн. № 328) о «сборе десятой деньги», датированного 1656 годом, приведённого Хрисанфом Лопаревым в документальной части своего «Самарова» и уже цитированного мною в предыдущей части в главе о Майке. В выписке действительно содержится запись о том, что «съ ямскихъ охотниковъ, по окладу Кирилка Шаламова съ товарищи и по ихъ сказкамъ», в том числе «съ Петрушки Карандашова съ 7 рублей взято 23 алтына 2 деньги» (Самарово... – Там же. – С. 150). Но в документе содержится всего лишь первое упоминание о Петрушке, отнюдь не означающее, что ямщик именно в этом году поселился в Самарово.

И не только Петрушка, а и «Афонька Карандашев – ямщик Самаровского яма», в 1667-м давший показания о том, что «будучи де на Самаровском яму на приказе, Афонасий Ушаков виномъ и пивомъ и инымъ всякимъ хмельнымъ питьёмъ всякихъ чиновъ людей и его, Сеньку, въ продажу не паиваль, а вино курилъ и пиво варилъ (Лопарев Х.М. Самарово... – Там же. – С. 152). У Лопарева упоминается и «ямщик Василий Карандашев», который в 1808 году совместно с Егором Корепановым «вызвался отправлять

гоньбу Самаровского почтового отделения» (Самарово... – Там же. – С. 40). Как видим, начиная с года первого упоминания Петрушки по 1808-й включительно все упомянутые Карандашевы служили ямскими охотниками и ямщиками...

Но уже с 1808 года бывшие ямщики Карандашевы всё чаще фигурируют в документах как деловые люди. По регистру, учинённому в августе 1808-го в Самаровском волостном правлении (в публикации Лопарева) «кто именно на построение вместо приходящей въ ветхость деревянной вновь каменной Самаровской Покровской церкви прихожена согласились взнести суммы, какое количество значить подь симъ», видим, что наибольшие суммы (по 100 рублей) внесли два человека – Пётр Карандашев да Иван Оленёв (Самарово... – Там же. – С. 198-199). 100 рублей по тем временам – немалые деньги: «...За 72 рубля можно было приобрести целую усадьбу из дома, амбара, стайки, сенника и огородного места» (Альбина Глухих. Новости Югры. – 2007, 16-22 августа). По регистру в числе Карандашевых значились ещё Михайло Карандашев и Пётр Петров Карандашев – вероятно, сын благотворителя.

Описывая «контрактную сторону» жизни Самарова, Лопарев привёл любопытный факт: «Пестряковы подрядились у Карандашева быть въ судовой работе до Тобольска за 16 рублей», а «Игн. Корепановъ занял у П. Карандашева 14 р. 60 к., съ обязательствомъ или уплатить ихъ, или служить у него в работникахъ съ 14 ноября 1808 года до Пасхи следующего года» (Самарово... – Там же. – С. 42). Запись о судовой работе Пестряковых у Карандашевых означает, что последние стали владельцами какого-то судна или обычного каюка, для которого купцы также нанимали гребцов. В любом случае, похоже, Карандашевы завязали торговые отношения с Тобольском.

Так это или не так, но в 1819-м уже сам «А.П. Карандашев занял у Тобольскаго мещанина Гр. Т. Штиникова 128 р. съ обязательствомъ уплаты по срокамъ» (Лопарев Х.М. Самарово... – Там же. – С. 46). Надо полагать, не на карманные расходы, а на расширение дела...

И, наконец, Лопарев опубликовал так называемое «увольнительное свидетельство», согласно которому 11 июля 1882 года «крестьяне села Самарово дали сей приговор крестьянину одного с ними села Хрисанфу Нефедовичу Лопареву, окончившему в настоящем году полный курс учения в Тобольской губернской гимназии и желающему поступить для продолжения образования въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведений, в том, что мы, увольняя его, Лопарева, изъ среды своего сельскаго общества навсегда, не имеем за симъ никакихъ препятствий къ продолженію имъ дальнейшаго высшаго образования и поступления затемъ на коронную службу...» (Самарово... – Там же. – С. 205-206). Среди крестьян, подписавших «увольнительную» на учёбу будущему «златоцвету земли Югорской», был и Фёдор Карандашев – прадед нашего сеульского гостя...

Такова предыстория рода Карандашевых.

А с приходом советской власти началась «история»...

Журналистка Альбина Глухих в описании старого Ханты-Мансийска привела следующие сведения: «Чуть дальше (на Барабе – Н.К.) – очень старый дом... Дом сложен основательно – из толстых сухих брёвен. Двухстворчатые двери, лестница, ведущая в комнаты. В моём детстве он был очень красив, тогда казалось – величествен. До революции его построил Павел Карандашов... Павел имел десять детей и, несмотря на многодетность, в бедняках не числился. Его хотели, было, раскулачить, отобрать нажитое, выслать за пределы Самарова. Заступился за Карандашова красный партизан Иван Чукреев, бывший у власти после победы красных» (Новости Югры. – 2007, 1-7 марта). Кстати, участник гражданской войны на Обском севере Иван Чукреев – отец известного писателя Ванцетти Чукреева – из такого же древнего самаровского рода...

Иван Павлович – один из десяти детей чудом уцелевшего от раскулачивания Павла Фёдоровича Карандашова. Непросто сложилась его жизнь: «Он (Иван Павлович – Н.К.) ушёл на фронт, оставив дома жену Софью с ребёнком. Работала она в столовой. Однажды, когда принимала товар на пристани, кто-то утащил ящик спиртного. Воров не на-

шли. Суд был скорым: Софья Георгиевна подлежит тюремному заключению на пять лет. Муж с фронта ещё не вернулся, и сына отправили к бабушке Анне в деревню Каму Кондинского района. Иван Павлович демобилизовался в 1947 году и забрал Колю к себе, но когда жена возвратилась из заключения, семья Карандашовых распалась. Софья Георгиевна впоследствии вышла замуж за Дмитрия Георгиевича Дворникова и была с ним счастлива. Николай и дети от второго брака дружили...» (Альбина Глухих. Новости Югры. – 2007, 16-22 августа).

В 1950-1960-е годы Иван Павлович работал в ОРСе Ханты-Мансийского леспромхоза заведующим базами, товароведом, инспектором по торговле и общественному питанию, бухгалтером-ревизором. Приходилось постоянно разъезжать по торговым отделениям, закупать товары в Омске и Тюмени. С одной из его сестёр, Галиной Павловной, мои родители были знакомы по Нялино, где она работала ночной нянечкой, а затем поваром в детдоме. С Карандашовым же отец сдружился ещё в Трудовике. Вторую жену Ивана Павловича звали, помнится, Марией Карповной, она работала медсестрой в окружной больнице, и в 1953-м была награждена орденом Трудового Красного Знамени...

Иван Павлович приехал в ночь на 12 февраля. К вечеру того же дня по радио прошло сообщение: комплекс работ по освоению нефтяных и газовых месторождений Тюменской области объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Эта новость и стала предметом обсуждения отца и нашего гостя. Запала в память отца фраза:

– Всё перепашут... «Караул» закричим!

Я по-детски пытался вникнуть в смысл этой фразы, представляя перепашанными берег, лес, болото, огород...

Помню разговор о наградах... Думаю, речь шла о наградах отца. В начале 1965-го вышло постановление о всенародном праздновании 9 Мая. Именно выход этого постановления стал поводом к хлопотам отца о судьбе своих

фронтowych наград. Он написал запрос или даже несколько запросов по разным военкоматам (какие-то разговоры об этом с мамой велись), но получил ли от кого-то ответ, не знаю. До своего главного праздника – Дня Победы отцу не довелось дожить всего каких-то трёх месяцев...

Утром 13 февраля отец поднялся раньше обычного. Иван Павлович ещё спал на своём «диване» в кухне...

– Что так рано? – шёпотом спросила мама.

– Сердце что-то давит, – поморщился отец, – пойду глотну воды холодной...

Выпил воды и стал одеваться.

– Куда в такую рань? Поспал бы немножко ещё...

– Чего вылёживаться? Схожу пораньше, раз поднялся.

Всё ещё морщась от боли, оделся и обулся...

Мама встревожилась.

– Не ходил бы ты сегодня на работу, раз плохо себя чувствуешь...

– Да нет, схожу тут ненадолго, к завтраку вернусь...

Он надел «москвичку», сунул в карман распечатанную пачку папирос «Красная звезда», коробок спичек, шагнул к порогу и... упал.

Я видел, как упал отец. Ни охнув, ни вскрикнув, не проронив ни слова... Как подрубленный.

Дико закричала мама...

Закричали, испугавшись, мы...

В трусах и майке выбежал из кухни Иван Павлович. Подбежал к отцу, склонился...

– Бегите за медичкой! Кто-нибудь! Быстрее! – Иван Павлович снял с отца «москвичку» и, кажется, стал делать искусственное дыхание...

– Иван! Иван! – кричала мама. – Иван, открой глаза!

Перепуганные, плакали братишки и сестра...

Я не видел, что было дальше... Крик Карандашова: «Быстрее! Кто-нибудь!» подтолкнул меня. Натянув штанишки, всунув ноги в валенки, набросив фуфайку, я со слезами кинулся из дома...

– Папочка, родной, не умирай! Папка, потерпи!..

Я мчался по безлюдному в ранний час посёлку в сторону медпункта, ещё не зная, что он на замке, что медички в лесопункте нет...

У закрытого медпункта меня остановила фронтовичка тётя Маша Казакова.

– Ты чего ревёшь-то? Что у вас случилось?

– Папка умирает!

– Что с ним?!

– Не знаю. Он упал...

– Сердце? Да, наверно, сердце! Подожди минутку – валидолу дам! – тётя Маша скрылась во дворе. Через несколько томительных, тягостных минут, показавшихся мне вечностью, вынесла флакончик с несколькими крупными белыми таблетками...

– Беги! Таблетку под язык!

...Отец умер в 8.30 утра в пятницу 13 февраля 1965-го от кровоизлияния в мозг.

В тот же день в лесопункте был издан приказ № 5:

«Коняева Ивана Ефимовича из Сеульского ЛЗУ отчислить ввиду преждевременной смерти»...

Не знаю, как в Майке, но в Сеуле на моей памяти ни один не умер «своей смертью». Помню, утонул рабочий Лебедев. Его труп искали долго в пределах рек Большой и Малой Горной. При переправе лошадей через курью Яхоре утонул конюх Озеров. Зимой 1964-го в деляне «сыгравшей» в падении сосной убило пильщика Василия Гребенникова – отца пятерых детей. Люди гибли в основном в результате несчастных случаев. Умирали «не своей смертью». Но как нелепо звучит: «отец умер своей смертью» на сорок пятом году жизни...

Телеграмма, отправленная в Омск старшему брату Егору, адресата не застала. Егор Ефимович в ту пору находился в пике кризиса семейной драмы, разрешившейся разводом. Оставив с матерью двух дочерей (с двоюродными сёстрами довелось познакомиться в 2005 году), он выехал из Омска в неизвестном направлении.

Из Кам-Курска же на похороны выехали мамин сродный брат Егор Гаврилович (наш дядя Гоша Вижевитов) и муж нашей тёти Нины Анатолий Иванович (дядя Толя

Ячменёв). Из Омска через Тюмень приехали в Ханты-Мансийск, а в Ханты-Мансийске застряли. В Сеуль добрались почти через неделю «верёвочкой» через Луговской, Троицу и Матку... Почти неделю гроб с телом отца стоял в неотапливаемом клубе. За всю неделю верный Пудик не отошёл от дверей клуба...

Ни ОРСовские обозники, ни Иван Павлович Карандашов – низкий поклон им за это! – не оставили нас наедине с бедой. Когда наша семья в июне прибыла в Ханты-Мансийск, несколько дней в ожидании теплохода на Омск провела в гостеприимном доме Карандашовых по переулку Сибирскому. Иван Павлович, его жена Мария Карповна и двое их сыновей окружили нас заботой и вниманием. Как я понимаю бывшую жительницу посёлка Лиственничный Кондинского района Нину Сондыкову:

– Вспоминая 1950-1960-е годы, я всё чаще думаю о том, что те люди, бедные, нищие, были намного богаче нас душевным теплом, порядочнее и честнее...

После похорон отца мы знали уже точно: летом едем на мамину родину. В деревню Кам-Курск Омской области...

В мае мама уволилась. Сдала обе коровы, продала отцову лодку и мотор. В июне первой самоходкой уезжали...

Мы стояли на задней площадке и смотрели на удаляющийся лесоучасток. С берега долго не расходились провожатые. Кто-то, как флажком, махал нам белым платочком, а мама тихо плакала... Мы не понимали, отчего. Мы, как обычно, радовались предстоящему путешествию на белом, большом, как город, теплоходе. Мы ехали на мамину родину, где, по её рассказам, не ловят рыбу, не охотятся на зверя, не заготавливают лес, а выращивают хлеб. Мы ещё не знали, как выращивается хлеб. Оказывается, он растёт не булками, а зёрнами в колосьях. Это так интересно увидеть своими глазами!

– Пудик! – сдавленно вскрикнул кто-то...

Перед отъездом мама подарила Пудика одному из ягурьяховских охотников по фамилии Загваздин, знавшего толк в сибирских лайках.

Наш любимый Пудик догонял самоходку по левому берегу Сеульской. В ошейнике, с оборванным поводком.

Мчался, перемахивая через валёжины, карчи, выброшенные на берег топляки. Догонял и снова отставал, обегая топкие места и песчаные косы...

– Пудик, вернись! – крикнула мама.

Заплакала Люда:

– Пудик, вернись!

Безутешно плакали я и братишки...

Пудик не верил в предательство. Поравнявшись с самоходкой, он приседал на берегу и ждал...

– Да уйдите же в каюту, чёрт возьми! – в сердцах закричал капитан. – Он будет бежать до тех пор, пока видит вас!

Р.С. Наиболее дальновидные, а возможно, заблаговременно проинформированные семейные подыскивали новые места жительства путём переписки с руководством возникших повсеместно молодых леспромхозов и первых нефтепромыслов...

Каких-либо существенных кадровых перестановок заступивший в 1965-м исполняющим обязанности начальника Владимир Николаевич Картузов уже не предпринимал. Разве что «в целях привлечения широких масс трудящихся...» создал добровольную пожарную дружину в составе 7 человек под руководством Николая Поликарповича Ключко да «в связи с отсутствием почтового отделения в Тавотьяхе» обязал того же Ключко доставлять туда почту, а в «целях усиления воспитательной работы» распорядился «оживить работу красного уголка» путём «проведения художественной самодеятельности, лекций, докладов, вечеров вопросов и ответов, чествований передовиков производства». Однако от его распоряжений красные уголки не оживлялись, «оживлять» необходимо было воспитателя-завхоза Чемоданова.

Картузов был отменным механиком, «тракторных дел мастером», но в должности начальника не смог или не захотел организовать людей, зажечь и увлечь, а при необходимости и заставить так, как мог это сделать Кальдинов. В результате 1965 год истек с плачевными для лесопункта результатами: план 10 месяцев был провален по всем ста-

тъям... В традиционном праздничном приказе от 6 ноября Владимир Николаевич тем не менее докладывал: «Коллектив Сеульского лесопункта идёт вместе со всеми трудящимися Союза Советских Социалистических Республик и вносит свою посильную лепту в дело построения коммунистического общества... Мы, товарищи, могли выполнить свой план, но мы его не выполнили... Это не снимает с нас ответственности... Мы должны до 1 января 1966 года ликвидировать задолженность и включиться в социалистическое соревнование за достойную встречу XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза...».

К «достойной встрече» грядущего съезда стремился не только лесопункт, но и весь леспромхоз, весь рабочий национальный округ. В 1965-м объём лесозаготовок в округе составил 1670 тысяч кубометров – на 425 тысяч больше достигнутого в 1960-м...

С 10 января 1966-го Картузов по личной просьбе вновь был переведён на место старшего механика, а последним начальником Сеульского лесопункта переводом из Елизаровского леспромхоза назначили Бориса Ивановича Бушмелёва.

Летом 1966-го, через год после отъезда нашей семьи в Омскую область, в Ханты-Мансийском районе случилось одно из сильнейших за всю его историю наводнений, повлекшее не только серьёзные разрушения, но и человеческие жертвы.

Весь июль и август лесопункт стоял под водой. В домах, расположенных на возвышенностях, проживало по 5 и более семей. Большинство же спасалось на крышах и чердаках. Вода унесла в Обь и разметала по берегам проток остатки прошлогоднего сена и дров, погибла почти вся живность, которую хозяева не успели или не сумели вывезти на гору; в квартирах пришла в негодность мебель и зимняя одежда; сгнили в огородах овощи. Луга стояли под водой до самой осени, что не позволило вовремя накопить сена на предстоящую зиму даже для леспромхозовских лошадей. Уцелевших коров пришлось сдать на забой. Необходимых в работе лошадей надеялись прокормить нарубленным талом да привозным сеном.

Вместо того, чтобы помочь людям выкарабкаться из труднейшей ситуации, руководство ОРСа леспромхоза не поторопилось завезти в лесопункт в достаточном количестве хотя бы товаров первой необходимости. Уже в ноябре 1966-го на прилавках магазинов Сеуля и Тавотьяха было шаром покати.

После наводнения, полагаю, перед руководством леспромхоза остро стал вопрос о целесообразности дальнейшей эксплуатации и без того порядком прореженных лесов Сеульского массива.

Из деревень и посёлков Троицкого сельсовета начался отток. На 1 июня 1967-го практически обезлюдели деревни Востыхой (здесь оставалось 17 дворов, 77 жителей) и Матка (18 дворов, 51 житель). В Сеуле насчитывалось 46 дворов со 167 жителями. И лишь в Ягурьяхе, в котором процветало Сеульское промохототделение Ханты-Мансийского коопзверопромхоза, ощущалась некоторая стабильность.

В 1967-м «в связи с истощением сырьевой базы» было принято решение о ликвидации мастерского участка Тавотьях. На 1 июня 1967 года там, по данным переписи, оставалось 33 двора, (118 жителей)...

– Жители были ошарашены неожиданным известием, свалившемся, как снег на голову, – рассказывал Владимир Найда – один из сыновей известного в Тавотьяхе лесозаготовителя, ныне – старейшего жителя Ягурьяха Владимира Кузьмича. – Люди за десятилетие прижились, обзавелись хозяйством, нарожали детей, одним словом, пустили корни и уже не думали об отъезде на родину. Увы, судьбы народа и населённых пунктов зависят не от их желания и воли, а от решений «сверху». Весной 1967 года на баржах, как сталинские изгои, люди со слезами на глазах покидали свой участок. К середине лета посёлок опустел. Только пост Ханты-Мансийской гидрометобсерватории долго ещё нёс свою вахту, отапливаясь брошенными домами. Время бессильно стертеть с высоких берегов реки тропы, протоптанные за десятилетие сплавщиками, пешим порядком сопровождавших плоты из Тавотьяха вниз по течению к Рейду...

В 1968 году та же участь постигла Сеуль...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Извлечение корней

1. «Коняйщина»	6
2. Тарский период	15
3. По тракту... ..	32
4. Прадед Аким Фёдорович и прабабушка Елена Федосеевна	42
5. Дед Ефим Васильевич и бабушка Алёна Афиногеновна	47
6. Дед Егор Акимович и бабушка Марфа Ивановна	51
7. Отец (<i>неоконченная глава</i>)	61
8. Мама	75
9. Последний побег	83

Часть вторая

Нялинская колыбель

1. От «йуров» до Ермака	92
2. От Самаровского яма до Самаровской волости	108
3. От Киселёвых до «опасных элементов»	120
4. Кулаки-основатели	146
5. Всё для фронта. Всё для Победы.	171
6. Рыбный фронт и новые «фронтвики»	184
7. Промысел «Трудовик»	205
8. «Трудовик» – Усть-Назым	217
9. Нялино послевоенное	234
10. Детдом № 78	246

Часть третья
Меж двух берегов

1. Село Конёво	270
2. Остановка «Конёвская»	282
3. Поклон исчезнувшей деревне	292
4. Местные жители (Рассказ-приложение к предыдущей главе)	312
5. На родине дедов	340
6. Самаровская индустриализация	354
7. Юрты Апринские – юрты Майковские – деревня Майка – лесоучасток Майковский.....	374
8. Майковские будни. Мога Венго	389
9. «Неблагодёжный»	408

Часть четвёртая
Сеульская Атлантида

1. Ни лесом единым.....	422
2. Лесопункт. Первое десятилетие.....	442
3. Рейд. 1960-й.....	454
4. 1961-й. Дубровин.....	468
5. Киномеханик Медведев, Чемоданов и Чапай	482
6. От Недогибченко до «Перегибченко».....	499
7. «Папка, не умирай!»	516

Автор выражает глубокую признательность за помощь в сборе материалов сотрудникам архивов Большереченского и Муромцевского районов Омской области, города Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского района, Департамента образования и науки, Государственного архива автономного округа – Югры, Центрального архива Министерства обороны России;

сердечную благодарность

- писателям Павлу Брычкову, Новомиру Патрикееву, Ивану Петрову;
- краеведам Валерию Белобородову, Людмиле Завьяловой, Василию Коневу, Юрию Коневу, Алексею Коровину, Александру Петрушину, Галине Помаскиной, Татьяне Пуртовой, Владимиру Струсь;
- журналистам Альбине Болотовой, Елене Борданенко, Альбине Глухих, Виталию Копнову, Джульетте Морозовой, Валентине Патрановой, Светлане Поливановой, Александру Ребякину, Лилии Цареградской, чьи газетные и журнальные публикации очень помогли в работе над книгой,
- а также многочисленным землякам, друзьям, родственникам, поделившимся своими воспоминаниями.

Особая признательность – сестре Стрелок Людмиле Ивановне.

Литературно-художественное издание

Николай Коняев

Моя нечаянная Родина

Выпускающий редактор Т.Ю. Усманова
Технический редактор Е.В. Герасименко
Оператор верстки А.В. Чукомин
Корректор Т.В. Соловьева
Дизайн обложки Н.А. Переверзева

Оригинал-макет, верстка, цветodelение обложки и печать
выполнены ОАО «Полиграфист».

Подписано в печать 16.10.2008 г. Формат 84x108/32. Бумага ВХИ.
Гарнитура PetersburgC. Печать офсетная. Усл. п.л. 28,14.
Тираж 1500 экз. Заказ № 5479.

ОАО «Полиграфист»
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел.: 3-29-84, 3-49-91.
E-mail: polygraf@wsmail.ru

От автора

Нельзя жить прошлым. В одну и ту же реку невозможно войти дважды. Но без оглядки на прошлое ни на шаг не продвинуться к будущему. Без вдумчивой, трезво сверяющей намеченные ориентиры с пройденными вехами, а не бездумно отрицающей, вечно сбрасывающей кого-то или что-то с «корабля современности» неизлечимо большевистской оглядки, ибо на слепом, упрямом продвижении к «великим целям», будь то «светлое общество коммунизма» или же осяянное ореолом благоденствия «рыночное завтра», умудряемся наступать на одни и те же отполированные нашими чугунными лбами русские грабли.

В жизни каждого человека рано или поздно наступает период, когда не оглянуться невозможно. В год своего золотого юбилея оглянулся и я. И с горечью увидел: не только о предках, но и о дедах, о родителях своих, о малой родине своей да и о себе самом ничего-то толком я не знаю...

Я не ставлю себе целью «выращивание» генеалогического древа. Хочу всего лишь в меру сил и возможностей заполнить многочисленные пробелы в книге судеб самых близких мне людей и белые пятна, образовавшиеся в моей личной биографии уже с «титального листа». С начала начал.